

ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

The Journal of MGIMO-University

Москва

№4(31) 2013

Moscow

Главный редактор:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО(У) МИД России.

Заместитель главного редактора:

Подберезкин А.И. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Богатуров А.Д. – доктор политических наук, профессор (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор университета Мидл Теннеси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лукин В.П. – уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО(У) МИД России.

Мионов С.М. – руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе Российской Федерации VI созыва (Россия).

Нарышкин С.Е. – председатель Государственной Думы Российской Федерации VI созыва (Россия).

Пивоваров Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Подберезкин А.И. – проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Примаков Е.М. – академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – Заместитель Председателя правительства Российской Федерации – Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – директор Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Серегин А.В. – ответственный секретарь Бюро редакционно-издательского совета МГИМО(У) МИД России (Россия).

Степашин С.В. – председатель Счетной палаты Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Россия).

Титаренко М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН (Россия).

Чубарьян А.О. – директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Научный совет:

Алексеева Т.А. – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО(У) МИД России.

Булатов Ю.А. – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений МГИМО(У) МИД России.

Воскресенский А.Д. – доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии МГИМО(У) МИД России.

Гладков Г.И. – кандидат педагогических наук, профессор, начальник управления языковой подготовки и Болонского процесса МГИМО(У) МИД России.

Енгибарян Р.В. – доктор юридических наук, профессор, директор Международного института управления МГИМО(У) МИД России.

Ильин М.В. – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России.

Кириллов В.Б. – кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе МГИМО(У) МИД России.

Кравченко С.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.

Легойда В.Р. – кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики, главный редактор журнала "Фома", председатель Синодального информационного отдела Московского патриархата.

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов России МГИМО(У) МИД России.

Наринский М.М. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

Ноздрева Р.Б. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга МГИМО(У) МИД России.

Орлов А.А. – кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО(У) МИД России.

Платонова И.Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой МЭО и ВЭС МГИМО(У) МИД России.

Салыгин В.И. – доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО(У) МИД России.

Скворцов Я.Л. – кандидат социологических наук, доцент, декан факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России.

Толстомяntenko Г.П. – доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета МГИМО(У) МИД России.

Уколова В.И. – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Энтин М.Л. – доктор юридических наук, профессор.

Юлдашев Р.Т. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления рисками и страхования МГИМО(У) МИД России.

Редколлегия:

Мунтян М.А. – доктор исторических наук, профессор, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета».

Большова Н.Н. – кандидат политических наук, начальник управления научной политики МГИМО(У) МИД России.

Вишняков Я.В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Иванов Н.В. – доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков МГИМО(У) МИД России.

Коннов В.И. – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России.

Кравченко С.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.

Малиновский А.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО(У) МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Ручкин Г.Р. – директор издательства «МГИМО-Университет».

Свищев А.В. – кандидат экономических наук, доцент, декан факультета прикладной экономики и коммерции МГИМО(У) МИД России.

Столбов М.И. – доктор экономических наук, зам. декана факультета прикладной экономики и коммерции.

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, начальник отдела научного планирования, статистики и учета управления научной политики.

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chair of the Editorial Council, Full Member of the Russian Academy of Sciences.

Deputy Editor-in-Chief:

Podberezkin A.I. – Vice Rector for Research Work of MGIMO University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chair of the Editorial Council, Full Member of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Bogaturov A.D. – Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Science at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Emeritus Professor of International Relations, University of Kent (Great Britain).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Kokoshin A.A. – Full Member of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lukin V.P. – Ombudsman for Human Rights in the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Malgin A.V. – Candidate of Political Sciences, Vice Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mironov S.M. – Head of the Parliamentary Party "Just Russia" in the 4th State Duma (Russia).

Naryshkin S.E. – Chairman of the 4th State Duma (Russia).

Pivovarov S.U. – Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Podberezkin A.I. – Vice Rector for Research Work of MGIMO University, Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Primakov E.M. – Full Member of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Prikhodko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation – Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (Great Britain).

Seregin A.V. – Executive Secretary of the Bureau of the Editorial-Review Committee of MGIMO University (Russia).

Stepashin S.V. – Chairman of the Audit Chamber, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia).

Titarenko M.L. – Director of the Institute of Far-East of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Tchubarian A.O. – Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Editorial Board:

Alexeeva T.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Political Theory Department, MGIMO University.

Bulatov Y.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of International Relations Department, MGIMO University.

Voskresensky A.D. – Doctor of Political Sciences, PhD, Professor, Dean of School of Political Sciences, MGIMO University.

Gladkov G.I. – Candidate of Pedagogic Sciences, Professor, Head of Languages and Bologna Process Directorate, MGIMO University.

Engibarian R.V. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Director of International Institute of Administration, MGIMO University.

Il'in M.V. – Doctor of Political Sciences, Professor of Comparative Politics Department, MGIMO University.

Kirillov V.B. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Vice Rector for Academic Work, MGIMO University.

Kravchenko S.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Sociology Department, MGIMO University.

Legoyda V.R. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of International Journalism Department, MGIMO University.

Lebedeva M.M. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of World Politics Department, MGIMO University.

Narinsky M.M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of International Relations and Russian Foreign Policy Department, MGIMO University.

Nozdreva R.B. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Management and Marketing Department, MGIMO University.

Orlov A.A. – Candidate of Historical Sciences, Director of Institute of International Studies, MGIMO University.

Platonova I.N. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of International Economic Relations and Foreign Economic Ties Department, MGIMO University.

Salygin V.I. – Doctor of Engineering Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of International Institute of Energy Policy and Diplomacy, MGIMO University.

Skvortsov Y. L. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Dean of School of International Journalism, MGIMO University.

Tolstopiatenko G.P. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Dean of School of International Law, MGIMO University.

Ukolova V.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of World and Russian History Department, MGIMO University.

Entin M.L. – Doctor of Juridical Sciences, Professor.

Yuldashev R.T. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Risk Management and Insurance Department, MGIMO University.

Editorial Staff:

Muntian M.A. – Editor-in-Charge, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Bolshova N.N. – Candidate of Political Sciences, Head of the Directorate for Research Policy, MGIMO University.

Vishniakov I.V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World and Russian History, MGIMO University.

Ivanov N.V. – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department for Romance Languages, MGIMO University.

Konnov V. I. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Philosophy Department, MGIMO University.

Kravchenko S.A. – Doctor of the Philosophical Sciences, Head of Sociology Department, MGIMO University.

Malinovsky A.A. – Doctor of Juridical Sciences, Professor of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Department, MGIMO University.

Myagkov M.U. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and Russian History Department, MGIMO University.

Ruchkin G.R. – Director of MGIMO University Press.

Svishchev A.V. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the School of Applied Economics and Commerce, MGIMO University.

Stolbov M.I. – Doctor of Economic Sciences, Deputy Dean of the School of Applied Economics and Commerce, MGIMO University.

Kharkevich M.V. – Candidate of Political Sciences, Head of the Office for Research Planning, Statistics And Accountancy of the Directorate for Research Policy, MGIMO University.

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал Вестник МГИМО- Университета 66009 (индекс издания) <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 2px;">количество комплектов</td> <td style="width: 40px; text-align: center; padding: 2px;">1</td> </tr> </table>	количество комплектов	1																					
	количество комплектов	1																						
	На 2013 год по месяцам																							
	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td style="height: 20px;"></td> <td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td> </tr> </table>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12													
Куда (почтовый индекс) (адрес)																								
Кому																								
(фамилия, инициалы)																								

Кому	ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА на журнал 66009 (индекс издания) Вестник МГИМО-Университета <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td style="width: 33%;">ПВ</td> <td style="width: 33%;">место</td> <td style="width: 33%;">литер</td> </tr> </table> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%; padding: 2px;">подписки</td> <td rowspan="2" style="width: 50%; padding: 2px;">Количество комплектов</td> </tr> <tr> <td style="padding: 2px;">переедресовки руб.</td> </tr> </table> 1	ПВ	место	литер	подписки	Количество комплектов	переедресовки руб.
	ПВ	место	литер				
	подписки	Количество комплектов					
	переедресовки руб.						

На 2013 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

| Куда (почтовый индекс) (адрес) |
| Кому |
| (фамилия, инициалы) |

© МГИМО(У) МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 года.

Адрес редакции: 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8(495)433-27-74;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: Vestnik@mgimo.ru

ISSN 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

Дизайн - Немченко Ю.А., корректор - Малышева Н.М., верстка - Волкова Е.А. Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО(У) МИД России. 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тираж 2000 экз. Объем 43,5 усл. п. л. Заказ №652

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Foreign Ministry of the Russian Federation.

Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Foreign Ministry of the Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007.

Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone./fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: Vestnik@mgimo.ru. ISSN 2071 – 8160.

Published by MGIMO University Press.

Number of printed copies 2000.

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Торкунов А.В. Перспективы евразийской экономической интеграции.....	9
Лебедева О.В. Дипломатия Японии в рамках АРФ: некоторые аспекты региональной безопасности....	12
Зонина Т.В. Христианские мыслители Запада о международных отношениях.....	22
Косенко С.И. Генезис и эволюция культурной дипломатии Франции на протяжении эпох	29

Аналитика Института международных исследований

Артюшкин В.Ф. Перспективы второй волны глобального финансово-экономического кризиса.....	38
Крылов А.В. Роль религиозного фактора в «арабской весне».....	43
Боришполец К.П., Чернявский С.И. О перспективах интеграционного выбора Украины.	52

Европейские исследования в МГИМО

Бутурин О.В., Кавешников Н.Ю. К 10-летию кафедры европейской интеграции.	59
Бутурин О. В. Европейский союз после кризиса: упадок или возрождение?.....	71
Кавешников Н.Ю. Развитие внешней энергетической политики Европейского союза.	82
Кузнецов А.В. Вывоз капитала российскими ТНК: причины доминирования Большой Европы.....	92
Воронков Л.С. О многообразии интеграционных процессов в Европе.	98
Тэвдой-Бурмули А.И. «Велосипедист на болоте»: уроки и перспективы расширения ЕС в XXI в.	106
Цибулина А.Н. Экономический и валютный союзы ЕС: работа над ошибками.....	113

ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКАЯ ОБОРОНА

Дегтерева Е.А. Новый формат международной кооперации США в сфере противоракетной обороны	120
Малов А.Ю. О развитии мер доверия и транспарентности в контексте вызовов и угроз безопасности космической деятельности	127

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Зиновьева Е. С. Международно-политические аспекты развития Интернета.....	135
Сурма И.В. Глобальный наднациональный актор международных отношений и его социальная философия	141
Терин В.П. Интернет – инструмент политического действия.	152
Черкасова В.П. Телевидение и Интернет как каналы формирования политического сознания граждан.....	157

ИСТОРИЯ

Сенявская Е.С. Дальневосточная кампания 1945 г. в сознании советских военнослужащих	165
Орлов А.А. Глубинные исторические корни проблемы национализма и сепаратизма в современной Испании	177

ПОЛИТОЛОГИЯ

Гаман-Голутвина О.В. Мировой опыт реформирования систем государственного управления.....	187
Пономарева Е.Г. Актуальный дискурс о типах и тенденциях развития национального государства	195
Федорченко А.В. Йеменская Республика: преодолевая сепаратистские тенденции	205
Суханов В.А. Коррупция в органах государственной власти как глобальная проблема.....	212
Трачук К.В. Современные исследования проблем энергетической безопасности: теоретические аспекты.....	219
Аватков В.А., Томилова Ю.О. Перспективы становления Турции как ведущего игрока на африканском континенте.	227
Мараш А. Итальянское меньшинство в Истрии: развитие в условиях мультикультурного и полиэтнического пространства	234

ЭКОНОМИКА

Боровский Ю.В. Приватизация российских энергетических активов в международном контексте.	242
Завьялова Е.Б., Линева И.В. Лизинг как форма государственно-частного партнерства	251
Щетинина К.И. Инновации в гостиничном бизнесе: международный и российский опыт.	257

ПРАВО

Касьянов Р.А. Европейский опыт правового регулирования финансовых рынков и возможности его применения в России	267
Панков А.Н. Конституционно-правовое развитие Республики Филиппины	275

СОЦИОЛОГИЯ

Кравченко С.А. Проблемы новых уязвимостей российского общества	282
Носкова А.В. Эволюция семейной политики в Европе: меняющиеся проблемы, приоритеты и практики	291

ФИЛОЛОГИЯ

Иовенко В.А. Национальное мировидение в двуязычной коммуникации	302
Фадеева Л.В. Стилистический потенциал немецкого синтаксиса	312
Федотова О.С. Эксплицитное присутствие автора в тексте англоязычного художественного произведения	317

ПЕДАГОГИКА

Костикова Л.П. Формирование концептуальной картины профессиональной деятельности студентов-международников	323
Цветкова Т.К. Актуальные проблемы лингводидактики: определение целей и задач обучения иностранному языку	328

РЕЦЕНЗИИ

Михеева Л.Ю. «Бальзамом прольются для многих слова...»	333
Протопопова Н.С. Политические трансформации сквозь призму особенностей политических систем и культур	335

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ахтамзян А.А. Международные отношения как предмет науки в XX веке.	339
Лесная Г.М. Международная конференция «Российско-украинские отношения: реалии и перспективы».	343
Шишлова Е.Э. Гендер и политика: парадоксы модернизации.	348

Table of Contents

INTERNATIONAL RELATIONS

Torkunov A.V. The Prospects of Eurasian Economic Integration	9
Lebedeva O.V. Japanese Diplomacy within ASEAN Regional Forum (ARF): Some Aspects of the Regional Security.	12
Zonova T.V. Christian Thinkers on International Relations (Reinhold Niebuhr and Giorgio La Pira)	22
Kossenko S.I. The Genesis and Evolution of the France's Cultural Diplomacy Throughout the Centuries	29

Research Papers of the Institute of International Studies

Artyushkin V.F. On the Possibility of the Second Wave of the Global Financial and Economic Crisis	38
Krylov A.V. The Religious Factor in the «Arab Spring».....	43
Borishpolets K.P., Chernyavskiy S.I. Integration Choices of Ukraine	52

MGIMO European Studies

Butorina O.V., Kaveshnikov N.Y. Ten Years of the MGIMO-University Department of the European Integration Studies	59
Butorina O.V. European Union after the Crisis: Decline or Renaissance?	71
Kaveshnikov N.Y. Development of the External Energy Policy of the European Union	82
Kuznetsov A.V. Export of Capital by Russian TNCs: Dominance of the Big Europe	92
Voronkov L.S. Diversity of Integration Processes in Europe.	98
Tevdoy-Bourmouli A.I. "Cyclist on the Swamp": the Lessons of EU Enlargement in the XXI century.....	106
Tsibulina A.N. The European Economic and Monetary Unions: Fixing the Failures	113

AEROSPACE DEFENCE

Degtereva E.A. European Missile Defense as a New Form of the US International Cooperation on Missile Defense	120
Malov A.Y. On Development of International Trust and Transparency in Dealing with Space Programs Threats and Challenges	127

WORLD POLITICS

Zinovieva E.S. International Politics of the Internet Development	135
Surma I.V. A Global Supranational Actor of International Relations and its Social Philosophy	141
Terin V.P. Internet for Political Action	152
Cherkasova V.P. Television and Internet as Channels of Shaping Public Political Consciousness	157

HISTORY

Senyavskaya E.S. "Let's Restore Historical Justice": Far East Campaign of 1945 in Consciousness of the Soviet Military Personnel.	165
Orlov A.A. Primordial Sources of Nationalism and Separatism in Spain.	177

POLITICAL SCIENCE

Gaman-Golutvina O.V. International Experience of State Governance Reforms	187
Ponomareva E.G. The Current Discourse on Types and Tendencies in Transformation of the National State.	195
Fedorchenko A.V. Republic of Yemen: Overcoming Separatist Trends	205
Sukhanov V.A. Corruption in Government as a Global Problem	212
Trachuk K.V. Contemporary Energy Security Studies: Theoretical Aspects.	219
Avatkov V.A., Tomilova Y.O. The Prospects for Turkey Rising in Africa as a Key Regional Actor	227
Marash A. Italian Minority in Istria: Development in Multicultural and Multi-Ethnic Society	234

ECONOMICS

Borovsky Y.V. Privatization of Russia's energy assets in the international context.	242
Zavvalova E.B., Linev I.V. Leasing as a Form of State-Private Partnership	251
Shchetinina K.I. Innovative Concepts in Hotel Business: International and Russian Experience	257

LAW

Kasyanov R.A. European Experience of Financial Markets Regulation and Opportunities for its Application in Russia	267
Pankov A.N. Constitutional and Legal Development of the Philippine Republic and Features of its 1987 Constitution	275

SOCIOLOGY

Kravchenko S.A. The Problem of the New Vulnerabilities of the Russian Society	282
Noskova A.V. The Evolution of the State Family Policy in European Countries: Changing Issues, Priorities and Practices	291

PHILOLOGY

Iovenko V.A. National Worldview in Bilingual Communication	303
Fadeeva L.V. Stylistic Potential of German Syntax	312
Fedotova O.S. The Author's Explicit Presence in an English Fiction Text	317

PEDAGOGICS

Kostikova L.P. Developing Conceptual Awareness of the Future Profession in the Students of International Relations	323
Tsvetkova T.K. Contemporary Linguodidactics: Defining Goals and Objectives of Foreign Language Teaching	328

BOOK REVIEWS

Mikheyeva L.Y. "Spilling words of balm... soothing many"	333
Protopopova N.S. Political Transformations viewed from a perspective of Political Systems and Political Cultures	335

SCIENTIFIC LIFE

Akhtamzyan A.A. International Relations as an Object of Science in the XX Century	339
Lesnaya G.M. International Conference "Russian-Ukrainian Relations: Realities and Prospects"	343
Shishlova E.Э. Gender and Politics: Paradoxes of Modernization	348

ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

А.В. Торкунов

Статья основана на тезисах выступления ректора МГИМО(У) МИД России, академика РАН Анатолия Васильевича Торкунова на круглом столе Международного форума «Евразийская экономическая перспектива» 12 июня 2013 г. (г. Минск, Белоруссия).

В следующем году исполнится 20 лет появлению в современном международно-политическом дискурсе евразийской идеи. В Московском государственном университете Нурсултан Назарбаев впервые предложил проект формирования Евразийского союза государств. Синергетическим эффектом от последовавших за этим действий по его воплощению в жизнь и стал евразийский интеграционный проект.

Хотел бы констатировать, что евразийская экономическая интеграция в отличие от ряда инициатив, рождаемых во властных структурах, вышла за пределы интересов собственно официальных институтов и стала важнейшей частью дискуссии, ведущейся в российских и международных экспертных и деловых кругах. Таможенный союз и Единое экономическое пространство стали учитываться при рассмотрении стратегических очертаний евразийского континента и мировой экономической системы. Позволю себе остановиться на тех аспектах деятельности Таможенного союза/Единого экономического пространства, прежде всего в его внешнеполитическом и международном сегментах, которые наиболее активно обсуждаются в экспертном сообществе.

Логика евразийского интеграционного проекта изначально учитывает мировой опыт интеграционного строительства, но это не означает, что мы должны полностью следовать сценариям Европейского союза, АСЕАН или объединений американского континента. Это относится в том числе и к срокам, и к скорости продвижения к поставленным нами задачам. Там, где «первопроходцам» из европейских сообществ требовались десятилетия, мы можем ограничиться кратно меньшими сроками – именно потому, что мы уже вооружены опытом, в том числе опытом ошибок этих «первопроходцев».

История показывает, что каждое последующее объединение, ставшее на путь интеграции, проходило его быстрее предшественников (примеры – НАФТА, МЕРКОСУР и др.).

Принципиально важным в евразийском проекте является то, что он строится на основе общепринятой и понятной внешним партнерам ТС/ЕЭП основе – правилах ВТО, а также той практике, которую наши страны наработали в отношениях с ЕС путем участия в многосторонних институтах секторального экономического сотрудничества. Все это, помимо весомого аргумента в споре с нашими критиками, создает эффект принципиальной открытости Таможенного

■ Международные отношения

союза для новых участников. Этому способствует и разноуровневый механизм вовлеченности стран – от полноценного участия до статуса наблюдателя или пребывания на переходной «орбите» старого ЕвразЭС.

Неоднократно и небезуспешно (по крайней мере, теоретически) приходилось доказывать принципиальную сочетаемость евразийского проекта с ЕС-центричными инициативами на пространстве «общего соседства». В частности, при формировании Евразийского экономического союза сама Россия будет ориентироваться на гармонизацию с законодательством Европейского союза – в той мере, в какой это будет содействовать экономическому росту. Возможно, что перспектива – это создание общего экономического пространства с ЕС, что предполагает не просто гармонизацию законодательства союзов, но и постепенную ликвидацию препятствий на пути движения товаров, услуг, капиталов и граждан.

На сегодняшний день, при всей разности видения ближайших приоритетов ТС/ЕЭП, на повестке дня, как это представляется экспертному сообществу, остается стратегическая задача – максимальное сближение в национальных юрисдикциях норм и правил, относящихся к сфере ТС. Никакие надстроечные, институциональные изменения, количественное приращение числа участников интеграции не смогут компенсировать недостатки внутренней консолидации. Без сближения, а в конечном счете, унификации национальных юрисдикций, как минимум по направлениям деятельности Евразийской экономической комиссии, мы просто не перейдем на уровень Единого экономического пространства, Евразийского экономического союза и остановимся на достигнутом уровне с достаточно серьезными изъятиями.

Полагаю, что только из объективного экономического сближения вырастает, в конечном счете, потребность дальнейшей политической координации и консолидации. Это является гарантией от критики и саботажа интеграционных устремлений со стороны национальных и международных оппонентов. Однако «позитивная политизация» темы ТС/ЕЭП возможна и необходима – через национальные политические процедуры, через появление этой тематики в предвыборных и парламентских дискуссиях, в программных документах политических партий. Крайне важна и поддержка СМИ, научного, экспертного сообществ и общества в целом. Евразийский экономический союз должен быть «освоен» политическим сообществом наших стран изнутри, и таким образом мы сможем системно выводить его на внешнюю сцену.

Нашей целью может стать формирование Евразийского экономического союза как центра не только экономической интеграции, но и международно-политического притяжения, который будет способен сотрудничать и конкурировать с остальными полюсами современ-

ного полицентричного мира. Поиск моделей будущего мирового развития осуществляется на многих площадках – G20, БРИКС, Давосском, Петербургском, Астанинском и других экономических форумах. Обретя понимание стратегических задач, «образа желаемого завтра» нашего совместного развития в рамках Евразийского экономического союза после 2015 года, мы могли бы стать участниками глобального диалога. Нам необходимо быстро и вместе войти в этот международный институциональный пул и начать активно формировать благоприятную для нас экономическую и международно-политическую среду.

В этой связи внешнеполитическая координация деятельности в рамках ТС/ЕЭП категорически необходима. Речь идет не просто о координации деятельности МИДов в построении ЕЭП (после начала функционирования Евразийской экономической комиссии роль внешнеполитических ведомств ушла на второй план), но о более «тонких» материях. Так, внешнеполитические ведомства стран-членов, работая по всему спектру международных задач, должны исходить из того, что они представляют не просто национальные государства, но и формирующееся интеграционное объединение, в рамках которого уже сложился определенный объем «наднационального суверенитета».

Наращивание плотности или объема контактов, прежде всего экономического плана, с третьим партнером, будь то государство или международная многосторонняя структура, должно происходить с учетом принятых в рамках Таможенного союза и ЕЭП обязательств. Механизм постоянной внешнеполитической координации не может быть простым и, полагаю, должен опираться на разные формы и методы – от брифингов дипломатов руководителями ЕЭК до «кустовых» (региональных, функциональных) совещаний послов наших стран. В любом случае это должна быть регулярная и зачастую необычная по своим формам работа. Здесь, кстати, нам пригодится дипломатический опыт стран ЕС.

Возможно, с определенной долей критического подхода нам стоит обратить внимание на опыт восточноевропейских стран ЕС, которые для успешного процесса внутристрановой координации усилий по вступлению в Евросоюз создавали межведомственные комитеты европейской интеграции, с небольшим постоянным аппаратом сотрудников. Комитеты находились в подчинении непосредственно президентов/премьеров этих стран. Сейчас, по завершении процесса интеграции в ЕС и переходного периода, комитеты расформированы, а их аппарат влился в профильные ведомства. Думаю, что наиболее интересным здесь является опыт поляков – они сумели войти в ЕС на своих условиях, а процесс координировало действительно полномочное Управление комитета европейской интеграции.

Вместе с тем в деле евразийской интеграции нам вряд ли стоит идти по пути бесконечного увеличения координирующих органов, попыток создавать филиалы единой штаб-квартиры во всех столицах или использования уже устаревшей практики. К последней, полагаю, можно отнести механизм регулярного органа на уровне постпредов. Да, когда-то в 1960 – 1970-х гг. в ЕС серьезную роль играли еженедельные консультации постоянных представителей стран-членов Сообществ (COREPER, от франц. – *Comité des Représentants Permanents*). Однако по мере развития средств связи и собственно консолидации ЕС такие формы перестали быть эффективными.

В целом одним из серьезнейших достижений на пути к ЕЭП стало быстрое по меркам постсоветской практики создание Евразийской экономической комиссии, и, полагаю, нам следует и дальше «инвестировать» именно в этот механизм, в его целостный и полномочный характер. Предельно важно сохранить уже сложившуюся практику ЕЭК – идти по пути создания сквозных регуляций в той или иной сфере деятельности, а не принимать некие *ad hoc* решения по обособленным сюжетам. Сейчас предельно важно создать общее нормативное поле, пусть и не всегда совершенное, по максимально возможному кругу вопросов.

Кстати, с созданием единого нормативного поля ТС/ЕЭП возрастает роль и квазисудебной арбитражной процедуры по разрешению споров в связи с правилами и практикой ТС/ЕЭП. Пока этот вопрос остается на периферии дискуссии и, возможно, стоит просить национальные объединения юристов внимательно посмотреть на эту проблему. Знаю, что та же Ассоциация юристов России сейчас активно работает по схожей проблематике – разрешению споров в ВТО и в связи с ВТО.

Выше уже упоминалась задача сближения национальных юрисдикций по проблематике ТС/ЕЭП, но это возможно только через четкий и в значительной степени автоматический процесс имплементации договоренностей, достигаемых на наднациональном уровне, в национальное законодательство и регулятивную практику. Это, в свою очередь, повышает значение парламентской дипломатии, координации законотворческого процесса. Отдельного внимания требует практика регулирования лоббистской деятельности в ТС/ЕЭП. Очевидно, что своекорыстие национальных производителей, различных профессиональных объединений должно быть в целом поставлено на службу евразийскому интеграционному проекту. Так сложилось, что в наших странах нет эффективного и специального законодательства, регулирующего лоббистскую деятельность. В этой связи нам стоит обратить внимание на правило осуществления этой активности в ЕС, где зачастую бизнес-лоббизм является одним из каналов привлечения делового сообщества к общегосударственным и наднациональным задачам.

В заключение хотелось бы отметить, что евразийская интеграция – это, конечно, не только формально-институциональный проект. Значимой его частью является человеческое измерение – неформальное взаимодействие между частнопредпринимательскими структурами, общественными группами, наконец, простыми людьми. Важна и поддержка интеграции в молодежной среде, понимание ее целей, задач, перспектив. В этом смысле большое значение имеет сотрудничество вузов государств нынешних ТС/ЕЭП, будущего Евразийского экономического союза. Если на уровне общественного сознания проект будет сохранять свою востребованность, успешными будут и практические меры в области политики, экономики, права.

ДИПЛОМАТИЯ ЯПОНИИ В РАМКАХ АРФ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

О.В. Лебедева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья представляет собой анализ политики Японии в отношении обеспечения региональной безопасности, эволюции интересов Японии в АРФ, достижений и неудач за период с 1994 г. по настоящее время. Данная статья посвящена трансформации японского видения АРФ как одного из немногочисленных региональных механизмов, занимающегося проблемами в области безопасности. Представлен анализ дипломатической линии Японии, проводимой в рамках АРФ, ее подходы и ее политика как страны – участницы Форума. Прослеживается эволюция политики Японии в сфере региональной безопасности в АТР, ее подход, сочетающий ее участие как в многосторонних институтах, так и заключение двусторонних соглашений в различных сферах деятельности. Начиная с 1994 г., Асеановский региональный форум был местом, где собирались министры иностранных дел и официальные лица стран-участниц, а также представители внешнеполитических ведомств, министерств обороны и различных национальных агентств для обсуждения существующих в Азиатско-Тихоокеанском регионе проблем в области безопасности. В статье на примере Асеановского регионального форума показана роль институтов многосторонней дипломатии в решении вопросов в сфере безопасности. В рассматриваемый период японская дипломатия приняла активное участие в поисках решения для многих региональных проблем. Нельзя однозначно сказать, что все цели были достигнуты и политика увенчалась успехом. Хотя японской дипломатии пришлось столкнуться с рядом трудностей, в частности при проведении своей линии в рамках АРФ, а также во время многосторонних переговоров по поиску выхода из кризисных ситуаций, активность Японии в рамках Форума не только не снижается, но, скорее, растет в последние годы.

Ключевые слова: дипломатия, многосторонние диалоги по безопасности, асеановский региональный форум (АРФ), Япония, АСЕАН.

Асеановский региональный форум, созданный в 1994 г., стал первым многосторонним Форумом, в рамках которого страны АТР получили возможность обсуждать вопросы региональной безопасности. Япония принимала непосредственное участие как в создании Форума, так и в его деятельности. Почти за двадцать лет работы в рамках АРФ проходили обсуждения такие вопросы, как испытание ядерного оружия Китаем, проблема Южно-Китайского моря, проблема Тайваня, ядерная программа КНДР, азиатский финансовый кризис и др.

С самого начала функционирования Асеановского регионального форума (АРФ) страны-участницы договорились, что они будут обсуждать в его рамках основные проблемы региональной безопасности, однако они не были готовы заниматься принятием решений по острым вопросам, которые бы затронули интересы ряда стран. Еще до первой встречи министров иностранных дел АРФ страны АСЕАН попытались убедить Китай обсудить проблему Южно-Китайского моря на АРФ.

На втором АРФ в 1995 г. трения обострились между Китаем, Японией и США. Конфронтация между Китаем и США была вызвана решением США выдать визу президенту Тайваня Ли Тенг-Хуи для частного визита в Корнеллский университет. Администрация Клинтона сначала ответила отрицательно на вопрос о визите, однако после давления со стороны Конгресса изменила свое решение. Это вызвало крайне негативную реакцию со стороны китайского правительства, которое посчитало это решение не только вмешательством во внутренние дела Китая, но и нарушения принципа «единого Китая». Китай принял ответные меры: отзыв американского посла, аннулирование предстоящих визитов представителей военных ведомств в США и заключение бизнес-контрактов с неамериканскими компаниями.

Взаимоотношения между Китаем и Японией значительно ухудшились после проведения Китаем подземных атомных испытаний в мае 1995 г. Японское правительство было возмущено действиями Китая, который провел ядерные испытания вскоре после того, как японский премьер-министр Мураяма Томиити попросил китайского премьера Ли Пена о моратории на испытания во время его визита в Пекин. Ядерные испытания также были проведены в обход решения ООН о расширении Договора о нераспространении ядерного оружия, которое поддержали более 170 стран. Подобные действия вызвали отрицательную реакцию Японии, которая назвала ядерные испытания Китая «крайне прискорбными» и в августе впервые решила приостановить Официальную помощь развитию (ОПР) в качестве протеста.

Параллельно с этими событиями еще одним фактором, ухудшившим взаимоотношения Японии и Китая, стала агрессивная политика Пекина в Южно-Китайском море. В феврале 1995 г. китайские военно-морские корабли вошли в

спорную акваторию и заняли риф Мисчиф, территорию, права на которую заявляли Филиппины. Эти меры вызвали протест не только со стороны Японии, но и со стороны АСЕАН, так как впервые в истории Китай предпринял действия против страны-участницы Ассоциации. Несколько месяцев спустя, в марте 1995 г., малазийский военный корабль открыл огонь по китайскому рыболовному судну, находившемуся в территориальных водах Малайзии.

Возникающая конфронтация между Китаем и странами АСЕАН вызывала обеспокоенность со стороны Японии, опасавшейся, что из-за конфликта будет нарушено движение японских судов по одному из самых важных маршрутов. А. Ма-сахино, заместитель начальника Управления национальной обороны Японии, заявил, что «Токио внимательно наблюдает за развитием конфликта в Южно-Китайском море, поскольку он затрагивает жизненно важные интересы Японии – ставит под угрозу работу морского пути через Южно-Китайское море, по которому в Японию импортируются энергоресурсы» [1, р. 87].

Обеспокоенная ядерными испытаниями Китая и его экспансионистской политикой в регионе, Япония приняла решение о рассмотрении этой проблемы на второй встрече министров иностранных дел АРФ. Перед форумом премьер-министр Японии Т.Мураяма заявил: «Должен сказать, я обеспокоен ядерными испытаниями Китая... и опасаясь, что это может оказать негативное влияние на авторитет режима нераспространения. Я намереваюсь поднять этот вопрос в АРФ, ООН и других организациях» [2, р. 8]. Для Японии вынесение этих вопросов на обсуждение в АРФ было своего рода тестом возможностей Форума по принятию решений по «болезненным» вопросам.

Япония и Австралия возглавили обсуждение проблемы ядерных испытаний Китая для того, чтобы коллективными мерами вынудить Китай прекратить испытания. Вслед за Японией и Австралией ряд стран АСЕАН также выразили свое недовольство ядерными испытаниями Китая. В ответ на это премьер Госсовета Китая Сян Сичен пообещал, что Китай присоединится к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний в ближайшем будущем. В своей заключительной речи председатель АРФ заявил, что «все участники АРФ призывают страны, проводящие тесты ядерного оружия, немедленно прекратить эту деятельность» [3].

На втором Форуме, проходившем в столице Брунея Бандар Сери Бегаване 1 августа 1995 г., японские представители вновь подчеркнули свои опасения относительно ситуации в Южно-Китайском море и поддержали предложение США и Филиппин о вынесении этого вопроса на обсуждение во время предстоящих министерских встреч. Естественно, эти предложения вызвали негативную реакцию со стороны Китая, заявившего, что проблема Южно-Китайского моря должна обсуждаться только в двустороннем

■ Международные отношения

порядке между Китаем и несогласной страной [4]. Несмотря на то что, в АРФ было принято решение не продолжать обсуждение проблемы Южно-Китайского моря, Китай, по меньшей мере, ощутил себя в некоторой дипломатической изоляции. Во время второго АРФ премьер Государственного Совета КНР Сян Сичен выразил готовность обсудить проблему Южно-Китайского моря со всеми странами АСЕАН. Он также заявил о согласии решать проблему мирным путем и на основе принципов международного права, в том числе и Конвенции о морском праве ООН. Также впервые проблема Южно-Китайского моря была упомянута в итоговом заявлении председателя АРФ.

Несмотря на попытки США и Китая восстановить двусторонние отношения, взаимодействие между тремя основными державами продолжали ухудшаться вплоть до 1996 г. Взаимоотношения между Пекином и Вашингтоном достигли критической отметки, когда Китай попытался, применив военное давление, сорвать проведение первых выборов президента Тайваня. Пекин провел ряд военных учений и испытаний оружия в Тайваньском заливе с июля 1995 г. по март 1996 г. с целью оказать давление на правительство Тайваня и не позволить ему провозгласить независимость. В ответ на это десант США высадился на остров, что выражало явную готовность Вашингтона оказать поддержку и защиту Тайваня.

Тайваньский кризис оказал значительное влияние и на отношения между Японией и Китаем. Японское правительство опасалось, что из-за неразрешенного конфликта любые военные действия в Тайваньском проливе в непосредственной близости от ее государственной границы являются угрозой национальной безопасности. И действительно, одна из ракет, запущенных Китаем в марте 1996 г. упала в море всего в 60 км от японского побережья [5, с. 385-388]. Подобные действия Китая окончательно подорвали отношения с Японией, которые и охладились после китайских испытаний ядерного оружия. Председатель Либерально-демократической партии Японии, генерал Като Коити выразил опасения, заявив, что «испытание ракет Китаем в международных водах Тайваньского пролива – это поведение, которое невозможно стерпеть» [6, р. 28].

Помимо того, напряжение в японо-китайских отношениях возросло из-за территориального спора по поводу островов Сэнкаку. Начиная с 1995 г. китайские корабли, занимавшиеся исследованием нефтяных месторождений, вторгались в заявленную Японией исключительную экономическую зону (ИЭЗ) и территориальные воды вокруг островов Сэнкаку. Премьер-министр Японии Т. Мураяма в декабре 1995 г. в интервью газете «Йомиури» официально выразил протест против вторжения китайских кораблей на острова Сэнкаку. В июле 1996 г. японцы построили маяк на одном из островов, на что китайское правительство заявило, что подобные действия являются нарушением суверенитета Китая, а японское

правительство вновь заявило о принадлежности этих островов Японии.

Также взаимоотношения с Китаем ухудшились после заключения японо-американской декларации безопасности, которая была подписана в апреле 1996 г. между президентом США Биллом Клинтоном и премьер-министром Японии Р. Хасимото. Целью этой декларации было пересмотреть двусторонние отношения по вопросам безопасности с учетом новых вызовов и угроз, появившихся после «холодной войны». В ней заявлялось, что «обе страны вновь подтверждают, что японо-американский альянс продолжает оставаться краеугольным камнем в достижении общих целей в области безопасности и в поддержании стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 21 веке» [7, р. 156]. В декларации также подчеркивалась необходимость развития японо-американского военного сотрудничества для решения «ситуаций, которые могут возникнуть на территории, окружающей Японию, и которые будут негативно влиять на мир и безопасность Японии» [8, pp. 157-158]. Также обе стороны договорились о пересмотре Основных направлений японо-американского сотрудничества в области обороны, принятых в 1978 г., для того, чтобы более четко определить роли японских и американских сил в случае возникновения ситуаций, угрожающих безопасности вокруг Японии. Пекин, в свою очередь, посчитал, что принятие декларации через месяц после Тайваньского кризиса является попыткой сдерживания китайской политики в регионе и направлено непосредственно против Китая.

Китай выразил протест, заявив, что совместная декларация расширяет японо-американское сотрудничество в области безопасности за пределы, оговоренные в японо-американском договоре по безопасности 1960 г., в котором говорилось лишь о «Дальнем Востоке», а не о «Азиатско-Тихоокеанском регионе». Более того, Китай подозревал, что решение о пересмотре Основных направлений сотрудничества 1978 г. может привести к двустороннему вмешательству в решение Тайваньской проблемы и проблемы Южно-Китайского моря [9, pp. 388-390]. Премьер Госсовета Китая Сян Сичен по этому поводу подчеркнул, что «обсуждение значения Декларации и соответствующие совместные заявления явно выражают, что принципы Декларации могут быть расширены на весь Азиатский регион. Это неприемлемо» [10, р. 227].

Решение Японии и США пересмотреть принципы военного сотрудничества вызвало обеспокоенность среди азиатских стран, в том числе и у Республики Корея и стран АСЕАН, поскольку было не понятно, какая роль будет предоставлена японским силам самообороны при участии в миротворческих операциях. Страны АСЕАН двояко относились к этим изменениям. С одной стороны, военное присутствие США в регионе очень важно как стабилизирующий фактор региональной безопасности, с другой стороны,

страны были недовольны расширением военной роли Японии в Восточной Азии, помня о годах японского милитаризма.

Тайваньский кризис подтолкнул Японию к заключению стратегических союзов со странами, окружающими Китай. В действительности японские политики начали применять стратегию, которую исследователь А. Джонстон назвал «мягким сдерживанием» [11, р. 161]. В январе 1997 г. премьер-министр Хасимото посетил пять стран АСЕАН и предложил проводить ежегодный саммит между руководителями Японии и лидерами стран АСЕАН для развития многостороннего сотрудничества по вопросам о сохранении национальных культур и традиций стран региона, а также для совместного решения таких международных проблем, как терроризм и наркотрафик. Предложения, внесенные премьер-министром Хасимото, имели своей целью установить между Японией и странами АСЕАН более глубоких политических отношений и сотрудничества по вопросам безопасности. Тем не менее основным было все же стремление Японии выработать противовес расширению влияния Китая в регионе за счет сближения со странами АСЕАН. Однако лидеры стран АСЕАН не уделили особого внимания предложениям Хасимото, опасаясь быть вовлеченными в конфликт интересов между Японией и Китаем. Страны АСЕАН внесли свое предложение о создании регионального саммита между лидерами стран АСЕАН и их коллегам из Японии, Республики Корея и Китая. Это предложение встретило общую поддержку, и в декабре 1997 г. был создан саммит АСЕАН+3, в фокусе деятельности которого было развитие сотрудничества в области экономики.

В попытках решить вопрос противостояния с Китаем Япония даже предприняла попытки сближения с Россией. В 1996 г. японское правительство объявило о новом подходе в построении японо-российских отношений, основанного на доверии, взаимной выгоде и нацеленного на долгосрочную перспективу. В марте 1996 г. премьер-министр Японии Т. Мураяма посетил Москву с официальным визитом и заявил о проведении регулярных японо-российских консультаций по вопросам безопасности. Более того, на японо-российской неформальной встрече глав государств, проходившей в 1997 г. в Красноярске, премьер-министр Японии Хасимото и президент России Ельцин договорились о развитии двусторонних военных обменов на высшем уровне и о двустороннем экономическом сотрудничестве, включая вопрос о мирном использовании атомной энергии.

Ожидания Японии, что АРФ как региональный институт сможет оказать влияние на Китай по вопросу о прекращении ядерных испытаний, не оправдались. Несмотря на коллективную критику Китая странами-участницами АРФ в 1995 г. и решение Японии о приостановлении оказания Официальной помощи развитию (ОПР) в следующем году, Китай провел еще одно испытание.

А неудачи АРФ в обсуждении и поиске решения Тайваньской проблемы окончательно разочаровали Японию в этом институте.

Во время третьего Совещания старших должностных лиц АРФ, проходившего в мае 1996 г. в Джакарте, премьер-министр Мураяма внес предложение о создании форума по диалогу по вопросам безопасности в Северо-Восточной Азии, в рамках которого собирались бы лидеры Японии, США, Китая, России и стран Корейского полуострова. Это предложение вновь продемонстрировало намерение Японии вовлечь Китай в многосторонний институт по решению вопросов безопасности. В Токио полагали, что субрегиональный форум позволит проводить более конструктивный диалог между ведущими державами, чем общерегиональный форум, и будет способствовать сокращению существующих между странами противоречий.

Предложения о создании форума по безопасности в Северо-Восточной Азии было вызвано опасениями Токио относительно возможности рассмотрения этих вопросов в рамках АРФ. Поскольку работа Форума в 1995–1996 гг. показала, что основное внимание уделяется обсуждению проблем Юго-Восточной Азии, японские официальные лица полагали, что создание института по безопасности в Северо-Восточной Азии будет дополнять работу АРФ. Японские предложения, однако, не привлекли внимания стран-участниц, за исключением Республики Корея, которая выступала с похожими идеями. Китай не поддерживал японские предложения, сославшись на отказ КНДР участвовать в подобной организации как основную причину. Даже США проявили сдержанность относительно японских предложений частично из-за опасений, что подобный субрегиональный форум может препятствовать углублению японо-американских двусторонних отношений.

Решение проблемы разработок ядерного оружия КНДР (ядерная программа) оставалось одним из важнейших вопросов безопасности для Японии, несмотря на создание Организации по развитию энергетики на Корейском полуострове (КЕДО), в состав которой вошли США, Япония и Республика Корея. Целью организации было обеспечение КНДР двумя легководными реакторами в качестве замены ее существующей ядерной программы по созданию ядерных реакторов и оружия. Япония стремилась играть активную роль в решении ядерной проблемы КНДР в рамках КЕДО, однако, несмотря на всю его значимость, из-за недостатка финансирования существование организации было под угрозой. Напряжение на Корейском полуострове все росло, подпитываемое рядом действий КНДР в частности вторжением в буферную зону. В результате в апреле 1996 г. США и Республика Корея предложили созвать четырехсторонние переговоры с участием Китая, США, Республики Корея и КНДР с целью создания новой системы, которая бы гарантировала мир на Корейском полуострове.

■ Международные отношения

В рамках АРФ были согласованы также разные подходы США и Японии к решению камбоджийской проблемы. В отличие от Вашингтона, в Токио придерживались мягкой позиции относительно правительства Хун Сена. Хотя Япония, самый крупный донор помощи Камбодже, на долю которого приходится больше половины всей оказываемой помощи, пообещала приостановить свои выплаты вскоре после военного переворота 17 апреля 1975 г., когда к власти пришли «красные кхмеры» и начали проводить жесточайшую политику, результатом которой стала массовая гибель мирного населения, вскоре в Токио вновь заговорили об их возобновлении, несмотря на то, что США в это время призывали страны наложить на Камбоджу экономические санкции. Японское правительство заявило о возобновлении помощи, если Пномпень выполнит некоторые условия, в частности гарантирует сохранение конституционного правительства и проведет всеобщие выборы. В Японии даже не называли произошедшие события переворотом и признавали легитимность правительства Хун Сена. Выражая свое несогласие с позицией Японии, Вашингтон направил своего специального посланника в Токио, чтобы убедить японских лидеров не возобновлять помощь, однако японский премьер-министр Хасимото заявил, что, «хотя США и Японии преследуют единую цель – достижение мира в Камбодже, – мы можем придерживаться различных подходов. Япония и США априори придерживаются различных мнений» [12]. В Японии полагали, что лишь власть Хун Сена сможет восстановить политическую стабильность в Камбодже, и опасались, что Камбоджа может перейти на сторону Китая, если режим Хун Сена будет свергнут.

По вопросу о возобновлении оказания помощи Камбоджи на двусторонней встрече в рамках АРФ между премьер-министром Японии Обути и Госсекретарем США Олбрайт была достигнута договоренность относительно того, что приоритетом для политики в отношении Камбоджи должно стать восстановление политической стабильности, а не применение экономических санкций. Они также договорились, что правительство Хун Сена будет функционировать до проведения всеобщих выборов, запланированных на май 1998 г.

Благодаря этому соглашению США смягчили свою позицию в отношении режима Хун Сена. Олбрайт пообещала, что США возобновят гуманитарную помощь Камбодже, но экономическая помощь все еще будет приостановлена. Эти изменения в позиции Вашингтона, вероятно, означали то, что США разделяет обеспокоенность Токио относительно расширения китайского влияния на Камбоджу.

Совместный подход трех держав (Япония, США, Австралия) к решению камбоджийской проблемы позитивно повлиял на весь ход четвертых министерских встреч АРФ. В заявлении председателя говорилось об обеспокоенности

ситуацией в Камбодже и подчеркивалась роль АСЕАН в восстановлении политической стабильности. Тем не менее в заявлении не говорилось о проблемах между тремя державами и о сложности достижения между ними согласия. Председатель, наоборот, говорил о «важности развития позитивных взаимоотношений, особенно между странами АТР, Китаем, Японией, Россией и США для поддержания стабильности в регионе» [13].

Однако уже на следующем АРФ обсуждались новые проблемы – испытания ядерного оружия Индией и Пакистаном, а также азиатский финансовый кризис. Взаимоотношения между Индией и Пакистаном стали значительно ухудшаться с мая 1998 г., когда обе страны провели серию ядерных испытаний. Растущая напряженность вызвала опасения стран региона, что эти две страны могут начать ядерную войну. Эти испытания также значительно подорвали доверие к режиму нераспространения, который усиливался в предыдущие годы благодаря успехам в убеждении стран-членов Содружества Независимых Государств (СНГ) отказаться от владения ядерным оружием.

Ядерные испытания Индии и Пакистана вызвали волну осуждения со стороны Японии, единственной за всю историю человечества пострадавшую от ядерного оружия. Сразу же после испытаний Токио заморозил помощь и иеновые займы Нью-Дели и Исламабаду. В качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН, Япония при поддержке Швеции и Коста Рики внесла на рассмотрение проект резолюции, по которому страны-члены ООН должны были воздержаться от предоставления Индии и Пакистану технологий для развития ядерного оружия.

Помимо того, Япония также пыталась выступать посредником в решении диспутов между Индией и Пакистаном, в частности в поиске решений проблемы Кашмира. В июне 1998 г. японское правительство предложило провести встречу представителей Индии и Пакистана в Токио, целью которой было разрешить трения между странами, вызванными ядерными испытаниями, и заинтересовать страны в подписании Договора о нераспространении ядерного оружия. Эти действия были во многом вызваны стремлениями Японии добиться более значимой роли на международной арене. Ожидалось, что подобная активность в поддержке режима нераспространения ядерного оружия будет способствовать достижению давней цели Японии – получению постоянного места в Совете Безопасности ООН.

Японской дипломатии в АРФ относительно ядерных испытаний в Южной Азии удалось добиться неоднозначных результатов. В заявлении председателя после пятого АРФ говорилось о «глубокой обеспокоенности и сожалении в отношении ядерных испытаний в Южной Азии» и содержалось призывание к «полному прекращению подобных испытаний и настоятельное побуждение всех вовлеченных стран присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия»

[14]. Однако, несмотря на усилия Японии, названия стран в тексте речи председателя не упоминались, равно как и не было особой критики их действий. Тем не менее Японии так и не удалось провести обсуждение в рамках АРФ резолюции по разрешению диспутов между Индией и Пакистаном. Эта идея не встретила поддержки со стороны многих стран АРФ. Премьер-министр Филиппин выступил против приглашения представителей Пакистана на министерские встречи, заявив: «Мы не хотим втянуть себя в кашмирскую проблему, это за пределами нашей зоны влияния» [15, pp. 326–327]. Вследствие отсутствия энтузиазма у стран АРФ в решении вопроса ядерных испытаний в Южной Азии японские инициативы так и не были приняты к рассмотрению, а уверенность Японии в эффективности многосторонней дипломатии в решении вопросов безопасности для решения важных вопросов в регионе пропадала.

Другой важнейшей проблемой, обсуждавшейся на пятом АРФ, стал азиатский финансовый кризис. Он начался с падения тайской валюты в середине 1997 г., что повлекло за собой валютные кризисы в Индонезии и Малайзии и наконец в Республике Корея. В результате эти страны больше всего пострадали от экономического спада, а также политической и социальной нестабильности, вызванной кризисом. В результате политического переворота в Индонезии президент Сухарто после 32 лет правления был вынужден уйти с поста.

Помимо экономических проблем из-за кризиса ослабла заинтересованность стран АСЕАН в АРФ. На первый план вышло решение внутригосударственных вопросов. Сокращение участия АСЕАН в деятельности Форума, включая такие направления, как обмены в военной сфере, привело к приостановлению применения мер по укреплению доверия и превентивной дипломатии в АРФ.

Азиатский финансовый кризис снизил активность стран АСЕАН в АРФ. В результате этого ожидания Японии, что деятельность Форума будет приносить значительные результаты, еще больше уменьшились. Один японский дипломат, говоря о политике АРФ, в 1999 г. подчеркнул, что «Азиатский финансовый кризис ослабил приверженность АСЕАН Форуму в финансовом и психологическом планах... это было одной из основных причин его стагнации» [16, pp. 592–595].

На пятом АРФ обсуждались еще и трения между АСЕАН и странами Запада по вопросу о соблюдении прав человека в Мьянме. Конфронтация была вызвана решением АСЕАН о предоставлении Мьянме статуса наблюдателя в АСЕАН, тем самым приблизив ее к вступлению в Ассоциацию, а также, следовательно, в АРФ. Это решение вызвало волну недовольства на Западе и в США, которые пытались изолировать Мьянму из-за нарушения прав человека. Они призывали к введению международных санкций против Мьянмы. Однако западный подход не разделялся странами

АСЕАН, которые не могли нарушить основной принцип невмешательства во внутренние дела государства, на основе которого строилась политика в регионе. Премьер-министр Индонезии А.Алатас в связи с этими разногласиями заявил, что «АСЕАН предпочитает спокойную дипломатию, путь развития ЮВА никогда не подразумевал вмешательства во внутренние дела стран и никогда не поддерживал публичное наказание стран» [17, p. 6].

Мьянма вместе с Лаосом была принята в АСЕАН в 1997 г., однако это практически никак не повлияло на изменение внутрисоветской ситуации. Япония в отношении Мьянмы вновь поддержала не западный, а «асеановский» подход и одобрила вступление страны в АСЕАН. Пока Токио и Вашингтон пытались прийти к общему знаменателю в вопросе относительно проблемы Камбоджи, многие японские политики уже осознавали, что разрешить разногласия по поводу Мьянмы будет гораздо сложнее. Япония поддержала вступление Мьянмы в АСЕАН, хотя США выступали категорически против этого. Понимая всю сложность проблемы относительно нарушения прав человека в Мьянме, Токио все же был против применения экономических санкций. В Токио разделяли опасения стран АСЕАН, что, оказавшись в изоляции, Мьянма перейдет на орбиту Китая.

Однако это еще не обозначало, что Япония была всецело довольна излишне мягкими действиями АСЕАН в отношении Мьянмы. Японские политические лидеры были обеспокоены тем, что ситуация в Мьянме никак не изменилась после вступления в Ассоциацию. В августе 1998 г. министр иностранных дел Японии предложил своему коллеге из Таиланда, вероятно единственному из членов АСЕАН, заинтересованному в разрешении военного переворота в Мьянме, попытаться убедить военную хунту начать вести переговоры.

Дипломатия Японии на шестом АРФ была посвящена в основном критике запуска ракеты КНДР. В августе 1998 г. КНДР запустила ракету средней дальности, которая перелетела через Японию и упала в Тихом океане. Пхеньян заявил, что это была попытка вывести спутник на орбиту, однако в Токио не поверили этим объяснениям. Япония заявила, что это было испытание военного оружия и что оно угрожало национальной безопасности страны. Японское правительство не только приостановило процесс нормализации отношений с Пхеньяном, но и прекратило финансирование проекта КЕДО, а также продовольственные поставки в КНДР. Однако из-за давления со стороны Вашингтона и Республики Кореи, Японии пришлось смягчить свою позицию и в ноябре 1998 г. подписать Соглашение о возобновлении финансирования КЕДО, а с января 1999 г. вновь начать переговоры о нормализации дипломатических отношений.

Однако уже к лету 1999 г. трения между странами вновь усилились из-за ряда нарушений законов КНДР, в частности вторжения в территориальные

■ Международные отношения

воды Японии. Еще сильнее ситуация ухудшилась после того, как КНДР в августе 1999 г. объявила о подготовке запуска новой ракеты, которая сможет долететь до Аляски.

Принимая во внимание то, что предложение Японии о проведении шестисторонних переговоров по проблеме Корейского полуострова осталось без внимания, японская дипломатия пыталась добиться решения проблемы через двусторонние встречи в рамках АРФ. Во время двусторонних переговоров между министром иностранных дел Японии Комура и его коллегой из Китая Японии удалось заручиться поддержкой со стороны Пекина по вопросу о северокорейской проблеме.

Помимо двусторонних бесед Япония также была инициатором проведения трехсторонних переговоров с Вашингтоном и Сеулом, имевших своей целью координацию внешнеполитических стратегий стран под угрозой ракетного кризиса в КНДР. В результате было сделано совместное заявление, что «любое испытание ракет будет иметь очень серьезные последствия для КНДР... Япония, США и Республика Корея предпримут решительные действия, если КНДР проведет испытания» [18].

Напряженность по поводу ядерной программы КНДР внезапно исчезла после того, как Вашингтон и Пхеньян достигли соглашения в Берлине в сентябре 1999 г., что КНДР заморозит свои ядерные исследования взамен на частичное снятие санкций.

Во время шестого форума вновь обсуждалась проблема Южно-Китайского моря. Ситуация начала ухудшаться в ноябре 1998 г., когда Филиппины обвинили Китай в расширении элементов на рифе Мисчиф в филиппинской 200-мильной исключительной экономической зоне и в увеличении числа китайских кораблей, вторгающихся в эту зону. Даже заседание экстренной рабочей группы по этой проблеме не разрешило существовавшие трудности. В это же время Малайзия также возвела постройки на одном из островов Спратли, что также ухудшило сложившуюся ситуацию. Сторонам так и не удалось прийти к общему решению, поскольку Филиппины настаивали на многостороннем подходе, с участием международных организаций, а Малайзия поддерживала идею Китая о двустороннем решении конфликта.

Ответ со стороны Японии на проблему Южно-Китайского моря был пассивным из-за того, что экономическая безопасность страны зависела от политической стабильности на этой территории. В заявлениях японских лидеров не было ничего, кроме общих слов критики относительно сложившейся ситуации. Например, министр иностранных дел Комура подчеркнул, что «Япония поддерживает любую линию поведения, которая бы гарантировала мирное разрешение диспута и строилась на принципах международного права».

В итоге в рамках АРФ так и не удалось найти общего решения для проблемы Южно-Китайско-

го моря, равно как и для другой региональной проблемы – вопроса относительно Тайваньского пролива. Напряженность между Китаем и Тайванем возросла в июле 1999 г., после заявления тайваньского президента, что «взаимоотношения Тайваня и Китая – это отношения государства с государством». В Китае восприняли это как нарушение принципа «единого Китая». Однако проблему Тайваня ни Китай, ни страны АСЕАН не стремились выносить на обсуждение в АРФ. Японский министр иностранных дел Комура даже заявил, что придерживается положений Японо-Китайской декларации 1972 г., согласно которой Тайвань является частью Китая. В Японии опасались, что, если Япония поднимет проблему Тайваня в АРФ, Китай обрушится с новой критикой японо-американского альянса.

Наиболее ярким моментом для Японии на седьмом АРФ стало вступление в Форум КНДР. Программой подготовки вступления занимался Таиланд. В марте 2000 г. министр иностранных дел Таиланда посетил Камбоджу, страну, сохранившую тесные связи с Пхеньяном, и убедил своего камбоджийского коллегу обсудить идею вступления с лидерами КНДР. Идею о вступлении КНДР в АРФ также поддержали Филиппины, заявившие о стремлении установить дипломатические отношения с КНДР. Япония, несмотря на то что несколько лет назад сама вносила предложения о присоединении КНДР к АРФ, на этот раз не поддержала заявку о вступлении, опасаясь, что КНДР не сможет полностью признать и реализовать принципы и цели АРФ. Тем не менее в итоге Япония все-таки посчитала, что вовлечение КНДР в многосторонние институты региональной безопасности гораздо важнее для национальной безопасности Японии, чем изолирование страны.

Начиная с 2001 г. двумя основными проблемами, обсуждавшимися в АРФ, стали борьба с терроризмом (после атак 11 сентября) и ядерный кризис КНДР. Что касается решения первой проблемы, то соглашения, принятые в рамках Форума, либо частично применялись в странах-участницах, либо чаще оставались на бумаге. Некоторые страны АРФ, в том числе и Япония, испытывали сомнения относительно реализации каких-либо договоренностей в рамках АРФ. На двенадцатом АРФ японский заместитель министра иностранных дел Аидзава заявил, что «для того, чтобы поднять АРФ со стадии применения мер по укреплению доверия до стадии превентивной дипломатии, АРФ надо не просто заниматься обсуждением различных нетрадиционных аспектов безопасности. АРФ должен функционировать как орган, где реализуются конкретные действия, такие, как совместные учения».

Отношения КНДР с США и Японией значительно улучшились к лету 2002 г. На девятом АРФ Госсекретарь К. Пауэлл после встречи с министром иностранных дел КНДР заявил о договоренности между странами о возобновлении дипломатических контактов. Было также принято решение о возобновлении двустороннего диалога между странами.

Что касается отношений Японии и КНДР, то в 2002 г. прошли значительные положительные изменения. В апреле 2002 г. премьер министр Коидзуми выразил заинтересованность в возобновлении переговоров по нормализации отношений между странами, и летом был проведен ряд формальных и неформальных встреч между представителями Японии и КНДР. В сентябре 2002 г. состоялся исторически важный саммит между Японией и КНДР, на котором была принята Пхеньянская декларация, в которой говорилось о возобновлении переговоров по нормализации отношений, продлении моратория КНДР на испытание ядерного оружия и принятии резолюции по ядерной проблеме Корейского полуострова.

Однако уже в октябре 2002 г. отношения между тремя странами снова ухудшились, когда КНДР заявила, что она секретно продолжала развитие своей ядерной программы. После выхода КНДР из ДНЯО и проведения тестов ракет в Японском море, отношения были окончательно испорчены. Более того, во время трехсторонних переговоров между представителями США, Китая и КНДР, проходивших в Пекине в апреле 2003 г., официальные лица КНДР заявили, что страна уже создала ядерное оружие.

Дипломатический курс Японии в АРФ сменился с «вовлечения» на «сдерживание» КНДР. На десятом АРФ Япония и другие страны-участницы осудили действия Пхеньяна, в своем заявлении председатель призвал КНДР вернуться в ДНЯО и возобновить переговоры с МАГАТЭ. Япония и США выступили с предложением о проведении шестисторонних переговоров с участием Японии, США, Республики Корея, Китая, России и КНДР вне рамок АРФ, а на десятом форуме лишь выработать повестку для этих переговоров.

Первый раунд шестисторонних переговоров состоялся в Пекине в августе 2003 г.. В ходе этого раунда Пхеньян предъявил Вашингтону четыре основных требования, при условии выполнения которых он согласен не разрабатывать ядерное оружие: подписание США пакта о ненападении, установление с КНДР дипломатических отношений, обеспечение экономического сотрудничества с Японией и Южной Кореей и, наконец, предоставление Северной Корее реакторов на легкой воде для нужд энергетики. Однако переговоры завершились без принятия совместного документа, согласование которого велось сторонами.

Второй раунд шестисторонних переговоров прошел в феврале 2004 г. в Пекине. На нем обсуждались пути выхода из кризиса вокруг ядерной программы КНДР. Участники переговоров обсудили возможность оказания КНДР экономической помощи, главным образом в области энергетики, взамен на замораживание на первом этапе ядерной программы.

В июне 2004 г. в Пекине прошел третий раунд шестисторонних переговоров, на котором была достигнута договоренность, что КНДР не только заморозит свои ядерные объекты, но и ликвидирует их, если США предоставят ей энергетиче-

скую помощь, а также отменяют экономические санкции. Наряду с этим японской дипломатии удалось договориться в мае 2004 г. о начале процесса нормализации отношений и о решении проблемы похищенных людей.

Однако в начале 2005 г. Северная Корея вышла из шестисторонних переговоров и впервые признала создание собственного ядерного оружия. Четвертый раунд шестисторонних переговоров по ядерной проблеме на Корейском полуострове дал первые значимые результаты: странам впервые удалось договориться о совместном заявлении.

Итоговый документ о принципах денуклеаризации в форме совместного заявления был принят 19 сентября 2005 г. по завершении переговоров. В заявлении признается право КНДР на мирную атомную деятельность: "Северокорейская сторона заявляет о своем праве на мирное использование атомной энергии. Прочие участники переговоров уважают эту позицию и соглашаются обсудить вопрос о предоставлении КНДР легководного реактора в должное время". Кроме того, в документе отмечается, что "северокорейская сторона подтверждает обязательства отказаться от всего ядерного оружия и осуществляемых ядерных программ, как можно скорее вернуться в Договор о нераспространении ядерного оружия, а также под инспекции МАГАТЭ". КНДР и США заявляют о намерении уважать суверенитет друг друга, мирно сосуществовать и стремиться к нормализации отношений. Помимо того, в заявлении говорится о готовности КНДР и Японии "предпринять шаги, направленные на нормализацию двусторонних отношений, в соответствии с Пхеньянской декларацией на основе преодоления негативного исторического прошлого и урегулирования остающихся нерешенных проблем". Китай, Япония, Южная Корея, Россия и США заявили о намерении предоставить КНДР энергетическое содействие. Южная Корея подтвердила свое предложение от 12 июля 2005 г. о предоставлении КНДР двух миллионов киловатт электроэнергии.

Первый этап пятого раунда прошел в Пекине 9–11 ноября 2005 г. По итогам первой сессии пятого раунда по согласованию сторон было принято заявление председателя, в котором выражается настроенность стран-участниц на дальнейшую работу на основе укрепления взаимного доверия и выполнения всех обязательств на различных направлениях и на базе скоординированного и своевременного подхода с учетом обеспечения баланса интересов и выигрыша для всех. Несмотря на договоренность сторон вернуться за стол переговоров как можно скорее, Пхеньян прервал пятый раунд переговоров после того, как США заморозили зарубежные счета нескольких северокорейских компаний, обвинив КНДР в отмывании денег, производстве фальшивых долларов и контрабанде наркотиков.

В октябре 2006 г. КНДР объявила об успешном проведении в стране ядерного испытания,

■ Международные отношения

в ответ на это Советом Безопасности ООН была единогласно принята резолюция, осуждающая действия Пхеньяна и вводящая против него ограничительные санкции.

В феврале следующего года в Пекине начался очередной этап пятого раунда шестисторонних переговоров. В ходе него совместными усилиями была достигнута договоренность, согласно которой КНДР в течение 60 суток обязался остановить и опечатать имеющиеся на своей территории ядерные реакторы в обмен на поставки топлива. Помимо того, Пхеньян также обязан был допустить инспекторов для наблюдения за закрытием реактора, и восстановить членство в МАГАТЭ. США несколько месяцев спустя приняли решение разморозить ряд северокорейских активов. Тем не менее, как ни старались японские официаль-

ные лица, участвующие в шестисторонних переговорах, до окончательного решения корейской проблемы еще далеко. Переговоры были приостановлены в октябре 2007 г. и, как указывается в прессе, могут возобновиться.

Таким образом, за рассматриваемый период японская дипломатия приняла активное участие в поисках решения для многих региональных проблем. Нельзя однозначно сказать, что все цели были достигнуты и политика увенчалась успехом. Хотя японской дипломатии пришлось столкнуться с рядом трудностей, в частности при проведении своей линии в рамках АРФ, а также во время многосторонних переговоров по поиску выхода из кризисных ситуаций, активность Японии в рамках Форума не только не снижается, но, скорее, растет в последние годы.

Список литературы

1. Sudo S. The International Relations of Japan and South East Asia: Forging a New Regionalism / Sueo Sudo. - London: Routledge. - 2001. Nihon Keizai Shimbun. - August 3, 1995. - p. 8 [Electronic resource] / LexisNexis. - mode of access: www.lexisnexis.com/
2. Chairman's Statement Chairman's Statement. The Second Meeting of The ASEAN Regional Forum. - Brunei Darussalam, 1 August 1995 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. - mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/ChairmansStatementofthe2ndMeetingoftheASE/tabid/199/Default.aspx
3. The Strait Times. - May 24, 1995 [Electronic resource] / LexisNexis. - mode of access: www.lexisnexis.com/
4. Far Eastern Economic Review. - August 15, 1996. - p. 28 [Electronic resource] // LexisNexis. - mode of access: www.lexisnexis.com/
5. Gaiko Forum. - vol. 94. - 1996.
6. Garrett B.N., Glaser, B.S. Chinese Apprehensions About Revitalization of the US-Japan Alliance / Banning N. Garrett, Bonnie S. Glaser. - Asian Survey. - vol. 37. - №4. - April 1997.
7. Cossa, R.A. Avoiding New Myths: US-Japan Security Relations / Ralph A. Cossa. - Security Dialogue. - vol. 28. - №2. - 1997.
8. Johnston A.L., Ross, R.S. Engaging China: The Management of an Emerging Power / Alastair I. Johnston, Robert S. Ross. - London: Routledge. - 1999.
9. Financial Times. - July 23, 1997. [Electronic resource] // LexisNexis. - mode of access: www.lexisnexis.com/
10. Chairman's Statement. The Fourth Meeting of ASEAN Regional Forum. - Subang Jaya, Malaysia, 27 July 1997 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. - mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/ChairmansStatementofthe4thMeetingoftheASE/tabid/186/Default.aspx
11. Chairman's Statement. The Fifth ASEAN Regional Forum. - Manila, 27 July 1998 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. - mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/ChairmansStatementofthe5thMeetingoftheASE/tabid/180/Default.aspx
12. Limaye S.P. Tokyo's Dynamic Diplomacy: Japan and the Subcontinent's Nuclear Tests / Satu P. Limaye. - Contemporary Southeast Asia. - vol. 22. - №2. - August 2000.
13. Haacke J. The Concept of Flexible Engagement and the Practice of Enhanced Interaction: Intramural Challenges to the ASEAN Way / Jurgen Haacke. - The Pacific Review. - vol. 12. - №4. - 1999.
14. ARF ends without tension / Business Times (Singapore). - July 24 1996. - p. 6. [Electronic resource] // LexisNexis. - mode of access: www.lexisnexis.com
15. US, Japan and South Korea issue stern warning to N Korea on missile test / Agence France Presse. - July 27, 1999 [Electronic resource] / LexisNexis. - mode of access: www.lexisnexis.com/
16. The Evolution of Preventive Diplomacy in the ASEAN Regional Forum / Asian Survey. - September-October 2006. - Vol. 6. - № 5.
17. Cabestan J.-P. Taiwan in 1999: A Difficult Year for the Island and the Kuomintang / Jean-Pierre Cabestan. - Asian Survey. - vol. 40. - №1. - January/February 2000

Об авторе

Лебедева Ольга Владимировна – к.соц.н, доцент кафедры дипломатии МГИМО(У) МИД РФ. Сфера научных интересов доц. Лебедевой О.В. охватывает область исследований механизмов и инструментов дипломатии, изучения институтов и механизмов современной дипломатической службы. E-mail: o.lebedeva@mgimo.ru

JAPANESE DIPLOMACY WITHIN ASEAN REGIONAL FORUM (ARF): SOME ASPECTS OF THE REGIONAL SECURITY

O.V. Lebedeva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article is devoted to the issue of Japan policy in South-East Asia specifically to Japanese diplomacy within ASEAN Regional Forum (ARF). ARF created in 1994 was the first multilateral forum where regional security issues of Southeastern countries could be discussed. Japan took part in creation of the Forum and is its active participant. Since mid 90th Japanese diplomacy used ASEAN Regional Forum platform to promote its own national security interests in addition to other bilateral and multilateral activities. One of the first subjects for discussion at ARF was China nuclear activity and nuclear tests. The issues of constant concern remain territorial disputes in East China Sea and South China Sea. Specific regional topics like China-Taiwan relations, Cambodia, ideas for Northeastern Asian security forum, India and Pakistan nuclear tests, Asian financial crisis of the 90th were also in focus of ARF discussions. Annual sessions of the Forum gave Japan opportunity to articulate concerns, promote its interests and negotiate topics on bilateral level. Of vital security concern for Japan was and remains to exist North Korean nuclear program. For the last two decades the country took a great activity in the work of ASEAN Regional Forum and it could be stated that ARF remains to be an important mechanism for Japan diplomacy to address important issues security and stability in Southeastern Asia.*

Key words: Diplomacy, Multilateral security issues, the ASEAN Regional Forum (ARF), Japan, ASEAN.

References

1. Sudo S. The international relations of Japan and South East Asia: Forging a new regionalism. London, Routledge Publ., 2001. 192 p.
2. Nihon Keizai Shimbun, August 3, 1995. LexisNexis. Available at: <http://www.lexisnexis.com/>.
3. Chairman's Statement. The Second Meeting of the ASEAN Regional Forum. Brunei, Darussalam, 1 August 1995. The ASEAN Regional Forum official website. Available at: <http://www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/ChairmansStatementofthe2ndMeetingoftheASE/tabid/199/Default.aspx>.
4. The Strait Times, May 24, 1995. LexisNexis. Available at: <http://www.lexisnexis.com/>.
5. Far Eastern Economic Review, August 15, 1996. LexisNexis. Available at: <http://www.lexisnexis.com/>.
6. Garrett B.N., Glaser B.S. Chinese Apprehensions about Revitalization of the US-Japan Alliance. Asian Survey, 1997, April, vol. 37, no. 4.
7. Cossa R.A. Avoiding New Myths: US-Japan Security Relations. Security Dialogue, 1997, vol. 28, no. 2.
8. Johnston A.L., Ross R.S., eds. Engaging China: The Management of an Emerging Power. London, Routledge Publ., 1999.
9. Financial Times, July 23, 1997. LexisNexis. Available at: <http://www.lexisnexis.com/>.
10. Chairman's Statement. The Fourth Meeting of ASEAN Regional Forum. Subang Jaya, Malaysia, 27 July 1997. The ASEAN Regional Forum official website. Available at: <http://www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/ChairmansStatementofthe4thMeetingoftheASE/tabid/186/Default.aspx>.
11. Chairman's Statement. The Fifth ASEAN Regional Forum. Manila, 27 July 1998. The ASEAN Regional Forum official website. Available at: <http://www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/ChairmansStatementofthe5thMeetingoftheASE/tabid/180/Default.aspx>.
12. Limaye S.P. Tokyo's Dynamic Diplomacy: Japan and the Subcontinent's Nuclear Tests. Contemporary Southeast Asia, 2000, August, vol. 22, no. 2.
13. Haacke J. The Concept of Flexible Engagement and the Practice of Enhanced Interaction: Intramural Challenges to the ASEAN Way. The Pacific Review, 1999, vol. 12, no. 4, pp. 581-611.
14. ARF ends without tension. Business Times, July 24 1996 (Singapore). LexisNexis. Available at: <http://www.lexisnexis.com/>.
15. US, Japan and South Korea issue stern warning to N Korea on missile test. Agence France Presse, July 27, 1999. LexisNexis. Available at: <http://www.lexisnexis.com/>.
16. The Evolution of Preventive Diplomacy in the ASEAN Regional Forum. Asian Survey, 2006, Sept.-Oct., vol. 6, no. 5, pp. 785-804.
17. Cabestan J.-P. Taiwan in 1999: A Difficult Year for the Island and the Kuomintang. Asian Survey, 2000, Jan./Feb., vol. 40, no. 1.

About the author

Olga V. Lebedeva – Associate Professor of the Department of Diplomacy MGIMO-University, Candidate of Science (Sociology and International Relations). E-mail: o.lebedeva@mgimo.ru

ХРИСТИАНСКИЕ МЫСЛИТЕЛИ ЗАПАДА О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Т.В. Зонова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Автор исследует наследство двух великих христианских мыслителей – американца Райнхольда Нибура и итальянца Джорджо Ла Пира. Райнхольд Нибур был протестантским богословом и политическим советником Совета международных отношений и штаба стратегического планирования Джорджа Кеннэна. Мэр Флоренции Джорджо Ла Пира был третичным доминиканцем и преподавателем римского права; он был знаменитым итальянским государственным деятелем и одним из отцов итальянской конституции. Во время периода холодной войны оба играли существенную роль во влиянии на общественное мнение, оба, так случилось, оказались среди большинства влиятельных религиозных мыслителей XX столетия. Автор анализирует их представления о международных отношениях, особенно о западной политике по отношению к Советскому Союзу, использованию ядерного оружия, войне во Вьетнаме и коммунистической проблеме. Наследство этих двух мыслителей очень актуально для этической стороны выбора в международной политике сегодня. Поэтому имена христианских мыслителей вернулись снова на передний план. Стоит отметить, что президент Обама цитирует Нибура в качестве одного из своих любимых философов. В интервью «Нью-Йорк таймс» Обама посчитал необходимым подчеркнуть идею Нибура относительно того, что есть «реальное зло, усталость и боль в мире и нужно быть осторожным и скромным в вере в способность устранить эти вещи. Однако мы не должны использовать его в качестве оправдания за цинизм и бездействия». Европейские наблюдатели и ученые также признают, что Обама следует за мыслью Нибура, который демифологизировал идею Америки как земного Царства Божия. Нибур хорошо знал об ограниченности всех гуманитарных схем. Джорджо Ла Пира знал также, что политика должна всегда базироваться на этических принципах и отражать существующее духовное, культурное, политическое и экономическое разнообразие. Его главной целью было формирование новой иерархии ценностей. Точно так же, как Райнхольд Нибур, Джорджо Ла Пира размышлял над ключевыми событиями XX столетия, искал политику, основанную на предписаниях христианства. Точно так же, как Райнхольд Нибур, Ла Пира заявлял о приоритете политики по отношению к экономике. Однако между этими двумя мыслителями были некоторые различия. Онтологический пессимизм Нибура был известен. Напротив, Ла Пира был оптимистом. Он искренне полагал, что его личная политика поможет человечеству способствовать появлению нового мира.

Ключевые слова: Райнхольд Нибур, Джорджо Ла Пира, тоталитаризм, коммунизм, война, диалог.

В книге «Природа и судьба человека» американский профессор, теолог и пастор Рейнхольд Нибул раскрывает содержание таких связанных с протестантством и католицизмом философских ипостасей, как реализм и идеализм. Сопоставление взглядов протестанта Нибула на мировую политику с воззрениями католика Джорджо Ла Пира, терциария Доминиканского ордена, профессора римского права, одного из авторов итальянской конституции и мэра Флоренции, достаточно ярко демонстрирует обе эти ипостаси.

Как мыслитель, Нибул относится к наиболее влиятельным фигурам религиозной философии Америки XX в. В обстановке новейшего кризиса и в связи с настоятельной необходимостью переосмыслить базисные основы международной политики имя этого мыслителя снова оказывается на слуху.

Президент Обама назвал Нибула «одним из своих любимых философов». В интервью газете «Нью-Йорк таймс» Обама счел необходимым подчеркнуть, что в Нибуле его привлекает трудно опровергаемая идея о том, что мир подвержен злу и переживает болезненные трудности, однако все это не оправдывает цинизма и бездеятельности. Проблемы надо решать, не впадая при этом в наивный идеализм или безнравственный реализм. Вслед за Нибулом, полагает Обама, нам, надеющимся победить эти трудности, надо помнить о скромности и смирении [1]. Европейские обозреватели также признавали, что Обама, следуя учению Нибула, вместо политического мессианства поставил перед своей страной более скромную задачу – осознание предела своих возможностей [23].

Философия Нибула действительно показывала путь преодоления двух крайних точек зрения, разделяемых значительной частью общественного мнения США: сентиментального изоляционистского пацифизма, с одной стороны, и империалистического мессианства, полагавшего на силу и военную мощь Америки, – с другой. Напомним, что Нибул, начавший свою деятельность еще до Первой мировой войны, в своем становлении прошел многие этапы – от увлеченности марксизмом и социалистическими теориями до твердой убежденности в безальтернативности демократической организации государства. Полемизируя с теоретиками, абсолютизовавшими роль власти в борьбе с естественным состоянием анархии, Нибул утверждал вслед за Св.Августинем, что отражение идеала града Небесного неизбежно присутствует и на земле. Широкоую известность получило его суждение: «Способность людей к справедливости делает демократию возможной, тогда как склонность людей к несправедливости делает демократию необходимой». Признавая, что демократическое правление лучше автократического и тоталитарного, Нибул, однако, предупреждал, что представление о демократии в религиозных параметрах может привести к идолопоклонству, то есть абсолютизации и некритичному восприятию форм демократии.

Поклонение демократии, писал он, – это ложная религия, приводящая к идентификации высоких целей с реальностью повседневной жизни [20].

Нибул считается основателем школы современного реализма, ставшей господствующей в американских теориях международных отношений. По собственному признанию таких теоретиков и практиков международных отношений, как Ганс Моргентау, Джордж Кеннан, Артур Шлезингер, Кеннет Уолтс и многих других, все они испытывали на себе влияние Нибула. Исторически принцип баланса сил как в организации того или иного общества (т.е. создания системы демократических сдержек и противовесов) был распространен и на построение международных отношений. Однако уже в XIX в. появляется целый ряд теоретиков, опровергавших приемлемость принципа баланса, как не обеспечивавшего сохранение мира. Поиски нового типа организации международных отношений с особой интенсивностью осуществляются в ходе Первой мировой войны и приводят к выводу о необходимости создания Лиги Наций, универсальной многосторонней организации, целью которой является мирное урегулирование существующих между государствами противоречий.

В специфических условиях холодной войны Нибул приходит к выводу о приемлемости принципа баланса сил в послевоенных международных отношениях, оговаривая, однако, что этот принцип должен зиждиться на христианском учении. Таким образом, как подчеркивает российский исследователь Иван Тимофеев, Нибул обеспечил твердую интеллектуальную основу сторонникам реализма, встроив реалистическую теорию международных отношений в более широкий контекст современных политических теорий [1].

Нибул – противник перфекционизма и получившей широкое распространение в социальном протестантстве Америки идеи о возможности построения Царства Божьего в земной жизни. Он подвергает критике мнение американцев о самих себе как богоизбранной стране, призванной реализовать на земле Небесный град. По Нибуру, признание за собой морального превосходства способно оправдать любые политические действия и ведет к отказу от осознания греховности всех людей как следствия первородного греха. Такая позиция, считает он, позволяет определенным группам прикрываться ореолом святости и претендовать на универсальность своего корыстного интереса, обращаясь со своими политическими оппонентами как исчадием ада. Наряду с этим Нибул допускает, что именно властные императивы, а не мораль и религия определяют цели реальной политики. «Религия, – пишет он, – нередко становится причиной сумбура в политике и этим зачастую наносит ущерб демократии. Все из-за того, что религия привносит абсолютные принципы в область, где царят ценности относительные» [3, с. 230].

В отличие от неолибералов, уповающих на «невидимую руку» рынка, Нибул разделяет като-

лическую убежденность в примате политики над экономикой. Политика, полагает он, позволяет избежать крайностей либеральной доктрины свободного предпринимательства, с одной стороны, и левого материализма – с другой. При этом политика, утверждает Нибур, должна быть политикой справедливой (понятие справедливости интерпретируется им в консервативном ключе). Однако Нибур сомневается в том, что какая-либо сверхдержава, обладающая превосходящей мощью, способна проводить безусловно справедливую политику. Еще в 1952 г. в своей известной книге «Ирония американской истории» он писал: «В глобальном плане победители столкнутся с «имперскими» проблемами использования власти, исходящей из одного центра, центра столь превосходящего остальных и неоспоримого, что его мировая роль почти наверняка будет нарушать базовые стандарты справедливости» [17, с. 2].

Важно еще раз подчеркнуть, что Нибур в своем стремлении поставить секулярную теорию реализма на христианскую основу исходит из предпосылки первородной греховности человека. Он убежден, что идея христианской любви предстает как «невозможная возможность» [18]. Вывод о решающем значении власти и силы подтверждает его мысль, что в истории справедливость достигается исключительно благодаря балансу сил, причем эта справедливость никогда не будет идеальной, как, впрочем, и сам баланс сил не будет совершенным, поскольку ни одно государство – участник этого баланса – никогда не довольствуется своим положением [19].

Система коллективной безопасности для Нибура неприемлема как идеалистический проект, ибо «государства стремятся прежде всего к своей абсолютной безопасности». В то же время, как мы видели, Нибур не отрицает, что стремление к справедливости в историческом процессе может стать результатом, пусть даже достигнутые результаты неизбежно будут отличаться несовершенством. Трагичность судьбы человека на пути к справедливости ограничивает его намерения лишь отношениями «взаимности», а следование примеру жертвенной любви Христа может погубить государство, вступающее в отношения с другими государствами [19]. Критики подобных взглядов Нибура, в частности американский теолог-иезуит Джон Мюррей, считали, что моральные оценки в этой сложной системе взглядов становятся практически невозможными [16, с. 279].

Заданная Нибуром двойственность подхода обусловила, в частности, неоднозначность его позиций по целому ряду вопросов мировой политики. Утверждая, что не мораль, а реальные интересы являются движущей силой поведения государств, Нибур в своей книге «Нравственный человек и безнравственное общество» (1932) подвергает резкой критике тех, кого он называет моралистами, за их непонимание жесткого поведения, свойственного коллективу. «Реаль-

ность власти сурова, а конфликты неизбежны, и с этим надо примириться» [22, с. 1014]. Так, пытаясь оправдать решение Трумана и Черчилля об использовании атомной бомбы в войне с Японией, Нибур, признавая аморальность этого, тем не менее утверждал: «Мы должны задать себе вопрос, не оказались ли авторы этого решения во власти исторического процесса, превосходящего по своей мощи любые человеческие действия» [22, с. 1015]. В то же время Нибур, учитывая уроки Второй мировой войны, поддержал идею создания Организации Объединенных Наций.

В рамках силовой политики рассматриваются им и отношения с идеологией и практикой коммунизма. Коммунистической системе, по мнению Нибура, следует противопоставить не рассуждения об абсолютных ценностях, а рациональную и прагматичную политику, не исключающую и применение силы. Коммунистическая идеология для Нибура – миф, особенно опасный тем, что он порождает фанатизм. Поэтому печально известного сенатора Маккарти, запятнавшего себя вопиющими нарушениями гражданских свобод и прав человека, Нибур считал фигурой чересчур мягкой, а его действия по искоренению коммунизма и изоляции лиц, симпатизирующих коммунизму, малоэффективными [9, с. 325]. Недаром Нибура называли «солдатом холодной войны» [11]. Именно он становится одним из основных творцов теории сдерживания коммунизма, считая, что методы силового воздействия способны принудить Советское государство к переходу на оборонительные позиции. Основываясь на той же теории сдерживания, Нибур поддержал военное вмешательство США в дела Вьетнама в начале 1960-х гг., будучи уверенным, что в случае ухода США из Южного Вьетнама вся Юго-Восточная Азия капитулирует перед коммунистами [21, с. 28].

Другой христианский мыслитель и политик – Джордж Ла Пира – так же, как и Рейнхольд Нибур, задавался вопросами о возможных политиках на основах христианства, утверждал примат политики над экономикой, задумывался над судьбоносными событиями XX в. Но в отличие от характерного для Нибура онтологического пессимизма Ла Пира придерживался оптимистического взгляда на потенциал человеческой деятельности и искренне полагал, что его активная личная политика способствует созданию нового мира.

Центральным моментом деятельности Ла Пира была убежденность, что политика должна базироваться на принципах этики и отражать присущее народам духовное, культурное, политическое и экономическое разнообразие. Речь шла о политике «творческой, направленной на создание новой иерархии ценностей» [15]. Библейское изречение «*spes contra spem*», иными словами, «надежда вопреки самой надежде», стало путеводной звездой Ла Пира. У него, как и у Нибура, были идейные противники. Одни клеймили его за утопизм, за опасные попытки

мешать политику с верой, другие считали, что его убеждения и политические действия являются уступкой чуждой христианству идеологии. На самом деле, строго следуя католической доктрине, Ла Пира умело сочетал ее с толерантностью своей политики. Неслучайно современники характеризовали его деятельность как «искусство мира», искусство разрешать конфликты на основе многостороннего подхода, равенства, плюрализма и диалога на всех уровнях благодаря преодолению расовой, классовой, идеологической и религиозной дискриминации.

Война (если, конечно, это не был вынужденный ответ на агрессию, причем ответ обязательно с санкции международного сообщества) рассматривалась Ла Пирой как нарушение законов солидарности, иерархии ценностей и социальной значимости личности, то есть законов мироздания. В условиях блокового противостояния и угрозы ядерного конфликта Ла Пира писал: «Надо установить третью палатку мира между двумя палатками войны» [4], то есть способствовать установлению мирных отношений между двумя блоками.

Весьма знаменательно, что многие выводы, сделанные им в 50–70-х гг. прошлого столетия, звучат актуально и сегодня. Правда, сам Ла Пира возражал тем, кто говорил о его даре провидения, и предпочитал называть себя «сицилийским христианином» [6]. Будучи убежденным противником войны, Ла Пира вместе с тем предупреждал, что не только война угрожает человечеству. Голод, безработица, неграмотность, невежество, болезни и нищета являют собой не меньшую опасность. Надо признать, что сегодня язвы, на которые указывал Ла Пира, стали питательной почвой для международного терроризма [2].

Учитывая опыт Второй мировой войны и предвидя возможность этнических и конфессиональных конфликтов, Ла Пира пришел к выводу, что мирные отношения между народами без мира религиозного вряд ли возможны. В 1952 г., после своего избрания на пост мэра, он передал правительствам разных стран предложение направить известных представителей культуры во Флоренцию, чье призвание, по выражению Савонаролы, «стремиться стать отражением небесного Иерусалима». Ла Пира предлагал обменяться мнениями «о нынешнем положении христианской цивилизации в мире и о присущей ей способности стать подлинным инструментом мира и объединения народов» [7, с. 107]. Идея Ла Пире получила широкий отклик, тридцать три страны направили своих представителей на Первую Международную встречу за мир и христианскую цивилизацию. Затем ежегодно эти встречи «слов культуры – носителей мира» повторялись, варьируя тематику и расширяя число участников (на встрече 1956 г. выступали представители шестидесяти одного государства, а также ЮНЕСКО, Красного Креста и других международных организаций). Обсуждались вопросы мировой политики, концепции патриотизма, делались «по-

пытки нащупать баланс между уже уходящим в прошлое национализмом и низкопробным универсализмом», велись дискуссии насчет теологических взглядов на войну и на оборону, в повестку дня включались вопросы истории цивилизаций, литературы и поэзии [8, с. 405].

Подтверждением взглядов Ла Пире на мировое развитие стали созываемые им с 1958 г. во Флоренции Средиземноморские симпозиумы. Ла Пира рассматривал Средиземноморье как «больной нерв международного мира» [14]. То есть ситуация в этом геополитическом регионе становилась для него своеобразным барометром всей мировой политики. Флорентийские симпозиумы преследовали цель диалога между «тремя ветвями семьи Авраама: иудеями, христианами и мусульманами» [14]. Ла Пира отдавал себе отчет в том, что политические конфликты и идеологические противоречия осложняют эти встречи, но именно поэтому придавал им особое значение. В симпозиумах принимали участие интеллектуалы и деятели культуры из арабских стран, Израиля, стран Африки и Европы. В ходе встреч становился возможным диалог между иудеями и мусульманами, между представителями Франции и Фронта национального освобождения Алжира, обсуждались темы будущего Средиземноморья, связанного прежде всего с разрешением арабо-израильского конфликта. Вопросы борьбы с колониализмом и апартеидом также активно дискутировались участниками симпозиумов.

Важной инициативой Ла Пире по утверждению принципа мирного сосуществования в условиях холодной войны стала встреча в 1955 г. во Флоренции мэров столиц мира, включая такие города, как Москва и Пекин, а также Тирана, Прага, Варшава, Бухарест и Будапешт. В ходе встречи мэров была обозначена очень важная мысль, к которой Ла Пира неоднократно возвращался в своих трудах. Речь шла о значении города как духовного и материального наследия человечества, полученного от прошлых поколений и которое должно в целости быть передано поколениям будущим. «Государства возникают и исчезают, – писал он, – а города остаются» [13]. В финальном документе, подписанном мэрами по итогам встречи, отмечалось, что военное разрушение этого наследия является актом вандализма, подрывающим основы цивилизации [13].

Постоянно возвращаясь к этой идее, Ла Пира считал, что миростроительство должно начинаться именно с сотрудничества городов, то есть создание мирной жизни начинается снизу, а не декларируется сверху. Его проекты в этом направлении, пожалуй, весьма созвучны современным концепциям сетевой и гражданской дипломатии. Ла Пира надеялся, что политика наведения мостов – научных, технических, экономических, торговых, урбанистических, политических, социальных, культурных, духовных – способствует возникновению сети сотрудничества народов, венчаемой «все еще хрупким и несовершенным зданием Объединенных Наций» [7, с. 100].

■ Международные отношения

В 1958 г. Ла Пира принял в Палаццо Веккьо высокого представителя КНР (Народный Китай тогда еще не имел дипломатических отношений со значительным числом государств, в том числе и с Италией). Шутливое приветствие мэра Флоренции «Передайте своему правительству, что Народная Республика Св. Прокла признаёт Китайскую Народную Республику» вызвало тогда бурную реакцию. В 1959 г. Ла Пира приглашен в Москву и выступает в Верховном Совете СССР, призывая добиться разрядки международной напряженности и идти по пути разоружения. Широко известна также поездка Ла Пира во Вьетнам в 1965 г., где он встретился с Хо Ши Мином. Результатом стали договоренности о предварительных условиях, на основе которых правительство Ханоя было готово приступить к переговорам с США. Письмо с изложением этих условий было передано президенту Джонсону бывшим премьер-министром Италии А. Фанфани, председательствовавшим в ГА ООН. Американцы тогда не согласились с этими предложениями, и война продолжалась еще восемь лет, неся смерть и разрушения. Лишь в 1975 г. были подписаны мирные Парижские соглашения. По этому поводу сам Ла Пира, а также ряд американских военных и политиков отмечали, что в конечном итоге США были вынуждены согласиться на условия гораздо более тяжелые, чем те, что были переданы из Вьетнама в 1965 г. [5, с. 12].

Примечательно, что к 1966 г. Нибуэр изменил свою позицию по Вьетнаму и заявил, что американцы превратили гражданскую войну во Вьетнаме в американскую империалистическую войну, а Южный Вьетнам в американскую колонию, при этом «спасая» этот несчастный народ, физически уничтожали его. В 1967 г. он призвал к выводу войск из Вьетнама и к организации общественного протеста «против этой ужасной политики» [21, с. 28].

Весьма показательна позиция Ла Пира в отношении идеологического противостояния Восток–Запад. Вся его деятельность в этом направлении может быть названа политикой наведения мостов. Огромный интерес Ла Пира к СССР был вызван, в частности, убеждением, что православное христианство в России не может быть уничтожено советской идеологией. В отличие от Нибуэра, уверенного в неререформируемости советского строя и неизбежности его краха, Ла Пира во главу угла ставил политику сосущество-

вания с СССР и был уверен в постепенной эволюции советской системы. Правда, ввиду угрозы ядерной катастрофы и Нибуэр пересмотрел свои предыдущие подходы. Со временем он пришел к выводу, что антикоммунизм превратился в сверхидеологизированную и милитаристскую политику [21, с. 28].

Так же, как и Дж. Кеннан, Нибуэр призвал отказаться от политики военного сдерживания коммунизма, настаивая, чтобы обе сверхдержавы совместно выработали принципы сосуществования. Более того, Нибуэр высказался за одностороннее инициативы в деле ядерного разоружения и за принятие доктрины о неприменении первыми ядерного оружия [21, с. 27].

Гражданская дипломатия Ла Пира шла по двум основным направлениям. С одной стороны, она преследовала цель установления диалога в условиях угрозы ядерного конфликта и видела возможность видоизменить коммунистический строй – с другой. «Мир строится не путем отвержения, а путем привлечения России к христианской Европе и христианскому Западу. Необходимы новые отношения, искренние, глубокие между Куполом Св. Петра и Успенским собором в Кремле», – писал он папе Павлу VI [10, с. 99]. Его послания, направленные советским лидерам – Сталину, Маленкову, Хрущеву, Булганину, Брежневу – свидетельствуют о надежде Ла Пира на возможность убедить коммунистов отказаться от официального атеизма. Фанатичный антикоммунизм был для Ла Пира неприемлем. В письме (1955) к кардиналу Анджело Дель Аква Ла Пира утверждал: «Подобный антикоммунизм ничем не отличается от коммунизма, он столь же материалистичен, лжив и отвратителен. Наше неприятие коммунизма совсем другого рода. Речь идет о теологических основах цивилизации и государства, мы сражаемся с коммунизмом другими средствами, теми, которые укоренились в теологии» [12, с. 160].

Достоинство упоминания, что в последние годы жизни Нибуэр тоже стал подчеркивать различие между безыдейным фашизмом, благодаря чему его можно было победить военной силой, и коммунизмом, обладающим моральной силой утопической веры. В силу этой причины, говорил он, с коммунистами следует бороться другими средствами. Незадолго до смерти Нибуэр признал, что ему трудно предпочесть один фанатизм другому – фанатизм антикоммунистов фанатизму коммунистов [12, с. 27].

Список литературы

1. Тимофеев И.Н. Разгадать «Энигму»: Барак Обама сквозь призму этического реализма Рейнхольда Нибуэра // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 261–270.
2. Шрамм К. Афганистан и экспедиционная экономика: если США хотят выиграть войну с терроризмом, необходимо отложить в сторону провалившиеся теории // Независимая газета. 12.01.2011. (перевод с английского).
3. Acerbi A. Chiesa e democrazia: da Leone XIII al Vaticano II. Ed. Vita e pensiero, 1991.
4. Andreotti G. Lo straordinario La Pira. Available at: <http://www.30giorni.it/it/articolo.asp?id=2931>
5. Bosco T. La grinta cristiana di Giorgio La Pira. Copia viva del Vangelo. Elledici Editori, 2005.
6. Carnemolla P.A., Un cristiano siciliano. Rassegna degli studi su Giorgio La Pira (1978-1998), Studi del Centro A. Cammarata, Caltanissetta-Roma, Salvatore Sciascia, 1999.
7. De Siervo U., Giovannoni G., e G. Giovannoni (a cura di). Giorgio La Pira Sindaco. Scritti, discorsi e lettere, vol. I, 1951-1954. Cultura nuova editrice - Comune di Firenze, 1988.

8. Formigoni G., *La Democrazia Cristiana e l'Alleanza occidentale (1943-1953)*, Il Mulino, Bologna, 1996,
9. Fox, Richard Wightman. *Reinhold Niebuhr: A Biography*. Cornell University Press 1985.
10. Garzaniti M., Tonini L. *Giorgio La Pira e la Russia*. Giunti Editori, 2005.
11. Kaplan R.D. Looking the World in the Eye: Samuel Huntington. Atlantic On-Line, 2001. Available at: <http://www.freerepublic.com/focus/fr/589375/posts> (accessed 1 February 2012)
12. La Pira G., *Beatissimo Padre. Lettere a Pio XII*, Milano, Mondadori, 2004.
13. La Pira G.. Il valore delle città. Available at: http://www.lapira.org/index2.php?file=onenews&form_id_notizia=157 (accessed 1 February 2012)
14. Lapira (2012) Available at: http://www.lapira.org/pop.php?file=onenews&form_id_notizia=171 (accessed 1 February 2012)
15. Lepri S. Giorgio La Pira: l'uomo dei sogni che si avverano. Available at: http://www.sergiolepri.it/index.php?option=com_content&task=view&id=46&Itemid=63 (accessed 1 February 2012)
16. Murray J. C. *We Hold These Truths: Catholic Reflections on The American Proposition*. New York: Sheed & Ward, 1960. P. 279.
17. Niebuhr R. *The Irony of American History*. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
18. Patton H. G. Reinhold Niebuhr. Ch.5: Love and Justice. Available at: <http://www.religion-online.org/showchapter.asp?title=3279&C=2739> (accessed 1 February 2012)
19. Reinhold Niebuhr's Normative Realism. Available at: http://www.ipri.pt/eventos/pdf/Niebuhr_VR.pdf (accessed 1 February 2012)
20. Religion: The Dimension of Faith. Time Magazine. 1947, August 18. Available at: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,853211,00.html> (accessed 1 February 2012)
21. Rice D.F., Marty M.E. (eds). *Reinhold Niebuhr revisited: engagements with an American original*. Michigan: B.Eerdamans Publishing Co. 2009.
22. Schaper D. The Nuclear Reality: Beyond Niebuhr and the Just War. *Christian Century* October 13, 1982.
23. Spinelli B. Obama e il fardello dell'uomo diverso. *La Stampa* 11.10. 2009.

Об авторе

Зонова Татьяна Владимировна – д.полит.н., профессор кафедры дипломатии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

CHRISTIAN THINKERS ON INTERNATIONAL RELATIONS (REINHOLD NIEBUHR AND GIORGIO LA PIRA)

T.V. Zonova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The author examines the legacy of two great Christian thinkers, the American Reinhold Niebuhr and the Italian Giorgio La Pira. Reinhold Niebuhr was a protestant theologian and political adviser to the Council of Foreign Relations and George Kennan's Policy Planning Staff. The Mayor of Florence, Giorgio La Pira was a Dominican tertiary and professor of Roman law; he was a prominent Italian statesman and one of the fathers of the Italian Constitution. During the Cold War period both played a significant role in influencing public opinion, both proved to be among most influential religious thinkers of the 20th century. The author analyzes their views on international relations, in particular on the western policy towards the Soviet Union, the use of nuclear weapons, the war in Vietnam and the communist issue.*

The legacy of the two thinkers is highly topical in front of the ethical dimension of choices in international politics today. Therefore the names of Christian thinkers are back again to the fore. It is worth noting that President Obama cites Niebuhr as one of his favorite philosophers. In an interview with «The New York Times» Obama felt it necessary to emphasize the Niebuhr's idea that there is "a real evil, fatigue and pain in the world, and one should be careful and modest in his belief of being able to eliminate these things. Nevertheless, we should not use it as an excuse for cynicism and inaction". European observers and scholars also admit that Obama is following the thought of Niebuhr, who was demythologizing the idea of America as a visible place of the Kingdom of God». Niebuhr was well aware of the limitations of all humane schemes. Giorgio La Pira was aware as well that politics should always base on ethical principles and reflect the existing spiritual, cultural, political and economic diversity. His main purpose was the formation of a new hierarchy of values. Just like Reinhold Niebuhr, Giorgio La Pira, reflecting on key events of the 20th century, looked for a policy based on the precepts of Christianity. Just like Reinhold Niebuhr, La Pira stated the primacy of politics over economics. However there were some differences between the two thinkers. Niebuhr's ontological pessimism was well known. On the contrary, La Pira was an optimist. He sincerely believed that his personal policy would help mankind to promote the cause of a new world.

Key words: Reinhold Niebuhr, Giorgio La Pira, Obama, Christian precepts, ethical principles, politics, economics, democracy, totalitarianism, cold war, coexistence, soviet bloc, fascism, communism, international relations, realism, idealism.

References

1. Timofeev I.N. Cracking the Enigma: Barack Obama and Reinhold Niebuhr's Ethical Realism. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2010, no. 4, pp. 261-270. (in Russ.).
2. Shramm K. Afghanistan and expeditionary economy: If US wants to win war against terrorism, it's necessary to put aside failed theories. Nezavisimaia gazeta [Independent Newspaper], no. 002 (5205), January 12, 2011. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2011-01-12/9_afg.html.
3. Acerbi A. Chiesa e democrazia. Da Leone XIII al Vaticano II [Church and democracy. Leo XIII in Vatican]. Ed. Vita e pensiero, 1991. 360 p.
4. Andreotti G. Lo straordinario La Pira [Extraordinary La Pira]. Available at: <http://www.30giorni.it/it/articolo.asp?id=2931>.
5. Bosco T. La grinta cristiana di Giorgio La Pira "Copia viva del Vangelo" [The determination of Christian Giorgio La Pira "Living copy of the Gospel"]. Torino, Elledici Editori, 2005.
6. Carnemolla P.A. Un cristiano siciliano. Rassegna degli studi su Giorgio La Pira (1978-1998) [Christian Sicily. Review of studies of Giorgio La Pira (1978-1998)]. Studi del Centro A. Cammarata, Caltanissetta-Roma, Salvatore Sciascia, 1999.
7. De Siervo U., Giovannoni G., Giovannoni G., ed. Giorgio La Pira Sindaco: Scritti, discorsi e lettere [Giorgio La Pira the Mayor. Writings, speeches and letters]. Vol. I, 1951-1954. Firenze, Cultura nuova ed., 1988.
8. Formigoni G. La Democrazia Cristiana e l'Alleanza occidentale (1943-1953) [Christian Democrats and the Western Alliance (1943-1953)]. Bologna, Il Mulino ed., 1996.
9. Fox R.W. Reinhold Niebuhr: A Biography. Ithaca, Cornell Univ. Press Publ., 1985. 370 p.
10. Garzaniti M., Tonini L. Giorgio La Pira e la Russia [Giorgio La Pira and Russia]. Giunti Editori, 2005. 336 p.
11. Kaplan R.D. Looking the World in the Eye: Samuel Huntington. Atlantic On-Line, December 2001. Available at: <http://www.freerepublic.com/focus/fr/589375/posts>. Accessed February 1, 2012.
12. La Pira G. Beatissimo Padre: Lettere a Pio XII [Most Holy Father: Letters to Pope Pius XII]. Milano, Mondadori ed., 2004. 160 p.
13. La Pira G. Il valore delle città [The value of the city]. Available at: http://www.lapira.org/index2.php?file=onenews&form_id_notizia=157. Accessed February 01, 2012.
14. Lapira (2012). Available at: http://www.lapira.org/pop.php?file=onenews&form_id_notizia=171. Accessed February 01, 2012.
15. Lepri S. Giorgio La Pira: l'uomo dei sogni che si avverano [Giorgio La Pira: The man of dreams that come true]. Available at: http://www.sergiolepri.it/index.php?option=com_content&task=view&id=46&Itemid=63. Accessed February 01, 2012.
16. Murray J.C. We Hold These Truths: Catholic Reflections on the American Proposition. New York, Sheed & Ward Publ., 1960. 320 p.
17. Niebuhr R. The Irony of American History. Chicago, Univ. of Chicago Press Publ., 2008. 174 p.
18. Patton H.G. Reinhold Niebuhr. Ch. 5: Love and Justice. Available at: <http://www.religion-online.org/showchapter.asp?title=3279&C=2739>. Accessed February 01, 2012.
19. Reinhold Niebuhr's Normative Realism. Available at: http://www.ipri.pt/eventos/pdf/Niebuhr_VR.pdf. Accessed February 01, 2012.
20. Religion: The Dimension of Faith. Time Magazine, 1947, August 18. Available at: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,853211,00.html>. Accessed February 01, 2012.
21. Rice D.F., Marty M.E., eds. Reinhold Niebuhr revisited: Engagements with an American original. Michigan, B. Eerdmans Publ., 2009, p. 28.
22. Schaper D. The Nuclear Reality: Beyond Niebuhr and the Just War. Christian Century, October 13, 1982.
23. Spinelli B. Obama e il fardello dell'uomo diverso [Obama and the other man's burden]. La Stampa, 11.10. 2009.

About the author

Tatiana V. Zonova – Doctor of Political Sciences, professor of department of Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ ФРАНЦИИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ЭПОХ

С.И. Косенко

Почетное консульство РФ в Лозанне, Швейцария, 13, авеню Румине, 1003
Лозанна, Швейцария.

В статье рассматриваются истоки и основные этапы становления культурной дипломатии Франции как фактора «мягкого могущества» этой страны. Показано традиционно важное место культурной политики в стратегии сохранения и усиления планетарного влияния Франции как великой державы. Опыт истории и культуры Франции – родины Просвещения, свободомыслия и идеологии прав человека, – несомненно, занимает почетное место не только в европейской, но и в мировой сокровищнице духовных ценностей. И если величие и притягательная сила французской культуры сумели пережить превратности времен, то произошло это прежде всего благодаря последовательной культурной политике ее правящих кругов – от просвещенных монархов до современных президентов. В этом смысле культурная политика как целенаправленная деятельность государства по сохранению и защите национальной культурной специфики является сугубо французским «изобретением», феноменом, берущим свое начало в глубине истории страны и сохранившим преемственность на протяжении веков. И по сей день Франция остается единственной среди промышленно развитых стран, у которой с давних пор существует четко разработанная программа этой политики и которая носит целенаправленный характер и опирается на рациональную организационную структуру. Рассуждения автора подкрепляются фактами, почерпнутыми из значительного числа зарубежных публикаций последнего времени.

Ключевые слова: дипломатия влияния, культурная политика, культурная дипломатия, культурная исключительность.

Культурная политика Франции за рубежом всегда опиралась на славное прошлое этой страны и ее выдающиеся достижения в различных областях мысли, культуры и науки, вдохновлявшие не одно поколение не только французских, но и иностранных государственных деятелей, духовных лидеров и обычных людей. Культура традиционно была и остается эффективным компонентом французской дипломатии влияния, обеспечивающей так называемое «мягкое могущество» Франции. Главным и почти монопольным оператором этой политики с давних времен является министерство иностранных дел – Кэ д'Орсэ. В 2010–2011 гг. была проведена очередная реформа аппарата культурной дипломатии Франции с тем, чтобы приблизить ее к реалиям эры Интернета и цифровых технологий [2, pp. 14–15]. По сей день Франция остается единственной среди промышленно развитых стран мира, у которой с давних пор существует четко разработанная программа этой политики, носящая целенаправленный характер и опирающаяся на рациональную организационную структуру.

Культурная политика по праву считается французским «изобретением», ее внутренние и внешние параметры неразрывны. Несколько лет назад министерство культуры и коммуникации Франции выпустило брошюру, в которой указано, что административная организационная структура берет свое начало в XVII в. – с созданием в 1654 г. генерального суперинтендантства по управлению королевской недвижимостью [4, p. 17]. Этот акт служит как бы отправной точкой отсчета в славной истории французской культурной политики. Как свидетельствуют архивные документы, уже Карл Великий (742–814) и последующие поколения французских принцев в VIII–XII вв. проявляли заботу о содержании школ, реставрации манускриптов, окружали себя учеными, художниками и артистами. Этот период даже получил название «Ренессанс эпохи Каролингов». Если в 1257 г. Людовик IX поддержал создание теологом Робером Сорбоном университета в Париже, а в 1298 г. на французский язык было переведено знаменитое повествование о путешествиях португальца Марко Поло, то еще сильнее стремление монарха к культурному развитию королевства ощущалось при Карле V Мудром в середине XIV в.

Однако подлинным родоначальником покровительства искусств и литературы во Франции считается король Франсуа (Франциск) I, правивший в 1515–1547 гг. Решительно воспротивившись засилью латинского языка, учредил в 1530 г. Королевскую коллегию лекторов, ставшую впоследствии важным очагом французской культуры, известным под именем Коллеж де Франс. Среди других знаменитостей того времени в Коллегии некоторое время по приглашению короля работал Леонардо да Винчи. В 1538 г. гуманист Робер Этьенн/Этьенн (1503–1559) опубликовал Латино-галльский словарь, где впервые употребил

выражение «культивировать ум (сознание)», после чего слово «культура» стало входить в обиход во Франции и в Германии [3, pp.230–235]. С продвижением французского языка монархи изначально связывали становление и сплочение французской нации.

В 1539 г. королевский ордонанс Виллье-Коттрэ окончательно придал французскому языку статус государственного, постановив употреблять его вместо латинского во всех официальных документах. В те далекие времена именно королевский двор стал первичным хранилищем и распространителем культуры.

Более четко идея политической ответственности публичных властей в области искусства и творчества утвердилась в XVII в., и ее первым реальным институциональным выражением стало создание кардиналом Ришелье в 1635 г. Французской академии (Académie française). Основные усилия академии были направлены на официальное закрепление французского литературного языка в государственной и общественной жизни страны. Создание академии явилось серьезным поворотом в закреплении связей между государством и интеллектуально-художественной элитой общества, а также мощной поддержкой со стороны государства развития литературного французского языка. Двумя годами позже, в 1637 г., член академии Ренэ Декарт (1596–1660) опубликовал свое «Рассуждение о методе», сделавшее французский язык языком философии. Таким образом, начиная с Людовика XIII (1610–1643) и особенно при «короле-солнце» Людовике XIV (1643–1715) французский двор стал основным официальным местом средоточия духовной жизни нации и местом, где вольготно чувствовали себя ученые, писатели, артисты, художники и музыканты.

Культура и дипломатия Франции всегда были тесно связаны [5, p.11]. Первым реальным проявлением «культурной дипломатии» Франции считают договор, заключенный в 1535 г. королем Франсуа (Франциском) I с султаном Сулейманом Великолепным. По договору султан обязался защищать христиан, что открыло путь проникновению французского языка и культуры на Ближний Восток. При Людовике XIII кардинал Ришелье и его сподвижники подхватили и укрепили традицию королевского «культурного действия». По настоянию кардинала в 1625 г. Франция добилась от всемогущей Римской курии признания права на руководство французскими католическими миссиями. Это позволило ей встать в один ряд с такими признанными проводниками католичества за рубежом, как Испания и Португалия. Центром франкофонии и франкофилии на Ближнем Востоке в ту пору стал Ливан. Тогда же началось активное освоение Канады, открытой французом Жаком Картье в 1615 г. Постепенно французские миссионеры и религиозные конгрегации начали распространять свои идеи не только на Ближнем Востоке, но и в Африке, в Северной и Латинской Америке. Напомним, что еще в 1701 г. француз Антуан де Ламот-Кадийак (по-англ. – Кадиллак)

основал в штате Мичиган город Детройт – будущий центр американского автомобилестроения.

Годы правления «короля-солнце» Людовика XIV ознаменовались небывалым подъемом первых культурных обменов Франции с окружающим миром, чему немало способствовал начавшийся расцвет литературы и театра. Помимо произведений на французском языке писатели, драматурги и литераторы того времени при поддержке королевского двора принялись соревноваться в создании многочисленных журналов, кружков и школ, в том числе за рубежом. Самыми знаменитыми тогда стали французские школы в Голландии и отделение Коллеж де Франс в Берлине, открытое в 1689 г.

Вслед за Ришелье кардинал Мазарини назначал послами видных гуманистов и литераторов с наказом завязывать самые тесные связи с местной культурной элитой, используя красноречие, умение вести интеллектуальную беседу для, грубо выражаясь, пропаганды французских духовных ценностей. Французский язык окончательно утвердился в качестве официального языка общения при всех европейских дворах, а сама Франция была признана законодательницей куртуазных дипломатических правил и обычаев. С Францией уже тогда ассоциировались понятия о престижности, глубине мышления и тонкости вкуса.

Демократизация образования и повышение культурного уровня масс, бурное развитие гуманитарных наук, утверждение культурной самобытности европейских наций, начавшиеся еще в Средние века, создали благоприятные условия для распространения французской культуры и культурных обменов с другими странами. Если поначалу их двигателем, безусловно, были религиозные и коммерческие интересы, то вслед за крестоносцами и купцами по миру разбрелись французские теологи, схоласты, ученые и преподаватели. Ими была заложена основа для дальнейшего развития самостоятельной внешней культурной политики Франции. Так, в Риме, в дипломатической миссии, в молодости зарабатывал себе на хлеб впоследствии яркий представитель литературной группировки «Плеяда», реформатор французского языка поэт Жоакен (Иоаким) дю Беллэ (1522–1560), современник другого великого поэта Средневековья – Пьера де Ронсара. В 1549 г. в своем трактате «*Défense et illustration de la langue française*» он придал понятию «культура» моральный смысл, определив ее как стремление к развитию интеллектуальных способностей с помощью соответствующих действий [6, p.11]. А сто лет спустя достопримечательностью своего времени стал единомышленник Дидро кардинал де Бернис, избранный академиком в возрасте 29 лет и назначенный в 1751 г. сначала послом в Венеции, а затем в Риме, где он прослужил почти четверть века.

Рене Декарт поддерживал самые тесные отношения с королевскими дворами Швеции и Нидерландов. Королева Швеции Кристина (1626–1689), желая превратить Стокгольм в «новые Афины»,

приглашала к своему двору французских художников, поэтов и зодчих. А взойшедший на престол почти через сто с лишним лет после нее шведский король Густав III (1746–1792) с юных лет находился под сильным влиянием Франции. Поощряемый матерью, Густав изучал книги Вольтера, Корнеля, Монтескье, Расина и настолько хорошо овладел французским языком, что говорил и писал на нем не хуже, чем по-шведски. Весть о смерти отца он получил вечером 1 марта 1771 г., когда сидел в ложе парижского оперного театра, и в Стокгольм уже вернулся королем Густавом III. Получив поддержку и большую субсидию от Франции, новоиспеченный король практически осуществил государственный переворот. 19 августа 1772 г. риксдаг под дулами пушек принял пакет новых законов, существенно расширивших единоличную власть монарха [7, p.17].

Три четверти века, прошедшие с момента окончания правления Людовика XIV, Просвещения и Великой революции, были эпохой дальнейшего, хотя и менее плодотворного, развития и распространения французского языка и культуры. Разумеется, продвижение отечественной культуры было далеко не единственной задачей французских дипломатов-интеллектуалов. В 1743 г., например, философ Вольтер был отправлен в Гаагу с тайным поручением осведомиться о замыслах голландского короля Фредерика, а драматург Бомарше прибыл в Лондон, чтобы наблюдать за отношением политических кругов к событиям в Америке.

В тот период французскую культуру за рубежом представляли такие видные деятели эпохи, как Жан-Жак Руссо, который в 1743 г. служил секретарем французского посла в Венеции, Вольтер – при дворе Фридриха II в Пруссии, а Дени Дидро в 1773–1775 гг. – при дворе Екатерины II в России. Секретную миссию в Пруссии за три года до Великой французской революции, начавшейся в 1789 г., выполнял один из ее вдохновителей граф Мирабо. В 1803 г. будущий известный писатель Франсуа-Рене де Шатобриан по приглашению Наполеона стал французским дипломатом в Риме. После реставрации Бурбонов он работал послом в Берлине (1821), Лондоне (1822) и Риме (1829), а в 1823–1824 гг. – даже был министром иностранных дел. На дипломатическом поприще провели часть своей жизни писатели Стендаль и Ламартин. То есть тесная связь между дипломатией и культурой во Франции завязалась еще в достопамятные времена и постоянно укреплялась. Неслучайно французский язык уже тогда стал придворным и дипломатическим языком Европы и, следовательно, естественным вектором французской культуры.

Именно в этот промежуток времени «распространение идей» стало константой внешней политики Франции. Тогда же, особенно после провозглашения в 1789 г. Декларации прав человека и гражданина, окончательно определились и ее универалистские амбиции, а трехцветное знамя (триколор) и «Марсельеза» утвердились

■ Международные отношения

как символы свободолюбия и равноправия в сознании передовых людей в Европе, а потом и во всем мире. На исходе XVIII в. Франция вступила в эпоху великих преобразований. Однако сначала деятели Великой революции, а потом император Наполеон I подхватили выпавшее из рук Старого режима знамя государственного покровительства культуры и, как бы национализировав ее, поставили «культурное действие» на службу своим идеологическим, военным, территориальным и экономическим интересам.

Под «национализацией» следовало понимать распространение новых республиканских идей, новых нравов и нового взгляда на роль в обществе языка «свободы, равенства и братства» и его культуры, полностью подчиненных отныне национальным интересам. В одном из писем граф Жозеф де Мэтр писал в декабре 1809 г.: «Вся (французская) нация есть не что иное, как широкая пропаганда» [8, p. 12]. В феврале 1790 г. Конвент отменил религиозные ордена, что лишило их необходимых ресурсов и поставило под вопрос их роль в распространении французской культуры. Эту роль все больше брало на себя само государство и французские эмигранты. Как известно, один из них, герцог Эммануил де Ришелье (потомок кардинала), управлял Новороссийским краем с 1803 по 1814 г. и положил начало основанию Одессы, а другой француз – маркиз де Траверсэ – организовал арсеналы в Николаеве и Севастополе.

Как это ни парадоксально прозвучит, но военные кампании армии Наполеона в Египте (1798) и в России (1812) преследовали не только военно-стратегические цели: в ее обзоре следовали ученые, инженеры, учителя, деятели искусства, артисты, перед которыми ставилась задача обеспечить «духовное присутствие» Франции в покоренных странах. Но вот в России Наполеона погубило завышенное самомнение. Он не знал такого понятия, как «русский патриотический дух», и, видимо, считал, что страна, усвоившая французский язык и манеры, сразу сдастся на милость французского императора. И просчитался. Примечательно, однако, что после нашествия Наполеона, помимо проникновения свободолюбивых идей, усилился наплыв в Россию французских специалистов: инженеров, архитекторов, театральных режиссеров, книготорговцев и библиотекарей, искусствоведов, кулинаров и виноделов, парфюмеров и парикмахеров, воспитателей и гувернантов и проч., хотя никакой юридической базы для таких обменов еще не существовало. Были среди них и дезертиры из французской армии, стареющие актрисы и актеры погорелых театров, уволенные домработницы, дамы легкого поведения, куртизанки и просто авантюристы – любители легкой поживы. Но все они, так или иначе, способствовали тому, что вскоре французский язык стал вторым официальным языком российской элиты.

В то же время, идя по стопам своего великого предшественника Франсуа I, Наполеон в 1801 г. возобновил договор с Османской Портой об исключительной роли Франции как покровитель-

ницы всех христиан на Ближнем Востоке. Но уже вскоре после этого обозначился закат всевластия первого императора. Его кампания в Египте не принесла ощутимых результатов, хотя и дала толчок развитию египтологии. В Египте остались работать многие французские ученые. Еще более скромными оказались результаты попытки Наполеона «пролезть» в заповедную зону английских интересов в виде экспедиции «натуралистов» на остров Тасмания. В 1803 г. Франция согласилась продать Соединенным Штатам огромную территорию Луизианы со значительным франкоязычным населением.

Примерно с того же времени мессианистские и гегемонистские устремления Франции, в том числе облаченные в культурные формы, стали встречать растущее сопротивление со стороны ее основных соперников в Европе – Англии и Германии, а позднее и США. Они тоже хотели видеть в своем языке и в своей культуре инструменты укрепления национального единства и утверждения своих внешних амбиций. Лорд Палмерстон первым настоял на замене господствовавшего тогда в дипломатической переписке французского языка на английский. Политическое и военное соперничество между ведущими европейскими державами дополнилось соперничеством в области культуры.

Венский конгресс 1813–1815 гг., созданный после разгрома Наполеона, надолго охладил пыл культурной дипломатии Франции. Тем не менее либерализация французского общества, начавшаяся после падения Первой империи, дала простор ярким талантам во всех областях французской культуры, естественным образом не только сохранив, но и усилив ее привлекательность за пределами Франции. С новой силой и в новом формате возобновилась деятельность религиозных конгрегаций за рубежом – иезуитов, доминиканцев, израелитов, лазаристов и др. Они вновь рьяно взялись за создание школ, больниц, культурных центров в самых разных уголках мира от острова Бурбон (будущий Реюньон) и Мадагаскара до Сенегала, Антильских островов, далекого Таити и даже испаноязычного Перу.

Многочисленные французские ученые, натуралисты, исследователи, моряки, врачи, торговцы и опять же авантюристы на свой страх и риск и чаще всего за свой счет в поисках удачи и открытий разбрелись по всему свету – от Дальнего Востока до Латинской Америки и Океании, – неся в себе зерна французской культуры. Так, например, десятки французских военных, поддерживавших революцию и Наполеона, примкнули к освободительному движению Симона Боливара в Южной Америке (Араго, Лабатю, Лафон, Реверан, Дезире Рулен и масса других имен). Успешно развивалось сотрудничество с Египтом, о чем свидетельствует обелиск, полученный в дар от египтян и воздвигнутый на площади Конкорд в Париже. Французы в 1847 г. руководили строительством плотины на Ниле, вели раскопки в Мемфисе, оборудовали временные госпитали в Каире и Суэце. Финальная

фаза этого сотрудничества была ознаменована открытием Суэцкого канала в 1869 г.

Началом же непосредственного официально-«вторжения» министерства иностранных дел Франции в сферу культуры следует считать 1846 г., когда им было принято решение финансировать Французский археологический институт в Афинах, а затем в Каире (в 1880) и на Дальнем Востоке (в 1898) [1, p.125]. Россия, несмотря на то что французский язык в середине XIX в. был там широко распространен в высших кругах общества, в культурном отношении французов тогда не очень интересовала. Стратегические интересы Франции нашли свое отражение в Крымской военной кампании (1854–1855), когда она примкнула к коалиции, сколоченной против России Англией и Турцией. Но, видимо, в порядке фатальной справедливости сама Франция вскоре потерпела поражение в короткой, но жестокой войне с Пруссией (1870–1871 гг.), потеряв Эльзас и Лотарингию и обязавшись выплатить 5 млрд фр. контрибуции. Это означало крах Второй империи во Франции.

Несмотря на это, с 1871 по 1914 г. французский язык оставался преобладающим средством общения в Европе, хотя сфера его применения уже неумолимо сокращалась. Возвышение всемогущей в индустриальном, торговом и колониальном отношении Великобритании и быстро крепнущая политико-экономическая и военная мощь Германии стали основными соперниками «мессианизма» слабеющей Франции в борьбе за культурное и духовное лидерство в мире. Поэтому ей срочно пришлось искать новые способы укрепления присутствия французского языка – «вектора цивилизации» – в зонах своего влияния, прежде всего в Алжире, Ливане, Камбодже, Сенегале и в Океании (Таити), и открывать новые сферы. В 1868 г. французское правительство добилось согласия Турции на открытие первого в Турции лицея в Галата-Сарае с преподаванием предметов на французском языке (к 1914 г. таких лицеев только в Османской империи было около 90, с общим числом учеников, перевалившим за 14 тысяч), но надо было подождать еще с десятков лет, прежде чем в 1883 г. по инициативе общественных деятелей был создан Альянс Франсез – частная самоокупаемая организация по распространению французского языка и французской культуры за рубежом.

Оказывать материальную помощь филиалам Альянс Франсез государство согласилось с первых дней существования этой организации. Послам Франции во всех странах был разослан циркуляр с рекомендацией всемерно поддерживать деятельность Альянса. Наряду с ним важным каналом распространения французской культуры до начала Первой мировой войны оставались также миссии религиозных конгрегаций (44 миссии, около 70 тыс. миссионеров). Показательно, что государственная поддержка оказывалась культурным усилиям религиозных конгрегаций вопреки светскому характеру власти и антиклерикализму французского общества (в 1904 г. из Франции были высланы все миссии зарубежных

конгрегаций, а в 1905 г. принят закон об отделении церкви от государства). А созданная в 1902 г. новая общественная организация – Французская светская миссия – опять же при поддержке государства открыла лицеи в Салониках (1905), в Эфиопии (1908), а потом в Египте и в Ливане. В 1890 г. в Египте также была открыта французами школа права. С учетом растущей международной конкуренции за духовное лидерство вопрос о субсидиях на культурные цели за рубежом неизменно благополучно решался парламентом, точно так же как и на цели «защиты христиан» на Ближнем и Дальнем Востоке. В результате Франции, например, удалось успешно отразить попытки Германии и Италии подтолкнуть Китай к установлению прямых отношений со Святым Престолом, чтобы «сломать» монополию французов в деле «защиты христиан».

Важным фактором «культурного влияния» Франции за рубежом уже тогда было также техническое сотрудничество. В 1899 г. французы проложили кабель по дну Китайского моря, наладив тем самым телеграфное сообщение между Малаккой и Кохинхиной вплоть до Японии. В 1908 г. Далай-лама попросил Францию установить телеграфную линию с Тибетом. Особого внимания в этот период заслуживают усилия французского государства в области экспорта культуры в условиях конкуренции по части культурного присутствия (читай: влияния) в одних и тех же регионах между Францией и другими крупными державами (Великобританией, Германией, Италией, Россией, а чуть позже – США). Так, ситуацию в Египте, например, французские дипломаты в своих депешах прямо называли «войной языков» (французского с английским), причем за относительно короткий период (с 1891 по 1906 г.) победу в этой «войне» одержали англичане. Все эти страны соревновались в том, кто откроет за границей больше школ и университетов, больниц и технических центров. В 1898 году открылась французская школа в Сеуле. А в 1908 г. в Шанхае был открыт первый франко-китайский университет в противовес английскому университету в Гонконге и немецкому университету, проектировавшемуся в провинции Шандун.

Одновременно Франция не ослабляла борьбу за сохранение роли французского как языка дипломатии. В 1902 г. созданная на основе Гаагской конвенции 1899 Постоянная палата третейского суда должна была заняться разбирательством спора между США и Мексикой. Узнав, что американцы собираются сделать официальным языком разбирательства английский, посол Франции в Вашингтоне и видный дипломат Жюль Камбон направил тревожную депешу, испрашивая инструкции для противодействия этому намерению. Последовало согласие Кэ д'Орсэ и вскоре на заседании в Гааге при поддержке Бельгии, Румынии, Дании и некоторых других стран было объявлено, что официальным языком «права и дипломатии» остается французский [8, p.24]. Это положение сохранялось вплоть до подписания Версальского договора в 1919 г., который по настоянию амери-

■ Международные отношения

канского президента Вильсона был составлен на двух языках. Это стало первым реальным сигналом изменения глобального соотношения интеллектуальных сил в мире.

Накануне Первой мировой войны в заграничные университеты впервые стали широко направляться французские лекторы и профессора, а вскоре были открыты первые крупные центры (институты) французской культуры в Афинах, Флоренции и в Мадриде (ради курьеза отметим, что центр в Мадриде был создан в 1909 г. на средства, полученные министерством внутренних дел от налога на игорные заведения), в Лондоне – в 1910 и в Санкт-Петербурге – в 1914 гг. Растущий объем культурных связей и сотрудничества потребовал создания при Кэ д'Орсэ в апреле 1909 г. специального Отдела (Бюро) по делам французских школ и благотворительности, где поначалу работали всего двое служащих, управлявшие 10% бюджетных ассигнований министерства. На эту службу была возложена задача координировать работу французских школ за рубежом и обеспечивать их кадрами. А в 1910 г. дополнительно было учреждено Национальное бюро по делам французских университетов и школ за рубежом. С этого момента решающее участие государства в осуществлении внешней культурной политики Франции стало нормой. Расходы на культурные цели французского министерства иностранных дел перед Первой мировой войной настолько возросли (с 1875 по 1912 г. они увеличились в девять раз и составили 2,3 млн фр., что часть из них было решено проводить по секретным статьям, дабы не раздражать общественность. Во время войны 1914–1918 гг. во Франции появился «Дом прессы» – первое в стране информационное агентство, которому было поручено пропагандистское обеспечение победы Франции в войне с Германией с помощью наглядной агитации, книг, кино и артистических мероприятий.

Из Первой мировой войны Франция вышла донельзя ослабленной во всех отношениях. В условиях, происшедших не в ее пользу геополитических изменений (растущая политическая и экономическая зависимость от США и Великобритании, появление такой крупной культурной державы, как СССР, и др.), руководство страны и ее внешнеполитического ведомства остро осознали необходимость и политическую важность сохранения и наращивания влияния Франции в мире, но было вынуждено ограничить свои культурные амбиции Европой (прежде всего средиземноморской и центральной) и своими колониями и протекторатами. Уже в начале 1920 г. декретом президента Пуанкаре Бюро по делам французских школ и благотворительности при министерстве иностранных дел было реформировано и превращено в более мощную Службу французской культурной деятельности в рамках Управления по политическим и торговым делам Кэ д'Орсэ и состояло уже из трех отделов (по межуниверситетским, артистическим обменам и обменам в области искусства).

Перед новой Службой была прямо поставлена задача «обеспечить интеллектуальную экспансию Франции во внешнем мире». В соответствии с этой задачей государство обязалось «вдохновлять и поощрять французское интеллектуальное продвижение, будучи убеждено, что оно наверняка является одной из самых эффективных форм наших действий за рубежом». Началось системное создание сети французских лицеев и культурных центров за рубежом, а ассигнуемые государством на эти цели средства в межвоенный период не переставали расти. В 1919 г. открылись французские культурные центры в Барселоне и Неаполе, в 1924 г. – в Загребе, в 1933 г. – в Амстердаме, в 1937 г. – в Стокгольме и Лиссабоне. В 1930 г. был основан также Французский институт в Киото. В период между 1929 и 1939 гг. были заключены первые соглашения о культурных обменах со многими странами, в частности с Ираном, Данией, Австрией, Швецией и Румынией. Выдающиеся представители французской культуры (философ Анри Бергсон и физик Мари Кюри) представляли Францию в Комиссии по культурному сотрудничеству Лиги Наций, а в 1924 г. под председательством Франции был учрежден Международный институт интеллектуального сотрудничества (прообраз ЮНЕСКО).

Объем средств, выделявшихся на культурные цели в межвоенный период, вырос с 16% бюджета министерства иностранных дел в 1922 г. до 20,4% в 1938 г. [2, р.24]. Он продолжал расти даже в условиях экономического кризиса 1930-х гг. и в 1936 г. составлял 3,5 млн фр. Заметную роль в укреплении внешней культурной службы Франции в тот период сыграл, в частности, ее руководитель (1920–1925), видный дипломат Филипп Бертело, пользовавшийся большим авторитетом в интеллектуальных кругах и связанный личной дружбой с такими крупными писателями, как Жан Жироду, Поль Клодель и Поль Моран. Другой личностью, оставившей глубокий след во внешней культурной администрации (1933–1940) был профессор Жан Маркс. Количество сотрудников культурной службы МИДа увеличилось в межвоенные годы с четырех до целой дюжины.

Усилия государства в этот период по-прежнему дополнялись дальнейшим расширением сети Альянс Франсэз в Северной и Латинской Америке и в Центральной Европе. Англичане создали аналогичную организацию – Бритиш Каунсил – только в 1934 г. В тех же целях в 1922 г. под эгидой министерства иностранных дел и министерства народного образования была учреждена автономная Французская ассоциация артистической деятельности (AFAA), на которую была возложена задача содействия продвижению за рубежом французского исполнительского искусства (в состав ее руководящего Совета тогда входил барон-меценат Анри де Ротшильд). Открылась эра по-настоящему широких и регулярных культурных и артистических обменов Франции с другими странами. Но основной упор делался, конечно, на преподавание французского языка. В 1933 г. в 200

зарубежных университетах, преимущественно в США, на этой ниве трудились свыше 300 французских преподавателей. Приоритетными направлениями этих усилий на Ближнем Востоке оставались Сирия и Ливан, на Дальнем Востоке – Китай, а в Центральной и Восточной Европе союзники Франции по Малой и Балканской Антанте – Чехословакия, Румыния, Югославия. Одновременно расширялись возможности для приема иностранцев на обучение в самой Франции.

Приход к власти Муссолини, Гитлера, Салазара и Франко погрузил Европу культуры в атмосферу тревоги. Это придало внешней культурной политике Франции особое значение – ее деятели культуры встали в авангарде антифашистского движения. Одним из непосредственных свидетелей утверждения антисемитизма и нацистской идеологии в Германии был будущий видный французский философ Раймон Арон, преподававший тогда французский язык в Кельнском университете. В частности, по его ходатайству, тогдашний посол Франции в Германии Андре Франсуа-Понсэ организовал перевод по дипломатическим каналам денежных средств, которые великому немецкому писателю Томасу Манну нацисты запретили свободно вывозить из Германии. Как известно, с началом Второй мировой войны Франция раскололась надвое и патриотические силы сгруппировались вокруг генерала де Голля в Лондоне. Во время оккупации из Франции в Америку эмигрировали многие деятели культуры, в том числе и многие русские литераторы, эмигрировавшие из России после Октябрьского переворота в 1917 г. Часть оставшихся приняла участие в Сопротивлении, многие погибли.

Деятельность культурной службы, разместившейся в маленькой комнате отеля на курорте Виши, была практически свернута властями маршала Петэна. Был отменен закон о запрете антисемитских высказываний в прессе, лиц еврейской национальности не допускали к работе в государственных учреждениях и в сфере культуры. Международная изоляция режима Виши росла, и связи ее культурной службы с внешним миром были практически оборваны. Один за другим закрылись культурные центры Франции в Берлине, Вене, Праге, в странах, оккупированных Германией (Бельгия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Югославия). Закрылись двери даже знаменитой виллы Медичи в Риме, а также культурные центры в Неаполе и Флоренции. После высадки армии союзников в Северной Африке в ноябре 1942 г. администрация Виши разорвала отношения с Соединенными Штатами и со всеми странами Латинской Америки, за исключением Аргентины. Но и там культурные службы были оставлены на произвол судьбы. Культурные связи в этот период сохранялись у Франции только с естественными союзниками маршала Петэна – Испанией и Португалией (там даже были проведены какие-то выставки), а также со Швейцарией и Ватиканом, провозгласившими нейтралитет в войне. Лондон и Каир сами прекратили культурные связи

с вишистской Францией, переключившись на де Голля.

Уже в 1943 г., выступая в Алжире, генерал сформулировал свою концепцию культурной политики, цитируя Арагона, Бернаноса, Жида, Мориака и даже Илью Эренбурга. Он справедливо увидел в интеллектуалах залог возрождения величия Франции, подорванного войной. В 1944 г. его новую Службу культурных связей возглавила ее прежняя директриса – Сюзанна Борель, ставшая к тому времени женой руководителя французского Сопротивления Жоржа Бидо. Оба они много сделали для мобилизации патриотически настроенных деятелей культуры на распространение идей Свободной Франции и возвышение престижа генерала де Голля.

С конца 1942 г. администрация де Голля наладила помощь культурным службам Франции за рубежом, брошенным правительством Виши. В Нью-Йорке открылась Свободная школа высшего образования, где преподавали такие светила, как философ Жак Маритэн, физиолог Анри Ложье, а также видный социолог и антрополог Клод Леви-Строс. Вновь заработали культурные центры в Мехико и Монтевидео. В Бейруте и Каире печатались учебники на французском языке для школ и лицеев. Тогда же, в 1943 г., в другом выступлении генерал де Голль ясно изложил свои взгляды на культурные обмены, заявив, что «Франция из века в век и вплоть до нынешней драмы сумела сохранять за рубежом присутствие своего гения. Это было бы для нее невозможным, если бы она не позволяла себе проникаться веяниями извне. Всякая автаркия в духовной области быстро привела бы к упадку подлинной культуры. Человечество не должно быть лишено такого стимула, как соревнование в художественной, научной, философской областях, и высокие ценности не смогли бы выстоять в психологии утробованного интеллектуального национализма. Вот почему мы раз и навсегда пришли к заключению, что только посредством свободных интеллектуальных и духовных обменов с другими (народами) наше культурное влияние сможет расширяться в интересах всех и в свою очередь способствовать укреплению ценностей, которые мы исповедуем».

Надо отдать должное генералу де Голлю, который, борясь за возрождение былого величия Франции, сразу же после окончания Второй мировой войны дал новый и мощный импульс активизации ее внешней культурной политики. Для этого уже в апреле 1945 г. в рамках министерства иностранных дел, которое возглавил Жорж Бидо, была учреждена Генеральная Дирекция по культурным связям за рубежом. Ее возглавил вернувшийся из Нью-Йорка ученый-физиолог с мировым именем Анри Ложье (позднее он стал заместителем Генерального секретаря ООН и участвовал в разработке Всеобщей Декларации прав человека). С тех пор Гендирекция стала основным инструментом «культурной дипломатии» Франции. В 1946 г. в ее состав была включена служба артистических обменов, в 1947 – отдел по связям с

■ Международные отношения

ЮНЕСКО, а позднее отдел по научно-техническому сотрудничеству и наконец Культурный фонд, предназначенный для распространения французской книги за рубежом.

Таким образом, в исторической эволюции культурной дипломатии Франции можно условно выделить четыре этапа:

– первый заканчивается франко-прусской войной 1870–1871 гг. Это был период спонтанного, бурного и естественного мессианизма с опорой на латинское происхождение, христианскую сущность и универсализм французского языка и французской культуры; распространения во всем мире республиканских идей Великой французской революции и «Марсельезы»; торжества французской Академии наук; триумфа гуманистических идей Просвещения (Декарт, Вольтер, Дидро, Руссо, Сен-Симон, Фурье, Прудон, Огюст Конт); небывалого расцвета французской литературы и искусства; горячей веры французов в то, что Франция – «духовный пастирь человечества»;

– второй этап, 1871–1919 гг., – период ослабевающего, но сознательного и рационального мессианизма, уже зараженного сомнениями и разочарованиями конца века. В то же время романтики во главе с Виктором Гюго с новой силой говорят о совпадении устремлений Франции и всей земной цивилизации, «находящейся под угрозой». Печальный опыт Парижской коммуны, Эжен Потье и его «Интернационал». Поддержание веры французского общества в универсализм французских идей (Ренан, Леопольд де Соссюр), несмотря на общее сокращение сферы политического и военного влияния Франции на международной арене. Это также эпоха распространения либеральных и социалистических идей (Жорес), консенсуса французской элиты вокруг убеждения, что призвание Франции как суверенного государства–нации служить для других стран Европы и всего мира моделью общества свободы, социальной справедливости (дело Дрейфуса в 1898 г.), убежища и защиты угнетенных;

– третий этап, 1919–1945 гг., – период дальнейшего ослабления политического, экономического и духовного влияния Франции в мире после Первой мировой войны и соответственно его мессианистских устремлений. Разрыв с ностальгическим «пассеизмом», распространение в обществе демократических, марксистских, коммунистических, интернационалистских идей и настроений (Анри Барбюс, Андре Жид, Ромэн Роллан, Луи Арагон), наряду с прежней приверженностью мессианизму таких видных писателей и мыслителей–гуманистов, как Тейяр де Шарден, Анатоль Франс, Селин, Мартэн дю Гар, Жюль Ромэн, Поль Валери, Андре Моруа). Постепенный закат французской колониальной империи, активизация прагматической политики культурных обменов;

– четвертый этап, после 1945 г., – период дальнейшего снижения политического, экономического и морального влияния французского государства в мире, вызванного Второй мировой войной и окончательным распадом французской колониальной империи. Это период институализации культурной политики (создание Гендирекции по культурным связям в МИДе в 1945 г. и министерства культуры в 1959 г.), экономического бума 1960–1970-х гг., первой мощной вспышки социального протеста 1968 г., зарождения экзистенциализма (Сартр, Камю), торжества атлантизма и паневропейских идей (Совет Европы, НАТО, общий рынок, Европейское сообщество). Это эпоха холодной войны, постепенного поворота Франции лицом к третьему миру и наконец эпоха разрядки и мирного сосуществования между двумя противоположными мировыми системами.

XXI в., наступившая эра глобализации, цифровых технологий и новейших средств массовой коммуникации поставили перед культурной дипломатией Франции новые, нелегкие задачи в конкурентной борьбе за влияние в гораздо более сложном мире.

Список литературы

1. Djian J.-M. Politique culturelle: la fin d'un mythe, Editions Gallimard, Paris, 2005, 196 pages.
2. Lane Ph. Présence française dans le monde. L'action culturelle et scientifique, La Documentation française, Paris, 2011, 128 pages.
3. Martin H.-J. Histoire de l'édition française, vol.I, Promodis, Paris, 1982, 631 pages.
4. Poirrier Ph. L'Etat et la Culture en France au XXe siècle, Editions Le Livre de Poche, Paris, 2009, 250 pages.
5. Roche F., Pigniau B. Histoires de diplomatie culturelle des origines à 1995, La Documentation française, Paris, 1995, 295 pages.
6. Roger-Vasselin B. Du Bellay, une révolution poétique? PUF, Paris, 2007, 95 pages.
7. Raymond J.-F. L'action culturelles extérieures de la France, Documentation française, Paris, 2000, 136 pages.
8. Salon A. L'action culturelle de la France dans le monde. Editions Fernand Nathan, Paris, 1983, 160 pages.

Об авторе

Косенко Сергей Иванович – к.полит.н., заместитель Почетного консула РФ в Лозанне, автор трех монографий на тему французской культурной политики: «Политика культуры или культура политики. Опыт Франции», изд-во «Восток–Запад», Москва 2008; «Культура в палитре внешней политики. Опыт Франции», изд-во «Восток–Запад», Москва, 2010; «Мягкое могущество в твердой упаковке. Особенности культурной политики Франции», изд-во МГИМО, Москва, 2011. E-mail: civiks@bluewin.ch

THE GENESIS AND EVOLUTION OF THE FRANCE'S CULTURAL DIPLOMACY THROUGH CENTURIES

S.I. Kossenko

Consulat honoraire de la Fédération de Russie en Suisse. 13, avenue Rumine, 1003 Lausanne, Suisse.

Abstract: *The historical roots and the development of external cultural action of France are considered in the article as an attribute of the so called "diplomacy of influence" or "smart power". The traditionally important place of culture in the French foreign policy is underlined as a part of its strategy aimed at increasing its global influence.*

The worth of both the history and the culture of France- homeland of the Enlightenment, freethinking and Declaration of Human Rights- keeps, no doubts, a honourable place not only in the European but in the world storehouse of spiritual values. However, if the splendour and attractiveness of the French culture succeeded to tide over the reverses of times, it happened first of all owing to a streamlined cultural policy pursued through ages by ruling circles of this country –from luminous monarchs to modern presidents.

In that sense the cultural policy as a target oriented action by the State aimed at the preservation and protection of national cultural particularity is a purely French "invention", a phenomena which takes its roots in the depths of the national history and maintains its continuity through centuries. Up to now, France remains unique among the developed countries with its thoroughly elaborated and diligently carried on cultural policy leaned on a strong organisational machinery. The facts taken from many latest foreign publications illustrate the narration.

Key words: diplomacy of influence, cultural policy, cultural diplomacy, cultural exception.

References

1. Djian J.-M. Politique culturelle: la fin d'un mythe [Cultural policy: The end of a myth]. Paris, Editions Gallimard, 2005. 196 p.
2. Lane Ph. Présence française dans le monde. L'action culturelle et scientifique [French presence in the world. Cultural and scientific activities]. Paris, La Documentation française, 2011. 128 p.
3. Martin H.-J. Histoire de l'édition française [History of French publishing]. Paris, Promodis, 1982, vol. 1. 631 p.
4. Poirrier Ph. L'Etat et la Culture en France au XXe siècle [The state and culture in France in the twentieth century]. Paris, Editions Le Livre de Poche, 2009. 250 p.
5. Roche F., Pigniau B. Histoires de diplomatie culturelle des origines à 1995 [Stories of cultural diplomacy origins up to 1995]. Paris, La Documentation française, 1995. 295 p.
6. Roger-Vassel B. Du Bellay, une révolution poétique? [Du Bellay, a poetic revolution?]. Paris, PUF Publ., 2007. 95 p.
7. Raymond J.-F. L'action culturelles extérieures de la France [The external cultural action of France]. Paris, Documentation française, 2000. 136 p.
8. Salon A. L'action culturelle de la France dans le monde [Cultural activities of France in the world]. Paris, Editions Fernand Nathan, 1983. 160 p.

About the author

Kossenko Serguei Ivanovich – RF Deputy Honorary Consul in Lausanne, Switzerland, PhD, author of several articles and three books on the French cultural policy. E-mail: civiks@bluewin.ch

ПЕРСПЕКТИВЫ ВТОРОЙ ВОЛНЫ ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В.Ф. Артюшкин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье предлагается методика анализа и прогнозирования мировой экономической и политической ситуации через призму анализа и прогноза конъюнктуры мирового рынка нефти. Основой методики является компактная экономико-математическую модель циклических колебаний конъюнктуры. Модель позволяет разделять изменения конъюнктуры, вызванные экономическими причинами, от изменений конъюнктуры, вызванных политическими причинами. Это дает возможность представить динамику конъюнктуры в виде суммы двух составляющих: одной – экономически обусловленной, второй – политически обусловленной. Модель позволяет получить прогноз экономической составляющей конъюнктуры, на основе которого строятся сценарии развития энергетической, экономической и политической ситуации в мире. Построению сценариев помогает ретроспективный анализ того, как в прошлом в динамике конъюнктуры проявлялась взаимосвязь экономических и политических процессов и как конъюнктура влияла на экономическую и политическую ситуацию в мире. В статье приведены результаты использования методики для построения прогноза времени и характера следующего мирового кризиса.

Ключевые слова: энергетическая политика, конъюнктура мирового рынка нефти, моделирование, экономическое прогнозирование, политическое прогнозирование.

Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в сентябре 2008 г., хотя и отступил перед консолидированными действиями ведущих государств, но все-таки остался до конца непознанным и непреодоленным. При построении прогнозов будущего эксперты обязаны учитывать такое положение. В СМИ уже несколько лет обсуждается возможность пробуждения кризиса, возвращение его в виде «второй волны».

Такая терминология вуалирует фундаментальный недостаток капиталистического способа производства — цикличность его развития от кризиса к кризису, где кризис является неотъемлемым следствием достоинств капитализма. Характер такой цикличности совсем не согласуется с предложенной терминологией. Под нее, скорее, подходит то, что происходит, например, при землетрясении, которое случается неожиданно, бывает редко, а при его затухании происходят ослабевающие вторые, третьи и так далее толчки. Цикличность экономических кризисов имеет иную природу, поэтому нам надо анализировать не наступление волн-отголосков, а приход совершенно нового кризиса. Пусть причины прошедшего кризиса до конца не устранены, но все же новый произойдет по своим собственным причинам, даже если среди них будут присутствовать и старые.

В экономическом экспертном сообществе нет общепризнанного понимания путей преодоления мировых финансово-экономических проблем, способствовавших наступлению кризиса. Поэтому уже сделанные экономические оценки и прогнозы можно выстроить в весьма широкий спектр мнений. При этом самой показательной характеристикой сегодняшней ситуации, причем доказывающей ее реальную неопределенность, является то, что почти противоположные суждения выносятся на основе использования одной и той же статистической информации.

Поэтому для анализа экспертных оценок желательно, чтобы экспертиза строилось на базе формализованных моделей. Если выводы делаются на основе моделирования, то его анализ позволяет обоснованно опровергать или принимать сделанные выводы. Кроме того, появляется возможность понять соотношение объективного и субъективного в процедуре выводов и, следовательно, оценить значимость предлагаемых обобщений и предсказаний.

Уже на протяжении нескольких лет в Центре глобальных проблем ИМИ для построения сценариев будущего Мир-системы в их экономическом аспекте используется макроэкономическая модель темпов изменения мирового спроса на нефть. Этот подход основан на цепочке индикаторов, в которой о положении дел в мировой экономике можно судить по состоянию глобальной конъюнктуры на мировом рынке нефти, а ее, в свою очередь, характеризует динамика темпов изменения мирового спроса на нефть. Подробно подход был описан в ряде журнальных статей [1], а также представлен

в прошлогодней аналитической записке для МИД России [2].

Одной из особенностей предлагаемой модели является необходимость работы с ней в режиме мониторинга мировой энергетической ситуации. Обновление и расширение статистической базы необходимы для проведения корректировки параметров модели с целью получения наилучшего приближения к фактическим значениям. Благодаря своей экономико-математической специфике модель обладает прогностическими возможностями (среднесрочная перспектива).

Моделирование строится на гипотезе о возможном разделении динамики спроса на тренд и изменения относительно тренда, которые затем представляются в виде двух составляющих, одна из них отражает в своем поведении инерционные макроэкономические процессы, а другая — значимые для мировой экономики политические процессы. Динамика экономически определенной составляющей представляется как закономерность, обладающая свойствами инерционности и периодичности, которую можно трактовать как «чистое экономическое дыхание» Мир-системы. Оно, с одной стороны, определяется своей динамикой в прошлом, с другой — может корректироваться текущими событиями.

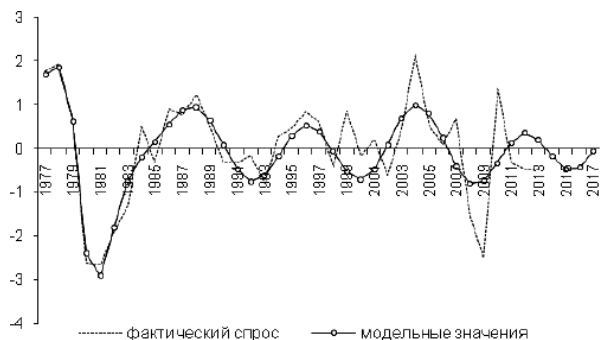
Результаты моделирования

Предложенная в аналитической записке 2012 г. модельная динамика учитывала статистику с 1977 г. по июнь 2011 г. Она указывала на достижение очередного локального минимума в 2016 г. и, следовательно, возможное начало проявления кризиса относил к 2014 г. (рис. 1). На этом рисунке показаны исходный временной ряд только изменений спроса на нефть (темпов без тренда) и сложная модельная периодика. Периодическую кривую предлагается трактовать как составляющую, описывающую в динамике спроса закономерности экономического развития Мир-системы.

Рис. 1

С июня 2011 г. вышли 27 выпусков издаваемого Международным энергетическим агентством (IEA) ежемесячного журнала Oil Market Report со статистической информацией, на основе которой строится модель. В течение этого времени данные по 2008–2012 гг. несколько раз уточнялись, а также появились оценки на 2013 г. С учетом новых данных параметры модели были пересчитаны, и динамика модели по состоянию на декабрь 2012 г. стала выглядеть следующим образом (рис. 2).

Прогноз динамики несколько изменился. Во-первых, если раньше ближайший максимум прогнозировался на 2012 г., то теперь он прогнозируется на нынешний год. Во-вторых, минимум достигается не в 2016 г., а в 2015–2016 гг., а следовательно, кризисные явления также могут начать проявляться в мировой экономике не с 2014 г., а уже с 2013 г. Таким образом, то, как развивалась мировая экономика в 2011–2012 гг., несколько приблизило время возможного наступления следующего мирового финансово-экономического кризиса.

Поскольку при моделировании фактические значения представляются как результат взаимодействия экономически и политически определяемых составляющих, динамика 2011–2012 гг. должна иметь объяснения политического характера. К таковым можно отнести следующие:

- революционные процессы в ряде африканских и арабских государств;
- массовое социально-политическое протестное движение в ЕС, не позволившее вывести из кризиса экономику еврозоны методом полномасштабной радикальной экономии на социальных программах.

Получилось так, что в 2011–2012 гг., с одной стороны, благодаря росту макроэкономической составляющей негативные влияния политических процессов были смягчены (компенсированы), однако, с другой стороны, благоприятный период для значимого преодоления последствий кризиса был упущен.

Попробуем более детально проанализировать оценки динамики 2013 г. Для этого рассмотрим квартальные данные по спросу. Напомним, что особенностью статистики, представленной в ежемесячных докладах IEA, является показ значений по одним и тем же кварталам и годам на протяжении значительного периода публикации журнала. Это связано не только с желанием позволить читателю увидеть имеющиеся тенденции в одной таблице, но и с недостатками сбора информации. Они приводят к необходимости корректировать уже опубликованные данные.

Поэтому, если расположить значения по порядку опубликованных номеров, то можно проанализировать корректировки на предмет выявления в них некоторых трендов. Присутствие таких трендов будет указывать на изменения ожиданий биржевых игроков. Так, на графике, описы-

Рис. 2

вающим квартальные значения по 2012 г., видна общая тенденция к снижению спроса (рис. 3). А на графике для 2013 г. понижающийся тренд сменяется стабилизацией с наметившимся небольшим ростом (рис. 4).

Рис. 3

Ежемесячные данные (по возрастанию номера публикации) по мировому спросу нефти для кварталов 2012 г.

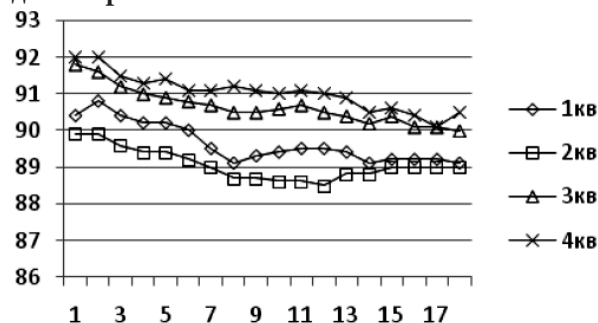
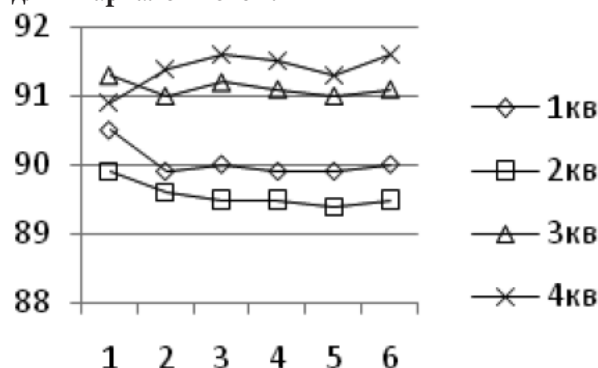

Рис. 4

Ежемесячные данные (по возрастанию номера публикации) по мировому спросу нефти для кварталов 2013 г.

Учитывая тенденции, отраженные на рис. 3 и рис. 4, можно предположить, что во второй половине 2013 г. возможно улучшение конъюнктуры. Однако это возможно оживление, исходя из рис. 2, предстает не как результат успеха антикризисных действий или свидетельство окончания кризиса, а как использование нереализованного потенциала роста.

Прежде чем перейти к изложению сценариев прогноза, соотнесем наше видение ситуации с широко обсуждаемыми прогнозами Нуриэля Рубини. Из множества сделанных прогнозов мы выбрали именно Рубини, потому что ему принадлежит самый «свежий» значимый успех в экономическом прогнозировании – предсказание кризиса 2008 г. Это дает основание предполагать, что он обладает не только хорошим пониманием закономерностей функционирования современной мировой экономики, но и хорошей интуицией (невербализуемым знанием), так необходимой прогнозиру. И хотя после 2008 г. он уже успел дважды ошибиться, предсказывая приход второй волны кризиса и в 2009, и в 2011 гг., кредит доверия к его мнению у общественности еще не исчерпан.

Исходя из нашей модели, можно даже объяснить последние неудачи Рубини. Он достаточно хорошо почувствовал выход мировой конъюнктуры на кризисный уровень (уровень темпов 2011, 2013, 2015 гг. (рис. 3), однако кризис не состоялся. Наша модель дает этому объяснение: цикл макроэкономической составляющей находился в фазе подъема, поэтому все негативные влияния на текущую экономическую ситуацию были компенсированы. По поводу же его очередного предсказания кризиса в 2013 г. (правда, после двух неудач он стал более осторожен и свое предсказание оценил уровнем достоверности всего лишь в 30 %) ситуация иная. С этими предсказаниями мы частично солидаризируемся, поскольку динамика экономической составляющей на 2012–2015 гг. совершенно другая.

Рубини обосновывает свой прогноз сочетанием трех негативных факторов:

- а) кризисом американской экономики;
- б) кризисом экономики Евросоюза;
- в) замедлением темпов роста китайской экономики.

Однако это сочетание факторов уже давно является реальностью, поэтому дискуссия может вестись скорее о степени проявления каждого из трех факторов и об определении того их уровня, с которого смесь «взорвется» кризисом. С нашей же точки зрения появление в 2013 г. изменений, связанных с приближением кризиса, возможно из-за фазы понижения экономической составляющей. Именно она будет определять характер грядущей динамики.

Сценарии развития ситуации

Состояние мировой экономики в 2011–2012 гг., как мы уже отмечали, несколько изменило динамику прогноза, но его влияние этим не ограничивается. То, что значения 2011–2012 гг. оказались на уровне прогнозного минимума 2015–2016 гг., задает два возможных сценария развития событий.

Пессимистический сценарий (наиболее вероятный)

В силу того, что мировая экономика замерла на минимальном уровне темпов своего развития, она будет не способна эффективно противостоять новым масштабным осложнениям. Поэтому движение вниз, если оно начнется, будет, скорее всего, резким. Несмотря на то, что впереди нас ждет понижительная фаза цикла экономической составляющей, в это время может произойти и рост конъюнктуры, который обычно продуцируется спекулятивной биржевой игрой на фоне политических кризисов. Поэтому такой рост не будет продолжительным и, более того, исходя из экономических соображений, должен смениться резким снижением, как бы компенсирующим предыдущий «необоснованный» всплеск. В результате резкие перепады конъюнктуры могут привести к ее падению ниже экономически обоснованного уровня 2015–2016 гг.

Теоретические, минимальные уровни темпов спроса уже достигнуты, и, значит, ухудшение состояния мировой экономики может произойти только

в результате обострения политической ситуации в регионах, важных для мировой экономики и политики. И если учитывать то, что мир перешел в новый, 2013 г. уже с тенденцией осложнения сразу нескольких региональных кризисов, то реализация пессимистического сценария оказывается наиболее вероятной.

Правительства ряда развитых государств пытаются использовать разнообразные механизмы ради стабилизации или улучшения своей внутриэкономической ситуации, однако во внешней политике их действия носят дестабилизирующий характер. Причем если региональные политические кризисы способствуют тому, что экономика США получает конкурентные преимущества, то для остальных государств баланс обретений и потерь оказывается скорее отрицательным.

Новым основанием, дающим США весьма значимые и разнообразные преимущества, является их успех в освоении труднодоступных источников углеводородов. Стремительное увеличение их добычи произошло благодаря не только совершенствованию технологий, но и высоким мировым ценам, обеспечивающим отработку новых методов. Реализация стратегии «управляемого хаоса» провоцировала региональные кризисы, которые способствовали удержанию мировых цен на углеводороды на высоком уровне, что сделало дорогостоящую добычу достаточно рентабельной на протяжении нескольких лет. Достижение США ситуации самообеспечения газом, а скоро, возможно, и нефтью может дать этой стране такие преимущества перед ближайшими конкурентами (Китай, ЕС, Япония), которые кардинально изменят внешнюю политику США и, следовательно, всю мировую политическую ситуацию.

Оптимистический сценарий

Торможение мировой экономической конъюнктуры 2011–2012 гг. на минимальном уровне позволяет выдвинуть еще один возможный сценарий прохождения кризисного участка, а именно сохранение сложившейся ситуации. Однако этот сценарий возможен только при отсутствии значимых политических кризисов, то есть в условиях консервации тех кризисов, которые разгораются сейчас, и блокирования появления новых.

Хотя, учитывая предшествующее поведение главного мирового политического игрока – США, ожидать от него стремления притушить текущие и не разжигать новые региональные конфликты затруднительно. Однако указания на возможность такого развития событий появились. К их числу относятся прежде всего последние масштабные изменения в администрации президента Б. Обамы [3]: по мнению некоторых экспертов, новые члены команды президента придерживаются умеренных позиций, что и дает надежду на позитивные изменения американской политики.

В случае достижения ощутимого улучшения внутриэкономической ситуации, которая обеспечит поддержку новой команде, можно ожидать от нее действий, направленных на ослабление и консерва-

■ Международные отношения

цию острых региональных кризисов. В этом случае возможна стабилизация мировой политической ситуации и ликвидация поводов для проведения широкомасштабных биржевых спекуляций. Значит, можно будет пройти опасный участок в режиме «вялотекущего кризиса». И тогда даже самое слабое звено в цепи мировых экономико-политических центров — ЕС сможет ограничиться методом коллективного «латания финансовых дыр», не прибегая к худшему варианту избавления от обременительных для себя экономик. Поэтому вариант, связанный с надеждами на новую внешнюю политику США, показывает самый безболезненный способ преодоления грядущего кризиса.

Оба приведенных сценария указывают на важную роль политических действий в определении динамики развития Мир-системы. Причем, если при пессимистическом сценарии они способны

только сгладить характер кризиса, то при оптимистическом его динамика во многом будет зависеть от успешности политических инициатив. Поэтому действия российского МИД в ближайшие три года приобретают особую значимость. Сделанный прогноз отводит очень короткие сроки для купирования действующих политических конфликтов. Может быть, этого удастся добиться при активном формировании больших коалиций стран, активно заинтересованных в стабилизации. Такой подход, конечно, сопряжен с очевидной трудностью согласования позиций значительного количества участников подобных коалиций, однако опыт российской дипломатии, накопленный, в частности, в рамках ООН и ШОС, равно как и обусловленные этим опытом возможности, способны благоприятствовать реализации сложной задачи стабилизации мировой политической ситуации.

Список литературы

1. Артюшкин В.Ф. Региональные конфликты и процесс ценообразования на мировом рынке нефти. Полис, № 5, 2007.
2. Артюшкин В. Ф. Прогнозирование энергетической политики. Обозреватель – Observer. 2010. №12(251).
3. Артюшкин В.Ф., Полякова Т.В. Влияние мировых цен на углеводороды на экономику и политику стран СНГ. Аналитическая записка. ЦГП ИМИ МГИМО МИД России. 2012. Декабрь.

Об авторе

Артюшкин Виктор Федорович – с.н.с. Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО(У) МИД России, старший преподаватель кафедры математических методов и информационных технологий МГИМО. Исследовательская деятельность Артюшкина В.Ф. включает математическое и экономическое моделирование. Ведет семинарские занятия по курсам математического анализа и компьютерных технологий. E-mail: vestnik@mgimo.ru

PROSPECTS FOR THE SECOND WAVE OF THE GLOBAL FINANCIAL AND ECONOMIC CRISIS

V.F. Artyushkin

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: Procedure of an economic and political situation current through the situation at the world oil market forecasting is offered in the article. The compact mathematical model of cycling market fluctuations is the basis of the technique. The model allows splitting changes in market conditions caused by the economic and political reasons. This makes it possible to present the dynamics of the situation as the sum of two components, which are economically and politically induced. The model provides a forecast of the market economic components. These components forecast are made on the basis of world energy, economic and political situation scenarios. Retrospective analysis of relationship of economic conditions and political processes and how market conditions affect the economic and political situation in the world in the past helps scenarios development. The results of techniques using for time and characters of next world crisis are presented in the article.

Key words: the energy policy, current situation at the world oil market, modeling, economic forecasting, political forecasting.

References

1. Artiushkin V.F. Regional conflicts and the process of price formation on the world oil market. Polis, 2007, no. 5, pp. 129-139. (in Russ.).
2. Artiushkin V.F. Forecasting of energy policy. Obozrevatel', 2010, no. 12 (251), pp. 72-81. (in Russ.).
3. Artiushkin V.F., Poliakova T.V. The influence of world prices for hydrocarbons on the economy and politics of the CIS countries. Analytical note. MGIMO Cent. for Global Problems Publ., December 2012. (in Russ.).

About the author

Victor F. Artyushkin – Senior fellow, Center for Global Problems of the Institute for International Studies at MGIMO University, senior lecturer, Department of Mathematical Methods and Computer Technology at MGIMO University. Conducts seminars on Principles of mathematical analysis and computer science. His research involves economic modeling. E-mail: vestnik@mgimo.ru

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В «АРАБСКОЙ ВЕСНЕ»

А.В. Крылов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....

Сейчас по многим арабским государствам прокатилась волна народных выступлений, которые либо привели к смене государственного руководства (Египет, Тунис, Ливия, Йемен), либо серьезно обострили внутривнутриполитическую ситуацию (Сирия, Бахрейн, Иордания, Саудовская Аравия, Алжир, Марокко). Большинство экспертов в России и за рубежом сходятся во мнении, что феномен «арабской революции» или так называемой «арабской весны» имеет одну общую закономерность: во всех странах Северной Африки и Ближнего Востока, охваченных массовыми протестными выступлениями, наблюдается укрепление позиций и рост популярности исламистских политических партий, организаций и групп. Основное содержание статьи сконцентрировано на анализе религиозных, политических, социально-экономических и иных аспектов современной идеологии и практики радикального ислама, а также исходящих от него угроз и вызовов. Нынешняя ситуация объективно способствовала формированию в регионе нового политического альянса. Сейчас ближневосточная политика американской администрации нацелена на продвижение фронта радикального ислама в направлении Ирана, Северного Кавказа и Центральной Азии, что соответствует стратегическим интересам региональных партнеров США, включая нефтедобывающие арабские страны Персидского залива, Турцию и даже Израиль. Автор статьи отмечает, что предпринимаемые США и их региональными партнерами шаги по устранению Б. Асада – очередной жертвы «арабской весны» – не только усугубят и без того крайне нестабильную ситуацию вокруг Сирии, но и создадут реальную перспективу продвижения радикального ислама в направлении границ Российской Федерации.

.....

Ключевые слова: Ближний Восток, исламский фундаментализм, радикальный ислам, «арабская весна», терроризм.

Наиболее заметным последствием так называемой «арабской весны» стало укрепление политических позиций радикального ислама в мусульманских странах, особенно в тех, где произошла смена правящих режимов. По мере развития массового протестного движения в странах Северной Африки и Ближнего Востока в западных политических и политологических кругах укоренился достаточно спорный штамп, в соответствии с которым пришедшие на смену «засидевшимся» автократам представители нового поколения политиков якобы способны положить конец эпохе авторитарного правления и начать позитивные демократические преобразования. Несмотря на весьма затратные усилия США и Евросоюза по поддержке оппозиционеров, мало кто серьезно рассчитывает на то, что в скором времени новые элиты Туниса, Египта или тем более Ливии или Йемена будут развивать те формы парламентской демократии, которые соответствуют, собственно, западным понятиям об этом институте государственного управления. Даже Госдепартамент США вынужден был признать, что арабские «революции» и нестабильность в Мали предоставили исламистам и террористам (то есть силам явно далеким от общепринятых канонов демократии) возможность расширить влияние в регионе [1].

Бесславный уход с политической сцены М. Каддафи, Х. Мубарака, Зин эль-Абидин Бен-Али, Али Абдуллы Салеха, еще ранее С. Хусейна, то есть людей, которые реально сдерживали политические амбиции радикальных исламистов, создал для последних более чем комфортные условия для участия в дележе власти. При отсутствии или слабости сдерживающих центров они открыто идут в политику, используя зачастую демократические институты, берут государственное управление в свои руки и, естественно, навязывают населению свое понимание ислама и его ценностей уже легально и по всем каналам государственной власти.

Повсеместно, где вслед за смещением традиционных лидеров последовала смена элит, образовавшийся вакуум в государственных властно-политических структурах тотчас же заполнялся исламистами радикального толка. Так, в Тунисе политический хаос, возникший после бегства из страны президента Бен-Али, завершился первыми после январских событий многопартийными выборами в Национальный учредительный совет 23 октября 2011 г. На них уверенно победила исламская партия «Ан-Нахда» (89 из 217 мест). Исламистам достались ключевые посты премьер-министра, министров иностранных дел, внутренних дел, юстиции.

В Египте в январе 2012 г. впервые после отставки Х. Мубарака прошли выборы в Народное собрание. Вопреки ожиданиям светских партий и движений, организовавших выступления против прежнего режима, они на выборах потерпели поражение. Две трети депутатских мандатов получили исламисты – «Партия свободы и справедливости» (политическое крыло движения

«Братья-мусульмане») и салафитская партия «Ан-Нур». Как известно, салафиты в разные периоды истории ислама выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, на праведных предков (ас-салаф ас-салихун), считая, что все последующие новшества и нововведения были привнесены в мусульманский мир в результате его соприкосновения с Западом. В январе 2012 г. президент М. Мурси, никогда не скрывавший своих салафитских взглядов, подписал новую конституцию Египта, во второй статье которой подчеркивается, что ислам – это государственная религия, а принципы шариата являются основным источником законодательства. Египетская светская и либеральная оппозиция резко раскритиковала документ прежде всего за то, что он ограничивает гражданские права населения во имя религиозных и моральных норм.

Затяжной внутривластный кризис в Йемене частично был преодолен после подписания 23 ноября 2011 г. примирительного соглашения между президентом страны Салехом и оппозицией. Власть перешла к вице-президенту А. Хади. В декабре того же года было создано новое переходное коалиционное правительство национального единства Бассандавы, в котором посты поровну поделили представители находившейся у власти партии «Всеобщий народный конгресс». Бывший президент Салех покинул страну. 21 февраля 2012 г. в Йемене состоялись досрочные президентские выборы. За неимением других кандидатов свое назначение на посту временного главы государства официально закрепил бывший вице-президент Абд-Раббу Мансур Хади. Выборы ознаменовали завершение эры Али Абдуллы Салеха, который бессменно руководил Йеменом в течение последних 33 лет. После подведения итогов народного волеизъявления и инаугурации задач А. Хади, срок полномочий которого истечет через два года, станет создание новой конституции государства и организация свободных выборов. Между тем в стране большой популярностью пользуются исламские радикалы. В стране действуют откровенно экстремистские группировки «Армия освобождения Адена и Абьяна», «Йеменский джихад», «Аль-Каида» и т.п., которые имеют связи с международным терроризмом. Их идеологи и духовные покровители (Абдель Маджид Зиндани, ныне покойный Абдалла Ибн Хусейн Аль Ахмар, Тауфик Аль-Фадли и др.) действуют под прикрытием партии «Ислах» (Йеменское объединение «За реформы»). Аналитики убеждены, что Йемен в ближайшее время станет оплотом международного терроризма, так как именно в этой стране наблюдается рост идеологического и финансового влияния исламского радикального фактора.

В Ливии после свержения М. Каддафи также заметно оживились исламисты радикального толка в лице «Братьев-мусульман» и ряда других фундаменталистских организаций, близких по духу к «Аль-Каиде», включая «Ливийскую исламскую боевую группу» (ЛИВГ), многие боевики которой

имеют опыт участия в боях против советских войск в Афганистане. Примечательно, что, в отличие от националистов времен молодости М. Каддафи, нынешние претенденты на политическое наследство полковника, по оценкам западных спецслужб, отвергают демократические принципы и настаивают на том, что джихад – единственное средство в борьбе за торжество идей ислама [2]. Весьма примечательна в этой связи фигура Абдель Хакима Бельхаджа, который считался основным руководителем военных операций повстанцев, а ныне занимает пост военного губернатора Триполи.

В прошлом Бельхадж был лидером Ливийской исламской вооруженной группы, которая представляла собой отделение «Аль-Каиды» в Ливии. После терактов 11 сентября 2001 г. ЛИВГ была признана международной террористической организацией и запрещена в США. Бельхадж воевал в Афганистане против Советской армии. В 2004 г. за террористическую деятельность он был арестован сотрудниками ЦРУ в Таиланде. После допросов Бельхаджа этапировали в Ливию, где он был приговорен к тюремному заключению. В 2009 г. он был амнистирован. По данным западных спецслужб, ЛИВГ сейчас насчитывает около 800 хорошо подготовленных боевиков, которые сыграли ключевую роль в разгроме сторонников Каддафи. Среди полевых командиров и военных инструкторов повстанческого ополчения, поддерживавшего Переходный национальный совет Ливии, значатся имена людей, сотрудничавших в прошлом с «Аль-Каидой» и лично Бен-Ладеном (шейх Халед Шариф, Абу Яхья аль-Либи, Абдель Хаким Хасади, Салах аль-Баррани, Суфьян Бен-Куму и др.) [3]. Не исключено, что радикальные фундаменталистские группировки, имеющие опыт уча-

ствия в боевых операциях, могут захватить власть, используя религиозный фактор, который имеет базисное значение для объединения в целом монокультурного и достаточно консервативного ливийского общества.

Даже в западных странах признают, что в Сирии большинство повстанцев, сражающихся против регулярных правительственных войск, являются членами радикальных исламистских организаций. В восточной части страны ими был создан религиозный административный совет, который будет контролировать полицию и судебные органы. Одной из групп, возглавляющих совет, является джихадистская группировка «Фронт ан-Нусра», которая была признана в США террористической ячейкой, связанной непосредственно с «Аль-Каидой».

Однако процесс политизации радикального ислама коснулся не только стран, прямо или косвенно задетых «арабской весной». Этот процесс приобрел глобальный, если не сказать, планетарный характер. По данным израильских аналитиков и экспертов, для которых этот вопрос имеет первостепенное значение, инфраструктура исламского экстремизма сейчас представлена в 62 странах, тогда как десятилетие назад в орбиту ее влияния было втянуто не более 40 стран [4]. Заместитель министра иностранных дел Израиля Д. Аялон, выступая в Брюсселе на конференции Евросоюза, выразил опасения, что Ближний Восток после революций могут захватить исламисты [5]. Карта, представленная в 2013 г. Национальным контртеррористическим центром США, показывает, что экстремистские организации исламистов сейчас активно действуют на значительной части африканского и азиатского континентов (см. представленную ниже карту).

Источник: [Электронный ресурс NCTC]. – Режим доступа: <http://www.nctc.gov/site/map/index.html>

■ Международные отношения

Фундаменталистские группы с откровенно террористическим уклоном расширяют свою инфраструктуру в Европе и Америке. Интернационализация радикального ислама поставила Запад перед новым явлением: исламизм с его джихадистскими постулатами становится все более притягательным для коренных европейцев или американцев, исповедующих ислам. На специальной экспозиции «Арабский мир в стадии перехода – факты и перспективы», организованной по инициативе Баварской академии наук, был представлен доклад германских спецслужб, в котором отмечалось, что только в одной Германии ежегодно появляются десятки новых организаций, подобных Die Wahre Religion («Истинная религия»), Islamische Kulturzentrum Bremen (Исламский культурный центр в Бремене) Einladung zum Paradies («Приглашение в рай»). Эти организации и кружки, объединяющие сотни молодых мусульман, ведут пропаганду салафитских идей и радикализуют общественную жизнь Германии в исламском формате под влиянием событий «арабской весны» [6]. Эксперты отмечали на форуме, что радикализация мусульманских общин происходит не только в Германии – это общеевропейское явление.

Политизация ислама в форме исламизма – результат следующих причин. События «арабской весны» вновь показали, что в регионе нет надлежащей системы безопасности. Массовые протесты и новые гражданские войны только усугубили гуманитарную ситуацию и обострили уже существовавшие традиционные проблемы (межгосударственные и межконфессиональные конфликты, истощающиеся ресурсы и сдерживающая экономический рост неконтролируемая рождаемость, высокий уровень обнищания населения и безработицы, дефицит воды и продуктов питания). Маргинализация мусульманского населения в большинстве стран сопровождалась ростом недовольства погрязшими в коррупции властями и госчиновниками, что, безусловно, способствовало распространению идей радикального ислама, особенно среди молодежи.

Другая причина крылась в том, что некогда популярная идея арабского единства в современности переживает кризис. Палестинская проблема, объединявшая арабов еще несколько десятилетий назад, на фоне происходящих событий явно утратила свою былую актуальность. Палестино-израильский конфликт и ближневосточное урегулирование в системе наиболее значимых региональных проблем были отодвинуты на второй план. Расцвету радикального ислама в наши дни в немалой степени способствовал также кризис «светских идеологий» (прежде всего, западного либерализма и коммунизма), побудивший широкие мусульманские массы обратиться к более близким им по духу и менталитету сугубо религиозным ценностям. В результате в мусульманском мире постепенно начали выкристаллизовываться исламистские партии, движения и организации, многие из которых

объявили своей целью свержение секуляристских режимов и укрепление позиций ислама во властно-политических структурах. Примечательно, что в программных документах различных исламистских организаций сторонники неисламских движений приравниваются к вероотступникам. Так, в частности, в программе иракского отделения «Аль-Каиды» отмечается следующее: «Мы верим, что светскость под любыми ее знаменами и во всем многообразии ее школ, таких, как национализм, патриотизм, коммунизм и баасизм, есть неверие открытое, противоречащее исламу и отлучающее от религии... Неверие вероотступничества, по согласному мнению, тяжелее неверия изначального. Поэтому сражение с вероотступниками у нас считается более важным, чем сражение с носителем изначального неверия» [7].

В наши дни добавились новые негативные явления. Прежде всего, это всемирный финансовый и продовольственный кризисы, глобальное потепление, приведшее к сокращению ареала плодородных земель и ухудшению качества продуктов питания. Перед идущими на смену низверженным элитам политическими лидерами стоит чрезвычайно сложная задача: умиротворить бунтующее общество путем решения неотложных социальных проблем. При этом они осознают, что в нынешних условиях рынки продовольственного обеспечения и труда не располагают к оптимизму. Помощь Запада и международных гуманитарных организаций будет сокращаться, и современная технология ведения сельского хозяйства по-прежнему будет малодоступной или совсем недоступной. Протекционистские меры ВТО будут ослабевать, а конкуренция с соседними странами набирать обороты. Негативная экономическая конъюнктура и рост финансово-экономической зависимости от Запада дают дополнительный импульс развитию и популяризации радикальной исламской альтернативы с ее нехитрыми апелляциями к построению основанного на законах шариата государства или процветающего халифата, которое якобы способно искоренить коррупцию и общественное неравенство, противостоять и успешно справляться со всеми внешними вызовами и угрозами.

Усилению позиций фундаменталистских сообществ как в мусульманской среде, так и в немусульманских странах в немалой степени способствовало широкое распространение новых информационных технологий и расширение международной транспортной инфраструктуры. Исламисты широко используют возможности современной телекоммуникации и Интернета, включая соцсети, для ведения информационно-пропагандистской работы, вербовки и подготовки новых единомышленников, в том числе потенциальных террористов.

Глубоко укоренившиеся после Второй мировой войны в Европе и Северной Америке идеи демократии, толерантности и мультикультуризма также создавали более чем питательную среду для исламизации территорий, которые традиционно

считались христианскими. Как известно, большинство стран Западной Европы руководствовались еще несколько десятилетий назад в отношении адаптации многочисленных мигрантов из мусульманских стран американской моделью «плавленного котла». В определенной степени эта модель в короткие сроки обеспечивала приобщение к новым национальным ценностям и культуре и, конечно, языку страны проживания. Однако параллельно шел другой процесс: коренное население Европы сокращалось и продолжает сокращаться, в то время как мусульманская диаспора быстро растет за счет высокой рождаемости и непрерывного притока иммигрантов. Сейчас стало очевидностью, что модель быстрого подвешивания одной культуры другой была приемлема для десятков тысяч иммигрантов, но никак не для миллионов adeptов религии, в соответствии с законами которой коренное население в лучшем случае может рассчитывать только на статус «Ахль аз-зимма» («народы, находящиеся под покровительством мусульман»). Напомним, что свод предписаний для покоренных народов или законы Омара, стали действовать еще в эпоху первых праведных халифов (632–681 гг.) – последователей пророка Мухаммеда. На протяжении столетий в странах арабского халифата и Османской империи эти предписания гарантировали со стороны мусульманских властей «народам Священного Писания» («Ахль аль-Киттаб»), то есть христианам и иудеям (зимми), покровительство и внутриобщинную административную, судебную и религиозную самостоятельность в обмен на ряд ограничений и поражений в правах.

Идея растворения мусульман на просторах западной цивилизации оказалась полностью несостоятельной. В нынешних условиях произошел естественный отход от политики «плавленного котла» или ассимилятивного подхода к мигрантам из исламского мира к политике лояльного отношения к мусульманским общинам, которые одновременно имеют все возможности для изучения языка и культуры стран проживания, но при этом сохраняют и активно пользуются «духовным багажом», завезенным ими из страны исхода, активно навязывают свои идеи окружающим.

Сложилась весьма парадоксальная ситуация, когда мусульманские общины в Европе и Северной Америке не только получают возможность пользоваться всеми гражданскими правами и свободами, но и настойчиво требуют большей автономии и самостоятельности, особенно при решении вопросов, касающихся соблюдения традиций, религиозных предписаний, имущественных отношений, правонаследования, воспитания детей, положения женщины в обществе и т.п. В отличие от Запада, где мусульмане зачастую нарочито подчеркивают принадлежность к исламу манерой одеваться, разговаривать или вести себя при общении, в большинстве исламских стран иностранцы, немусульмане, ощущают себя дискомфортно в связи с тем, что многое из того, что на Западе представляется нормальным и обыденным,

здесь попросту отвергается и даже преследуется законом. Излишняя толерантность и политкорректность властей развитых стран Запада зачастую лишь способствует тому, что исламисты открыто ведут пропаганду своих идей в различных организациях, кружках и мечетях, требуют введения законов шариата в районах компактного проживания мусульман, настаивают на расширении политических прав мусульманских общин, включая создание исламских партий.

Излишне напоминать, что в самих мусульманских странах, иноверцы – это, как правило, люди второго сорта, занимающие нижние ступени социальной лестницы. Во время войн и конфликтов именно они относятся к наиболее уязвимым категориям населения. «Так называемая «арабская весна» – серия революций в ряде арабских стран – серьезно сказалась на положении местных христиан», – отмечалось в докладе председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона на международной конференции «Свобода вероисповедания: проблема дискриминации и преследования христиан» (Москва, 30 ноября 2011 г.). В докладе, кроме того, говорилось, что после событий января 2011 г. численность христианской общины Египта сократилась на треть. Попытки нового правительства М. Мурси превратить страну в государство шариата вынуждают христиан покидать страну. В Ливии, где христиане составляли 3% населения, после свержения М. Каддафи две трети из них бежали из страны. Наиболее удручающая ситуация сложилась в Ираке. До 2003 г. здесь проживало более полутора миллионов христиан. В настоящее время почти девять десятых из них бежали или были убиты, а те, кто остались, ежедневно опасаются за свою жизнь. По мере усиления позиций радикальных исламистов неуклонно идет сокращение христианских общин Туниса, Алжира, Сирии, Ливана и территорий, контролируемых ПНА.

Неприязнь, презрение, отвращение и ненависть к народам, исповедующим христианство и иудаизм, являются основными компонентами идеологии радикального ислама. Эта идеология фактически основывается на отрицании самого права существования немусульманских народов. До установления всемирного верховенства ислама этим народам гарантируется лишь статус «покоренных народов» («зимми»), вся жизнь которых регламентируется сводом законов, регулирующих форму одежды, их поведение и сегрегацию, включая многочисленные запреты, и прежде всего запрет на обладание оружием, а также создание унижающих предписаний, ограничивающих их религиозные и социальные свободы. С точки зрения исламских фундаменталистов всех мастей, мир делится на «дар уль-Ислам» – земля мира, контролируемая исламом, и «дар уль-куфр» – земля неверных, не контролируемая исламом. Благодаря постоянно ведущемуся на протяжении столетий «джихаду» – «священной войне» против неверных, пространство, контроли-

руемое исламом, расширяется, а территория, принадлежащая неверным, сокращается. Если «харби» – «неверные» обладают силой, то допускается заключение с ними временного соглашения о перемирии, которое в любой момент может быть нарушено членами «уммы», или общиной мусульман, если враг не может оказать достойного сопротивления. Мусульманин, подпавший под влияние «харби», считается еще большим врагом, чем неверный. Территория, ставшая землей ислама, ни при каких обстоятельствах не может быть возвращена неверным. Именно по этой причине Государство Израиль является основной мишенью для исламистов.

Так, тот же М. Мурси в самом начале «арабской весны» публично заявлял, что он никогда не признает «зеленую линию», разграничивающую Израиль и Палестину, поскольку «вся эта земля принадлежит палестинцам, а не сионистам». По мнению тогдашнего представителя движения «Братья-мусульмане», сионистам, которых он называет не иначе как «кровососами» и «потомками свиней и обезьян», не место на Ближнем Востоке, их надо изгнать «с арабских и мусульманских земель», а также «из всех исламских стран» [8]. Саади аль-Кататни, лидер политического крыла египетского исламистского движения «Братья-мусульмане» и ныне правящей в Египте Партии свободы и справедливости в 2006 г. сделал следующее заявление: «Сегодня мы говорим: довольно арабской импотенции! Если правительства не могут – народы готовы! Откройте Врата Джихада, и мы объединимся с нашими братьями в Палестине и Ливане! Нет агрессии, нет разрушению Ливана, нет разрушению Палестины, да – разрушению Израиля!» [9].

Примечательно, что в соответствии с убеждениями проповедников исламизма, мусульмане, живущие на территории неверных, выполняют особую миссию. Приведем в этой связи высказывание Такйиддина Ибн Таймийи (1263–1328 гг.), одного из основоположников салафизма и ваххабизма и, кстати, мусульманского богослова, которого более всего почитал У. бен-Ладен. «Определение какой-либо территории как земли неверия (дар уль-куфр), земли ислама (дар уль-ислам) или земли нечестивцев (дар уль-фасикъин) не является чем-то неизменным. Нет, ибо такая характеристика земель напрямую зависит от жителей, населяющих данную землю», – писал Ибн Таймийи. Он же отмечал: «Любая земля, на которой проживают верующие и богобоязненные люди, является в этот период времени землей приближенных к Аллаху людей. Точно так же всякая земля, на которой проживают неверные, является в этот период времени землей неверия, а всякая земля, на которой проживают нечестивцы, является в этот период времени землей нечестия. Если же жителей какой-либо земли сменяют другие люди, то эта земля становится их землей. Это подобно мечети, если она будет превращена в винную лавку, в публичный дом, в место нечестия и несправедливости или в церковь, где наряду с Аллахом

поклоняются другим божествам, то мечеть теряет свой статус из-за изменения людей, которые ее заполняют. И, наоборот, любая винная лавка, публичный дом или тому подобное заведение, становясь мечетью, где поклоняются Всевышнему Аллаху, меняет свой статус в соответствии с произошедшим изменением» [10].

Другой авторитетный в исламистской среде проповедник, Шейх Ибн Усаймин (1347–1421 гг.) подчеркивал: «Даже если правитель будет неверным, но на этой земле проявляются обряды ислама, то это исламская земля! Например, произносят «азан» (призыв муэдзина к обязательной молитве), выстаивают молитвы, пятничные и праздничные намазы, соблюдают пост, отправляются в Хадж и т.п., то это исламская земля, даже если правитель кафир (неверный)! Ведь пророк (мир ему и благословение Аллаха) повелел нам, если мы увидим явное неверие правителя, воевать с ним. И смысл этого в том, что земля остается землей Ислама, однако с правителем таким воюют и его свергают!» [11].

Однако если бы исламский радикализм ограничился лишь только призывами к «священной войне» с неверными и вероотступниками в целях расширения жизненного пространства для истинных мусульман, то, скорее всего, он не смог бы выйти за рамки узкого круга своих интеллектуальных и политических сторонников. Сила и притягательность радикального ислама объясняется еще и тем, что в большинстве мусульманских стран в условиях нестабильной экономики, неравномерного распределения благ и фактического отсутствия политических свобод исламисты реально брались за решение важнейших социальных проблем: они создавали фонды поддержки малоимущих, оказывали помощь в трудоустройстве, открывали школы, больницы и пункты питания для бедных, раздавали бесплатно детям одежду, сладости, канцтовары, книжки и т.п. Финансировались социальные программы тех же «Братьев-мусульман» или прочих фундаменталистов, конечно, за счет средств, которые поступали из нефтедобывающих стран Персидского залива. Однако даже ярые противники джихадистских организаций на Западе вынуждены были признать, что коррупционная составляющая является незначительной в районах, где действуют системные исламисты.

Управление по координации гуманитарных вопросов ООН (ОСНА) констатировало, в частности, что движение «Хизбалла» быстро превратилось во влиятельную политическую и военную силу в Ливане именно благодаря активному участию в социальных программах. В специальном докладе ООН подчеркивалось, что «Хизбалла» является основным поставщиком социальных услуг, спонсором действующих школ, больниц и сельскохозяйственных предприятий для тысяч ливанских шиитов, гарантом поддержки семей после потери кормильца [12].

Движение ХАМАС также снискало популярность среди палестинцев своей непримиримой

позицией по отношению к коррупционерам и коллаборационистам из партии ФАТХ. Большую часть своего бюджета хамасовцы тратят на социальные нужды – строят больницы, школы, дороги, открывают пенсионные фонды, осуществляют выплаты пособий неимущим и т.п. Во многом благодаря этому ХАМАС одержал победу сначала на муниципальных выборах в 2005 г., а затем и на выборах в законодательное собрание ПНА в январе 2006 г. Несмотря на продолжающуюся до сих пор полную израильскую блокаду Газы, которая, по определению международных гуманитарных организаций, переживает сейчас гуманитарную катастрофу, ХАМАС по-прежнему остается наиболее влиятельной политической силой, причем не только в секторе, но и на территории Западного берега.

Помимо перечисленных выше причин, обусловивших усиление исламистов на всем пространстве так называемого Большого Ближнего Востока, думается, что основная причина все же связана с глобальным изменением позиции США и их основных партнеров по блоку НАТО в отношении этого региона. Бывший федеральный прокурор Нью-Йорка и один из наиболее авторитетных специалистов по проблемам борьбы с терроризмом Э. Маккарти писал в своей последней книге с весьма примечательным названием «Весенняя лихорадка: иллюзия исламской демократии», что американцы хорошо уяснили после вторжения в Ирак и Афганистан, что для мусульманского мира самое главное – это ислам. В то же время люди, выражающие готовность следовать по пути модернизации и продвигать в исламском обществе общедемократические ценности, составляют не более 20%, то есть меньшинство [13].

Отсюда следовал закономерный вывод: исходя из объективной реальности, надо делать ставку на развитие взаимного сотрудничества с наиболее популярными исламистскими организациями, в том числе «Братьями-мусульманами» в Египте и Ливии, партией «Ан-Нахда» в Тунисе, коалицией радикальных антиправительственных группировок в Сирии, Партией справедливости и развития во главе с премьер-министром Турции Р. Эрдоганом, который активно поддерживает исламизацию страны и превращение ее в лидера исламского мира.

Региональные союзники США на Ближнем Востоке, и прежде всего Саудовская Аравия, Катар, уже давно финансируют и вооружают исламистские партии и группировки в целях усиления позиций консервативного ислама в арабском мире и противодействия шиитской (иранской) экспансии. Примечательно, что последний пункт полностью совпадает с ближневосточной политикой нынешней американской администрации, которая при президенте Б. Обаме была полностью переориентирована на борьбу с угрозой, якобы исходящей от иранской ядерной программы. Ядерный потенциал Ирана является также проблемой № 1 для Израиля – главного стратегического союзника США в регионе. Открывая первое заседание толь-

ко что сформированного нового правительства, премьер-министр Б. Нетаньяху заявил: «Сейчас наши враги объединяются не только с целью создания ядерного оружия, направленного против нас, а также с целью оснащения оружием массового поражения, что происходит в нашем регионе. В то время когда они объединяют свои силы, нам необходимо объединить свои, чтобы избавиться себя от данной опасности» [14]. Б. Нетаньяху не стал раскрывать, что он подразумевает под силами, готовыми объединиться для противостояния вызовам со стороны Ирана. Однако израильский министр иностранных дел А. Либерман дал по этому поводу достаточно четкие разъяснения. В своем выступлении на ежегодном форуме, проводимым американским Центром Сабана по изучению ближневосточной политики, он, в частности, указал: «Если вы пообещаетесь с правительствами стран Персидского залива, они не будут обсуждать с вами палестинскую проблему – они будут говорить об иранской проблеме, которую считают наиболее угрожающей и опасной.

Что же до иранской ядерной программы, то тут следует уяснить один факт – появление у Ирана ядерного потенциала повлечет за собой безумную гонку ядерных вооружений на всем Ближнем Востоке. Утечка ядерной технологии в руки террористов станет вполне реальной опасностью. Защищенный «ядерным зонтиком», иранский режим будет еще более непредсказуем и агрессивен, и не только по отношению к Израилю.

У меня нет никаких сомнений в том, что администрация США прекрасно понимает эту опасность и готова сделать все, чтобы этого не случилось» [15].

Таким образом, на фоне «иранского синдрома» идет формирование нового политического альянса. Причем наиболее экстравагантный участник этого политического союза – Израиль – уже дал отчетливо понять, что он готов сосуществовать с исламскими режимами и оказывать им содействие в борьбе против шиитской экспансии, если те будут проявлять лояльность по отношению к еврейскому государству. Тот же А. Либерман в упомянутом выше выступлении пожелал Египту под руководством М. Мурси успешно преодолеть нынешние трудности и достичь процветания и стабильности. «В этом – общий интерес Израиля и всего региона. Вы – наш самый большой сосед, и я надеюсь, что мы сможем и далее развивать хорошие добрососедские отношения». В официальной речи на сессии СБ ООН, посвященной проблемам защиты мирного населения в ходе вооруженного конфликта, посол Израиля в ООН Рон Просор ясно дал понять, что израильское правительство официально требует положить конец преступлениям Асада и требует ускорить проведение операции по введению иностранного контингента войск для «осуществления конкретных и решительных действий» [16].

Подтверждением того, что «арабская весна» была операцией, которая тщательно планировалась американской администрацией, является секретный документ, опубликованный в экспертном материале Б. Рубина, ведущего аналитика

■ Международные отношения

Центра изучения международных проблем Глория при Междисциплинарном центре в Герцлии (Израиль). Б. Рубин отмечает, что советники по внешней политике подготовили в августе 2010 г. по распоряжению президента Б. Обамы документ в отношении ряда арабских стран, включая Египет, который предусматривал реализацию под эгидой США и в интересах США сценариев устранения при содействии религиозных оппозиционеров авторитарных режимов в странах, которые относятся к числу американских союзников [17].

Основываясь на этом документе, Б. Рубин доказывает, что перераспределение власти в Египте в пользу «Братьев-мусульман» было частью стратегического плана американской администрации, разработанного еще до начала «арабской весны», то есть до событий 17 декабря 2010 г., когда начались массовые демонстрации протеста против тридцатилетнего правления президента Туниса Бен-Али.

Изложенное выше позволяет сделать одно-значный вывод: пока радикальные исламисты и

их спонсоры ведут совместными усилиями борьбу против режимов, которые относятся к числу неугодных США, Израиль, как их основной стратегический союзник в регионе, естественно, будет поддерживать программу уничтожения своих противников руками тех, кто им противостоит, в соответствии с принципом «Inimicus, inimica – Amicus meus» («Враг моего врага – мой друг»). Кроме того, новая ближневосточная политика американской администрации нацелена на продвижение фронта радикального ислама в направлении Ирана, Северного Кавказа и Центральной Азии, что также соответствует стратегическим интересам региональных партнеров США. Предпринимаемые сейчас странами НАТО и нефтедобывающими исламскими государствами шаги по устранению Б. Асада – очередной жертвы «арабской весны» – не только усугубит и без того крайне нестабильную ситуацию в Сирии, но и создаст реальную перспективу продвижения радикального ислама в направлении границ Российской Федерации.

Список литературы

1. Лаботт Е. Слушания в Конгрессе США по событиям в Бенгази: пять новых фактов. [Электронный ресурс CNN]. – Режим доступа: <http://edition.cnn.com/2013/01/23/politics/five-things-bengazi>
2. Литтл А. В Ливии на смену Каддафи могут прийти исламисты. [Электронный ресурс BBC]. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/09/110928_libya_former_islamists_power.shtml
3. Levinson C. Ex-Mujahedeen Help Lead Libyan Rebels // The Wall Street Journal, 02.04.11.
4. MIGnews, 01.01.2013.
5. MIGnews, 01.03.2013.
6. Берг И.С. Интернационализация радикального ислама по оси «страны «арабской весны» – Германия»: оценки немецких экспертов. [Электронный ресурс Института Ближнего Востока]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/23-06-11b.htm>
7. Программа и кредо иракского отделения «Аль-Каиды». [Электронный ресурс Института религии и политики]. – Режим доступа: http://www.i-r-p.ru/page/stream-document/index-5.html#_edn1#_edn1
8. «Едиот Ахронот», 05.01.2013.
9. MIGnews, 07.03.2013.
10. Такйиддин Ибн Таймия. Собрание фетв (Маджму уль-фатава), 18/281.
11. Шейх Ибн Усаймин. Урок по Тафсиру (толкование и комментирование Корана).
12. LEBANON: The many hands and faces of Hezbollah. UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs, N.Y.; 2006.
13. McCarthy A. Spring Fever: The Illusion of Islamic Democracy, N.Y., 2012, P. 55.
14. Выступление премьер-министра Б. Нетаньяху на открытии заседания правительства 03.03.2013. [Электронный ресурс министерства иностранных дел Израиля]. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.il/MFARUS/AboutMinistry/PressReleases/2012/PM_Netanyahu_on_talks_with_Iran.htm
15. Выступление министра иностранных дел Израиля А. Либермана на Форуме Сабана в США 30.11.2012. [Электронный ресурс министерства иностранных дел Израиля]. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.il/MFARUS/AboutMinistry/Former+Minister/FM_Liberman_speaks_at_Saban_Forum.htm
16. Выступление посла Израиля в ООН Рона Просора на сессии СБ ООН, посвященной проблемам защиты мирного населения в ходе вооруженного конфликта, 20.02.2013. [Электронный ресурс министерства иностранных дел Израиля]. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.il/MFARUS/IsraelWorld/UN/Ron_Prozor_on_Europe_Hizballah.htm
17. Rubin B. The Secret Document That Set Obama's Middle East Policy. [Электронный ресурс Центра изучения международных проблем Глория]. – Режим доступа: <http://www.gloria-center.org/2013/03/the-secret-document-that-set-obamas-middle-east-policy/>

Об авторе

Крылов Александр Владимирович – к.и.н., в.н.с. Института международных исследований МГИМО(У) МИД России. E-mail: avkrylov2004@mail.ru

THE RELIGIOUS FACTOR IN THE «ARAB SPRING»

A.V. Krylov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *A huge wave of mass protests for the last years has lead to a collapse of many longstanding traditional regimes in some Arab states (Egypt, Tunisia, Libya and Yemen). In other states (Syria, Bahrain, Jordan, Saudi Arabia, Algeria and Morocco) a serious aggravation of political situation occurred. Many experts in Russia as well as abroad share an opinion that the phenomenon of the "Arab revolution" or the so cold "Arab Spring" has the same basic pattern: after the beginning of unrest in North Africa and the Middle East the Islamist political parties, organizations and groups are gaining strength, popularity and influence. The main content of the article is focused on the analysis of religious, political, socio-economic and other aspects of the contemporary ideology and practice of the radical Islam, its threats and challenges.*

The current situation in the region has favored the creation of a new political alliance in the Greater Middle East. Now the US administration's policy in the Middle East is aimed at the advancement of the of the radical Islam front to Iran, North Caucasus region and Central Asia. This policy corresponds to the global strategic interests of the U.S. regional partners including Petro-Islamic States, Turkey and even Israel. Analyzing the situation around Syria the author notes that the steps undertaken by the members of the new regional alliance to eliminate B. Assad - another victim of the "Arab Spring" – can, first of all, aggravate an extremely unstable situation in Syria, and, secondly, create a real perspective of the radical Islam advancement right up to the borders of the Russian Federation.

Key words: Middle East, Islamic fundamentalism, the Radical Islam, "the Arab Spring", terrorism.

References

1. Labott E. Five things we learned from the Benghazi Hearings. CNN, 01.23.2013. Available at: <http://edition.cnn.com/2013/01/23/politics/five-things-bengazi>.
2. Little A. Islamists seek new role in post-revolutionary Libya. BBC News, September 27, 2011, Tripoli. Available at: <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-15084555>.
3. Levinson C. Ex-Mujahedeen Help Lead Libyan Rebels. The Wall Street Journal, 02.04.2011.
4. MIGnews, 01.01.2013.
5. MIGnews, 01.03.2013.
6. Berg I.S. Internationalization of the Radical Islam on the axis "Countries of the "Arab Spring" – Germany": evaluation of German experts. Institute of the Middle East Studies. Available at: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/23-06-11b.htm>. (in Russ.).
7. The program and the Iraqi branch credo of "Al-Qaeda". Institute of the Religion and Politics Studies. Available at: http://www.i-r-p.ru/page/stream-document/index-5.html#_edn1#_edn1. (in Russ.).
8. Yedioth Ahronoth, 05.01.2013.
9. MIGnews, 07.03.2013.
10. Taqi ad-Din Ahmad ibn Taymiyyah. Majmoo' al-Fatawa (Compilation of Fatawa), 18/281. (in Russ.).
11. Saalih ibn Muhammad ibn al-Uthaymeen. Tafsir (Explanation of the meanings of the Qur'an). (in Russ.).
12. LEBANON: The many hands and faces of Hezbollah. New York, UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs, 2006.
13. McCarthy A. Spring fever: The illusion of Islamic democracy. New York, Encounter Books Publ., 2012, p. 55.
14. Statement by the Prime Minister B. Netanyahu at the weekly Cabinet meeting. Sunday, 3 March 2013. Available at: http://www.mfa.gov.il/MFARUS/AboutMinistry/PressReleases/2012/PM_Netanyahu_on_talks_with_Iran.htm.
15. Foreign Minister A. Liberman addresses the Saban Forum. Friday, 30 November 2012. Available at: http://www.mfa.gov.il/MFARUS/AboutMinistry/Former+Minister/FM_Liberman_speaks_at_Saban_Forum.htm.
16. Speech by the Israeli Ambassador Ron Prosor to the UN Security Council session. Wednesday, 20 February 2013. Available at: http://www.mfa.gov.il/MFARUS/IsraelWorld/UN/Ron_Prozor_on_Europe_Hizballah.htm.
17. Rubin B. The secret document that set Obama's Middle East policy. Available at: <http://www.gloria-center.org/2013/03/the-secret-document-that-set-obamas-middle-east-policy/>

About the author

Alexander V. Krylov – PhD in History, Senior Researcher of the Institute of International Studies at MGIMO (University) MFA of Russia. E-mail: avkrylov2004@mail.ru

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИНТЕГРАЦИОННОГО ВЫБОРА УКРАИНЫ

К.П. Боришполец, С.И. Чернявский

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....

Статья посвящена анализу воздействия внутривнутриполитического регионального дисбаланса Украины и межэлитных разногласий на выбор ориентиров интеграционного сотрудничества. В этой связи рассматриваются вопросы внутриэлитных проблем и нестабильности внешнеполитического выбора, специфика регионального дисбаланса, внутренние ориентиры интеграционного сотрудничества, аргументы в пользу выбора западного или восточного направления интеграционной политики. В заключение исследования авторы приходят к выводу, что «современные подходы украинского руководства к участию страны в региональных интеграционных процессах в «западном» или «восточном» измерениях по-разному определяются в аналитическом дискурсе. Их сравнивают с «колебанием маятника», «зигзагами» или даже «хождением по кругу». Но, как представляется, проблема выбора пути интеграционного движения заключается для Украины в искоренении иллюзий, связанных с географическим положением страны и надеждами местных олигархов на обретение статуса посредника в распределении ресурсных потоков между различными регионами Европейского континента».

.....

Ключевые слова: региональный политический дисбаланс, межэлитные разногласия, Зона свободной торговли СНГ, Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евросоюз.

Определяющую роль в выборе внешнеполитических векторов современной Украины играет интеграционная составляющая. Пытаясь лавировать между Евросоюзом и Россией, с тем чтобы получить максимальные выгоды от обеих сторон, не принимая на себя каких-либо серьезных обязательств, украинская элита, как нам представляется, все больше загоняет себя в угол.

На протяжении всего постсоветского периода руководство Украины ориентировало страну на динамичное расширение хозяйственных связей с европейскими государствами и вовлечение в многостороннее сотрудничество по линии ЕС. Результатом этой политики стало существенное сокращение масштабов участия украинской стороны в экономическом взаимодействии со странами СНГ и заметный рост экономических связей на европейском направлении. Однако реального разворота хозяйственной системы Украины в европейском направлении не произошло.

Хотя установившийся к 2003–2004 гг. примерный паритет объемов российских и европейских инвестиций к настоящему времени нарушен и, по официальным заявлениям, инвестиционная доля ЕС за 20 лет украинской независимости составляет около 80%, сотрудничество со странами СНГ, прежде всего Россией, остается главной несущей конструкцией украинской экономики. На современном этапе в общем объеме украинского товарооборота торговли с членами СНГ (где Россия является доминирующим торговым партнером Киева) составляет 40%, а торговля со странами ЕС примерно 28% [1].

Помимо стоимостных показателей особую роль играет номенклатура товарообмена, при котором Украина получает из стран СНГ большие объемы стратегического сырья и использует рынки восточных соседей для экспорта своей «условно рентабельной» продукции. Что касается европейских рынков, то возможности поступления на них традиционных украинских товаров остаются ограниченными, а объемы технологического импорта не отвечают потребностям модернизации украинской экономики.

Учитывая постоянные трудности с выполнением бюджета, проблематичность получения дополнительных финансовых средств за счет внешних заимствований и уже имеющиеся долговые обязательства, составляющие более половины ВВП страны, необходимо констатировать, что вопросы модернизационного развития в партнерской связке, как с ЕС, так и с СНГ, являются для Украины весьма желательной, но все же только гипотетической перспективой. Очевидно, что в ближайшие три-четыре года речь может идти лишь о мерах по обеспечению функционирования украинской хозяйственной системы и поэтапного восстановления ее производственного потенциала. Поэтому ставка на реальный сектор экономики и его отрасли, сохранившие традиционную сопряженность с Россией и другими странами СНГ, является для Украины фактически единственным

рациональным выбором. Дополнительным фактором, требующим повышенного внимания к реальному сектору экономики, выступает необходимость значительного увеличения экспортного потенциала страны [2].

Внутриэлитные проблемы и нестабильность внешнеполитического выбора

Основные сферы экономики страны контролируют более десяти финансово-промышленных групп, активно лоббирующих свои интересы в политике. В целом, по авторитетным оценкам, 200 богатейших украинцев обладают активами в размере более 90 млрд долл., что почти вдвое превышает государственный бюджет. Среди ведущих фигур обычно называют Р. и Д. Ахметовых, Д. Фирташа, В. Пинчука, И. Коломойского, Г. Боголюбова, О. Бахматюка, П. Порошенко, С. Таратуту, О. Мкртчана, К. Григоришину, В. Нусенкиса, Б. Колесникова и ряд других, причем в последнее время к ним причисляют также и А. Януковича. При этом, хотя богатейший бизнесмен Украины – Р. Ахметов (Донецк) считается главным «спонсором» правящей партии (Партия регионов – ПР), в целом только треть из 50 самых богатых людей Украины являются выходцами из восточных регионов страны.

Хотя в персональном плане круг украинских олигархов не отличается ни постоянством состава, ни сплоченностью, ни совокупным размером капиталов, основной характеристикой олигархического бизнеса выступает успешное увеличение европейских активов. Лидерами по темпам «евроинтеграции» эксперты считают Д. Ахметова и Д. Фирташа, а по количеству компаний, открытых в Европе, – ФПГ И. Коломойского и Г. Боголюбова, а также структуры бизнесменов К. Жеваго, В. Пинчука и В. Нусенкиса. При этом число новых проектов в реальном секторе экономики Украины за последние десять лет ничтожно мало, как невелико и число крупных бизнесменов, имеющих инвестиции в странах СНГ. Считается, что российский вектор представлен частью бизнеса П. Порошенко, К. Григоришину, В. Нусенкиса и Б. Колесникова. В целом олигархический капитал контролирует производство до 90% ВВП Украины (в России, по оценкам авторитетных специалистов, – примерно 35%), однако основные фонды предприятий в подавляющем большинстве исчерпали свой ресурс, в связи с чем конкурентоспособность украинской продукции постоянно снижается. Основные производственные отрасли реальной экономики: машиностроение, металлургия, химическая промышленность и агропродовольствие – находятся в тяжелейшем кризисе, причем относительно благоприятные перспективы металлургического и химического производств связаны с возможностями модернизации, но не имеют источников финансирования для обновления основных фондов. В целом, система доминирования олигархической собственности поставила современное украинское общество перед

■ Международные отношения

перспективой необратимой деиндустриализации, которая, с учетом конъюнктуры мирового рынка и масштабной внешней задолженности (обусловленной в основном корпоративными займами), может наступить примерно через три года.

Украинские олигархи обладают устойчивыми связями как в правительственных, так и оппозиционных структурах, что усиливает возможности влияния на процесс принятия решений, но в экономическом плане они с все большей очевидностью превращаются в балласт, паразитирующий на внешних сырьевых и финансовых ресурсах, от которых, хотя и по-разному, зависит и бизнес «энергетика» Д. Фирташа, и «металлурга» Д.Ахметова, и стоящего относительно особняком по своей специализации бизнес В.Пинчука[3].

Предпринятые в начале 2013 г. шаги президента В. Януковича по ограничению круга олигархических группировок, имеющих доступ к бюджетным потокам, очень осторожны. Кроме того, с учетом организационного воплощения будущих проектов по добыче сланцевого газа, реверсных газовых поставок из Восточной Европы и ряда аналогичных начинаний, эти шаги означают не стратегический разворот на снижение социально-политической роли олигархов в украинской жизни. Речь может идти лишь об активизации курса по увеличению числа олигархических структур и упрочению президентского контроля за их лояльностью.

Сформированная по итогам октябрьских 2012 г. выборов Верховная Рада 7-го созыва отражает неустойчивость актуального баланса основных политических сил на Украине. Ее состав подтверждает, с одной стороны, ведущую роль правящей Партии регионов (ПР), а с другой – отсутствие у нее конституционного большинства и высокий электоральный потенциал оппозиции, который в ближайшем будущем не позволяет значительно усилить влияние ПР. При этом объективные предпосылки взаимодействия между основными оппозиционными партиями («Батькивщина», «Удар» и «Свобода») выше, чем предпосылки сотрудничества с ПР, а их потенциальный блок фактически повторяет контуры «оранжевой коалиции», выигравшей борьбу за власть с помощью многочисленных демонстраций своих сторонников («Майдан»). Хотя в последнее время все попытки добиться масштабного повторения массовых антиправительственных выступлений неизменно терпели поражение, затяжное блокирование работы украинского парламента в начале февраля 2013 г. стало для оппозиционных лидеров вполне успешным опытом мобилизации, аналогичной периоду раннего «Майдана». Другими словами, вероятность регулярной эскалации конфликтных ситуаций в парламенте Украины стала реальным риском, что существенно повышает затратность обеспечения ведущего положения ПР в украинской политической жизни.

Таким образом, «парламентский майдан» останется источником повышенной напряженности в украинской политике. Однако, поскольку традиционный регионализм и отсутствие публичных лидеров с положительной харизмой в обозримом будущем будут препятствовать сплочению украинской оппозиции, роль «парламентского майдана» не следует переоценивать в контексте принятия командой президента В. Януковича важнейших государственных решений. В сфере формальной и неформальной украинской политики сложилась патовая ситуация, препятствующая обеспечению как функционирования, так и развития национальной экономики.

Разворот в европейском направлении, опосредованный позицией большинства представителей олигархических групп, может:

- во-первых, привести к ускоренному разрушению хозяйственной системы страны;
- во-вторых, спровоцировать волну нестабильности в связи с сопряженными с европейским вектором проектами радикального перераспределения земельной собственности, де-факто становящейся главным национальным богатством Украины.

Специфика регионального дисбаланса

Важнейшим и постоянно присутствующим фактором политической жизни Украины является регионализм. Региональный формат нынешнего правительства отражает усиление влияния восточного сегмента украинской элиты в системе государственного управления. Одновременно произошло существенное ограничение представительства столичного (киевского) сегмента и численности выходцев из западных украинских областей. Изменения неформального регионального баланса объективно повышают управляемость центрального административного аппарата, но блокируют расширение социальной базы режима В.Януковича, усиливают оппозиционные настроения в среде киевской номенклатуры. Кроме того, при распределении правительственных и других высоких государственных постов сохраняется конкуренция «днепоропетровских» и «днепропетровских» кадров, которые ориентируются на различные олигархические группировки. Хотя вероятность открытого столкновения интересов внутри «восточного» блока украинских элит пока относительно невелика, но также невелика и вероятность безусловного объединения их политических ресурсов, тем более что позиции «днепропетровских» кадров активно укрепляются.

Двухлетний период пребывания у власти президента В. Януковича отмечен заметной консолидацией государственного управления, однако в целом властная вертикаль, опирающаяся на традиционную поддержку населения южных и восточных регионов Украины, остается неустойчивой. Несмотря на все усилия, политическое влияние правящей партии в

лице ПР не удалось расширить за пределы юга и востока страны, где сосредоточено три четверти ее электората. При этом заметная часть потенциальных сторонников ПР продемонстрировала недоверие к ее политике, поддержав во время парламентских выборов 2012 г. партию коммунистов (КПУ).

Признаки неустойчивости основной массовой базы нынешнего украинского режима отмечаются в контексте протестных акций шахтеров и железнодорожников, состоявшиеся в начале 2013 г. в Донецке, Луганске и Харькове. Они сопровождались не только социально-экономическими, но и социально-политическими требованиями к действующим властям регионального и центрального уровней. На современном этапе осложнилась обстановка и внутри правящей ПР. С одной стороны, это связано с новым усилением позиций днепропетровской группировки, уступившей около восьми лет назад свое неформальное лидерство представителям донецких кадров, а другой – с ростом бюрократизации ПР и обособления правительственных чиновников от депутатского корпуса и рядовых членов партии.

Однако украинское руководство во главе с В. Януковичем не располагает ресурсами для удовлетворения амбиций даже основных нomenклатурных кланов ПР и, вероятно, будет вынуждено прибегать к различным формам давления для поддержания внутрипартийной лояльности. В целом нынешняя правящая партия Украины вступила в период перестройки с достаточно неопределенными результатами на ближайшие полтора – два года.

Социальная поддержка режима В. Януковича в украинском обществе продолжает оставаться неустойчивой. Существенным риском является также и предполагаемый перенос основного бремени издержек бюджетной экономии на массовые слои населения, включая низшие и средние звенья украинских элит. Неустойчивость властной вертикали на Украине носит системный и долговременный характер. Поэтому в ожидании очередных президентских выборов стратегия укрепления властной вертикали под руководством В. Януковича будет строиться на продолжении линии по созданию единолично контролируемого аппаратного ядра, консолидирующего высшие управленческие функции.

Вынужденные ориентиры интеграционного сотрудничества

Украинская элита далека от установления оптимального баланса между «западным» и «восточным» векторами интеграционного сотрудничества. Более того, состояние неопределенности согласуется с интересами влиятельной части предпринимательских и политических кругов, стремящихся сохранить «серые схемы» управления экономикой страны. Другими словами, в ближайшем будущем украинская сторона продолжит ситуативную ориентацию на инте-

грационные проекты как «восточного», так и «западного» форматов.

Каковы реальные шансы выбора восточного или западного направления?

1. Восточное направление. Состоявшаяся летом 2012 г. ратификация Украиной соглашения о Зоне свободной торговли СНГ (ЗСТ СНГ) демонстрирует возросший прагматизм украинского руководства в вопросах международного сотрудничества. Если еще недавно при обсуждении перспектив вступления Украины в Таможенный союз (ТС) реакция основных политических оппонентов президента В. Януковича была резко отрицательной, а отношение правящей Партии регионов фактически повторяло негативные настроения антироссийских кругов, то на современном этапе вопрос об участии в «мягкой» интеграции по линии СНГ был решен положительно.

Противники этого участия оказались в меньшинстве как на уровне массовых слоев населения, которые, согласно опросам общественного мнения, в основном предпочитают российский вектор европейскому, так и в украинском парламенте. Важнейшую роль сыграла также активная позиция президента В. Януковича и премьер-министра Н. Азарова, публично озвученные высшими должностными лицами данные о планируемом росте экономических показателей и обещания продолжить переговорный процесс в целях оптимизации цен на энергоносители.

Важными аспектами обоснования правительственного подхода к партнерству в формате ЗСТ СНГ стали намерения добиваться сокращения списка товарных изъятий во взаимной торговле с Россией, продвигать идею участия Украины в системе российских ГТС, а также заверения, что интеграционное сотрудничество в рамках ЗСТ СНГ не противоречит правилам ВТО. Эффективным аргументом сторонников расширения интеграционного сотрудничества по линии СНГ явилось парафирование 19.06.2012 г. Украиной и ЕС соглашения о Зоне свободной торговли, которое подтверждало официальный тезис о соблюдении баланса направлений международного сотрудничества.

Вместе с тем позитивные сдвиги в подходах украинской стороны к интеграционному сотрудничеству в рамках СНГ пока вряд ли можно рассматривать как окончательный этап формирования внешнеэкономического курса страны. Ощутимое противодействие этому курсу способны оказать не только представители западноукраинских элит, финансового сектора или сторонники Ю. Тимошенко в новом составе Верховной Рады, но и вполне лояльные лично президенту В. Януковичу кадры внутри Партии регионов. В целом постоянно озвучиваемые предложения о сокращении списка товарных изъятий из соглашения о ЗСТ СНГ предвещают напряженный стартовый период реализации достигнутых договоренностей интеграционного плана.

■ Международные отношения

2. Западное направление. Ориентация на интеграционное сотрудничество с ЕС была и остается стратегической целью правящих кругов Украины. Однако во второй половине президентского срока В. Януковича в реализации этой цели стали проявляться новые подходы. Они формировались под влиянием интересов преимущественно восточного сегмента украинской элиты, но были поддержаны и значительной частью представителей столичной (киевской) номенклатуры. В контексте вытеснения из официальной политической жизни Ю.Тимошенко команда В.Януковича продемонстрировала не только стремление устранить основного конкурента действующего президента, но и подчеркнуть самостоятельный статус Украины по отношению к европейским партнерам. В этой связи, заключенное Украиной летом 2012 г. Соглашение о создании зоны свободной торговли и подписание расширенного Договора об упрощении визового режима с ЕС, можно рассматривать как ощутимую победу украинского руководства на западном направлении многовекторной внешней политики.

Тем не менее значимость установившегося формата сотрудничества Украины с ЕС неоднократно оспаривалась как сторонниками приоритетного развития отношений с СНГ, так и деятелями, считающими, что достигнутый выигрыш слишком скромнен либо вообще отсутствует. В целом, согласно высказываниям критиков, ассоциация Украины с ЕС отдалает начало ее фактического членства в европейском проекте, закрепляет долгосрочные обязательства перед европейскими партнерами, лишает ряда материальных выгод на западном направлении.

По данным социологических опросов, официальный курс на евроинтеграцию в той или иной степени поддерживает не более 40% украинского населения, причем сдерживающим моментом для части жителей западных областей являются радикальные националистические взгляды по отношению к Польше. Тем не менее курс Украины на евроинтеграцию будет проводиться, хотя и не столь прямолинейно, как еще несколько лет назад.

Характерными моментами украинской позиции являются:

- во-первых, регулярные подтверждения президентом В.Януковичем и высокими должностными лицами стремления к полномасштабному сближению с ЕС как стратегическому приоритету Украины;

- во-вторых, периодические ссылки на секьюритизацию интеграционных установок, которые определяются как один из ключевых вопросов национальной безопасности (Ю.Бойко, А.Клюев, С.Тигипко);

- в-третьих, утверждение, что вступление в ЕС принесет большую экономическую пользу для Украины, чем вступление в ТС (С.Тигипко);

- в-четвертых, попытки разделить политическую и экономическую составляющие

сотрудничества с европейскими партнерами (Н.Азаров);

- в-пятых, критические высказывания в отношении ЕС в связи с отсутствием противодействия строительству газопровода «Южный поток», намеки на возможность принятия решений в сфере энергетики без согласования с Европейским энергетическим сообществом, несмотря на членство в нем (В. Янукович).

Таким образом, обещанная президентом В. Януковичем в конце в 2011 г. политика "активной реализации евроинтеграционного курса" приобрела в настоящее время рутинный формат, и хотя она сохраняет статус особого приоритета внешнеполитической деятельности украинского руководства, основные моменты этой политики подвергаются прагматической переоценке. Вместе с тем ожидать отказа украинской элиты от планов европейской интеграции в пользу восточного вектора сотрудничества пока нереалистично. Скорее всего, речь идет о попытках реорганизации системы связей с европейскими партнерами в соответствии с насущными потребностями украинской экономики, поскольку гипотетические перспективы наращивания транзитного потенциала Украины оказались заблокированы.

Что же выберет украинская элита?

Нам представляется, что снижение напряженности между «западным» и «восточным» векторами интеграционной политики Украины в краткосрочной перспективе маловероятны. Самым существенным препятствием для этого выступает деятельность украинского энергетического лобби. Однако важную негативную роль играет и влияние олигархических кругов в украинском информационном пространстве.

Тенденции развития политической ситуации и основные факторы формирования обстановки на Украине не позволяют рассматривать эту страну в качестве надежного партнера России. Несмотря на ряд демонстративных жестов в плане торга по сдаче украинской ГТС в аренду, интереса к диалогу с ТС/ЕЭП, половинчатых уступок относительно статуса русского языка и формальные ограничения критики советского периода украинской истории, правящие круги Украины во главе с президентом В. Януковичем со всей очевидностью в настоящее время завершают период колебаний между «западным» и «восточным» векторами стратегического ориентирования.

Судя по всему, выбор в пользу сближения с ЕС уже сделан. Но особенностью этого выбора является отсутствие завершенности, тем более что вопрос о том, кто и в каком объеме сможет спонсировать «европейскую траекторию» украинских элит остается открытым. Разноформатный внешнеполитический торг, развернувшийся между Украиной и ЕС вокруг конкретных условий стратегического сближения, идет весьма активно, хотя и не афишируется в своих деталях. Значимость этого вектора взаимодействия для украинской стороны опреде-

ляется не только позицией большинства верхнего слоя титульной элиты, но и личной заинтересованностью В. Януковича в повышении своего международного авторитета[4].

Участие США в процессах выбора украинских внешнеполитических ориентиров во многом определяется стремлением сохранить в сфере публичной политики ряд персоналий (и их окружения), в том числе бывших подписантов меморандума о партнерстве Украины с НАТО, а также поддержанием диалога по украинской проблематике с сопредельными с Украиной странами. Что касается участия в Таможенном союзе (ТС/ЕЭП), то Украина по-прежнему отвергает планы своего полноправного членства, отказывается погасить семимиллиардный долг за российский газ и добивается неоправданных преференций в сфере российско-украинского сотрудничества.

В этих условиях избранная Правительством России и его партнерами по ТС/ЕЭП принци-

пальная линия, отвергающая предлагаемый Киевом вариант формата "три плюс один", представляется обоснованной. Очевидно, что членом Таможенного союза и будущего Евразийского экономического союза, может быть лишь такое государство, которое приняло и ратифицировало все документы ТС и принципы Экономического союза. Современные подходы украинского руководства к участию страны в региональных интеграционных процессах в «западном» или «восточном» измерениях по-разному определяются в аналитическом дискурсе. Их сравнивают с «колебанием маятника», «зигзагами» или даже «хождением по кругу». Но, как представляется, проблема выбора пути интеграционного движения заключается для Украины в искоренении иллюзий, связанных с географическим положением страны и надеждами местных олигархов на обретение статуса посредника в распределении ресурсных потоков между различными регионами Европейского континента.

Список литературы

1. Эксперты: украинские олигархи убивают страну // Украинский банковский портал banker.ua. 21.12.2012. URL: http://banker.ua/bank_news/govregulations/2012/12/21/1180458626/
2. Пожидаев Е. «Молдавизация» Украины: к юго-западу от границ России образуется очаг нестабильности // ИА REGNUM. 23.02.2013. URL: <http://www.regnum.ru/news/1628852.html>
3. Украинские миллионеры: Кто богатеет быстрее всего // ФИНАНСЫ bigmir.net. 08.04.2013. URL: <http://finance.bigmir.net/business/32142-Ukrainskie-millionery--Kto-bogateet-bystree-vsego>
4. Ковалев А. Украина перед выбором: решиться или умереть // Правда.Ру. 24.12.2012. URL: <http://www.pravda.ru/world/formerussr/ukraine/24-12-2012/1139913-ukraine-0/>

Об авторах

Боришполец Ксения Петровна – к.п.н., ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМИ МГИМО(У) МИД России, профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Чернявский Станислав Иванович – д.и.н., директор Центра постсоветских исследований ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ON INTEGRATION OPTIONS OF UKRAIN FOREIGN POLICY

K.P. Borishpolets, S.I. Chernyavskiy

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article evaluates the impact of domestic political regional imbalance and inter-elite divisions of Ukraine in its choice of guidelines for integration.*

The main sphere of Ukrainian economy is controlled by more than ten financial industrial groups that actively lobby their interests in the policy. The Ukrainian elite is far from establishing the optimal balance between “Western” and “Eastern” vectors of integration cooperation. We believe that the reduction of tension between «Western» and «Eastern» vectors of integration policy of Ukraine in the short term is unlikely.

Apparently, the choice in favour of rapprochement with the EU has already been made. But the peculiarity of this choice is the lack of completeness, the more that the question of who and in what volume will be able to sponsor a «European path» of the Ukrainian elite remains open.

Key words: Regional political imbalance, inter-elite divisions, Free Trade Zone of the CIS. Customs Union, United economic zone, European Union.

References

1. Experts: oligarchs are killing the country. Available at: http://banker.ua/bank_news/govregulations/2012/12/21/1180458626/. (in Russ.).
2. Pozhidaev E. “Moldavization” of Ukraine: A source of instability is formed to the south-west of the Russian border. Available at: <http://www.regnum.ru/news/1628852.html>. (in Russ.).
3. Ukrainian millionaires: Who gets richer fastest. Available at: <http://finance.bigmir.net/business/32142-Ukrainskie-millionery--Kto-bogateet-bystree-vsego>. (in Russ.).
4. Kovalev A. Ukraine faced with a choice: to make a decision or die. December 24, 2012. Available at: <http://www.pravda.ru/world/formerussr/ukraine/24-12-2012/1139913-ukraine-0/>. (in Russ.).

About the authors

Borishpolets Ksenia Petrovna – Leading researcher, Center for Post-Soviet Studies, Institute for International Studies, MGIMO University, candidate of political Sciences, Moscow, Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Chernyavskiy Stanislav Ivanovich – Director, Center for Post-Soviet Studies, Institute for International Studies, MGIMO University. E-mail: vestnik@mgimo.ru

К 10-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

О.В. Буторина, Н.Ю. Кавешников

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Десятилетие с момента создания в МГИМО кафедры европейской интеграции дает возможность подвести некоторые итоги деятельности кафедры и показать ее место в отечественной школе интеграционных исследований. В первой части статьи излагаются этапы развития отечественной школы исследований европейской интеграции. Выделяется четыре периода: период становления (1957 – 1962); советский период развития в основном в рамках Академии наук (1962 – 1985); российский период бурного развития в условиях расширения направлений исследований и нарастающих академических контактов внутри страны и за рубежом (1986 – 2000); нынешний период, для которого характерно наличие интегрированной исследовательской среды и системы университетской подготовки кадров (с начала 2000-х гг.). Во второй части описывается процесс становления кафедры европейской интеграции МГИМО; характеризуется ее методика преподавания, основанная на междисциплинарном подходе, активном соединении научного знания с преподавательской деятельностью и интеграции в глобальную среду. Рассказано о подготовке первого в России университетского учебника по европейской интеграции, его концепции и отзывах рецензентов. В третьей части статьи дан обзор основных направлений научной работы кафедры, рассказано о подготовленных сотрудниками кафедры монографиях.

Ключевые слова: МГИМО-Университет, кафедра европейской интеграции, российская школа исследований европейской интеграции, «кафедра Жана Монне».

Кафедра европейской интеграции МГИМО была создана в 2003 г. по личной инициативе первого проректора Ивана Георгиевича Тюлина (Подробнее о профессиональной деятельности И.Г. Тюлина и его роли в развитии научных школ МГИМО см [16].), чье имя ныне носит фундаментальная библиотека университета. В момент своего создания кафедра европейской интеграции МГИМО была первой в России кафедрой, специализирующейся на комплексном преподавании и исследовании интеграционных процессов в Европе. Еще в 1990-х гг. в России возникла дисциплина «Европейское право», пионерами в развитии которой были созданные в МГИМО кафедра европейского права и Институт европейского права. Кафедра европейской интеграции первой в России начала преподавание различных аспектов развития и деятельности ЕС в рамках политической и экономической науки. 1 сентября 2003 г. коллектив из десяти человек приступил к занятиям на четырех факультетах. В настоящее время профессорско-преподавательский состав включает: 4 докторов (в том числе один член-корреспондент РАН) и 5 кандидатов наук. В то же время кафедра является одной из самых молодых специализированных кафедр университета. Средний возраст профессорско-преподавательского состава – всего 42 года; в числе сотрудников – два бывших аспиранта МГИМО. Все преподаватели владеют двумя и более иностранными языками. Кафедра ведет более 20 бакалаврских и магистерских курсов. С момента основания и по июль 2012 г. кафедру возглавляла д.э.н. Ольга Витальевна Буторина. В настоящее время коллективом руководит к.полит.н. Николай Юрьевич Кавешников.

Кафедра европейской интеграции МГИМО является неотъемлемой частью и продолжением отечественной научной школы европейской интеграции. Свою главную цель коллектив видит в том, чтобы превращать накопленные академической наукой знания в университетские дисциплины и, обогащая их новым пониманием, передавать молодому поколению россиян. Этой цели соответствуют три основные задачи: 1) разработка междисциплинарных учебных курсов для бакалаврской и магистерской подготовки; 2) эффективное соединение образовательного процесса с научной работой; 3) всестороннее использование преимуществ и возможностей глобальной среды.

Основу учебной методики составляет междисциплинарный подход. В процессе обучения органично сочетаются элементы политической и экономической науки, права, истории и географии, что позволяет формировать у студентов комплексное понимание европейских интеграционных процессов и места в них России.

Отечественная школа европейской интеграции: история и современность

В Советском Союзе систематическое изучение европейской интеграции началось в 1957 г. в незадолго до этого созданном Институте мировой экономики и международных отношений

(ИМЭМО) АН СССР. Толчком к этому послужило подписание 25 марта 1957 г. в Риме договоров о Европейском экономическом сообществе (ЕЭС) и Европейском сообществе по атомной энергии (Евратом) шестью странами Западной Европы, ранее учредившими Европейское объединение угля и стали (ЕОУС). Уже в апреле 1957 г. в ИМЭМО прошло первое обсуждение заключенных договоров. Тезисы дискуссии были опубликованы в журнале «Мировая экономика и международные отношения» [22] и перепечатаны главной газетой СССР «Правда» [32, с. 159]. Весной 1959 г. по инициативе директора ИМЭМО академика А.А. Арзуманяна была организована научная конференция «Общий рынок» и его роль в экономике и политике современного империализма». В вышедшей по ее итогам книге наибольшую научную ценность представляли оценки, которые сделали академик Е.С. Варга и профессор И.М. Лемин [23; 4].

Первые несколько лет советские исследователи занимались накоплением фактических знаний о сообществах, а также знакомством с западными теориями региональной интеграции. В 1962 г. в ИМЭМО были опубликованы третьи по счету тезисы по данной тематике, в которых подводились первые итоги строительства Общего рынка. Пройденный «шестеркой» путь позволял сделать два важных вывода: во-первых, признать объективный характер западноевропейской интеграции, а во-вторых, обосновать присущий ей кумулятивный эффект [4]. Данные тезисы определили характер и заложили научную основу развернутой впоследствии широкой программы изучения западноевропейского центра силы [1, с. 5; 32, с. 162]. В том же году увидела свет коллективная монография, посвященная экономическим проблемам ЕЭС [35]. На этом первый этап развития, вернее, становления новой научной школы завершился.

Новый подъем отечественной школы европейской интеграции произошел в середине 1960-х гг., положив начало второму периоду ее развития. К тому времени отечественные ученые были хорошо знакомы с документами сообществ, владели многочисленными фактами и показателями. Развивались их научные контакты с зарубежными коллегами, правда в основном из Центральной и Восточной Европы. Западные книги и журналы по международным отношениям и европейским исследованиям были доступны в библиотеках Академии наук. Это позволило советским исследователям изучить и критически осмыслить обширный массив теоретических работ западных классиков интеграции [20].

В ИМЭМО данное направление было значительно усилено после того, как в 1966 г. директором института стал член-корреспондент (и вскоре академик) Н.Н. Иноземцев. Ведущая роль в изучении предмета перешла к ученым следующего поколения, среди которых выделялись М.М. Максимова, Ю.В. Шишков, Л.И. Глухарев, Ю.А. Борко. Тогда же в рамках научной школы начали складываться направления специализации.

Наиболее интенсивно развивались экономические исследования, особенно анализ процесса формирования Таможенного союза и Общего рынка товаров, общей сельскохозяйственной, торговой и социальной политики ЕЭС, формирования европейских ТНК. Появились первые работы, в которых анализировалось влияние Общего рынка на национальные хозяйства государств-членов ЕЭС. К интеграционным исследованиям подключились ведущие ученые-страноведы: Ю.И. Рубинский (Франция), В.Н. Шенаев (Германия), Е.С. Хесин (Великобритания), Н.А. Ковальский (Италия) и другие. Первопроходцем в анализе процесса политической интеграции выступил В.Г. Барановский. Разработка научных основ социалистической интеграции проводилась Институтом мировой социалистической системы под руководством академика О.Т. Богомолова [4; 20]. Центры исследований западноевропейской интеграции были созданы в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН), в МГУ, Институте всеобщей истории АН.

К концу 1980-х гг. в СССР был издан большой массив литературы, посвященной европейской интеграции, – десятки индивидуальных и коллективных монографий, тематических сборников и материалов конференций, сотни статей в научной и общественно-политической периодике [4].

Третий этап отечественной школы интеграционных исследований начался в 1985 г., после того как политическим лидером СССР стал Михаил Горбачев. В октябре того же года в ходе первого заграничного визита во Францию он высказался в пользу более тесного сотрудничества между Советским Союзом и западноевропейскими странами. Отвечая на вопрос французских тележурналистов, Горбачев обозначил контуры своей будущей концепции общеевропейского дома: «Мы живем в одном доме, хотя одни входят в этот дом с одного подъезда, другие – с другого подъезда. Нам нужно сотрудничать и налаживать коммуникации в этом доме» [7, с. 14]. Во внешней политике СССР наметились качественные перемены, предвещавшие скорое окончание холодной войны. Начался процесс всестороннего расширения сотрудничества с государствами Европы, их значение в системе внешнеполитических приоритетов неуклонно росло, набирали силу общеевропейские процессы. Подробнее об этом периоде во внешней политике СССР и о концепции общеевропейского дома см. [24, с. 463–470].

В декабре 1987 г. решением Президиума Академии наук СССР был основан Институт Европы, перед которым ставилась задача изучения всего комплекса вопросов, связанных с развитием отношений нашей страны на данном направлении. Провозглашенная Горбачевым политика гласности явилась первым шагом к высвобождению общественных наук от марксистско-ленинской идеологии и переходу к подлинно научной, признанной во всем мире методологии. В 1989 г. произошло падение Берлинской стены, открывшее путь к объединению Европы. Двумя годами позже распался Совет-

ский Союз. С этого времени отечественную школу исследований европейской интеграции следует именовать Российской [4].

Молодой Институт Европы РАН очень скоро стал главным центром исследований европейской интеграции в новой истории России. С момента основания и на протяжении 12 лет институт возглавлял академик В.В. Журкин, являющийся ныне его почетным директором. С ноября 1999 г. научным коллективом руководит академик Н.П. Шмелев. В основу научного метода Института Европы РАН положен междисциплинарный подход. Происходящие в Европе процессы исследуют экономисты и политологи, историки и социологи, специалисты по европейской безопасности и европейскому праву, науке и информационным технологиям, культуре и религии. В институте сформировался жизнеспособный и новаторский коллектив, спаянный крепкой дружбой и товарищеской взаимопомощью [15, с. 6].

В это же время продолжалось развитие экономических и политических исследований европейских интеграционных процессов в ИМЭМО РАН. В Институте экономики РАН сформировался коллектив, разрабатывающий экономические аспекты интеграции в Европе и на постсоветском пространстве. Возникли ведущие российские юридические школы в области европейского права: в МГИМО (Л.М. Энтин) и Московской государственной юридической академии (С.Ю. Кашкин).

Концептуальным вопросам эволюции Евросоюза, перспективам его развития и динамике интеграционных процессов в Европе были посвящены работы таких известных российских экспертов, как А.Г. Арбатов, В.Г. Барановский, Ю.А. Борко, О.В. Буторина, Р.С. Гринберг, В.В. Журкин, И.Д. Иванов, С.А. Караганов, Ю.А. Матвеевский, В.П. Федоров, Н.П. Шмелев, В.Н. Шенаев, В.Г. Шемятенков.

Традиционно сильные позиции занимает Российская школа экономических исследований интеграции. В числе основных направлений исследований: теории региональной экономической интеграции (Борко Ю.А., В.Н. Зуев, В.Г. Шемятенков, Шишков Ю.В., Ю.И. Юданов), валютная и финансовая интеграция в ЕС (А.А. Абалкина, А.И. Бажан, О.В. Буторина, Т.Д. Валовая, М.Ю. Головин, Р.С. Гринберг, А.А. Масленников), сравнительный анализ социально-экономических моделей развития стран ЕС (В.П. Гутник, В.М. Кудров).

Пристальное внимание российское экспертное сообщество уделяет эволюции европейской архитектуры безопасности, месту в ней Евросоюза и развитию общей (европейской) внешней политики и политики безопасности ЕС (А.Г. Арбатов, Н.К. Арбатова, В.Г. Барановский, Т.В. Бордачев, Д.А. Данилов, Л.В. Дериглазова, В.В. Журкин, А.В. Загорский, С.А. Караганов, Г.Г. Пархалина, С.В. Уткин, Т.В. Юрева).

Активно развиваются исследования институциональной системы ЕС, методов управления и принятия решений (Л.О. Бабынина, Е.С. Про-

■ Международные отношения

могласова, Н.Ю. Кавешников, И.С. Семененко, М.В. Стрежнева).

Среди отдельных направлений деятельности ЕС следует особо упомянуть исследования в таких областях, как миграционная политика и сотрудничество правоохранительных органов (О.Ю. Потемкина), научно-техническая политика (Е.В. Водопьянова, Е.Г. Водичев, В.С. Циренщиков), региональная политика (И.М. Бусыгина, Н.Б. Кондратьева, А.В. Кузнецов), сельскохозяйственная политика (Б.Е. Фрумкин), функционирование единого внутреннего рынка ЕС (Н.Б. Кондратьева), экологическая политика (С.А. Рогинко) и энергетическая политика ЕС (Н.Ю. Кавешников, Т.А. Романова). Ряд работ затрагивают в более широком контексте социальные, этнические и культурные аспекты интеграции в Европе (Н.В. Говорова, М.В. Каргалова, А.А. Красиков, А.И. Тэвдой-Бурмули).

Формирование в России открытой рыночной экономики в условиях, когда Евросоюз является крупнейшим торгово-экономическим партнером нашей страны, стимулировало развитие исследований в области внешней экономической политики ЕС, включая торговую политику, иностранные инвестиции и отношения с третьими странами (Ю.А. Борко, В.А. Горский, Т.М. Исаченко, А.В. Кузнецов, И.Д. Иванов, Г.М. Костюнина, Н.Н. Ливенцев, А.П. Портанский, В.Г. Шемятенков, Т.А. Чеботарева). Вступление в ЕС большого числа пост-социалистических стран ЦВЕ породило ряд исследований, посвященных адаптации новых стран-членов к политическим и экономическим реалиям Евросоюза (С.П. Глинкина, Н.В. Куликова, Л.Н. Шишелина). Растущая роль ЕС в системе международных отношений нашла отражение в большом числе «работ», посвященных взаимодействию Евросоюза с различными странами и регионами мира: «Европейская политика соседства» (И.В. Болгова, Л.С. Косикова, А.В. Мальгин), «Северное измерение» (О.Б. Александров, И.М. Бусыгина, Л.С. Воронков, А.Л. Мошес), «Средиземноморье» (Н.А. Ковальский, А.В. Мальгин), «Страны ЮВА и Центральной Азии» (М.Г. Носов, С.М. Юн), «Черноморский регион» (А.А. Язькова).

Чуть позднее, вслед за активизацией деятельности ЕврАзЭС, созданием Таможенного союза и продвижением к Единому экономическому пространству, появились исследования о возможности использования опыта экономической интеграции в ЕС на постсоветском пространстве (К.П. Боришполец, Л.Б. Вардомский, А.М. Либман, А.В. Мальгин, Д.Е. Фурман, Д.И. Ушкалова).

Значительный вклад в развитие научной школы вносят исследователи, занимающиеся изучением роли отдельных стран в процессах интеграции. Традиционно сильную отечественную школу германистики, созданную В.Н. Шенаевым и В.П. Гутником, развивают В.Б. Белов, К.К. Баранова, Н.А. Тоганова. Роль Великобритании в европейской интеграции освещается в трудах Ал.А. Громыко, С.П. Перегудова, Е.С. Хесина; Франции – в трудах Ю.И. Рубинского, К.П. Зуевой, Е.П. Островской, А.А. Преобра-

женской; других стран Южной Европы – в публикациях А.В. Авиловой, Н.Е. Аникеевой, О.Н. Барабанова, Ю.Д. Квашнина, Г.Н. Понеделько, И.Л. Прохоренко, С.М. Хенкина; стран Вышеградской группы – в исследованиях Л.Н. Шишелиной. Особенности интеграции стран Северной Европы посвящены исследования Н.М. Антюшиной, К.В. Воронова, Л.С. Воронкова, А.В. Волкова, Ю.С. Дерябина.

В МГИМО под руководством профессора Л.М. Энтина сформировалась признанная в России и за рубежом школа права Европейского союза (М.М. Бирюков, Р.А. Касьянов, А.А. Наку, Н.Б. Топорнин, Е.А. Торкунова, Т.В. Шашихина, М.Л. Энтин). Помимо того, на интеграционных исследованиях в настоящее время специализируются работающие на разных факультетах МГИМО экономисты и политологи: О.Б. Александров (Северное измерение), А.А. Байков (сравнительные интеграционные исследования), О.Н. Барабанов (политическая интеграция), И.В. Болгова (Восточное партнерство), К.П. Боришполец (ЕврАзЭС), Ю.М. Буланникова (Балканские страны в ЕС и НАТО), И.М. Бусыгина (Северное измерение, региональная политика ЕС), Е.Б. Завьялова (промышленная политика ЕС, экономика ЕС), А.В. Загорский (вопросы европейской безопасности), Т.М. Исаченко (торговая политика ЕС), В.Б. Кириллов (Южная и Восточная Европа, вопросы разоружения), Г.М. Костюнина (интеграция в ЮВА), Н.Н. Ливенцев (экономическая интеграция), А.В. Мальгин (роль новых стран ЕС, Восточное партнерство, политика ЕС в Средиземноморье), Ю.А. Матвеевский (история развития ЕС), М.М. Наринский (современная история и политика Европы, роль Франции), М.А. Троицкий (отношения ЕС-США), В.Н. Харламова (экономическая интеграция), О.В. Шишкина (Восточное партнерство), В.В. Шмелев и А.Н. Цибулина (валютно-финансовая интеграция). Сформировавшаяся в университете школа исследований европейской интеграции опирается на богатый научный фундамент, созданный учеными-страноведами. Его составляют труды таких признанных в России и за рубежом экспертов, как Т.А. Алексеева (Германия), Н.Е. Аникеева (Испания), А.А. Ахтамзян (Германия), В.Н. Васютинский (Франция), Ю.В. Дубинин (Испания), Т.В. Зонова (Италия), Н.К. Капитонова (Великобритания), А.С. Кан (Скандинавские страны), Е.О. Обичкина (Франция), Н.В. Павлов (Германия), С.М. Хенкин (Испания).

В 1992 г. по инициативе Института Европы РАН и при его активном содействии была учреждена Ассоциация европейских исследований (Россия), объединяющая ученых, преподавателей вузов и экспертов, занимающихся проблематикой ЕС и европейской интеграции по всей стране. Идея создания ассоциации принадлежала Ю.А. Борко, который стал ее первым президентом. Значительный вклад в становление и развитие ассоциации внесли такие ученые, педагоги, общественные деятели и дипломаты, как А.В. Акулышина, В.А. Артемов,

В.А. Бабешко, А.М. Бетмакаев, А.И. Борозняк, А.Г. Браницкий, В.В. Войников, Ю.В. Галактионов., Ю.П. Давыдов, М.Е. Ерин, А.Г. Иванов, А.В. Клёмин, О.А. Колобов, Б.В. Кузнецов, И.Е. Лешуков, В.Н. Лихачев, С.Н. Мирошников, В.И. Михайленко, Б.С. Орлов, М.Я. Пелипась, О.Б. Подвинцев, П.Ю. Рахшмир, М.И. Рыхтик, И.Г. Тюлин, И.М. Узародов, Л.А. Фадеева, К.К. Худолей, Ю.М. Юмашев, А.Ф. Юсупов, А.О. Чубарьян, А.А. Ярыгин. В настоящее время ассоциация насчитывает около 30 отделений в различных регионах России, функционирующих в основном на базе крупных государственных университетов. В их числе: Санкт-Петербургский государственный университет, Южный федеральный университет, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Уральский федеральный университет им. И.Канта и др. В 1994 г. ассоциация выступила одним из соучредителей Всемирной ассоциации европейских исследований (European Communities Studies Association, ECSA-World).

В конце 1990-х гг. научные сотрудники Института Европы и ряда других академических институтов стали читать лекции по европейской интеграции в региональных университетах, в том числе в Воронеже, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Ярославле, Томске, Кемерово и других городах. Их студенты, аспиранты и преподаватели участвовали в летних и зимних Еврошколах, организуемых при поддержке Представительства ЕС в Москве.

Четвертый этап в развитии российской школы европейских исследований развернулся в начале 2000-х годов. От предыдущих его отличают две качественные характеристики: формирование интегрированной исследовательской среды и создание системы вузовского преподавания, включающей соответствующие учебные дисциплины и их методическое обеспечение.

Ключевую роль в создании интегрированной научной среды сыграла Ассоциация европейских исследований. Ныне представители академической науки, учреждений МИД, преподаватели университетов, эксперты различных научных центров активно взаимодействуют друг с другом и осуществляют совместные проекты. [14]. В практику исследовательской работы прочно вошли международные проекты, регулярным стало проведение конференций и издание научных трудов вместе с зарубежными коллегами. География международного сотрудничества включает десятки стран всех частей света. Замечательные возможности открылись перед молодыми учеными, выезжающими на стажировки в лучшие научные центры мира.

Растущий спрос со стороны отечественного бизнеса и государственных органов на специалистов, способных компетентно взаимодействовать с Европейским союзом, породил потребность передачи молодому поколению накопленного багажа научных знаний. Формирование учебной дисциплины «Европейская интеграция» стало важнейшим этапом формирования отечественной научной школы интеграционных исследований.

На этом фоне создание в 2003 г. в МГИМО – одном из старейших университетских центров России по подготовке специалистов международного профиля – первой в России кафедры европейской интеграции явилось необходимым и закономерным шагом. В 2005 г. на майском саммите в Москве Российская Федерация и Европейский союз договорились о совместных действиях по организации учебных программ по проблематике ЕС для российских госслужащих. Для реализации этой цели и в соответствии с «дорожной картой» построения общего пространства науки и образования России и ЕС с сентября 2006 г. начал действовать Европейский учебный институт при МГИМО. С момента основания и до сентября 2012 г. им руководил М.Л.Энтин, ныне институт возглавляет Т.В.Шашихина.

Сегодня, десять лет спустя, преподавание постоянных и элективных курсов по тематике европейской интеграции ведется во множестве российских университетов, активно использующих созданные в МГИМО методические разработки.

Кафедра европейской интеграции МГИМО и ее методика преподавания

Идея создать кафедру европейской интеграции родилась весной 2003 г. у проректора МГИМО Ивана Георгиевича Тюлина – блестящего ученого-международника, дипломата, выдающегося организатора научных исследований. Инициативу энергично поддержал ректор Анатолий Васильевич Торкунов, решив сформировать кадровый состав из опытных преподавателей МГИМО и ведущих специалистов Академии наук. Тем же летом новые, еще ни разу не опробованные курсы кафедры были включены в расписание лекций и семинаров первого семестра.

Первое неформальное заседание кафедры прошло в августе 2003 г. Из свежестроенной комнаты открывался вид на зеленую лужайку с раскидистой липой. Мебели не было, зато на полу стояли нераспечатанные коробки с компьютерами. Усевшись на подоконник, собравшиеся мечтали вслух и строили планы на будущее. Через неделю они вошли в лекционные залы и продиктовали студентам названия новых курсов.

Всестороннюю поддержку молодому коллективу оказывал деканат факультета международных отношений и лично декан профессор Юрий Алексеевич Булатов. Его профессиональные наставления и доброжелательные советы помогли преподавателям воспринять традиции учебно-методической работы МГИМО, освоить присущую вузу стилистику взаимоотношений между студентами и их наставниками, наладить плодотворное взаимодействие со смежными кафедрами. Создание новой кафедры было благожелательно встречено и на факультете международных экономических отношений, в том числе на одноименной кафедре руководимой Н.Н.Ливенцевым, в курсах которой давно и успешно преподавалась тематика экономической интеграции. Тесные контакты установились с кафедрой европейского права и

■ Международные отношения

Институтом европейского права МГИМО. Через три года кафедра активно включилась в магистерские программы и исследовательскую работу вновь созданного Европейского учебного института при МГИМО.

Время создания кафедры пришлось на период, когда в Евросоюз вступала большая группа стран Центральной и Восточной Европы, недавних партнеров СССР по социалистическому лагерю и Совету экономической взаимопомощи (СЭВ). Тема была чрезвычайно актуальной, горячей. Она занимала умы не только специалистов, непосредственно вовлеченных в процесс, – дипломатов, сотрудников министерств и ведомств, но и большого круга экспертов различных профилей, а также широкой общественности. Экспертиза, которой обладали преподаватели кафедры, пользовалась постоянным спросом со стороны государственных органов и СМИ. Особую важность имели вопросы о том, как расширение повлияет на внутреннюю и внешнюю политику Европейского союза и – главное – как оно отразится на России и его взаимоотношениях со старыми и новыми членами ЕС.

Еще не закончив первого учебного года, кафедра приняла смелое решение начать подготовку коллективной монографии. Этот проект должен был стать проверкой сплоченности и научной состоятельности команды. Проект решили делать международным. Часть глав предложили написать коллегам из Венгрии, Польши, Украины, Германии и Франции. Отдельный блок был отдан ученым из Калининграда, который после присоединения Литвы и Польши к Евросоюзу становился российским эксклавом на его территории. Сроки поджимали, работа шла в интенсивном режиме. В общем деле включилась молодая поросль – аспиранты кафедры, взяв на себя перевод, вычитку текстов и составление приложений. Когда осенью 2005 г. 500-страничный фолиант «Расширение Европейского Союза и Россия» ушел в издательство [27], стало очевидно, что кафедра состоялась как творческий коллектив.

С момента своего создания кафедра осваивала целинную область российской высшей школы. Учебной дисциплины «европейская интеграция» не существовало, не было постоянных курсов по этой тематике, равно как и необходимого методического обеспечения. Свою главную задачу кафедра видела в том, чтобы преобразовать накопленные академической наукой знания в университетские дисциплины, которые следовало органично вписать в сложившуюся систему подготовки будущих дипломатов, экономистов, политологов и журналистов.

В настоящее время сотрудниками кафедры разработаны и читаются более 20 учебных курсов на факультетах МО, МЭО, МЖ, ИВЭС, ФП, в магистратуре по направлениям «Зарубежное регионоведение», «Международные отношения» и «Мировая экономика», а также в Международном институте энергетической политики и дипломатии (МИЭП) и в Европейском учебном

институте (ЕУИ). Все они являются авторскими разработками.

Основной упор сделан на преподавании дисциплин по тематике Европейского союза. Главный курс «Европейская интеграция и отношения России и ЕС» читается на факультетах МО, МЭО, МЖ, ИВЭС, – причем всюду в специально разработанной версии, соответствующей профилю подготовки. Целями курса является формирование у студентов комплексного понимания европейского интеграционного процесса, его места в контексте глобальных трендов развития системы МО; изучения механизма функционирования и системы принятия решений ЕС; формирование навыков междисциплинарного анализа в процессе изучения отраслевых политик ЕС, знаний о проблематике и тенденциях развития взаимоотношений России и ЕС.

Более углубленные курсы предлагается в рамках магистерских программ, в частности курсы: «Интеграционные процессы в Европе», «Процесс принятия решений в США и ЕС: сравнительный анализ», «Теории региональной интеграции и международных отношений», «Отношения Россия–ЕС», «Энергетическая политика ЕС». Также преподаются ряд курсов по этнополитологии («Этнополитические и межнациональные конфликты в странах Европы и Америки», «Этнос и политика в современной Европе», «Этнополитология»); по субрегионам Европы («Особенности интеграционных процессов на Севере Европы», «Геополитические и международные проблемы современной Арктики», «Экономика Восточной Европы»); отраслевым аспектам мировой политики и экономики («Финансовая и энергетическая инфраструктура мировой экономики», «Международная деятельность российских ТНК», «Евроатлантические измерения современных глобальных проблем», «Привлекательность российской экономики для зарубежных инвесторов»).

Одними из первых в МГИМО преподаватели кафедры стали применять мультимедийные средства обучения. К основным курсам были подготовлены электронные ридеры и обширные наборы слайдов, собран фонд обучающих видеороликов. В образовательном процессе широко используются новейшие документы Европейского союза и ведущих международных организаций, зарубежные базы данных.

Созданная коллективом кафедры школа преподавания пользуется достойной репутацией в России, ее знают и ценят за рубежом. В 2005 г. кафедра в лице ее заведующей профессора О.В. Буториной получила статус «кафедры Жанна Моне» и соответствующий грант Европейского союза. В 2008 г. кафедра европейской интеграции МГИМО была признана одной из 20 наиболее успешных зарубежных «кафедр Жанна Моне». В 2012 г. аналогичный грант программы «кафедра Жанна Моне» получил новый заведующий кафедрой доцент Н.Ю. Кавешников.

В первые годы работы кафедры основу русскоязычной учебной литературы составляли ин-

формационные издания, коллективные и авторские монографии сотрудников Института Европы РАН и ИМЭМО РАН [13; 12; 3; 6; 34]. Незаменимым подспорьем для студентов и преподавателей в этот период являлось учебное пособие, подготовленное первым постоянным представителем (послом) СССР при Европейском сообществе профессором В.Г.Шемятенковым [33].

Вскоре возникла потребность систематизировать накопленный кафедрой опыт преподавания и подготовить свой собственный учебник, рассчитанный на широкий спектр курсов бакалаврского и магистерского уровней. Концепция и содержание учебника вырабатывались в ходе методических семинаров, проведенных кафедрой на протяжении 2005 – 2006 гг. Одним из центральных стал вопрос о понятии региональной интеграции, ее признаках и свойствах. Выяснилось, что ни одно из существовавших в российской и зарубежной науке определений не удовлетворяло требованиям формальной логики и не отвечало на вопрос о цели региональной интеграции. В итоге кафедра выдвинула свое определение: «региональная интеграция представляет собой модель сознательного и активного участия стран в процессе глобальной стратификации мира».

Разработанная понятийная система легла в основу нового учебника. К его написанию были привлечены лучшие отечественные специалисты, в основном выпускники МГИМО и МГУ. Авторский коллектив включал шесть докторов наук, в том числе двух академиков, 12 кандидатов наук и двух аспирантов кафедры. Работа над текстом продолжалась четыре года. Каждая из 45 глав прошла неоднократное редактирование, вычитку и сверку.

Подготовленный МГИМО в сотрудничестве с Институтом Европы РАН учебник «Европейская интеграция» вышел из печати в последние дни 2010 г. [10]. Согласно грифу, он предназначен для подготовки студентов по специальностям «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение», однако используется практически на всех факультетах МГИМО и во многих вузах страны. В учебнике максимально полно, систематизированно и доступно освещается развитие интеграционных процессов в Европе с середины XX в. и до настоящего времени. Особое внимание уделяется роли России, подробно изложены основные направления сотрудничества России и ЕС. Книгу тепло приняли не только студенты, но и экспертное сообщество, ссылки на нее можно найти во многих научных трудах.

Рецензии на учебник появились в журналах «Россия в глобальной политике», «Мировая экономика и международные отношения», «Современная Европа», «Pro et Contra». Директор Центра комплексных европейских и международных исследований Высшей школы экономики Т.В.Бордачев писал: «Данная книга стоит на порядки выше большинства работ, посвященных как ЕС в целом, так и отдельным аспектам европейской интеграции или сферам деятельности Европейского со-

юза». Труд авторского коллектива он назвал титаническим, особо отметив сбалансированность и объективность изложения. По его словам, авторы систематизировали огромный материал, «практически ни разу (за небольшими исключениями), не приняв желаемое за действительность, а планы, в деле построения которых так преуспела Европа, за реальные дела» [2].

Рациональный и критический взгляд на изучаемый предмет поставил в заслугу авторскому коллективу историк Александр Кустарев. «Проблема, – пишет он, – не в том, чтобы понять подлинные геополитические мотивы интеграции ЕС, а в том, чтобы решить, стоит ли о них говорить открыто или не стоит. Евроистеблишмент, как мы видим, инстинктивно или, наоборот, продуманно склоняется к тому, чтобы не говорить об этом вслух. Но «посторонние» могут себе это позволить». Рассматривая предложенное в учебнике определение региональной интеграции как средства создания успешной глобальной страты, он отмечает, что «формула, на которой настаивает авторский коллектив, может считаться не только смелой, но и вполне оригинальной. А самое главное – реалистичной и адекватной». [19, с. 199]

Серьезный, подробный анализ отдельных частей и глав учебника содержится в рецензии старшего научного сотрудника ИМЭМО РАН, известного российского испаниста И.Л. Прохоренко. В заключение она писала: «Смелый, поистине грандиозный замысел комплексно и глобально осмыслить европейский интеграционный опыт, с одной стороны, и сам состав авторского коллектива – с другой, придали уникальность рецензируемой работе и предопределили ее успех». По ее мнению, фундаментальность, а также высокая научная и практическая значимость книги делают ее полезной как для специалистов, так и для всех заинтересованных читателей. [26, с. 117.]

О характере отношения авторов к читателям заместитель директора Института Европы РАН А.А. Промыко высказывается следующим образом: «По всем канонам – это классический учебник: он учит, но не поучает». И далее: «Читателю предлагается не толкование истории, а стереоскопический взгляд на неё, учитывающий, насколько это возможно, присущие ей полутона и неоднозначность. Материал выстроен таким образом, чтобы пригласить читателя к размышлению, подтолкнуть его к собственному поиску ответов на сложные вопросы, поставленные историей». Важным представляется его обобщение о месте учебника в развитии отечественной школы европейской интеграции. «Профессионально и качественно написанный коллективный учебник для вузов – один из верных показателей и эталонов того, что в данной области исследований научное сообщество в стране сформировалось и утвердилось. “Европейская интеграция” под редакцией О.В. Буториной со всей убедительностью демонстрирует: европеистика в России не только состоялась, но и создала полный цикл генерирования и воспроизводства научного знания» [9, с. 153 – 154].

Научная работа кафедры европейской интеграции МГИМО

Научная школа кафедры впитала с себя лучшие достижения отечественных интеграционных исследований. Сотрудники кафедры активно публикуются в ведущих отечественных и зарубежных журналах. В сфере политологии работа сосредоточена на исследовании особенностей политической системы Евросоюза, эволюции существующих в нем методов регулирования, развитии процессов гибкой интеграции в ЕС (доцент Н.Ю. Кавешников, профессор М.В. Стрежнева). Проф. О.В. Буторина является ведущим в России специалистом по вопросам Экономического и валютного союза ЕС. В своих работах она увязывает воедино исследования денежно-кредитной политики ЕС с более широкой тематикой социально-экономического развития ЕС и его конкурентоспособности на мировой арене. На кафедре также работает ее ученица к.э.н. А.Н.Цибулина, специализирующаяся на проблематике валютного союза и стран ЦВЕ. Среди отраслевых политик Евросоюза наиболее активные исследования ведутся в области энергетической политики ЕС (доцент Н.Ю. Кавешников), внешнеторговой политики (профессор М.В. Стрежнева) и регулирования внешних инвестиций (проф. А.В. Кузнецов). Кафедра не замыкается на исследовании проблематики Евросоюза; профессор Л.С. Воронков уже много лет ведет исследования особенностей интеграционных процессов на Севере Европы и международного сотрудничества в Арктике, доцент А.И. Тэвдой-Бурмули специализируется на изучении этнополитической динамики, европейского мультикультурализма и их взаимосвязи с интеграционными процессами в Европе.

Постоянно в фокусе научной деятельности кафедры находятся отношения между Россией и Евросоюзом. Эти исследования носят не только академический характер, экспертные работы сотрудников кафедры востребованы государственными органами и политиками. К примеру, в рамках подготовки и подведения итогов конференции РСМД «Россия – Европейский союз: возможности партнерства» 21 марта 2013 г., в которой приняли участие Председатель Правительства России Дмитрий Анатольевич Медведев и Председатель Европейской комиссии Жозе Мануэла Баррозу, сотрудниками кафедры был представлен целый ряд материалов, посвященных отдельным аспектам политического и экономического взаимодействия России и Евросоюза [18; 5; 28].

Только за последние три года вышли в свет семь монографий, демонстрирующих широкий круг научных интересов сотрудников кафедры. Монография заведующего кафедрой доцента Н.Ю. Кавешникова (2010) [17] посвящена развитию институциональной структуры Европейского союза. В ней анализируются роль и полномочия институтов ЕС, практика взаимодействия между ними, сосуществующие в рамках ЕС методы управления. Прослеживается трансформация структуры институтов ЕС, имевшая место в связи с изменением

договорной базы ЕС – от Маастрихтского договора до Лиссабонского. В исследовании рассмотрены внутренние и внешние факторы, оказавшие влияние на трансформацию институциональной структуры ЕС, проанализированы вызовы, с которыми она сталкивается на современном этапе.

Книга доцента А.И. Тэвдой-Бурмули «Этнополитическая динамика современной Западной Европы» (2010) [31] посвящена анализу путей формирования этнополитической реальности сегодняшней Европы. В фокусе исследования – проблематика роста националистической активности титульных этнических групп европейских стран, усиление этнополитической активности коренных этнических меньшинств, этнополитические последствия иммиграционного бума.

В исследовании профессора М.В. Стрежневой (2011) [30] современная международная практика рассмотрена сквозь призму понятия политического пространства. В данном случае речь идет о транснациональном пространстве, где привычные рамки национальной политики преодолеваются по горизонтали (постсоветское, европейское и трансатлантическое пространство) и/или по вертикали (многоуровневое управление). На примере Евросоюза более детально представлена роль политических сетей в оформлении транснационального управления.

Изданная в ЕУИ при МГИМО монография доцента О.Ю. Потемкиной (2011) [25] представляет собой комплексное исследование всех аспектов создания пространства свободы, безопасности и правосудия, а также его внешнего измерения. Прослежена институциональная эволюция пространства в сторону расширения компетенции его наднациональной/коммунитарной составляющей. Проанализировано формирование внешнего измерения внутренней безопасности ЕС – совместное противодействие организованной преступности, на примере отношений с США, Балканскими странами, а также в рамках «политики соседства». Особое внимание уделено исследованию места и роли России в создании пространства, определены принципы, на основе которых Россия готова участвовать в формировании европейского пространства свободы, безопасности и правосудия.

В работе профессора Л.С. Воронкова «Хельсинкский процесс и европейская безопасность. Что дальше?» (2012) [8] прослежена эволюция Хельсинкского процесса за годы холодной войны, проведен анализ его приспособления к условиям постконфронтационной Европы. Особое внимание уделено выявлению слабостей Хельсинкского процесса и обоснованию актуальности заключения нового договора о европейской безопасности. Дается критическая оценка современного состояния каждой из трех «корзин» Хельсинкского процесса, анализ его развития в целом и предлагаются альтернативы участию России в ОБСЕ в деле укрепления европейской безопасности.

В последней книге профессора М.В. Стрежневой (в соавторстве с И.Л. Прохоренко, 2013) [29] рассматривается политический процесс вы-

работки, принятия и имплементации решений по функционированию Единого внутреннего рынка и Экономического и валютного союза. Представлены три основных метода экономического управления в ЕС, а именно: управление наднациональное правовое, финансовое (бюджетное) и координация национальных курсов экономической политики, что дает основание судить о возможной дальнейшей политико-организационной эволюции ЕС.

Изданный под редакцией профессора О.В. Буториной справочник «Международные экономические отношения. Базовые параметры» (2013) [21] дает комплексное представление о количественных параметрах современной мировой экономики и международных экономических отношений; представляет четкие и подробные инструкции о том, как пользоваться базами данных; содержит обзор важнейших макроэкономических показателей и правил их интерпретации.

Сотрудники кафедры приняли активное участие в изданной Институтом Европы РАН коллективной монографии «Европейский Союз в XXI веке: время испытаний» (2012) под общей редакцией зав. Отделом исследований европейской интеграции О.Ю. Потемкиной [11]. В книге проведен комплексный анализ итогов развития ЕС за первое десятилетие XXI в., показаны его достижения, внутренние и внешние проблемы,

выявлены новые тенденции развития ЕС, сделана попытка оценить перспективы развития Евросоюза. Проведенные исследования демонстрируют, что вызовы и проблемы в развитии Евросоюза представляют безусловный интерес и имеют большое значение для России как в контексте многоплановых двусторонних отношений, так и с точки зрения набирающих силу интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Одним из соредакторов монографии стал зав. кафедрой Н.Ю. Кавешников; книгу открывает его постановочная глава о новом облике Евросоюза после вступления в силу Лиссабонского договора. Также в книгу вошли главы профессора А.В. Кузнецова «Экономические связи России и ЕС» и доцента А.И. Тэвдой-Бурмули «Настоящее и будущее европейского мультикультурализма».

Краткий обзор основных публикаций демонстрирует основные особенности сложившейся на кафедре научной школы исследований европейской интеграции: комплексный междисциплинарный подход; связь теоретического анализа и практического знания; стремление, не замыкаясь на имеющем много специфических черт опыте Евросоюза, отразить все многообразие интеграционных процессов на континенте; синергия академических исследований и педагогической деятельности; активное участие в международной научной дискуссии.

Список литературы

1. Барановский В.Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. М., 1983.
2. Бордачев Т.В. Европейская интеграция. // Россия в глобальной политике, 2011, № 1 январь – февраль. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/book/Evropetskaya-integratsiya-15116> Дата обращения 20.06.2013.
3. Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе. М.: Деловая литература, 2003.
4. Борко Ю.А. Победа научного подхода над подходом идеологическим. Режим доступа: www.mgimo.ru/uploads/files/Борко_интервью_09.doc Дата обращения: 20.06.2013.
5. Буторина О.В. ЕС и Россия: партнерство без стратегии. // сайт Российского совета по международным делам, 5 апреля 2013 г. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1763#top Дата обращения: 20.06.2013.
6. Буторина О.В. Международные валюты: интеграция и конкуренция. М.: Деловая литература, 2003.
7. Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева во Францию. 2 - 5 октября 1985 года. Документы и материалы. М: Издательство политической литературы, 1985.
8. Воронков Л.С. Хельсинский процесс и европейская безопасность. Что дальше? Учеб. пособие. - М.: МГИМО-Университет, 2012.
9. Громыко Ал.А. Европейская интеграция – такая молодая и такая давняя тема // Современная Европа, 2011, № 2. С 153 – 158.
10. Европейская интеграция: учебник / Под ред. О.В.Буториной. М.: Деловая литература, 2011.
11. Европейский Союз в XXI веке: время испытаний. / Под ред. О.Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. – М.: «Весь мир», 2012.
12. Европейский Союз на пороге XXI века. Выбор стратегии развития. / Под ред. Ю.А.Борко (отв. ред.) и О.В.Буториной. М.: УРСС, 2001.

■ Международные отношения

13. Европейский Союз. Справочник – путеводитель. / О.В. Буториной (отв. ред.), Ю.А.Борко, И.Д.Иванова. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Деловая литература, 2003.
14. Буторина О.В. Российская ассоциация европейских исследований // Блог О.В. Буториной. 22.05.2010. URL: <http://olga-euro.livejournal.com/21556.html>
15. Журкин В.В., Шмелев Н.П. Нам двадцать лет // Современная Европа. 2008. № 2. С. 5-6.
16. Иван Георгиевич Тюлин (1947 – 2007) // Международные процессы, 2007. - т. 5. - № 2 (14). Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/fourteen/020.htm> Дата обращения 20.06.2013.
17. Кавешников Н.Ю. Трансформация институциональной структуры Европейского союза. –М.: МГИМО-Университет, Навона, 2010, 480 с.
18. Кавешников Н.Ю. Экономический фундамент отношений между Россией и ЕС пока недостаточно крепок. // сайт Российского совета по международным делам, 7 мая 2013 г. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1791#top Дата обращения: 20.06.2013.
19. Кустарев А. Европейская интеграция. Учебник // Pro et Contra 2012, Июль – октябрь. С. 198 – 201.
20. Максимова М.М. Европеистика - интереснейшая область исследований. Интервью 25 августа 2008 г. Режим доступа: <http://olga-euro.livejournal.com/79158.html> Дата обращения: 20.06.2013.
21. Международные экономические отношения. Базовые параметры: Справочник / под ред. О.В. Буториной. —М.: Весь мир, 2013.
22. О создании «Общего рынка» и Евратома // Мировая экономика и международные отношения, 1957, № 1. С. 83-96.
23. «Общий рынок» и рабочий класс / Под ред. А.М. Румянцева. М., 1960.
24. Очерки истории Министерства иностранных дел России / Под ред. Иванова И.С. (гл. ред.) и др. В трех томах. Т. 2. М.: ОЛМА-Пресс, 2002.
25. Потемкина О.Ю. Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского союза. М., 2011.
26. Прохоренко И. Европейский союз: опыт структурирования транснационального пространства. // Мировая экономика и международные отношения, 2011, № 11. С. 111 – 117.
27. Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О.В.Буториной, Ю.А. Борко. М.: Деловая литература, 2006.
28. Стрежнева М.В. Евразийская интеграция в контексте партнерства Россия-ЕС. // сайт Российского совета по международным делам, 15 марта 2013 г. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1546#top Дата обращения: 20.06.2013.
29. Стрежнева М.В., Прохоренко И.Л. Управление экономикой в Европейском союзе: Институциональные и политические аспекты. - М.: ИМЭМО РАН, 2013.
30. Транснациональные политические пространства: явление и практика / под ред. М.В. Стрежневой. – М.: Весь Мир, 2011. – 376 с.
31. Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика современной Западной Европы. - М.: МГИМО-Университет, 2010.
32. Черкасов П. П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. – М.: Весь Мир, 2004.
33. Шемятенков В.Г. Европейская интеграция. Учебное пособие. М.: Международные отношения, 2003.
34. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: НП «III тысячелетие», 2001.
35. Экономические проблемы «Общего рынка» /Под ред. Е.Л.Хмельницкой. М.: Соцэкгиз, 1962.

Об авторах

Буторина Ольга Витальевна – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН; профессор кафедры европейской интеграции МГИМО(У) МИД России. E-mail: e_integration@mail.ru

Кавешников Николай Юрьевич – к.полит.н., доцент, Заведующий кафедрой европейской интеграции МГИМО(У) МИД России; ведущий научный сотрудник Института Европы РАН. E-mail: n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru

TEN YEARS OF THE DEPARTMENT OF EUROPEAN INTEGRATION IN MGIMO-UNIVERSITY

O.V.Butorina, N.Y. Kaveshnikov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Ten years anniversary of the Department of European Integration in the MGIMO-University gives an opportunity to sum up Department's achievements and to define the place of the Department in the Russian academic school of European integration studies. The paper consists of three parts. The first presents history the national school of European Integration Studies, since the department of the European Integration in MGIMO-University is an integral part of this scientific school. Authors identify four periods: the formation period (1957 - 1962), the Soviet period of academic research (1962 - 1985), the Russian period within the framework of growing national and international contacts between researchers (1986 - 2000) and the current period, which is characterized by an integrated research environment and a system of university teaching (since early 2000s). The second part describes the process of establishing of the Department and its teaching methods, based on a multidisciplinary approach, strong interplay between teaching and research and integration into the global environment. Authors outline the process of preparation of the first Russian university textbook on European integration, describe its concepts and present opinions of the referees. The third part provides an overview of research activities of the Department and points at main published monographs.*

Key words: MGIMO-University, Department of European Integration, Russian school of European Studies, Jean Monnet Chair.

References

1. Baranovskiy V.G. Politicheskaya integratsiya v Zapadnoi Evrope. Nekotorye voprosy teorii i praktiki [Political integration in Western Europe. Some theoretical and practical questions]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 262 p.
2. Bordachev T.V. European Integration. Rossiya v global'noi politike [Russia in Global Affairs], 2011, no. 1. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/book/Evropeiskaya-integratsiya-15116>. Accessed June 20, 2013. (in Russ.).
3. Borko Iu.A. Ot evropeiskoi idei – k edinoi Evrope [From European Idea to the United Europe]. Moscow, Delovaia literatura Publ, 2003. 464 p.
4. Borko Iu.A. The victory of scientific approach over the ideology. Available at: www.mgimo.ru/uploads/files/Borko_interv'ju_09.doc. Accessed June 20, 2013. (in Russ.).
5. Butorina O.V. EU and Russia: Partnership without a strategy. Russian International Affairs Council website. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1763#top. Accessed June 20, 2013. (in Russ.).
6. Butorina O.V. Mezhdunarodnye valiuty: integratsiya i konkurentsia [International currencies: Integration and competition]. Moscow, Delovaia literatura Publ., 2003. 368 p.
7. Vizit General'nogo sekretaria TsK KPSS M.S. Gorbacheva vo Frantsii. 2-5 oktiabria 1985 goda. Dokumenty i materialy [Visit of the General Secretary of the CPSU Central Committee Mikhail Gorbachev to France. 2-5 October 1985. Documents and materials]. Moscow, Polit. Lit. Publ., 1985. 96 p.
8. Voronkov L.S. Khel'sinskii protsess i evropeiskaia bezopasnost'. Chto dal'she? [Helsinki process and European security. What next?]. Moscow, MGIMO-Univ. Publ., 2012. 320 p.
9. Gromyko A.I.A. European integration – such a young, and such a long-standing issue]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2011, no. 2, pp. 153-158. (in Russ.).
10. Butorina O.V., ed. Evropeiskaia integratsiya [European Integration]. Moscow, Delovaia literatura Publ., 2011. 720 p.
11. Evropeiskiy Soyuz v XXI veke: vremya ispytaniy [European Union in 21st century: Time of trials]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2012. 656 p.
12. Evropeiskii Soiuz na poroge XXI veka. Vybor strategii razvitiia [European Union on the eve of the 21st century. The choice of strategy]. Moscow, URSS Publ., 2001. 472 p.
13. Evropeiskii Soiuz. Spravochnik-putevoditel' [European Union. A guidebook]. Moscow, Delovaia literatura Publ., 2003. 272 p.

■ Международные отношения

14. Butorina O.V. Russian European Studies Association // O.V. Butorina's Web log at Livejournal.com. 22.05.2010. URL: <http://olga-euro.livejournal.com/21556.html> (in Russ.).
15. Shmelev N.P., Zhurkin V.V. We are twenty years old. *Sovremennaiia Evropa*, [Contemporary Europe], 2008, no. 2, pp. 5-6. (in Russ.).
16. Ivan Georgievich Tiulin (1947 – 2007). *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2007, vol. 5, no. 2 (14). Available at: <http://www.intertrends.ru/fourteen/020.htm>. Accessed June 20, 2013. (in Russ.).
17. Kaveshnikov N.Iu. Transformatsiia institutsional'noi struktury Evropeiskogo soiuzia [Transformation of the Institutional Structure of the European Union]. Moscow, Navona Publ., 2010. 480 p.
18. Kaveshnikov N.Iu. Economic basis of EU-Russia relations is not strong enough. Russian International Affairs Council website. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1791#top. Accessed June 20, 2013. (in Russ.).
19. Kustarev A. European integration. A textbook. *Pro et Contra*, 2012, July-October, pp. 198-201. (in Russ.).
20. Maksimova M.M. European studies – a very interesting area of research. Interview 25 August, 2008. Available at: <http://olga-euro.livejournal.com/79158.html>. Accessed June 20, 2013. (in Russ.).
21. Butorina O.V., Galkin S.A., Tkachev V.N. *Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniia*. Bazovye parametry [[International economic relations. Basic parameters]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2013. 133 p.
22. On the formation of the “Common Market” and the EAEC. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations], 1957, no. 1, pp. 83-96. (in Russ.).
23. Rumiantsev A.M., ed. “Obshchii rynek” i rabochii klass [The “Common market” and the working class]. Moscow, 1960.
24. Ivanov I.S., e.a., ed. *Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii*. V trekh tt. [Studies in the History of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. In 3 vols.]. Moscow, OLMA-Press Publ., 2002, vol. 2. 624 p.
25. Potemkina O.Y. *Prostranstvo svobody, bezopasnosti i pravosudiia Evropeiskogo soiuzia* [Area of freedom, security and justice of the European Union]. Moscow, Grif i K Publ., 2011. 367 p.
26. Prokhorenko I. European Union: The experience of structuring of a transnational space. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations], 2011, no. 11, pp. 111-117.
27. Butorina O.V., Borko Iu.A., eds. *Rasshirenie Evropeiskogo Soiuzia i Rossii* [The Enlargement of the European Union and Russia]. Moscow, Delovaia literatura Publ., 2006. 568 p.
28. Strezhneva M.V. Eurasian integration in the context of EU-Russia partnership. Russian International Affairs Council website. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1546#top. Accessed June 20, 2013. (in Russ.).
29. Strezhneva M.V., Prokhorenko I.L. *Upravlenie ekonomikoi v Evropeiskom soiuze: Institut'sional'nye i politicheskie aspekty* [Economic management in the European Union: Institutional and political aspects]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2013. 155 p.
30. Strezhneva M.V., ed. *Transnatsional'nye politicheskie prostranstva: iavlenie i praktika* [Transnational political spaces: Theory and practice]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2011. 376 p.
31. Tevdoi-Burmuli A.I. *Etnopoliticheskaia dinamika sovremennoi Zapadnoi Evropy* [Ethnopolitical dynamic of contemporary Western Europe]. Moscow, MGIMO-Univ. Publ., 2010. 158 p.
32. Cherkasov P.P. IMEMO. *Portret na fone epokhi* [Institute of World Economy and International Relations. Portrait against the background of the epoch]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2004. 572 p.
33. Shemiatenkov V.G. *Evropeiskaia integratsiia* [European integration]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniia Publ., 2003. 400 p.
34. Shishkov Iu.V. *Integratsionnye protsessy na poroge XXI veka. Pochemu ne integriruiutsia strany SNG* [Integration processes on the threshold of the 21st century. Why CIS countries do not integrate]. Moscow, Ill Tysiacheletie Publ., 2001. 480 p.
35. Khmel'nitskaia E.L., ed. *Ekonomicheskie problemy “Obshchego rynka”* [Economic problems of the Common Market]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1962. 511 p.

About the authors

Olga V. Butorina – Doctor of economics, Professor, principal researcher at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; professor of the Department of European Integration, MGIMO-University. Email: e_integration@mail.ru

Nikolay Y. Kaveshnikov – Ph.D. in political science, Head of Department of European Integration Studies, MGIMO-University; Leading Research Fellow in the Institute of Europe RAS. E-mail: n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ ПОСЛЕ КРИЗИСА: УПАДОК ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ?

О.В. Буторина

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

С середины 2000-х гг. Европейский союз столкнулся с масштабными вызовами, поступательное движение интеграции затормозилось, как и в период «евросклероза» 1970-х гг.. Принятые органами Евросоюза меры позволили избежать распада еврозоны, однако о полном выходе из кризиса пока говорить рано. События последних лет позволяют выделить четыре последствия кризиса для интеграции: 1) усиление процессов федерализации в еврозоне; 2) закрепление модели многоуровневой интеграции; 3) рост значения экономических факторов как источников власти; 4) более отчетливая демаркация границ внутри ЕС и по его периметру. Есть основания полагать, что будущая ротация в совете управляющих ЕЦБ закрепит приоритет стран «твердого ядра» в процессе принятия решений в еврозоне. Происходящая надстройка механизмов экономического управления ЭВС осложняет переход на единую валюту новых стран и закрывает такую возможность для Великобритании. Кризис выявил естественные границы расширения ЕС, сделав нереальным присоединение Турции и начало переговоров о вступлении с Украиной. Возврат стран ЕС на путь устойчивого развития требует коренной модернизации европейской экономики и общества, но ее пути пока не определены. Ясно, что она не может заключаться в дальнейшем накоплении богатства и росте потребления. Цели и контрольные показатели Стратегии «Европа-2020», несмотря на свою ограниченность, будут, по мнению автора, реализованы только частично. Модернизацию могут тормозить недофинансирование фундаментальной науки, произошедшее вследствие окончания холодной войны, а также социальные факторы, роль которых в экономическом прогрессе ранее недооценивалась. Новые возможности для обновления интеграционной стратегии ЕС откроются после выборов в Европейский парламент и формирования нового состава Комиссии в 2014 г.

Ключевые слова: Европейский союз, кризис в зоне евро, экономическое управление в ЕС, Экономический и валютный союз, модернизация, европейская интеграция, Стратегия «Европа-2020», Европейский центральный банк.

Крах в 1990-х гг. социалистической системы и последовавшее расширение ЕС на восток воспринимались всеми как триумф европейской идеи, демократии и рыночной экономики. Перед европейской интеграцией открывались самые широкие и светлые перспективы: внутренний рынок без границ; Экономический и валютный союз с единой европейской валютой; Шенгенское пространство; общая внешняя политика и политика безопасности. Все это представлялось закономерными шагами на пути к процветанию и подлинному единству Европы. На горизонте виднелись контуры политического союза. Созванный в 2002 г. Конвент должен был выработать конституцию, которая превратила бы «европейскую семью народов» в подобие федерации.

Этого не случилось. Вступление в ЕС большой группы стран Центральной и Восточной Европы осложнило процесс принятия решений и сделало переходную экономику неотъемлемой частью социально-экономического ландшафта ЕС. Конституционный кризис 2007 г., мировой экономический кризис 2008–2009 гг. и последовавший за ним кризис в зоне евро остановили поступательное движение европейской интеграции. Двадцатилетний период ее успешного развития, продолжавшийся с середины 1980-х гг., остался в прошлом.

Восемь лет (если считать с даты провала конституции) Евросоюз ведет борьбу за сохранение завоеванных позиций и почти столько же – за возврат к экономическому росту, предотвращение распада и социальный мир. Сравнимый по характеру период «евросклероза», вызванный нефтяными кризисами и распадом Бреттон-Вудской системы, продолжался семь – десять лет. Выход произошел после глубокой структурной перестройки западноевропейской экономики, кардинального понижения ее энерго- и материалоемкости. Подъем европейского строительства стал возможен благодаря приходу в брюссельские кабинеты новой команды во главе с Жаком Делором – подлинным гражданином Европы, искусным политиком и стратегом.

Станет ли нынешний социально-экономический и институциональный кризис Европейского союза очередной фазой во втором цикле европейской интеграции или он приведет к смене всей парадигмы европейского строительства? Какой в таком случае может быть эта парадигма? Будет ли она означать постепенное дряхление европейской идеи и вместе с ней Евросоюза, или, наоборот, кризис поможет раскрыть внутренние резервы группировки и выведет ее на новый уровень интеграции?

Антикризисные меры и их последствия

Мировой кризис нанес сокрушительный удар по европейской экономике. 2009 г. стал для стран ЕС самым тяжелым со времен Великой депрессии. Совокупный ВВП упал на 4%, а инвестиции – на

13%, бюджетный дефицит в среднем поднялся до 6% ВВП. Во всех государствах-членах были проведены масштабные антикризисные программы. На преодоление кризиса потратили 4,5 трлн евро, или 37% совокупного ВВП стран ЕС. Весной 2010 г. на грани дефолта оказалась Греция, вскоре кризис перекинулся на другие слабые страны еврозоны. Сегодня помощь из фондов спасения ЕС получают четыре государства: Греция, Ирландия, Португалия и Кипр. Благодаря титаническим усилиям органов ЕС и Европейского центрального банка (ЕЦБ) удалось избежать худшего – распада еврозоны. Однако говорить об окончании кризиса пока рано.

Наметившееся в 2010 – 2011 гг. оживление захлебнулось. По итогам 2012 г. ВВП Евросоюза сократился на 0,3%, а еврозоны – на 0,6%. Согласно прогнозам Евростата, текущий год также будет завершён с отрицательными показателями. Тем временем государственная задолженность стран ЕС подбирается к 90% от совокупного ВВП по сравнению с 64% в 2008 г. Угрожающе растет безработица: в апреле 2013 г. общая численность безработных в странах ЕС составила 26,6 млн человек, или 12% рабочей силы.

Предпринятые на уровне Евросоюза антикризисные меры делятся на две категории: экстренные и долгосрочные. Смысл первых – не допустить распространения кризисных явлений. Вторые нацелены на решение структурных проблем, приведших к возникновению кризиса. К первой группе относятся действия ЕЦБ, позволившие не допустить банковской паники и восполнить нехватку ликвидности на межбанковском рынке. Еще осенью 2008 г. главный банк зоны евро начал снижать процентную ставку, наращивать объемы рефинансирования и расширять спектр инструментов денежно-кредитной политики. На рубеже 2011 – 2012 гг. под руководством нового президента Марио Драги он провел беспрецедентные по масштабу операции рефинансирования на общую сумму 1 трлн евро. Подробнее о причинах кризиса и антикризисной политике ЕС см. [6].

Для помощи пострадавшим странам в экстренном порядке были созданы новые финансовые инструменты. В 2010 г. по инициативе Ангелы Меркель и Николя Саркози возникли Европейский инструмент финансовой стабилизации и Европейский механизм финансовой стабилизации, которые стали выкупать государственные облигации проблемных стран. Это позволило правительствам решить проблему рефинансирования государственной задолженности, поскольку из-за риска дефолта стоимость размещения долговых обязательств на фондовых рынках резко возросла. Например, в декабре 2010 г. доходность 10-летних государственных облигаций Германии составляла 3,0% годовых, Португалии – 6,6%, Ирландии – 9,0%, а Греции – 12,5%. Ныне два названных инструмента объединяются в Европейский стабилизационный фонд, способный привлекать средства в объеме до 700 млрд евро.

Сердцевиной долгосрочной антикризисной программы ЕС является реконструкция Экономи-

ческого и валютного союза (ЭВС). В ходе кризиса стало ясно, что его нормальное функционирование невозможно при сохранении нынешнего разрыва в уровнях интеграции между единой (централизованной) денежно-кредитной политикой и общей (децентрализованной) экономической политикой. Именно поэтому с 2010 г. органы ЕС энергично взялись за надстройку системы макроэкономического управления. В июне 2012 г. на сессии Европейского совета его председатель Херман Ван Ромпёй представил проект плана построения «подлинного» ЭВС, рассчитанного на 10 лет. Он состоит из трех блоков: создания интегрированной структуры финансовых рынков, оздоровления государственных финансов государств-членов и укрепления общей экономической политики. Подробную «дорожную карту» планируется утвердить на сессии Евросовета летом 2013 г.

Интегрированная структура финансовых рынков, действующая на основе единого свода правил, призвана сохранить целостность финансового пространства еврозоны. Для этого создаются две новые наднациональные структуры. Действующий с декабря 2010 г. Европейский совет по системным рискам осуществляет макропруденциальный надзор за финансовой системой в целях предупреждения и снижения системных рисков. Единый надзорный механизм возьмет на себя координацию действий национальных надзорных органов и выработку единых стандартов в данной области. Он будет напрямую и дифференцированно осуществлять банковский надзор в отношении кредитных учреждений стран Евросоюза.

Оздоровление государственных финансов проводится путем формирования интегрированной системы бюджетных рамок. С декабря 2011 г. действует обновленная версия Пакта стабильности и роста, состоящая из шести законодательных актов и потому называемая «six-pack». Она кардинально усиливает правила надзора за исполнением бюджетной дисциплины и вводит методику, предупреждающую нарушения. В марте 2012 г. все страны ЕС, кроме Великобритании и Чехии, договорились о создании бюджетного союза (англ. – *fiscal compact*). Согласно Договору о стабильности, координации и управлении в Экономическом и валютном союзе, так официально именуется пакт, принятие дефицитных бюджетов запрещено. Отрицательное сальдо в размере не более 0,5% ВВП допускается только в случае экономического спада.

30 мая 2013 г. в зоне евро вступил в силу второй пакет бюджетных документов, состоящий из двух регламентов (и потому именуемый «two-pack»). Он ужесточает процедуру принятия бюджетных планов и вводит строгий мониторинг макроэкономических показателей тех стран, где существует риск возникновения сверхнормативного бюджетного дефицита или которые получают финансовую помощь от ЕС. С очередного бюджетного цикла в еврозоне будут действовать общие бюджетные сроки и правила. К 30 апреля

национальные правительства должны будут обнародовать среднесрочные бюджетные планы и меры содействия занятости на ближайшие 12 месяцев. К 15 октября им надлежит огласить проекты бюджетов, а к 31 декабря принять бюджеты на следующий год. Кроме того, в еврозоне обсуждаются возможности выпуска коллективных суверенных обязательств и создания собственного – отличного от бюджета ЕС – казначейства.

План создания более прочного экономического союза включает в себя «Европейский семестр» и Пакт Евро плюс. Впервые опробованный в 2011 г. «Европейский семестр» представляет собой систему многостороннего макроэкономического мониторинга, который проводится в первой половине каждого года. По его итогам все государства-члены ЕС, а не только участники еврозоны, получают рекомендации от совета и комиссии. Пакт Евро плюс был принят в марте 2011 г. семнадцатью странами еврозоны, а также Болгарией, Данией, Латвией, Литвой, Польшей и Румынией. Он позволяет проводить согласованные макроэкономические реформы по четырем направлениям: повышению конкурентоспособности, росту занятости, устойчивости государственных финансов, стабилизации финансовых рынков.

Трансформация механизмов интеграции

Общий взгляд на проводимые реформы позволяет обнаружить четыре тенденции, которые могут решительным образом повлиять на дальнейшее развитие Европейского союза и сам формат европейской интеграции. Рассмотрим их по отдельности:

1. Усиление наднациональных механизмов и федерализация еврозоны. Как уже отмечалось, Евросоюзу не удалось принять конституцию и де-юре создать политический союз. Однако необходимость дальнейшей передачи суверенитета на уровень ЕС сохранилась. В условиях кризиса недостаток наднациональных функций органов ЕС стал очевиден, и прежде всего в экономической части ЭВС. Противоречие разрешается стандартным для ЕС способом: необходимые элементы создаются де-факто и на ходу встраиваются в нормативную систему.

Ярким примером ползучей федерализации является внедрение в ЕС новых бюджетных правил. Отныне национальные парламенты будут принимать государственные бюджеты только после того, как их рассмотрят комиссия и совет. Оценить размер приобретаемых ими прав можно, вспомнив, что в европейских странах через бюджеты всех уровней перераспределяется примерно половина ВВП, а нынешний бюджет ЕС равен 1% совокупного ВВП государств-членов. Второй пакет бюджетных документов («two-pack») наделяет комиссию правом требовать от государства-члена проведения реформ, чего не может требовать от штата в федеральное правительство США. Американское правительство также не может ввести

■ Международные отношения

санкции в отношении штата, если оно посчитает, что его налоговый кодекс способствует перегреву рынка недвижимости. Но такая возможность не исключена в рамках новых процедур ЕС [16].

Федералистскими по своей сути являются единый механизм банковского надзора, «Европейский семестр» и Пакт Евро плюс. Первый вводит приоритет европейского законодательства в области банковского надзора над национальным, что, несомненно, потребует пересмотра многих традиционных практик в большинстве стран ЕС. Набольшие издержки адаптации лягут на финансовые структуры не только тех стран, которые имели недостаточно эффективные системы банковского надзора, но и на те, которые не смогут добиться использования своих успешных национальных практик в качестве модельных. Есть основания полагать, что в выигрыше окажутся финансовые учреждения Германии, Нидерландов, Люксембурга и некоторых других стран с мощными финансовыми рынками. Макроэкономический мониторинг и планирование в рамках «Европейского семестра» и Пакта Евро плюс также ставит вопрос о том, какие национальные модели станут общеευропейскими. Перспективы южных и восточных стран Евросоюза в этом смысле довольно ограничены.

2. Закрепление и развитие многоуровневой интеграции. Гибкая интеграция в Европейском союзе – вовсе не новость. Первые ее признаки появились в связи с формированием ЭВС: при подписании Маастрихтского договора 1992 г. Великобритания и Дания закрепили за собой право не переходить к единой валюте. Амстердамский договор 1997 г. официально учредил механизм продвинутого, или интенсивного, сотрудничества (англ. – *enhanced cooperation*), тем самым превратив исключение в правило. Лиссабонский договор 2007 г. еще больше расширил сферу применения гибкой интеграции, а практика функционирования ЭВС расширила представления о ее возможных формах [3,9].

В октябре 2012 г. Европейская комиссия одобрила инициативу Франции, Германии, Италии, Испании, Австрии, Бельгии, Греции, Португалии, Словакии и Словении по введению налога на трансграничные финансовые транзакции. Ставка налога для акций и облигаций составляет 0,1%, для производных финансовых инструментов – 0,01%. Налог должны уплачивать обе стороны сделки, каждая в своей стране. Идея налога, первоначально выдвинутая американским экономистом Джеймсом Тобином (впоследствии Нобелевским лауреатом), обсуждалась в ЕС более 10 лет, но без особого результата. Во время кризиса массовый исход капиталов из проблемных стран привел к значительному удорожанию стабилизационных программ, что склонило общественное мнение в пользу налога. Ожидается, что теперь он будет сдерживать спекулятивные переливы капиталов и заставит финансовый сектор возместить обществу часть средств, потраченных на рекапитализацию банков. Примечательно, что налог ввели только

страны еврозоны, и то не все. Великобритания, где находится крупнейший финансовый центр Европы, применять эту меру, конечно, не будет.

Еще одно важное замечание. До сих пор гибкая интеграция воспринималась преимущественно как многоскоростная. Подразумевалось, что основной состав рано или поздно придет к тому рубежу, на котором сейчас находится авангард, а арьергард будет постепенно подтягиваться к основному составу. Сейчас, по мере того как в зоне евро создаются новые наднациональные механизмы, следует констатировать переход европейской интеграции к устойчивой двух- или трехуровневой системе. Институциональная дистанция между зоной евро и остальным составом ЕС увеличивается в силу отмеченной тенденции к федерализации. Обсуждаемое создание собственных финансовых ресурсов еврозоны в дополнение к Европейскому стабилизационному фонду, а также возможное введение общих для еврозоны облигаций еще больше закрепили бы разрыв в уровнях интеграции.

3. Экономизация политики – усиление экономических факторов в механизмах принятия решений, и в первую очередь в зоне евро. Система управления ЕС славится своей запутанностью и громоздкостью. Неоднократные институциональные реформы каждый раз давали меньший результат, чем ожидалось. Тем не менее институты ЕС сохраняют работоспособность, обеспечивая принятие и исполнение решений. После расширения Евросоюза на восток количество средних и малых стран резко увеличилась. Чтобы не дать им блокировать в совете решения, отвечающие интересам крупных стран, был изобретен принцип двойного большинства. С той же целью было объявлено о введении в будущем ротации в Комиссии ЕС. Данная схема призвана обеспечить баланс между представительством стран и граждан. Ведь если распределить голоса только в соответствии с численностью населения, то малые страны останутся без действенных рычагов влияния. А если руководствоваться принципом «одна страна – один голос», то население крупных стран не получит адекватного представительства в органах ЕС.

Теперь источником власти во всевозрастающей степени становятся показатели экономического веса и эффективности. Страны с одинаковым населением могут иметь разный ВВП, что свидетельствует о неодинаковых уровнях экономического развития и производительности труда. Они также могут отличаться по общей устойчивости экономики, размерам и степени развития финансовых рынков. Данные критерии всегда были инструментом влияния де-факто, теперь же в еврозоне они становятся источником власти де-юре. Приведу несколько примеров.

В январе 2013 г. произошла смена руководства Еврогруппы. Возглавлявший ее на протяжении восьми лет Жан Клод Юнкер, министр финансов и премьер-министр Люксембурга, заявил о намерении покинуть пост. Его преемником стал Йорен

Дейсселблум, пробывший до этого три месяца на посту министра финансов Нидерландов. Неожиданный карьерный взлет малоизвестного голландского общественного деятеля стал возможно благодаря его принадлежности к одной из четырех стран Евросоюза с наивысшим кредитным рейтингом AAA (по версии агентства Standard & Poor's). Тремя другими такими странами в начале 2013 г. были Германия, Люксембург и Финляндия. О немецком кандидате не могло идти речи по политическим соображениям; люксембуржец отпадал ввиду недавней миссии Юнкера; финн не подходил из-за возглавляющего финансовый блок заместителя главы Еврокомиссии Оливи Рена. При этом обозреватели не раз указывали, что новым главой Еврогруппы не может стать выходец из страны, получающей финансовую помощь из фондов ЕС.

Экономический вес страны и степень развития ее финансового сектора, бесспорно, учитывается при назначении членов исполнительной дирекции ЕЦБ, хотя его руководство официально отвергает это. С момента учреждения ЕЦБ и на протяжении 14 лет четыре места из шести неизменно занимались представителями Германии, Франции, Италии и Испании. Два других места обычно делились между южной и северной частями еврозоны. В 2012 г. Испания лишилась постоянного места в дирекции. Хотя ЕЦБ не публикует протоколов заседаний управляющего совета (который состоит из членов дирекции управляющих национальными центральными банками стран зоны евро), нетрудно догадаться, что причиной этого стало тяжелое экономическое положение Испании и получение ею помощи от ЕС на урегулирование проблем финансового сектора. Изъятое у Испании место было использовано для человека из Голландии или Люксембурга – стран с безупречной финансовой репутацией. В настоящее время дирекция включает экспертов из Германии, Франции, Италии (президент), Португалии (вице-президент), Нидерландов и Люксембурга. Появление в ней представителей новых стран еврозоны – Словакии, Словении, Кипра, Мальты или Эстонии – в ближайшие 10 лет маловероятно.

С 1 января 2014 г. на единую валюту переходит Латвия. Литва планирует сделать это год спустя – с 1 января 2015 г. С этой даты число стран еврозоны превысит 18, что приведет в действие механизм ротации в управляющем совете ЕЦБ. Его правила были разработаны в 2004 г. и скорректированы в 2008 г. Они, как и многие другие подобные процедуры ЕС, кажутся простыми и прозрачными только сначала. Пристальный взгляд открывает картину весьма искусного механизма, направленного на защиту интересов стран «твердого ядра».

Согласно новым правилам, все управляющие национальными центральными банками (НЦБ) будут делиться на две, а потом (когда в еврозоне будет 22 страны) на три группы. Распределение будет проводиться по критериям номинального ВВП (80% итогового индекса) и объема национальных финансовых рынков (20% итогового

индекса). Данное положение, как будет показано, имеет критическое значение для всего механизма ротации. В первую группу войдут пять стран, которые постоянно будут иметь четыре голоса в совете. То есть в каждый конкретный момент один из руководителей НЦБ останется без права голоса, хотя за ним сохранится право присутствовать на заседаниях совета. Доля участников заседания с правом голоса в этой группе составит 80%. Вторая группа будет иметь восемь голосов. Первоначально в нее войдут 11 членов, позже их число возрастет до 14. Таким образом, доля участников с правом голоса будет уменьшаться с 79 до 57%. Третья группа получает три голоса при численности от шести до восьми членов и долей голосующих участников от 50 до 38%.

Отметим три наиболее важных, на наш взгляд, качества данного механизма. Во-первых, наличие в первой группе пяти мест далеко не случайно. Это позволяет включить в нее не только Германию, Францию, Италию и Испанию, но и ближайшего партнера Германии – Нидерланды. При том, что по численности населения (17 млн человек) эта страна почти вдвое меньше 46-миллионной Испании. Зато, если в еврозону вступит Польша с населением 38 млн человек, она никак не попадет в первую группу. Ее ВВП, исчисленный по номинальному курсу, сейчас в полтора раза меньше голландского. Нет никаких шансов войти в первую группу и у Румынии с населением 21 млн человек. Известно, что в странах с невысоким уровнем благосостояния, в том числе во всех странах с переходной экономикой, цены ниже, чем в высокоразвитых и богатых государствах. Поэтому для верного сравнения уровней жизни применяется расчет ВВП по паритету покупательной способности. Методика ЕЦБ, использующая показатель ВВП по текущему курсу, дает заметные преимущества богатым участникам еврозоны. Так, у миниатюрного Люксембурга номинальный ВВП больше, чем у семимиллионной Болгарии. По этой причине Люксембургу никак не грозит попадание в третью группу с самым низким уровнем представительства. Кандидатами туда являются: Мальта, Эстония, Кипр, Латвия, Литва и Словения.

Во-вторых, хотя доля голосующих участников в первой группе составляет 80%, вероятность того, что совет не учтет позицию крупной страны, почти отсутствует. Ведь у Германии, Франции и Италии есть закрепленные места в дирекции ЕЦБ, члены которой входят в управляющий совет. Членами дирекции регулярно назначаются эксперты из Голландии, Бельгии, Австрии и Финляндии – стран, чья экономическая и финансовая модель весьма близка к немецкой.

В-третьих, по мере расширения еврозоны после 2015 г. во второй группе будет расти число участников, временно не имеющих права голоса. В первой же группе доля голосующих участников не изменится. То есть гипотетическое вступление в ЭВС Дании, Швеции, Чехии или Венгрии затронет права их средних по размеру партнеров, раньше перешедших на евро. Есть основания предпо-

■ Международные отношения

жить, что это спровоцирует разногласия внутри второй группы. В пользу такой гипотезы свидетельствует голосование в Совете Экофин в январе 2013 г., когда кандидатуру нового главы Еврогруппы не поддержала только одна страна – Испания – в отместку за удаление ее представителя из дирекции ЕЦБ.

4. Углубление разделительных линий внутри Евросоюза и по его границам. Отмеченные выше тенденции к федерализации еврозоны и увеличения разрыва в уровнях интеграции между ней и остальным составом ЕС приводят к более выраженному делению стран ЕС на две группы по признаку членства в ЭВС. Подробнее о процессах социально-экономической дифференциации в ЕС см. [4]. Пролегаящая между ними граница приобретает все большее политическое значение и становится все более труднопреодолимой. (Из сказанного не вытекает, что она может стать линией распада Евросоюза. Подобная вероятность, по нашему убеждению, в ближайшие 10–15 лет не материализуется.)

Следует заметить, что Еврогруппа является гораздо более закрытой структурой, чем Совет ЕС. На ее заседания обычно не приглашается даже представитель председательствующего в ЕС государства, если оно не входит в зону евро. Еврогруппа собирается раз в месяц накануне заседания Совета ЭКОФИИ и готовит все его основные решения. Если по итогам заседания Совета ЭКОФИИ публикуются подробные резолюции по установленной форме (с перечнем всех присутствовавших и всех обсуждавшихся вопросов), то сведения о происходящем в Еврогруппе скупы и обрывочны. Ее итоговые заявления составляют от нескольких строк до страницы, подпись под ними не ставится, а список участников не оглашается.

По мере усложнения механизмов ЭВС новым странам, особенно крупным и со сложившимися традициями экономической политики, будет все сложнее присоединяться к нему. Сейчас аутсайдеры еврозоны почти лишены возможности воздействовать на происходящую надстройку механизмов управления ЭВС, что вызывает закономерный рост их недовольства [10]. Когда в 2010 – 2011 гг. «тяжеловесы» Евросоюза, в первую очередь Германия и Франция, взялись за перестройку Общей экономической политики, не участвующие в еврозоне страны ЦВЕ почувствовали себя отстраненными от происходящего. 12 сентября 2011 г. после заседания Совета по общим вопросам (на уровне министров иностранных дел) руководители внешнеполитических ведомств Польши, Чехии, Венгрии, Болгарии, Литвы, Латвии и Румынии собрались отдельно, чтобы обсудить возникшие проблемы. Все они, вступив в ЕС в 2004 и 2007 гг., приняли на себя обязательство присоединиться к ЭВС. Однако начатая на фоне кризиса реформа меняла, по их мнению, условия присоединения. Для большей убедительности министры заявили, что в такой ситуации их страны могут вновь провести референдумы о своем членстве в ЕС. Вопрос был на время урегулирован, но проблема осталась.

Кризис поставил точку в вопросе о переходе Великобритании на единую валюту. Сегодня с полным основанием можно говорить, что этого не случится никогда. Раньше Великобритания могла, но не хотела войти в валютный союз. Интрига разворачивалась вокруг того, когда государственные лидеры, элиты и население сочтут этот шаг желательным и полезным. В 2011 – 2012 гг. данное окно возможностей закрылось. Великобритания больше не сможет стать членом ЭВС. 25-процентное удешевление фунта к евро в ноябре–декабре 2008 гг. показало, насколько важным является сохранение гибкого курса для национальной хозяйственной системы. Курсовая динамика фунта к основным мировым валютам всегда отличалась непостоянством и широкой амплитудой колебаний. Лондон не мог раньше и тем более не сможет теперь привязать обменный курс к евро, чтобы выполнить критерий конвергенции о двухлетнем участии в МОК-2.

Главное же в том, что свершившаяся в последние два года надстройка механизмов ЭВС произошла без участия Великобритании. В основу нового здания общей экономической политики еврозоны положена немецкая модель хозяйственного управления. Великобритания закономерно не присоединилась к бюджетному союзу и Пакту Евро плюс. Она конечно же не будет вводить налог на трансграничные сделки с ценными бумагами и производными инструментами, чтобы не скрываться за деятельностью Сити. Следует ожидать, что новые правила банковского надзора будут в еврозоне жестче, чем в ЕС в целом. Учитывая гигантские размеры и сложившиеся практики британского финансового сектора, его перестройка под стандарты еврозоны (читай – немецкие) невозможна.

Кризис также закрыл дискуссию о вступлении в ЕС Турции. Он показал, что внутренние возможности интеграционной группировки принимать новых членов исчерпаны. В ближайшие годы в ЕС смогут вступить некоторые небольшие страны, на этом процесс расширения будет завершен. Аналогичным образом исчезли основания для сколько-нибудь реалистичных прогнозов о начале переговоров с Украиной. До середины столетия эта глубоко европейская по своей культуре, истории и самосознанию страна останется за пределами Евросоюза. То же в полной мере относится к Белоруссии и Молдове. Прогнозы с более дальним горизонтом – дело безнадежное.

Модернизация: camera obscura

За период с 1980 по 2012 г. доля стран Евросоюза в мировом ВВП (по паритету покупательной способности) понизилась с 31 до 19%, а в мировом экспорте – с 41 до 32% [17, 18]. Согласно прогнозам ведущих международных организаций, в будущем данная тенденция сохранится. Переломить ее Евросоюз не может, все его усилия направлены на то, чтобы замедлить процесс. Следует ли расценивать происходящее как признак упадка Европы и вместе с ней Евросоюза или как необходимое перераспределение сил в глобальном балансе? Сегодня в

ЕС проживают 500 млн человек, или 7% от населения земного шара. То есть его доля в мировом ВВП почти в три раза, а в мировом экспорте – в четыре раза превышает долю в населении мира. Значит ли это, что для сохранения своих позиций в мировой экономике и политике страны ЕС должны стать еще богаче? Если у каждой семьи будет не по одному, а по два автомобиля, не по два, а по четыре компьютера, поможет ли это глобальному лидерству ЕС?

Сегодня во всех европейских странах уровень жизни населения неоспоримо выше, чем в 1970-х гг. и тем более в послевоенный период. Качество жизни средней семьи, ее обеспеченность товарами и услугами намного лучше, чем у предыдущего поколения. Тем не менее хозяйство ЕС никак не удается перевести на рельсы устойчивого развития. Экономический рост в последние 10–15 лет оставался медленным и слабым. Как я уже писала, в 1990-х гг. развитие экономики во многом происходило за счет искусственного накачивания спроса на молодежные товары и всемерного поощрения престижного потребления [7].

В странах ЕС не решена и в ближайшее десятилетие не будет решена проблема бедности. Качество среднего образования снижается, а доступность и престижность высшего падает. В неблагополучных семьях и семьях эмигрантов родители зачастую не могут и не хотят помогать своим детям осваивать школьную программу. Как следствие, те бросают школу и пополняют самый уязвимый сегмент рынка труда. Бедность воспроизводится, а экономический рост наталкивается на социальные и антропологические препятствия. Медицина становится все лучше, но высокотехнологичное лечение дорожает в геометрической прогрессии, доступ к нему всех и каждого становится невозможным в принципе. С ростом продолжительности жизни возрастает потребность в уходе за пожилыми людьми – как относительно здоровыми, так и больными. При этом год найма сиделки способен поглотить накопления средней семьи, сделанные на протяжении всей трудовой жизни.

Экономика ЕС, несомненно, нуждается в модернизации. Какой она может и должна быть – большой вопрос. Ясно, что гипотетическое достижение всеми государствами-членами такого же душевого дохода, как в Люксембурге (80 тыс. евро в год), проблему не решит. Экономический прогресс неотделим от социального, а развитие человеческих ценностей – от возможностей их реализации. Как пишет Амартия Сен, реализация человеческих преимуществ зависит от четырех основных компонентов: достижения благосостояния, достижения личных (агентских, в его терминологии) целей, свободы в достижении благосостояния и свободы в реализации личных (агентских) целей [2]. Нарращивание богатства имеет смысл только тогда, когда оно ведет к постановке обществом более высоких целей, касающихся развития человеческой личности.

С этой точки зрения стратегические цели программы «Европа-2020» явно не соответствуют масштабам «европейства» в том смысле, который мир привык вкладывать в это понятие на протяжении последних 500 лет. Но, даже будучи непритязательными и отвлеченными, они имеют мало шансов на реализацию. Нынешняя, третья по счету, стратегия социально-экономического развития ЕС (первая была принята в 2000 г, а потом пересмотрена в 2005 г.) будет выполнена в отдельных, не самых важных ее элементах. Большинство контрольных цифр, касающихся занятости, вложений в науку и технологии, энергоэффективности, борьбы с бедностью, по нашему мнению, достигнуто не будет. Это видно по тому, как меняются названные показатели в настоящее время.

Роль органов ЕС в проведении модернизации имеет объективные и весьма жесткие ограничения. Бюджет ЕС составляет около 1% совокупного ВВП государств-членов. Новая финансовая программа Евросоюза на 2014 – 2020 гг. не предусматривает кардинального сокращения субсидий сельскому хозяйству и перераспределения средств в пользу промышленной и научно-технической политики. Реальные рычаги управления процессами модернизации остаются в руках национальных правительств.

Наиболее ценный вклад органов ЕС мог бы, на наш взгляд, состоять в разработке комплексной стратегии обновления европейской экономики – как для всей интеграционной группировки, так и для ее отдельных стран. Последнее особенно актуально для небольших и не слишком успешных в экономическом плане государств, которым трудно (или почти невозможно) собрать команду профессионалов, способных разработать новую модель участия страны в европейском и мировом разделении труда. Совершенно очевидно, что хозяйственные модели, применяемые ныне Грецией, Кипром, Латвией, Эстонией и некоторыми другими государствами ЕС, нежизнеспособны в долгосрочной перспективе. Между тем у этих стран, скорее всего, есть внутренние ресурсы для развития высококонкурентных отраслей промышленности и сферы услуг и создания своего, неповторимого профиля специализации.

Подобное планирование могло бы использовать положительный опыт Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), в рамках которого во многих странах были созданы высокотехнологичные производства передовой по тем временам промышленной продукции. Достаточно вспомнить несуществующие ныне производства автокаров в Болгарии или автобусов в Венгрии. Подобное стратегическое планирование согласовывалось бы с действующим в ЕС принципом субсидиарности, согласно которому на наднациональный уровень передаются только те компетенции, которые не могут быть эффективно реализованы на более низком уровне. Однако на пути реализации этой идеи стоит множество препятствий. Национальные правительства увидели бы в ней новую угрозу для своего суверени-

■ Международные отношения

тета, элиты воспротивились бы «реинкарнации» плановой экономики, а органы ЕС побоялись бы взять на себя огромную ответственность.

На пути к прогрессу стоят еще более крупные и плохо различимые преграды. По данным Евростат, на протяжении 2000–2009 гг. доля расходов на НИОКР в ВВП увеличилась в США с 2,69 до 2,87%, а в Евросоюзе – с 1,86 до 2,03%. То есть средний прирост составлял 0,02 процентных пункта в год. При таких темпах приращение расходов всего на один процентный пункт (заложенное, например, программой «Европа-2020») займет 50 лет. В прошлом веке столько потребовалось, чтобы пройти путь от изобретения самолета до запуска космического спутника. Формирование европейского научного пространства идет довольно медленно, а по некоторым направлениями эксперты отмечают признаки стагнации [1].

Лауреат Нобелевской премии по физике, открыватель графена, Андрей Гейм полагает, что экономика входит в новую парадигму – длительного глобального застоя. Причину он видит в том, что человечество использовало имевшиеся научные заделы и не создало новых; когда «закончились холодные и горячие войны», люди расслабились и перестали вкладывать в фундаментальную науку. Так повели себя не только государства, но и бизнес. «Наилучший способ поднять цену акций – это заявить во всеуслышание, что ваша компания закрывает исследовательскую лабораторию. За последние 20–30 лет всемирно известные лаборатории IBM, медицинские лаборатории в Англии и многие другие либо закрылись, либо стали заниматься конкретными разработками, которые дальше чем на три года вперед не смотрят. И это не вина компаний – это просто давление рынка. Рынки хотят как можно больше дохода, и не через 50 лет, а на следующий год. Те компании, которые вкладывают на 50 лет вперед, просто не выживают в этой системе» [8].

Инвестиции и наделенность капиталом – это только часть проблемы. Проведенные в последние годы многочисленные исследования о причинах богатства и бедности, показали, что сегодня, несмотря на наличие изощренного эконометрического инструментария и других продвинутых методов исследований, человечество не знает, где находится «ген» или «микрочип» модернизации. Общеизвестно, что решающее значение принадлежит институтам и обеспечению прав собственности [5, 13]. Не зря они стали частью копенгагенских критериев, которые страны ЦВЕ должны были выполнить перед тем, как вступать в ЕС. Но это – предпосылки нормального функционирования рыночной экономики, а не собственно факторы модернизации.

Британский историк экономики Энгас Мэддисон называет четыре фактора, подготовивших почву для возвышения Западной Европы в 1000–1820 гг., к которым относятся:

- 1) развитие рационального мышления, науки и образования;
- 2) зарождение городских торговых центров;
- 3) принятие христианства и изменение системы семейных отношений;
- 4) появление в Европе системы близко расположенных друг к другу государств-наций [12, с. 126–129].

Беглого взгляда на список достаточно, чтобы отметить происходящие ныне в Европе изменения в первом и третьем пунктах. Самые далеко идущие и необратимые последствия имеет изменение модели семьи. Как это скажется на европейском обществе и его способности к обновлению, сейчас не знает никто. Исследование Грегори Кларка, написанное на испанском эмпирическом материале, показало, что различие между странами в доходе на душу населения лишь на четверть зависит от количества основного капитала и на три четверти – от эффективности использования всех факторов производства. Причем здесь ключевая роль принадлежит не технологиям, а способности эффективно задействовать труд в производственном процессе. Экономическая система усиливает, но не создает отличия, обусловленные разницей в «местных социальных механизмах, определяющих отношение людей к работе». То есть экономический прогресс в конечном итоге упирается в воспитание, семью и культуру. Вот почему одним из факторов промышленной революции в Англии автор считает массовое нисхождение по социальной лестнице выходцев из богатых семей, транслировавших остальному обществу навыки и ценности образованных классов. [11, с. 28, 450–451, 505].

Осмысление названных проблем и изменение на этой основе стиля и направлений деятельности ЕС будет во многом зависеть от предстоящей смены руководства. Летом 2014 г. должны состояться очередные выборы в Европейский парламент. Вслед за этим будет избран новый глава Европейской комиссии и обновлен ее состав. Нынешний президент Жозе Мануэл Баррозу находится в должности с 22 ноября 2004 г., срок его полномочий истекает 31 октября 2014 г. За время своей работы Баррозу показал себя как квалифицированный функционер, ориентированный на сохранение статуса-кво. Однако, по признанию многих, он не обладает стратегическим видением и способностью генерировать новые идеи. Если к руководству Евросоюзом придет команда новаторов, системный кризис, скорее всего, будет преодолен. Если же на ведущих постах снова окажутся компромиссные фигуры, то перед ЕС обозначится перспектива длительного застоя и даже упадка в случае очередной волны кризиса.

Выводы

Нынешний кризис имеет шансы стать таким же и даже более длительным, чем застой европейской интеграции 1970-х гг. Как и тогда, торможение экономического роста и ухудшение социальной ситуации было обусловлено внутренними причинами, что произошло в ответ на внешнее воздействие. Расширение Евросоюза до

27 стран затрудняет процесс управления группировкой, особенно в нынешних, тяжелых, условиях. Развитие на этом фоне инструментов гибкой интеграции – неизбежный и в целом позитивный процесс, поскольку он позволяет сохранять единство объединения. В дальнейшем эта тенденция будет набирать силу.

Пути модернизации европейской экономики пока не обозначились, их поиск займет, скорее всего, еще несколько лет. Есть опасность, что 2010-е гг. станут «потерянным десятилетием» для европейского сообщества. Такой сценарий описан в качестве наиболее пессимистичного в стратегии «Европа-2020». Наиболее оптимистичный вариант – быстрого восстановления – уже не реализовался. Лучшее, чего может добиться ЕС, – это осуществления сценария «вялое оживление», согласно

которому возврата на траекторию докризисного роста уже не будет.

В результате кризиса произошла демаркация внешних границ Евросоюза. Это открывает новые возможности для развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве и выстраивания нового формата отношений между Россией и ее ближайшими соседями, с одной стороны, и Евросоюзом – с другой. Перспективным, по мнению автора, является заключение рамочного соглашения между ЕС и ЕврАзЭС. Богатый интеграционный опыт Евросоюза – как положительный, так и отрицательный – может эффективно применяться в интеграционных проектах, инициируемых Россией, при условии его осмысления и отказа от слепого копирования.

Список литературы

1. Акульшина А.В., Пилюева Е.О. Европейская политика в области науки и инноваций // Современная Европа. 2013. № 2.
2. Амартия Сен. Возможности и благосостояние / Философия экономики. Антология/Под ред. Д. Хаусмана. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.
3. Бабынина Л.О. Гибкая интеграция в Европейском союзе. Теория и практика применения. М.: УРСС, 2012.
4. Борко Ю. А. ЕС после финансово-экономического кризиса // Европейский союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О. Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н. Б. Кондратьевой. М.: Весь мир, 2012.
5. Бетелл Т. Собственность и процветание. М.: АНО «Институт распространения информации по экономическим наукам», 2008.
6. Буторина О. Причины и последствия кризиса в зоне евро // Вопросы экономики, 2012, № 12.
7. Буторина О. Европа без Евросоюза // Россия в глобальной политике. 2011, № 6.
8. Гейм А. Обыватели убьют человечество за 50 лет. Интервью каналу РБК. Режим доступа: <http://top.rbc.ru/viewpoint/04/06/2013/860500.shtml> (дата обращения: 20.06.2013)
9. Кавешников Н.Ю. «Гибкая интеграция» в Европейском союзе // Международные процессы, Т. 9. №2(26). Май–август 2011.
10. Кавешников Н.Ю. Трансформация институциональной структуры Европейского союза. М.: Навона, 2010. С. 379.
11. Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М.: Издательство института Гайдара, 2012.
12. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1 – 2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Издательство института Гайдара, 2012.
13. де Сото Э. Загадки капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: «Олимп Бизнес», 2004.
14. ECB Decision of 19 February 2004 adopting the Rules of Procedure of the European Central Bank, ECB/2004/2.
15. ECB Decision of 19 March 2009 amending Decision ECB/2004/2 of 19 February 2004 adopting the Rules of Procedure of the European Central Bank, ECB/2009/5.
16. González-Páramo J.M. Retos de la nueva Europa: La culminación de la Unión Económica y Monetaria. Режим доступа: http://www.ecb.int/press/key/date/2012/html/sp120412_1.es.html (дата обращения 20.06.2013)
17. IMF World Economic Outlook Database, April 2013. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2013/01/weodata/index.aspx> (дата обращения: 20.06.2013)
18. UNCTADSTAT electronic database. Режим доступа: <http://unctadstat.unctad.org/TableView/tableView.aspx?ReportId=101> (дата обращения: 20.06.2013)

Об авторе

Буторина Ольга Витальевна – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН; профессор кафедры европейской интеграции МГИМО(У) МИД России. E-mail: e_integration@mail.ru

EUROPEAN UNION AFTER THE CRISIS: DECLIN OR RENAISSANCE?

O.V. Butorina

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The second challenging period (after the «eurosclerosis» of the 70-th) in the history of European integration has been going on for eight years. Measures taken by the EU institutions prevented the disintegration of the euro area, but the crisis is not over. We distinguish its four main consequences for the integration: 1) growing federalization of the euro zone, 2) a switch from multi-speed to a two- or three-tier integration model, 3) economization of decision-making process in the euro area, and 4) clearer demarcation of borders within the EU and with its neighbours. The rotation in the ECB Governing Council that may start in 2015, is likely to consolidate the leadership of the "hard core" countries in the decision-making process. Further communitarization of the economic part of the EMU makes it more difficult for newcomers to join the euro area and practically closes this window of opportunity for the Great Britain. The crisis revealed the objective limits of EU enlargement, the accession of Turkey became hardly realistic, as well as the start of accession negotiations with Ukraine. The return to a sustainable development of the EU countries requires deep modernization of the European economy and society. However, the ways of this modernization has not been determined yet. It is clear that further accumulation of wealth and growing consumption cannot be a solution. The headline targets and indicators of the "Europe 2020" strategy will be implemented only partially. Modernization process will be hampered by the lack of funding for basic science, which occurred due to the end of the "cold war", as well as social factors whose role in the economic progress had been previously underestimated. Upgrading the EU integration strategy will be possible after the elections to the European Parliament and the appointment of the new Commission in 2014.*

Key words: European Union, the crisis in the euro area, EU economic governance, Economic and Monetary Union, modernization, European integration, "Europe 2020" strategy, European Central Bank.

References

1. Akul'shina A.V., Piliieva E.O. European research an innovation policy. *Sovremennaiia Evropa*, 2013, no. 2, p. 72.
2. Sen A. Capability and well-being. *The Quality of Life*. New York, Oxford Clarendon Press Publ., 1992, pp. 30-42. (Russ. ed.: Amartiia Sen. *Vozmozhnosti i blagosostoianie*. *Filosofia ekonomiki*. *Antologiiia*. Moscow, Gaidar Inst. Publ., 2012.).
3. Babynina L.O. *Gibkaia integratsiia v Evropeiskom soiuze. Teoriia i praktika primeneniia* [Flexible integration in the European Union. Theory and practice]. Moscow, URSS Publ., 2012. 304 p.
4. Bethell T. *The noblest triumph. Property and prosperity through the ages*. New York, St. Martin's Griggin Publ., 1988. 384 p.
5. Borko Iu.A. EU after the financial-economic crisis. *Evropeiskii soiuz v XXI veke: vremia ispytanii* [The European Union in the 21st century: Trying times]. Moscow, Ves' mir Publ., 2012.

6. Butorina O. Causes and consequences of the crisis in the Eurozone. *Voprosy ekonomiki*, 2012, no. 12, pp. 98-115. (in Russ.).
7. Butorina O. A Europe without the European Union? *Russia in Global Affairs*, 2011, no. 4 (Oct.-Dec.). Available at: <http://eng.globalaffairs.ru/number/A-Europe-Without-the-European-Union-15433>.
8. Geim A. Philistines will kill humanity in 50 years. Interview to RBK channel. Available at: <http://top.rbc.ru/viewpoint/04/06/2013/860500.shtml>. Accessed June 20, 2013. (in Russ.).
9. Kaveshnikov N.Iu. "Flexible integration" in the European Union. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2011, vol. 9, no. 2 (26), pp. 58-69. (in Russ.).
10. Kaveshnikov N.Iu. Transformatsiia institutsional'noi struktury Evropeiskogo soiuza [The transformation of institutional structure of the European Union]. Moscow, Navona Publ., 2010. 379 p.
11. Clark G. A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World. Princeton, Princeton Univ. Press Publ., 2007. 432 p. (Russ. ed.: Klark G. Proshchai, nishcheta! Kratkaia ekonomicheskaiia istoriia mira. Moscow, Gaidar Inst. Publ., 2012. 545 p.).
12. Maddison A. Contours of the world economy, 1 – 2030 AD. Essays in macro-economic history. Oxford, OUP Publ., 2007. 418 p. (Russ. ed.: Meddison E. Kontury mirovoi ekonomiki v 1 – 2030 gg. Ocherki po makroekonomicheskoi istorii. Moscow, Gaidar Inst. Publ., 2012. 584 p.).
13. de Soto H. The mystery of capital. Why capitalism triumphs in the West and fails everywhere else. London, Bantam Press Publ., 2000. 288 p. (Russ. ed.: de Soto E. Zagadki kapitala. Pochemu kapitalizm torzhestvuet na Zapade i terpit porazhenie vo vsem ostal'nom mire. Moscow, "Olimp Biznes" Publ., 2004. 272 p.).
14. ECB Decision of 19 February 2004 adopting the Rules of Procedure of the European Central Bank. ECB/2004/2. Available at: <https://www.ecb.int/ecb/legal/1001/1009/html/index.en.html>.
15. ECB Decision of 19 March 2009 amending Decision ECB/2004/2 of 19 February 2004 adopting the Rules of Procedure of the European Central Bank. ECB/2009/5. Available at: <https://www.ecb.int/ecb/legal/1001/1009/html/index.en.html>.
16. González-Páramo J.M. Retos de la nueva Europa: La culminación de la Unión Económica y Monetaria [Challenges of the new Europe: The culmination of the Economic and Monetary Union]. Available at: http://www.ecb.int/press/key/date/2012/html/sp120412_1.es.html. Accessed June 20, 2013.
17. IMF World Economic Outlook Database, April 2013. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2013/01/weodata/index.aspx>. Accessed June 20, 2013.
18. UNCTADSTAT electronic database. Available at: <http://unctadstat.unctad.org/TableView/tableView.aspx?ReportId=101>. Accessed June 20, 2013.

About the author

Butorina Olga Vitalievna – Doctor of economics, Professor, principal researcher at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; professor of the Department of European Integration, MGIMO-University.
Email: e_integration@mail.ru

РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Н.Ю. Кавешников

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируется развитие внешней энергетической политики ЕС за последнее десятилетие. Лиссабонский договор не предусмотрел передачи на уровень ЕС новых полномочий в этой сфере. Однако сильный политический запрос на способность Евросоюза «говорить единым голосом» привел к существенному росту активности Еврокомиссии. Решение об обмене информацией о существующих и будущих двусторонних энергетических соглашениях государств-членов с третьими странами существенно ограничит возможности поставщиков дифференцировать условия реализации инфраструктурных проектов и поставки энергоносителей. Участие Еврокомиссии в качестве «хранителя» правил энергетического рынка в двусторонних переговорах государств-членов с третьими странами значительно усилит их переговорный ресурс. В то же время не стоит ожидать кардинального перераспределения полномочий в пользу ЕС, поскольку значительное число стран-членов ЕС, в том числе наиболее влиятельных, имея во внешнеэнергетической политике специфические интересы и длительные партнерские отношения со внешними поставщиками, стремятся сохранить свободу рук. Долгосрочными приоритетами внешней энергетической политики ЕС являются «экспорт» энергетического законодательства в соседние страны; диверсификация источников поставок и политически мотивированная приоритизация отдельных маршрутов поставок энергоносителей; резкое усиление административного регулирования со стороны институтов ЕС. При этом отдельные законодательные меры ЕС и регулятивные практики Еврокомиссии все чаще вступают в противоречие с международным правом и существующими обязательствами стран-членов.

Ключевые слова: Европейский союз, энергетическая безопасность, энергетическая политика ЕС, внешняя энергетическая политика ЕС.

Проблема «единого голоса»

В последнее десятилетие сверхзадачей энергетической политики ЕС стало обеспечение энергетической безопасности. Европейская комиссия в своих документах даже поднялась до высокой поэзии: «Энергия – это кровь, необходимая для жизни нашего общества» [15]. Для достижения энергобезопасности ЕС использует синтетический подход, резонно полагая, что вклад в решение этой проблемы способны внести практически все направления энергетической политики: «Энергетическая безопасность – это ключевой приоритет. Она должна обеспечиваться за счет увеличения энергоэффективности, диверсификации поставок энергии, ее источников и маршрутов поставки, а также за счет продвижения энергетических интересов союза в отношениях с третьими странами» [3].

Европейская комиссия трактует энергобезопасность как ситуацию, при которой «граждане и предприятия ЕС пользуются всеми благами безопасности поставок [энергии] и более низких цен [на энергоносители]» [17]. В последнее время понятие «энергобезопасности» обогатилось третьей компонентой – устойчивой энергетикой; в риторике регулярно используется тезис о необходимости «надежной, безопасной, устойчивой и доступной энергии» [15]. В условиях чрезвычайно высокой и неуклонно растущей импортной зависимости такое понимание энергобезопасности трансформируется в задачу обеспечения надежных и стабильных импортных поставок углеводородов по приемлемым ценам. В практическом плане внешнеэнергетическая политика ЕС нацелена на снижение уязвимости перед перебоями в поставках энергоносителей из/через нестабильные в политическом плане регионы. Она акцентирует внимание на стоимости энергоресурсов и на проблеме возрастающей зависимости от импорта и политическом давлении, с которым ЕС сталкивается или потенциально может столкнуться в связи с данной зависимостью.

Однако именно во внешней энергетической политике особенно сильно ощущается недостаток компетенции ЕС. Поскольку учредительные договоры не содержат никаких положений на этот счет, полномочия ЕС определяются на основе теории параллельной компетенции: коль скоро ЕС вправе принимать «внутреннее» законодательство в какой-либо сфере, то он может осуществлять и внешнюю деятельность по этим вопросам [22, с. 857–859]. Неудивительно, что львиная доля внешнеэнергетической активности ЕС связана с «экспортом» существующего в энергетической сфере *acquis communautaire*, прежде всего модели регулирования рынков (той модели, что создана в рамках процесса либерализации рынков газа и электроэнергии) и законодательства по энергосбережению и стимулирования ВИЭ.

Однако реализация ключевой внешней стратегии обеспечения энергобезопасности – стратегии диверсификации поставок – затрагивает вопросы, лежащие исключительно в национальной компе-

тенции. Лиссабонский договор не принес прорыва: упоминая о необходимости проводить энергетическую политику «в духе солидарности» и о том, что целью ЕС является «обеспечение безопасности поставок энергии в союз» (ст. 196 Договора о функционировании Европейского союза), он сохраняет за государствами-членами все полномочия на определение структуры энергопотребления и источников импортных поставок. Такого мнения придерживаются и официальные лица: в сентябре 2009 г. Генеральный директор по внешним связям Энеко Ландабуро отметил, что вряд ли «Лиссабонский договор достаточен для того, чтобы ЕС смог проводить энергетическую политику в интересах всей Европы» [7].

Академические эксперты, в свою очередь, утверждают: согласно существующему законодательству, «безопасность энергетических поставок на внешнем уровне остается преимущественно в компетенции государств-членов» [20, с. 478]. Родившийся в середине десятилетия тезис о необходимости говорить единым голосом остается актуальным и поныне. Официальные призывы, в том числе и на уровне Европейского совета, «для ЕС и стран-членов чрезвычайно важно продолжать давать последовательные сигналы («говорить единым голосом») странам поставщикам и транзитерам» [3], сопровождаются критической оценкой существующего состояния дел. Например, комиссар ЕС по внешним связям Бенита Ферреро-Валднер в статье во французской газете *La Tribune* констатирует: «Наиболее серьезной и актуальной [проблемой во внешнеэнергетической политике] является недостаток координации и транспарентности внутри ЕС, которые необходимы для того, чтобы говорить с нашими партнерами единым голосом» [6].

Сложившаяся в ЕС практика допускает «ползучий переток» новых полномочий на коммунитарный уровень (*competence creep*) без изменения учредительных Договоров. Общий настрой отражают сказанные в 2008 г. слова высокого представителя по ОВПБ – Хавьера Соланы: «Есть вещи, которые мы можем изменить. Нам необходимо преодолеть фрагментацию, двусторонние переговоры, которые оставляют нас в проигрыше. Более единый и всеобъемлющий подход может усилить нашу переговорную позицию... Может быть, это не произойдет мгновенно. Но важно начать. Например, обеспечив лучший обмен информацией о проводимых двусторонних переговорах» [4].

Политический профиль вопроса настолько высок, что определенные подвижки в формировании «политики единого голоса» происходят; как будет показано далее, влияние и активность Еврокомиссии в последние годы действительно усиливаются. Однако кардинального перераспределения полномочий в пользу ЕС ожидать не стоит, поскольку значительное число стран-членов ЕС, в том числе наиболее влиятельных, имея во внешнеэнергетической политике специфические интересы и длительные партнерские отношения со внешними поставщиками, стремятся сохранить свободу рук. Они резонно полагают, что способны более

■ Международные отношения

эффективно реализовывать свои приоритеты, чем это мог бы сделать ЕС, вынужденный учитывать разнообразные и зачастую политически мотивированные интересы всех 27 стран ЕС.

Политический дискурс

Чтобы дать представление о идущих в ЕС политических дебатах относительно единой внешней энергетической политики, стоит упомянуть письмо словенского председательства (март 2008 г.) и предложение бывшего председателя Еврокомиссии Жака Делора о создании Европейского энергетического сообщества (конец 2009 г.). В письме Словении предлагалось интегрировать вопросы энергетики в общую торговую политику ЕС и сделать соглашения о ЗСТ инструментом для обеспечения преференциального режима в энергетике. С помощью этих соглашений следует добиваться таких целей, как:

- улучшение доступа инвестиционного европейских компаний к добыче и инфраструктуре;
- гарантии недискриминационных правил транзита и доступа к сетям;
- противодействие практикам двойного ценообразования и экспортным ограничениям. «Усиливающаяся тенденция ресурсного национализма, усиление национального контроля над ресурсами и деятельностью по их добыче, ограничение иностранных инвестиций в этих сферах требуют пристального внимания» [5].

Подобная практика пакетирования вопросов имела место и ранее, достаточно вспомнить «газовый ультиматум», который ЕС предъявил России в рамках переговоров по ВТО в 2003 г. А последнее поколение соглашений о ЗСТ+, заключаемых Евросоюзом с третьими странами, уже содержит детальные положения об энергетическом сотрудничестве. Также в письме говорилось о том, что сохранение конкурентной среды в добыче должно стать частью анализа, «с особым вниманием в отношении антиконкурентного поведения или структур, затрагивающих безопасность поставок в ЕС» [цит. по 5]. Реальным воплощением этой идеи стали проверки, которые Еврокомиссия провела в сентябре 2011 г. в офисах 20 газовых компаний в 10 странах ЕС (преимущественно в странах ЦВЕ) и инициированное год спустя антимонопольное расследование против Газпрома.

Опубликованный в развитие идеи Жака Делора доклад независимого экспертного центра Notre Europe о перспективах создания Европейского энергетического сообщества [2] формулирует три ключевые цели энергетической политики ЕС: доступность энергоресурсов по приемлемым ценам; устойчивое развитие производства, транспортировки и потребления энергии; безопасность поставок. Авторы доклада делают вывод, что современная энергетическая политика ЕС не в состоянии добиться этих целей и предлагают набор необходимых мер, а также комплекс политических, юридических и институциональных инструментов для их реализации. По мнению авторов, для становления согласованной интегрированной регулятивной среды на европейском уровне необходимы:

- 1) либерализация рынков;
- 2) усовершенствованная сеть инфраструктуры;
- 3) последовательная диверсификация энергетической отрасли за счет чистых технологий и возобновляемой энергетики.

В качестве неперенных условий упоминаются создание независимых финансовых ресурсов, которые могут быть использованы для реализации проектов общего интереса, и необходимость «говорить единым голосом» с производителями и транзитерами.

Активизация Европейской комиссии

Некоторые практические решения также свидетельствуют о постепенном развитии тренда на передачу органам ЕС определенных полномочий в сфере внешней энергетической политики. В октябре 2012 г. принято решение 994/2012 о механизме обмена информацией о двусторонних соглашениях государств ЕС с третьими странами [16]. Впервые о необходимости «привести существующие международные соглашения в соответствие с правилами внутреннего рынка» Комиссия заявила в ноябре 2010 г. [15]. Эта идея была поддержана на заседании Совета министров энергетики 3 декабря 2010 г. и заседании Европейского совета 4 февраля 2011 г. Последний констатировал, что начиная с 1 января 2012 г., страны-члены будут «информировать Комиссию о всех своих новых и существующих двусторонних энергетических соглашениях с третьими странами; Комиссия будет распространять эту информацию всем остальным государствам-членам... Высокий представитель по внешним связям приглашается в полной мере учитывать вопросы энергетической безопасности в своей работе» [19].

7 сентября 2011 г. Комиссия внесла проект Решения о механизме обмена такой информацией [24]. Проект вызвал бурную дискуссию. Для примера приведем слова лидера британских консерваторов в Европарламенте Джайла Чичестера: «Комиссия стремится контролировать и иметь право вето по всем крупным энергетическим сделкам между государствами ЕС и другими странами... Наши энергетические соглашения – это дело Британии, а не Комиссии... Комиссия продолжает свои трюки. Предложения Комиссии вызывают тревожные вопросы о деловой конфиденциальности, коммерческой чувствительности и честности процесса торговых переговоров» [10]. В итоге в текст проекта было внесено большое количество поправок, отражавших озабоченность государств-членов вопросами конфиденциальности и их стремление минимизировать роль Еврокомиссии.

Решение 994/2012 устанавливает обязательство государств ЕС обмениваться информацией о существующих межправительственных соглашениях в сфере энергетики и желательность обмена информацией об идущих переговорах. Поправка прямо указывает, что целью такого обмена является оптимизация функционирования единого энергетического рынка, тем самым ограничивая сферу действия Решения. Обнародованию подлежит полный текст таких соглашений, включая приложения,

протоколы и «иные документы», прямо упомянутые в соглашении. Однако поправка устанавливает, что указанные «иные документы» должны быть обнародованы лишь в части, влияющей на «функционирование внутреннего энергетического рынка и на безопасность поставок энергии в Союз». Наконец, по настоянию большинства стран ЕС было решено, что обмен информацией не распространяется на соглашения между коммерческими компаниями.

Изначально предлагалось заранее, до подписания, проводить проверку новых соглашений на соответствие праву ЕС (то есть осуществлять контроль *ex ante*). Согласно итоговому документу, страна-член ЕС обязана передать проект Комиссии, лишь если «не в состоянии сама достоверно оценить его соответствие праву ЕС». Однако в любом случае страна ЕС обязывается предоставить текст нового соглашения после его ратификации.

По общему правилу Комиссия, получив информацию о соглашении между государством ЕС и третьей страной, предоставляет эту информацию всем остальным членам ЕС. Однако заключившая соглашение страна ЕС вправе объявить любую часть соглашения конфиденциальной. В таком случае Комиссия не вправе передавать эту информацию другим странам ЕС. Как минимум, другие страны ЕС должны быть информированы о предмете соглашения, его цели, сроках, сторонах и основных элементах соглашения. Изначально предполагалось, что страна ЕС вправе объявить конфиденциальной лишь информацию коммерческого характера. Однако итоговый текст Решения упоминает «любую часть информации, коммерческую или иную, если раскрытие такой информации может нанести вред деятельности договаривающихся сторон». Характерно, что под это определение подходит практически любое положение соглашения, поскольку речь идет о вреде, который может быть нанесен любой из сторон соглашения, то есть и стране, не являющейся членом ЕС. Представляется, что общим правилом при реализации Решения станет раскрытие лишь информации самого общего характера.

В ходе ведения переговоров с третьей страной государство ЕС вправе запросить помощь Комиссии. Комиссия привлекается к переговорам в качестве наблюдателя. Поправка к изначальному тексту особо оговаривает, что роль Комиссии ограничивается советами о том, как избежать противоречия между разрабатываемым соглашением и правом ЕС. Разумеется, возможность участия Комиссии возникает лишь в случае уведомления страны ЕС о ведущихся переговорах, что не является обязательным. На основе анализа полученной от стран ЕС информации Комиссия принимает меры по координации их деятельности. В частности, Комиссия идентифицирует лучшие практики и разрабатывает модельные положения. Однако внесенные поправки особо оговаривают, что эти модельные положения не являются обязательными и могут касаться лишь соответствия будущих соглашений стран-членов нормам права ЕС.

В целом принятое Решение представляет существенный шаг на пути коммунизации внешней

энергетической политики ЕС. Обмен информацией может лишить внешних поставщиков возможности дифференцировать условия двусторонних соглашений со странами ЕС. Также Комиссия получит информационную базу, на основе которой быстрее и эффективнее сможет бороться с теми действиями внешних поставщиков, которые она считает нарушением правил внутреннего энергетического рынка. Однако следует отметить, что объем получаемой Комиссией (и особенно других стран ЕС) информации о двусторонних соглашениях, и тем более степень участия Комиссии в переговорах, будут зависеть исключительно от позиции отдельных стран ЕС.

Комиссия уже имеет опыт оказания поддержки странам ЕС при проведении двусторонних переговоров, предмет которых затрагивает регулирование внутреннего энергетического рынка. За последние годы уже дважды Комиссия участвовала в такого рода двусторонних переговорах:

- впервые это произошло при разработке межправительственного соглашения о строительстве газопровода «Набукко», подписанного Австрией, Болгарией, Венгрией, Румынией и Турцией 13 июля 2009 г.;

- второй случай – участие Комиссии в разработке подписанного 29 октября 2010 г. соглашения между Россией и Польшей, которое регулировало вопросы транзита и поставок газа по польскому участку газопровода Ямал–Европа. Комиссар ЕС по энергетике Г. Эттингер отметил, что в данном случае «в ходе переговоров ЕС играл роль советника... мы вместе работали для того, чтобы контракт соответствовал законодательству ЕС» [8].

Наконец, 12 сентября 2011 г. Совет министров впервые за всю историю ЕС дал Комиссии мандат на проведение переговоров с Азербайджаном и Туркменистаном по поводу строительства Транскаспийского газопровода [11]. Соглашение должно было установить финансовые обязательства сторон и юридический режим функционирования газопровода, в том числе связанные с неурегулированным статусом Каспия. Однако перспективы подписания обязывающего соглашения туманны прежде всего потому, что ни европейский бизнес, ни Туркменистан не готовы были инвестировать в проект с весьма неоднозначными экономическими характеристиками. Выдача такого мандата между тем является прецедентным событием: впервые Еврокомиссия будет самостоятельно, без участия стран-членов, вести от имени всего ЕС переговоры о соглашении в сфере энергетики. Правда, следует отметить, что условием выдачи Комиссии мандата на переговоры является наличие консенсуса всех стран ЕС, что в сфере внешнеэнергетической политики возможно лишь в редких случаях.

7 сентября 2011 г. Комиссия обнародовала Сообщение «Энергетическая политика ЕС: взаимодействие с партнерами за пределами наших границ» – концептуальный документ, излагающий перспективное видение всеобъемлющей стратегии внешней энергетической политики ЕС [14]. Традиционно заявлено, что «внешнеэнергетическая политика имеет ключевое значение для заверше-

■ Международные отношения

ния внутреннего энергетического рынка»; вторым мотивом интенсификации внешнеэнергетической политики обозначен «растущий спрос на энергоресурсы, который толкает вверх глобальные цены» и обостряет глобальную конкуренцию за энергоресурсы. Сообщение намечает четыре основных сферы действий:

- 1) создание внешнего измерения внутреннего энергетического рынка;
- 2) укрепление партнерства в целях надежной, безопасной, устойчивой и конкурентной энергетики;
- 3) улучшение доступа развивающихся стран к устойчивой энергетике;
- 4) лучшее отстаивание интересов ЕС за его пределами.

В документе особо подчеркнуто, что двусторонние взаимоотношения государств ЕС с третьими странами «могут привести к фрагментации внутреннего рынка» и снизить безопасность поставок и конкурентоспособность экономики ЕС. В целом указанные приоритеты повторяют ранее намеченные и фактически реализуемые действия.

ЕС прекрасно осознает исключительную роль России как поставщика энергоресурсов, неслучайно в вышеупомянутом Сообщении России отведен особый раздел. Официальная риторика Еврокомиссии претерпела некоторые изменения и стала в большей степени учитывать российские интересы (хотя бы на вербальном уровне). Например, документ называет общей целью «растущее сближение двух энергетических рынков, признавая, что РФ может оптимизировать социально-экономические выгоды от своего энергетического экспорта, а ЕС может повысить конкурентоспособность своего энергетического рынка» [14]. Перечисляя ключевые энергетические аспекты, обсуждающиеся в рамках переговоров по новому базовому соглашению Россия–ЕС, документ, помимо всего прочего, упоминает «доступ к энергетическим ресурсам, сетям и экспортным рынкам», что можно трактовать как признание озабоченностей по поводу препятствий на пути к конечным потребителям. Наряду с этим многие формулировки документа отражают традиционные для ЕС взгляды на суть сотрудничества:

- «поддержка рыночных реформ и улучшение инвестиционного климата в РФ»;
- «вовлечение России в реализацию Энергетической дорожной карты ЕС до 2050 года», хотя несколькими строками ранее упоминалось о том, что «общая Энергетическая дорожная карта ЕС–России определит возможности долгосрочного сотрудничества».

В целом тон Сообщения в отношении России – подчеркнуто уважительный. Но вот политическая дискуссия идет в несколько иной тональности. Представляя документ, Гюнтер Эттингер упомянул, что третьи страны (то есть Россия) используют угрозы нехватки энергоресурсов для растущего давления на страны ЕС, чтобы вынудить последние пойти на уступки, нарушающие законодательство ЕС о конкуренции. А полуофициальный информационный бюллетень Еврокомиссии прямо конста-

тировал, что «Комиссия обнародовала свою стратегию противодействия доминированию российской газовой монополии» [9].

Приоритетные направления деятельности ЕС

Суммируя активность ЕС в сфере внешнеэнергетической политики за первое десятилетие XXI в., можно обозначить следующие приоритеты и формы деятельности:

– «экспорт» в соседние с ЕС страны существующего в энергетической сфере *acquis communautaire*. Впервые необходимость приложить все усилия для «экспорта правил единого энергетического рынка в соседние страны» отмечается в документах Европейского совета, состоявшегося в марте 2006 г. [23]. Именно с этой целью в июле 2006 г. по инициативе ЕС было создано Энергетическое сообщество, в состав которого помимо стран ЕС входят Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Хорватия, Черногория, Украина и Временная администрация ООН в Косово. В качестве наблюдателей в работе Сообщества участвуют Молдова, Норвегия и Турция. За прошедшие пять лет страны Сообщества реформировали национальное законодательство на основе положений Второго энергетического пакета ЕС и взяли обязательства к 2015 г. имплементировать положения Третьего пакета. Кроме того, страны Сообщества приняли законодательство ЕС, касающееся энергосбережения в зданиях, маркировки бытовой техники и стимулирования ВИЭ. Помимо того, ЕС продолжает работу по инкорпорации отдельных положений *acquis communautaire* в законодательство стран СНГ, в частности через экспертизу и различные программы содействия развитию правовой базы рыночной экономики.

В целом подход ЕС в отношении стран-соседей базируется на традиционной идее «создания интегрированного энергетического рынка... на основе сближения регуляторных практик» [14] (то есть на основе законодательства ЕС). Это традиционная для внешней политики ЕС стратегия, зачастую анализирующаяся академическими экспертами в рамках концепции Евросоюза как нормативной силы (*normative power*) [25]. В сфере внешнеэнергетической политики эта стратегия весьма удобна, поскольку основывается на уже принятом внутреннем законодательстве ЕС и не требует чреватого осложнениями поиска консенсуса всех государств-членов. Объективным недостатком такой стратегии является ее недостаточная эффективность во взаимоотношениях со странами, не желающими вступать в Евросоюз или не имеющими ясной перспективы членства;

– диверсификация поставщиков и маршрутов поставки энергоресурсов. Основные усилия ЕС сосредоточены на доступе к ресурсам газа в Средней Азии и Персидском заливе. Уже действует нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, обсуждается возможность его продления через Каспийское море до Казахстана. Несмотря на подписанное в 2009 г. межправительственное соглашение о строительстве газопровода «Набукко» и начавшиеся переговоры с Азербайджаном и Туркменистаном по поводу стро-

ительства Транскаспийского газопровода, проект «Набукко умер». Вместо него будет построен существенно меньший по мощности Трансанатолийский газопровод из Азербайджана до западной границы Турции; решение о дальнейшем маршруте поставок газа пока не принято. Отражением невозможности реализовать проект Набукко стал новый термин в официальной риторике ЕС – «Южный коридор», под которым понимается совокупность проектов поставки газа из Каспийского региона и Персидского залива. В частности, ЕС принимает активное участие в строительстве Арабского газопровода (Египет – Иордания – Сирия), принято решение о его соединении с трубопроводами Ирака, Турции и ЕС. Также ЕС готов содействовать строительству газопровода Ирак – Турция и его последующей стыковке с сетями ЕС.

На средиземноморском и атлантическом побережьях развивается сеть терминалов по приему сжиженного природного газа (СПГ). Активно обсуждаются проекты поставки СПГ из Катара, уже подписан ряд коммерческих контрактов, в частности о поставке газа на строящийся терминал в Свиноустье (Польша). Активизировались действия ЕС на африканском направлении – в 2009 г. Алжир, Нигерия и Нигер подписали соглашение о строительстве Транс-сахарского газопровода; нигерийский газ, дойдя до Алжира, может быть поставлен в Европу через подводные трубопроводы Медгаз (Алжир–Испания) и Галси (Алжир–Италия). В 2009–2011 гг. подписан ряд предварительных соглашений по проекту *Desertec*, предполагающему развитие солнечной энергетики в Северной Африке и на Ближнем Востоке и поставки произведенной электроэнергии в ЕС.

Помимо поиска новых поставщиков ЕС в принципе благожелательно относится к попыткам диверсифицировать маршруты поставок энергоресурсов от традиционных поставщиков. Особенно это актуально в случае России, поскольку неоднократно возникали сложности с транзитом. Таков *raison d'être* трубопроводов «Северный поток», «Южный поток» и Бургас–Александрополис. Однако в целом зависимость от стран-поставщиков вызывает у ЕС большую озабоченность, чем зависимость от стран-транзитеров. Проводимая ЕС стратегия диверсификации создает существенную неопределенность по поводу долгосрочного спроса на газ из России и осложняет разработку Газпромом новых месторождений. Более того, некоторые эксперты рассматривают политику ЕС по созданию преференций для отдельных источников и маршрутов поставки энергии, прежде всего для трубопроводов, направленных на диверсификацию источников поставок, как дискриминацию по политическим мотивам других инфраструктурных проектов. «Предлагаемое Комиссией введение регулятивных и финансовых преференций этим проектам означает, что другие проекты, даже если они являются привлекательными для рынка, ресурсно-обеспеченными и экономически эффективными фактически могут оказаться в существенно худшем положении. Насколько [это] отвечает принципу наибольшего

благоприятствования [действующему между Россией и ЕС]»? [1] С определенной точки зрения такая постановка вопроса является правомерной, однако вероятность юридически оспорить эту практику через органы ВТО или международные арбитражи минимальна;

– развитие системы диалогов с ключевыми поставщиками и крупными внешними потребителями. Существует около двадцати таких диалогов (с Россией, Бразилией, Индией, странами ОПЕК, странами Магриба и т.д.). В рамках этих диалогов речь может идти об обеспечении стабильности поставок, о передаче энергосберегающих технологий, о совместных действиях по развитию альтернативной энергетики и т.п. Интенсивность и институциональная «плотность» таких диалогов сильно различается. К примеру, в рамках энергодиалога ЕС – Россия действуют четыре рабочие группы, множество подгрупп и ряд специфических площадок, в частности Консультативный совет России и ЕС по газу. А диалог ЕС–ОПЕК по факту представляет собой не вполне регулярные консультации на министерском уровне;

– ЕС является мировым лидером в области сокращения выбросов углекислого газа. Это важнейший экологический аспект энергетической политики, имеющий значимое внешнее измерение. Евросоюз играл ключевую роль в разработке и реализации Киотского протокола, занимает активную позицию на переговорах в рамках посткиотского процесса. ЕС последовательно стремится привлечь все крупные мировые экономики к этому процессу, не брезгуя при этом весьма спорными методами. В частности, одно время обсуждалась идея Франции создать компенсационный механизм в отношении импорта из третьих стран, которые отказываются принять на себя обязательства по сокращению выбросов. В качестве вариантов такого компенсационного механизма рассматриваются возможность введения дополнительных таможенных пошлин либо требования к импортерам покупать квоты на выбросы. Примером последнего подхода стало одностороннее решение ЕС о введении квот на выброс парниковых газов для неевропейских авиакомпаний. Политическое обязательство стран ЕС к 2020 г. на 20% по сравнению с 1990 г. снизить выбросы углекислого газа в атмосферу скорее всего будет выполнено в 2014–15 гг. Инициатива увеличить этот норматив до 30% в случае, если ключевые партнеры ЕС возьмут на себя дополнительные обязательства, была встречена без энтузиазма. Дальнейшая активность ЕС на этом направлении подрывается неготовностью новых членов инвестировать в «низкоуглеродную экономику», свидетельством чего стали бурные дискуссии по Дорожной карте развития энергетики до 2050 г. Негативную роль играет и продолжающийся в зоне евро экономический и бюджетный кризис. Акцент в деятельность Евросоюза *de facto* смещается от цели «устойчивой» энергии к цели «доступной», то есть более дешевой энергии. Лишнее

■ Международные отношения

подтверждение тому – произошедший в последние два года резкий рост угольной генерации в связи с поступлением на европейский рынок дешевого угля из США;

– наконец, заметно усиливается административное регулирование энергетики со стороны институтов ЕС, что оказывает существенное влияние на внешних контрагентов. Выше уже упоминалось Решение 994/2012 об обмене информацией о существующих межправительственных соглашениях в сфере энергетики и регулятивные меры по приоритизации отдельных источников и маршрутов поставок. Создание Агентства по сотрудничеству энергетических регуляторов свидетельствует о стремлении перенести на общеевропейский уровень принятие инвестиционных решений. Принятый в 2009 г. Третий энергопакет существенно осложняет управление газотранспортными сетями, синхронизацию контрактов на продажу газа и контрактов на резервирование транспортных мощностей, снижает заинтересованность инвесторов в строительстве новых мощностей. Реализация некоторыми странами ЕС норм Третьего пакета по разделению функций в наиболее жестком варианте (раздел собственности) может привести к национализации газотранспортных мощностей. Причем, как показало решение Суда ЕС по иску швейцарской компании ATEL, нормы Третьего энергопакета вступают в противоречие с обязательствами стран ЕС согласно их договорам о взаимной защите инвестиций [12]. Особое недоумение внешних партнеров вызывают попытки ЕС придать нормам Третьего энергопакета обратную силу.

К этой тенденции можно отнести и начатое в сентября 2012 г. антимонопольное расследование Еврокомиссии против Газпрома [18]. Комиссия подозревает Газпром в трех нарушениях:

– разделении газовых рынков и создании препятствий для поставок газа между странами ЕС (вероятнее всего, речь идет о весьма существенных различиях в ценах);

– препятствовании диверсификации поставок газа (резервирование всей имеющейся транспортной мощности);

– привязке газовых цен к ценам на нефть, что, по мнению Еврокомиссии, может вести к «несправедливым», то есть завышенным ценам.

Формат статьи не позволяет детально разоблачить эти обвинения. Отмечу лишь, что различия в ценах, по которым товар поставляется в разные страны ЕС, и ограничение возможностей реэкспорта не всегда являются нарушением антимонопольного права ЕС. Именно так Суд ЕС постановил, например, в решении по делу фармацевтической компании GlaxoSmithKline [13], признав необходимость осуществления масштабных инвестиций достаточным оправданием для проведения дифференцированной ценовой политики. Что же касается «несправедливого» ценообразования через привязку цены на газ к цене нефти, то здесь налицо попытка

административными методами добиться пересмотра коммерческих контрактов. Как отмечает А.Конопляник, «целью [расследования] является объявить нефтяную привязку и условие «бери или плати» несправедливыми не потому, что они обязательно являются таковыми, а потому, что экономическая обстановка изменилась и такое решение было бы крайне выгодно для газовых компаний ЕС» [21, с. 6].

Евросоюз уже давно критикуют за излишнее административное давление на бизнес (наиболее жесткая критика звучит в Великобритании). Разумеется, естественно монопольные отрасли, к числу которых относится газ и электроэнергетика, требуют дополнительного регулирования, выходящего за рамки классической антимонопольной политики. Однако складывается впечатление, что действия Еврокомиссии зачастую мотивированы традиционной бюрократической логикой расширения своих полномочий для усиления собственного влияния. Рост регулирования весьма негативно воспринимается многими представителями европейского энергетического бизнеса. И тем более неприемлемыми являются доходящие иногда до абсурда попытки пренебречь нормами международного права, игнорировать существующие обязательства стран-членов навязать внутреннюю нормативную базу внешним партнерам.

Выводы

Несмотря на то, что Лиссабонский договор не предусмотрел существенного расширения полномочий Евросоюза в сфере внешней энергетической политики, ЕС заметно активизировал деятельность в этой области. В условиях высокой импортной зависимости ЕС с целью достижения энергетической безопасности предпринимает всевозможные усилия для обеспечения стабильных импортных поставок углеводородов по приемлемым ценам. Важнейшими направлениями деятельности ЕС являются: диверсификация источников поставок; попытки навязать партнерам, и особенно соседним странам, собственные правила поведения на рынке, в том числе путем «экспорта» законодательства; и усиление государственного/наднационального регулирования отрасли. Однако способность Евросоюза «говорить единым голосом» в сфере внешней энергетической политики требует консенсуса всех стран-членов.

Достижение такого консенсуса является чрезвычайно сложной задачей, а по многим вопросам практически невозможно в связи с несовпадением интересов различных стран ЕС. Значительное расширение компетенции Евросоюза маловероятно из-за оппозиции со стороны значительного числа стран-членов, что, однако, не исключает продолжения тренда передачи на наднациональный уровень отдельных полномочий. И, наконец, следует отметить, что некоторые законодательные меры и практика административного регулирования энергетики

со стороны институтов ЕС все чаще входят в конфликт с нормами международного права и обязательствами отдельных стран-членов. Однако пытаться использовать эти противоречия для защиты интересов внешних поставщиков

следует крайне осторожно, учитывая нечеткость правовой базы и реальный баланс влияния на европейском рынке, где сегодня предложение существенно превышает спрос.

Список литературы

1. Гудков И. Новая Энергетическая стратегия и Инфраструктурный пакет Европейского Союза // Вся Европа.RU, №3(53), 2011. Режим доступа: <http://www.alleuropa.ru/novaya-energeticheskaya-strategiya-i-infrastrukturniy-paket-evropeyskogo-soiuza>
2. Andoura Sami, Hancher Leigh and Van Der Woude Marc. Towards a European Energy Community: A Policy Proposal. (Policy Proposal by Jacques Delors). Notre Europe Studies & Researches no. 76, 2010.
3. Brussels European Council, 19/20 March 2009. 7880/1/09. REV 1. CONCL 1.
4. Bulletin quotidien Europe, № 9601, 14.2.2008.
5. Bulletin quotidien Europe, № 9617, 7.3.2008.
6. Bulletin quotidien Europe, № 9644, 14.4.2008.
7. Bulletin quotidien Europe, № 9969, 4.9.2009.
8. Bulletin quotidien Europe, № 10249, 4.11.2010.
9. Bulletin quotidien Europe, № 10447, 8.09.2011.
10. Bulletin quotidien Europe, № 10448, 9.9.2011.
11. Bulletin quotidien Europe, № 10450, 13.09.2011.
12. Case C-264/09. European Commission v. Slovak Republic. Judgment of the Court, 15 September 2011.
13. Case GlaxoSmithKline AEVE. Joined Cases C 468/06 to C 478/06. Judgment of the Court, 16 September 2008.
14. Communication from the Commission on security of energy supply and international cooperation. "The EU Energy Policy: Engaging with Partners beyond Our Borders". COM(2011) 539 final Brussels, 7.9.2011.
15. Communication from the Commission. Energy 2020. A strategy for competitive, sustainable and secure energy. COM(2010) 639 final, 10.11.2010.
16. Decision No 994/2012/EU of 25 October 2012 establishing an information exchange mechanism with regard to intergovernmental agreements between Member States and third countries in the field of energy.
17. European Commission. Green Paper. A European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy. COM(2006) 105 final, Brussels, 8 March 2006.
18. European Commission. Press release. Antitrust: Commission opens proceedings against Gazprom. IP/12/937. Brussels, 4 September 2012.
19. European Council Conclusions. 4 February 2011. EUCO 2/1/11. REV 1.
20. Haghighi S.S. Energy Security and the Division of Competences between the European Community and its Member States. // European Law Journal, 14 (4), 2008, pp. 461-482.
21. Konoplyanik A. The EU versus Gazprom. // Energy Economist, Issue 372, October 2012, pp. 3-6.
22. Lenaerts K., Van Nuffel P. Constitutional Law of the European Union. Second ed. London, Sweet & Maxwell Ltd, 2005.
23. Presidency Conclusions. Brussels European Council, 22/24 March 2006, Part Two. Energy Policy for Europe.
24. Proposal for a Decision setting up an information exchange mechanism with regard to intergovernmental agreements between Member States and third countries in the field of energy. COM(2011) 540 final, 7.9.2011.
25. Scheipers S.S. and Sicurelli D. Normative Power Europe: A Credible Utopia? // Journal of Common Market Studies, Vol. 45, Number 2, 2007, pp. 435-457.

Об авторе

Кавешников Николай Юрьевич – к.полит.н., доцент, заведующий кафедрой европейской интеграции МГИМО(У) МИД России; ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.
E-mail: n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru

DEVELOPMENT OF THE EXTERNAL ENERGY POLICY OF THE EUROPEAN UNION

N.Y. Kaveshnikov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article analyses development of external energy policy of the European Union (EU). In spite of the Lisbon treaty didn't substantially expand EU powers in external energy policy, European Commission (EC) became more active in recent years. Decision on exchange of information about bilateral energy agreements between Member States (MSs) and third countries may deprive producers of opportunity to differentiate terms of infrastructure projects and energy supply in different MSs. European Commission participation in MSs negotiations with third countries as a guardian of energy market provisions will inevitably increase negotiation power of MSs. Nevertheless, only smooth and modest extension of powers of the EC would be possible because of opposition of numerous countries which makes a search of consensus very difficult. Among priority activities of the EU external energy policy one could identify 'export' of energy market provisions in neighbor countries; diversification of suppliers and prioritization of politically selected supply routes; dramatic increase of regulatory activity at EU level. All these activities are partially successful, but they all have some shortages. Several EU legislative and regulatory measures risk to run counter to existing obligations of MSs.*

Key words: European Union, energy security, EU energy policy, EU external energy policy.

References

1. Gudkov I. New energy strategy and infrastructure package of the European Union. *Vsya Evropa.ru*, 2011, no. 3 (53). Available at: <http://www.alieuropa.ru/novaya-energeticheskaya-strategiya-i-infrastrukturniy-paket-evropeyskogo-soiuza>. (in Russ.).
2. Andoura S., Hancher L., van der Woude M. Towards a European energy community: A policy proposal. *Notre Europe Studies & Researches*, 2010, no. 76. (Policy Proposal by Jacques Delors). Available at: <http://www.notre-europe.eu/media/etud76-energy-en.pdf?pdf=ok>.
3. Brussels European Council, 2009, 19/20 March. 7880/1/09. REV 1. CONCL 1. Available at: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/106809.pdf.
4. Bulletin quotidien Europe, 14.2.2008, no. 9601.
5. Bulletin quotidien Europe, 7.3.2008, no. 9617.
6. Bulletin quotidien Europe, 14.4.2008, no. 9644.
7. Bulletin quotidien Europe, 4.9.2009, no. 9969.
8. Bulletin quotidien Europe, 4.11.2010, no. 10249.
9. Bulletin quotidien Europe, 8.09.2011, no. 10447.
10. Bulletin quotidien Europe, 9.9.2011, no. 10448.
11. Bulletin quotidien Europe, 13.09.2011, no. 10450.
12. Case C-264/09. European Commission v. Slovak Republic. Judgment of the Court, 2011, 15 September.
13. Case GlaxoSmithKline AEVE. Joined Cases C 468/06 to C 478/06. Judgment of the Court, 2008, 16 September.
14. The EU Energy Policy: Engaging with Partners beyond Our Borders. Communication from the Commission on security of energy supply and international cooperation. COM (2011) 0539 final. Brussels, 7.9.2011. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52011DC0539:EN:HTML:NOT>

15. Energy 2020: A strategy for competitive, sustainable and secure energy. Communication from the Commission. COM (2010) 0639 final. 10.11.2010. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52010DC0639:EN:HTML:NOT>
16. Decision No 994/2012/EU of 25 October 2012 establishing an information exchange mechanism with regard to intergovernmental agreements between Member States and third countries in the field of energy. Available at: http://ec.europa.eu/energy/international/security_of_supply/cooperation_en.htm.
17. A European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy. European Commission Green Paper. COM (2006) 105 final. Brussels, 8 March 2006. Available at: http://ec.europa.eu/energy/strategies/2006/2006_03_green_paper_energy_en.htm.
18. Antitrust: Commission opens proceedings against Gazprom. European Commission Press Release. IP/12/937. Brussels, 4 September 2012. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-12-937_en.htm.
19. European Council Conclusions. 4 February 2011. EUCO 2/1/11. REV 1. Available at: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/119175.pdf.
20. Haghighi S.S. Energy security and the division of competences between the European Community and its Member States. *European Law Journal*, 2008, vol. 14, no. 4, pp. 461-482.
21. Konoplyanik A. The EU versus Gazprom. *Energy Economist*, 2012, no. 372, October, pp. 3-6.
22. Lenaerts K., Van Nuffel P. *Constitutional law of the European Union*. 2nd ed. London, Sweet & Maxwell Publ., 2005. 971 p.
23. Energy Policy for Europe. Presidency Conclusions. Brussels European Council, 22/24 March 2006. Pt. 2.
24. Proposal for a Decision setting up an information exchange mechanism with regard to intergovernmental agreements between Member States and third countries in the field of energy. COM (2011) 0540 final, 7.9.2011. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52011PC0540:EN:NOT>.
25. Scheipers S.S., Sicurelli D. Normative power Europe: A credible Utopia? *Journal of Common Market Studies*, 2007, vol. 45, no. 2, pp. 435-457.

About the author

Kaveshnikov Nikolay Yurievich – Ph.D. in political science, Head of Department of European Integration Studies, MGIMO-University; Leading Research Fellow in the Institute of Europe RAS. E-mail: n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru

ВЫВОЗ КАПИТАЛА РОССИЙСКИМИ ТНК: ПРИЧИНЫ ДОМИНИРОВАНИЯ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ

А.В. Кузнецов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Регулирование вывоза капитала стало весьма актуальным для российской экономической политики. Однако такое регулирование требует реальных представлений о географии российских прямых иностранных инвестиций (ПИИ), которые бы исключали искажения официальной статистики, связанные с учетом «косвенных» ПИИ через офшоры. Статья базируется на эмпирическом материале о российских инвестициях, собранном автором как раз с этой целью. Его информация показывает доминирование Большой Европы в географии российских ПИИ. Региональный характер многих российских ТНК можно объяснить несколькими ключевыми факторами. Среди них выделяются использование ПИИ для стимулирования компаниями сбыта своей продукции за рубежом, стремление российских олигархов с помощью зарубежных капиталовложений укрепить свою переговорную силу, а также относительная комфортность деловой среды в соседних странах, которая особенно важна вследствие недостаточного опыта российских ТНК по ведению зарубежного бизнеса и слабой господдержки таких инвесторов. Завершается статья предложением некоторых мер по регулированию экспорта ПИИ с целью диверсификации географии российских капиталовложений за рубежом. На предварительных стадиях инвестиционных проектов российские ТНК нуждаются в информационном сопровождении и институциональной поддержке, прежде всего посредством двусторонних соглашений о защите инвестиций и избежании двойного налогообложения. На этапе реализации инвестиционных проектов главным инструментом государственной поддержки должно стать страхование капиталовложений от некоммерческих рисков.

Ключевые слова: российские прямые инвестиции, ПИИ, транснациональные корпорации, ТНК, география зарубежных инвестиций, регулирование вывоза капитала.

В России вновь активизировались дискуссии о регулировании экспорта капитала. С одной стороны, все больше опасений у экспертов вызывает чрезмерная офшоризация отечественной экономики [14]. В сфере прямых иностранных инвестиций (ПИИ) она проявляется в крайне высокой доле в географической структуре офшоров и других стран, используемых как перевалочные базы для капиталов, движущихся по кругу назад в Россию или направляемых в третьи страны. Такие «косвенные» ПИИ нередко позволяют российскому бизнесу скрывать конечных бенефициаров и уклоняться от налогов [5, pp. 544-545]. С другой стороны, власти в России наконец осознали необходимость поддержки тех отечественных ТНК, которые с помощью вывоза капитала способствуют росту международной конкурентоспособности российской экономики. В частности, в 2013 г. Агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций (ЭКСАР) запускает программу страхования российских инвесторов за рубежом от некоммерческих рисков [15].

Вместе с тем грамотная политика ограничения одних потоков и стимулирования других потоков российских ПИИ немыслима без знания их реальной структуры. Прояснению этого вопроса и посвящена статья, опирающаяся на собранный автором новый эмпирический материал. Сначала нами показано, как официальная статистика о географии ПИИ соотносится с реальным распределением долгосрочных зарубежных активов российских ТНК. Затем дается объяснение доминированию Большой Европы, причем у российских инвесторов с самой разной мотивацией. Наконец, в последней части статьи предлагаются меры по диверсификации географии российских ПИИ, нацеленные на укрепление международной конкурентоспособности отечественной экономики.

География российских прямых инвестиций за рубежом

Официальные данные о географии российских ПИИ публикует Центральный банк РФ. Согласно этой информации, ключевым получателем российского капитала оказывается ЕС, а в целом на Большую Европу, границы которой охватывают на Востоке все постсоветское пространство и Турцию, в начале 2012 г. пришлось 78% накопленных российских ПИИ (см. табл. 1). Однако Центральный банк РФ фиксирует лишь страны, куда непосредственно поступил капитал из России, а не конечных получателей. В итоге среди 40 основных реципиентов российских ПИИ можно увидеть 11 из «черного списка» офшорных зон Минфина России – перечня государств и территорий, предоставляющих льготный режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций. При этом на Кипр (который с 2013 г., правда, вычеркнут из перечня) приходилась треть накопленных на начало 2012 г. российских ПИИ и 43% их нетто-потока за первые три квартала 2012 г.

Совокупный удельный вес всех офшоров заметно превышает 50%. Часть капитала из них возвращается в Россию, то есть налицо псевдо-ПИИ. Однако нередко такие юрисдикции используются в качестве перевалочных баз для инвестирования в третьих странах. Например, лидирующая по величине зарубежных активов российская ТНК «ЛУКОЙЛ» все зарубежные проекты по геологоразведке и добыче сырья осуществляет через общество с ограниченной ответственностью «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг», зарегистрированное на Виргинских островах.

Немало зарубежных фирм, особенно работающих в нефтегазовом и металлургическом секторах, российские ТНК приобрели, установив формально контроль над холдингами в Великобритании, Нидерландах, Люксембурге, Ирландии, Швейцарии и даже Канаде. Так, «Атомредметзолото» инвестировал свыше 2 млрд долл. в урановые рудники Казахстана, США, Австралии и Танзании через канадскую фирму «Юраниум Уан». Другое дело, что значительная часть российских ПИИ в черную металлургию Канады формально проходит как капиталовложения в США, где базируются штаб-квартиры североамериканских дочерних структур российских ТНК.

В конечном счете, в официальной статистике по одним странам объем реальных российских ПИИ сильно завышен, а по другим занижен. Более того, если мы рассмотрим только ТНК, исключив вложения физических лиц в объекты недвижимости, то у нас заметно сократятся показатели по таким странам, как Испания или Чехия.

В рамках проекта, инициированного Евразийским банком развития, нами проведен детальный мониторинг российских ПИИ в СНГ и Грузии. Учет капиталовложений по фактическому местоположению созданных или приобретенных зарубежных активов показал, что накопленные российские ПИИ на постсоветском пространстве официальная статистика Центрального банка РФ занижает примерно втрое [10, pp.18–28].

К сожалению, по другим регионам аналогичные исследования не проводились, поэтому пока нельзя точно определить долю Большой Европы (особенно учитывая весомый вклад псевдо-ПИИ, то есть путешествующих по кругу капиталов). Однако в рамках международной программы исследования ведущих ТНК развивающихся и постсоциалистических стран нами изучена география зарубежных активов 20 ведущих российских нефинансовых ТНК. На начало 2012 г. совокупные зарубежные активы этих компаний составили 111,2 млрд долл., а их внеоборотные заграничные активы, которые приблизительно позволяют оценить масштабы ПИИ, – 83,3 млрд долл. При этом доля Большой Европы превысила 2/3. У некоторых крупных ТНК, таких, как «Газпром» или «ИНТЕР РАО ЕЭС», она приблизилась к 100%. Правда, у двух металлургических компаний («Северстали» и «ММК») доля Большой Европы не достигала даже 10% [6, pp. 14–15].

Таблица 1

Официальные данные о географическом распределении российских ПИИ

Регионы и страны	Накопленные российские ПИИ на начало 2012 г.		Российские ПИИ за три квартала 2012 г.	
	млн долл.	%	млн долл.	%
Всего по странам	361 738	100,0	37 499	100,0
Большая Европа в целом	282 684	78,1	32 107	85,6
Бывший СССР без Балтии	15 516	4,3	1 946	5,2
Белоруссия	4 633	1,3	436	1,2
Украина	4 395	1,2	554	1,5
Казахстан	2 514	0,7	684	1,8
Армения	1 417	0,4	62	0,2
Узбекистан	947	0,3	7	0,0
Таджикистан	626	0,2	21	0,1
Страны ЕС	232 110	64,2	25 057	66,8
Кипр*	121 596	33,6	16 110	43,0
Нидерланды	57 291	15,8	1 388	3,7
Люксембург	11 599	3,2	1 550	4,1
Великобритания	10 662	2,9	354	0,9
Германия	6 692	1,8	781	2,1
Австрия	4 229	1,2	1 171	3,1
Испания	3 535	1,0	651	1,7
Болгария	2 748	0,8	621	1,7
Франция	1 989	0,5	280	0,7
Ирландия	1 849	0,5	264	0,7
Литва	1 464	0,4	32	0,1
Чехия	1 463	0,4	193	0,5
Италия	1 435	0,4	279	0,7
Швеция	1 414	0,4	632	1,7
Финляндия	1 038	0,3	5	0,0
Латвия	750	0,2	182	0,5
Прочая Европа	35 058	9,7	5 104	13,6
Швейцария	12 679	3,5	208	0,6
о. Джерси (Брит.)*	7 035	1,9	634	1,7
Гибралтар (Брит.)*	5 701	1,6	93	0,2
Турция	3 654	1,0	3 667	9,8
о. Мэн (Брит.)*	1 546	0,4	4	0,0
Сербия	1 496	0,4	59	0,2
Черногория	1 072	0,3	132	0,4
Монако*	626	0,2	76	0,2
Другие регионы	79 054	21,9	5 392	14,4
Виргинские (Брит.) о-ва*	46 137	12,8	2 646	7,1
США	9 501	2,6	540	1,4
Багамские о-ва*	5 481	1,5	327	0,9
Сент-Винсент и Гренадины*	4 421	1,2	0	0,0
Сент-Китс и Невис*	2 681	0,7	655	1,7
Бермудские о-ва (Брит.)*	2 497	0,7	926	2,5
Белиз*	1 211	0,3	– 948	сокращение
Вьетнам	1 078	0,3	67	0,2
Индия	982	0,3	45	0,1
Канада	850	0,2	224	0,6

Примечание: звездочкой помечены страны из «черного списка» Минфина России по состоянию на 2012 г. (<http://www.minfin.ru>).

Источник: статистика Центрального банка РФ (<http://www.cbr.ru>).

Региональный характер большинства российских ТНК

Широкое распространение так называемых региональных ТНК характерно для многих стран [9, pp.3–18]. Вместе с тем причины доминирования в географии ПИИ близлежащих стран различаются. На наш взгляд, в случае российских ТНК можно назвать три основных объяснения концентрации их инвестиций в Большой Европе, преимущественно на основных направлениях интеграции России – в ЕС и СНГ. При этом объединение, например, европейских и центральноазиатских государств в один регион для российских ТНК считаем оправданным благодаря действию «эффекта соседства», являющегося критическим для региональных ТНК.

Именно соседние страны оказываются наиболее комфортной средой для большинства начинающих интернационализацию компаний, а к ним относится подавляющая часть российских ТНК. Ярко выраженный «эффект соседства» в географии ПИИ обуславливают хорошая информированность руководства ТНК лишь о близлежащих регионах, что нередко сочетается с низкими языковыми и культурными барьерами (в случае российских ТНК это проявляется не только в СНГ, но и Юго-Восточной Европе). Другое дело, что этот эффект нельзя понимать буквально – возможны самые разные индивидуальные исключения [4, pp.83–101].

Кроме того, у российских ТНК доминируют мотивы ПИИ, связанные с поддержкой сбыта, тогда как три другие основные группы мотивов – снижение издержек, освоение ресурсов и доступ к технологиям [3, p.50] – имеют место реже, чем у ТНК большинства стран. Пожалуй, среди значимых реципиентов российских ПИИ в Большой Европе сырьевая ориентация сильно выражена лишь в Казахстане и Узбекистане. Ориентация на сбыт характерна даже для ведущих российских нефтегазовых ТНК, вкладывающих средства за рубежом в основном в переработку сырья или сбытовую инфраструктуру, а не в добывающие предприятия. При этом, по данным ФТС России, в 2012 г. на страны ЕС приходилось 53% российского товарного экспорта, на постсоветское пространство без Балтии – еще 15%, а в целом на Большую Европу (в основном за счет добавления Турции и Швейцарии) – свыше 3/4 [13].

Наконец, ведущие российские ТНК в основном контролируются олигархами, которые стали крупными собственниками (нередко с положением в отрасли, близким к монопольному) в результате сомнительной приватизации 1990-х гг. В условиях укрепления в России вертикали власти в 2000-х гг. их возможности извлекать экономическую выгоду от полученных в собственность активов оказались ограниченными. Уже в 1990-х гг. некоторые российские бизнесмены хотели с помощью зарубежных дочерних структур в Европе «застраховать» хотя бы часть своих активов от посягательств со стороны конкурентов или государства [2, pp. 77–81]. В 2000-х гг. эта тенденция усилилась, хотя

быстрее возрастало все-таки значение названных выше «нормальных» мотивов ПИИ. При этом владельцы ведущих российских компаний осознали, что попадание в «мировую бизнес-элиту» значительно повышает их переговорную силу. Однако если ведущие западные ТНК используют (хотя и не всегда успешно) переговорную силу с целью формирования комфортной системы международного регулирования бизнеса либо создания для себя преференциальных условий в стране-реципиенте [1, pp. 119–143], то российские ТНК с разветвленными зарубежными производственно-сбытовыми цепочками начинают более самостоятельно вести себя в диалоге с российскими властями. Действительно, лоббистская активность российских ТНК, например, в ЕС пока слаба [11, pp. 49–63]. Зато внутри России для некоторых российских ТНК ослабевает государственное регулирование (например, в случае ценообразования монополистов) из-за угрозы переориентации поставок с российских на зарубежные перерабатывающие предприятия.

Вместе с тем активность российских ТНК преимущественно в странах ЕС и СНГ не соответствует наметившейся тенденции к диверсификации российских внешних связей. В этих условиях государственная поддержка инвестиционной экспансии за пределами близлежащих стран способна ускорять выход отечественных ТНК на глобальный уровень.

Поощрение экспансии российских ТНК за пределы Большой Европы

Государственная поддержка отечественных ТНК в странах на начальных стадиях интернационализации бизнеса позволяет фирмам среднего размера использовать имеющиеся у них ограниченные конкурентные преимущества. По сути, речь идет о раскрытии довольно своеобразного потенциала заграничной экспансии, имеющегося у ТНК развивающегося мира [8, pp.41–47]. Поддержку, на наш взгляд, следует проводить как на предварительных стадиях подготовки ПИИ, так и по мере реализации инвестиционных проектов.

На предварительных стадиях государственная поддержка состоит из трех элементов. Во-первых, российские ТНК нуждаются в информационном сопровождении с использованием ресурсов государственных учреждений (например, торгпредств) и профильных научных организаций (в том числе за счет использования схем государственно-частного партнерства). С одной стороны, российский бизнес может не знать о возможностях, которые для него открываются в различных странах Азии, Африки, Латинской Америки. С другой стороны, в каждой развивающейся стране есть своя специфика предпринимательской среды. Однако представители отечественного бизнеса часто самоуверенно полагаются на собственные аналитические подразделения, а к государству обращаются за помощью, когда сделают череду непоправимых ошибок.

Во-вторых, государству следует расширять институциональную поддержку. В частности, у России пока не очень велико число стран, с ко-

торыми заключены двусторонние соглашения о взаимной защите и поощрении капиталовложений, причем часть соглашений носит поверхностный характер, не предусматривая реальных механизмов отстаивания интересов российских ТНК. Заметно уступает Россия и многим ведущим государствам по числу соглашений об избежании двойного налогообложения. В 2013 г. такие соглашения действовали с 81 страной, в том числе всеми странами СНГ и членами ЕС (кроме Мальты и Эстонии). Однако за пределами Большой Европы Россия договорилась об исключении двойного налогообложения лишь с 37 странами, в том числе в Латинской Америке – только недавно с шестью государствами (с Мексикой с 2009 г., Бразилией и Венесуэлой с 2010 г., Кубой с 2011 г., Аргентиной и Чили с 2013 г.).

В-третьих, неизбежна дипломатическая помощь в случаях, когда с помощью формальных мер (невыдача виз российскому топ-менеджменту, неожиданный пересмотр условий приватизации и т.п.) реализуется инвестиционный протекционизм в отношении российских ТНК. Нередко в судебном порядке нельзя доказать факт целенаправленных действий против российских инвесторов, хотя налицо череда «случайных» совпадений.

На стадиях реализации инвестиционных проектов главным инструментом государственной поддержки должно стать страхование капиталовложений от некоммерческих рисков. Это создаст стимул для «второго эшелона» российских ТНК чаще осуществлять ПИИ в развивающихся странах с относительно высокими политическими рисками, но меньшим конкурентным давлением со стороны ТНК ведущих стран Запада. При этом государственную поддержку следует оказывать только официально зарегистрированным российским проектам за рубежом, причем система страхования должна быть прозрачной и доступной, иметь конкретные приоритеты. Например, она может быть полностью закрыта для компаний, которые благодаря запутанным офшорным схемам скрывают конечных бенефициаров.

В то же время нельзя забывать о целенаправленном формировании благоприятного образа российского бизнеса. До сих пор приходится сталкиваться с созданными на Западе политизированными типологиями российских ТНК. Например, компании помещаются в систему координат не только по принципу прозрачные / непрозрачные условия ведения бизнеса, но и по принципу «патриоты» (в негативном смысле – как проводники внешней политики Кремля) / «независимые» [7, pp. 117–144]. Однако начинать работать над имиджем российских компаний надо на родине [12, pp.57–66], причем требуется не только государственная пропаганда, но и реальные позитивные сдвиги в деловой практике отечественных предпринимателей. Государству необходимо воздействовать на бизнес через введение реальных экономических стимулов к информационной прозрачности, социальной ответственности, инновационной активности.

Список литературы

1. Boddewyn J.J. & Brewer Th.L. International-Business Political Behavior: New Theoretical Directions // The Academy of Management Review. 1994. №1. P. 119-143.
2. Bulatov A.S. Russian direct investment abroad: main motivations in the post-Soviet period // Transnational Corporations. 1998. №1. P. 69-82.
3. Dunning J.H. Location and the Multinational Enterprise: A Neglected Factor? // Journal of International Business Studies. 1998. №1. P. 45-66.
4. Johanson J. & Vahlne J.-E. Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process // Journal of International Entrepreneurship. 2003. No. 1. P. 83-101.
5. Kalotay K. Indirect FDI // The Journal of World Investment & Trade. 2012. P. 542-555.
6. Kuznetsov A. Global Expansion of Russian Multinationals after the Crisis: Results of 2011. Moscow & N.Y., 2013 (http://www.vcc.columbia.edu/files/vale/documents/EMGP_Russia_Report_-_FINAL_-_April_16_2013.pdf).
7. Liuhto K. & Vahtra P. Foreign operations of Russia's largest industrial corporations – building a typology // Transnational Corporations. 2007. №1. P. 117-144.
8. Ramamurti R. What is really different about emerging market multinationals? // Global Strategy Journal. 2012. Issue 1. P. 41-47.
9. Rugman A.M. & Verbeke A. A perspective on regional and global strategies of multinational enterprises // Journal of International Business Studies. 2004. №1. P. 3-18.
10. Кузнецов А.В. Российские прямые инвестиции в странах СНГ // Международные процессы. 2012. №2. С. 18-28.
11. Перегудов С.П. Лоббизм российского крупного бизнеса в Европейском Союзе (макроуровень) // Мировая экономика и международные отношения. 2009. №9. С. 49-63.
12. Работяжев Н.И. Социально-политические факторы формирования инвестиционного имиджа России // Мировая экономика и международные отношения. 2011. №3. С. 57-66.
13. ФТС России. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран. М., 2013 (<http://www.customs.ru>).
14. Хейфец Б.А. Деофшоризация российской экономики: возможности и пределы. М.: Институт экономики РАН, 2013.
15. ЭКСАР. ОАО «Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций»: Новые возможности для российского экспорта. М., 2012 (<http://www.exiar.ru>).

Об авторе

Кузнецов Алексей Владимирович – член-корр. РАН, д.э.н., руководитель Центра европейских исследований ИМЭМО РАН; профессор кафедры европейской интеграции МГИМО(У) МИД России. E-mail: kuznetsov@imemo.ru
Исследование выполнено на базе гранта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» Министерства образования и науки РФ «Вывоз капитала из России и возможности его регулирования».

CAPITAL OUTFLOWS BY RUSSIAN MULTINATIONALS: EXPLANATION OF WIDER EUROPE'S DOMINANCE

A.V. Kuznetsov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: Regulation of capital outflows has become an important task for the Russian economic policy. Such regulation needs the real picture of the Russian outward foreign direct investment (FDI) geography without distortions by official statistics with its data on indirect FDI via offshore. The article is based on new empirical FDI data collected by the author. This information shows the dominance of Wider Europe in the Russian outward FDI geography. The regional character of many Russian multinationals can be explained by several key factors, including the importance of market-seeking FDI motives, Russian oligarchs' attempts at increasing their bargaining power and relatively comfortable business climate of neighboring countries in combination with the lack of experience and weak state support of Russian investors abroad. At the end of the article, some measures for regulation of FDI outflows are offered for diversification of the Russian outward FDI geography. Russian companies need information and institutional support which is a crucial type of incentives for initial stages of their investment projects abroad. Bilateral investment and double taxation treaties are main measures of institutional support. State insurance of investments is a key element of support for mature projects abroad.

Key words: Russian direct investments, FDI, transnational corporations, MNEs, geography of foreign investment, regulation of capital outflows.

References

1. Boddewyn J.J., Brewer Th.L. International-Business Political Behavior: New Theoretical Directions. The Academy of Management Review, 1994, vol. 19, no. 1, pp. 119-143.
2. Bulatov A.S. Russian direct investment abroad: main motivations in the post-Soviet period. Transnational Corporations, 1998, vol. 7, no. 1, pp. 69-82.
3. Dunning J.H. Location and the Multinational Enterprise: A Neglected Factor? Journal of International Business Studies, 1998, vol. 29, no. 1, pp. 45-66.
4. Johanson J., Vahlne J.-E. Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process. Journal of International Entrepreneurship, 2003, vol. 1, no. 1, pp. 83-101.
5. Kalotay K. Indirect FDI. The Journal of World Investment & Trade, 2012, vol. 13, no. 4, pp. 542-555.
6. Kuznetsov A. Global Expansion of Russian Multinationals after the Crisis: Results of 2011. Moscow, IMEMO; New York, VCC, 2013. 30 p. Available at: http://www.vcc.columbia.edu/files/vale/documents/EMGP_Russia_Report_-_FINAL_-_April_16_2013.pdf.
7. Liuhto K., Vahtra P. Foreign operations of Russia's largest industrial corporations – building a typology. Transnational Corporations, 2007, vol. 16, no. 1, pp. 117-144.
8. Ramamurti R. What is really different about emerging market multinationals? Global Strategy Journal, 2012, vol. 2, no. 1, pp. 41-47.
9. Rugman A.M., Verbeke A. A perspective on regional and global strategies of multinational enterprises. Journal of International Business Studies, 2004, vol. 35, no. 1, pp. 3-18.
10. Kuznetsov A.V. Russia's Direct Investments in CIS, International Trends, 2012, vol. 10, no. 2, pp. 18-28. (in Russ.).
11. Peregudov S.P. Lobbyism of Russian large business in the EU (macro-level)]. Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World Economy and International Relations], 2009, no. 9, pp. 49-63. (in Russ.).
12. Rabotiazhev N.I. Social and political factors of the Russian investment image-building]. Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World Economy and International Relations], 2011, no. 3, pp. 57-66. (in Russ.).
13. Foreign trade of the Russian Federation, by main partners. Moscow, Federal Customs Service, 2013. Available at: <http://www.customs.ru>. (in Russ.).
14. Kheifets B.A. Deofshorizatsiia rossiiskoi ekonomiki: vozmozhnosti i predely [De-offshorization on the Russian economy: Opportunities and limits]. Moscow, RAS Inst. of Economics Publ., 2013. 63 p.
15. Export Insurance Agency of Russia: New opportunities for Russian exports. Moscow, EXIAR, 2012. Available at: <http://www.exiar.ru>. (in Russ.).

About the author

Alexey V. Kuznetsov – corresponding member of the Russian Academy of Sciences; head of the Center for European Studies, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO); professor at the Department of European integration, MGIMO-University. E-mail: kuznetsov@imemo.ru

О МНОГООБРАЗИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕ

Л.С. Воронков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

На основании анализа участия стран Северной Европы, Бенилюкса, а также постсоветских государств в интеграционных процессах в послевоенной Европе автор высказывает сомнения в оправданности принятия интеграционного опыта ЕС в качестве мерила эффективности интеграции и образца для подражания на постсоветском пространстве. Он не считает универсальной закономерностью вовлечение всех стран с рыночной экономикой в процессы региональной интеграции в глобализирующемся мире, если они не ставят перед собой достижение при помощи интеграции определенных политических целей. В этих случаях ни зона свободной торговли, ни Таможенный союз стадиями интеграции не становятся, а остаются инструментами развития торгово-экономических связей. Автор предлагает оценивать эволюцию ЕС с точки зрения ее соответствия действующим нормам права международных организаций, в рамках которых идет процесс укрепления государственного суверенитета стран-членов, а не сдача ими суверенных позиций наднациональным органам. Если в основе практических шагов в сфере интеграции будет лежать идея воссоздания нового единого государственного образования на останках бывшего Советского Союза, сопряженная с необходимостью передачи ему государствами-членами недавно обретенного национального суверенитета, то вряд ли такого рода интеграция будет привлекательной для ее потенциальных постсоветских участников. Для России такая перспектива также не является желанной. Проходимый ЕС интеграционный путь воплощает в себе особенности европейской ситуации и специфические интересы его стран-членов. Многие детали деятельности ЕС не характерны для других интеграционных группировок в Европе, критерии членства в которых не могут иметь универсальный характер. Выстраивание на постсоветском пространстве интеграционной модели исключительно по лекалам ЕС без должного учета опыта интеграционных усилий других стран и особенностей существующей на этом пространстве политической, экономической, социальной, культурной, демографической, военной ситуации представляется не совсем оправданным и обоснованным.

Ключевые слова: интеграция, Европа, ЕС, ЕАСТ, Бенилюкс, «северное сотрудничество», свободная торговля, международные организации, СНГ.

Российская школа исследований интеграционных процессов в Европе относительно молода. Серьезный вклад в ее развитие внесла кафедра европейской интеграции МГИМО(У), создавшая первый в стране учебник по этой тематике [1]. Среди российских экспертов сложилось устойчивое представление, что страны-члены ЕС достигли наивысшей степени развития интеграции, что опыт ЕС является мерилем эффективности интеграции и образцом для подражания, что интеграционные теории должны опираться в основном на обобщение опыта, успехов и неудач интеграции в рамках ЕС. Втягивание в воронку европейской интеграции растущего числа государств, появление интеграционных группировок на других континентах способствовало созданию впечатления, что участие в процессах региональной интеграции является универсальной закономерностью для всех стран с рыночной экономикой.

Многие крупные торговые нации (США, Южная Корея, Япония, Австралия) являются последовательными сторонниками свободы мировой торговли, ориентируют свое производство на потребности мирового рынка. Для них оптимальным является заключение соглашений о свободной торговле с возможно большим числом стран и экономических группировок в мире с целью расширения рынков сбыта для своих товаров. К числу поборников свободной торговли относится и Великобритания, создавшая Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ). Вступив в ЕЭС, она продолжает придерживаться философии «фритрейдерства». Как многие считают, писал журнал «Экономист», ЕС «превратился в организацию свободной торговли, на чем настаивали англосаксы»; «Британия желает добиться для себя привилегированного положения в европейском клубе, в котором она могла бы пользоваться режимом свободной торговли без соблюдения других обязательных правил для государств-членов» [2, с.15].

К числу крупнейших торговых наций мира относится и Германия, которая стала одним из инициаторов региональной интеграции в Европе. В развитии интеграционных процессов с другими западноевропейскими странами западные немцы увидели возможность обрести политический вес в мировых и европейских делах, используя для этого влияние объединенной Европы, в которой они не без оснований рассчитывали занять ведущие позиции. Этот пример не опровергает общей закономерности отказа многих крупных торговых наций мира от участия в региональных интеграционных группировках или таможенных союзах как ограничивающих их свободу рук. Поэтому неверно характеризовать существующие межгосударственные экономические образования, которые в своих основополагающих документах не ставят интеграционных целей как интеграционные.

Классификация основных стадий развития интеграции была предложена в 1961 г. американ-

ским экономистом венгерского происхождения Белой Балашем. Согласно его теории, интеграционные процессы начинаются с создания зон свободной торговли, сопровождаются учреждением таможенных союзов, затем образованием общего рынка со свободным передвижением через границы товаров, капиталов, услуг и рабочей силы и приводят к формированию экономических и валютных союзов. Венцом этого процесса может стать политический союз вступивших на путь интеграции государств, который дополняет их экономический и валютный союз общей внешней и внутренней политикой. Эта стадия интеграции вплотную подводит государства-члены к созданию нового супергосударства.

Сторонники такого концептуального подхода склонны оценивать события в рамках ЕС как очередные шаги на пути к этой predetermined цели. Нигде в мире интеграционные процессы не приблизились к созданию новых государственных объединений, учредительные документы существующих интеграционных группировок таких целей и не ставят. Если государства не преследуют интеграционных целей, то ни зона свободной торговли, ни таможенный союз стадиями интеграции не становятся, а остаются инструментами развития торгово-экономических связей.

Развитие демократических процессов сопровождается децентрализацией государственной власти в Европе. В условиях нарастания «демократического дефицита» в ЕС попытки идеологически обосновать и практически построить новое централизованное государство на базе нескольких десятков суверенных европейских государств будут становиться все более проблематичными. Естественное стремление участвующих в интеграционных процессах стран извлечь из них максимум пользы для своих государств, регулируя совместно с другими их участниками общие проблемы согласованными средствами, не предполагает неизбежного учреждения супергосударства. Подобные проблемы можно эффективно решать в рамках международных межправительственных организаций, эволюция которых доказывает, что в их рамках идет процесс укрепления государственного суверенитета стран-членов, а не сдача ими суверенных позиций наднациональным органам [3, с. 11–12]. ВУ этом смысле эволюцию ЕС можно оценивать с точки зрения ее соответствия действующими нормами права международных организаций [4; 5, с. 358–452].

Попытки рассматривать европейскую интеграцию как результат влияния «европейской идеи» коренятся в философии федерализма. При всей внешней привлекательности этой идеи можно предположить, что далеко не все страны-члены ЕС будут готовы поступиться государственным суверенитетом ради ее практического воплощения в жизнь. Создание такого супергосударства в Европе имело бы крайне сомнительную ценность для Российской Федерации и ее положения в Европе и мире. Более полное присутствие иных концептуальных и теоретических подходов в рос-

■ Международные отношения

сийских исследованиях интеграции могло бы их обогатить и позволить творчески реагировать на потребности развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Если в основе этих исследований и практических шагов будет лежать идея воссоздания нового единого государственного образования на останках бывшего Советского Союза, сопряженная с необходимостью передачи ему государствами-членами недавно обретенного национального суверенитета, то вряд ли такого рода интеграция будет привлекательной для ее потенциальных постсоветских участников. Для России такая перспектива также не является желанной.

Если интеграционные процессы будут сопровождаться очевидными социальными и экономическими выгодами, укреплением государственного суверенитета и возможностью реально влиять на характер и содержание интеграции, то объективных препятствий для участия постсоветских государств в ней может стать значительно меньше. Правомочно ли говорить о возможности подчинения интеграционных процессов тем или иным политическим целям их инициаторов в принципе? Торгово-экономические связи между государствами автоматически не перерастают в интеграционные, если они не принимают на этот счет четкого политического решения, продиктованного стремлением достичь с помощью интеграции определенных политических целей. При этом эти цели могут варьироваться в широком диапазоне. В зависимости от характера поставленных целей выстраивается цепочка различных по содержанию и последовательности интеграционных мер, которые не подчиняются общим образцам или шаблонам.

Создание интеграционной группировки на базе основополагающего международного договора является одной из таких возможностей. Опыт развития других интеграционных процессов в Европе показывает, что такой путь не является единственно возможным. По мере преодоления последствий Второй мировой войны и реализации договоров об ЕОУС, ЕЭС и Евратоме их государства-учредители, руководствовавшиеся стремлением прервать нескончаемую цепочку войн между Германией и Францией и создать условия для мирного будущего континента, готовили почву для подписания Единого Европейского акта (ЕЕА), вступление в силу которого положило начало реальным процессам интеграции между ними. Без единодушного политического решения государств-членов перейти к развитию интеграционных связей западноевропейская интеграция как явление могла и не состояться.

Решаемые при помощи интеграции политические задачи могут претерпевать определенные изменения. Каждое последующее государство, присоединяющееся к интеграционной группировке, помимо общих для государств-членов целей, стремится решать специфические национальные задачи, которые чаще всего не полностью совпадают с интересами других стран. Иначе такое присо-

единение теряет для них смысл. Мотивация участия в интеграции не может быть универсальной в различных регионах Европы и мира и в различных социально-экономических условиях.

После принятия ЕЕА политические цели государств-участников стали эволюционировать в направлении, связанном с увеличением политической роли единой интегрирующейся Европы в мировых делах и защитой совпадающих интересов государств-членов совместными усилиями. Одним из важнейших мотивов расширения ЕС на восток, например, стали попытки пополнить рынок труда людскими ресурсами новых стран-членов в условиях нарастания тенденций «старения» населения. Что касается стран Центральной и Восточной Европы, то их новая политическая элита в присоединении к НАТО и европейской зоне стабильности и экономического процветания увидела возможность обеспечить необратимость произошедших в их странах изменений и сохранить за собой политическую власть. Не меньшее значение имели надежды опереться на экономическую мощь и политическое влияние ЕС при решении вопросов их отношений с Россией в свою пользу.

Иные политические цели и мотивы лежали в основе интеграционных усилий Бельгии, Люксембурга и Нидерландов. 24 мая 1946 г. вступило в силу валютное соглашение между ними. 1 января 1948 г. между тремя странами начал действовать Таможенный союз. Были учреждены Административный таможенный совет, Совет экономического союза, Совет торговых отношений и Генеральный секретариат. 15 октября 1949 г. они подписали Договор о предварительном экономическом союзе, который помимо мер либерализации торговли между ними предусматривал координацию торговой и валютной политики. Уже после заключения договора о создании ЕОУС, Бельгия, Люксембург и Нидерланды 24 июля 1953 г. подписали в Гааге Протокол об ускорении процесса координации не только экономической, но и социальной политики. С 1956 г. Генеральный секретариат экономического союза стал заключать торговые договоры с третьими странами.

Задолго до принятия ЕЕА они договорились о свободном движении капиталов (8 июля 1954 г.), о свободном передвижении рабочей силы и единой политике в сфере социального страхования (июнь 1956 г.), о постепенном урегулировании сельскохозяйственной политики (май 1955 г.). Иными словами, интеграционные процессы между ними были запущены до подписания Римских договоров и создания ЕЭС.

При подписании договора о создании ЕЭС Бельгия, Нидерланды и Люксембург оговорили возможность сохранения их регионального союза в той мере, в какой его цели «не достигаются за счет применения настоящего Договора». Различия этих целей между ЕЭС и региональными союзами, как видим, допускались. Три страны стремились сохранить достижения предшествующих интеграционных усилий, объединиться для получения

более значительных результатов во взаимной интеграции, чем это было возможно в условиях ЕЭС, и обеспечения более выгодных условий для их совместной интеграции в сообщество. Углубляя интеграционные связи между собой, они стремились одновременно укрепить свое положение внутри ЕЭС, не «растворяясь» полностью в этой более широкой интеграционной группировке.

3 февраля 1958 г. в Гааге три страны подписали Договор об экономическом союзе и Соглашение о переходном периоде с целью проведения скоординированной политики в экономической, финансовой и социальной сферах и общей внешнеторговой политики. 17 июня 2008 г. в Гааге был подписан новый договор между правительствами Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, учредивший Союз Бенилюкс, сотрудничество внутри которого охватывает, помимо экономики, многие сферы их внутренней и международной жизни.

Наряду с участием в органах и институтах ЕС, страны Бенилюкс сохраняют собственную институциональную структуру. Высшим органом Бенилюкса является Комитет министров иностранных дел, решения которого принимаются единогласно и обязательны для исполнения. Ему подчиняется Совет союза, состоящий из представителей министерств и ведомств трех государств. Административные функции союза Бенилюкс возложены на Генеральный секретариат, который возглавляет коллегия секретарей, представляющих страны-члены. В Межпарламентском консультативном совете Бенилюкса работают 49 депутатов парламентов трех государств.

Судебная палата союза вырабатывает единое толкование совместно принятых правовых норм, осуществляет консультативные и судебные полномочия по делам государственных чиновников. Для решения спорных вопросов, возникающих между членами Союза Бенилюкс в связи с выполнением договоров или конвенций, создана Арбитражная коллегия. Тем не менее эксперты не расценивают эти процессы как формирование будущего единого государственного образования трех государств.

Возможности скорейшего послевоенного восстановления экономик и повышения своей роли в европейской и мировой политике страны Северной Европы увидели на путях объединения их ресурсов, интенсификации регионального экономического и политического сотрудничества. При этом имелось в виду, что совместное отстаивание совпадающих интересов стран региона может существенно повысить результативность внешней политики каждой из них, а им вместе – стать влиятельной силой в мировой политике. Сначала они предпринимали попытки создать оборонительный союз, зону свободной торговли или таможенный союз, но все они закончились ничем. Потерпев неудачу с «пакетными» решениями, страны региона пошли по пути своеобразной «ползучей» интеграции, реализуя договоренности по отдельным вопросам регионального взаимодействия. Они приступили к координации законодательной деятельности в целях сближения и унификации их

законодательства и к усилиям по формированию общего регионального рынка труда.

В 1951 г. Дания, Норвегия, Финляндия и Швеция заключили конвенцию, согласно которой их гражданам позволялось работать по найму в любой из этих стран, упростили процедуры взаимного предоставления гражданства и предприняли усилия для обеспечения юридических гарантий равных прав гражданам других государств региона. Они предприняли ряд шагов по сближению в правовой, социальной, культурной и образовательных областях, оформили паспортную унию, имея целью создать схожие условия жизни и работы своих граждан. Свободный рынок рабочей силы в регионе появился в 1954 г.

В соответствии с Конвенцией о социальной защите, одобренной в 1955 г., граждане северных стран получили одинаковые права, привилегии и обязанности в вопросах получения больничных листов, производственного травматизма, потери трудоспособности, безработицы и пенсий по старости, стали пользоваться теми же социальными благами, что и граждане страны пребывания. Было обеспечено взаимное признание образовательных дипломов и унификация профессиональных квалификационных требований. Меры по созданию свободного рынка труда не являлись элементами согласованной интеграционной стратегии северо-европейских государств, которой на тот момент не существовало.

Важную роль в углублении «северного сотрудничества» сыграл Северный Совет, устав которого был одобрен в марте 1952 г. и принят каждой страной как внутренний акт, имеющий силу закона. Он представляет собой выборную общественную ассамблею и форму сотрудничества правительств северных стран. Северный Совет не наделен законодательными или исполнительными функциями, его решения не носят обязательного характера для государств-участников, а представители правительств на его заседаниях права голоса не имеют. Тем не менее его вклад в развитие субрегионального «северного сотрудничества» трудно переоценить.

В отсутствие стратегии региональной интеграции Северный Совет выполнял функцию согласования взглядов правительств, парламентариев, гражданского общества и экспертов на пути и приоритеты развития сотрудничества между странами Северной Европы, помогая находить такие решения текущих проблем, которые отвечали запросам и настроениям широких кругов северо-европейской общестственности. Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция, встав на путь развития субрегиональных интеграционных связей, связали свою судьбу на начальном этапе с зоной свободной торговли – ЕАСТ.

В ее рамках северным странам удалось добиться общего снижения таможенных пошлин и отменить количественные ограничения на торговлю промышленными товарами. В ходе участия в ЕАСТ перед ними остро встал вопрос о дальнейшей судьбе «северного сотрудничества».

■ Международные отношения

В результате их политическое руководство сделало стратегический выбор в пользу углубления интеграции между странами региона. В 1962 г. в Хельсинки было подписано Соглашение о сотрудничестве между Финляндией, Данией, Исландией, Норвегией и Швецией (Хельсинкское соглашение), действующее и поныне. Оно определило долгосрочную стратегию интеграции на Севере Европы, стало политической и юридической основой для конкретных шагов в этой области, превратившись в ее своеобразную «дорожную карту».

Первостепенное значение имело сотрудничество в законотворческой деятельности, закрепление равных прав для граждан Европейского Севера при разработке внутренних законов, унификация законодательства в области частного права, уголовных преступлений и наказаний за них. В экономической сфере страны региона согласились стимулировать тесное производственное и инвестиционное сотрудничество, обеспечить свободное движение капиталов, создавать благоприятные условия для деятельности североευропейских компаний, проводить консультации по проблемам экономической политики, упростить таможенные процедуры и гармонизировать таможенные правила. Они условились принимать согласованные решения в области валютной политики, способствовать трансграничной торговле, проводить консультации при строительстве транспортных и коммуникационных сетей, затрагивающих территорию двух или более стран, координировать действия, направленные на повышение безопасности автомобильных дорог.

Хельсинкское соглашение зафиксировало готовность стран Северной Европы координировать проводимые в них научные исследования, создавать совместные исследовательские учреждения, учитывать экологические интересы друг друга и гармонизировать национальные правила защиты окружающей среды, а также координировать меры по сохранению флоры и фауны Северной Европы [6, с. 618 – 624]. Органы власти различных уровней получили право напрямую согласовывать свою деятельность с властями других северных стран по вопросам, не являющимся исключительной прерогативой их органов внешних сношений. Государства региона обязались проводить консультации по представляющим общий интерес вопросам при их обсуждении в международных организациях и на международных форумах.

Совмещение участия группы северных стран-членов ЕАСТ в общем режиме свободной торговли в рамках Ассоциации с интеграционными процессами между ними оказалось не только возможным, но и весьма результативным. За короткий период они добились высоких темпов экономического роста. В 1969 г. по сравнению с 1958 г. индекс промышленного производства вырос в Дании на 83%, в Норвегии – на 72%, а в Швеции – на 82% (5, с. 7). Торговые обмены между самими странами Северной Европы за годы участия в ЕАСТ увеличивались опережающими темпами. Их взаимная торговля стран за 1959–1967 гг. выросла на 129%, а торговля

между североευропейскими государствами – на 201%. 56% внутренней торговли в рамках ЕАСТ приходилось на четыре страны Северной Европы. В этих условиях они стали искать возможностей развития торговли с более емким рынком ЕЭС. Трудности, возникшие в связи с неудачными попытками вступления Великобритании в ЕЭС в 1960-х гг., побудили Данию, Норвегию и Швецию попытаться углубить интеграционные узы между собой путем создания северного экономического сообщества «Нордек» и тем самым укрепить их позиции в будущих переговорах с ЕЭС.

К лету 1969 г. им удалось достичь договоренности о совместной экономической политике, унификации экономического, финансового и социального законодательства, либерализации движения капиталов между членами «Нордека», правилах конкуренции, об общей торговой политике в отношении третьих стран, о сотрудничестве в сфере научных исследований и подготовки специалистов. Планировалось создать северный инвестиционный банк, общий фонд, сельскохозяйственный фонд и фонд по рыболовству для финансирования отдельных областей сотрудничества между ними. Главным органом «Нордека» должен был стать Совет министров, решения в котором принимались бы консенсусом, а исполнительным органом – Секретариат из четырех независимых от национальных правительств директоров-секретарей. Окончательный текст соглашения планировалось подготовить к 7 марта 1970 г. Однако в последний момент Финляндия заявила об отказе подписать подготовленное соглашение из-за опасений, что оно подорвет политику нейтралитета страны. В результате страны региона пошли по пути поэтапного осуществления отдельных из намечавшихся мер.

В феврале 1971 г. сессия Северного Совета рекомендовала создать Совет министров северных стран (СМСС) – межправительственный орган «северного сотрудничества», который стал центром осуществления региональной политики и координации отношений северных стран с ЕЭС. В январе 1972 г. представители Дании и Норвегии подписали в Брюсселе договор, открывший им путь для вступления в ЕЭС. Однако членом сообщества стала только Дания, так как норвежцы на национальных референдумах отвергли идею членства в ЕЭС. В этих условиях Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция подписали с ЕЭС соглашения о создании «зон свободной торговли» промышленными товарами.

На этом этапе серьезных проблем совместности региональных интеграционных усилий северных стран с их участием в деятельности, с одной стороны, ЕАСТ (Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция) – с другой, ЕЭС (Дания) не возникло. Они появились после заключения Маастрихтского договора. Национальный референдум в Дании отверг присоединение страны к Маастрихтскому договору. Лишь после того, как версия договора, учитывавшая датские оговорки и условия, была одобрена саммитом ЕС в Эдинбурге

12 декабря 1992 г. и поддержана национальным референдумом 18 мая 1993 г., Дания присоединилась к нему.

Подав заявку на вступление в ЕЭС в июне 1991 г., особые условия членства в ЕС оговорила для себя и Швеция. Летом 1994 г. договор между Швецией и государствами-членами ЕС, закрепивший особый статус страны в рамках союза, был подписан. Разнообразие национальных интересов государств-членов ЕС нашло отражение в концепции дифференцированной интеграции в рамках Европейского союза [7, с. 58–69].

1 января 1994 г., до формального присоединения Финляндии и Швеции к ЕС, между ЕС и Исландией и Норвегией было заключено Соглашение о создании Европейского экономического пространства (ЕЭП). Оно позволило исландцам и норвежцам обрести те же права и обязанности в сфере действия ЕЭП, что и юридические и физические лица ЕС, включая Данию, Финляндию и Швецию. Исландия и Норвегия стали участниками Шенгенской зоны, получили возможность участвовать в свободном перемещении товаров, услуг, капиталов и рабочей силы с другими странами-членами ЕС, расширять сотрудничество с ними в области научных исследований, образования, защиты окружающей среды, культуры, туризма, функционирования малого и среднего бизнеса.

Подключение стран Северной Европы к более широкому процессам европейской интеграции на тех условиях, на которых это случилось, не препятствует дальнейшему углублению субрегиональной интеграции. Они сумели не только сохранить достижения субрегиональной интеграции, но и создать условия для ее дальнейшего углубления. Ограничив свое участие в оборонительных усилиях ЕС, Дания, Швеция и Финляндия совместно с другими северными странами заключили в 2010 г. Соглашение о северном сотрудничестве в сфере обороны. Ныне «северная пятерка» государств воспринимается как стабильная группа стран-единомышленников, чье тесное региональное сотрудничество является неотъемлемой частью их долгосрочной внутривнутриполитической и международной стратегии. Тем не менее эпизодически возникающие предложения создать единое государство не встречаются среди их населения и политиков серьезной поддержки.

Дополняют картину многообразия интеграционных процессов в Европе связи между приграничными районами и территориями, деятельность Совета государств Балтийского моря, организации Черноморского экономического сотрудничества, Совета Баренцева/Евроарктического региона, Баренцева регионального совета, Арктического совета, Северного измерения и его партнерств, еврорегионов и других организаций. На постсоветском пространстве одновременно развиваются процессы дезинтеграции и интеграции, сочетание которых придает причудливую конфигурацию экономическим, социальным и политическим явлениям на нем, не учитывая ко-

торые при разработке интеграционных стратегий было бы, по меньшей мере, опрометчиво.

На нем существуют союзное государство России и Беларуси, Таможенный союз, ЕврАзЭС, ОДКБ, ГУАМ, функционирует «Восточное партнерство», предпринимаются попытки создать широкую зону свободной торговли и в перспективе – Евразийский союз. Оценивая перспективы развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве, нельзя не учитывать специфические особенности существующей на этом пространстве ситуации. На нем де-факто уже существует безвизовый режим, путь к которому в интеграционных объединениях Европы был весьма долгим. В этих объединениях важнейшую роль играет сотрудничество суверенных государств в сфере законодательства, включая социальное, с целью его сближения и унификации.

В это же время среди постсоветских государств господствующей тенденцией является их выход из бывшего единого правового пространства и переход к национальным системам законодательства, которые отдаляют их друг от друга. Уровень развития рыночных отношений и политических систем в них различен, что является серьезным препятствием на интеграционном пути. Большинство постсоветских государств продолжает политические, экономические, социальные и культурные преобразования, синхронизация и координация которых могли бы сыграть серьезную роль в интеграционных процессах между ними. Сохраняется схожая политическая культура, относительное знакомство с обычаями и традициями народов, проживавших в СССР, определенная языковая общность и другое наследие общего советского прошлого. Весьма сложным и нередко болезненным является процесс согласования в интеграционных объединениях общей внутренней и внешней политики и политики безопасности и обороны, сотрудничества юридических и правоохранительных органов. На постсоветском пространстве существует Организация договора коллективной безопасности, осуществляется тесное взаимодействие юридических и правоохранительных органов в рамках СНГ.

Опыт интеграционных процессов в различных частях Европы свидетельствует о важности взаимного признания дипломов на различных уровнях образовательного процесса. Единое образовательное пространство, существовавшее в СССР, еще не полностью разрушено в настоящее время. Сохраняются традиционные научные связи между национальными академиями наук, входившими в состав единой академии, и их учеными, что создает благоприятные предпосылки для развития научного сотрудничества между ними в рамках будущих интеграционных объединений. В советские времена по единым стандартам была создана сеть железных дорог, трубопроводов и иных транспортных коммуникаций, единая энергосистема со сходными или едиными техническими требованиями, на постсоветском

■ Международные отношения

пространстве продолжают существовать установленные ранее связи и взаимодействие между промышленными предприятиями.

Проходимый ЕС интеграционный путь воплощает в себе особенности европейской ситуации и специфические интересы его стран-членов. Многие детали деятельности ЕС не характерны для других интеграционных группировок в Европе, критерии членства в которых в силу этих причин не могут иметь универсальный характер. Поэтому попытки выстраивать на постсоветском пространстве интеграционные модели исключительно по лекалам ЕС без должного учета опыта интеграционных усилий других стран и особенностей существующей на этом пространстве полити-

ческой, экономической, социальной, культурной, демографической, военной ситуации представляются не совсем оправданными и обоснованными.

Российская школа интеграционных исследований должна принять новые вызовы, которые определила для нее потребность развития интеграции на постсоветском пространстве, и дать на них достойный ответ. В этих усилиях кафедра европейской интеграции МГИМО(У), опираясь на творческий потенциал ее сотрудников и сложившееся взаимодействие с ведущими академическими институтами Российской академии наук, коллегами из других российских и зарубежных университетов и исследовательских учреждений, должна занять важное место.

Список литературы

1. Европейская интеграция / Под ред. Ольги Буториной. МГИМО(У) МИД России. М., 2011. 720 с.
2. Goodbye Europe. A British exit from the European Union looks increasingly possible. It would be a reckless gamble // The Economist. – December 8th - 14th, 2012.
3. Воронков Л.С. Международные организации в системе международных отношений: тенденции и перспективы развития//Вестник МГИМО-Университета. М., № 3 (24). 2012.
4. Морозов Г.И. Международные организации: некоторые вопросы теории// ИМЭМО АН СССР. 2-е изд. М. Мысль. 1974. 332 с.
5. Международное право. Учебник//Под ред. А.Н.Вылегжанина. М., Юрайт. Высшее образование. 2009. 1012 с.
6. Воронков Л.С. Интеграционные процессы на Севере Европы//Европейская интеграция/Под редакцией Ольги Буториной. Учебник. М., 2011.
7. Кавешников Н.Ю. «Гибкая интеграция» в Европейском союзе // Международные процессы. - Май-август 2011. Том 9, № 2(26). - URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/006.htm>

Об авторе

Воронков Лев Сергеевич – д.и.н., профессор кафедры европейской интеграции, МГИМО(У) МИД России.
E-mail: lvoronkov@yandex.ru

ON VARIETY OF INTEGRATION PROCESSES IN EUROPE

L.S. Voronkov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

On the basis of analysis of integration processes between Nordic, Benelux countries and post-soviet states in Europe the author expresses hesitations in accepting the integration experiences gained by the EU as the criterion of efficiency and the pattern for the post-Soviet space. He does not consider that an involvement of all countries with market economy into processes of regional integration, if they do not try to achieve certain political aims through integration, is the universal regularity in the globalized world. In these cases neither free trade zones nor custom unions can be considered as integration stages, but they continue to be the tools for further development of trade. The author proposes to assess the EU evolution with regard to the legal norms of international organizations, where state sovereignty of members is strengthened, not given up to supernational bodies. In case the idea of reestablishment of an unified state

on the remains of the former USSR, linked to the necessity to hand over the recently acquired sovereignty to it, is laid down to the ground for practical measures of integration, this kind of integration will hardly be attractive to the potential post-Soviet participants. This perspective is hardly desired for Russia either. The integration path of the EU reflects the peculiarities of the European situation and specific interests of its member states. Many details of the EU activity are not applicable to other integration groupings in Europe and membership criteria in every of them is not universal. Any efforts to construct integration processes in the post-Soviet space in accordance to the EU model without proper consideration to integration experiences of other countries and to political, economic, social, cultural, demographic, military peculiarities of the countries concerned seem to be not acceptable and founded.

Key words: integration, Europe, EU, EFTA, Benelux, “Nordic cooperation”, free trade, international organizations, CIS.

References

1. Butorina O.V., ed. *Evropeiskaia integratsiia* [European Integration]. Moscow, Delovaia literatura Publ., 2011. 720 p.
2. Goodbye Europe. A British exit from the European Union looks increasingly possible. It would be a reckless gamble. *The Economist*, December 8th-14th, 2012.
3. Voronkov L.S. International organizations in the system of international relations: Trend and perspectives. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2012, no. 3 (24), pp. 7-16. (in Russ.).
4. Morozov G.I. *Mezhdunarodnye organizatsii: nekotorye voprosy teorii* [International organizations: Some theoretical approaches]. Moscow, Mysl' Publ., 1974, 332 p.
5. Vylegzhanin A.N., ed. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow, Vysshee obrazovanie Publ., 2009. 1012 p.
6. Voronkov L.S. Integration processes in the Northern Europe. *Evropeiskaia integratsiia* [European Integration]. Moscow, Delovaia literatura Publ., 2011.
7. Kaveshnikov N.Iu. “Flexible integration” in the European Union. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2011, vol. 9, no. 2 (26). Available at: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/006.htm>. (in Russ.).

About the author

Lev S. Voronkov – Doctor of History, Professor of the Chair of European Integration, Moscow State Institute of International relations, Russian Ministry of Foreign Affairs. E-mail: lvoronkov@yandex.ru

«ВЕЛОСИПЕДИСТ НА БОЛОТЕ»: УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ЕС В XXI ВЕКЕ

А.И. Тэвдой-Бурмули

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Последнее расширение породило ряд специфических, не имевших аналогов в предшествующей истории ЕС, проблем. Специфический исторический опыт стран-кандидатов обусловил относительную незрелость демократических режимов в этих странах, слабость культуры консенсуса и толерантности, уже укоренившихся в западноевропейском обществе и в значительной мере обеспечивших устойчивое развитие Западной Европы в последние десятилетия. Одним из итогов расширения стало возрождение на уровне дискурса европейского истеблишмента ранее табуированной риторики национальных фобий. Еще до формального вступления стран ЦВЕ в ЕС эти проблемы были очевидны для лидеров ЕС. Это, однако, не только не помешало приему новых членов, но и не привело к отказу от планов дальнейшего расширения тогда, когда опасения Брюсселя оправдались. Этот парадокс обусловлен сочетанием в мотивации ЕС общих интересов интеграционной группировки с интересами как отдельных стран, так и внешних акторов.

Ключевые слова: Европейский союз, расширение ЕС.

Очевидные успехи европейского интеграционного проекта в 1990-х гг. вкупе с крахом социалистического лагеря конца 1980-х гг. существенно изменили алгоритм и логику расширения интеграционной зоны. Успешное строительство Экономического и Валютного союза, оформление единого внутреннего рынка ЕС повысило привлекательность участия в интеграции для европейских аутсайдеров из ЦВЕ. С другой стороны, становление внешнеполитической субъектности ЕС в контексте развития учрежденной в 1992 г. Общей внешней политики и политики безопасности ЕС способствовало росту амбиций Европейского союза как доминирующего регионального актора. Возникший в ЦВЕ вакуум силы объективно требовал усиления присутствия в регионе дееспособных внешних акторов – и ЕС, при немалой поддержке США, ответил на этот вызов. Расширение ЕС на восток – спонтанное и поспешное по срокам, самое масштабное по количественным параметрам – составило основное содержание этого ответа.

Еще до формального вступления стран ЦВЕ в ЕС стало очевидно, что данное расширение породит ряд специфических, не имевших аналогов в предшествующей истории ЕС, проблем. В частности, именно в целях преодоления вновь возникающего институционального дисбаланса была задумана и реализована в Ниццком договоре 2002 г. реформа системы принятия решений ЕС [2, с. 43–44]. Со значительными и до сих пор не преодоленными трудностями столкнулся Европейский союз в контексте перераспределения ограниченных бюджетных ресурсов Сообщества между странами ЕС-15 и «вновь прибывшими» странами ЦВЕ [3, с. 182–186].

Наконец, одной из главных особенностей расширения ЕС 2004–2007 гг. стало то, что в ЕС вступили страны со специфическим, отличным от государств Западной Европы историческим опытом. Фазовое отставание обусловило относительную незрелость демократических режимов в этих странах, слабость культуры консенсуса и толерантности, уже укоренившихся в западно-европейском обществе и в значительной мере обеспечивших устойчивое развитие Западной Европы в последние десятилетия.

В этом же контексте фазового рассогласования следует понимать и регулярно возникающие внутри ЕС конфликты, выявляющие ценностную коллизию между Старой и Новой (пользуясь термином Д. Рамсфелда) Европами. От скандалов середины 2000-х гг. по поводу тайных тюрем ЦРУ на территории нескольких восточноевропейских стран до кризиса зоны евро вследствие неготовности в первую очередь южноевропейских стран-членов ЕС играть по установленным Брюсселем формальным и неформальным правилам [1, с. 86–88] – таков диапазон ценностного конфликта. Ныне же он превращается в системную угрозу стабильному развитию Европейского союза.

Одним из наиболее показательных эпизодов этого рода стал недавний и пока далекий от

разрешения конфликт между институтами ЕС, с одной стороны, и венгерскими властями – с другой. Приведем основные вехи этого конфликта.

1 января 2012 г. вступил в силу принятый по инициативе правящей правоконсервативной партии Венгерский гражданский союз (ФИДЕШ) новый закон о СМИ. В нем предусматриваются санкции за «материалы, недостаточно сбалансированные политически» либо «оскорбительные». Также было учреждено Национальное управление СМИ, члены которого были назначены исключительно из рядов правящей партии ФИДЕШ – причем вновь созданный орган был наделен правом требовать от журналистов раскрытия источников их информации.

Сразу после вступления нового закона в силу – 5 января 2011 г. – органы ЕС выразили свою озабоченность теми его вышеуказанными положениями, которые ограничивают, с точки зрения ЕС, свободу слова. И хотя первая реакция Будапешта на критику Брюсселя была негативной, уже в феврале венгерское правительство выразило готовность пересмотреть наиболее проблемные положения закона, что и было в итоге сделано. Противники закона, впрочем, остались недовольны достигнутым компромиссом и упрекают европейских лидеров в неготовности последовательно отстаивать ценности ЕС.

Еще один конфликт разгорелся вокруг новой Конституции Венгрии (вступила в силу 1 января 2012 г.). Новая редакция Основного закона лишает венгерских граждан права обращения в Конституционный суд, ограничивает право референдумов, провозглашает католицизм «национальным вероисповеданием» с соответствующим привилегированным статусом, ограничивает право аборт, исключает однополые браки, ликвидирует независимость национального Центробанка, ставит под сомнение независимость судей. Среди упомянутых новаций большинство формально никак не нарушают коммунитарное законодательство – не в последнюю очередь потому, что в области политических стандартов оно вообще прописано лишь рамочно. Исключением является лишь сужение независимости Центробанка: согласно положениям Договора о ЕС 1992 г., независимость национального Центробанка является одним из необходимых условий для введения в данной стране евро и обязательна даже для стран ЕС, в еврозоне пока не состоящих.

Тем не менее реакция руководящих органов ЕС на новации оказалась весьма острой. 17 января 2012 г. Комиссия ЕС начала против Венгрии судебное разбирательство ввиду отказа Будапешта восстановить независимый статус Центробанка и несменяемость судей [5]. Согласно практике ЕС, подобное разбирательство может привести к замораживанию выплат стране из структурных фондов ЕС, к отказу в выдаче кредитов и пр. Первым шагом на этом пути уже стала приостановка переговоров делегации МВФ с Венгрией о пакете финансовой антикризисной помощи в декабре 2011 г.

■ Международные отношения

Формально данные действия, безусловно, посягают на национальный суверенитет Венгрии. В то же время они полностью соответствуют логике развития ЕС в последние два десятилетия, в итоге которого европейская экономическая группировка незаметно трансформировалась в подобие политического союза с собственным наднациональным суверенитетом и четкой системой политических ценностей. Первой жертвой новой реальности пала в 2000 г. Австрия, которой был объявлен бойкот после создания в Вене правительства с участием правопопулистской Австрийской партии свободы. Новые же страны ЕС дают гораздо больше поводов для недовольства их внутривнутриполитическим развитием, и в то же время их суверенитет гораздо легче нарушить в силу относительной слабости этих государств. В этом контексте можно вспомнить и о Болгарии, правительство которой подверглось жесткой критике со стороны ЕС в июле 2008 г. за неспособность побороть коррупцию и организованную преступность в стране; тогда же София лишилась полумиллиардного транша, выделяемого европейскими структурными фондами.

Принципиально важным моментом представляется и то, что к сегодняшнему дню перманентные конфликты по разным поводам между «ядром» ЕС и его периферией привели к возрождению риторики, которую вряд ли можно было представить себе еще 10–15 лет назад. Так, ситуация с правами человека в Венгрии в мае 2013 г. вызвала к жизни весьма взрывоопасный обмен репликами между немецкими и венгерскими политиками. Желая успокоить немецкую общественность по поводу венгерской внутренней политики, канцлер А. Меркель заявила о том, что «кавалерию в Венгрию посылать все же не стоит». Эффект был достигнут обратный: венгерский премьер-министр В. Орбан напомнил, что в годы Второй мировой войны Германия уже посылала в Венгрию танки – фактически уподобив нынешнюю германскую политику нацистской [6].

И это не столько исклечение из правила европейского хорошего тона, сколько продолжение ранее наметившейся опасной тенденции. Так, в 2007 г. резкое обострение польско-германского диалога вызвал спор о реформе процедуры принятия решений в Совете ЕС. Тогдашний премьер-министр Польши Я. Качиньский, защищая требование Варшавы об использовании при подсчете голосов алгоритма «квадратного корня от численности населения» (против чего резко выступила ФРГ), упомянул в полемическом задоре о необходимости учитывать в численности населения Польши несколько миллионов погибших в период немецкой оккупации в годы Второй мировой войны [7].

Таким образом, табу на использование европейским политическим истеблишментом в повседневной риторике образов недавнего по историческим меркам прошлого Старого Света было снято. В политическом лексиконе европейской элиты стал все более слышим уже, казалось

бы, задуренный десятилетиями политической корректности и национального самоограничения язык давних взаимных обид и фобий. И справедливости ради следует отметить, что одними из первых, кто увидел в этом угрозу для будущего объединенной Европы и подверг демарш Я. Качиньского суровой критике, были сами поляки [11].

Последствием этого демарша стало не только очевидное ухудшение атмосферы польско-германских отношений, но и деградация имиджа Польши в других странах ЕС [12, pp. 2–7]. Обсуждение условий предоставления финансовой помощи Греции в ходе долгового кризиса 2011–2012 гг. не только привело, в частности, к резкому росту правого радикализма в Греции, но и опасно обострило антигерманские настроения в этой стране. Достаточно вспомнить, что в октябре 2011 г., в момент решающего голосования по греческой проблеме, радио Греции стало транслировать передачи апреля 1941 г. – кануна вторжения вермахта в эту балканскую страну [9]. В сентябре же 2012 г. греческое министерство финансов заявило о возможности предъявления иска в адрес Германии с требованием многомиллиардных выплат за ущерб от нацистской оккупации [4].

Выявившиеся за последние 5 лет негативные последствия расширения, казалось бы, должны были подтолкнуть Брюссель к пересмотру всей стратегии дальнейшего расширения ЕС. Этого, однако, не произошло. На сегодняшний день в очереди на вступление в ЕС только официально стоят пять стран – Турция, Черногория, бывшая югославская Республика Македония, Исландия, Сербия. В настоящий момент заканчивается процесс присоединения к ЕС Хорватии. Наконец, ряд определенных обещаний дан Албании, Боснии и Герцеговине.

До какого же рубежа может в идеале дойти европейский интеграционный вал? Для ответа на этот вопрос имеет смысл вспомнить формальные критерии потенциальной «пригодности» страны к вступлению в ЕС. Еще на Копенгагенском саммите ЕС 1993 г. к таковым были отнесены:

- наличие функционирующих демократических институтов власти, верховенство закона, уважение прав личности;

- наличие основ рыночной экономики, способной сохранить конкурентоспособность в ситуации присоединения к ЕС;

- готовность инкорпорировать правовой режим ЕС (так называемый *aquis communautaire*) во всей его целостности в национальное право.

Помимо вышеперечисленных, неформально называют еще два критерия членства в ЕС. Согласно первому из них, на вступление в ЕС может претендовать страна, присоединение которой не нанесет ущерба функционированию институциональной системы Европейского союза. Наиболее предметно данное условие может быть проиллюстрировано на примере процедуры голосования квалифицированным большинством голосов в

Совете ЕС. В рамках данной процедуры каждое государство-член ЕС располагает пакетом голов, величина которого относительно соответствует количеству населения этой страны. Следовательно, вступление в ЕС многонаселенного государства (России, Турции, Украины) существенно изменит баланс сил в процессе принятия решений и потребует институциональной реформы дизайна ЕС. Согласно второму критерию, на вступление в ЕС может претендовать страна, хотя бы часть территории которой находится в Европе. Исходя из заданных в Копенгагене критериев, можно выделить четыре региона перспективного расширения ЕС:

1. Страны ЕАСТ.
2. Страны Западных Балкан.
3. Турция.
4. Европейские страны постсоветского пространства.

Безусловно, наиболее желанными перспективными членами являются страны ЕАСТ. Как известно, одна из стран ЕАСТ – Исландия – с 2011 г. уже вошла в число официальных кандидатов. Размеры страны, качество ее политической и экономической систем позволяют с уверенностью предположить, что членство Исландии в ЕС – вопрос ближайших 3–5 лет. Что же касается оставшейся тройки – Швейцарии, Лихтенштейна и Норвегии, – то их вступление в ЕС может пока рассматриваться лишь гипотетически. Хотя Швейцария в последние годы предприняла ряд шагов, усугубивших ее интеграцию с ЕС (вступление в Шенгенскую зону, сближение банковских стандартов и пр.), традиции швейцарского нейтралитета лежат непреодолимым барьером на пути Конфедерации в Евросоюз. И пока Берн не сделает выбор в пользу интеграции, не стоит ждать подобного решения от Вадуца. Лихтенштейн, скорее всего, будет копировать швейцарскую модель поведения в отношении ЕС. Что же касается Норвегии, то двукратный – в 1973 и 1995 гг. – отказ населения этой страны от присоединения к ЕС не позволяет предположить, что в обозримой перспективе, учитывая нынешнее кризисное состояние ЕС, Осло решит данный вопрос позитивно.

Что заставляет ЕС все дальше и дальше продвигаться на юг и восток? Следует заметить, что хотя окончательная стратегия расширения ЕС всегда носит формально консолидированный характер, заинтересованность государств-членов в реализации каждого конкретного вектора расширения, безусловно, неодинакова. Так, сближение с Европейским союзом европейских стран СНГ более всего интересует Польшу (Украина и в более дальней перспективе – Белоруссия) и Румынию (Молдова). Завершающееся в настоящий момент присоединение к ЕС Хорватии всегда было предметом интереса Австрии и ФРГ – в значительной степени в силу исторически сложившейся включенности Хорватии в орбиту германской Европы.

С другой стороны, присоединение к ЕС в перспективе таких стран, как Албания, Сербия,

Черногория, Босния и Герцеговина, Македония, можно считать предметом общего интереса всего Европейского союза. В чем заключается этот интерес? Ответ на этот вопрос дает анализ режима Соглашений об ассоциации и стабилизации, учрежденного на саммите ЕС 2000 г. в Фейре (Португалия) специально для политически нестабильных и экономически слабых государств Балканского региона:

– во-первых, содействие ЕС улучшению политического управления этих стран (пресловутому *good governance*), борьбе с коррупцией, социально-экономической нестабильностью и т.д. должно в перспективе превратить регион из «черной дыры» на границах ЕС в стабильную и умиротворенную его часть. Именно так, ибо в 2003 г. на саммите в Фессалониках участие балканских стран в данном формате было признано первым шагом к полному членству в ЕС;

– во-вторых, интеграция балканских стран в ЕС рассматривается также в качестве гарантии прекращения межгосударственных и межэтнических конфликтов в регионе, чему будет способствовать как ликвидация внутренних границ, так и массированное внедрение правовых норм ЕС в нормативную базу вновь вступающих стран;

– в-третьих, Балканы стратегически важны для ЕС как регион энергетического транзита. Инкорпорация этого региона вносит существенный вклад в упорочение энергетической безопасности ЕС в условиях перманентного напряжения в энергодиалоге с Россией и нестабильности мировой энергетической конъюнктуры.

Таким образом, интересы внутривнутриполитической стабильности, геополитические и геоэкономические интересы с очевидностью толкают Брюссель в сторону Балкан. Однако расширение в этом направлении сулит Евросоюзу, пожалуй, не меньше политических и экономических проблем, нежели присоединение стран ЦВЕ. Поэтому реальное присоединение большинства стран региона к ЕС можно ожидать не ранее чем через 10–15 лет.

Отдельно стоит упомянуть о роли в данном раскладе Косова. Еще с момента официального признания независимости Косова большинством стран ЕС Брюссель стал увязывать перспективы членства в ЕС Сербии с официальным отказом Белграда от претензий на данную территорию. На сегодняшний день Сербия, однако, продолжает уклоняться от окончательного признания косовской независимости (хотя Брюссельское соглашение 2013 г. стало серьезным шагом в данном направлении), поскольку такое признание будет означать почти неминуемую политическую смерть для любой согласившейся с этим сербской политической силы.

Таким образом, перспективы членства Сербии в ЕС пока выглядят еще более далекими, нежели аналогичные перспективы Черногории, БиГ, Албании и тем более Македонии. Последнюю – уже давно получившую статус кандидата – от присоединения к ЕС удерживает в основном проблема

■ Международные отношения

официального названия государства (как известно, против названия «Македония» категорически выступает Греция).

Парадоксальным образом еще дальше от членства в ЕС находится Турция. И это при том, что история сближения данной страны с ЕС насчитывает несколько десятилетий. Геополитические и экономические выгоды ЕС от сближения с Турцией всегда можно было подвергнуть сомнению, акцентируя внимание на несоответствие европейским стандартам турецкой политической и правовой культуры, а равно и на цивилизационной чуждости турецкого общества европейскому социуму.

В 1999 г. усилия Турции по сближению с ЕС увенчались официальным признанием за ней статуса кандидата. Это позволило двум сторонам начать переговоры о вступлении. И хотя Анкара проявила очевидную готовность модифицировать свою правовую и политическую практику в соответствии со стандартами ЕС, последний не спешил давать Турции зеленый свет. Нежелание значительной части европейской элиты видеть Турцию в ЕС в полной мере проявилось в контексте обсуждения будущей европейской конституции в 2003–2004 гг. Именно тогда в преамбулу этого, так и не принятого в итоге, документа предложили внести упоминание о христианских корнях европейского общества. Тогда же председательствовавший на обсуждении будущей конституции В. Жискара д'Эстен открыто заявил о невозможности членства Турции в ЕС. Эта точка зрения стала весьма популярной в последующие годы в связи с ростом антиисламских и антииммигрантских настроений в Европе [10, р. 23].

Дополнительным поводом для торможения переговоров с Турцией о вступлении стал казус не признанного ею Кипра. В июле 2005 г. в контексте вступления в ЕС первой волны стран ЦВЕ Турция подписывает протокол о распространении Таможенного союза на 10 новых стран. На вступивший в ЕС Кипр данный протокол Турция не распространяет. В ответ в декабре 2006 г. Совет замораживает переговоры по 8 из 35 глав переговорного досье. К настоящему времени можно констатировать, что членство Турции в ЕС молчаливо признано невозможным с обеих сторон. Именно этим можно объяснить разительную трансформацию внешнеполитического поведения и риторики Турции в последние два–три года. Умеренное исламистское правительство Турции явно отказалось от желания «понравиться» Евро-союзу и сделало ставку на усиление собственной субъектности на международной арене. Таким образом, на данный момент ЕС оттолкнул Турцию, тем самым ослабив свое влияние как на политику Анкары, так и на ситуацию в регионе в целом. Является ли это долгосрочной тенденцией, сказать сложно, учитывая нынешнюю непредсказуемость обстановки на Ближнем Востоке. Базовые факторы, впрочем, позволяют рассматривать сценарий присоединения Турции к ЕС как почти несбыточный.

Выше уже отмечалось, что присоединение к ЕС европейских стран постсоветского пространства является принципиально возможным. Как с точки зрения геополитического интереса ЕС и отдельных его членов, так и с точки зрения базовых параметров внутреннего развития Украина, Белоруссия, Молдова выглядят даже более привлекательно для членства в ЕС, нежели, например, Албания или БиГ. Однако по стечению обстоятельств европейские перспективы этих государств выглядят пока более пессимистично, чем гораздо менее развитых Балканских стран. Причины подобной ситуации носят в первую очередь геополитический характер.

Так, очевидным препятствием для сближения Белоруссии с ЕС является политический режим А. Лукашенко. Устойчивость же его обусловлена в первую очередь заинтересованностью России в пророссийской ориентации Белоруссии – ориентации, которую А. Лукашенко успешно имитирует уже более 15 лет. Следовательно, ключи к сближению Минска с Брюсселем лежат в Москве. И она, судя по всему, пока не заинтересована их дарить своему европейскому партнеру.

Сближение ЕС с Украиной формально признается приоритетной целью как Киевом, так и Брюсселем. В настоящее время стороны активно ведут переговоры о создании зоны свободной торговли, что сможет вывести Украину на качественно новый уровень партнерства с ЕС. Однако о дальнейшей интеграции вплоть до вступления в ЕС применительно к Украине говорить сложно:

- во-первых, подобный сценарий будет крайне негативно восприниматься Россией, которая пока что имеет достаточно рычагов для того, чтобы ему воспрепятствовать – вспомним хотя бы об энергетическом факторе российско-украинских отношений, а также о факторе русскоязычной Левобережной Украины;

- во-вторых, демографический потенциал Украины вкупе с ее масштабной и проблемной экономикой может оказать, в случае ее вступления в ЕС, дестабилизирующее воздействие как на институциональную стабильность ЕС, так и на бюджетные возможности последнего.

Самым беспроblemным и реально достижимым могло бы быть присоединение к ЕС Молдовы. Однако фактор Приднестровья оставляет этот сценарий исключительно гипотетическим. Вступление Молдовы в ЕС представляется возможным либо в ситуации, когда Кишинев признает независимость Приднестровья и оставляет его в геополитическом поле России и Украины, либо если Тирасполь соглашается на ту или иную форму сохранения Молдовы в ее формально признанных границах и одновременно соглашается на вступление в ЕС. Пока ни тот, ни другой сценарий не кажется реалистичным.

Таким образом, на сегодняшний день из четырех вероятных векторов перспективного расширения реальным является лишь балканский, то есть самый тяжелый с точки зрения проблем, с которыми столкнется ЕС в процессе интегра-

ции присоединяющихся государств. Балканское расширение будет ухудшенной, хотя и менее масштабной, копией расширения в регионе ЦВЕ 2004–2007 гг. Именно осознание этого факта заставляет европейских политиков избегать упоминания точных сроков реализации этого процесса. Однако его неизбежность в перспективе 10–15 лет (при условии сохранения интеграционного процесса как такового) несомненна.

Наблюдатели с давних пор избрали для описания европейской интеграции образ велосипеда: устойчивость интеграционного процесса достигается за счет его неуклонного поступательного

развития как вглубь, так и вширь. Если воспользоваться этой метафорой, можно констатировать, что последний раунд расширения привел европейского велосипедиста на топкую почву. Экономические и политические издержки расширения существенно затормозили интеграционный процесс. Парадоксальным для внешнего наблюдателя образом Брюссель демонстрирует политическую волю двигаться по этому топкому пространству все дальше и дальше. Хватит ли у велосипеда накопившейся инерции для того, чтобы выбраться на твердую почву, или его затянет трясина, покажут ближайшие два десятилетия.

Список литературы

1. Буторина О. Кризис в зоне евро: ошибки или закономерность // Современная Европа. 2012. №2.
2. Кавешников Н. Влияние расширения ЕС на процесс институциональной реформы // Расширение Европейского союза и Россия. М., 2006. С.43–102.
3. Кондратьева Н. Региональная политика на перепутье // Потемкина О. (ред.) Европейский союз в XXI веке: время испытаний. М., 2012. С. 178–201.
4. Chapman J. Greece demands billions for German war crimes. Mode of access: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2201514/Greece-demands-billions-German-war-crimes-Relations-EU-partners-plunge-new-low.html> (accessed 2 Juny 2013)
5. European Commission launches accelerated infringement proceedings against Hungary over the independence of its central bank and data protection authorities as well as over measures affecting the judiciary // European Commission – Press Release, 17.01.2012. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-12-24_en.htm (accessed 12 Juny 2013)
6. Evans B. 'The Germans sent tanks before. It didn't work': Angela Merkel says she will not 'send in the cavalry' over Hungary's constitution changes but provokes fury from their PM. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2327695/Angela-Merkel-says-send-cavalry-Hungarys-constitution-changes-provokes-fury-PM.html> (accessed 2 Juny 2013)
7. Mulvey S. Poles in war of words over voting. Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/6227834.stm> (accessed 2 Juny 2013)
8. Papadimitriou J. Greece ponders German war reparations. Available at: <http://www.dw.de/greece-ponders-german-war-reparations/a-16744823> (accessed 2 Juny 2013)
9. Phillips L. Power drains from Greek PM over EU bail-out vote. Available at: <http://euobserver.com/economic/114133> (accessed 1 Juny 2013)
10. Ruiz-Jiménez A., Torreblanca J. European Public Opinion and Turkey's Accession: Making Sense of Arguments For and Against // European Policy Institutes Network/ Working Paper №16, May 2007. Available at: <http://www.ceps.eu/files/book/1494.pdf> (accessed 12 Juny 2013)
11. Two Comments on the PM's Speaker's Corner. Available at: <http://wyborcza.pl/2029020,98817,4256333.html> (accessed 2 Juny 2013)
12. Zaal J. The Media Portrayal of Poland during the June Summit in Brussels 2007 in The Netherlands // Insight-Out. GUEST publication. Centrum Stosunków Międzynarodowych/Center for International Relations. Available at: http://csm.org.pl/fileadmin/files/csm/PUBLIKACJE/Janneke%20Zaal_THE%20MEDIA%20PORTRAYAL%20OF%20POLAND%20DURING%20THE%20JUNE%20SUMMIT%20IN%20BRUSSELS%202007%20IN%20THE%20NETHERLANDS.pdf (accessed 1 Juny 2013)

Об авторе

Тэвдой-Бурмули Александр Изяславович – к.полит.н., доцент кафедры европейской интеграции МГИМО(У) МИД России. E-mail: tevday@mail.ru

"CYCLIST ON THE MARSH": LESSONS AND PROSPECTS OF THE LAST EU ENLARGEMENT

A.I. Tevdoy-Bourmouli

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The latest cycle of the European Union enlargement generated a panoply of problems unknown of in the anamnesis of this organisation. Specific historic experience of the applicants pre-determined a considerable specialty of west-European fashioned democratic regimes in those countries, weakness of consensus and tolerance culture which has already rooted itself in the West-European society, and which has to a considerable degree secured stable development of Western Europe over the last decades. This constellation resulted particularly in the renaissance on the level of European establishment of the nationalist phobia and memories deeply buried decades ago. Though the scale of the eventual problems was evident to the EU leaders long before the official entry of Central and East-European (CEE) countries to the European Union, it neither blocked the admission of new members nor entailed a refusal to pursue the plans of further enlargement at the time when Brussels' fears have panned out. The paradox is predetermined by the combination of the EU motives – common interests of the integration group with the interests both of individual members and outside actors.*

Key words: European Union, EU enlargement.

References

1. Butorina O. Crisis in euro zone: failure or predetermined result. *Sovremennaiia Evropa* [Contemporary Europe], 2012, no. 2, pp.82-94. (in Russ.).
2. Kaveshnikov N. The EU enlargement impact on the institutional reform dynamic. *Rasshirenie Evropeiskogo soiuza i Rossiia* [EU expansion and Russia]. Moscow, Delovaia literatura Publ., 2006, pp. 43-102.
3. Kondrat'eva N. Regional policy at the crossroads. *Evropeiskii soiuz v XXI veke: vremia ispytaniia* [European Union in XXI century: Trying times]. Moscow, "Ves' mir" Publ., 2012, pp. 178-201.
4. Chapman J. Greece demands billions for German war crimes: Relations between EU partners plunge to a new low. *Mail Online*, September 11, 2012. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2201514/Greece-demands-billions-German-war-crimes-Relations-EU-partners-plunge-new-low.html>. Accessed June 02, 2013.
5. European Commission launches accelerated infringement proceedings against Hungary over the independence of its central bank and data protection authorities as well as over measures affecting the judiciary. *European Commission – Press Release*, January 17, 2012. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-12-24_en.htm. Accessed June 12, 2013.
6. Evans B. "The Germans sent tanks before. It didn't work": Angela Merkel says she will not "send in the cavalry" over Hungary's constitution changes but provokes fury from their PM. *Mail Online*, May 20, 2013. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2327695/Angela-Merke.l-says-send-cavalry-Hungarys-constitution-changes-provokes-fury-PM.html>. Accessed June 02, 2013.
7. Mulvey S. Poles in war of words over voting. *BBC News*, June 21, 2007. Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/6227834.stm>. Accessed June 02, 2013.
8. Papadimitriou J. Greece ponders German war reparations. Available at: <http://www.dw.de/greece-ponders-german-war-reparations/a-16744823>. Accessed June 02, 2013.
9. Phillips L. Power drains from Greek PM over EU bail-out vote. *EUobserver.com.*, November 01, 2011. Available at: <http://euobserver.com/economic/114133>. Accessed June 01, 2013.
10. Ruiz-Jiménez A., Torreblanca J. European Public Opinion and Turkey's Accession: Making Sense of Arguments For and Against. *European Policy Institutes Network Working Paper*, May 2007, no.16. Available at: <http://www.ceps.eu/files/book/1494.pdf>. Accessed June 12, 2013.
11. Stasinski P. Two Comments on the PM's Speaker's Corner. *Gazeta Wyborcza.pl.*, June 27, 2007. Available at: <http://wyborcza.pl/2029020,98817,4256333.html>. Accessed June 02, 2013.
12. Zaal J. The Media Portrayal of Poland during the June Summit in Brussels 2007 in The Netherlands. *Centrum Stosunków Międzynarodowych* (Center for International Relations). *Insight-Out*. Guest Publication. Available at: http://csm.org.pl/fileadmin/files/csm/PUBLIKACJE/Janneke%20Zaal_THE%20MEDIA%20PORTRAYAL%20OF%20POLAND%20DURING%20THE%20JUNE%20SUMMIT%20IN%20BRUSSELS%202007%20IN%20THE%20NETHERLANDS.pdf. Accessed June 01, 2013.

About the author

Alexander I. Tevdoy-Bourmouli – Ph.D., associate professor, European Integration Dept., Moscow State Institute of International Relations (MGIMO). E-mail: tevdoy@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ВАЛЮТНЫЙ СОЮЗЫ ЕС: РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

А.Н. Цибулина

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматриваются особенности системы управления Экономическим и валютным союзом ЕС, которые могли привести к кризису суверенных долгов в его государствах-членах. В работе затрагиваются вопросы, связанные с теорией оптимальных валютных зон, экономическими дисбалансами и ситуацией с государственными финансами в ЕС. Руководство Евросоюза выступило с рядом инициатив (вызвавших острую полемику в экспертных кругах), направленных на устранение условий для возникновения подобных кризисов в будущем. Данные инициативы предполагают углубление не только экономической, но и политической интеграции. В этих условиях возможно появление различных объединений стран внутри самого ЕС, что будет затруднять достижение консенсуса и усложнять процесс принятия решений. В то время как результаты от проводимых ныне реформ будут ощутимы лишь в долгосрочной перспективе, отдельные макроэкономические показатели уже сейчас свидетельствуют о начале процесса адаптации в странах «периферии» зоны евро благодаря экстренным антикризисным мерам на уровне ЕС. Однако данные меры пока не создали необходимых условий для выхода из кризиса.

Ключевые слова: Европейский союз, Экономический и валютный союз, зона евро, теория оптимальных валютных зон, европейская интеграция.

В прошлом, 2012 г. исполнилось 10 лет с момента введения единой европейской валюты евро в наличное обращение в 12 государствах-членах ЕС. За это время состав зоны евро пополнился еще пятью странами, а в начале июня этого года Европейская комиссия одобрила переход на евро в Латвии с 1 января 2014 г. На этот период приходится и начало мирового финансового и экономического кризиса и кризиса суверенных долгов европейских стран..

Началом строительства Экономического и валютного союза (ЭВС) принято считать выступление с докладом в 1989 г. председателя Европейской комиссии Жака Делора, в котором говорилось о многочисленных выгодах, которые приносит использование единой валюты. В основе данного доклада были положены выводы из другого исследования «Один рынок, одна валюта» (One Market, One Money) [1], подготовленного группой авторитетных ученых-экономистов. Но первые работы, посвященные идее создания валютных союзов, появились еще в 60-х гг. XX в. и составляют сейчас основу теории оптимальных валютных зон. Согласно основным положениям данной теории, странам имеет смысл объединяться в валютный союз, если между ними существует высокая мобильность трудовых ресурсов (при соответственной гибкости заработных плат) и капиталов, осуществление бюджетных (фискальных) трансфертов (при условии широкой диверсифицированности экономики каждой отдельной страны) и их экономики отличаются высокой степенью открытости.

Примечателен тот факт, что ни одно из положений данной теории не нашло своего отражения в вышеназванном докладе. Сама же зона евро реализовала [2, с. 329–241] и выполняет [3, с.11–14] по большому счету лишь один критерий оптимальности валютной зоны – критерий открытости экономики. Несмотря на все преимущества, которые предоставляет единый внутренний рынок, мобильность трудовых ресурсов в зоне евро остается довольно низкой. Так, в 2008 г. лишь 0,18% рабочего населения ЕС переехали из одного государства-члена ЕС в другое, а в США в тот же год штат проживания сменили 2,8% населения. В ЭВС в 2008 г. фискальные трансферты составили 0,1% ВВП по сравнению с 2,3% ВВП в США. Вопрос о степени мобильности капиталов тоже не столь однозначен. Лишь несколько банков приобрели банки в других странах зоны евро. Несомненно, что остальным критериям означает, что валютный союз не располагает всеми средствами, необходимыми для экономической адаптации, о которых идет речь в теории оптимальной валютной зоны. В таких условиях необходимо проведение общей бюджетно-налоговой политики, большой общий бюджет или общее казначейство (то есть наличие всех тех элементов, на которые опирается естественный валютный союз, как, например, США).

Управление валютным союзом опиралось на три основных элемента: а) требование о выполне-

нии номинальных критериев конвергенции (Маастрихтских критериев) при переходе на евро; б) Европейский центральный банк (ЕЦБ) для проведения единой денежно-кредитной политики; в) Пакт стабильности и роста для поддержания бюджетно-налоговой дисциплины. По сути, успешное функционирование зоны евро должно было быть результатом ответственности со стороны его членов. Во всей системе управления валютным союзом не было заложено ни одного инструмента на случай возникновения той или иной кризисной ситуации. Выполнение Маастрихтских критериев необходимо лишь на стадии подготовки к переходу на евро. Бюджетно-налоговая дисциплина должна была обеспечиваться Пактом стабильности и роста, который в значительной степени был направлен на недопущение появления чрезмерных дефицитов госбюджета и госдолга, но не содержал действенных мер на случай нарушения установленных в нем требований. Более того, в 2003 г. Пакт был серьезно дискредитирован, так как его нарушителями стали Германия и Франция (эти государства имели дефициты госбюджета свыше трехпроцентного потолка на протяжении пяти лет), к которым однако не были применены санкции в рамках процедуры противодействия чрезмерному дефициту госбюджета (решение Совета ЭКОФИН от 25 ноября 2003 г.) [4]. В 2005 г. Пакт был реформирован в сторону смягчения его требований, и уже к 2007 г. величина среднего по зоне евро дефицита госбюджета достигла 6% ВВП, а госдолг возрос до 85% ВВП [5]. Пакт оказался не в состоянии заблаговременно указать на негативную ситуацию с государственными финансами ни в одной из проблемных стран.

В Испании в 2007 г. профицит госбюджета составлял 2% от ВВП, а двумя годами позже – уже дефицит составлял 11% от ВВП. Аналогичная ситуация была и в Ирландии, где бюджет из сбалансированного в 2007 г. стал дефицитным (14% от ВВП) в 2009 г. [5]. Долговой кризис в Греции также подтверждает несостоятельность Пакта в вопросе контроля за предоставляемыми государствами-членами статистическими данными. Греция на протяжении почти 9 лет (с 2000 по 2008 гг.) направляла в Комиссию информацию о средней величине дефицита госбюджета на уровне 2,9% ВВП, хотя на самом деле этот показатель равнялся 5,1% ВВП [6].

В то же время отнюдь не все нынешние проблемы зоны евро связаны с несоблюдением бюджетной дисциплины. На первый взгляд кажется очевидным, что безответственные действия греческого правительства в вопросе формирования и расходования бюджетных средств поставили под угрозу существование всей зоны евро. Но в случае, например, с Испанией и Ирландией это не так. Здесь имеют место недостатки единой денежно-кредитной политики ЕЦБ. При установлении процентной ставки ЕЦБ руководствуется уровнем инфляции, взвешенным по ВВП. В начале 2000-х гг. Германия, Франция и Италия имели низкие, а порой и отрицательные темпы

экономического роста. Вместе с тем на эти страны приходилось 2/3 совокупного ВВП зоны евро.

В таких условиях ЕЦБ начал поступательное снижение процентной ставки с 4,5% в 2001 г. до 2,0% в 2003 г. [7]. В 2006 г. экономический рост в Германии составил 3,7%, во Франции – 2,1%, а в Италии – 2,2% [5]. В других государствах, в частности Испании, Ирландии, Португалии и Греции, начался настоящий экономический бум, так как там изначально были более высокие темпы роста и более высокие показатели внутреннего спроса. Так, в 2006 г. темп экономического роста в Греции составлял 5,5% при внутреннем спросе на уровне 6,9%. В связи с этим один и тот же уровень процентной ставки привел к росту макроэкономических дисбалансов. Если в стране наблюдается высокий внутренний спрос и более высокая инфляция, то реальная процентная ставка окажется ниже после ее дисконтирования с учетом инфляции.

Соответственно в 2006 г. реальная процентная ставка приобрела отрицательные значения в Греции (–1,5%), Ирландии (–0,5%), Португалии (–1%) и Испании (–1,6%) [8, с.27], что привело к строительному буму в Испании и Ирландии и росту государственных расходов в Греции. Одновременно эти страны импортировали в растущих объемах товары из государств «ядра» Евросоюза: Германии, Франции и Италии, чем стимулировали рост в этих странах за счет увеличения экспорта. Единая процентная ставка ЕЦБ в ситуации, когда в странах были различные темпы экономического роста, спровоцировала кредитные бумы, которые и послужили причиной роста задолженности как государственного, так и частного секторов. На это можно возразить, что политика ЕЦБ основана на двух «опорах»: поддержании ценовой стабильности (уровень инфляции в зоне евро не должен превышать 2% в среднесрочной перспективе) и управлении денежной массой (рост денежного агрегата М3 не должен превышать 4,5% в год в среднесрочной перспективе).

Но, несмотря на утвержденную стратегию, его руководство уделяло незначительное внимание оценке ситуации с денежной массой при принятии решений об уровне основной процентной ставки. На протяжении практически семи лет (с 2002 г. до конца 2008 г.) ориентир по росту денежной массы существенно превышал установленный норматив [7]. Для сдерживания перегрева экономики национальные власти могли усилить банковский надзор и/или ужесточить налогового-бюджетную политику. Однако ни того, ни другого сделано не было, а требования Пакта стабильности и роста оказались в итоге слишком гибкими. За все время действия Пакта ни к одному из государств не было применено ни одной из предусмотренных санкций за нарушение бюджетной дисциплины.

Важно отметить, что в целом по зоне евро ситуация с государственными финансами была вполне удовлетворительной вплоть до 2010 г. Величина госдолга по зоне евро, конечно, пре-

вышала 60% от ВВП, но резких скачков не было. Средний показатель дефицита госбюджета также до 2009 г. не превышал 3% от ВВП. В своем выступлении в марте 2008 г. на тот момент председатель ЕЦБ Жан-Клод Трише говорил, что «основные показатели по зоне евро остаются стабильными и экономика зоны евро не испытывает серьезных дисбалансов» [9]. На самом же деле в странах зоны евро нарастали серьезные дисбалансы по счетам текущих операций. В Германии и Нидерландах, например, было положительное сальдо по счету текущих операций, которое в 2007 г. достигло максимальных значений в 7,4% ВВП и 6,7% от ВВП соответственно. А в ныне «проблемных» странах, наоборот, наблюдались дефициты: 14,9% в 2008 г. в Греции, 12,6% в том же году в Португалии и 10% в 2010 г. в Испании [10, с. 99]. Доступность дешевых кредитов приводила к росту государственного и частного потребления и, как следствие, к росту заработной платы. В отсутствие экономического роста это повышало удельные издержки на труд и понижало конкурентоспособность страны.

Турбулентность на финансовых рынках в связи с началом мирового финансового и экономического кризиса усложнила доступ государств и компаний к новым кредитным ресурсам. Как указывает О.В. Буторина, еще одним «проциклическим фактором [кризиса в зоне евро] стала чрезмерная реакция (англ. – overreaction) рынков на нехватку ликвидности и ухудшение положения слабых стран, или попросту бегство капиталов. Как мы помним, по аналогичному сценарию развивался кризис в Юго-Восточной Азии и в России 1997 – 1998 гг. При первых признаках неблагополучия инвесторы начали массированный вывод средств из развивающихся стран, что привело к серии девальваций, дефолтов и банкротств. Если в мировом масштабе «тихой гаванью» были США, то внутри еврозоны ею является Германия» [11]. ЕЦБ пришлось быстро реагировать на новые вызовы и снабжать банки ликвидностью. Но, несмотря на беспрецедентные меры ЕЦБ по предоставлению банкам ликвидности, последние не спешили выдавать новые кредиты представителям небанковского сектора, а, наоборот, предпочитали просто накапливать ликвидность [12].

ЕЦБ также начал приобретать государственные долговые обязательства на вторичном рынке, что не шло вразрез со статьей 123 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС), которая запрещает ЕЦБ «кредитовать счета или предоставлять любой иной вид кредита институтам, органам или учреждениям союза, центральным администрациям». Она также запрещает непосредственное приобретение ЕЦБ или национальными центральными банками у них долговых инструментов». В соответствии с данной статьей, ЕЦБ не может брать на себя функции кредитора последней инстанции. Помимо ЕЦБ, руководство ЕС со своей стороны приступило к реформированию системы контроля за финансовым сектором. В 2009 г. была создана

■ Международные отношения

Европейская система финансового надзора, в которую вошли Европейская банковская организация, Европейская организация страхования и пенсионного обеспечения и Европейская организация по ценным бумагам и финансовым рынкам, а также Европейский совет по системным рискам, находящийся в подчинении ЕЦБ.

В дальнейшем было принято решение о создании Банковского союза, главными элементами которого должны стать: Единый надзорный механизм (Single Supervisory Mechanism), управление которым передается ЕЦБ, и Единый механизм реструктуризации банков (Single Resolution Mechanism). Европейская комиссия должна подготовить предварительный проект организации работы данного механизма к июлю 2013 г. Как особо подчеркивается представителями ЕЦБ, «эта организация должна существовать лишь для реальной реструктуризации, не для предоставления кредитных средств. Последнее – это дело правительств» [13].

Началом кризиса суверенных долгов еврозоны принято считать 2010 г., когда ряд государств оказался не в состоянии обеспечивать свой госдолг и финансировать дефициты госбюджетов. В наихудшей экономической ситуации оказалась Греция, где величина госдолга превысила 100% от ВВП. В течение короткого промежутка времени за ней последовали Испания и Португалия. Европейская комиссия разработала программы помощи этим странам, не обошлось и без предоставления помощи по линии МВФ. Долговые кризисы в этих странах остро обнажили одну из фундаментальных проблем функционирования ЭВС: отсутствие системы фискальных трансфертов между его государствами-членами. Иными словами, целесообразно ли «богатым» странам предоставлять финансовую помощь странам, которые оказались по тем или иным причинам неплатежеспособными (insolvent)?

В отсутствие у ЕС возможности финансировать дефицит своего общего бюджета путем выпуска облигаций (как это происходит в любой стране) означает, что все издержки по преодолению кризиса в «неплатежеспособных» странах лягут на плечи налогоплательщиков в странах – экономических лидерах. Ввиду выборности национальных правительств в государствах-членах принятие решений о поддержке «неплатежеспособных» государств ставит принятие этих мер в зависимость от мнения электората и таким образом усложняет преодоление кризисных явлений в других странах интеграционного объединения.

Поэтому вопрос регулирования и контроля за государственными финансами в валютном союзе должен решаться в рамках так называемого Фискального союза. Примечательно, что сама идея создания Фискального союза появилась задолго до начала кризиса в зоне евро. Бельгийский экономист Поль де Гров в своих работах неоднократно указывал на неустойчивость валютного союза в отсутствие фискального союза, а также на необходимость достижения большей

политической интеграции. Тем не менее лишь реальная угроза выхода отдельных стран из состава зоны евро смогла подтолкнуть европейских лидеров к работе по формированию основ такого союза. Договор о стабильности, координации, управлении в Экономическом и валютном союзе (Фискальный пакт) был подписан в марте 2012 г. 25 государствами членами ЕС за исключением Великобритании и Чехии. В Пакте содержатся требования по поддержанию бюджетно-налоговой дисциплины и инструменты для исправления возникающих дисбалансов.

Серьезным недостатком данного документа считается сохранение номинальных ориентиров по дефицитам госбюджетов, а не переход к структурным критериям [8], которые учитывали бы положение каждой страны на той или иной фазе цикла деловой активности. В рамках Фискального пакта также складывается весьма запутанная система управления и, как следствие, усложняется система принятия решений. При этом есть вероятность возникновения трудностей, связанных с взаимодействием стран зоны евро; стран, не перешедших на евро; стран, не подписавших Пакт. Подобная система, по мнению экспертов из исследовательского центра «Брейгель» [14], несет в себе риск развития трех альтернативных сценариев:

- ЕС «двух скоростей»;
- фрагментация ЕС;
- фрагментация зоны евро или ЕС с «изменяющейся геометрией».

Первый сценарий означает, что все страны зоны евро будут углублять взаимодействие по вопросам, связанным с бюджетно-налоговой политикой и финансовым надзором, т.е. выступать одним блоком в институтах ЕС и даже могут получить квалифицированное большинство в Совете.

Второй сценарий, наоборот, предполагает нежелание стран зоны евро идти по пути углубления интеграции и сохранение, например, функций банковского надзора на национальном уровне, что может привести к фрагментации финансовых рынков и, возможно, даже к фрагментации товарных рынков. Под фрагментацией понимается, в частности, различие в нормах и правилах осуществления деятельности игроков рынка.

В рамках третьего сценария может получить дальнейшее развитие практика подписания межправительственных соглашений различными группами стран из числа ЕС. С одной стороны, третий сценарий несет в себе меньше оснований для возникновения конфликтных ситуаций между государствами-членами, но с другой – нельзя рассчитывать на согласованные действия всех государств-членов ЕС.

Наиболее сложная задача, стоящая перед ЕС, – это создать систему управления побочными результатами (spillover management), то есть систему, которая позволит минимизировать нежелательные последствия от реализации тех или иных способов регулирования, которые могут являться позитивными, например, для стран в ЭВС,

но являться негативными для стран не входящих в него. Нынешний кризис показал, что изменение экономической ситуации в худшую сторону в одной из стран зоны евро способно оказывать серьезное воздействие как на сами страны зоны евро, так и на страны, сохраняющие свою национальную валюту. Поэтому эксперты из центра «Брейгель» предлагают придерживаться достижения следующих целей в процессе принятия решений:

- 1) создание условий для углубления интеграции внутри зоны евро;
- 2) сохранение при надлежащей системе управления равномерной интегрированности всех 27 государств-членов ЕС;
- 3) обеспечение равенства при применении общих норм и правил;
- 4) учет интересов и предложений со стороны стран вне зоны евро при разработке ключевых правил и принципов для зоны евро;
- 5) соблюдение правовой определенности, ответственности и эффективности при возникновении необходимости идти по пути гибкой интеграции ЕС.

Реализация всех вышеназванных инициатив ЕС по преодолению долгового кризиса в зоне евро требует времени. Однако уже сейчас можно примерно оценить первые результаты антикризисных мер. Как уже отмечалось ранее, одной из причин кризиса в зоне евро стало нарастание дефицитов по салдо текущих операций платежного баланса в странах зоны евро, которые стали называть периферийными: Греция, Ирландия, Испания, Португалия и позднее к ним отнесли Кипр и Словению.

На рис. 1 показано, что с 2002 г. разрыв между данными странами и «ядром» зоны евро (остальные страны, не вошедшие в группу «периферийных») нарастал и достиг пиковых значений на конец 2006 г. – начало 2007 г. К концу 2012 г. указанный разрыв существенно сократился, сузился и приблизился к уровню 2002 г. Это свидетельствовало о начале процесса реальной экономической адаптации периферийных стран к новым условиям.

Рис. 1.

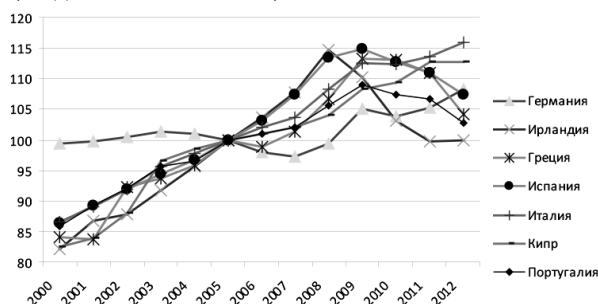
Источник: База данных МВФ и собственные расчеты.

Также наметилось улучшение показателей конкурентоспособности и улучшение конкурентных преимуществ этих стран. Так, индекс реальных затрат на рабочую силу начал сокращаться с середины 2009 г. Как видно на рис. 2, исключение

составляют Италия, Кипр и, что крайне важно, затраты на рабочую силу начали расти в Германии. Безусловно, данный показатель не является единственным при оценке конкурентоспособности страны. Но как уже отмечалось ранее, приток дешевых кредитов после перехода на евро, среди прочего, спровоцировал рост оплаты труда в периферийных странах.

Рис. 2.

Удельные затраты на заработную плату в отдельных странах зоны евро, 2000–2012 гг. (индекс: 2005 = 100%)

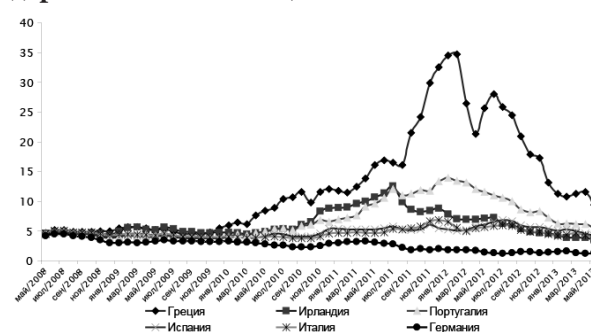

Источник: Евростат и собственные расчеты.

Рынки чутко реагируют на малейшее изменение экономической ситуации в стране, что отражается в изменениях доходности по государственным облигациям. Если игроки на рынке полагают, что экономическая ситуация будет улучшаться, то доходность по этим бумагам будет падать. На рис. 3 отчетливо видно, что на конец мая 2013 г. доходность гособлигаций периферийных стран приближается к показателю Германии. Доходность по греческим облигациям также имеет тенденцию к снижению.

Рис. 3.

Динамика доходности по 10-летним государственным облигациям

Источник: Reuters.

В то же время, несмотря на успехи в адаптации к новым экономическим реалиям в странах, переживающих кризис, говорить о выходе из него пока преждевременно, поскольку улучшение вышеназванных показателей пока не привело к восстановлению экономического роста как в целом по зоне евро, так и на его периферии в частности. Первые признаки экономического роста прогнозируются только на начало 2014 г.

Кризис в зоне евро отчетливо показал, что пренебрежение разработкой инструментов по

■ Международные отношения

антикризисному управлению на стадии создания Экономического и валютного союза стало причиной цепного распространения кризисных явлений среди его участников, необходимости принятия суровых мер бюджетной экономии и наметившегося раскола на «ответственных» и «безответственных» членов зоны евро. Важно, однако, четко представлять, что профициты, так же как и высокая конкурентоспособность, в одних странах являются отражением дефицитов и роста затрат на рабочую силу в других. Реформирование системы управления валютным союзом и усиление интеграции посредством создания Банковского и Фискального союза могут помочь в дальнейшем избежать нарастания экономических дисбалансов между их участниками при условии намерения всех государств-членов ЕС

сохранить единую валюту и нести коллективную ответственность в периоды ухудшения экономической конъюнктуры.

Однако в ближайшем будущем ЕС будет вынужден прибегать только к уже имеющимся в его распоряжении средствам: жесткой бюджетной экономии, помощи МВФ, программам помощи Европейской комиссии, операциям ЕЦБ в рамках его Устава. Предложение по выпуску общеевропейских облигаций не нашло поддержки у европейских лидеров, хотя именно эта мера могла существенно расширить существующий антикризисный инструментарий и принести результаты в краткосрочной перспективе. Анализ макроэкономических показателей по зоне евро показывает, что развитие кризиса удалось затормозить, но говорить о его преодолении еще очень рано.

Список литературы

1. One Market, One Money. European Economy, №44, October, 1990.
2. Baldwin R., Wyplosz C. The economics of European integration. McGraw Hill, 2004. (С. 340–353).
3. The Future of the Euro, report by McKinsey&Company, January 2012.
4. Council Conclusions of 25 November 2003 14492/1/03 REV 1 (en) 2546th Council meeting Economic and Financial Affairs - 25 November, Brussels, 2003.
5. Eurostat statistics database http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database
6. Marzinotto B., Pisani-Ferry J., Sapir A. Two crises, two responses. – Bruegel, 2010.
7. ECB, Monetary and financial statistics <http://www.ecb.int/stats/money/aggregates/aggr/html/index.en.html>
8. de la Dehesa G. A Self-inflicted Crisis?: Design and Management Failures Leading to the Eurozone Crisis. – Group of Thirty, 2012.
9. Jean-Claude Trichet, ECB press conference, Frankfurt, 6 March, 2008. <http://www.ecb.int/press/pressconf/2008/html/index.en.html>
10. Mayer T. Europe's Unfinished Currency: The Political Economics of the Euro. – Anthem Press, 2012.
11. Буторина О.В. Причины и последствия кризиса в зоне евро // "Вопросы экономики", 2012, № 12. С. 98 - 115.
12. De Grauwe P. "How not to be a Lender of Last resort", CEPS Commentary, CEPS, Brussels, March 23, 2012.
13. РИА новости <http://news.mail.ru/economics/12168230/>
14. Pisani-Ferry J., Sapir A., Wolff G. B. The messy rebuilding of Europe. Bruegel Policy Brief 2012/01, March 2012. – 2012.

Об авторе

Цибулина Анна Николаевна – к.э.н., ст. преподаватель. кафедры европейской интеграции МГИМО(У) МИД России. E-mail: aannsavin@hotmail.com

ECONOMIC AND MONETARY UNION: CORRECTION OF FAILURES

A.N. Tsibulina

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with the initial design failures of the European and Monetary Union which could have led to the current sovereign debt crisis of some of its member-states. It touches upon issues such as the Theory of Optimum Currency Areas, economic imbalances and situation with the public finances within the EU. The EU makes efforts to implement new initiatives which could prevent the euro area from future crises while debates remain on the best possible options. These initiatives imply not only deepening of economic integration but also of a political one. Under these circumstances reaching a consensus in EU-27 becomes quite a challenging process and different groupings of countries might appear and this can even more complicate decision-making and functioning of the EU. While the outcome of the reforms is still to be seen in the future, some macroeconomic indicators show that real adjustment process has started in the periphery countries due to urgent measures taken at the EU level. Nonetheless the latter ones have not yet generated what is necessary for a sustained way out of the crisis.*

Key words: European Union, Economic and Monetary Union, Euro Area, Theory of Optimum Currency Areas, European Integration.

References

1. One Market, One Money. European Economy, October 1990, no. 44.
2. Baldwin R., Wyplosz C. The economics of European integration. New York, McGraw-Hill Publ., 2004, pp. 340-353.
3. The Future of the Euro. McKinsey & Company Report, January 2012.
4. 2546th Council Meeting "Economic and Financial Affairs", Brussels, 25 November, 2003. Council Conclusions of 25 November 2003 14492/1/03 REV 1 (en).
5. Eurostat statistics database. Available at: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database.
6. Pisani-Ferry J., Sapir A., Marzinotto B. Two crises, two responses. Bruegel Policy Brief, 2010, no. 1.
7. ECB Monetary and financial statistics. Available at: <http://www.ecb.int/stats/money/aggregates/aggr/html/index.en.html>.
8. de la Dehesa G. A Self-inflicted Crisis? Design and Management Failures Leading to the Eurozone Crisis. Washington, DC, Group of Thirty Publ., 2012. 72 p. (Group of Thirty Occasional Paper, 2012, no. 86,).
9. Jean-Claude Trichet ECB Press Conference, Frankfurt, 6 March, 2008. Available at: <http://www.ecb.int/press/pressconf/2008/html/index.en.html>.
10. Mayer Th. Europe's Unfinished Currency: The Political Economics of the Euro. London, Anthem Press Publ., 2012. 262 p.
11. Butorina O.V. Causes and Consequences of the Euro Area Crisis. Voprosy ekonomiki, 2012, no. 12, pp. 98-115. (in Russ.).
12. De Grauwe P. How not to be a lender of last resort. CEPS Commentary, March 23, 2012. Available at: <http://www.ceps.eu/book/how-not-be-lender-last-resort>.
13. Kniazeva M. ECB: Unified mechanism for EU bank bailout should not pay for their debts. News.Mail.ru, February 28, 2013. Available at: <http://news.mail.ru/economics/12168230/>.
14. Pisani-Ferry J., Sapir A., Wolff G. B. The messy rebuilding of Europe. Bruegel Policy Brief, March 2012, no. 1.

About the author

Anna N. Tsibulina – Senior Lecturer, Department of European Integration, MGIMO-University.
E-mail: annsavin@hotmail.com

ЕВРОПРО КАК НОВЫЙ ФОРМАТ МЕЖДУНАРОДНОЙ КООПЕРАЦИИ США В СФЕРЕ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ

Е.А. Дегтерева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируются усилия США по формированию обширной международной коалиции в сфере ПРО. Приведены основные форматы военного сотрудничества иностранных государств с США в сфере развертывания глобальной системы противоракетной обороны, указаны принципы данного сотрудничества со стороны США. Дан обзор региональных систем ПРО, создаваемых США в качестве промежуточного этапа на пути к глобальной системе ПРО. Особый акцент сделан на реализации Поэтапного адаптивного подхода развертывания противоракетной обороны в Европе и создании ПРО на ТВД стран НАТО (ALTBMD). Указаны основные этапы и мероприятия в рамках данной программы, а также практические сложности, с которыми сталкиваются США и страны Европы при развертывании ПРО в контексте глобального экономического кризиса.

Ключевые слова: противоракетная оборона; ЕвроПРО, поэтапный адаптивный подход, НАТО, ПРО на ТВД стран НАТО (ALTBMD), военное сотрудничество.

С 1983 г. США последовательно наращивают финансирование программы создания противоракетной обороны, с 2002 г. выйдя на ежегодные объемы в 8–9 млрд долл. США [8]. Активизация процесса развертывания ПРО США в 2000-х гг. связана с выходом из Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г. Фактически, администрация Дж.Буша-младшего пошла на беспрецедентный слом всей системы международно-правового контроля в сфере ПРО и смежных областях. Уже созданы два района ПРО с противоракетами наземного базирования (Аляска и Калифорния), на вооружение ВМС США и Японии поступают корабельные противоракетные системы ИДЖИС, модернизируется парк РЛС предупреждения о ракетном нападении. Наиболее активно, с опорой на структуры НАТО, продвигается создание ЕвроПРО.

Объединение систем ПРО европейских членов НАТО в рамках единой системы боевого управления ALTBMD (Active Layered Theater Ballistic Missile Defense) одновременно с реализацией Поэтапного адаптивного подхода США к развертыванию ЕвроПРО, установка американских систем ПРО на Ближнем Востоке и в Восточной Азии являются началом практической реализации плана поэтапного развертывания глобальной противоракетной обороны. Усилия США и других стран НАТО направлены на подрыв существующих основ стратегической стабильности, основанной на концепции гарантированного ядерного уничтожения достижения ассиметричных преимуществ в вопросах развития стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

Во внутренних документах США по ПРО прямо признается: администрация США «будет продолжать отвергать какие-либо договорные ограничения на американскую ПРО» [7] и стремиться «возглавлять международные усилия и активизацию сотрудничества в области ПРО» [7, с.8].

Международные партнеры США по ПРО

С целью снижения затрат и ускорения разработки и развертывания отдельных элементов и подсистем глобальной ПРО в 2000-х гг. американцы предприняли усилия по формированию обширной международной коалиции. С национальными лабораториями и исследовательскими организациями Великобритании, Италии, Израиля, ФРГ, Японии был подписан ряд контрактов на разработку элементов ПРО. В настоящее время сотрудничают с США или ведут официальные переговоры о создании и размещении компонентов ПРО целый ряд стран Европы, Азии и др. (см. табл. 1).

Кроме указанных стран, готовность к сотрудничеству с США в области противоракетной обороны выражают Канада, Мексика, ряд стран Центральной и Восточной Европы, страны Закавказья, Вьетнам, Монголия, Сингапур, Малайзия и др.

Принципы международного сотрудничества США в сфере ПРО

Несмотря на тесную кооперацию при разработке отдельных систем ПРО, США обладают монополией на использование и интеграцию системы в целом, а роль остальных поставщиков сводится в поставке в США недостающих ресурсов и технологий [5, с.105–107], а также на предоставление своей территории для размещения элементов глобальной ПРО. Важную роль играет и политическая составляющая – укрепление единства в рядах военных союзников США (в первую очередь из числа стран НАТО) относительно безальтернативности формирования под руководством США глобальной противоракетной обороны [1, с.15].

США стараются добиться синергетического эффекта, создавая интегрированную систему управления глобальной ПРО, в том числе посредством модернизации систем ПВО и ПРО, ранее поставленных союзникам, и последующего их подключения к единой системе управления ПРО С2ВМС либо обеспечения оперативной совместности с данной системой.

При создании глобальной ПРО и взаимодействии с союзниками в различных регионах мира США руководствуются следующими тремя принципами:

- США работают с союзниками и партнерами для укрепления региональной безопасности на основе тесной кооперации и соответствующего распределения бремени расходов;

- США применяют поэтапный и адаптивный подход к построению ПРО для каждого отдельного региона, учитывающий баланс региональных угроз;

- США делают акцент на разработку мобильных и передвижных средств и систем, сохраняя за собой право перемещать их из одного региона в другой в соответствии со своими национальными интересами [7, с.8, 33–35].

Примечательно стремление США при разработке глобальной ПРО сохранять баланс между индукционным и дедукционным принципами. С одной стороны, многие элементы глобальной ПРО имеют унифицированные системы и централизованно «спускаются» в различные регионы мира. С другой стороны, особое внимание уделяется специфике региональных вызовов и угроз, которые учитываются и закладываются в технические спецификации при развертывании ПРО в отдельных регионах мира. Это позволит создать гибкую систему глобальной ПРО, которая в состоянии реагировать на различные типы угроз.

Как отмечают американские аналитики, в Евразии стремительно увеличиваются ракетные угрозы, развернуты сотни пусковых установок и тысячи ракет, однако 90% из них имеют дальность менее 1 тыс. км. В этой связи США намерены увеличить мощности по производству, а также объемы хранения противоракет ТХААД и SM–3. При этом речь не идет о том, чтобы сбивать каждую ракету потенциального противника в Евра-

■ Воздушно-космическая оборона

зии. Задача заключается в способности защитить важные политические и экономические центры союзников, населенные пункты, военные объекты, функционирование которых критично для победы в локальных конфликтах. Региональные сегменты глобальной ПРО не могут заменить собой систему ПРО территории США, но со временем могут существенно дополнить ее, поскольку в обозримой перспективе угроза ракетного потенциала будет исходить преимущественно из Евразии. Размещаемые на континенте системы ПРО смогут осуществлять перехват данных ракет на начальных участках траектории.

Региональные системы ПРО

В настоящее время США создают региональные системы ПРО в трех регионах мира – в ЕС, в

Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Наиболее далеко продвинулось создание ЕвроПРО, ведь оно опирается на высокий уровень региональной интеграции и организационные структуры НАТО. При том, что в долгосрочной перспективе геополитическое и геоэкономическое значение Европейского региона будет ослабевать, именно Европа является уникальной экспериментальной площадкой для «обкатки» технологий развертывания региональных систем ПРО, при этом частично за счет союзников по НАТО. По мнению НГШ ВС РФ В. Герасимова, такая конфигурация ПРО представляет угрозу для российских стратегических сил, размещенных в любом регионе страны: «Развернутые средства американской ПРО уже сегодня имеют потенциал перехвата российских ракет, а информационная подсистема ПРО США в насто-

Таблица 1

Международная кооперация США в сфере ПРО

Регион	Страна	Сотрудничество в разработке и производстве элементов ПРО	Сотрудничество в развертывании системы ПРО
ВРП	НАТО	Сотрудничество с ALTBMD для достижения оперативной совместимости C2BMC (США) и ALTBMD (НАТО)	
	Великобритания	Соглашения о совместных проектах по разработке элементов ПРО	Рамочный партнер по ПРО (BMD); РЛС раннего предупреждения в Файлингдейлс
	Дания		Рамочный партнер по ПРО (BMD); РЛС раннего предупреждения в Туле (Гренландия)
	Испания		Размещение кораблей с системами ПРО для поддержки усилий НАТО в сфере ПРО
	Италия		Рамочный партнер по ПРО (BMD)
	Нидерланды	Разработка ПРО морского базирования	Установлены комплексы ЗРК «Patriot» PAC-3
	Польша		Размещение систем ИДЖИС наземного базирования
	Румыния		Размещение систем ИДЖИС наземного базирования
	Турция		Передвижной радар AN/TPY-2
	Франция	Обсуждается	
	ФРГ		Установлены комплексы ЗРК «Patriot» PAC-3
	Чехия	Совместные проекты НИОКР в области ПРО	Рамочный партнер по ПРО (BMD)
Ближний Восток	Бахрейн	Обсуждается	
	Израиль	Модернизация противоракет Arrow; разработка систем ПРО малого радиуса действия	Противоракеты Arrow
	Катар	Обсуждается	
	Кувейт	Обсуждается	
	Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)		В рамках программы военных закупок приобретение комплексов ТХААД и ЗРК «Patriot» PAC-3
	Саудовская Аравия		Приобретены комплексы ЗРК «Patriot» PAC-3
Азия	Австралия	Соглашения о совместных проектах по разработке элементов ПРО	Рамочный партнер по ПРО (BMD)
	Республика Корея	Обсуждается	
	Япония	Разработка 21-дюймовых противоракет	Рамочный партнер по ПРО (BMD); передвижной радар AN/TPY-2; 4 корабля с системами ИДЖИС

Источник: US Missile Defense Agency. - http://www.mda.mil/system/international_cooperation.html

ящее время обеспечивает охват всей территории России» [6, с.57].

В Восточной Азии сложно говорить о подлинно региональной противоракетной обороне, скорее речь идет о ряде двусторонних соглашений США по ПРО. В первую очередь, развивается двустороннее сотрудничество с Японией, в меньшей степени – с Южной Кореей и КНР. Также набирает обороты взаимодействие с Австралией. Значение данного региона будет нарастать в контексте стратегии регионального и глобального сдерживания КНР со стороны США и ее союзников. Представляется, что ракетная угроза со стороны КНДР – это краткосрочная цель развития систем ПРО в регионе. В долгосрочном периоде речь идет о возможности перехвата МБР, запущенных с территории КНР, на начальных участках траектории.

Развитие систем ПРО на Ближнем Востоке, в особенности в Израиле, имеет особое значение в контексте обострения внутривосточной ситуации в Сирии и нагнетания международной напряженности вокруг Ирана. Высокая роль систем ПРО, создаваемых США в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), в том числе в Саудовской Аравии, ОАЭ, Катаре, Бахрейне, Кувейте, обусловлена как геоэкономическими причинами, так и наличием значительных американских военных баз на данной территории.

Планы США в отношении региональных систем ПРО подвержены периодам «турбулентности», ревизии ранее принятых решений и договоренностей. Наиболее существенным в этой связи является отказ от создания в Европе третьего позиционного района ПРО (после Аляски и Калифорнии). Причин пересмотра плана 2007 г. несколько. Это и разработка более эффективных и экономичных противоракет SM-3 (взамен традиционных ГБИ), и переход к более эволюционному развитию ЕвроПРО с постепенным расширением и

оптимизацией архитектуры системы, а также ставка на использование пространственно-распределенных передвижных комплексов.

Поэтапный адаптивный подход

Планы создания ПРО в Европе в настоящее время концептуализированы в виде Поэтапного адаптивного подхода развертывания противоракетной обороны в Европе (The Phased Adaptive Approach for Missile Defense in Europe, European Phased Adaptive Approach, ЕРАА) [9], который согласно первоначальным декларациям направлен на защиту союзников по НАТО от иранской ядерной угрозы. Подготовленная Минобороны США и Объединенным комитетом начальников штабов программа была одобрена президентом Б.Обамой в сентябре 2009 г. и включала в себя четыре основных этапа (см. табл. 2).

В марте 2013 г. в ответ на запуск ракеты КНДР США заявили об отказе от развертывания 4-го этапа ПРО в Европе и намерении установить взамен дополнительные 14 перехватчиков на базе «Форт Грили» (Аляска), разместить в Японии дополнительную РЛС ТРУ-2, а также начать подготовительные работы по созданию третьего района ПРО (противоракеты шахтного базирования) на Восточном побережье США [2]. Представляется, что, как и в случае с решением НАТО о размещении ПЗРК «Пэтриот» на турецко-сирийской границе в ответ на обострение внутривосточной ситуации в Сирии в 2012–2013 гг., речь идет об использовании локальных конфликтов и напряженностей как поводов для оправдания дальнейшего развертывания элементов глобальной ПРО США.

ЕвроПРО – в интересах Европы или США?

США стремятся показать своим европейским союзникам, что ЕвроПРО создается в первую очередь для обеспечения европейской безопасности. С этой целью, например, они привязали четыре

Таблица 2

Поэтапный адаптивный подход развертывания ПРО в Европе

Этап, годы	Ракетные платформы и их количество	Модификация противоракет SM-3 и их количество	Радары и боевые системы
1-й (2011 г.) Выполнен	В марте 2011 г. в Средиземное море вышел крейсер «Монтерей» с системой ИДЖИС. В 2012 фин. году количество кораблей США с системой ИДЖИС будет доведено до 29.	В 2012 фин. году будет поставлено 113 противоракет SM-3 мод. 1А и 16 противоракет мод. 1В. Продолжают использоваться также SM-2 мод. IV.	Используются РЛС в рамках систем ИДЖИС морского базирования, наземные передвижные РЛС передового базирования AN/ТРУ-2 (в 2011 г. установлена в Турции). РЛС и перехватчики интегрированы в рамках системы ИДЖИС 3.6.1.
2-й (до 2015 г.)	В Румынии будут развернуты системы ИДЖИС наземного базирования (1 радар SPY-1 и 24 противоракеты SM-3).	Упор будет сделан на противоракету SM-3 мод. 1В, которых будет закуплено 100 шт.	Будут использоваться усовершенствованные версии систем ИДЖИС (4.0.1 и 5.0).
3-й (до 2018 г.)	Будет установлен еще один наземный комплекс ИДЖИС в Польше схожей комплектации. Количество кораблей США с ИДЖИС будет доведено до 32.	Принятие на вооружение 19 противоракет SM-3 мод. 2А позволит защитить от ракетной угрозы почти всю территорию Европы.	Будет развернута космическая система корректировки траектории (Precision Tracking Space System, PTSS) и система инфракрасного обнаружения (AirBorne Infrared, ABIR). Будет использоваться система ИДЖИС 5.1.
4-й (до 2020 г.) Отменен	Будет осуществлена модернизация двух наземных комплексов ПРО в Польше и Румынии, а также систем ПРО морского базирования.	Будут приняты на вооружение ракеты SM-3 мод. 2В (количество пока не определено).	Ключевую роль станут играть радары космического базирования.

Источник: US Missile Defense Agency. Public Release 11/2012 13-MDA-7128 (15 January 2013). - <http://www.mda.mil/system/paa.html>; Collina T. The European Phased Adaptive Approach at a Glance. Arms Control, February 2013. - <http://www.armscontrol.org/factsheets/Phasedadaptiveapproach>

■ Воздушно-космическая оборона

этапа модернизации зенитной управляемой ракеты «Стандарт-3» (Standard Missile-3, SM-3), предназначенной для заатмосферного перехвата на среднем участке полета баллистических ракет малой и средней дальности, к реализации Поэтапного адаптивного подхода (см. рис. 1). Противоракеты SM-3 развиваются по модификациям («блокам») 1А, 1В, 2А, 2В, позволяя поэтапно улучшать эффективность системы ИДЖИС-ПРО. Каждая из модификаций разрабатывается в рамках соответствующего этапа адаптивного подхода.

Данный факт выступает дополнительным аргументом на переговорах по разделению финансового бремени на развертывание ЕвроПРО.

Другим шагом, призванным подчеркнуть, что создание системы ЕвроПРО – это настоятельная потребность самих европейцев, являются усилия НАТО по программе создания активной эшелонированной системы боевого управления ПРО на ТВД стран НАТО – ALTBMD (Active Layered Theater Ballistic Missile Defense). Данная программа, начатая в 2005 г., предполагает интеграцию радаров и противоракетных систем стран НАТО в единую систему. Предупреждение о ракетном пуске, которое получит ПРО одной из стран альянса, будет передана системам управления противоракетами в других странах НАТО. На американской авиабазе Рамштайн в ФРГ открыт Центр управления ПРО ALTBMD на основе американской информационной системы C2BMC.

Союзники США по НАТО теперь могут участвовать как в развитии программы ALTBMD, так и принимая на своей территории элементы американской ПРО либо комбинируя оба варианта. Гибкая совместимая конструкция ALTBMD-ЕРАА позволяет органично вписать ПРО стран Европы в глобальную систему ПРО, создаваемую США, и разделить финансовое бремя расходов на ее развертывание.

Создание противоракетной обороны стран НАТО приобретает особое значение в контексте расположения зоны ответственности альянса. В современной стратегии НАТО институтирована политика новых азимутов вне атлантической зоны ответственности, «свобода рук» в географических координатах от Японии до Австралии и Новой Зеландии. К политике «эффективного и гибкого партнерства», своего рода «инновационной системе» в рамках продвигаемой доктрины «кооперативной безопасности», предполагается подключить эвентуальных партнеров по всему миру, включая Монголию» [3, с.3].

Разногласия США и европейских партнеров

В настоящее время между союзниками по НАТО идут достаточно ожесточенные дебаты относительно справедливого распределения финансового бремени, в том числе по вопросам разработки новых вооружений и военной техники. Доля США в финансировании расходов

Рис. 1.

Эволюция противоракеты «Стандарт-3» (SM-3) противоракетной системы ИДЖИС-ПРО

Мод. 1А (1-й этап, выполнен)	Мод. 1В (2-й этап)	Мод. 2А (3-й этап)	Мод. 2В4 (4-й этап, отменен)
Боевая часть -1- цветной датчик – система DACS	Боевая часть -2- цветной датчик – DACS – сигнал. процессор	Крупнокалиберная боевая часть (21 дюйм) – DACS – диффер. датчик	Улучшенная боевая часть
Ступени 2 и 3: 13,5 дюймов	Ступени 2 и 3: 13,5 дюймов	Ступени 2 и 3: 21 дюйм	Ступень 2: 21 дюйм
Ступень 1 – Двигатель МК-72 – Система верт. пуска МК-41	Ступень 1 – Двигатель МК-72 – Система верт. пуска МК-41	Ступень 1 – Двигатель МК-72 – Система верт. пуска МК-41	Ступень 1 Двигатель МК-72

Источник: Обзорный доклад министерства обороны США по программе ПРО (Ballistic Missile Defense Review Report), февраль 2010. Перевод с англ. Кубышкин А.В., Степанов В.М. М.: ФГУП «Институт стратегической стабильности», Госкорпорация по атомной энергии «Росатом», 2010. С.31. «Росатом», 2010. с.31.

НАТО из-за финансово-экономического кризиса, особенно остро затронувшего страны ЕС, непрерывно растет. Кроме того, военно-политические решения американского руководства в отношении союзников в ряде случаев, как представляется, не совсем последовательны и связаны, по-видимому, с конкуренцией между крупнейшими оборонными подрядчиками. Так, в 2012 г. США отказались от продолжения программы МЕАДС (Medium Extended Air Defense System, MEADS) по разработке систем для поражения воздушных целей, которые могли бы прийти на замену ПЗРК «Пэтриот», не желая финансировать последний год разработки системы в размере 400,9 млн долл. США. В программе с 2005 г. участвовали США (58% финансирования, компания Lockheed Martin), ФРГ (25% финансирования, компания EADS) и Италия (17% финансирования, компания Alenia Marconi). На программу было истрачено более 4 млрд долл. США, в ее рамках одновременно работало до 2 тыс. человек.

Альтернатива данной программе от другого подрядчика Пентагона, компании Raytheon, заключается в дальнейшей модернизации ПЗРК «Пэтриот», стоящего на вооружении с 1982 г. Отказ США от участия в программе делает неопределенным ее перспективы, ведь предполагалось развернуть системы МЕАДС не только в рамках ЕвроПРО, но и в ряде стран Восточной Азии. «Непартнерская» позиция США вызвала недоумение ФРГ и Италии, которые потратили значительные финансы на разработку данной системы. Данный пример наглядно показал, что США ставят интересы собственного ВПК и бюджетные ограничения выше союзнических обязательств.

По мере дальнейшего сокращения военных расходов в США и странах ЕС в ближайшие 3–5 лет ситуации подобного рода будут возникать все чаще [4, с.9–10]. Критическая масса таких «недоразумений» в рядах союзников по НАТО увеличивает вероятность их сотрудничества (в первую очередь ФРГ и Италии) с Российской Федерацией в военной сфере.

Список литературы

1. Анин А. ПРО США – подрывающий доверие потенциал // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 3.
2. Белянинов К., Черненко Е. США меняют прописку ПРО // Газета «Коммерсантъ». №45/П (5076). 18.03.2013. – <http://www.kommersant.ru/doc-y/2148848>
3. Воронин Е.Р. Отношения Россия–НАТО: состояние и перспективы. Аналитическая записка ИМИ МГИМО. 2012. Декабрь.
4. Дегтерева Е.А. Особенности промышленной консолидации в ВПК США и оборонном секторе Европейского союза // Вестник Концерна ПВО «Алмаз–Антей». 2013. №1.
5. Дегтерева Е.А. Особенности военно-политических решений при угрозе национальной безопасности США (на примере кризиса на рынке редкоземельных металлов) // США и Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 8. С.105–112.
6. Козин В. Точка невозврата // Вестник Концерна ПВО «Алмаз–Антей». 2012. № 2.
7. Обзорный доклад Министерства обороны США по программе ПРО (Ballistic Missile Defense Review Report), февраль 2010. Пер. с англ. Кубышкин А.В., Степанов В.М. М.: ФГУП «Институт стратегической стабильности», Госкорпорация по атомной энергии «Росатом», 2010.
8. Подберезкин А.И. Евразийская воздушно–космическая оборона идея и проект // Вестник МГИМО–Университета. 2012. № 6. С. 61–67.
9. Официальный сайт Агентства США по ПРО, 2012. – <http://www.mda.mil/system/paa.html>

Об авторе

Дегтерева Екатерина Андреевна – к.э.н., доцент кафедры мировой экономики, ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО(У) МИД России. E-mail: degseb@mail.ru

EUROPEAN MISSILE DEFENSE AS A NEW FORM OF INTERNATIONAL COOPERATION OF USA ON MISSILE DEFENSE

E.A. Degtereva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *This article examines U.S. efforts to build a broad international coalition in the area of missile defense. The basic formats of military cooperation with foreign countries in the deployment of the U.S. global missile defense system are described, as well as the principles of cooperation on the part of the United States. A review of the regional missile defense systems created by the United States as an intermediate step on the way to a global missile defense system is provided. Particular emphasis is placed on the implementation of The Phased Adaptive Approach for Missile Defense in Europe (European Phased Adaptive Approach, EPAA) and the creation of Active Layered Theater Ballistic Missile Defense (ALTBMD). Specified milestones and activities under the program, as well as the practical difficulties faced by the U.S. and European countries to deploy missile defense in the context of the global economic crisis are analyzed.*

Key words: Missile Defense; European Missile Defense; Phased Adaptive Approach; NATO; Active Layered Theater Ballistic Missile Defense (ALTBMD); Military Cooperation.

References

1. Anin A. US Antimissile defense – The potential of undermining confidence. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations], 2012, no. 3, pp. 12-19. (in Russ.).
2. Belianinov K., Chernenko E. US Antimissile defense changes residence. *Kommersant*, March 18, 2013, no. 45/P (5076). Available at: <http://www.kommersant.ru/doc-y/2148848>. (in Russ.).
3. Voronin E.R. NATO – Russia relations: Status and prospects. Analytical note of the Institute of International Research, MGIMO University. December 2012. (in Russ.).
4. Degtereva E.A. Features of industry consolidation of the U.S. and EU defense sector. *Vestnik Kontserna PVO "Almaz-Antei"* [Bulletin of "Almaz-Antei" Air Defense Concern], 2013, no. 1. (in Russ.).
5. Degtereva E.A. Characteristics of decision-making in the context of U.S. national security threats (the case of the crisis at the rare-earth metals market). *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA vs Canada: Economics, Politics, Culture], 2012, no. 8, pp. 105-112. (in Russ.).
6. Kozin V. Point of no return. *Vestnik Kontserna PVO "Almaz-Antei"* [Bulletin of "Almaz-Antei" Air Defense Concern], 2012, no. 2. (in Russ.).
7. Ballistic Missile Defense Review Report, February 2010. USA Department of defense. (Russ. ed.: *Obzornyi doklad Ministerstva oborony SShA po programme PRO*. Moscow, Inst. of Strategic Stability, State Corp. for Atomic Energy "Rosatom" Publ., 2010.).
8. Podberezkin A.I. Eurasian aerospace defense: Design and concept. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University], 2012, no. 6, pp. 61-67. (in Russ.).
9. Missile Defense Agency, 2012. Available at: <http://www.mda.mil/system/paa.html>

About the author

Ekaterina A. Degtereva – Phd in Economics, Associate Professor of Department of world economy, Expert of the Centre of military-political research of MGIMO University. E-mail: degseb@mail.ru

О РАЗВИТИИ МЕР ДОВЕРИЯ И ТРАНСПАРЕНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.Ю. Малов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....

Статья посвящена анализу роли и значения мер транспарентности и доверия (МТД) в отношении космической деятельности. Подробно рассматриваются в целом место МТД в международных договоренностях в различных сферах, а также особенности выработки и осуществления МТД для обеспечения безопасности космической деятельности (меры транспарентности и доверия в космосе – МТДК). Анализируется история вопроса, значение продвижения проблематики для подготовки условий, позволяющих практически добиваться предотвращения размещения оружия в космосе, даются прогнозы в отношении возможных итогов работы Группы правительственных экспертов по выработке МТДК в космосе, действующей под эгидой ООН. Российские эксперты в настоящее время продолжают работу над обобщением и классификацией конкретных МТДК в форме проекта каталога мер по обеспечению транспарентности и доверия в космической деятельности. В случае его реализации он мог бы стать компонентом исследований, представляемых в доклад Генерального секретаря Генеральной Ассамблеи на ее шестьдесят восьмой сессии во исполнение резолюции 65/68 8 декабря 2010 г. Такой каталог явился бы систематизированным сводом МТДК, предназначенных для использования в международной практике на добровольной основе. Он мог бы содержать основные сведения о МТДК: их структуре по целевой направленности; категориях МТДК; информационном паспорте каждой меры – наименовании, предназначении, содержании, сфере применения, формате, порядке осуществления, вопросах, решение которых необходимо для ее реализации; возможных формах использования МТДК на односторонней, двусторонней и многосторонней основе с помощью соответствующих механизмов и процедур, являющихся предметом согласования между государствами, выразившими желание использовать МТДК применительно к своей космической деятельности.

.....

Ключевые слова: меры транспарентности и доверия в космосе, безопасность космической деятельности, предотвращение гонки вооружений в космосе, меры верификации, неразмещение первыми оружия в космосе.

■ Воздушно-космическая оборона

Создание и поддержание благоприятных условий для космической деятельности – безопасность космической деятельности (БКД), – стало в последние годы серьезной международной проблемой. Эта проблема возникла, на наш взгляд, в результате складывающейся вокруг космической деятельности ситуации, которая формируется под влиянием нескольких ключевых факторов:

- техногенной обстановки в космическом пространстве;
- вызовов и угроз в отношении космических аппаратов и их наземной инфраструктуры;
- космической политики государств.

Понятие «безопасность космической деятельности» охватывает военный и техногенный аспекты, а также вопросы, связанные с обеспечением безопасности космической деятельности для Земли и ее воздушного пространства. Прежде всего, речь идет о неприменении силы или угрозы силой в отношении космических аппаратов, в том числе оружия любого вида, разного рода физических и радиоэлектронных помех. Очевидным вызовом является возможность использования оружия из космоса для уничтожения, повреждения или нарушения нормального функционирования объектов на поверхности Земли или в ее воздушном пространстве, компонентов биосферы, важных для существования человека. Поэтому безопасность в самом космическом пространстве целесообразно рассматривать лишь как составную часть «безопасности космической деятельности» [5]. Кроме того, нельзя забывать и об угрозе возникновения опасных ситуаций, связанных с ростом техногенной засоренности космического пространства.

К техногенному фактору также относится угроза неуправляемого спуска космических объектов или фрагментов космического мусора с орбиты на Землю, аварийных ситуаций на борту космических аппаратов с ядерным источником энергии, неудачных запусков космических аппаратов и падений ступеней ракеты-носителя и полезной нагрузки вне зон отчужденной территории. Таким образом, понятие «безопасность космической деятельности» призвано иметь широкий охват и отражать все стороны данной проблемы. Только комплексное рассмотрение всех факторов, влияющих на БКД, может дать реальную картину, складывающуюся в контексте обеспечения безопасности космической деятельности [3].

Во-первых, для современной техногенной обстановки в космическом пространстве характерны две тенденции:

- все возрастающая перегруженность космоса различными объектами;
- объективная уязвимость космических систем.

Перегруженность орбитального пространства бесспорно осложняет космическую деятельность и создает предпосылки для возникновения опасных ситуаций разного рода. При этом космические аппараты и инфраструктура по обеспечению их функционирования постоянно сталкиваются с техногенными явлениями, которые могут препятство-

вать их применению или серьезно ухудшать возможность эксплуатации. Естественно, возрастает и риск использования уязвимых мест космических систем во враждебных целях.

Во-вторых, все без исключения вызовы и угрозы БКД так или иначе связаны с возможным созданием оружейных и иных силовых средств воздействия на КА и наземную инфраструктуру. Среди таких потенциальных средств воздействия можно назвать:

- постановку помех космическим системам связи и навигации, космическим аппаратам радио- и радиотехнической разведки, системам радиолокационного обзора земной поверхности;
- лазерное ослепление датчиков космических аппаратов;
- разрушение космических аппаратов силовым лазерным излучением;
- поражение космических аппаратов противоспутниковыми системами;
- любые иные враждебные действия на орбите;
- повреждение или уничтожение объектов наземной инфраструктуры, обеспечивающей функционирование космических систем;
- испытание в космосе оружия, не являющегося оружием массового уничтожения.

Все эти угрозы вполне реальны, хотя степень их технической реализуемости неодинакова. Кроме того, мотивация целенаправленного боевого применения остается неоднозначной. При этом следует иметь в виду, что исследования по таким видам оружия продолжаются, проводятся и испытания соответствующих технологий как в наземных условиях, так и по отдельным направлениям – в условиях космоса.

Созданию оружейных средств противодействия космическим системам способствуют пробелы современного международного космического права. Существующая нормативная база регулирует далеко не все аспекты использования космического пространства в военных целях. Представляется, что этого недостаточно для предотвращения размещения оружия в космосе. Договором 1967 г. запрещается размещать в космическом пространстве лишь оружие массового уничтожения. Размещение иных видов оружия не запрещается. Такая ситуация потенциально опасна и порождает ситуации, при которых вызовы БКД могут перерасти во вполне реальные угрозы [3].

Все это усугубляется и тем, что космическое оружие объективно имеет такие свойства, как глобальность действия, высокая степень готовности к применению, возможность внезапного и скрытного воздействия на космические, наземные, морские и воздушные объекты. Космическое оружие, обладая способностью к избирательному действию, могло бы стать оружием реального применения. В свою очередь, возможность появления оружия в космосе ведет к подозрительности и напряженности в межгосударственных отношениях, нарушает климат взаимного доверия и сотрудничества в освоении космоса и в итоге

создает предпосылки дестабилизации стратегической обстановки. При этом государства подталкиваются к симметричным или асимметричным ответным мерам [1].

Становится все более очевидным, что задачу обеспечения безопасности космической деятельности невозможно рассматривать в отрыве от решения проблемы предотвращения размещения оружия в космосе. Для оценки перспектив развития потенциальных мер противодействия космическим системам, на наш взгляд, уместно использовать эволюционный подход – на основе анализа критериев перерастания вызовов в угрозы в сфере безопасности космической деятельности. В основу наших оценок мы положили категоризацию вызовов и угроз по военно-техническим видам и эволюцию по фазам эскалации. По такой схеме могут быть проанализированы все возможные вызовы и угрозы и определено реальное состояние дел в настоящее время и на перспективу. Эволюция отображается фазами эскалации: вызов отсутствует; вызов существует; угроза существует; угроза реализуется. Существование каждой фазы выражается показателями: содержание фазы; характер вызова/угрозы; характер военно-политических отношений между государствами; стратегическая обстановка в космическом пространстве.

В-третьих, необходимо тщательно учитывать космическую политику и стратегию государств, а также их реальные политические и военно-стратегические устремления.

В целом же оценка вызовов и угроз безопасности космической деятельности требует постоянного обновления и уточнения с учетом динамики конкретных событий в этой области.

Меры транспарентности и доверия в космической деятельности

Актуальность проблематики БКД, рост реальных и потенциальных вызовов в этой сфере и их перерастание в угрозы настоятельно требуют выработку и применения мер транспарентности и доверия в космической деятельности. В период после завершения в 1993 г. исследования Группы правительственных экспертов ООН о применении мер по укреплению доверия в космическом пространстве освоение космоса проходило в условиях, характеризующихся существенными изменениями в политической, технологической ситуации и сфере безопасности применительно к космической деятельности.

Всю совокупность этих изменений можно охарактеризовать как интенсивное развитие космических программ, зарождение проблемы безопасности осуществления космической деятельности и эволюцию техногенной обстановки в космическом пространстве. Возросло количество государств и коммерческих операторов, обладающих космическими технологиями, имеющих собственные космические программы или программы сотрудничества в космической области, что отражает сформировавшуюся зависимость

международного сообщества от тех возможностей, которые предоставляют в настоящее время космические средства, и одновременно повышает конкурентную борьбу с космосе.

Космическая политика государств в ряде случаев может становиться следствием их политических и военно-стратегических устремлений. Нарастают признаки намерений обрести военно-политическое доминирование в космосе, обладать технологиями противодействия использованию космических систем, технологиями оружейных средств космического базирования. Весьма показательна в этой связи вступившая в силу 18 октября 2012 г. директива минобороны США «Космическая политика», заменившая соответствующий документ от 9 июля 1999 г. В документе, в частности, подчеркивается, что устойчивость и стабильность космической обстановки наравне со свободными доступом в космос и его использованием являются жизненно важными для национальных интересов США. Преднамеренное вмешательство в работу американских космических систем, включая их обеспечивающую инфраструктуру, будет рассматриваться как нарушение прав США. Заявляется, что США сохраняют за собой право на ответные действия в любое время и в любом месте по своему усмотрению.

В настоящее время существует обширный спектр потенциальных мер в отношении космических средств и их наземной инфраструктуры: миниатюризация и маскировка космических объектов, постановка помех космическим системам связи, навигации, разведывательным космическим аппаратам (КА) с РЛС бокового обзора; ослепление датчиков КА лазерами; разрушение КА силовым лазерным излучением; поражение КА противоспутниковыми средствами наземного, морского и воздушного базирования; враждебные действия на орбите; повреждение или уничтожение объектов наземной инфраструктуры космических систем; испытания в космосе оружия, не являющегося оружием массового уничтожения.

В технологическом аспекте такие меры являются возможными, в ряде случаев уже освоенными и представляют собой, по существу, вызовы и угрозы безопасности осуществления космической деятельности, что совместно с техногенной обстановкой в космическом пространстве становится в настоящее время серьезной международной проблемой. В концептуальном аспекте необходимо учитывать и возможность использования оружейных средств космического базирования для уничтожения, повреждения или нарушения нормального функционирования объектов на поверхности Земли, в ее воздушном и космическом пространстве. А также для уничтожения населения, компонентов биосферы, важных для существования человека, или нанесения им ущерба, что отражает другую сторону космической деятельности – исходящую от нее потенциальную угрозу [2].

Воздушно-космическая оборона

Эволюция мер противодействия космическим системам (перерастания вызова в угрозу в сфере безопасности космической деятельности)

Категоризация вызовов и угроз в сфере безопасности космической деятельности	Негативные последствия	Степень эскалации
Возрастание количества государств, использующих космические средства	Перегруженность космического пространства	Вызов отсутствует
	Возрастание риска использования уязвимых мест космических систем во враждебных целях	Вызов существует
Стремление закрепить или войти в категорию «запускающих государств»	Стремление к приобретению возможностей противодействия космическим системам (Иран, КНДР)	Вызов существует
	Стремление к приобретению потенциала для реализации национальных интересов в области освоения космоса (Бразилия, ЮАР)	Вызов отсутствует
Расширение областей использования космических средств (научно-исследовательская, экономическая, военная, коммерческая, двойное назначение, пилотируемая космонавтика)	Стремление «запускающих государств» к обеспечению сохранности космической собственности, в том числе силовыми методами	Вызов существует
Официально выраженные цели и задачи космической политики и стратегии государства	Озабоченность государства обеспечением сохранности космической собственности, в том числе сохранение права на ответные меры самообороны	Вызов существует
Маскировка целей	Может использоваться государствами, не ограниченными обязательствами по контролю международными договорами, для маскировки объектов от наблюдения аппаратами контроля и разведки	Вызов существует
Постановка помех космическим системам связи, навигации, радио и радиотехнической разведки, радиолокационного наблюдения земной поверхности	Имеющиеся инциденты с возникновением помех космическим аппаратам связи	Угроза существует
	Существующая возможность постановки помех приемным устройствам пользователей космических навигационных систем	Вызов существует
Лазерное облучение	Возможность использования существующих технологий лазерных дальномеров для временного или постоянного ослепления датчиков космических аппаратов	Вызов существует
	Возможность использования результатов исследований, разработок и испытаний в области высокоэнергетических лазеров в целях создания средств разрушения космических аппаратов	Вызов существует
Противоспутниковые системы	Возможность создания противоспутниковых систем прямого перехвата на основе космических ракет-носителей или баллистических ракет средней дальности	Вызов существует
	Возможность использования для создания противоспутниковых систем разрабатываемых технологий космических аппаратов инспекции, обслуживания и удаления из космоса фрагментов космического мусора	Вызов отсутствует
Враждебные действия на орбите	Разного рода действия, препятствующие применению космической техники или ухудшающие условия ее эксплуатации (умышленные опасные сближения, использование микроспутников для решения задач инспекции и др.)	Вызов существует
Повреждение или уничтожение объектов наземной инфраструктуры космических систем	Может быть использовано в условиях военных действий или терактов	Вызов существует
Испытания в космосе оружия, не являющегося оружием массового уничтожения	Побуждение других государств к созданию симметричных или асимметричных оружейных средств	Вызов существует
	Опасность новообразования космического мусора	Вызов существует

Техногенная среда космического пространства формируется под влиянием все большей перегруженности космоса различными объектами, и это, как следствие, стало создавать широкий спектр опасностей для космических систем и их обеспечивающей инфраструктуры. В их числе – техногенные ситуации, которые могут препятствовать применению космической техники, ухудшать условия ее эксплуатации, повышать вероятность взаимных радиопомех, создавать ложную информацию (ложные цели), вести к повреждению или уничтожению космических средств в результате их столкновений между собой или с фрагментами космического мусора [1]. В связи с этим возрастает риск использования уязвимых мест космических систем во враждебных целях.

Примерами таких ситуаций могут быть:

- столкновение российского космического аппарата «Космос-2251» и американского «Иридиум-33» 10 февраля 2009 г;
- многократные уклонения (маневры) международной космической станции от опасных сближений с фрагментами космического мусора;
- периодически происходящие опасные сближения космических аппаратов разных государств, в том числе и России, с другими космическими объектами на расстоянии от нескольких километров до нескольких десятков метров.

Техногенно опасные ситуации возникают и в отношении поверхности Земли и ее воздушного пространства. Они связаны:

- с неуправляемым аварийным спуском космических объектов или фрагментов космического мусора с орбиты на Землю;
- с аварийной ситуацией на борту космического аппарата с ядерным источником энергии, если появляется опасность возвращения радиоактивных материалов на поверхность Земли;
- с неудачным запуском космических объектов и падением ступеней космической ракеты-носителя и полезной нагрузки вне зон отчужденной территории.

Примером техногенно опасной ситуации в отношении поверхности Земли и ее воздушного пространства может быть неуправляемый полет вышедшего из-под контроля американского разведывательного космического аппарата с большим запасом высокотоксичного топлива, который мог бы войти в плотные слои атмосферы и разрушиться. Крупногабаритные фрагменты космического аппарата, не сгоревшие в атмосфере, достигли бы поверхности Земли и причинили ущерб. Космический аппарат был уничтожен 21 февраля 2008 г. ракетой-перехватчиком ПРО. Его фрагменты вошли в плотные слои атмосферы и сгорели.

Применение мер транспарентности и доверия в отношении космической деятельности (МТДК) – вопрос не новый. МТДК уже достаточно давно признаны в мире важным компонентом ее международно-правового поля. Меры транспарентности и доверия (МТД) в той или иной форме уже используются в ряде международных договоренностей, касающихся космического простран-

ства: Договоре по космосу 1967 г.; Соглашении о спасании космонавтов 1968 г.; Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 г.; Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, 1975 г. Этими договоренностями предусматривается в числе прочего:

- информирование в максимально возможной и практически осуществимой степени Генерального секретаря ООН, общественности и международного научного сообщества о характере, ходе и результатах деятельности в космическом пространстве;
- предоставление данных о запущенных космических объектах и космических объектах, прекративших свое существование на орбитах либо изменивших ранее объявленную орбиту;
- сотрудничество в совместном решении возникающих проблем и другое [3].

Все эти меры не являлись всеобъемлющими как по степени охвата различных видов космической деятельности, так и участию государств в их осуществлении. Традиционно это объяснялось тем, что космическая деятельность была доступна лишь ограниченному кругу государств. В дальнейшем международным сообществом были предприняты шаги по выработке всеобъемлющих рекомендаций по МТДК. В 1990–1993 гг. Группа правительственных экспертов ООН провела исследование о применении мер доверия в космическом пространстве. В резолюциях, связанных с подготовкой и проведением этого исследования (45/55 В от 4 декабря 1990 г.; 47/51 от 9 декабря 1992 года; 48/74 В от 16 декабря 1993 г.), подтверждается «важность мер доверия как средства, способствующего обеспечению достижения цели предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве».

По результатам исследований был подготовлен и на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи представлен соответствующий доклад Генерального секретаря ООН (А/48/305). Это исследование было опубликовано ООН и рекомендовано вниманию всех государств-членов. Важная роль МТДК была признана и в ежегодно принимаемой Генеральной Ассамблеей ООН резолюции «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве», в которой отмечается, что «конкретные предложения о мерах доверия могли бы стать неотъемлемой частью... международного соглашения или соглашений в целях предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве» (“concrete proposals on confidence-building measures could form an integral part of ... an international agreement or agreements to prevent an arms race in outer space”).

Идеи МТДК нашли свое отражение в российско-китайском рабочем документе «Возможные элементы будущей международно-правовой договоренности о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов» (представлен на Конференции по разоружению 27 июня 2002 г.) и в последующем

■ Воздушно-космическая оборона

проекте соответствующего договора (CD/1839 от 29 февраля 2008 г.).

Вновь вопрос о МТДК поставлен в принимаемых на 60-65-й сессиях Генеральной Ассамблеи ООН резолюциях «Меры по обеспечению транспарентности и доверия в космической деятельности» (60/66 от 8 декабря 2005 г.; 61/75 от 6 декабря 2006 г.; 62/43 от 5 декабря 2007 г.; 63/68 от 2 декабря 2008 г.; 64/49 от 2 декабря 2009 г.; 65/68 от 8 декабря 2010 г.). В соответствии с резолюцией 65-й сессии сформирована и работает Группа правительственных экспертов ООН по изучению МТДК и выработке рекомендаций по их внедрению в международную практику (завершение работы – 2013 г.).

Ряд МТДК осуществляется государствами в одностороннем инициативном порядке и являются политическими обязательствами. В 2004 г. Россия сделала заявление о том, что она не будет первой размещать оружие любого вида в космосе (Неразмещение первыми оружия в космосе – НПОК). Российская инициатива по НПОК была поддержана государствами Организации Договора о коллективной безопасности, которые в июне 2005 г. выступили с аналогичным заявлением.

Основные принципы МТД

Меры транспарентности и доверия (МТД) способствуют созданию условий для решения международных проблем, улучшения и развития международных отношений на основе сотрудничества, облегчают урегулирование ситуаций, которые могли бы привести к возникновению международной напряженности. МТД снижают риск ошибочного восприятия и оценки военной деятельности другого государства, содействуют предотвращению военной конфронтации и осуществлению на этой основе принципа неприменения силы или угрозы силой, укреплению региональной и глобальной стабильности.

МТД не заменяют меры по ограничению вооружений и разоружению, не являются предварительным условием их осуществления. МТД не могут подменить и меры контроля. В то же время МТД способны содействовать разработке обязательств в разоруженческой области, а также мер верификации. Укрепление доверия требует доброй воли со стороны государств, которые должны решить, следует ли начинать процесс укрепления доверия, какие конкретные меры должны быть приняты и каким образом их осуществлять.

Укрепление доверия по своей природе является поэтапным процессом. Какую-то универсальную, всеобъемлющую модель МТД создать невозможно. МТД целесообразно разрабатывать применительно к конкретным областям деятельности. При разработке и реализации МТД каждое государство должно быть уверено в ненанесении ущерба его безопасности и неполучении другими государствами односторонних военных и иных преимуществ перед ним. МТД могут разрабатываться и применяться государствами как в одностороннем порядке, так и на двух- и многосторонней основе; могут иметь как добровольный, так и – если это

будет признано международным сообществом необходимым – юридически обязывающий характер. Многосторонность МТД существенно повышает их практическое значение. При разработке многосторонних МТД важна координация между всеми международными институтами, занимающимися соответствующей проблематикой, в целях исключения дублирования.

Изложенные общие соображения относительно МТД могут быть отнесены и к космической деятельности государств. Меры транспарентности и доверия в космической деятельности (МТДК) являются важной – с учетом все более возрастающей зависимости всех стран мира от результатов космической деятельности – составляющей мер доверия, наряду с мерами доверия на земле, море и в воздухе. Они призваны способствовать недопущению появления новой – космической – сферы противостояния, предотвращению нового витка гонки вооружений, обеспечению условий для предсказуемости стратегической ситуации в космосе, безопасности космической деятельности и сохранности космической собственности. Такие меры могли бы стать важной областью широкого многостороннего сотрудничества [1].

МТДК могут иметь важное значение для продвижения нашего приоритета – процесса разработки, принятия и осуществления нового договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ДПРОК). Кроме того, обязательство всех стран не размещать оружие и предотвращать размещение оружия в космическом пространстве само по себе явилось бы важнейшей мерой доверия:

- во-первых, МТДК способствовали бы созданию благоприятных предпосылок для заключения новой договоренности. Разработка рекомендаций в отношении возможных мер транспарентности и доверия в космической деятельности является относительно простым первым шагом к обеспечению космической безопасности. Совместная работа над возможными рекомендациями по МТДК способствовала бы углублению понимания намерений государств, состояния дел в космической области и их перспектив. В этом смысле такая работа сама по себе укрепляла бы взаимное доверие;

- во-вторых, предсказуемость военной космической деятельности государств на основе МТДК объективно снижала бы вероятность возникновения внезапных военных угроз в космосе и из космоса, уменьшала бы неопределенность в отношении стратегической ситуации в космическом пространстве и, как следствие, потребность в заблаговременной подготовке государств к нейтрализации таких угроз;

- в-третьих, разработка мер верификации применительно к проекту ДПРОК представляет непростую задачу. Предпочтительным вариантом может оказаться разработка договора сначала без мер верификации, которые можно будет подготовить в последующем. МТДК в этом случае могли бы в определенной мере компенсировать отсут-

ствие в новом договоре мер контроля, тем более что речь идет о неразмещении в космосе оружия, которое там пока отсутствует. МТДК укрепляли бы уверенность сторон договора в выполнении его обязательств.

Разработка МТДК не ослабляет работу над возможной юридически обязывающей договоренностью о предотвращении размещения оружия в космосе, не отвлекает от нее, а, наоборот, служит ей. Рассмотрение МТДК в двух разных руслах – в ООН и на КР – взаимно обогащало бы и стимулировало оба процесса. В конечном итоге оба они служат единой цели – обеспечению безопасности космической деятельности.

Российские эксперты в настоящее время продолжают работу над обобщением и классификацией конкретных МТДК в форме проекта каталога мер по обеспечению транспарентности и доверия в космической деятельности, который в последующем мог бы стать компонентом исследований Группы, представляемых в доклад Генерального секретаря Генеральной Ассамблеи на ее шестьдесят восьмой сессии во исполнение резолюции 65/68 8 декабря 2010 г.

Такой каталог явился бы систематизированным сводом МТДК, предназначенных для использования в международной практике на добровольной основе. Проект каталога мог бы содержать основные сведения о МТДК: структура МТДК по целевой направленности; категории МТДК; информационный паспорт каждой меры – наименование, предназначение, содержание, сфера применения, формат, порядок осуществления, вопросы, решение которых необходимо для ее реализации. Возможные формы использования

МТДК, содержащихся в проекте каталога, – на односторонней, двусторонней и многосторонней основе с помощью соответствующих механизмов и процедур, являющихся предметом согласования между государствами, выразившими желание использовать МТДК применительно к своей космической деятельности.

Проект каталога не предусматривает обязательного применения на практике содержащихся в нем МТДК в полном объеме. Установление перечня и сферы применения используемых тем или иным государством МТДК является добровольным решением этого государства. Каждая мера может анализироваться государством с точки зрения ее значимости для обеспечения безопасности космической деятельности, практической реализуемости и ориентированности на решение конкретных задач. Каталог может пополняться по согласованию государств новыми мерами.

В настоящее время подготавливаемый проект каталога содержит пять категорий МТДК: А. Информация; В. Ознакомительные мероприятия; С. Уведомления; D. Консультации; Е. Научно-практические мероприятия. В рамках каждой категории приводится перечень соответствующих МТДК. В последующих разделах проекта каталога приводится информационный паспорт каждой меры. Структура каталога МТДК создает удобные предпосылки для его пополнения или корректировки. Каталог МТДК призван содействовать правильному пониманию космической деятельности государств, предотвращать или минимизировать возникновение вредоносных ситуаций в космическом пространстве и обеспечивать предсказуемость космической обстановки.

Список литературы

1. The United Nations Disarmament Yearbook. Volume 36 (Part I): 2011. Disarmament Resolutions and Decisions of the Sixty-sixth Session of the United Nations General Assembly. United Nations Publication. Sales № E.12. IX.1. Resolution 66/27 "Prevention of an arms race in outer space".
2. Building the Architecture for Sustainable Space Security. Conference Report 30-31 March 2006. UNIDIR, United Nations Institute for Disarmament Research. Geneva, Switzerland. United Nations Publication. Sales № GV.E.06.0.14.
3. Международное космическое право. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Российский университет дружбы народов. Ред. Г.П.Жуков и Ю.М.Колосов. Москва "Международные отношения", 1999.
4. Конференция по разоружению. CD/INF.50 23 May 2006. Основные документы конференции по разоружению в связи с предотвращением гонки вооружений в космическом пространстве. Компелляция, подготовленная секретариатом.
5. Космос: оружие, дипломатия, безопасность. (Ред. А.Арбатов и В.Дворкин). Московский центр Карнеги. Москва, РОССПЭН, 2009.

Об авторе

Малов Андрей Юрьевич – к.и.н., сотрудник Центра военно-политических исследований МГИМО(У) МИД России, начальник отдела Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

ABOUT DEVELOPMENT OF MEASURES OF TRUST AND TRANSPARENCY IN A CONTEXT OF CALLS AND THREATS

A.Y. Malov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article is devoted to the analysis of the role and significance of the transparency and confidence-building measures (TCBMs) in respect to outer space activities. The article examines the TCBMs role in international legal instruments and peculiarities of their elaboration and implementation in the sphere of space activities security. Historical aspects as well as the significance of the issue promotion for creating the conditions allowing to ensure the prevention of placement of weapons in outer space are analyzed. The article contains the prognosis of a possible outcome of the UN Group of governmental experts work on TCBMs in outer space activities.*

The Russian experts continue now work on generalization and classification of concrete MTDK in the form of the draft of the catalog of measures for ensuring transparency and trust in space activity. In case of its realization it could become a component of the researches presented to the report of the Secretary general to General Assembly at its sixty eighth session in pursuance of the resolution 65/68 8 of December, 2010. Such catalog would be the systematized arch of TCBMs intended for use in the international practice on a voluntary basis. It could contain the main data on TCBMs: to their structure on a target orientation; categories MTDK; the information passport of each measure – the name, mission, the contents, scope of application, a format, a procedure, the questions which decision is necessary for its realization; possible forms of use of TCBMs on a unilateral, bilateral and multilateral basis by means of the corresponding mechanisms and the procedures being a subject of coordination between the states, expressed desire to use TCBMs in relation to the space activity.

Key words: Transparency and confidence-building measures in outer space; security of space activities; prevention of the arms race in outer space; verification measures; no first placement of weapons in outer space.

References

1. Resolution 66/27 "Prevention of an arms race in outer space". Disarmament Resolutions and Decisions of the Sixty-sixth Session of the United Nations General Assembly. United Nations Publication. Sales № E.12.IX.1. The United Nations Disarmament Yearbook, 2011, vol. 36, Pt. 1.
2. Building the Architecture for Sustainable Space Security. Conference Report 30-31 March, 2006. United Nations Publication. Sales № GV.E.06.0.14. United Nations Institute for Disarmament Research (UNIDIR), Geneva, Switzerland.
3. Zhukov G.P., Kolosov Iu.M., eds. Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo [International space law]. Moscow, MGIMO-Univ. Publ., 1999. 434 p.
4. Main documents of the Conference on disarmament in connection with prevention of arms race in space. Conference on disarmament CD/INF.50 of May 23, 2006.
5. Arbatov A.G., Babintsev V.A., Dvorkin V.Z., e.a. Kosmos: oruzhie, diplomatiia, bezopasnost' [Space: Weapons, diplomacy, security]. Moscow, Rosspen Publ., 2009. 174 p.

About the author

Andrey Y. Malov – PhD in History, employee of the Center of the military-political researches MGIMO(U) MFA of Russian Federation, head of department of Department of safety issues and disarmament Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: vestnik@mgimo.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТА

Е.С. Зиновьева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....

В статье рассмотрены международно-политические аспекты развития сети Интернет. Интернет является ключевой инфраструктурой, вокруг которой формируется глобальное информационное общество. Опираясь на работы авторитетных исследователей информационного общества, обобщены последствия развития Интернета для международных отношений и мировой политики. Показано, что сетевая организация, транснациональный характер, доступность и открытость Интернета способствуют процессам глобализации и транснационализации, расширению числа участников международного взаимодействия, усиливают проницаемость межгосударственных границ. Ответом на стремительный рост объема мировой информации и глобализационные процессы является сегментация и маргинализация общества. Государственные географические разграничения дополняют новые информационные границы. Авторитарные государства (Китай, Мьянма, Бирма, Пакистан и др.) ограничивают информационные потоки с помощью крупных интернет-компаний, таких, как Yahoo и Google, которые стремятся закрепиться на перспективных рынках развивающихся государств и поэтому передают органам государственной власти конфиденциальную личную информацию пользователей их услуг, блокируют доступ к определенным сайтам. Развитие Интернета создает новые линии неравенства между «инфобогатыми» и «инфобедными», что порождает противоречия на международной политической арене. Одно из негативных последствий бурного развития Интернета и других информационно-коммуникационных технологий – возникновение новых форм международных конфликтов, включая информационные войны, сетевые войны, хакерские атаки и т.п. Таким образом, развитие информационных технологий порождает новые вызовы международной и национальной безопасности, преодолеть которые возможно лишь коллективными усилиями международного сообщества.

.....

Ключевые слова: Интернет, мировая политика, информационное общество, международные отношения.

Взаимное влияние технологий и международной политики широко признается в отечественной и зарубежной научной и публицистической литературе. Наиболее ярким подтверждением данного тезиса стала т.н. «информационная революция» 1990-х гг., основанная на широком распространении пользовательских компьютеров и сети Интернет. Информационные технологии оказали трансформирующее влияние на все сферы жизни: экономику, политику, культуру. В международных отношениях формирование глобальной информационной сферы способствовало глобализации, размыванию государственного суверенитета благодаря информационной проницаемости государственных границ, расширению спектра участников мировой политики.

Глобальное информационное пространство – высокотехнологичная область, в которой находят отражение многие значимые тенденции мировой политики. В свою очередь, характеристики глобальной информационной сферы также трансформируют природу и содержание мирополитических процессов. В 1990-х гг. была распространена точка зрения, согласно которой развитие Интернета формирует киберпространство, не поддающееся контролю со стороны государств. Однако в 2000-х гг. становится очевидным, что политика, в том числе международная, оказывает определяющее воздействие на развитие глобальной информационной сферы. Намечилось формирование политического пространства Интернета, во многом представляющего собой отражение «реальной» политической карты мира. Линии контроля и разделения в глобальной информационной сфере формируются за счет неравенства и ограничений в доступе к информации в ряде стран, широкого распространения информационных войн в бизнесе и политике.

Политическими субъектами глобальной информационной сферы выступают не только государства, но и бизнес, неправительственные организации, СМИ, а также отдельные индивиды. Формируется транснациональная информационная экономика, в рамках которой различные положения занимают информационно развитые и развивающиеся страны, что не может не оказывать влияние на развитие глобального информационного пространства. Отметим, что видную роль в информационной экономике играют крупные медийные и телекоммуникационные корпорации, а также интернет-бизнес.

Интернет является ключевой инфраструктурой, вокруг которой формируется глобальное информационное общество. В 2012 г. число пользователей Интернета превысило 2,4 млрд. На сегодняшний день охват Интернета глобален, при этом наибольшее число пользователей проживает в Азии (44% от общего числа, всего более 1 млрд), на втором месте Европа (21,5% от общего числа, всего 518 млн), затем Северная Америка (11% от общего числа, всего 273 млн). Менее всего пользователей в Австралии и Океании (1% от

общего числа, всего 24 млн) [1]. В России 2012 г. Интернетом пользовалось 47 % взрослого населения страны, то есть около 55 млн человек, при этом по числу пользователей лидируют Москва и Санкт-Петербург, несмотря на постепенное преодоление цифрового разрыва, особенно за счет сельской местности. В целом уровень проникновения Интернета в РФ достаточно низкий – 47%, однако в крупных городах он превышает 60% [2]. Статистические данные показывают, насколько велик вес Интернета как средства коммуникации в современном обществе.

Исследователи «Проекта управления Интернетом» при Сиракузском университете (Internet governance project) [3] выделяют следующие особенности Интернета и информационных технологий в целом, которые оказывают существенное влияние на характеристики глобального информационного общества:

- открытость стандартов – Интернет основывается на открытых технических стандартах, которые может бесплатно использовать каждый. В ряде случаев в стандартах интернет-протоколов используются запатентованные технологии, но они, как правило, доступны по разумной цене;

- рыночные механизмы – сети, составляющие Интернет и соединяемые протоколами, принадлежат различным организациям, в большинстве случаев представителям частного бизнеса. Большая часть инвестиций исходит от частного сектора. Услуги и соединения координируются в основном на рыночной, контрактной основе;

- интеллектуальные средства и контрольные функции сосредоточены на периферии сети. Функция сети – передача информации, сами протоколы технологически нейтральны;

- глобальный характер – Интернет не локализован ни в одном национальном государстве, соединение устанавливается вне зависимости от национальных границ [4].

Для понимания природы глобального информационного общества и выявления перспективных направлений его развития важно охарактеризовать последние тенденции в развитии информационно-коммуникационных технологий:

- основное количество вновь подключающихся пользователей проживает в странах Азии и Ближнего Востока, по экспертным оценкам, эти регионы сохраняют свой потенциал для интернет-технологий и в обозримом будущем. Как следствие, второй по распространенности язык в Интернете – китайский [5], и у него есть все шансы обойти английский, особенно после внедрения многоязычных доменных имен (многоязычные доменные имена – имена, представленные символами национальных алфавитов, а не только латинского алфавита). Россия также стремится занять достойное место в интернет-пространстве и упрочить позиции русского языка, в 2010 г. был создан домен на кириллице «.рф». Таким образом, в будущем мы станем свидетелями действительно многоязычного Интернета;

– идет формирование так называемой повсеместной сети, или Web 3.0. Большая часть подключений осуществляется не с помощью стационарных компьютеров, как это было предусмотрено создателями сети, а с помощью мобильных телефонов и иных типов устройств, использующих, как правило, динамические IP-адреса. Динамические IP-адреса присваиваются устройству, подключаемому к сети только на время подключения, в отличие от традиционных, статических IP-адресов, которые присваиваются устройствам (персональным компьютерам) на неограниченный период времени;

– широкое распространение получают блоги, социальные и реер-to-реер сети, вследствие чего пользователи уже не являются пассивными получателями информации, а ее активными создателями, зачастую создавая серьезную конкуренцию ведущим медиакомпаниям. В 2009 г. впервые число пользователей социальных сетей превысило число пользователей электронной почты, причем социальные сети намного популярны среди женщин, а не мужчин. В настоящее время число пользователей социальной сети Facebook превышает 1 млрд, причем наибольший прирост пользователей Facebook наблюдается в таких регионах, как Россия, Индия, Бразилия, Ближний Восток и Африка. Быстро развиваются и национальные социальные сетевые сервисы – по данным компании Alexa, российская социальная сеть «ВКонтакте» занимает 19-е место в мире по объему трафика (для сравнения Facebook занимает 1-е место, а китайская социальная сеть QQ – 8-е) [15];

– наметилась тенденция к конвергенции телекоммуникаций или появления унифицированных коммуникаций. Постепенно происходит объединение Интернета и других телекоммуникационных технологий: радио, телевидения, телефона на основе IP-сетей или сетей, основанных на пакетной передаче данных. При этом распространение мобильного Интернета идет чрезвычайно быстро. Эта тенденция может в корне трансформировать сложившийся режим управления Интернетом, способствуя усилению роли государств. По мере того как все большее распространение получает мобильный Интернет, растет влияние телекоммуникационных компаний, предоставляющих услуги мобильной связи. Как правило, такие компании тесно связаны с национальными правительствами;

– широкое распространение получает так называемая «облачная» обработка данных. Все больше цифровых ресурсов отдельных пользователей и организаций хранится и обрабатывается на «серверных фермах», то есть комплексах крупных хранилищ данных. Услуги «облачной» обработки данных предоставляют такие компании, как Google, Microsoft, Apple, Amazon и Facebook. Распространение такого рода технологий в условиях возрастающей зависимости общества от информации делает Интернет действительно трансграничным, но при этом обостряет политическое измерение контроля перемещения информационных потоков в Интернете.

Интернет основан на наборе программных инструкций, широко известных как протоколы, используемых для передачи данных между сетями. Зарождение Интернета датируется 1969 г., когда впервые четыре компьютера были объединены в сеть в рамках научно-исследовательских работ Министерства обороны США. В 1972 г. программные инструкции передачи данных TCP/IP стали использоваться как базовые протоколы Интернета. IP разбивает информацию на пакеты, TCP контролирует, что они полностью получены адресатом.

Система доменных имен была внедрена в 1983 г., тогда же появились первые вирусы. Всемирная паутина как сеть связанных гиперссылками страниц, по которым можно перемещаться с помощью графического интерфейса, берет свое начало в 1989 г. В 1998 г. была создана наиболее популярная поисковая система в мире Google, а Википедия, широко используемая открытая онлайн-энциклопедия, – в 2001 г.

Интернет представляет собой сложную и неоднородную макросистему, объединяющую очень большое число различных информационных сетей. Современный Интернет состоит из технической инфраструктуры, включающей в себя серверы, маршрутизаторы, кабели, компьютеры конечных пользователей и передающейся по этим сетям информации, то есть собственно содержания Интернета.

Выделяют четыре этапа эволюции механизмов управления Интернетом и развития сети в целом:

– «исследовательский» – первый этап вплоть до 1980-х гг., когда Интернет использовался главным образом университетами в научных целях;

– «информационный», или «брошюрный», – второй этап, когда каждая компания стремилась вывести информацию о себе в Интернет, создать корпоративный сайт;

– третий этап представлял собой переход от статических данных к возможности совершать транзакции, не только читать о продуктах и услугах, но и покупать, и продавать их. На этом этапе на рынок выходят такие компании, как eBay и Amazon.com. Третий этап завершился т.н. «кризисом доткомов», когда котировки акций многих высокотехнологических компаний упали на бирже NASDAQ (2002 г.);

– «социальный», или Web 2.0, – четвертый этап, когда популярность приобрели такие компании, как Facebook, Twitter и Groupon, которые стали работать с большой прибылью. Эти компании позволяют пользователям Интернета связываться друг с другом, подключаться к социальным сетям и обмениваться персональной информацией: текстами, фотографиями, видео [6]. Причем пользователи становятся активными создателями контента и могут составить конкуренцию крупным медийным корпорациям. На практике находит свое воплощение модель коммуникации «многие-ко-многим». Большая часть современных гигантов интернет-индустрии, такие,

■ Мировая политика

как Facebook, Twitter, была образована на этапе социальных медиа, в 2000-х гг.

Интернет является ключевой инфраструктурой, вокруг которой формируется глобальное информационное общество. Отметим, что, хотя большинство исследователей соглашаются с тем, что категория информации является ключевой в определении информационного общества, даваемые ими определения понятия «информационное общество» существенно отличаются. Так Мануэль Кастельс понимает под информационным обществом общество, построенное по сетевому признаку, где ключевое значение имеет принадлежность к той или иной сети, к такой, например, как сети крупных транснациональных компаний или СМИ [6]. Герберт Шиллер вкладывает в понятие «информационного общества» несколько иной смысл. По его мнению, в информационном обществе ключевое значение имеют капиталистические отношения, информация становится товаром, а крупные транснациональные корпорации получают возможности эксплуатации слабо развитых в экономическом плане государств [7]. Таким образом, Г. Шиллер рассматривает информационное общество в контексте неомарксизма. Теоретическое осмысление и систематизация различных концепций информационного общества представлены в работе Ф. Уэбстера «Теории информационного общества» [8].

Интернет оказывает влияние на политические, экономические, социальные характеристики современного общества. Благодаря Интернету информация фактически становится общедоступной в любом месте и в любое время. Присущие Интернету открытость, децентрализованный характер, сетевая организация, по мнению ряда исследователей, способствуют демократизации, становлению глобального гражданского общества, усилению взаимозависимости. И хотя по мере роста коммерческой значимости сети, политические и экономические интересы во все большей степени начинают определять направления эволюции Интернета, базовые характеристики, изначально присущие технологии, а именно открытость, доступность, децентрализованный сетевой характер и глобальность охвата информации, на сегодняшний день являются определяющими в рамках информационного общества.

Широкое распространение информационных технологий и их проникновение во все сферы жизни, получившее название «информационной революции», совпало по времени с изменениями в природе международных отношений и мировой политики. В 1972 г. вышла работа основателей неолиберального направления в науке о международных отношениях Р. Кохейна и Д. Ная «Транснациональные отношения и мировая политика» [9], в которой они обратили внимание на формирование транснациональных отношений, взаимозависимости и выход новых акторов на мировую политическую арену. Обозначенные тенденции сохраняют свою актуальность и в настоящее время

Д. Най полагает, что в условиях информационной глобализации происходит диффузия власти. Диффузия не предполагает утраты власти государствами, но лишь ее «распыление», появление новых центров влияния, в том числе интернет-компаний [10]. Т. Фридман в книге «Лексус и оливковое дерево», написанной в 1999 г., подчеркивает взаимосвязь между развитием Интернета и процессами глобализации [11]. Позднее, в 2005 г., в книге «Плоский мир» он утверждает, что Интернет и другие информационные технологии сделали нас «соседями», убивают географию, расстояние и язык [12]. По его мнению, все то, что сегодня понимается под глобализацией, а именно свободный обмен товарами, капиталами, рабочей силой, невзирая на расстояния и государственные границы, не было бы возможным без обмена информацией, знаниями, идеями.

Соглашаясь с доводами Т. Фридмана, нельзя не отметить, что развитие Интернета отнюдь не влечет за собой гомогенизацию и универсализацию мира, а также не разрешает проблему конфликтности, присущей международной системе. Ответом на стремительный рост объема мировой информации и глобализационные процессы является сегментация и маргинализация общества. Государственные, географические разграничения дополняют новые информационные границы. Авторитарные государства: Китай, Мьянма, Бирма, Пакистан и др. — ограничивают информационные потоки с помощью крупных интернет-компаний, таких, как Yahoo и Google, которые стремятся закрепиться на перспективных рынках развивающихся государств и поэтому передают органам государственной власти конфиденциальную личную информацию пользователей их услуг, блокируют доступ к определенным сайтам.

Развитие Интернета создает новые линии неравенства между «инфобогатыми» и «инфобедными», что порождает противоречия на международной политической арене. Речь идет о проблеме «цифрового разрыва», которая нашла свое отражение в Окинавской хартии информационного общества, в которой призывалось сделать все возможное, чтобы каждый человек имел «возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям» [13].

Одно из негативных последствий бурного развития Интернета и других информационно-коммуникационных технологий — возникновение новых форм международных конфликтов, включая информационные войны, сетевые войны, хакерские атаки и т.п. Как отмечает исследователь, заместитель директора департамента новых вызовов и угроз МИД РФ А.В. Крутских, «основная озабоченность в сфере обеспечения международной информационной безопасности связана с возможностью применения информационно-коммуникационных технологий в целях, несовместимых с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности» [14].

Таким образом, развитие Интернета оказывает существенное влияние на современные международные отношения и мировую политику. Сетевая организация, транснациональный характер, доступность Интернета способствуют процессам глобализации и транснационализации, расширению числа участников международного взаимодействия, усиливают проницаемость

межгосударственных границ. Однако новые импульсы, которые Интернет придает мирополитическому и экономическому развитию, имеют свою оборотную сторону. Развитие информационных технологий порождает новые вызовы международной и национальной безопасности, преодолеть которые можно лишь коллективными усилиями международного сообщества.

Список литературы

1. Internet Usage Statistics. The Internet Big Picture. Internet world stats. Usage and population statistics. Available at: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>.
2. Развитие Интернета в регионах России. Весна 2012. Яндекс. - URL: http://download.yandex.ru/company/ya_regions_report_spring_2012.pdf
3. Internet governance project. - URL: www.igp.org
4. Mathiason J. Internet Governance: The State of Play // Internet Governance Project, 2004. - URL: <http://dcc.syr.edu/miscarticles/MainReport-final.pdf>
5. Internet World Users by Language. Internet world stats. Usage and population statistics. 2010. Available at: <http://www.internetworldstats.com/stats7.htm>.
6. Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I. Cambridge, MA, 1996.
7. Schiller H. Culture, Inc.: The Corporate Takeover of Public Expression, Oxford University Press, 1989.
8. Webster F. Theories of information society. NY Basic books, 2000.
9. Keohane R.O., Nye J.S. Transnational Relations and World Politics. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1972.
10. Nye J.S. The Future of Power in the 21st Century, Public Affairs Press, 2011.
11. Friedman T. The Lexus and the Olive Tree. - N.Y.: Farrar Straus & Giroux, 1999.
12. Friedman T. The world is flat: a brief history of the twenty-first century. - N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2007.
13. Okinawa Charter on Global Information Society, Okinawa 2000.
14. Крутских А.В. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности. // Международные процессы. 2007. № 1(5).. - URL: <http://www.intertrends.ru/thirteen/003.htm>
15. Top Sites. Alexa Rank. The top 500 sites on the web. URL: <http://www.alexa.com/topsites>

Об авторе

Зиновьева Елена Сергеевна – к.полит.н., старший преподаватель кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: elena.zinovieva@gmail.com

Статья написана в рамках работы по гранту 11-03-00069 «Международно-политические аспекты инновационного развития в России и за рубежом: проблемы взаимодействия».

INTERNET INFLUENCE ON INTERNATIONAL POLITICS

E.S. Zinovieva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *International and political aspects of the Internet development are analyzed in the article. The Internet is a key infrastructure of the emerging global information society. Based on the works by respected information society scholars, the effects of the Internet growth for international relations and world politics are generalized. Networked organization, transnational nature, accessibility and openness of the Internet contribute to the processes of globalization and trans-nationalization, increase international cooperation, and penetrability of state borders.*

Segmentation and marginalization of the societies is the response to the fast growth in the volumes of information available throughout the world. State borders, geographical divisions amplify new lines of divides in the information realm. Authoritarian states, such as China, Myanmar, Burma, Pakistan, filter information with the help of big internet companies, such as Yahoo and Google. Internet companies wish to gain access to the fast growing markets of these countries and thus are ready to provide authorities the confidential information of the users and block access to certain internet sites. Internet creates new divide between "information-wealthy" and "information-poor", which is the source of the new contradiction on the international arena. New forms of international conflicts, including information war, network wars, hacker attacks etc. are one of the negative results of the fast internet and information technologies development. At the same time development of information technology poses new challenges to international and national security, which can only be reduced through collective efforts of the international community.

Key words: Internet, world politics, information society, international relations.

References

1. Internet Usage Statistics. The Internet Big Picture. Internet world stats. Usage and population statistics. Available at: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>.
2. Internet development in Russian regions. Spring, 2012. Available at: http://download.yandex.ru/company/ya_regions_report_spring_2012.pdf. Accessed February 01, 2013. (in Russ.).
3. Internet governance project. Available at: <http://www.igp.org>.
4. Mathiason J. Internet governance: The state of play. Internet governance project, 2004. Available at: <http://dcc.syr.edu/miscarticles/MainReport-final.pdf>.
5. Internet World Users by Language. Internet world stats. Usage and population statistics. 2010. Available at: <http://www.internetworldstats.com/stats7.htm>.
6. Castells M. The rise of the network society. The information age: Economy, society and culture. Cambridge, MA, Blackwell Publ., 1996, vol. 1. 594 p.
7. Schiller H.I. Culture, Inc.: The Corporate Takeover of Public Expression. Oxford, Oxford Univ. Press Publ., 1989. 208 p.
8. Webster F. Theories of the information society. New York, Basic Books Publ., 2000. 312 p. (International Library of Sociology).
9. Keohane R.O., Nye J.S.Jr. Transnational relations and world politics: An introduction. Transnational relations and world politics. Cambridge, MA, Harvard Univ. Press Publ., 1972, pp. 9-29/
10. Nye J.S.Jr. The future of power. New York, Public Affairs Press Publ., 2011. 320 p.
11. Friedman Th.L. The Lexus and the Olive Tree. New York, Farrar, Straus & Giroux Publ., 1999. 251 p.
12. Friedman T. The world is flat: A brief history of the twenty-first century. New York, Farrar, Straus & Giroux Publ., 2007. 488 p.
13. Okinawa Charter on Global Information Society. Kyushu-Okinawa Summit 2000. Available at: <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/documents/charter.html>.
14. Krutskikh A.V. Political and legal basics of the information society. Mezhdunarodnye protsessy [International Trends], 2007, no. 1 (5), pp. 28-37. Available at: <http://www.intertrends.ru/thirteen/003.htm>. Accessed February 01, 2013. (in Russ.).
15. Top sites. The top 500 sites on the web. Alexa Rank. Available at: <http://www.alexa.com/topsites>

About the author

Elena S. Zinovieva – PhD in Political Science, senior lecturer of the Department of World Politics at MGIMO-University. E-mail: elena.zinovieva@gmail.com

ГЛОБАЛЬНЫЙ НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ АКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

И.В. Сурма

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации.

В статье показано, что продолжающаяся технологическая и контентная революция в средствах массовой коммуникации по ряду основных показателей усложняет взаимодействия участников международных отношений, а «информационный пресс» приобретает в современных международных отношениях приоритетное значение, что дает все основания отнести информацию к разряду факторов, определяющих коренные социальные перемены в современном мире. Возможности современного информационного общества не всегда поддаются точному прогнозу, управляющему действию политиков и международных организаций. Интернет-пространство постепенно становится главным актором в международных отношениях, а одним из крайне неприятных аспектов этого процесса является утрата информационным обществом устойчивости. Эти и другие обстоятельства диктуют необходимость выработки адекватной эффективной государственной политики противодействия кибертерроризму и разработки новой «интеллектуальной технологии» и программных инструментов для контроля «темного веба» и анализа социальных сетей. Социальная стабильность государств будет во все большей степени зависеть от правильного использования информации именно там, где она более всего необходима в данный политический момент. В статье показано, что информационное обеспечение внешней политики и международных отношений по своему значению стоит в одном ряду с такими приоритетными проблемами мировой политики, как нераспространение ядерного оружия, ограничение и запрещение оружия массового поражения, урегулирование региональных конфликтов и миротворчество, укрепление всеобъемлющей безопасности, сохранение культурного наследия и обеспечение прав человека.

Ключевые слова: геополитика, кибертерроризм, социальные сети, интернет-пространство, «арабская весна», socialbots, кибератаки.

Современные процессы информатизации общества приводят к изменению структуры и технологии власти, перераспределения влияния в пользу тех, кто управляет информационными потоками и ресурсами. «Информационный пресс» приобретает в современных международных отношениях приоритетное значение, что дает все основания отнести информацию к разряду факторов, определяющих коренные социальные перемены в современном мире. С другой стороны, возможности современного информационного общества не всегда поддаются точному прогнозу, управляющему действию политиков и международных организаций. Это приводит к тому, что интернет-пространство постепенно становится главным актором в международных отношениях, а одним из крайне неприятных аспектов этого процесса является утрата информационным обществом устойчивости.

Одним из наиболее активных сегментов глобальной сети является российская зона Интернета, иначе говоря «Рунет». В последние дни в печати и в экспертной среде активно обсуждаются тезисы только что обнародованного исследования российского Фонда развития гражданского общества «Рунет сегодня». Вот некоторые данные из этого исследования, опубликованные в центральной прессе. Наше государство начинает лидировать в Европе по количеству интернет-пользователей. Всего за несколько последних лет количество пользователей «Рунета» возросло в два раза, достигнув 52,9 млн человек, то есть это 46% населения страны в возрасте старше 18 лет. При этом кроме роста количества пользователей произошла общая интенсификация обращения к Интернету. Еще сильнее увеличилась еженедельная и ежедневная аудитория, в начале 2011 г. это было 42 и 33% соответственно. А в начале 2012 г. ежедневная аудитория уже достигала 38% от населения страны.

Растет число пользователей (из тех, кто начал пользоваться сетью за последние полтора-два года), не являющихся жителями Москвы и Петербурга. Таковых сейчас более 93%. Средний возраст российского интернет-пользователя, по данным ФОМ, составляет 33 года. Наши граждане все больше начинают воспринимать Интернет как авторитетный канал доступа к информации. По данным Synovate Comcon, доверие к Интернету как источнику получения информации признали у нас в 2011 г. 40% граждан. Данные ВЦИОМ немного отличаются: 98% россиян предпочитают получать информацию из центрального ТВ, 88% – из регионального ТВ. На втором месте – пресса (центральную прессу читают 70% россиян, местную прессу – 68%), на третьем месте – Интернет (59%), оказавшийся более востребованным, чем радио (центральное – 53%, региональное – 46%). Наибольшее доверие у респондентов вызывает информация, поступающая по центральному и региональному ТВ (по 78%). На втором месте по уровню доверия – центральная и местная пресса (70 и 68%). Замыкают список радио (как центральное, так и местное – 72 и 68%) и Интернет (64% опрошенных).

Из приведенных выше цифр авторы исследо-

вания «Рунет сегодня» делают вывод: если доверие российских граждан к Интернету как основному источнику информации продолжит расти, то выборы депутатов Государственной Думы ФС РФ в 2016 г. и тем более президентские выборы в 2018 г. пройдут в новой информационной реальности. В ней главная роль будет принадлежать Всемирной сети [1].

Авторы доклада, рассматривая различные категории популярных ресурсов: медийные порталы, поисковые системы, социальные сети, новостные сайты, блогосферу, коммерческие сервисы и некоторые другие, характеризуют последние тенденции, набирающие силу в российском интернет-пространстве, и приходят к выводу, что социальные сети по популярности сравнимы с поисковыми системами. Другая тенденция связана с тем, что «к настоящему моменту пять из двадцати лидеров Рунета по объему среднедневной аудитории являются не российскими по своему происхождению (Google, Youtube, Wikipedia, Facebook, Twitter). При сохранении данной тенденции уже через несколько лет может сложиться ситуация, когда большая часть Рунета будет контролироваться иностранными сервисами, расположенными на серверах за пределами России и зарегистрированными в зарубежных доменных зонах» [1].

В исследовании отмечается, что многочисленные фонды и корпорации США активно инвестируют в лидирующие российские интернет-компании, таким образом, 15 из 20 российских топовых сайтов имеют значительную долю иностранного капитала, которая к тому же показывает тенденцию к росту. Например, Mail.ru Group (контролирует Mail.ru, «Одноклассники», крупный пакет «ВКонтакте»), в структуре которого южноафриканский холдинг Naspers владеет 29% акций, китайский Tencent – 7,8% и еще 30% акций находится в руках владельцев GDR, размещенных на британской бирже LSE. «Похожая ситуация наблюдается и в «Яндексе», подчеркивается в исследовании [2].

С другой стороны, некоторые российские популярные ресурсы вышли из российской юрисдикции, тот же «Яндекс» официально зарегистрирован в Нидерландах, а «ВКонтакте» с российского домена V Kontakte.ru перешел на международный домен Vk.com. В докладе акцентируется внимание на том, что такие глобальные социальные сервисы, как Facebook, Twitter, YouTube, используются как координационный инструмент для мобилизации оппозиционных сил в ситуации политической нестабильности. Не вызывает сомнения, что в ноябре 2011 г. – марте 2012 г. и в российском сетевом пространстве также были задействованы те же сетевые технологии, которые были «обкатаны» в событиях «арабской весны». Речь идет, в частности, о мобилизации людей на противоправительственные акции через массовую рассылку в социальных сетях, об интенсивной скупке развлекательных сообществ с целью превращения их в протестно-политические, о распространении политического спама и т.п.

Все события «арабской весны» являются типичным примером того, как неустойчивая со-

циально-политическая и общая экономическая ситуация в государстве может привести к серьезным фундаментальным изменениям во властных структурах. Важность прогнозирования подобной нестабильности и ее предотвращение или ослабление являются важной задачей для разведывательного сообщества и вооруженных сил, прежде всего Соединенных Штатов и их союзников. В последнее время и в Соединенных Штатах активно развиваются научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в области создания и усовершенствования автоматизированных систем прогнозирования подобных кризисных ситуаций. При этом весьма повышенное внимание уделяется анализу, мониторингу, моделированию и прогнозированию взаимоотношений людей, прежде всего, в социально-культурной сфере. Особое значение принимают работы с информацией из открытых источников, такие, как мониторинг социальных медиа-технологий (блогосфер, социальных сетей и т. п.) и оказания через них активного влияния на целевую аудиторию. Недавно опубликованные материалы Агентства перспективных исследований и разработок министерства обороны США (DARPA) [2], Управления передовых исследований в разведывательной области аппарата директора Национальной разведки (IARPA) [3] и ФБР США только подтверждают этот факт. Экспертами Пентагона в 2011 г. было проведено исследование, одним из результатов которого явился обзор существующих в США систем прогнозирования и раннего предупреждения о конфликтах и нестабильности (прежде всего политической, экономической, социальной и др.) [4].

Среди исследовательских проектов и действующих автоматизированных систем с возможностями прогнозирования назревания кризисных ситуаций были выделены следующие:

- «Модель национальной оперативной среды» (National Operational Environment Model (NOEM));
- исследовательский проект «Прогнозирование и анализ комплексных угроз - III» (FACT III);
- проект «Глобальная сеть» (GlobalNet Project);
- система «Сентурион» (Senturion) разработки компании Sentia Group;
- объединенная система раннего предупреждения о кризисах ICEWS;
- программа Human Social Culture Behavior Modeling (HSCB);
- программа Social Media in Strategic Communication (SMISC), стартовавшая в июле 2011 г. в агентстве DARPA, и инструмент анализа социальных сетей и динамики мнений (Social Networks and Opinion Dynamics Analysis (SNODA) tool).

Вызвал интерес и проект управления IARPA, начатый в августе 2011 г. в рамках программы Open Source Indicators (OSI), связанный с поиском методов для осуществления непрерывного автоматизированного анализа открытых источников информации. Используемые методы призваны заранее обнаруживать важные и критичные социальные события с помощью анализа ранних индикаторов из многочисленных общественно доступных источ-

ников данных, таких, как: поисковые веб-запросы, блоги и микроблоги, интернет-трафик, веб-камеры отслеживания транспортных потоков, редакторские правки в Википедии и многие другие. При этом в настоящее время ощущается существенный недостаток в таких методах, которые позволяют выявлять неожиданные события на основе анализа открытых источников информации. Федеральное бюро расследований (Strategic Information and Operations Center (SIOC)) в январе 2012 г. объявило о поиске готовых к практическому использованию прикладных средств для анализа и предупреждения о возможных угрозах национальной безопасности США на базе изучения как открытых источников информации (например, Fox News, CNN, MSNBC и т.п.), так и социальных медиа (Twitter, Facebook и др.).

Международные эксперты отмечают, что разведывательные агентства осуществляют регулярный мониторинг социальных сетей уже в течение нескольких лет [5]. На самом деле получение разнообразной информации из социальных сетей рассматривается в разведсообществе США как важный и необходимый элемент повседневной деятельности [6]. Специфическая роль социальных сетей в процессах, происходящих в 2011 г. в странах Ближнего Востока и Северной Африки, заставила аналитиков по новому взглянуть на возможности использования данного явления. И прежде всего была существенно ускорена разработка программных средств, имеющих отношение к добыче информации в социальных сетях.

Эффективность использования социальных сетей в качестве источника разведывательной информации подтверждают и спецслужбы Израиля, в недрах которых было сформировано подразделение (social media unit), функционирующее в инфомедийном пространстве и предназначенное для контроля разнообразных социальных сетей, и прежде всего в арабском мире. По линии МИД Израиля на работу с социальными сетями в 2010 г. было выделено около 2 млн долл., а в августе 2011 г. в Брюсселе для 60 сотрудников израильских посольств, работающих в Европе, были организованы специальные курсы для более активного участия во взаимодействии с социальными сетями [7].

Наибольший объем разведывательной информации из социальных сетей в США добывается Государственным департаментом, Центром открытых источников ЦРУ (CIA's Open Source Center (OSC)) [8] и Министерством внутренней безопасности (подразделение Social Networking/Media Capability Unit). В ЦРУ ежедневно скачивается до 5 млн сообщений из Twitter [9]. Материалы, подготавливаемые на основе этих сообщений, помогают формировать информационные сводки, которые докладываются прежде всего сотрудникам администрации Белого дома и попадают в текст ежедневных посланий президенту США (President's Daily Brief).

Собственно, министерство обороны США рассматривает сайты Facebook и Twitter не только как информационные источники, но и в качестве

■ Мировая политика

оружия в современных и будущих конфликтах [10]. Пентагон разрабатывает наступательные методики в сочетании с разведывательным аспектом контроля информации в социальных сетях. Главным образом эти методики предназначены для оказания влияния на аудиторию социальных сетей и реализуются в рамках концепции создания специальных программных сетевых продуктов (Socialbots). Это программные продукты, которые формируют в социальных сетях тысячи фиктивных «личностей» (fictitious socially networked profiles), находящихся под централизованным контролем, и которые способны в онлайн-режиме поддерживать различные интенсивные тематические диалоги с сетевым сообществом.

Возвращаясь к «Рунет сегодня», можно отметить, что Фонд развития гражданского общества в докладе обращает внимание на вероятность того, что в ближайшие несколько лет Google сможет значительно упрочить свои позиции на российском рынке. И это происходит одновременно с ослаблением позиции медийных порталов из-за наступления социальных сетей и сервисов. В настоящий момент очевидно, что единственным серьезным медийным порталом в отечественном Интернете остался Mail.ru, но и он испытывает сильное конкурентное давление со стороны мировых почтовых сервисов Google (Gmail) и Apple (Me.com).

«Системообразующие элементы информационного пространства представляют собой новостные агрегаторы, но достаточно часто бывают случаи, когда представленные на них материалы «носят необъективный характер, а пользователям зачастую предлагается преимущественно политически ангажированный контент» [1].

Авторы доклада неслучайно особенно акцентировали внимание на социальных сетях, поскольку абсолютное большинство пользователей основное время в Интернете проводят именно там. В настоящее время «ВКонтакте» почти в 8 раз опережает Facebook по посещаемости и сохраняет свое доминирующее положение на российском рынке, однако тот факт, что сеть «ВКонтакте» слабо поддается контролю, ресурс «ВКонтакте» также представляет определенную угрозу информационной безопасности», – говорится в исследовании.

Как в мировом, так и в российском интернет-пространстве уже давно существуют профессиональные блогеры, чьи «живые журналы» и по размеру, и по содержанию, и по количеству посетителей приближаются по своему характеру к крупным сетевым СМИ. Авторы блогов принимают участие в различных информационных кампаниях, в том числе политического характера, и при этом не ограничены никакими рамками. Многие из них делают все для того, чтобы заработать определенный политический и финансовый капитал на своих журналах.

Самостоятельными острыми информационными поводами все чаще становятся видеозаписи, размещенные на сервисе YouTube, который практически является монопольным видеохостингом. Эти видеозаписи вызывают широкий резонанс в

обществе вообще и в социальных сетях в частности. При этом администрация YouTube зачастую ведет весьма спорную политику модерирования контента и нередко принимает достаточно спорные решения, что заставляет усомниться в ее нейтральности.

На основании вышеприведенного анализа в докладе Фонда развития гражданского общества «Рунет сегодня» делаются следующие выводы:

- «в России стремительно растет не только число интернет-пользователей, но и повышается интенсивность использования сети;

- за последние четыре года изменился демографический состав Рунета. В настоящее время средний возраст пользователя составляет 33 года, а его демографические характеристики близки к средним по России в целом;

- в отличие от традиционных медиа, стремительно растет уровень доверия к информации из Интернета. В ближайшие годы сеть станет основным источником получения информации для граждан страны;

- четверть из двадцати наиболее популярных сайтов Рунета являются глобальными (американскими) сервисами, и их доля растет на протяжении всех последних лет;

- произошла консолидация рынка интернет-поиска, который поделен между «Яндексом» и Google. Американская поисковая система продолжает активную экспансию на российский рынок;

- снижается роль крупных медийных порталов. Mail.ru рискует повторить судьбу «Рамблера», который ранее уже потерял большую часть своей аудитории;

- новостные агрегаторы продолжают оказывать воздействие на информационную картину Рунета и зачастую оказывают негативное информационное влияние;

- почти все активные пользователи Рунета зарегистрированы в социальных сетях, которые занимают более половины от общего времени, проводимого в сети;

- массовые пользователи перестают вести классические блоги, уходя в Twitter и социальные сети, однако «большие» блоги профессионализируются, конкурируя по качеству, уникальности контента и размеру аудитории с интернет-СМИ;

- YouTube занял монопольное положение среди видеохостингов в Рунете. При этом политика сервиса в части модерирования контента вызывает сомнения в его политической нейтральности;

- существенно изменилась система распространения информации в сети. Важную роль в формировании «информационных волн» стал играть Twitter. Видеохостинги и блоги потеснили традиционные и интернет-СМИ в качестве площадок публикации контента;

- снижается роль электронной почты как средства коммуникации. Она становится «интернет-паспортом» пользователей, необходимым для регистрации в других ресурсах;

- Skype занимает доминирующее положение в Рунете в качестве интернет-мессенджера, вытесняя с рынка ICQ, QIP и «Mail.ru Агент»;

– Internet Explorer лишился доминирующего положения на рынке интернет-браузеров, уступив Google Chrome, Apple Safari, Mozilla Firefox и Opera;

– браузеры оказывают большое влияние на смежные сегменты рынка, в частности на рынок интернет-поиска. При этом роль браузеров в ближайшее время будет расти, а их функционал усложняться;

– мобильный доступ в Интернет растет в России опережающими темпами. Планшеты и смартфоны в ближайшие годы станут столь же распространенными инструментами для доступа в сеть, как и персональные компьютеры» [1].

Из-за возрастания роли информации в современном социуме малые группы могут оказывать существенное влияние практически на неограниченное количество людей. Именно это подталкивает правительства разных стран к активному формированию национальной информационной политики, совершенствованию национальной информационной инфраструктуры, защите и обеспечению безопасности информационных систем, международному обмену информацией и созданию правительственных компьютерных систем.

Продолжающаяся технологическая и контентная революция в средствах массовой коммуникации по ряду основных показателей усложняет взаимодействие участников международных отношений, а интенсивное развитие интернет-технологий открывает новые возможности для выработки согласованной политики по преодолению политико-социальных и экономических кризисов и мер по их недопущению.

Несмотря на это, Интернет в своем современном состоянии способен выступать потенциальным провокатором различных кризисных ситуаций, а также может усиливать их. Информационно-коммуникационная инфраструктура государства – это прежде всего стратегический ресурс, который требует постоянного контроля и внимания. Любые действия деструктивного характера в информационной среде могут иметь серьезные последствия для управляемых сетей и систем, вследствие чего информационные сети сегодня выступают как средства информационной борьбы в среде публичной политики, религиозных организаций, предпринимателей и бизнесменов, различных преступных группировок и групп террористов. Социально-политические последствия научно-технического прогресса часто находятся в противоречии с интересами пользователей Интернета, подвергающихся различного рода кибератакам.

Первым успешным опытом глобального применения возможностей социальных сетей в ходе политических кампаний были выборы президента США Барака Обамы в 2008 г. Значительную роль в том, что он тогда одержал победу, сыграли рассылки сообщений на сотовые телефоны, через социальные сети, электронную почту. Таким образом, создавалось ощущение, что кандидат в президенты общается с каждым своим избирателем непосредственно. Технологии массовой рассылки в социальных сетях использовались в ходе событий в арабском мире,

названных «арабской весной». Очевидно, что эти технологии будут использоваться и в дальнейшем.

Все это свидетельствует о том, что в современную эпоху изменился характер войн, и мы присутствуем при зарождении войн нового типа, которые можно назвать информационно-сетевыми войнами. Эти войны нового типа обусловлены несколькими основными факторами:

- развитием коммуникационных технологий;
- возникновением глобальной коммуникационной сети Интернет;
- совершенствованием технологий психологического воздействия на общество.

Очевидно, что комплексное применение всех этих факторов способно оказать разрушительное воздействие на государственные устои, при этом такого результата можно достичь, не прибегая к непосредственному военному вмешательству или экономическому давлению, а только воздействуя на морально-психологические установки населения и руководства страны. Информационное воздействие на противника всегда играло существенную роль в силовом противостоянии между государствами или заинтересованными общественными группами, и манипулирование общественным мнением зародилось далеко не сейчас. С его помощью осуществляется расширение политического влияния, поскольку появляется возможность воздействовать на устроения масс и манипулировать поведением больших групп населения.

Элиты осознают, что, контролируя средства массовой информации, можно влиять на развитие и ход общественных процессов. Можно сказать, что новейшие политтехнологии, направленные на разрушение государств, переносят агрессию из военно-территориального пространства в информационно-сетевое. В нем объектом «нападения» становится общественное самосознание, национальная и культурная идентичность, а средством нападения – дискредитация и уничтожение традиционных ценностей нации. Существенной особенностью такой информационной войны является то, что информационная агрессия не воспринимается массовым сознанием как агрессия, а воспринимается как принятие новых прогрессивных и современных установок. Точно так же, как «движение на пути к прогрессу», может воспринимать подобное информационное вторжение и национальная элита, поэтому она не оказывает ему сопротивления, а, напротив, становится еще одним ретранслятором информационной агрессии. Именно эта особенность данного вида вторжения, когда те, кто подвергаются нападению, воспринимают его не как агрессию, а как благо, и является основной «поражающей силой» современных информационных войн.

Перед лицом агрессора жертва оказывается беззащитной и не в состоянии оказать ему своевременное и адекватное сопротивление. Последствия информационных войн практически необратимы. Мы знаем примеры, когда результаты традиционных войн подвергаются ревизии, взять для примера хотя бы итоги последних мировых войн. Но в том случае, когда оказалась поверженной не только

■ Мировая политика

военная машина государства, но и реформирована духовная основа побежденной нации, то происходит необратимое изменение самосознания нации в соответствии с установками победителя.

Актор-агрессор использует в информационно-сетевой войне различные общественные структуры:

- во-первых, это средства массовой информации;
- во-вторых, это различные общественные движения, религиозные организации, культурные и образовательные структуры, неправительственные фонды и т.д.

Все вместе они осуществляют массовое разрушающее воздействие на общественную систему страны, действуя под прикрытием лозунгов о соблюдении прав человека, развития подлинной демократий и гражданского общества. Информационно-сетевая атака характеризуется также отсутствием жесткой иерархии в информационно-сетевых структурах, что вызвано гетерогенностью коммуникационных сетей с их автономными объектами, не связанными в какую-то определенную вертикальную иерархию, но обладающими огромными горизонтальными связями, что используется современными военными и секретными службами для осуществления информационного воздействия на противника.

Уже отмечалось, что в США разрабатывается программа, которая позволит создавать онлайн-персонажей для «распространения проамериканской пропаганды» через Twitter, Facebook и другие подобные сервисы, о чем сообщает The Guardian (Великобритания). Пункт управления этой деятельностью расположится на базе BBC США «Макдилл» близ Тампы (Флорида) и будет функционировать в круглосуточном режиме. В программе будет задействовано до 50 операторов, каждый из которых сможет контролировать до 10 фиктивных юзеров, так называемых «марионеток», зарегистрированных в различных странах мира. Предполагается, что каждая онлайн-персона будет снабжена убедительной «легендой». Предусмотрена изолированная система защиты от разоблачения. По словам Билла Спикса, пресс-секретаря Центрального командования ВС США, поскольку воздействовать на американскую аудиторию запрещено американским законодательством, то система будет задействована в работе на арабском, фарси, урду, пушту и других языках, но не на английском.

«Предполагается, что данная инициатива является частью операции «Искренний голос» (OEV), первоначально разработанной для ведения психологической борьбы с сетевой деятельностью сторонников «Аль-Каиды» и других сил против войск коалиции в Ираке. Генерал Джен Маттис, руководитель Центрального командования ВС США, которое выступило заказчиком ПО, заявил: «OEV создана для того, чтобы подорвать механизм вербовки и подготовки террористов-смертников; лишить наших противников прибежища, а также для борьбы с экстремистской идеологией и пропагандой». Центральное командование подтвердило, что кон-

тракт стоимостью 2,76 млн долл. достался недавно зарегистрированной в Лос-Анджелесе компании Ntrepid» [11].

Целью информационной агрессии, как и в традиционной войне, является установление политического и экономического господства путем поддержки сепаратистских и террористических кругов, провокации «массовых волнений», организации хакерских атак на государственные и военные информационные системы, распространения компьютерных вирусов и т.д. Свежий пример на эту тему связан с обострением нынешнего палестино-израильского конфликта. По сообщению Reuters, правительственные сайты Израиля подверглись более чем 44 млн кибератак с начала военной операции против палестинских боевиков. Эти атаки были направлены против интернет-ресурсов, связанных с системой обороны Израиля, против официальных сайтов премьер-министра, президента и министерства иностранных дел страны. Кибератаки проводились с территории разных стран, но преимущественно из Израиля и Палестины.

Следует отметить, что израильская армия в этом конфликте применила новую доктрину ведения кибернетической войны, в которой, помимо прочего, учитывается массовое появление у населения современной электронной техники и увлечение израильтян социальными сетями. Неожиданно возникла проблема, которая до этого вообще ускользнула из поля зрения заинтересованных структур. Многие израильтяне уже давно используют смартфоны (или цифровые фотоаппараты с GPS) для быстрой публикации фотографий в Интернете. При этом они зачастую не принимают во внимание тот факт, что при такой публикации фотографии в сети рядом с ней может появляться карта с точным указанием места съемки.

«В случае если речь идет о съемках в местах падения ракет, данная информация может быть использована противником для коррекции огня. Военная цензура требует от СМИ не указывать точное место падения ракет и некоторую другую информацию, которая может быть использована противником. Блогерам и любителям размещать фотографии и видеозаписи в Интернете следует также считаться с требованиями цензуры. Владельцам смартфонов и цифровых фотоаппаратов, публикующим снимки в социальных сетях, необходимо ознакомиться с руководством пользователя и обратить внимание на функцию удаления информации о месте съемок».

Вернемся к методам ведения информационных войн. Исследователи выделяют достаточно широкий спектр методов, которые используются в информационном противоборстве. Это в первую очередь откровенная дезинформация, когда общественность намеренно вводится в заблуждение. Это сокрытие существенно значимой информации или ее погружение в массив малозначимой информации, где она теряется среди новостного мусора. Это превалирование негативной информации над позитивной для создания соответствующего психологического фона. Это использование недостоверных или методологически некорректных социологических

опросов и рейтингов в качестве аргументов. Это подмена понятий или использование так называемых сетевых «мемов» для искажения подлинного смысла.

Можно дополнить материал о том, как манипулируют информацией в интернет-пространстве анекдотичным, но показательным примером. Министерство связи и массовых коммуникаций России опровергло на своем сайте сообщения об обязательной регистрации популярных интернет-ресурсов как СМИ. Информация, опубликованная сайтом поддельных новостей FogNews, разошлась днем 25 сентября по нескольким русскоязычным медиалогам. «Новость» о поправках в закон о СМИ, которые якобы внес министр связи Николай Никифоров, появилась на сайте FogNews 22 сентября. В новости сообщается, что государство после ухода Дмитрия Медведева с поста президента начало «закручивать гайки во всех социальных сферах» и решило «взять под контроль непокорных блогеров».

Согласно придуманным FogNews поправкам к закону о СМИ, все блоги с посещаемостью свыше тысячи человек обязаны регистрироваться как полноценные СМИ. 26 сентября новость со ссылкой на FogNews появилась на сайте петербургского издания «Лениздат», а также на сайте Гильдии издателей периодической печати и на портале «Новый репортер». Министерство связи официально заявило: «В ответ на появившиеся в СМИ сообщения о том, что на рассмотрение Государственной Думы якобы внесен проект поправки в закон «О средствах массовой информации», по которой интернет-издания с посещаемостью свыше 1000 человек, будут обязаны регистрироваться как СМИ, пресс-служба Минкомсвязи России сообщает, что министерство с подобными инициативами не выступало и выступать не намерено. Такие предложения на обсуждение не выносились».

А неофициально было предложено «господам журналистам» «внимательнее относиться к перепечатке информации с сайтов, которые официально действуют как источники информации полностью выдуманных новостей». Проверка источников, как говорилось в заявлении министерства, избавит журналистов от «необходимости краснеть за распространение ерунды». Но очевидно, что это ерунда не так уж и безобидна. В данном контексте необходимо также упомянуть о так называемых «информационных минах» и «информационных бомбах», используемых для неконтролируемого роста протестного настроения в социуме.

Ярким примером отработки технологии информационных войн являются события последних лет на Ближнем Востоке и в Северной Африке – в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии. Можно сказать, что эти события разворачивались в режиме онлайн, ретранслируемые на весь мир посредством Youtube, Facebook и Twitter. При этом те же сервисы (плюс электронная почта и мобильные телефоны) послужили и для провокации волнений, и они же использовались как для мобилизации «активистов», так и для организации массовых уличных акций. Все это безошибочно работало в накаленной атмосфере,

сложившейся в арабском мире. Однако это не сработало в российских условиях, хотя сценарий «раскрутки» революционного маховика осенью прошлого года был написан его авторами по тем же лекалам. Как уже говорилось выше, серверы основных сетевых популярных сервисов (Twitter, Facebook, Yahoo и др.) располагаются на территории США и полностью подконтрольны соответствующим местным разведывательным структурам, что потенциально дает им возможность по своему сценарию «запускать» лавинообразное возбуждение в социальных сетях и вообще в киберпространстве противника. Отключение мобильной связи и блокирование доступа в Интернет, после того как информационная бомба взорвалась и массовая рассылка провокативных сообщений была произведена, уже не может спасти положение.

Современный мир становится все более нестабильным. Очаги социальной, экономической, политической нестабильности из традиционных «неблагополучных» регионов, таких, как Ближний Восток или Юго-Восточная Азия, перемещаются в ранее благополучные регионы, в том числе и в Европу. Это связано, несомненно, с процессами тотальной глобализации, с миграционными процессами, с всеобщим экономическим кризисом. Появляется все больше люмпенизированных групп населения, обозленных на окружающий их «несправедливый» мир. Именно такие люди становятся «бойцами» всяческих радикальных движений в любых странах и в любой момент готовы выплеснуть на улицы свой протест. Ярким примером такого протеста был акт самосожжения молодого человека в Тунисе, которое было ретранслировано в средствах массовой информации и социальных сетях едва ли не с провокационной целью, что в общем-то и послужило «спусковым крючком» тунисской революции. Как справедливо заметил в своей статье В.В. Карякин, это были:

- «прямые» репортажи, снятые на камеры сотовых телефонов неизвестно кем и неизвестно где;
- сообщения о многочисленных жертвах;
- репортажи из якобы захваченных повстанцами городов;
- беспорядочная стрельба перед телекамерами СМИ;
- слухи о «переходе» на сторону повстанцев сына Каддафи;
- бегство ливийских дипломатов в США и Францию.

Однако если внимательно присмотреться, то видно, что в СМИ разыгрывается виртуальная война, смонтированная и отретушированная на компьютерах и вброшенная в виртуальное пространство для обоснования санкций Совета Безопасности ООН и последующей интервенции сил НАТО. Если Тунис и Египет были первыми пробами заокеанских режиссеров этого псевдореволюционного спектакля, то Ливия была первой реальной боевой операцией мировой информационно-сетевой войны Запада против неудобного режима. Это типичный пример реализации информационно-сетевой стратегии «управляемого хаоса»,

■ Мировая политика

которая оказалась новым и весьма эффективным средством сохранения американского глобального лидерства» [12].

Роль и значение исследования так называемых проблем кибертерроризма, научной обоснованности мер их разрешения резко возрастают в условиях усложнения социальной структуры и политической жизни общества, падения доверия к политическим институтам, неэффективности некоторых механизмов влияния на общество. Эти и другие обстоятельства диктуют необходимость выработки адекватной эффективной государственной политики противодействия кибертерроризму и разработки новой «интеллектуальной технологии» и программных инструментов для контроля «темного веба» и анализа социальных сетей. Поэтому, как уже отмечалось ранее, в июле 2011 г. агентство DARPA объявило о начале работ в рамках программы SMISC (Social Media in Strategic Communication). Следует отметить технологии компании i2 (Великобритания – США), которые помогают автоматизировать аналитическую деятельность, применяя визуализацию объектов анализа и обеспечивая поиск скрытых закономерностей и связей между ними.

Также заслуживают внимания визуальная аналитическая среда Starlight и системы безопасности BFT-ONE, к развертыванию которых в ряде стран, наиболее опасных в террористическом отношении, приступило Бюро дипломатической безопасности Госдепартамента США (Bureau of Diplomatic Security (DS)). В первую очередь системы мониторинга BFT-ONE вводятся в Ираке, Пакистане, Афганистане и Йемене. Госдепартамент уже использовал в Ираке систему BFT главным образом для контроля за действиями сотрудников охраны американского диппредставительства и передвижениями автомобилей дипломатов высшего ранга. Эксперты Госдепартамента США считают, что системы безопасности BFT-ONE придадут сотрудникам зарубежных представительств больше уверенности, особенно при передвижении по опасным районам, поскольку те будут знать, что за ними осуществляется постоянное наблюдение, а также имеется возможность оперативного реагирования на сигналы о помощи.

Возвращаясь к докладу Фонда развития гражданского общества «Рунет сегодня» и на основании вышеприведенного обзора глобальных процессов, спровоцированных с применением интернет-технологий, можно сделать некоторые выводы и дать определенные рекомендации. Нужно принять действенные меры для восстановления суверенитета России над этими общественными информационно-социальными институтами. Нужно принять государственную программу развития Рунета, поскольку социальные сети, электронные средства массовой информации, телевидение и реакция на них «улицы» будут в ближайшее время главными факторами общественно-политической жизни страны. Важно не потерять суверенитета России в области духовных и нравственных ценностей, в сфере национального самосознания. Например, в средствах массовой коммуникации, и на телевидении в частности, контент практически десоверени-

зирован. Множество программ является кальками с американских или европейских аналогов и соответственно ретранслируют ту систему ценностей, которая входит в диссонанс с ценностями большинства российского населения.

Однако бессмысленно пытаться побудить, например, популярную социальную сеть «ВКонтакте» переходить под российскую юрисдикцию. В первую очередь необходимо развивать те сервисы, которые пока еще находятся под российской юрисдикцией в рамках общей политики перевода российской экономической собственности в российскую юрисдикцию. К сожалению, необходимость этой политики еще не достаточно осознана, и, как известно, многие наши структурообразующие корпорации владеют активами через офшоры.

В какой-то степени повлиять на сложившееся положение вещей смогли бы такие отечественные проекты, которые станут для пользователей более привлекательны, чем иностранные интернет-сервисы. При этом еще дополнительным негативным фактором является то, что наши законодатели усугубляют экономические проблемы российских интернет-проектов, в частности запретив рекламе алкоголя в Интернете и лишив таким образом российские площадки крупного источника дохода. В то время как западные сетевые русскоязычные ресурсы спокойно размещают такую рекламу. Естественно, основные рекламные контракты уходят туда, что увеличивает и так излишнее иностранное влияние.

В работе иностранных интернет-сервисов в России есть момент, связанный с тем, что наше государство лишено, как уже было сказано, возможности полноценного контроля за основными каналами распространения информации. До сих пор не выработано полноценного механизма взаимодействия с крупными иностранными социальными сервисами, хотя практика недавно принятого закона о защите детей от вредного контента показывает, что такое взаимодействие может быть достигнуто. По словам одного из разработчиков данного закона, депутата ГД РФ Елены Мизулиной: «Такой популярный сайт, как YouTube, принадлежит американской компании, не нашей, но даже на нем был наведен порядок еще до вступления в силу закона. Мы наблюдаем, как Google убирает противоправный контент, как только приходит уведомление, без всяких споров. Более того, Google, которой, собственно, и принадлежит популярный видеохостинг YouTube, обратилась в Роскомнадзор и сообщила специально созданный адрес электронной почты, по которому она будет получать уведомления о включении тех или иных интернет-страниц на хостингах Google в реестр запрещенных сайтов».

Примечателен китайский опыт. Доступ к иностранным сайтам изнутри материкового Китая ограничивается правительством Китая в целях цензуры. Веб-страницы фильтруются по ключевым словам, связанные с государственной безопасностью, а также по «черному списку» адресов сайтов. Иностранные поисковые машины, работающие в Китае, включая Google, Yahoo и Microsoft (поиск

Live Search), согласились аналогичным образом фильтровать результаты поиска. Сайты, расположенные в самом Китае, проходят регистрацию в министерстве промышленности и информационных технологий (кит.), что позволяет выявить автора незаконного содержимого. При этом Китай, запретив иностранные интернет-ресурсы, успешно развивает свои как информационные, так и коммерческие интернет-площадки. Особое внимание китайские власти уделяют контролю крупнейшей национальной платформы социальных сетей Weibo. Самым внимательным образом отслеживались силовыми ведомствами КНР последние события «арабской весны» 2011 г. и активная роль социальных сетей.

Принимая во внимание накопленный опыт, был подготовлен ряд важных решений, которые, по мнению властей Китая, должны способствовать стабилизации ситуации в блогосфере. С конца 2011 г. китайских пользователей Интернета уже стали постепенно обязывать записываться под своими настоящими именами при открытии блогов, в больших социальных сетях, базирующихся в Пекине, Шанхае, провинции Гуандун, недавно ставших очагами социальных волнений в стране [13]. А начиная с 16 марта 2012 г. в социальных сетях Китая вводится запрет анонимности, то есть теперь китайские пользователи социальных сетей должны отказаться от псевдонимов и применять свои подлинные имена. В случае несоблюдения этого правила пользователям, как минимум, будет запрещено размещать или пересылать сообщения.

Другой пример. США недавно ввели односторонние санкции (традиционный запрет на въезд и замораживание счетов) против нескольких должностных лиц Ирана, в том числе против министра связи и информационных технологий Реза Тагипур, а также некоторых чиновников министерства культуры и исламской ориентации и подчиненного ему совета по надзору за прессой. В «черный список» попали и другие «ключевые физические лица и организации, несущие ответственность за применение «цензуры в отношении иранского народа», нарушение «свободы слова и собраний», «ограничение доступа к печатным средствам массовой информации, телевидению и радио, в том числе посредством глушения спутникового сигнала из-за рубежа на Иран». Таким образом США среагировали на блокировку Ираном сервисов Google, включая Gmail. Иранское руководство пошло на это, чтобы исключить просмотр на YouTube оскорбительной для мусульман американского фильма «Невинность мусульман», вызвавшего бурные протесты жителей всех исламских стран, в том числе и Ирана. Служащий государственного агентства по интернет-цензуре и борьбе с компьютерными преступлениями Абдолсамада Хорамабади заявил, что требование блокировки сайта и почтового сервиса исходило не от власти, а от простых иранцев, возмущенных распространяемым в сети американского фильма. Этот пример наглядно демонстрирует, что борьба «за умы» в киберпространстве переходит уже из сферы виртуальной в плоскость реальных политических и дипломатических шагов.

Вернувшись к проблемам Рунета, стоит отметить, что и в нашем обществе Facebook, Twitter и мировой видеохостинг-монополист YouTube становятся центральными инструментами координации и мобилизации оппозиционных сил. Одной из причин такого явления стало то, что протестные силы фактически были изолированы от традиционных СМИ. Оппозиционных деятелей не слишком часто приглашали на федеральное телевидение, например, и они ушли в более свободные зоны, которыми, собственно, стали социальные сервисы в Интернете. Именно из-за этого в первую очередь возникла ситуация, когда долгое время оппозиция была создателем информационных трендов в блогосфере. В последнее время положение несколько меняется, власть стала уделять больше внимания Интернету, социальным сетям.

Очевидно, что меры по противодействию экстремизму лежат в плоскости создания адекватного законодательства. Сейчас уже приняты некоторые законы, направленные на осуществление более плотного контроля над различной противоправной информацией, которая распространяется в сети. Например, уже упомянутый закон, связанный с защитой детей от вредной информации. Можно дискутировать о его отдельных положениях, но закон этот был нужен и он начал работать. Важно отработать механизм взаимодействия государства с крупнейшими интернет-сервисами для контроля над распространением противоправного контента. Этот алгоритм сегодня еще не достаточно разработан. При этом не стоит забывать о том, что одними административными мерами проблему экспансии западных сервисов в Рунете не решить. Причины экспансии западных сетевых ресурсов на просторы Рунета кроются в более высоком качестве предоставляемых ими услуг.

Надо сказать, что некоторые шаги для защиты российского интернет-пространства уже сделаны. Так, 26 сентября в верхней палате парламента состоялось заседание комиссии по развитию информационного общества, где шла речь о создании стратегии кибербезопасности России. «По словам инициатора встречи сенатора Руслана Гаттарова, в России впервые будет реализован принцип, когда в создании столь важного документа смогут принять участие сразу все заинтересованные стороны. На встречу были приглашены как представители ведущих компаний, работающих на рынке интернет-безопасности (Лаборатория Касперского и другие), так и представители ФСБ, МВД, Минкомсвязи, Администрации Президента РФ. Угроза кибертерроризма стоит во всем мире достаточно остро, ведущие страны мира принимают концепции национальной безопасности в интернет-сфере, в том числе и чтобы защитить госсектор. Подобные документы подготовлены в США, Китае, Великобритании и других странах. В России также озаботились этой проблемой. В результате будет написана и впоследствии реализована концепция госполитики в области обеспечения кибербезопасности».

Так же есть планы относительно создания Советом Федерации в начале 2013 г. собственного кру-

■ Мировая политика

гласуточного телеканала для вещания в Интернете. Инициатором создания телеканала, который носит рабочее название "Вместе-РФ", стала Председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко. В планах канала – ведение прямых трансляций заседаний сенаторов, а также информация о жизни регионов России. Не менее 10 процентов эфира отдадут под познавательный контент: зрители ждут программы о науке, культуре, истории парламентаризма, экологии. Также на канале будут транслироваться художественные и документальные фильмы, подкрепляющие идею объединения россиян.

«Такой проект, несомненно, повысит авторитет Совета Федерации, его открытость в обществе, а также создаст единое информационное региональное пространство», – заявляла В. Матвиенко. Основная студия телеканала разместится в здании Совета Федерации на Дмитровке. Там будет сооружен полноценный павильон с декорациями и светом. Планируется создание и региональных студий в других городах. Кандидатура на пост главного редактора телеканала уже подобрана, но его имя будет объявлено только после регистрации нового СМИ в Роскомнадзоре. Пока не решен вопрос с финансированием проекта. Ра-

нее Минфин отказал В. Матвиенко в выделении 265,2 млн руб. на развитие канала в 2013–2015 гг. В министерстве главе Совфеда посоветовали использовать для вещания бесплатные видеохостинги, например YouTube.

Социальная стабильность государств будет во все большей степени зависеть от правильного использования информации именно там, где она более всего необходима в данный политический момент. В этом контексте проблема информации в современном мире многоаспектна: ее можно анализировать как глобальную, оказывающую универсальное влияние на тенденции политического, социально-экономического, научно-технического и культурного развития мирового сообщества. Таким образом, информационное обеспечение внешней политики и международных отношений по своему значению стоит в одном ряду с такими приоритетными проблемами мировой политики, как нераспространение ядерного оружия, ограничение и запрещение оружия массового поражения, урегулирование региональных конфликтов и миротворчество, укрепление всеобъемлющей безопасности, сохранение культурного наследия и обеспечение прав человека.

Список литературы

1. Доклад «Рунет сегодня: исследование российского Интернета» // См. URL: <http://www.civalfund.ru/mat/view/1> (дата обращения: 30.09.2012).
2. Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA) - Social Media in Strategic Communication (SMISC): Broad Agency Announcement, DARPA-BAA-11.64. 2011. July 14. См. URL: <http://cryptome.org/dodi/dod-smisc.pdf> (дата обращения: 07.11.2012)
3. Intelligence Advanced Research Projects Activity (IARPA). Open Source Indicators (OSI) Program: Broad Agency Announcement, IARPA-BAA-11-11. Office of Incisive Analysis. Release Date: 2011, August 23. См. URL: http://goodtimesweb.org/surveillance/IARPA-BAA-11-11_20110823.pdf (дата обращения 07.11.2012)
4. Environmental Change and Fragile States — Early Warning Needs, Opportunities & Intervention : AEPI Report. Army Environmental Policy Institute. 2011. September 21. См. URL: http://www.aepi.army.mil/docs/whatsnew/MAN0BC2_report_combined_compressed.pdf (дата обращения: 21.11.2012).
5. Stokes J. EFF's new lawsuit, and how the NSA is into social networking // Ars Technica. URL: <http://arstechnica.com/tech-policy/2009/07/effs-new-lawsuit-and-how-the-nsa-is-into-social-networking/>
6. Parascandola R. NYPD Forms New Social Media Unit to Mine Facebook and Twitter for Mayhem // The New York Daily News. 2011. August 10. URL: <http://www.nydailynews.com>
7. Israeli diplomats train on Twitter PR // Israel News. 2011, August 29. <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4114989,00.html>
8. Mayfield T.D. A Commander's Strategy for Social Media // Joint Forces Quarterly. 2011.
9. CIA Analysts Comb Social Media for Trouble Spots. The Associated Press. 2011. November 4. URL: <http://grapevinestar.com/media/blog/2011/11/23/cia-analysts-comb-social-media-for-trouble-spots/>
10. Streitfeld D. Pentagon Seeks a Few Good Social Networkers // The New York Times. 2011. August 2. – URL: <http://bits.falogs.nytimes.com>
11. Nick Fielding and Ian Cobain, Revealed: US spy operation that manipulates social media. The Guardian, Thursday 17 March 2011 // - URL: <http://www.guardian.co.uk/technology/2011/mar/17/us-spy-operation-social-networks> (дата обращения 29.10.2012)
12. Карякин В.В., Наступила эпоха следующего поколения войн – информационно-сетевых. Независимая газета, 22.04.2011 // URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2011-04-22/1_new_wars.html?mpil (дата обращения: 03.11.2012)
13. La Chine met fin à l'anonymat sur ses reseaux de microblogging // La Liberation. 12.02.2012. – URL: <http://fc\news.yahoo.com>

Об авторе

Сурма Иван Викторович – к.э.н., доцент кафедры государственного управления и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России, член экспертного совета Комитета по финансовому рынку Государственной думы РФ. E-mail: vsurma@gmail.com

GLOBAL SUPRANATIONAL ACTORS OF INTERNATIONAL RELATIONS AND SOCIAL PHILOSOPHY

I.V. Surma

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *In article it is shown, that the continued technological and content revolution in the means of mass communication in a number of key indicators complicates the interaction of the participants of international relations, and «information of the press» is of special importance in the modern international relations is the priority, which gives all grounds to attribute the information to the category of factors that determine the fundamental social change in the modern world. Possibilities of modern information society is not always amenable to precise forecast, the action of politicians and international organizations. The Internet space is gradually becoming the main actor in international relations, and one of the most unpleasant aspects of this process is the loss of the information society sustainability. These and other circumstances dictate the need to generate adequate effective state policy of counteraction to cyber terrorism and the development of the new «intellectual technologies» and software tools to control the «dark-web» and analysis of social networks. Social stability of the States will increasingly depend on the correct use of information where it is needed most in this political moment. In article it is shown that the information support of foreign policy and international relations of the stands in one row with such priority issues of world policy as non-proliferation of nuclear weapons, restriction and prohibition of weapons of mass destruction, settlement of regional conflicts and peace-making, strengthening of comprehensive security, the preservation of cultural heritage and promotion of human rights.*

Key words: geopolitics, cyber terrorism, social networks, the Internet-space, the Arab spring, Socialbots, cyber attacks.

References

1. Report "Runet Today: A Study on the Russian Internet". Available at: <http://www.civilfund.ru/mat/view/1>. Accessed September 30, 2012. (in Russ.).
2. Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA). Social Media in Strategic Communication (SMISC). Broad Agency Announcement, DARPA-BAA-11-64. July 14, 2011. Available at: <http://cryptome.org/dodi/dod-smisc.pdf>. Accessed November 07, 2012.
3. Intelligence Advanced Research Projects Activity (IARPA). Open Source Indicators (OSI) Program. Broad Agency Announcement, IARPA-BAA-11-11. Office of Incisive Analysis. August 23, 2011. Available at: http://goodtimesweb.org/surveillance/IARPA-BAA-11-11_20110823.pdf. Accessed November 07, 2012.
4. Environmental Change and Fragile States – Early Warning Needs, Opportunities & Intervention. AEPI Report. Army Environmental Policy Institute. September 21, 2011. Available at: http://www.aepi.army.mil/docs/whatsnew/MANOBC2_report_combined_compressed.pdf. Accessed November 21, 2012.
5. Stokes J. EFF's new lawsuit, and how the NSA is into social networking. Ars Technica, July 24, 2009. Available at: <http://arstechnica.com/tech-policy/2009/07/effs-new-lawsuit-and-how-the-nsa-is-into-social-networking/>.
6. Parascandola R. NYPD Forms New Social Media Unit to Mine Facebook and Twitter for Mayhem. The New York Daily News, August 10, 2011. Available at: <http://www.nydailynews.com>.
7. Israeli diplomats train on Twitter PR. Israel News, August 29, 2011. Available at: <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4114989,00.html>.
8. Mayfield T.D. A Commander's Strategy for Social Media. Joint Forces Quarterly, 2011, no. 60, pp. 79-84.
9. CIA Analysts Comb Social Media for Trouble Spots. The Associated Press, November 4, 2011. Available at: <http://grapevinestar.com/media/blog/2011/11/23/cia-analysts-comb-social-media-for-trouble-spots/>.
10. Streitfeld D. Pentagon Seeks a Few Good Social Networkers. The New York Times, August 2, 2011. Available at: <http://bits.falogs.nytimes.com>.
11. Fielding N., Cobain I. Revealed: US spy operation that manipulates social media. The Guardian, March 17, 2011. Available at: <http://www.guardian.co.uk/technology/2011/mar/17/us-spy-operation-social-networks>. Accessed October 29, 2012.
12. Kariakin V.V. The Onset of the New Epoch of Wars – Information Network Wars. Nezavisimaya gazeta [Independent Newspaper], April 22, 2011. Available at: http://nvo.ng.ru/concepts/2011-04-22/1_new_wars.html?mpri1. Accessed November 03, 2012. (in Russ.).
13. La Chine met fin à l'anonymat sur ses réseaux de microblogging [China puts an end to the anonymity in the microblogging network]. La Liberation, February 12, 2012. Available at: <http://fc.news.yahoo.com>

About the author

Ivan V. Surma – PhD in Economics, associate professor of the Department of State Governance and Security at the Diplomatic Academy at the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Member of the Expert Committee on the Financial Market of the Russian State Duma. E-mail: vsurma@gmail.com

ИНТЕРНЕТ – ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

В.П. Терин

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....

Интернет не может не привлекать внимания в качестве управленческого ресурса, и с его появлением должна была начаться борьба за использование его возможностей в политических интересах, став одной из основных движущих сил его развития. Автор исследует использование информационных и коммуникационных технологий в политической жизни США, а также делает выводы относительно тенденций развития глобального информационного общества. С приходом в Белый дом Барака Обамы перевод политического действия в киберпространство приобретает явный характер. Автор полагает, что второй срок своего пребывания в Белом доме Барак Обама планирует в качестве поворотного в развитии страны (что, по-видимому, связано главным образом с оздоровлением американской экономики). Стратегия США имеет глобальный характер, в том числе это касается сферы информационных технологий. Барак Обама осуществляет воздействие по типу операционной системы на то, что происходит в мире. В этой связи автор полагает, что требуют отдельного исследования такие проблемы, как выявление движущих сил «арабской весны» и истинные причины недавнего отказа США подписать соглашение по телекоммуникациям, которое должно было распространиться и на Интернет, в Дубае в январе 2013 г.

.....

Ключевые слова: глобализация, инфокоммуникации, управление, Интернет, США, Барак Обама.

Интернет не может не привлекать внимания в качестве управленческого ресурса, и с его появлением должна была начаться борьба за использование его возможностей в политических интересах, став одной из основных движущих сил его развития. «После нашей статьи о проекте «Commotion», осуществление которого позволяет создавать информационные сети, обходящие цензуру и могущие быть без особого труда развернутыми в странах с диктаторскими режимами, – пишет Д. Лелуп, – многие читатели задают один и тот же вопрос: «Кто сегодня контролирует Интернет?». Вследствие децентрализации своей деятельности Интернет не поддается контролю со стороны какой-либо организации как таковой, будь это государство или частная организация. Тем не менее в отличие от того, что полагают многие, эта сеть не представляет собой некие «джунгли», где каждый свободен делать всё, что ему вздумается: на всех уровнях ее функционирования действует много организаций, которые осуществляют или способны осуществлять контроль или цензуру того, что распространяется в ней» [5]. С приходом в Белый дом Барака Обамы перевод политического действия в киберпространство приобретает явный характер. Не углубляясь в историю (тем более что поддержка Обамы множеством людей, обжившихся в мире электронных коммуникаций, хорошо известна [1]), обратим внимание на то, что произошло в США после промежуточных выборов 2010 г., когда большинство в палате представителей оказалось у республиканцев.

Барак Обама: политика посредством Интернета

Оказавшись в сложных отношениях с законодателями, Барак Обама, используя опыт сетевого программирования своей поддержки, полученный им главным образом в ходе избирательной кампании 2008 г., пошел на шаг, означающий разрыв с традиционными представлениями о том, что для политического истеблишмента является само собой разумеющимся. Дело в том, что после своей победы на промежуточных выборах республиканцы в палате представителей стали угрожать дефолтом в связи с проблемой государственного долга.

И тогда Барак Обама сделал неожиданный для своих противников ход. Он напрямую обратился к американскому народу с призывом не допустить дефолта. Выбрав время, когда собирается больше всего телезрителей, он сказал: «Я прошу всех вас сделать так, чтобы ваш голос был услышан. Если вы хотите, чтобы проблема дефицита была решена сбалансированным образом, пусть ваш представитель в палате также знает об этом. Если вы хотите решения этой проблемы на пути компромисса, то сообщите ему об этом». В ответ на обращение президента на Конгресс обрушилась лавина сообщений. Их было так много, что стали зависать принимавшие их веб-сайты, а телефонная сеть палаты представителей оказалась под такой нагрузкой, что обслуживающий ее тех-

нический центр поднял тревогу и посоветовал парламентариям пользоваться неслужебными телефонными номерами.

В следующий раз Барак Обама использовал тот же ход осенью 2012 г. На этот раз речь шла о его законопроекте о рабочих местах. Во время своей поездки по нескольким штатам, которая сама по себе выглядела как традиционное для президентов США средство обеспечения себе широкой поддержки, Обама снова обратился к американскому народу с призывом воздействовать на Конгресс, используя для этого все электронные средства коммуникации, включая социальные сети Twitter и Facebook. Затем Обама прибег к использованию киберпространства для оказания давления на своих республиканских оппонентов в конце прошлого года, когда истек срок действия уменьшения налогов на заработную плату и необходимо было согласие республиканцев на то, чтобы его продлить. Снова президент попросил американцев поддерживать его напрямую, используя на этот раз в сообщениях своим депутатам пометку «сорок долларов» («\$40»), поскольку именно эту сумму должен был бы каждую неделю терять рабочий человек, если бы срок действия уменьшения налогов на заработную плату не был продлен.

Выступая вскоре после своего обращения, Барак Обама сказал: «После того, как мы попросили всех, кто может быть затронут отказом республиканцев пойти нам навстречу, сообщить, что означает для них вычет из их зарплаты сорока долларов каждую неделю, ответная реакция была настолько сильной, что противостоять ей стало невозможно. Мы никогда не видели ничего подобного. Только на мое имя по электронной почте уже поступили сообщения от более чем тридцати тысяч человек. И каждый час к нам поступает около двух тысяч сообщений. Они должны напоминать каждому члену Конгресса, что в нашем споре с ними поставлено на карту».

В сентябре 2012 г. в одном из своих еженедельных обращений по радио Барак Обама в четвертый раз обратился к американскому народу с призывом к прямому и незамедлительному участию в решении очередной проблемы большой политики. На этот раз речь шла о законодательном обеспечении дополнительного финансирования, необходимого множеству людей для погашения ссуды, которую они взяли для покупки дома. Тогда, объясняя причину своего обращения, Обама сказал: «Вы должны знать, что для нормализации рынка жилья еще нужно время. Но времени нужно будет гораздо больше, если Конгресс снова не даст нам работать. Звоните своему представителю, пошлите ему сообщение по электронной почте (и т.д.)».

И наконец, в последний раз Барак Обама напрямую обратился за поддержкой к населению страны для оказания прямого давления на Конгресс 28 сентября 2012 г. Дело в том, что к концу этого года должно прекратиться снижение налогов, принятое при предшественнике Обамы президенте Буше (до этого снижения максимальная ставка подоходного налога составляла 36,9%, а в

результате снижения она стала равна 35%). И сейчас, в соответствии со своими предвыборными обещаниями, Барак Обама старается убедить республиканцев в палате представителей продлить действие снижения налогов, но только применительно к тем американцам, чей доход не превышает четверти миллиона долларов в год, в то время как республиканцы хотят, – не покушаясь, естественно, на прогрессивный подоходный налог сам по себе, – продлить снижение налогов по Бушу применительно ко всем налогоплательщикам. Наткнувшись на упорное сопротивление, Обама снова призвал американцев немедленно использовать средства электронной коммуникации, чтобы их голос был услышан.

Напрашиваются некоторые выводы, которые уже сейчас можно сделать:

– ясно, что американский президент вышел на принципиально новый путь использования Интернета в политическом действии. Он и в дальнейшем не только планирует продолжать свои поездки, организованные в стиле предвыборной борьбы, но при этом – в отличие от своих предшественников и оппонентов – собирается и дальше призывать американцев к прямому участию в политике с помощью средств электронной коммуникации. Это предполагает, конечно, дальнейшую телефонизацию и интернетизацию страны с выдвижением на первый план беспроводных коммуникаций. Данный факт говорит о том, что у него сформировалась площадка для таких действий (по-видимому, как результат успешного завершения последней предвыборной кампании): во-первых, в техническом отношении; во-вторых, и в собственно политическом, которая будет принуждать его действовать так и дальше не только потому, что он это уже начал и у него это хорошо получилось, но в первую очередь потому, что отступление для него теперь означало бы потерю лица с очень неблагоприятными последствиями;

– использование Интернета далее возможно для Барака Обамы только как средство собственного усиления, что, естественно, требует гарантий успеха. Иначе говоря, каждый раз, обращаясь к американцам с предложением немедленно заявить о своих предпочтениях с помощью электронных технологий, он должен быть заранее уверен, что в результате с ним все будет в порядке. Это в каждом данном случае предполагает, конечно, – особенно учитывая, что он должен иметь в виду возможность такого же использования Интернета своими противниками, – предварительные исследования общественного мнения как, если иметь в виду английское *public opinion*, мнения именно публики, то есть политически активной, склонной к самостоятельным выступлениям части населения, которая бы недвусмысленно «давала добро» на его предстоящие обращения. Из того, что на сегодняшний день в этой связи уже известно, отметим, например, что согласно опросу в США пользуется широкой поддержкой предложение Барака Обамы поднять налоги на лиц, ежегодный доход которых превышает двести пятьдесят тысяч дол-

ларов в год. И сохранить при этом сниженную налоговую ставку, установленную при президенте Буше («за» – 60%, «против» – 30% опрошенных, составляющих выборку, по которой можно надежно судить о мнениях всех граждан страны). С другой стороны, предложение республиканцев ограничиться всего лишь некоторыми налоговыми вычетами поддерживают 44%, а отвергают 49%; с ним не согласны даже те, кто готов голосовать за республиканцев («за» – 39%, «против» – 51%)[1];

– но дело прежде всего в том, что, взяв, по существу, на себя перед всей страной обязательство и дальше осуществлять публичную политику с помощью электронных средств мгновенного реагирования, американский президент обязуется тем самым и дальше действовать в интересах ее весомого большинства, что предполагает достаточно объективные и многосторонние исследования организации общественной поддержки в киберпространстве для решения поставленных задач;

– можно утверждать, что второй срок своего пребывания в Белом доме Барак Обама планирует в качестве поворотного в развитии страны (что, по-видимому, связано главным образом с оздоровлением американской экономики на пути завершения в ближайшие годы намеченного перехода на использование ШПД как главного элемента глобальной конкуренции);

– в этой связи он и его команда должны иметь в виду не столько своих республиканских оппонентов, сколько основное из того, что предполагаемые перемены означают в жизни американцев, в том числе тех из них, кто готов идти гораздо дальше (например, участников принявшего глобальный размах движения Occupy Wall Street). Не следует упускать из виду, что речь идет об осуществлении в ходе намеченного поворота (или переворота – а многие американцы любят слово «революция»), необходимого для его успеха политического контроля, в том числе с помощью того же Интернета как среды общения, позволяющей знать о его участниках все больше из того, что для этого контроля нужно.

Координаты республиканских противников Обамы

Не может не возникать вопрос о причинах нежелания республиканских оппонентов Барака Обамы пойти его путем. Ответы на этот вопрос требуют достаточно многосторонних исследований, но уже сейчас можно отметить одно существенное обстоятельство. Дело в том, что, несмотря на все воздействие электронных средств коммуникации (электронного окружения), Республиканская партия продолжает обозначать себя в качестве силы, представляющей собой принципиально устаревший тип вертикальной централизации, как он был задан технологией Гутенберга: книга, изготовленная типографским способом, предполагала линейную последовательность как норму восприятия и мышления с соответствующей ей индивидуализацией (поскольку читатели должны были самостоятельно понимать книгу по отношению к себе) и разделением властей в рамках вертикаль-

ной централизации как наиболее эффективного способа организации ориентированных на себя людей в управляемое общество.

Отметим в этой связи предпочтение, до сих пор отдаваемое республиканцами количественным, а не качественным показателям, о чем свидетельствует как их непреклонность в вопросе об увеличении подоходного налога на налогоплательщиков, доход которых составляет более 250 тыс. долл. в год, так и продемонстрированная Миттом Ромни во время избирательной кампании тяга к людям с высоким имущественным положением.

Неслучайно лидер республиканцев в Сенате Митч Макконнел, осуждая интернава Барака Обаму за его последнее обращение к американскому народу, заявил: «Сегодня утром я с обеспокоенностью ознакомился с сообщением о том, что президент планирует отправиться в путь, чтобы как можно громче организовать поддержку своему личному подходу к краткосрочным и долгосрочным налоговым проблемам, с которыми мы столкнулись в настоящее время... Он снова действует в стиле предвыборной борьбы вместо того, чтобы сесть за стол переговоров с законодателями из обеих партий и прийти к соглашению именно на этом пути». Обозреватель телеканала MSNBC Рейчел Мэддоу так откликнулась на это заявление: «Да, его можно понять. Будь вы на месте Митча Макконнела, вам бы тоже не понравилось, что президент покинул Вашингтон. Я имею в виду, что ни один республиканец не захотел бы иметь дело с человеком, который, в то время как он ведет с ним по данному вопросу переговоры, обратился бы в этой связи ко всей стране, учитывая, что люди у нас думают по этому вопросу, особенно когда речь идет о позициях сторон, участвующих в переговорах» [1].

Если посмотреть несколько шире

Поворот, осуществляемый Бараком Обамой, имеет предысторию. В книге, опубликованной в 1970 г., Збигнев Бжезинский, удачно позаим-

ствовавший концепцию современного мира у канадского исследователя Маршалла Маклуэна, заявил: «Джон Кеннеди ухватил суть нового положения США, когда рассматривал себя, говоря словами А. Шлессинджера, «как первого американского президента, для которого весь мир стал внутренней политикой». Кеннеди – первый глобалистский президент США» [2]. В речи 20 января 1961 г., которую он произнес сразу после вступления в должность президента, Дж. Ф. Кеннеди заявил: «Пусть в каждой стране будет известно, что мы заплатим любую цену, примем на себя любое бремя, не убоимся никаких трудностей, поддержим любого друга и выступим против любого врага, чтобы обеспечить выживание и успех свободы» [3].

Это заявление явилось неожиданностью даже для людей в окружении Кеннеди, исходивших из того, что оно совершенно нереалистично, поскольку, согласно военной доктрине США, страна не может вести одновременно более двух больших войн. Но дело в том, что, по существу, Кеннеди говорил совсем не об этом. В данном случае, как это можно было проследить впоследствии, речь шла об управленческом воздействии США на то, что происходит в мире в целом, по типу воздействия операционной системы компьютера, которая формирует под себя все, что устанавливается на него. Именно такое воздействие США имел в виду американский историк Шлессинджер, рассматривая Дж. Ф. Кеннеди как первого президента, для которого весь мир стал именно «внутренним делом» [4]. Воздействие по типу операционной системы на то, что происходит в мире, продолжает Барак Обама. В этой связи возникают вопросы в отношении как движущих сил «арабской весны», так и недавнего отказа США подписать напоминающее формат блокового противостояния соглашение по телекоммуникациям, которое должно было распространиться и на Интернет, в Дубае.

Список литературы

1. Терин В.П. Маклуэн и Обама. // Эра Маклуэна. Научное издание. Сборник статей. М.: МАКС Пресс, 2009.
2. Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. New York, Viking Press Publ., 1970.
3. John F. Kennedy Inaugural Address. Bartleby. URL: <http://www.bartleby.com/124/pres56.html> (accessed on 01.02.2013).
4. Терин В.П. Мифологизирующие тренденции массовой культуры. Телевидение как инструмент и объект мифологизации // США глазами американских социологов. В 2-х книгах. Книга вторая. М.: Наука, 1988.
5. Leloup D. Qui contrôle Internet? // Le Monde. 14.03.2012.

Об авторе

Терин Валерий Павлович – д.соц.н., профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vterin@olmin.ru

THE CONSEQUENCES OF THE INTERNET FOR POLITICS

V.P. Terin

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The managerial importance of the internet increasingly attracts political forces. The article deals with the internet as a political resource referring to President Obama involving the American people in his fight with the Republicans in Congress, and other similar issues of general concern.*

The author analyses the use of information and communication technologies in the USA political life and also makes conclusions about global tendencies of the information technologies development. After Barack Obama was elected president in the USA, information technologies have gained political significance. The author believes that Obama plans his second term in power as a turning point for the development of the country which is connected to the economic development. USA political strategy is global; the same is true for the information sphere.

Barack Obama influences global politics as if it were operation system of the computer. Thus the author believes that such problems as determination of the driving forces of the Arab spring and real reasons for the USA refusal to sign new telecommunications treaty at the ITU conference in Dubai deserve special analysis taking into account the role of the information and communication technologies.

Key words: ICT, globalization, management, U.S.A., Barack Obama.

References

1. Terin V.P. Macluhén and Obama. Era Macluhén. Sb. nauch. st. [Epoch of Macluhén. Coll. sci. pap.]. Moscow, MAKSS- Press Publ., 2009, pp. 42-52. (in Russ.).
2. Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. New York, Viking Press Publ., 1970. 307 p.
3. John F. Kennedy Inaugural Address. Bartleby. com. Available at: <http://www.bartleby.com/124/pres56.html>. Accessed February 01, 2013.
4. Terin V.P. Mythologized trends of popular culture. Television as a tool and an object of mythologizing. SShA glazami amerikanskikh sotsiologov: politika, ideologiya, massovoe soznanie [USA in the eyes of American sociologists: Politics, ideology, mass consciousness]. Moscow, Nauka Publ., 1988, Book 2, pp. 170-793.
5. Leloup D. Qui contrôle Internet? [Who controls the Internet?]. Le Monde, 14.03.2012.

About the author

Valery P. Terin – PhD in Sociology (Doctor nauk), professor of the Department of Philosophy at MGIMO – University.
E-mail: vterin@olmin.ru

ТЕЛЕВИДЕНИЕ И ИНТЕРНЕТ КАК КАНАЛЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ГРАЖДАН

В.П. Черкасова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Автор рассматривает специфику и перспективы развития таких каналов медиаманипулирования как телевидение и Интернет. Основное внимание уделено характеру и потенциалу воздействия этих каналов информации на общественное и политическое сознание граждан. Телевидение и Интернет – это антагонисты: если Интернет двусторонен, интерактивен, учитывает механизм обратной связи, учит взаимодействию, позволяет, как потреблять информацию, так и создавать ее, то телевидение односторонне, однонаправленно, не рассчитано на ответ и учит лишь слушать. Автор полагает, что Интернет – это стремительно растущая сила и что в будущем ее ожидают существенные изменения, связанные как с развитием новых способов контроля поведения граждан и их настроений со стороны властей, так и новыми возможностями граждан оказывать сопротивление попыткам власти манипулировать их мнением. Вместе с тем Интернет пока доступен не всем, что снижает потенциал его политического воздействия. Что же касается ближайшей перспективы, то телевидение по-прежнему останется важнейшим каналом формирования политического сознания граждан, хотя в будущем эта роль, очевидно, будет постепенно снижаться. Говорить о том, что Интернет вытеснит и заменит телевидение в России, пока также преждевременно. Качественный высокоскоростной Интернет сначала должен стать доступным каждой российской семье.

Ключевые слова: медиаманипулирование, политическое сознание, формирование общественного сознания, телевидение, Интернет.

В постиндустриальном обществе основными производственными ресурсами становятся информация и знания. «Кто владеет информацией – тот владеет миром», – гласит ставший широко известным афоризм Н. Ротшильда. Между тем «владеть» в данном контексте означает умение использовать информацию в своих целях. Именно информация служит для современного государства основным инструментом контроля в политике, именно благодаря растущей роли и развитию средств массовой информации у государства расширились до небывалых пределов возможности по формированию и манипулированию политическим сознанием своих граждан. В этой связи особое значение приобретают каналы информации, через которые данное формирование может происходить, а также контроль за ними со стороны государства.

В настоящее время человечество переживает переломный момент: оно находится на пороге вероятной смены эфирного, кабельного и спутникового телевидения как основных каналов информации (и манипуляции) Интернетом, что делает актуальным вопрос о перспективах телевизионного манипулирования и интернет-телевидения. Если обратиться к статистическим данным, то распространенность Интернета в мире пока еще существенно ниже, чем телевидения. По данным ООН, по состоянию на 2010 г., Интернет постоянно использует около 2 млрд человек, т.е. чуть больше четверти населения Земли [1]. Что же касается телевидения, то эта цифра пока в два раза больше – около 4 млрд человек регулярно смотрят телевизор. По России это соотношение также сохраняется: 44 млн телеаудитории против 23 млн интернет-аудитории. Следует при этом учесть, что значительная часть российского населения не читает газет или журналов (37 и 54% соответственно), а среднее время просмотра телевизора для той же России сегодня составляет 3 часа 40 минут в день.

Таким образом, актуальными представляются следующие вопросы: какова специфика и перспективы телевизионного манипулирования, что отличает два мощнейших канала информации современности – телевидение и Интернет, уходит ли время телевидения и наступает ли эпоха Интернета? Символична следующая закономерность: в случае массовых беспорядков власти, как правило, позволяют бунтовщикам погромить мэрию или даже дворец президента, но никогда не пустят их по своей воле в телецентр. Именно установление контроля над телецентром зачастую становилось в последние десятилетия поворотным моментом в борьбе за власть и определяло имя победившего. Данное наблюдение наглядно демонстрирует то огромное значение, которое телевидение приобрело с середины прошлого века.

Если обратиться к истории создания такого СМИ, как телевидение, то с момента его появления на него возлагали самые большие надежды. Предполагалось, что телевидение не только

будет выполнять просветительскую функцию, но и усилит обмен информацией, сделает более открытой политическую сферу и даже будет помогать в поиске преступников. «Телевидение разрушит непонимание, оно будет распространять идеи и идеалы по всему миру, оно разрушит межнациональные границы» [2], – полагали те, кто стоял у истоков его создания.

Примерно с середины 1950-х гг. стало возможно говорить о массовом внедрении телевидения в жизнь граждан, которое практически сразу стало «смесью кинотеатра, музея, новостей, ежедневного цветного журнала, политического форума и дискуссионной площадки, местом пропаганды и контрпропаганды, художественной галереи, мыльной оперы и многим другим» [2]. Примерно с 1960-х гг. на Западе телевидение становится и основным источником информации (оно начинает освещать вооруженные конфликты, борьбу за гражданские права), актуализируя и драматизируя, в отличие от других СМИ, происходящее и зачастую давая тем самым толчок к развитию событий.

Тогда же телевидение становится полем политической борьбы. Кандидаты начинают все больше следить за своими имиджами, жестами, внешностью. С 1970-х гг. в США повсеместно практикуются телевизионные обращения президентов, трансляции пресс-конференций, политических дебатов. В то же время телекамера изменяет и сам характер политики. Последняя все больше становится похожа на конкуренцию образов, имиджей политиков, которые начинают создаваться по законам рекламного бизнеса. Политикой, как и телевидением, начинает править рейтинг. Под рейтингом следует понимать постоянное измерение доли зрителей, смотрящих тот или иной канал, ту или иную телепередачу. Именно рейтинг помогает продюсерам понять, пользуется ли их продукт успехом.

Что еще важнее: диалог, являющийся одним из важнейших принципов защиты от манипулирования, практически исчезает из процесса получения информации. Популярность набирают ток-шоу, телевизионные игры. Борьба за максимальный охват аудитории постепенно приводит к исчезновению культурного телевидения.

Что же отличает телевидение как один из главных инструментов формирования политического сознания граждан? Во-первых, телевидение отличает беспрецедентный по сравнению с другими СМИ охват аудитории, вытекающий из того, что оно является бесплатным каналом информации (за исключением кабельного и спутникового телевидения). «Телевидение – это инструмент, позволяющий теоретически затронуть всех» [3], – писал французский исследователь П. Бурдьё. Бесплатность телевидения создает вокруг него поистине огромную аудиторию.

Если обратиться к статистике, то, по данным на 2010 г., телеаудитория, например в России (73% граждан), все еще практически в два раза превышает аудиторию Интернета (37%).

Однако следует учесть и еще более важный показатель: по данным ВЦИОМ, телевидение в России продолжает оставаться наиболее важным источником информации в ходе избирательных компаний (из него получают сведения более 90% россиян), половина избирателей (51%) ориентируется на печатные СМИ, 42% – на радио. Из Интернета сведения о политике получают лишь 29% опрошенных [4].

В качестве источника, вызывающего у россиян наибольшее доверие, респондентами также называется телевидение (45% населения), на втором месте находятся рассказы родственников и друзей (12%), на третье место вышел в последние годы Интернет (10%) [5]. Данные показатели по России целесообразно сравнить с теми странами, где Интернет начинает понемногу теснить телевидение в качестве главного источника новостей. Тем не менее даже в США, по данным компании «Deloitte» на 2011 г., около 70% американцев по-прежнему предпочитают телевизор остальным каналам информации [6]. Но в отличие от России, доверие к тому, что говорится по телевидению, значительно ниже – примерно 25% американцев, по данным «Гэллуп Медиа», верят тому, что видят и слышат по телевизору [7].

Во-вторых, специфика телевидения обусловлена уникальным сочетанием в нем видео- и звукооряда, то есть телевидение может одновременно воздействовать на слух и на зрение слушателя. Этим объясняется пресловутый «эффект присутствия», создаваемый телевидением. Текст, читаемый диктором, воспринимается как очевидная истина, потому что он подкрепляется видеорядом – образами, снятыми на месте событий, а люди больше склонны верить увиденному, чем услышанному или прочитанному. Воздействуя одновременно на два чувства, телевидение до сих пор остается самым эффективным инструментом влияния в современном мире, а телеаудитория в большей степени подвержена воздействию и некритичному восприятию информации.

В-третьих, телевидение не может работать, например, в отличие от радио в качестве фона, оно целиком захватывает внимание зрителя. Известным канадским теоретиком М. Маклюэном было введено в обиход разделение всех СМИ на «горячие» и «холодные» [8]. Если «горячие» СМИ, по его мнению, характеризуются низкой степенью участия аудитории, то «холодные» – высокой степенью ее участия. Именно поэтому Маклюэн отнес телевидение к «холодным» СМИ – оно захватывает все внимание зрителя. «Его (телевидения) скорость не позволяет альтернативным образом выработать свою собственную позицию» [9], – считает специалист по связям с общественностью Г.Г. Почепцов. Особенно это относится к прямым эфирам, когда пресловутый «эффект присутствия» корреспондента на месте событий практически блокирует критическое восприятие действительности. Более того, одно и то же сообщение, помещенное в телепередачу,

в газете или по радио вызовет разный эффект. Телевизионному сообщению поверят в разы больше.

В-четвертых, телевидение отличается отсутствием конкретики. Отмечается, что пресловутая фрагментарность сознания современного человека в значительной мере обусловлена именно проникновением телевидения в жизнь граждан. Постоянно сокращается время телепередач, исчезают познавательные, аналитические передачи, а само содержание передач разбивается рекламой, что довольно сильно разрушает целостное впечатление от их просмотра. Тот же Маклюэн отмечает, что телевизионный образ противоположен кинокадру, в нем есть, как он полагает, «низкая определенность» и «малая насыщенность данными» по сравнению с кинокадром, который, по его мнению, «не дает подробной и детальной информации об объектах» [8]. Кроме того, именно отсутствие этой детальной и проверенной информации приводит к тому, что у граждан формируется весьма фрагментарное и приблизительное представление как о политике, так и о важных социальных проблемах. «Телевидение рождает близорукость» [8], – заключает Маклюэн, назвавший телевидение «застенчивым гигантом» за его неприспособленность к освещению спорных тем.

В-пятых, распространение телевидения гораздо больше, нежели другие СМИ, повлияло на публичную сферу: изменился характер политических дебатов, выступлений политиков; образы лидеров, которые стало возможно тиражировать с помощью телевидения, их имиджи стали важнее их политических взглядов и убеждений, подменили их собой. Кроме того, как отмечает С.Г. Кара-Мурза, «телевидение превратило политический язык (дискурс) из конфликтного в согласительский – политик, создавая свой имидж, всегда обещает «сотрудничать со всеми здоровыми силами» [10]. По его мнению, телевидение чрезмерно персонифицирует социальные отношения и противоречия, представляет их через столкновение лидеров, а не идей. Однако наиболее серьезные изменения коснулись сферы политических дебатов.

Если задаться сегодня вопросом о том, какой кандидат больше понравился нам в ходе политических дебатов, то получится, что мы оценивали не столько то, что он говорит, сколько «скорость, с которой он говорит, то, как он улыбался, его отношение к оппоненту и аудитории» [11]. Мы все больше оцениваем его подготовку к дебатам, сравниваем поведение кандидатов. «Теледебаты побуждают нас выбирать в Вестминстер тех, кто обладает голливудскими качествами» [11], – считает английский журналист И. Азим.

Если обратиться к нынешней ситуации, то исследования, проведенные в Гарварде, показывают, что средняя продолжительность непрерываемой политической речи на телевидении сократилась с 43,3 секунд в 1968 г. до 9,8 секунд в 1988 г. Кроме того, если в 1968 г. политические

фигуры говорили примерно минуту не прерываясь в 20% всех новостных выпусках, этого не было ни разу зафиксировано в 1988 г. Сегодня по правилам выступления в теледебатах США речь участника должна длиться не более 7 секунд, тогда как именно связная речь, «постепенно покинувшая телевизионные студии, на самом деле остается одной из самых действенных форм сопротивления манипулированию и утверждения свободы мышления» [3].

В-шестых, присутствие телевидения в зале, на месте событий способно изменить как логику происходящего, так и поведение тех, на кого оно направлено. Если они начинают попросту работать на камеру, следуя рекомендациям своих пиарщиков, то события под прицелом телекамер могут попросту начать обретать новый смысл. Так, П. Бурдьё приводит в качестве примера забастовки 1986 г. во французских лицеях, которые не носили политического характера, но под влиянием журналистов, боявшихся упустить повторения событий 1968 г. и постоянно расспрашивавших участников об их политических требованиях, приобрели политический окрас и стали в некоторой степени инструментами создания новой реальности, а не отображения существующей.

В-седьмых, телевидение – это коллективный продукт с принципиально иной профессиональной ролью журналиста и логикой построения материала. Если в печатных СМИ журналист выступает как одиночка и на нем лежит прямая ответственность за созданный им продукт, то телевидение – это всегда коллективное творчество. Ни один телевизионный проект не создается в одиночку. Кроме того, одна и та же телепрограмма может быть показана неоднократно и к тому же – по бесчисленному множеству экранов. Именно от журналистов зависит то, кто будет приглашен в студию, кто является экспертом, а кто нет. В результате в студию приглашаются те, чья речь и типаж подходят для телеобъектива (в России это, как правило, В.В. Жириновский). «Получается именно журналисты, а не ученые начинают формировать отношение широкой публики к узкоспециальным проблемам» [3], – пишет об этом явлении П. Бурдьё.

По его мнению, сегодня доступ на телевидение связан с сильной цензурой, когда предмет разговора заранее предопределен, а время выступления жестко ограничено. Критикуя ограничения, существующие на современном телевидении, П. Бурдьё предпринял критический анализ современного состояния телевидения в ходе записи двух телепередач, состоявшихся в 1996 г. Следует отметить, что Бурдьё выступал в «исключительных условиях»: время его выступления не было ограничено, тему для выступления он выбрал сам, никто не мог делать ему замечания. В своем выступлении с помощью «связной речи» он хотел показать контраст с современным телевидением. Речь была им написана на основе собственного опыта выступлений

на телевидении в различных передачах, теледебатах, которые оставили у него тяжелые впечатления и ощущение бессилия ученого перед лицом телеведущего [3]. Особенно это относится к тем же теледебатам, где ведущий определяет тему и проблематику передачи и жестко контролирует время выступлений каждого. Следствием является то, что люди «стали говорить на телевидении готовыми идеями, то есть усвоенными всеми банальными истинами» [3].

Что же касается логики построения, например телевизионных новостей, то она весьма однотипна. Репортажи строятся по следующей схеме: на закадровый текст накладывается изображение, а в середине или конце сюжета на несколько секунд появляется корреспондент. Сам поток новостей построен таким образом, чтобы любое событие воспринималось как заведомо лишенное своей уникальности. Обусловлено это излишней драматизацией событий, поиском чрезвычайных происшествий, стихийных бедствий. Например, в популярной в России программе «Чрезвычайное происшествие» в год транслируется более 6000 преступлений [13]. Считается, что именно такие передачи пользуются у зрителей наибольшим интересом. «Символическое действие телевидения... заключается в привлечении внимания к событиям потенциально интересным для всех, которые можно характеризовать как «omnibus», то есть для всех...» [3], – считал Бурдьё. Эти факты, по его мнению, производят представление о мире, «нагруженное философией истории как абсурдного чередования катастроф, которые невозможно ни понять, ни предотвратить» [3].

Наконец, телевидение является своего рода ограниченным ресурсом, поскольку опирается на определенный ресурс частот. Телевещание является в большинстве своем лицензированным видом деятельности, а не уведомительным, что объясняется не только ограниченностью частот (Международный союз электросвязи регулирует вопросы международного использования радиочастот, их распределение по назначениям и по странам; является специализированным учреждением ООН), но и огромным эффектом воздействия телевидения на массовую аудиторию. На Западе нехватка частот привела к массовому развитию кабельного телевидения. В России данная проблема не стоит настолько остро, поскольку начиная с 1990-х гг. в России идет процесс конверсии частот (силовые ведомства передают частоты для гражданских нужд). В России разрешительный характер телевещания объясняется как раз политическими причинами. «Газеты не играют никакой роли. То ли дело телевидение! Радио и газеты пользуются свободой именно потому, что руководители государства не видели в них ничего ценного» [12], – полагает известный российский тележурналист В. Соловьев.

При этом отечественными исследователями подмечена ситуация, сложившаяся отчасти под влиянием телевидения в России. По некоторым

данным, около 85% россиян считают, что не могут влиять на социально-политическую жизнь в стране. «Это последствия, сформированные сериалами и другими прайм-таймовыми программами. Телевидение – это всеобщая, обязательная и бесплатная школа воспитания нации» [13], – справедливо отмечает российский журналист Д. Дондурей.

Бесспорно, сегодня телевидение переживает изменения: теперь телевизионную картинку можно получить и увидеть с собственного мобильного телефона, для просмотра передачи необязательно включать собственно телевизор (многие предпочитают смотреть его через Интернет), интересующую передачу можно теперь при помощи автоматического таймера записать и посмотреть в любое удобное время, но все это лишь технические усовершенствования, а суть телевидения от этого не меняется.

Из анализа специфики телевидения следует, что оно до сих пор остается одним из важнейших и мощнейших инструментов по информированию и формированию политического сознания граждан. Если воспользоваться терминологией французского постмодерниста М. Фуко, считавшего, что современная власть должна отвечать трем критериям: быть максимально дешевой, распространяться как можно дальше и «одновременно увеличивать как послушность, так и полезность всех элементов социальной системы» [14], то очевидно, что телевидение идеально подходит для этих целей и вполне отвечает всем этим трем критериям.

Но каковы перспективы телевизионного манипулирования в свете усиливающейся роли еще одного, все более популярного и в некоторой степени альтернативного телевидению канала информации – Интернета? В развитом мире примерно с начала 1990-х гг. можно начинать говорить о постепенном проникновении Интернета в политическую жизнь, а со второй половины 90-х гг. (периода массового распространения персональных компьютеров, имеющих выход в сеть) Интернет становится уже одним из источников информации. Так, во время выборов 1996 и 2000-х гг. у американских кандидатов в президенты уже были собственные web-сайты, а за последней информацией о ходе голосования в штате Флорида в Интернете следили миллионы американцев.

Для начала следует выявить то, что отличает два мощнейших канала информации современности – телевидение и Интернет. Во-первых, пользование Интернетом не предполагает односторонней коммуникации. В интернет-пространстве индивид может более избирательно относиться к получаемым сообщениям, выбирать то, что ему интересно, сравнивать интересующие его точки зрения. При этом объем информации, который пользователь может получить, в разы больше того, что он может получить по телевидению. Основатель теории постиндустриального общества Д. Белл в этой

связи писал: «Можно сказать, что компьютер является инструментом управления массовым обществом, поскольку он есть механизм обработки социальной информации, громадный объем которой растет почти экспоненциально в силу расширения социальных связей» [15].

Во-вторых, Интернет отличает интерактивность, то есть возможность объекта коммуникации вступить в диалог и участвовать в нем. Это подразумевает более активное участие пользователя в коммуникационном процессе, когда он из пассивного получателя информации становится ее активным агентом. Интерактивность также подразумевает и возможную взаимозаменяемость отправителя и получателя информации, произошедшую благодаря развитию технологий Web2.0. (появление блогов, социальных сетей и других ресурсов). Интернет-пользователь может сделать свою информацию достоянием многомиллиардного интернет-сообщества, что совершенно невозможно в случае с телевидением.

Исследователи Дж. Брайант и С. Томпсон говорят и еще об одном отличительном признаке Интернета. По их мнению, если для телевидения характерно «централизованное производство стандартизированной информации, поставляемой огромной аудитории по отдельным каналам», то для Интернета – отсутствие такого центрального источника и «предоставление особых услуг большому числу сравнительно малочисленных аудиторий» [16]. На данном этапе в развитых странах мира компьютерная отрасль не подлежит государственному регулированию и развивается в условиях свободного рынка. Тем не менее ввиду растущего влияния данного канала информации у власти не может не возникать соблазна использовать Интернет в своих целях. «Сейчас становится все более очевидной угроза полицейского и политического наблюдения за индивидами с использованием изоцированной информационной техники», – убежден Д. Белл.

Речь, безусловно, не идет о распространении китайской модели управления интернет-пространством (в КНР реализован проект «Золотой щит», основанный на фильтрации трафика между провайдерами и международными сетями передачи информации). Имеется в виду использование целого ряда приемов, таких, как модерация публикуемой информации в зависимости от проводимой политики, установление фильтров на компьютерах пользователей, установление списка адресов, которые будут недоступны пользователям, блокирование блогов в случае терактов и чрезвычайных происшествий, сохранение истории поисковых запросов пользователей.

Если данные методы будут активно претворяться в жизнь, то Интернет рискует стать вторым Паноптиконом, поскольку он также отвечает всем критериям современной власти, сформулированным М. Фуко: отправление власти через него дешево, распространяется она

■ Мировая политика

благодаря Интернету как можно дальше. И главное, Интернет может еще успешнее и незаметнее, чем телевидение, справляться с функцией постоянного наблюдателя, поскольку формально не регулируется никаким законодательством и предстает в глазах большинства пользователей как объективный и свободный ресурс.

Стремление власти использовать Интернет в своих целях во многом возникло из-за опасений потерять контроль над происходящим, чему дали во многом повод «цветные революции», для организации которых использовались и Интернет, и мобильная связь. С начала 2000-х гг. Интернет и мобильная связь начали активно использоваться для организации протестных массовых мероприятий. Первое крупное их применение имело место в 2001 г. во время «контрсаммита» антиглобалистов в Генуе, когда эти средства связи были эффективно использованы для координации действий между участниками акции. На это власти ответили временным отключением роуминга в районах демонстраций.

Также опасения властей связаны с растущим влиянием, оказываемым на политическую сферу и ход избирательных компаний блогосферы, благодаря которой информация распространяется от многих к многим без какой-либо единой, предустановленной точки исхода и может возникнуть из любой точки в сети и виртуально распространиться во множестве направлений. Значительную часть приемов, использующихся при телевизионном медиаманипулировании можно, безусловно, использовать и в Интернете. Те же методы «раскрутки», «перекрутки» и «удушения» новостей повсюду применяются в сети, но Интернет, как канал двусторонней связи, позволяет манипулировать и действиями властей, например, при помощи создания «утечки» информации. Самым успешным примером такого рода масштабной «контрдеятельности» можно назвать деятельность создателя сайта Wikileaks Дж. Ассанжа, ставшего за считанные дни благодаря публикации им ранее секретных материалов врагом нескольких десятков правительств. Сайт был создан китайскими диссидентами, журналистами, математиками и работниками молодых компьютерных компаний из США, Тайваня, Европы, Австралии и ЮАР, которым Дж. Ассанж предоставлял за работу по созданию сайта бесплатный ночлег. Результатом их работы стало создание в 2006 г. сайта, на котором любой желающий мог разместить документ, не опасаясь быть разоблаченным; работники WikiLeaks, в свою очередь, гарантировали, что опубликованную на сайте информацию невозможно уничтожить, а сам сайт — закрыть по решению суда или еще как-то.

Именно этот человек стал автором самой массовой «утечки», когда на суд общественности было вынесено более 250 000 документов, содержащих информацию о различных коррупционных схемах, политических промахах, переписке американских дипломатов, различного рода конфиденциальной информации, дневниках войны в Афганистане, переданных Ассанжу американским военнослужащим. О том, что обнародование подобной информации может иметь самые далеко идущие последствия, говорит и свидетельствует хотя бы переворот в Кении, произошедший после публикации Ассанжем материалов, разоблачающих разгул коррупции в этой стране.

Между тем тот факт, что для рекламы сайта Ассанжу пришлось прибегнуть к помощи традиционных СМИ («The New York Times», «The Guardian» и немецкому еженедельнику «Der Spiegel»), демонстрирует, что их роль все еще остается более значимой, а доверие к ним более высоким (Ассанж выложил документы у себя на сайте лишь в день, когда все издания, которые он привлек к работе, начали публиковать его материалы). Таким образом, в некоторой степени телевидение и Интернет — это антагонисты: если Интернет двусторонен, интерактивен, учитывает механизм обратной связи, учит взаимодействию, позволяет, как потреблять информацию, так и создавать ее, то телевидение односторонне, однонаправленно, не рассчитано на ответ и учит лишь слушать.

Тем не менее все те возможности, которые предоставляет Интернет, пока еще доступны не всем. И распространенность Интернета в мире гораздо меньшая, чем телевидения, как уже было отмечено выше. Между тем Интернету понадобилось около 5 лет, чтобы его аудитория достигла свыше 50 млн пользователей, тогда как другим средствам массовой информации на это требовались десятилетия. Вышеприведенные цифры свидетельствуют о том, что Интернет — это стремительно растущая сила и что в будущем ее ожидают существенные изменения, связанные как с развитием новых способов контроля за поведением граждан и их настроений со стороны властей, так и новыми возможностями граждан оказывать сопротивление попыткам власти манипулировать их мнением.

Что же касается ближайшей перспективы, то телевидение по-прежнему останется важнейшим каналом формирования политического сознания граждан, хотя в будущем эта роль, очевидно, будет постепенно снижаться. Говорить о том, что Интернет вытеснит и заменит телевидение в России, пока также преждевременно. Качественный высокоскоростной Интернет сначала должен стать доступным каждой российской семье.

Список литературы

1. Number of Internet users worldwide reaches 2 billion, 2011, January 26. – URL: <http://www.physorg.com/news/2011-01-internet-users-worldwide-billion.html>
2. MacDonald J.F. One nation under television: The rise and decline of network TV. New York, Pantheon Books Publ., 1990. URL: <http://jfredmacdonald.com/onutv/nationalculture.htm>
3. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры» Института экспериментальной социологии, 2002. С.26.
4. Телевидение – главное оружие избирательных кампаний // ВЦИОМ. - Пресс-выпуск № 657, 2007. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=4248>
5. Лебедев П. Медийные предпочтения населения: Интернет теснит телевидение // Доминанты. №16. С. 60-61. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d16lp.pdf>
6. Gruenwedel E. Deloitte: 71% of Americans still prefer watching TV. 2011. February, 1. - URL: <http://www.homemediamagazine.com/research/deloitte-71-americans-still-prefer-watching-tv-21852>
7. Morales L. In US Confidence in Newspapers, TV News remains a rarity // GALLUP, 2010. URL: <http://www.gallup.com/poll/142133/confidence-newspapers-news-remains-rarity.aspx>
8. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. С.26.
9. Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. М.: Центр, 2003. С.125-126.
10. Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М.: Академический проект, 2009. С.357.
11. Azeem I. We shouldn't Judge Leaders by Values of Hollywood // The Scotsman. – 2009. – October, 27. URL: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/19646/we_mustnt_judge_leaders_by_values_of_hollywood.html?breadcrumb=%2F
12. Соловьев В.Р. Манипуляции: Атакуй и защищайся. М.: Эксмо, 2011. С.26.
13. Дондурей Д. Элиты не протестуют против доходов от падения морали. // Новая газета. 2010. №141. 15 декабря. С.20.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. – С.320.
15. Белл Д. Социальные рамки информационного общества. // Новая технократическая волна на Западе. - М.: Прогресс, 1986. С. 330-342. - URL: <http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---0klass--00-0-0-0prompt-10---4-----0-1l-1-ru-50---20-help---00031-001-1-0windowsZz 125110&a=d&c=class&cl=CL2.1&d=HASHc7c3dc971e598b39e2c6ec>
16. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М.: Вильяме, 2004. С.397.

Об авторе

Черкасова Варвара Петровна – аспирант кафедры политической теории МГИМО(У) МИД России.
E-mail: varv.cherkassova@gmail.com

TELEVISION & INTERNET AS CHANNELS OF SHAPING PUBLIC POLITICAL CONSCIOUSNESS

V.P. Cherkasova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The author examines specific characteristics and prospects for the development of TV and the Internet as two major channels of media-manipulation. The emphasis is put on the impact of these channels of information on public political consciousness. Television and internet seem to be antagonistic. Internet is based on iterative communication and feedback, and allows both producing and receiving information. Television is a one way channel of communication and it doesn't support feedback, it allows only receiving information. The author believes that internet is gaining significant influence and it's going*

■ Мировая политика

to transform in the future due to the evolution of the means of control of the citizens behavior and attitudes by governments as well as new possibilities it offers to citizens to oppose information manipulations of authorities. Still, internet is not universally available, which deteriorates its potential as an instrument of political influence.

In the foreseeable future the television will remain the most important means of communication and will significantly shape the political preferences of citizens, although its' role will gradually decrease. At present internet hasn't replaced television in Russia as high speed internet is not available for every family in Russia.

Key words: Media-manipulation, political consciousness, shaping public opinion, television, the Internet.

References

1. Number of Internet users worldwide reaches 2 billion. PhysOrg, January 26, 2011. Available at: <http://www.physorg.com/news/2011-01-internet-users-worldwide-billion.html>.
2. MacDonald J.F. One nation under television: The rise and decline of network TV. New York, Pantheon Books Publ., 1990. 335 p. Available at: <http://jfredmacdonald.com/onutv/nationalculture.htm>.
3. Bourdieu P. On television and journalism. New York, New Press Publ., 2002. 212 p.
4. Television is the main instrument of election campaigns. VTsIOM Press-vypusk [Russian Public Opinion Research Center Press Release], 2007, no. 657. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=4248>.
5. Lebedev P. Media preferences of the population: Internet takes over television. Dominanty, 2009, no. 16, pp. 60-61. Available at: <http://bd.fom.ru/pdf/d16lp.pdf>.
6. Gruenwedel E. Deloitte: 71% of Americans still prefer watching TV. HM. Home Media Magazine, February 1, 2011. Available at: <http://www.homemediamagazine.com/research/deloitte-71-americans-still-prefer-watching-tv-21852>.
7. Morales L. In U.S., confidence in newspapers, TV news remains a rarity. GALLUP Politics, August 13, 2010. Available at: <http://www.gallup.com/poll/142133/confidence-newspapers-news-remains-rarity.aspx>.
8. McLuhan M. Understanding media: The extensions of man. London, Sphere Books Publ., 1976. (Russ. ed.: Makliuen M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniia cheloveka. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2003, p. 26).
9. Pocheptsov G.G. Informatsionno-politicheskie tekhnologii [Information and political technologies]. Moscow, Tsentr Publ., 2003, pp. 125-126.
10. Kara-Murza S.G. Vlast' manipuliatsii [The power of manipulation]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2009, p. 357.
11. Azeem I. We shouldn't judge leaders by values of Hollywood. The Scotsman, October 27, 2009. Available at: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/19646/we_mustnt_judge_leaders_by_values_of_hollywood.html?breadcrumb=%2F. Accessed February 01, 2013.
12. Solov'ev V.R. Manipuliatsii: Atakui i zashchishchaisia [Manipulations: Attack and defend]. Moscow, Eksmo Publ., 2011, p. 26.
13. Dondurei D. Elites do not protest against the profit gained from the deterioration of public morals. Novaia gazeta, December 15, 2010, no. 141, p. 20.
14. Foucault M. Surveiller et punir [Discipline and punish: The birth of the prison]. Paris, Gallimard, 1975. (Russ. ed. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tiur'my. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999, p. 320.).
15. Bell D. The social framework of the information society. Computer age: A twenty year view. Cambridge, MIT Press Publ., 1979, pp. 500-549. (Russ. ed.: Bell D. Sotsial'nye ramki informatsionnogo obshchestva. Novaia tekhnokraticheskaiia volna na Zapade. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 330-342. Available at: <http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00-0klass-00-0-0-0prompt-10-4-0-11-1-ru-50-20-help-00031-001-1-0windowsZz>).
16. Bryant J., Thompson S. Fundamentals of media effects. New York, McGraw-Hill Publ., 2001. (Russ. ed.: Braiant Dzh., Tompson S. Osnovy vozdetsviia SMI. Moscow, Vil'iam Publ., 2004, p. 397).

About the author

Varvara P Cherkasova – PhD student of the Department of Political Theory at MGIMO – University.
E-mail: varv.cherkassova@gmail.com

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ КАМПАНИЯ 1945 ГОДА В СОЗНАНИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Е.С. Сениявская

Институт российской истории Российской академии наук. 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

В статье на основе документальных свидетельств и воспоминаний участников событий показано, с какими настроениями летом 1945 г. после победы над Германией отправлялись из Европы на Дальний Восток советские войска для участия в войне с Японией, и как советское командование решало сложную проблему — мобилизовать до предела уставших от многолетней войны людей, мечтавших о скором возвращении к родным и близким, на решение новых военных задач. Рассматриваются особенности подготовки к новой войне ветеранов европейских боев и «дальневосточных сидельцев», с учетом богатого боевого опыта первой категории военнослужащих и лучшего знания природно-климатических условий предстоящего театра военных действий второй категорией. Анализируются массовые армейские представления о японцах как о военном противнике и их соответствие реальности. Недооценка противника в первые дни войны привела к «преступной беспечности» и потерям, в результате командованию пришлось усилить разъяснительную работу с личным составом о коварстве врага и повышении бдительности. Об ожесточенности боевых действий свидетельствует широкое распространение феномена «камикадзе» — смертников. Особое внимание уделено фактам нарушения японской стороной норм международного права, законов и обычаев войны. В заключении показано, как военная кампания Советской армии на Дальнем Востоке не только приблизила окончание Второй мировой войны и обеспечила новый расклад стратегических сил в послевоенном мире, но и способствовала окончательному изживанию комплекса побежденной страны, унаследованного от царской России.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Дальневосточная кампания 1945 г., Советская армия, Япония, морально-психологическая подготовка личного состава, массовый героизм, образ врага, японские смертники, историческая память.

В Европе война была завершена 9 мая 1945 г., но оставался еще один очаг Второй мировой на Дальнем Востоке. Несмотря на Пакт о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля 1941 г., на протяжении всей Великой Отечественной войны существовала угроза нападения со стороны японцев, которые сосредоточили вдоль советской границы весьма значительные силы, проводили тактические учения и постоянно осуществляли разного рода провокации. Только в 1944 г. советская граница нарушалась 144 раза, десятки раз обстреливалась; с 1941 до конца 1944 г. японцы задержали 178 советских торговых судов, три корабля были потоплены японскими подводными лодками [25, с. 225; 10, с. 529]. В связи с этим Советское правительство 80 раз выступало с заявлениями и предупреждениями по поводу японских провокаций [11, с. 98]. Правительство Японии снабжало свою союзницу – Германию секретной информацией о хозяйственном, политическом и военном положении Советского Союза [10, с. 529]. По опыту зная ненадежность и коварство соседа, советское командование в условиях тяжелейшей борьбы в европейской части страны вынуждено было держать на дальневосточных рубежах страны от 32 до 59 сухопутных дивизий, авиационные дивизии, бригады ПВО [25, с. 225].

11 февраля 1945 г. на Крымской конференции руководители СССР, Великобритании и США подписали секретное соглашение, предусматривавшее вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке против Японии через 2–3 месяца после капитуляции Германии. 5 апреля 1945 г. СССР денонсировал советско-японский пакт о нейтралитете [10, с. 530, 538–539].

26 июля на Потсдамской конференции от имени США, Англии и Китая было опубликовано обращение, в котором Япония призывалась к безоговорочной капитуляции. Требование было отклонено [4, с. 362–363]. Тогда же советская делегация подтвердила готовность СССР выполнить свой долг перед союзниками [10, с. 530, 538–539]. Советским войскам, только что победившим фашистскую Германию, вскоре предстояло участвовать в новых боях, с другим противником, на противоположном конце континента.

Морально-психологическая подготовка личного состава к вступлению в войну против Японии началась уже в апреле 1945 г.: командирами и политорганами всех уровней разъяснялась международная обстановка, политическое значение заявления Советского правительства от 5 апреля 1945 г. о денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете. В документах военных советов фронтов на Западном театре военных действий и дислоцированной на Дальнем Востоке Приморской группы войск подчеркивалось:

– «после денонсации пакта необходимо, как никогда, все усилия командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций направить на повышение боевой выучки войск, на усиление пропаганды боевого опыта войны с фашистской Германией»;

– «повышать уровень идейно-политического воспитания воинов в духе любви к своей Родине и ненависти к японскому империализму, шире пропагандировать героические свершения фронтовиков в борьбе с немецким фашизмом, а также подвиги героев боев у озера Хасан, на реке Халхин-гол» [27, л. 20–28; 8, с. 187].

Как же отнеслись к этому советские воины в победном мае 1945 г.? В донесении политотдела в штаб 47-й армии от 14 мая 1945 г. о политическом настроении и разговорах личного состава, связанных с окончанием войны и переходом войск на мирное положение, сообщалось: «Общее настроение всего личного состава здоровое. Однако демобилизационными настроениями охвачена значительная часть бойцов пожилого возраста и офицеров запаса, главным образом имеющих специальность (агрономы, учителя, механики, комбайнеры, техники, инженеры и т.д.). Проводим работу по изжитию демобилизационных настроений. Настроения демобилизационного и отпускного порядка имеют форму добродушного высказывания в мечте о Родине и семье, которые отрицательно не сказываются на поведении бойцов и офицеров...

Разговоры и настроения в связи с денонсацией договора о нейтралитете с Японией разные. Часть офицерского и сержантского состава высказывалась, что мы должны поехать на Дальний Восток добивать японцев и помочь нашим союзникам так же, как и они помогали разгромить и побить немцев. Ефрейтор Гаркуша: «На Востоке с Японией не кончено. Без нас союзникам там быстро не справиться». Ефрейтор Смахов, член ВЛКСМ: «Если будет война с Японией, я первым поеду и буду бить их больше, чем немцев. С Японией нам воевать придется, но мы им дадим почувствовать, что такое Красная армия». Другая часть заявляет, что мы достаточно повоевали с немцами и на Дальнем Востоке нам делать нечего, да и англичане с американцами сами в состоянии в течение месяца добить японца (сержант Кузнецкин). Японский народ, учтя горький опыт Германии, должен быть умнее немцев и немедленно капитулировать (капитан Свиридов)» [2].

Перед советским командованием стояла сложная проблема – мобилизовать до предела уставших от многолетней войны людей, мечтавших о скором возвращении к родным и близким (при переброске с запада на восток 400 тыс. войск многие думали, что их везут домой), на решение новых военных задач, говорить о которых открыто было пока нельзя. При этом необходимо было подготовить войска к боевой деятельности в новых условиях.

Опытные воины, прибывшие из районов Праги и Восточной Пруссии, нацеливались на быстрое овладение способами боевых действий на новом театре военных действий, на изучение военно-политического положения Японии, структуры японских войск и их тактики, традиций и обычаев, специфики природно-климатических условий и т.д. Бойцы-дальневосточники в это время тщательно изучали опыт боев на Западе, которым располагали прибывшие оттуда войска. Для работы с личным

составом на Дальний Восток было направлено более 3 тыс. политработников-фронтовиков, а значительная часть политработников дальневосточных войск прошла стажировку в действующей армии на советско-германском фронте [29, с. 83; 8, с. 187].

Вот как описывал настроения бойцов в эшелоне, идущем на Дальний Восток, сотрудник дивизионной газеты Олег Смирнов: «По дороге я наслушался солдатских разговоров – большинство соглашалось, что бить самураев, конечно, надо. Вспоминали Порт-Артур и Цусиму, японскую оккупацию Приморья во время Гражданской войны, зверскую казнь Лазо, Хасан и Халхин-Гол. Ругали американцев, которые норовят загребать жар чужими руками. Гадали, какая предстоит война: большая или малая, длительная или короткая? Сошлись на том, что мы их, самурайских гадов, в порошок сотрем недели за четыре – то есть почти угадали. Но я, помню, подумал (да и не только я, наверно): до чего же обидно будет, уцелев на большой войне, погибнуть на малой...» [22, с. 322–323]. На станции в Чите он разговорился с обходчиком, который, «стрельнув закурить», сказал: «Ну и силища прет на восток! Кисло придется самураям. Они предчувствуют, крысы. Японский консул в Чите так тот каждый день сидит с удочкой у речки под мостом, эшелоны считает. Считай, не считай, все едино хана будет!» [22, с. 323].

8 августа 1945 г., выполняя союзнические обязательства, Советский Союз заявил о своем присоединении к Потсдамской декларации и сообщил японскому правительству о том, что с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией. Началась Маньчжурская стратегическая наступательная операция, проводившаяся войсками Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточного фронтов, силами Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии.

«С краснофлотским приветом. Здравствуй, горячо любимая мама! – писал 11 августа 1945 г. В.Ф.Кабаков (Через несколько дней в боях за корейский город и порт Сейсин краснофлотец Владимир Кабаков погиб. Награжден посмертно орденом Красного Знамени.), 1927 года рождения. – ... Ты знаешь, началась война с Японией – будь она проклята! И я, как сын Родины, иду ее защищать. Мама, я иду в бой комсомольцем-тихоокеанцем, и будь за меня спокойна – не посрамлю свою честь моряка-тихоокеанца. А если погибну в бою за Родину, то я знаю, за что погибну. Я иду защищать от самураев тебя, моя горячо любимая мамочка... Ну, до свидания. Крепко тебя целую. Твой горячо любящий тебя сын Володя, краснофлотец» [17, с. 573].

В общей сложности Советский Союз выставил на поле боя полтора миллиона солдат, которым противостояла полуторамиллионная Квантунская армия. Весь контингент, участвовавший в боевых действиях на Дальнем Востоке, четко делился на две основные категории: участников боев против фашистской Германии и «дальневосточных сидельцев» – большой группировки, все четыре года Великой Отечественной простоявшей на границе на случай японского нападения. Последние

в большинстве своем не имели боевого опыта, но являлись свидетелями многочисленных японских провокаций, были лучше информированы о потенциальном противнике и его реальной силе, опыте и коварстве. Лучше разбирались они и в природно-климатических условиях, особенностях местности и т.п.

Ветераны боевых действий на Западе, напротив, имели большую практику сражений, но не разбирались в местных особенностях. У них был самый высокий боевой дух, но он нередко переходил в «шапкозакидательские» настроения. Ведь советский солдат вышел победителем из тяжелой многолетней войны на Европейском театре военных действий. После такого могучего противника, как фашистская Германия, японцы, которых, кстати, не так давно «побили» на Хасане и Халхин-Голе, в массовых армейских представлениях и не рассматривались как враг достаточно серьезный.

Это привело к «допущению в первые дни антияпонских военных действий к преступной беспечности по охране войск и особенно тылов», а в результате – к лишним жертвам из-за внезапных налетов японских диверсионных групп [18, с. 351–352]. Пришлось командованию и политорганам усилить разъяснительную работу с личным составом о коварстве врага и повышении бдительности. Интересная деталь: «...вырываясь во вражеские траншеи наши оралы не только «За Родину! За Сталина!», но и «Хенде хох!» – по-японски-то не знали ни слова...» [22, с. 328].

В целом же в соотношении сил (хотя количество советской стороны оказалось безусловным. Особенно это проявилось в техническом обеспечении, боевом опыте и моральном духе войск. Армия на Дальний Восток пришла опытной, отмобилизованной, с настроением победителя и желанием как можно быстрее вернуться к мирной жизни. Однако бои ей предстояло вести в глубине чужой территории, преодолевать десятилетиями создававшиеся укрепления, продвигаться в незнакомой местности с неблагоприятными климатическими условиями. Да и противник был значительно опытнее, чем в конце 1930-х гг: уже много лет японская армия вела успешные боевые действия на море, на суше и в воздухе против американских, британских и вооруженных сил других их союзников. Так что «трехнедельная» военная кампания не оказалась для нашей армии легкой прогулкой, как сегодня нередко пытаются представить в западной историографии.

Советским воинам «потребовалось преодолеть большие естественные препятствия – безводные степи и песчаные пустыни Монголии, горные хребты Большого Хингана, крупные водные преграды и труднодоступные районы, болотистые поймы, испытать ливневые дожди, утомительную дневную жару и пронизывающий ночной холод, песчаные бури и другие неблагоприятные условия местности и погоды. А главное – пришлось штурмовать создававшиеся японцами в течение многих лет мощные укрепленные районы, которые преграждали доступ

к центральным областям Маньчжурии, ломать отчаянное сопротивление врага» [31, с. 201].

При переходе через пустыню Гоби главной проблемой оказалась нехватка воды. При этом организация водоснабжения наших войск по-разному оценивается в мемуарах военачальников и в воспоминаниях рядовых участников событий. Первые утверждают, что к началу наступления наши войска имели все необходимое для организации бесперебойного обеспечения водой, и, «хотя затруднения в водоснабжении в ходе операции и имелись, они не повлияли на развитие наступления», поскольку части и соединения ударной группировки фронта в основном снабжались водой своевременно. При этом были установлены следующие суточные нормы расхода воды: на человека – 5 л., на автомашину – 25 л., на танк – 100 л. и т.д. «Исходя из этих норм и производились расчеты необходимого количества водоисточников» [26, с. 141–142].

Однако участник операции бывший артиллерист А.М. Кривель утверждает, что «о снабжении наступающих войск в немыслимой августовской жары никто толком не подумал»: «Вероятно, эта проблема вообще была упущена из виду. В ходе подготовки к наступлению о ней и не упоминалось. Даже предупредить солдат, чтобы они набрали с собой максимальное количество воды из той же Аргуни, никто не удосужился. Бурильных установок в боевых порядках никто из солдат, а я многих спрашивал об этом, не видел...» [12, с. 139].

Результатом явился резкий рост людских потерь в пехотных частях, наступавших через пустынные участки территории Маньчжурии, особенно через Гоби. По некоторым свидетельствам участников этого перехода, в иных частях число потерявших боеспособность от солнечного удара достигало двух третей списочного состава. А воды на человека приходилось лишь по 200 г в день, то есть по граненому стакану, что вряд ли можно поставить в заслугу снабженцам и командирам. Далее ветеран рассказывает о своих ощущениях во время маршевого броска 9–11 августа 1945 г. под палящим солнцем Маньчжурии, по солончаковой степи, а затем – песчаной пустыне. «Тот, кто догадался в предутренней суматохе набрать во фляжки воды, считал себя счастливым. Жажда мучила все сильнее. Ни речек, ни озер, ни колодцев не было на нашем пути. Впрочем, в полдень встретился один колодец, но на нем висела табличка: «Отравлено». Танки по-прежнему обгоняли нас. Канонада впереди затихла. Пехота, идущая по степи, изнемогала от жары. Вот кто-то зашатался от теплового удара, упал, за ним другой, третий... Старшина бережно, как хрупкую вазу, принес канистру. На дне ее заманчиво булькал дневной запас батареи. Делили как величайшую драгоценность. Досталось каждому по полстакана. Степь казалась раскаленной сковородкой. Солнце садилось все ниже, но желанной прохлады вечер не приносил. Встретился еще один колодец. Его вычерпали до дна за пятнадцать минут. Машины и лошади поднимали тучи пыли. Она забивала горло, глаза, садилась на оружие. Только тогда я понял по-настоящему, что такое пустыня.

Жажда перебивала все остальное. Не хотелось ни есть, ни спать, только одна неотвязная мысль билась в голове: «Пить, пить, пить...» Разведчики пытались найти источники воды. Мотоциклисты взбирались на сопки, чтобы разглядеть издали колодец или озеро. Но видели только миражи... Впереди было еще два безводных дня» [12, с. 137–138].

Однако темп наступления был исключительно высоким. Командир 1136-го Краснознаменного Кенигсбергского стрелкового полка полковник П.В. Савойкин вспоминал: «Если бы мне раньше сказал кто-нибудь, что мой полк пройдет по горячим пескам, горам и ущельям со скоростью марша до 65 километров в сутки, с ограниченным запасом воды и с такой нагрузкой, я бы ни за что не поверил. Великий Суворов был мастером больших переходов, но он водил натренированных солдат, служивших в армии по 20–25 лет. У меня же в полку 65% личного состава – молодежь 1927 года рождения. Так идти, как мы идем, могут только люди, обладающие самым высоким моральным духом» [31, с. 202].

Как же в эти дни изображался противник в красноармейских газетах и боевых листках? В двухстраничной газете 79-й стрелковой дивизии «За советскую Родину» № 91 от 15 августа 1945 г. применительно к японцам использованы следующие языковые формулы:

- «коварство врага», «подлость и ухищрения заклятых самураев», «самые гнусные способы борьбы»;
- «наш исконный заклятый враг в своей злобе способен на все», «Враг коварен и жесток!»;
- «уничтожить японского гада», «уничтожить японо-фашистскую мразь»;
- «меткий выстрел оборвал подлую жизнь трех японцев», «комсомольский расчет ... прекратил подлую жизнь 5 японцев», «три наших пули прекратили подлую жизнь врага»;
- «убил презренного их вожака, ярого фашиста – офицера», «еще беспощаднее уничтожать заклятых врагов-самураев»;
- «мы ведем справедливую войну – войну с японскими самураями -- злейшими врагами свободолюбивых народов»;
- «скоро мы навсегда отучим проклятых самураев зариться на нашу советскую землю», «будем бить заклятых японских фашистов до полного их разгрома»;
- «с достоинством и честью громить подлого врага», «японские «кукушки», «японские снайперы, засевшие на деревьях»;
- «Ярость и ненависть наших воинов против японских самураев, творивших самые гнусные злодеяния на Дальнем Востоке, не знает пределов. Беспощадно истреблять врага – святой долг каждого нашего воина» [21].

На первой странице красовался девиз-эпиграф, выделенный крупным шрифтом: «Враг подл, хитер и коварен. Противопоставить самураям русскую сметку и находчивость, бей японских разбойников насмерть», а передовая статья называлась «На коварство врага отвечать высокой бдительностью». Буквально в каждом материале газеты четко про-

слеживается еще предвоенный образ-стереотип из знаменитой песни о трех танкистах: «И летели наземь самураи под напором стали и огня...» Однако настоящим перлом этого номера можно назвать размещенную на второй странице заметку А. Хлыстова «Облик врага», рассказывающую о поведении на допросе пленного японца и впечатлениях советских бойцов от его внешнего вида:

«Рядом с командным пунктом, на полянке, наш офицер допрашивает пленного японца. Он говорит много, с причитаниями. Глаза беспокойно бегают по сторонам, закатываются под лоб. Сложив ладони, он простирает руки к небу. Злобный и коварный враг сейчас похож на нагостливую дворняжку. Наблудившая собака вот так же избегает прямого взгляда, виляет хвостом, лижет ноги хозяину, вымаливая пощаду.

Несколько часов назад японец с дерева стрелял по нашим воинам. Теперь он жалуется на свою судьбу. Его фамилия Худзуки, работал в Токио, ему, мол, очень плохо жилось, что на деньги в Японию ничего купить невозможно – магазины стоят с пустыми полками. В доказательство своего рабочего происхождения Худзуки показывает всем свои натруженные руки. А кто строил на границе дзоты и железобетонные укрепления? Не здесь ли натер мозоли Худзуки?

Советские бойцы с презрением и негодованием смотрят на этого оборванца с редкими крысиными усами. Представитель «великой Японии» одет в тужурку, слатанную из пестрых, черных, зеленых полосатых тряпич. Грязная, засаленная рубашка. Обмотки – редкая, жесткая ткань из крапивы. На ногах десятки раз чиненные башмаки, на носках которых сделаны вырезы для большого пальца.

Один сержант-автоматчик, осмотрев пленного, сплюнул в сторону: «Ну и погань!» Перепуганный самурай твердит одно слово: родося - рабочий. Старый фашистский прием! Не удался он фрицам, найдем под этой маской и японских поджигателей и вдохновителей грабительской войны» [21].

Сами советские воины о японцах как о противниках рассуждали по-разному, но по большей части – с уважением. «Война шла всерьез, самураи сопротивлялись отчаянно, особенно в первую неделю боев: бойцы они были хорошо обученные, стойкие и дрались до последнего» [22, с. 314], – признавал разведчик Василий Иванов. «... Самураи ведь без боя не сдавались, они почти все смертниками были... И когда мне с моим батальоном приходилось разворачиваться и атаковать их опорные пункты, то пока их всех до единого не уничтожишь, они оказывали сопротивление» [22, с. 379–380], – рассказывал командир стрелкового батальона Владимир Спиндлер.

Об ожесточенности этой войны свидетельствует такой факт, как широкое распространение феномена «камикадзе» – смертников. В Квантунской армии из них была сформирована специальная бригада, кроме того, «ударные отряды» были в каждом полку и батальоне. В задачу смертников входило взорваться вместе с танком, самоходным орудием, убить генерала или высшего офицера.

При отступлении японские войска часто оставляли их в тылу противника, чтобы сеять там панику. Так, в политдонесение начальника политического управления Забайкальского фронта генерал-лейтенанта Зыкова от 17 августа 1945 г. сообщалось: «До сих пор продолжаются бои по ликвидации противника в опорных пунктах Хайларского укрепрайона, оказывающего ожесточенное сопротивление. На наиболее оживленных местах враг при отходе оставляет снайперов-смертников и мелкие диверсионные группы, которые обстреливают одиночных людей, проходящие машины, пытаются взорвать мосты, склады и промышленные предприятия... На кладбище в районе командного пункта дивизии обнаружен японский снайпер. Он был замурован в надмогильный памятник и имел запас продовольствия и воды на десять суток. В нише другого памятника найден прикованный цепями пулеметчик» [30, с. 549; 22, с. 282].

Об упорном сопротивлении противника в Хайларском укрепленном районе вспоминали многие ветераны: «... японцы никак не желали признать поражения и даже пытались контратаковать. Часов в пять вечера [15 августа] батальон самураев-смертников с мечами наголо, в расстегнутых кителях с закатанными рукавами с криками «Банзай!» бросился в психическую атаку. Но наши артиллеристы не растерялись: развернув батареи, открыли огонь шрапнелью. После нескольких залпов от батальона осталось меньше половины. Наша пехота поднялась в контратаку и перебила их всех. Ни один не отступил и не сложил оружия. Раненые самураи делали харакири, но в плен не сдавались. Все поле было усеяно их трупами...» [22, с. 360].

На Большом Хингане, не доходя перевала, советские войска наткнулись на опорный пункт японцев у села Бухэду. Здесь «самураи вновь оказали упорное сопротивление – ожесточенные бои затянулись почти на двое суток; японские смертники, прикованные к скалам, вели по нам огонь из снайперских винтовок и пулеметов и в плен не сдавались, делая харакири и умирая у нас на глазах. Лишь после того как огневые точки были подавлены нашей артиллерией, в Бухэду ворвались танки и пехота» [22, с. 360–361].

А вот как вспоминал о встрече с отрядом смертников А.М. Кривель: «В бой были брошены спецподразделения – японские «камикадзе». Они занимали по обе стороны Хинганского шоссе ряды круглых окопов-лунок. Их новенькие желтые мундиры резко выделялись на общем зеленом фоне. Бутылка с сакэ [рисовой водкой] и мина на бамбуковом шесте тоже были обязательными атрибутами «камикадзе». Мы кое-что слышали о них, этих фанатиках, одурманенных идеей «Великой Японии»... Но живых «камикадзе» не видели. А вот и они. Молодые люди, чуть старше нас. Полурасстегнутый воротничок, из-под которого выглядывает чистое белое. Матовое, восковое лицо, ярко-белые зубы, жесткий ежик черных волос и очки. И выглядят-то они совсем не воинственно. Не зная, что это «камикадзе», ни за что не поверишь. Но мина, большая, магнитная мина, которую даже мертвые

продолжают крепко держать в руках, рассеивает все сомнения» [12, с. 152–154].

Военный журналист О. Смирнов рассказывал: «В первые дни было несколько по-настоящему серьезных боев – я собственными глазами видел мертвых японских пулеметчиков, прикованных к своим «гочкисам» (вот так и немцы под конец войны приковывали штрафников). А добровольные смертники – те носили белые рубашки и белые повязки на голове с какими-то иероглифами. Такие смертники с минами на бамбуковых шестах, а то и просто привязанными к спине, не раз бросались под наши танки. Один раз видел самураев, совершивших харакири, зрелище не для слабонервных: брюхо настежь, все кишки наружу, кровищи море, и ханжой от них разит на версту – должно быть, принятию для храбрости» [22, с. 328].

Нельзя сказать, что действия «камикадзе» принесли серьезные результаты. Они так и не сумели сдержать наступающую лавину советских войск. А метод борьбы с ними нашелся быстро и оказался простым и эффективным: на броню танков садились десантники и расстреливали в упор из автоматов поднимающихся с миной смертников [12, с. 127]. «Мы имели перед собой самого фанатичного вояку (японца), который, не щадя себя, погибал во имя своего императора, – вспоминал гидроакустик Василий Воробьев. – Много ходило рассказов о самураях, их фанатичной преданности и фантастических умениях. Мне тогда довелось слышать и такой курьезный рассказ, что, убив противника, самурай сам вспарывал себе живот с криком: «Смерть врагам и мухам»... Правда, особого страха перед японцами мы не испытывали – в отличие от тех же американцев, для которых самураи были страшными (в прямом значении этого слова) противниками. Любой американский военнослужащий больше всего боялся встретиться один на один в личном противостоянии с японцем. Мы же относились к ним как к противнику, с уважением, но и только...» [22, с. 397].

С первого дня войны против Японии советское военное командование требовало от воинов Красной армии высоко держать знамя армии-освободительницы. Так, в обращении Военного совета 1-го Дальневосточного фронта к личному составу войск фронта перед началом боевых действий указывалось: «Воин Красной армии! Тебя знают на Западе как освободителя, таким тебя должны знать и на Востоке – в Китае, в Маньчжурии и Корее» [16, с. 55]. Вступление советских войск на оккупированные японцами обширные территории Дальнего Востока позволило раскрыть множество преступлений японских войск. Так, в 20 км от Харбина в течение десяти лет действовал секретный исследовательский центр Квантунской армии, разрабатывавший бактериологическое оружие массового уничтожения, которое собирались использовать в войне против СССР. Эксперименты проводились на живых людях, включая женщин и детей [12, с. 67–76]. Чудовищные расправы устраивались в японской армии над пленными: «...людей обезглавливали, четвертовали, обливали бензином

и сжигали живыми; военнопленным вспарывали животы, вырывали печень и съедали ее, что являлось якобы проявлением особого самурайского духа» [11, с. 178]. Факты зверств японцев на оккупированных территориях становились известны советским войскам в ходе их наступления, влияя на общее восприятие и оценку противника.

Неслучайно во многих источниках упоминается ненависть местного населения к недавним оккупантам. Командовавший воздушным десантом на город Гирин Д.А. Крутских вспоминал: «Несмотря на то, что на каждого нашего десантника приходилось около сотни японцев, вели они себя в плену смирно – просто боялись выходить на улицу, слишком уж велика была ненависть к ним китайского народа. Китайцы большими толпами неоднократно приходили в нашу комендатуру и просили выдать японцев для расправы, но мы самосудов не допускали» [22, с. 298]. Другой ветеран, войсковой разведчик Василий Иванов, подтверждает, что многие японцы спаслись именно благодаря плену: «Попади они тогда в руки китайцев, те бы их просто растерзали за все бесчисленные преступления, которые самураи совершили на китайской земле в годы оккупации. В августе 1945-го многие китайцы требовали выдать им японских военнопленных для справедливого возмездия – но у нас был приказ не допускать самосудов» [22, с. 316 – 317].

О защите от местного населения просили и сами японцы: «По пути разоружили 4 японских дивизии в общей сложности до 60 тысяч солдат и офицеров, – рассказывал пулеметчик, комсорг полка Анатолий Шилов. – Самураи просили, даже умоляли, об одном: обязательно оставлять во главе охраны советского представителя – иначе китайцы могли их просто перебить в отместку за то, что они натворили здесь за годы оккупации. То есть японские военнопленные нуждались не столько в охране, сколько в защите от местного населения. Поначалу мы оставляли офицеров, потом – сержантов, а под конец уже просто солдат – так много было пленников» [22, с. 345]. И добавлял в завершение: «Не знаю, как у других, а у меня никакого сочувствия к японцам тогда не было – ничего, кроме ненависти. А что вы хотите? Мы враждовали с ними с начала века, у меня брат воевал на Халхин-Голе, командиром танкового батальона, за что нам было их жалеть? Потом ненависть, конечно, ушла...» [22, с. 345].

Сегодня в японских учебниках истории идеализируется милитаризм времен Второй мировой войны, обеляются или умалчиваются преступления японской военщины, а вопрос ущерба от японской агрессии для Китая и Кореи называется «спорным» [24, с. 206–209] (видимо, 35 млн убитых китайцев, 4 млн индонезийцев и 2 млн вьетнамцев [7] – не в счет). При этом действия СССР в отношении Японии объявляются «предательскими», а советские войска обвиняются в «жестокостях, недостойном поведении». Так, еще с 1980-х гг. в японских СМИ публикуются измышления по поводу «зверств» советских воинов на территории Маньчжурии, «чудовищных расправ с мирными японскими колонистами» [7; 9] (к 1945 г. этих резервистов

Квантунской группировки войск вместе с семьями насчитывалось около 1 млн чел.).

Подлинную картину того времени помогают восстановить архивные документы и воспоминания советских военачальников – участников Маньчжурской стратегической наступательной операции 1945 г. [1; 13; 14; 28]. Например, в одном из политдонесений 39-й армии Забайкальского фронта середины августа 1945 г. о поведении японцев в районах боевых действий сообщалось: «При приближении Красной армии японцы не только угоняют японское население, но и заставляют матерей убивать своих детей. Японка Ямамото Харуко, жена чиновника городского управления по снабжению населения города Фуцзин продовольствием и промтоварами, на допросе показала: «9 августа над городом Фуцзин появились самолеты неамериканского типа. Сначала многие думали, что это самолеты английского или американского происхождения, но затем убедились, что это советские самолеты. Японцы, главным образом женщины, побросав вещи, ушли в направлении Цзямусы. Многие японки дорогой душили и убивали детей, а трупы сбрасывали в реку. Я с двумя детьми – с годовалым и пятилетним – шла с группой японцев и японок. Мне тоже предложили убить детей, но я отказалась это сделать...» Другая допрошенная японка, Мацуда Йото, убила своего семилетнего сына. Так японские фанатики заставляют своих женщин убивать детей» [7].

А вот свидетельство дважды Героя Советского Союза генерала армии А.П. Белобородова, командовавшего в августе 1945 г. 1-й Краснознаменной армией 1-го Дальневосточного фронта. В своих мемуарах он приводит документально подтвержденное содержание допросов пленных генералов, входивших в состав командования 5-й японской армии, которые признавали факт уничтожения японского гражданского населения военнослужащими 5-й японской армии. «Японским генералам, – пишет А.П. Белобородов, – было зачитано одно из политдонесений политотдела 365-й стрелковой дивизии. В нем сообщалось, что части дивизии, совершая марш к городу Линькоу, обнаружили в пути две группы убитых японских женщин и детей... На железнодорожном переезде стояли грузовые машины. В кузовах в одинаковых позах сидели, поджав ноги, или лежали, опрокинувшись, женщины и дети, головы в белых, видимо ритуальных повязках... Другая группа была найдена на шоссе в районе станции Дидаохэ. Всего в обеих группах насчитывалось более 400 женщин и детей. Захваченные неподалеку от этих мест пленные показали на допросе: убийства совершены японскими солдатами и офицерами: взять с собой в сопки женщин и детей они не могли и... убивали женщин и детей с их согласия...» [1, с. 167].

Выслушав текст переведенного донесения, командующий 5-й японской армией генерал Н. Симидзу цинично заявил, что «каждый народ живет и умирает по своим законам» [1, с. 168]. Подобное же отношение в японской армии было и к своим больным и раненым солдатам. По признанию на-

чальника медицинской службы армии генерала Сато, неспособных передвигаться самостоятельно раненых бросали истекать кровью [16, с. 150–151]. Последующее расследование показало, что злодеяние, совершенное 12–13 августа в районе города Линькоу и станции Дидаохэ против японских женщин и детей было делом рук роты смертников 135-й пехотной дивизии той же 5-й армии [1, с. 170]. Получив ряд таких тревожных сигналов, командование 1-й Краснознаменной армии немедленно приняло соответствующие меры, чтобы воспрепятствовать возникновению подобных случаев в последующем. «Японские беженцы, старики, женщины и дети, толпами выходили навстречу советским частям и умоляли защитить. Мы собрали их всех, около 11 тыс. человек, в японский военный городок и обеспечили сильной охраной» [1, с. 168], – вспоминал А.П. Белобородов и при этом справедливо замечал: «Вот ведь как получилось: десятки лет японские газеты и прочие средства массовой пропаганды вдалбливали в головы людей всякую чушь про «варваров-большевиков», а пришли мы, и всю эту грязную пену как потоком смыло. К нам же кинулись в поисках защиты» [1, с. 168].

Особые, приподнятые чувства испытывали те советские воины, которые участвовали в освобождении Южного Сахалина и Курильских островов – территорий, утраченных Россией после поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг.: для них это были не просто военные действия, а восстановление исторической справедливости. Южно-Сахалинская наступательная операция проводилась с 11 по 25 августа 1945 г. силами 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта и Северной Тихоокеанской флотилии. На Котонских высотах, расположенных на границе между Северным и Южным Сахалином, советские войска были встречены сплошной стеной огня с мощных укреплений, возведенных здесь японцами за долгие годы. «Используя защитную мощь железобетонных сооружений и благоприятные условия горно-лесистой и болотистой местности, враг ожесточенно сопротивлялся, удерживая за собой каждый метр земли, переходя в неоднократные контратаки, особенно сильные в г. Котон» [19, с. 10].

Пять суток тяжелейших боев потребовались советским войскам на то, чтобы прорвать укрепленную полосу обороны противника и развернуть наступление в южном направлении. Моряки Тихоокеанского флота высадили десанты в тылу упорно сопротивляющегося врага, оказав поддержку сухопутным частям Красной армии и создав благоприятные условия для их ускоренного продвижения. В политдонесениях сообщалось:

– первые же дни боев «демонстрируют высокий наступательный порыв наших войск и хорошую боевую выучку бойцов, сержантов и офицеров» [3, с. 458];

– «примеры массового героизма и мужества, доблести и выносливости, ловкости и находчивости, проявление военной смекалки бойцами и командирами в борьбе с японцами – массовое

явление во всех действующих частях» [3, с. 458];

– «о высокой сознательности бойцов свидетельствуют ... факты, когда раненые не уходят с поля боя, а продолжают выполнять боевую задачу» [3, с. 458];

– «в боях бойцы и командиры противопоставляют хитрости противника находчивость и русскую смекалку», показывают «многочисленные примеры быстрого и решительного выполнения боевых заданий, ... хорошей выучки и храбрости» [3, с. 458 – 459];

– «настроение личного состава вполне здоровое и бодрое, несмотря на тяжелые условия марша, так как на ряде участков на протяжении 5 – 10 км дорога совершенно непроходима и личный состав всю матчасть вытягивал на руках» [19, с. 21];

– «личный состав горит одним желанием: быстрее занять весь Южный Сахалин» [19, с. 20].

Героически сражались советские воины за освобождение Курильских островов. Особенно ожесточенными были бои за о. Шумшу – самый большой и укрепленный остров Курильской гряды, где находилась главная база японского флота. Именно здесь 18 августа 1945 г. был совершен групповой подвиг, сравнимый с легендарным подвигом героев-панфиловцев. В бою с 25 японскими танками, исчерпав все средства борьбы и не имея возможности другим способом остановить врага, старший сержант И.И. Кобзарь, старшина 2-й статьи П.В. Бабич, сержант Н.М. Рында, матрос Н.К. Власенко во главе с командиром взвода подрывников лейтенантом А.М. Водыниным со связками гранат бросились под вражеские машины. Пожертвовав собой, они уничтожили семь из них, чем задержали продвижение бронетанковой колонны врага до подхода основных сил нашего десанта [19, с. 29; 26, с. 255 – 256]. В этом же бою поджег два вражеских танка, а когда противотанковое ружье вышло из строя, бросился с гранатой под третий младший сержант Георгий Баландин [20, с. 123].

Ни яростное сопротивление противника, ни железобетонные пограничные укрепления, ни труднейшие условия местности не могли остановить наступательного порыва советских войск, неудержимо рвавшихся вперед. Победа в Дальневосточной кампании была достигнута в рекордно короткие сроки – за 24 дня. В ходе августовских боев 1945 г. советскими войсками была освобождена территория площадью более 1,3 млн кв. км, с населением свыше 40 млн чел. [6, с. 325]. При участии в боевых действиях более 1,5 млн советских военнослужащих вышло из строя 36,4 тыс. чел., из них безвозвратные потери составили 12 тыс. чел. [6, с. 159].

В боях на Дальнем Востоке советские войска проявили массовый героизм, мужество и отвагу. Яркие подвиги совершали пехотинцы, танкисты, артиллеристы, моряки, саперы, представители всех видов Вооруженных сил и родов войск. 11 советских воинов пожертвовали жизнью, закрыв своим телом амбразуры и бойницы японских дотов и дзотов; отважными летчиками было совершено несколько воздушных и огненных таранов; десант-

ники в боях за остров Шумшу бросались с гранатами под японские танки [31, с. 201–203, 206–207]. 93 воина были удостоены звания Герой Советского Союза, 6 из них – во второй раз. Свыше 300 тыс. человек были награждены орденами и медалями [5, с. 562; 25, с. 234].

Какой же запомнилась капитуляция японских войск советским военнослужащим? Командир танковой роты Александр Фадин вспоминал о том, как в Манчжурии «мощная Мукденская группировка покорно, без единого выстрела, сложила оружие во главе со своими генералами». А когда после высадки советских воздушных десантов на Ляодунском полуострове – в Дайрене и Порт-Артуре – его часть, погрузившись на железнодорожные составы, двинулась им на помощь, «грозные офицеры-самураи, облаченные в парадную форму, при саблях, встречали нас на вокзалах на всем пути следования и, отдавая честь, раскланиваясь, оказывали любое содействие» [22, с. 308].

Радист Виктор Косолапов, воевавший в Китае, рассказывал: «Помню, второго сентября это был день окончательной капитуляции Японии в наш штаб неожиданно явился японский генерал с группой офицеров (человек двенадцать) – все в форме, «при полном параде», с мечами. Самураи заявили, что их дивизия, укрывшаяся в горах километрах в восьмидесяти от Ванцина, готова сложить оружие и попросили принять их капитуляцию» [22, с. 352]. Далее подробно описывается дорога в расположение японской дивизии и процедура приема военнопленных. «Часа в два ночи часовые поднимают тревогу – в горах началось интенсивное движение японских войск, повсюду горят костры, шум моторов, галдеж, еще усиленный горным эхом. Оттуда в нашу сторону движутся автомашины с зажженными фарами. Когда они подъехали, выяснилось, что самураи не стали дожидаться утра и готовы капитулировать прямо сейчас. Ну, наши автоматчики приняли головную колонну и повели по маршруту. Были среди японцев и их семьи; каждый что-то нес: кто одеяла, кто дрова, кто провиант или воду. Помню, удивила их дисциплина – до самого конца они продолжали беспрекословно подчиняться своим офицерам. К нам они тоже относились уважительно, но никак не хотели признавать, что сдаются в плен, – заявляли и показывали жестами, что Сталин и микадо пожали друг другу руки» [22, с. 352–353].

Военная кампания Советской армии на Дальнем Востоке, ускорив разгром последнего союзника фашистской Германии, не только приблизила окончание Второй мировой войны и обеспечила принципиально иной расклад стратегических сил в послевоенном мире, но и способствовала окончательному изживанию комплекса побежденной страны, унаследованного от царской России. «Летом 1945 г., дойдя до Порт-Артура, мы поклонились праху погибших там в начале века русских солдат и сказали: мы вернулись, мы рассчитались за вас» [22, с. 6]. Похожие слова встречаются в воспоминаниях многих ветеранов, особенно тех, у кого с событиями русско-японской войны были связаны семейные истории.

«Закончили мы войну в Порт-Артуре, – рассказывал разведчик Григорий Калачев. – Как же мы рвались туда, как мечтали рассчитаться с самураями за поражение в первой русско-японской войне! Помню, еще когда ехали на Дальний Восток, все зачитывались романом «Порт-Артур», много публикаций об этом было в армейской печати. Да и потом, уже во время наступления, политруки все время твердили: наше дело правое, это возмездие за все прежние японские преступления, восстановление исторической справедливости. Так и Сталин сказал в своем победном обращении: разгромив Японию, мы смыли «черное пятно» из народной памяти. А у меня вообще был свой личный счет к самураям. Вернее, семейный. 40 лет назад мой дед воевал в Порт-Артуре, и когда я был маленьким, он мне об этом рассказывал – как русские солдаты били здесь японцев, какие подвиги совершали, как предали их царские генералы, сдавшие крепость врагу. И когда мы в конце августа 1945 г. вернулись в Порт-Артур, где сражались и умирали наши деды, то первым делом поклонились солдатским могилам на русском кладбище, ходили и на места давних боев, где еще можно было найти позеленевшие гильзы и обрывки шинелей с пятнами крови. А наше командование во главе с маршалом Василевским сразу после победы возложило на эти могилы венки...» [22, с. 341–342].

«Мой корабль, в составе эскадры, должен был перебазироваться в Порт-Артур, – вспоминал гидроакустик Василий Воробьев. – Наш дивизион вошел в Южное море. Помню то напряженное состояние, когда мы под-ходили к месту гибели крейсера «Варяг». Всех, как магнитом, тянуло на верхнюю палубу. Там собрались почти все свободные от вахты и вглядывались в море. Друг с другом почти не разговаривали. Каждого распирало закрывать:

*«Наверх вы, товарищи, все по местам:
последний парад наступает!
Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает».*

Но почему-то так никто вслух эту песню и не запел, хотя я уверен, что каждый повторял про себя ее слова множество раз. Торжественное и напряженное молчание было нарушено лишь залпами орудий. В сердце каждого из нас осталось чувство гордости за Россию, которая сумела восстановить честь и славу русского флага» [22, с. 398].

«Запомнился такой случай, – рассказывал офицер политотдела 6-й Гвардейской танковой армии Александр Желваков. – Когда мы несли службу в Мукдене, командиром отделения автоматчиков в нашем батальоне был младший сержант Иван Загорулько. Он рассказывал, что его дед сорок лет назад, во время первой Русско-японской войны, был смертельно ранен в ходе печально известного Мукденского сражения, проигранного нашей армией. И вот, посетив местное кладбище, мы обнаружили здесь братскую могилу воинов 1-го Туркестанского полка, в котором и служил дед Ивана. Так сорок лет спустя внук смог поклониться праху деда, вернувшись на его могилу победителем...» [22, с. 338].

В обращении И.В. Сталина к советскому народу в связи с окончанием Второй мировой войны от 2 сентября 1945 г. говорилось: «...поражение русских войск в 1904 г. в период Русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил... Наш советский народ не жалел сил и труда во имя Победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на Западе и японского нашествия на Востоке» [23, с. 204–205]. Эта историческая оценка Верховного главнокомандующего, данная им в момент высшего военно-политического триумфа, была полностью созвучна настроениям советского народа и его армии.

Список литературы

1. Белобородов А.П. Прорыв на Харбин. М., 1982.
2. Богомолов В.О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2006. №1. [Электронный ресурс]: URL: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/05.html (дата обращения 03.06.2013)
3. Великая Отечественная война 1941-1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. М., 1990.
4. Внешняя политика СССР: Сб. документов. Т. III. М., 1947.
5. Военная энциклопедия.. Т. 4. М., 1999.
6. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993.
7. Зимонин В.П. «Зверства» в Маньчжурии: вымысел и правда // Красная звезда. 2010. 6 сентября.
8. Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой. М., 2002.
9. Зимонин В.П., Щебеньков Ю.М. Правда и ложь о японских сиротах // Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 3.
10. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. В 6-ти т. Т. 5. М., 1963.
11. Кривель А.М. Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989.

12. Кривель А.М. Это было на Хингане. М., 1985.
13. Людников И.И. Через Большой Хинган. М., 1967.
14. Плиев И.А. Через Гоби и Хинган. М., 1965.
15. Победа на Востоке: К 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985.
16. Победа на Дальнем Востоке: Историко-мемуарные и художественные повествования о разгроме империалистической Японии в августе 1945 года. Хабаровск, 1985.
17. Последние письма с фронта. 1945 год: Сб. Т. 5. М., 1995.
18. Русский архив: Великая Отечественная. Т.18 (7-1). Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-е – 40-е годы. Документы и материалы. М., 1997.
19. Русский архив: Великая Отечественная. Т.18 (7-2). Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-е – 40-е годы. Документы и материалы. М., 2000.
20. Рыжков А.Н. Бои за родные острова: Дневники, воспоминания, встречи, письма, документы. Южно-Сахалинск, 1980.
21. Сахалин и Курильские острова во Второй мировой войне. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.sakhalin.ru/Region/WORLDWAR2/images/Newspaper.gif> (дата обращения 03.06.2013)
22. Советско-японские войны 1937-1945 годов. Сборник. М., 2009.
23. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952.
24. Стапран Н. Переломный этап истории: уроки, которые вынесла для себя Япония // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. М., 2005.
25. Творцы победы: от рядового до маршала. М., 1987.
26. Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. Изд. 2-е. М., 1969.
27. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 32. Оп. 2215. Д. 2.
28. Чистяков И.М. Служим Отчизне. М., 1985.
29. Шикин И.В., Сапожников Б.Г. Подвиг на дальневосточных рубежах. М., 1975.
30. Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2001.
31. Шумихин В.С., Борисов Н.В. Немеркнущий подвиг. Героизм советских воинов в годы Великой Отечественной войны. М., 1985.

Об авторе

Сенявская Елена Спартаковна – д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук.
E-mail: senyavsky@mtu-net.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

«IT IS REPARABLE HISTORICAL JUSTICE ...»: FAR EAST CAMPAIGN OF 1945 IN CONSCIOUSNESS OF THE SOVIET MILITARY PERSONNEL

E.S. Senyavskaya

The Institute of Russian History, The Russian Academy of Sciences, 19, Dmitry Ul'ianov Street, Moscow, 117036, Russia.

Abstract: *In this article on the basis of documentary evidence and memories of the participants of the events shows, what was the sentiments in the summer of 1945, after the victory over Germany, when the Soviet troops departed from Europe to the far East, to participate in the war with Japan, and how the Soviet command solved a difficult problem - to mobilize for perform the new military tasks people who were weary up to the limit from years of war, dreamed of a speedy return to their families and relatives on.*

Also review the features of the preparation for a new war veterans of European fights and "dalnevostochny stays", with the consideration of rich combat experience of the first category of servicemen and better knowledge of the natural-climatic conditions of the forthcoming theatre of war the second category.

In article analyzes massive army representation of the Japanese as a military rival and their correspondence to reality. Underestimation of the enemy in the first days of the war led to a "criminal carelessness" and losses, so the commanders had to strengthen explanatory work with staff about insidiousness of the enemy and vigilance increase. The bitterness of the fighting shows in widespread phenomenon of "kamikaze bombers. Special attention is paid to violations of the Japanese party norms of international law, the laws and customs of war.

In conclusion it is shown that the military campaign of the Soviet army in the far East not only hasten the end of the Second world war and provided a new balance of strategic forces in the postwar world, but also contributed to the eventual eradication of complex of a defeated country, inherited from tsarist Russia.

Key words: World War II, Far East campaign of 1945, Soviet army, Japan, moral and psychological preparation of staff, mass heroism, image of the enemy, Japanese suicide bombers, historical memory.

References

1. Beloborodov A.P. Proryv na Kharbin [Break to Harbin]. Moscow, Voenizdat Publ., 1982. 208 p.
2. Bogomolov V.O. Life of mine, did you come in dreams to me? Nash sovremennik, 2006, no. 1. Available at: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/05.html. Accessed June 03, 2013.
3. Velikaia Otechestvennaia voina 1941-1945. Sobytiia. Liudi. Dokumenty. Kratkii istoricheskii spravochnik [Great Patriotic War 1941-1945. Events. People. Documents. A brief historical reference]. Moscow, Politizdat Publ., 1990.
4. Vneshniaia politika SSSR. Sb. dok. [Foreign policy of the USSR. Coll. doc.]. Moscow, 1947, vol. 3.
5. Voennaia entsiklopediia. V 8-mi t. [Military encyclopedia. In 8 vols]. Moscow, Voenizdat Publ., 1999, vol. 4.
6. Andronikov V.M., Burikov P.D., Gurkin V.V., e.a. Grif sekretnosti sniat. Poteri Vooruzhennykh Sil SSSR v voynakh, boevykh deistviakh i voennykh konfliktakh. Statisticheskoe issledovanie [The security classification is removed. Losses of the Armed forces of the USSR in wars, operations and the military conflicts. Statistical research]. Moscow, Voenizdat Publ., 1993.
7. Zimonin V.P. "Atrocities" in Manchuria: Fiction and truth. Krasnaia zvezda, September 6, 2010. (in Russ.).
8. Zimonin V.P. Poslednii ochag Vtoroi mirovoi [Last center of World War II]. Moscow, Inst. of Security and Development of Eurasia Publ., 2002. 544 p.
9. Zimonin V.P., Shcheben'kov Iu.M. Truth and lie about Japanese orphans. Problemy Dal'nego Vostoka, 1987, no. 3.
10. Istoriia Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soiuza 1941-1945. V 6-ti t. [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945. In 6 vols.]. Moscow, Voenizdat Publ., 1963, vol. 5. 652 p.
11. Krivel' A.M. Slyshish', Khalkhin-Gol! [You hear, Halkhin-Gol!]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 192 p.
12. Krivel' A.M. Eto bylo na Khingane [It was on Hingan]. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 184 p.
13. Liudnikov I.I. Cherez Bol'shoi Khingan [Through Big Hingan]. Moscow, Voenizdat Publ., 1967. 117 p.
14. Pliev I.A. Cherez Gobi i Hingan [Through Gobi and Hingan]. Moscow, VoenizdatPubl., 1965. 158 p.
15. Pobeda na Vostoke: K 40-letiiu razgroma militaristskoi Iaponii [Victory in the East: To the 40th anniversary of the defeat of militaristic Japan]. Moscow, Voenizdat Publ., 1985. 125 p.
16. Pobeda na Dal'nem Vostoke: Istoriko-memuarnye i khudozhestvennye povestvovaniia o razgrome imperialisticheskoi Iaponii v avguste 1945 goda [Victory in the Far East: Historical, memorial and literary narrations about defeat of imperialistic Japan in August, 1945]. Khabarovsk, Khabarovsk Book Publ., 1985. 528 p.

17. Poslednie pis'ma s fronta. 1945 god [Last letters from the front. 1945]. Moscow, Voenizdat Publ., 1995, vol. 5.
18. Russkii arkhiv: Velikaia Otechestvennaia. T.18 (7-1). Sovetsko-iaponskaia voina 1945 goda: istoriia voenno-politicheskogo protivoborstva dvukh derzhav v 30-e – 40-e gody. Dokumenty i materialy [Russian archive: Great Patriotic War. Vol. 18 (7-1). Soviet-Japanese war of 1945: History of a military-political confrontation of two powers in the 30s – 40s. Documents and materials]. Moscow, Terra Publ., 1997.
19. Russkii arkhiv: Velikaia Otechestvennaia. T.18 (7-2). Sovetsko-iaponskaia voina 1945 goda: istoriia voenno-politicheskogo protivoborstva dvukh derzhav v 30-e – 40-e gody. Dokumenty i materialy [Russian archive: Great Patriotic War. Vol. 18 (7-2). Soviet-Japanese war of 1945: History of a military-political confrontation of two powers in the 30s – 40s. Documents and materials]. Moscow, Terra Publ., 2000.
20. Ryzhkov A.N. Boi za rodnye ostrova: Dnevnik, vospominaniia, vstrechi, pis'ma, dokumenty [Fights for native islands: Diaries, memoirs, meetings, letters, documents]. Iuzhno-Sakhalinsk, Far East Book Publ., 1980. 144 p.
21. Sakhalin and the Kuril Islands in World War II. Available at: <http://www.sakhalin.ru/Region/WORLDDWAR2/images/Newspaper.gif>. Accessed June 03, 2013. (in Russ.).
22. Sovetsko-iaponskie voiny 1937-1945 godov [Soviet-Japanese wars of 1937-1945]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 416 p.
23. Stalin I.V. O Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soiuzu [About the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Moscow, OGIZ Publ., 1952.
24. Stapran N. The critical stage of history: Lessons that Japan took. 60-letie okonchaniia Vtoroi mirovoi i Velikoi Otechestvennoi: pobediteli i pobezhdennye v kontekste politiki, mifologii i pamiaty [The 60th anniversary of the end of World War II and the Great Patriotic War: The victors and the defeated in the context of politics, mythology and memory]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2005. 246 p.
25. Tvortsy pobedy: ot riadovogo do marshala [Creators of a victory: From the private to the marshal]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1987. 320 p.
26. Final. Istoriko-memuarnyi ocherk o razgrome imperialisticheskoi Iaponii v 1945 godu [Ending. Historical and memorial essay on the defeat of imperialistic Japan in 1945]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 414 p.
27. Central archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation. F. 32. Op. 2215. D. 2. (in Russ.).
28. Chistiakov I.M. Sluzhim Otchizne [We serve the Motherland]. Moscow, Voenizdat Publ., 1985. 288 p.
29. Shikin I.V., Sapozhnikov B.G. Podvig na dal'nevostochnykh rubezhakh [The feat at the Far East frontiers]. Moscow, Voenizdat Publ., 213 p.
30. Shishov A.V. Rossiia i Iaponiia. Istorii voennykh konfliktov [History of military conflicts]. Moscow, Veche Publ., 2001. 576 p.
31. Shumikhin V.S., Borisov N.V. Nemerknushchii podvig. Geroizm sovetskikh voinov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The unfading feat. Heroism of Soviet soldiers during the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 272 p.

About the author

Elena S. Senyavskaya – Professor, the doctor of historical sciences, the leading researcher of Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences, the winner of the State award Russian Federation, the full member of Academy of military sciences. E-mail: senyavsky@mtu-net.ru

ГЛУБИННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛИЗМА И СЕПАРАТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ

А.А. Орлов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В наше время в массовом сознании сложилось устойчивое восприятие Испании как благополучного государства, входящего в группу стран, являющихся опорой европейской интеграции. Создавалось впечатление, что Испания, несмотря на сложности ее исторического развития, наконец-то обрела свою национальную идентичность, создав из составляющих ее регионов и национальных образований новую мультикультурную общность, скрепленную в единое целое толерантной, просвещенной и авторитетной монархией. Однако начавшийся в 2008 г. мировой экономический кризис разрушил испанскую идиллию, обострив старые и породив новые противоречия. Традиционно болезненной для Испании проблемой являлось наличие центробежных тенденций, в основе которых лежали две главные причины: проявления национализма, свойственного тем областям, где исторически проживали каталонская, баскско-наваррская и галисийская народности, и регионализма, обусловленного стремлением местных элит к большей обособленности от Мадрида. Рассматривая особенности доримской истории Испании, автор стремится понять, могут ли истоки современного сепаратизма уходить корнями в глубокую древность. По итогам исследования делается вывод, что наиболее рельефно «связь времен» прослеживается на примере басков, часть интеллектуальной элиты которых стремится использовать особенности происхождения и исторического развития этого народа для подкрепления современных националистических и сепаратистских тенденций. Автор считает, что история должна служить мостом между народами, а не возводить между ними новую стену.

Ключевые слова: Испания, Иберия, иберы, кельты, кельтиберы, финикийцы, греки, индоевропейские племена, гуанчи, баски, Тартесс. Гадес, Карфаген, Рим, Атлантида, национализм, сепаратизм, регионализм, Страна Басков, Каталония, Андалусия.

В конце XX – начале XXI вв. в массовом сознании сложилось устойчивое восприятие Испании как вполне благополучного, современного государства, уверенно входящего в группу стран, идущих вслед за лидерами Европейского союза – Германией, Францией и Великобританией, и являющихся опорой европейской интеграции. Создавалось впечатление, что в современную эпоху, несмотря на определенные сложности исторического развития этого государства за Пиренеями (когда периоды подъема, включавшие лидерство Мадрида в Старом и Новом Свете в «золотые и серебряные века» испанской короны, сменялись длительными депрессивными паузами), Испания наконец-то обрела свою национальную идентичность. Из составляющих эту страну регионов и национальных образований была создана новая мультикультурная общность, скрепленную в единое целое толерантной, просвещенной и авторитарной монархией. Однако мировой валютно-финансовый кризис в 2008 г., переросший затем в полномасштабный экономический, разрушил испанскую идиллию, обострив старые и породив новые противоречия.

Традиционно болезненной для Испании проблемой являлось наличие центробежных тенденций, которые то обострялись, то несколько затухали на всем протяжении существования этого государства. В их основе лежали две главные причины: проявления национализма, в большей или меньшей мере свойственного тем областям, где исторически проживали каталонская, баскско-наваррская и галисийская народности, и регионализма, обусловленного стремлением местных элит к большей обособленности от Мадрида. Как национализм, так и регионализм на пространстве современной Испании имеют глубокие исторические корни, уходя своими истоками в далекую древность, намного более раннюю, чем период феодальной раздробленности, который, как правило, является отправной точкой подобных явлений в других частях Европы.

К примеру, Карл Маркс, который на определенном этапе своей карьеры политика и ученого интересовался проблемами испанской истории, также относил генезис регионализма в этом государстве к Средним векам: он объяснял распространение подобных тенденций тем, что первоначально «различные провинции самостоятельно освобождались от владычества мавров, образуя при этом маленькие независимые государства», а на более позднем этапе тем, что испанский абсолютизм, не сумевший создать единого национального рынка, породил существенные различия в развитии провинций и коммун [5, с. 432].

Тем не менее, как считают некоторые испанские интеллектуалы, первые признаки и зародыши тех явлений, которые сегодня мы можем квалифицировать как проявления национализма и сепаратизма (речь в первую очередь идет о баскском национализме и сепаратизме) и регионализма (правда, в значительно меньшей степени), объективно появились значительно раньше, по сути в дорим-

скую эпоху. Естественно, в те стародавние времена едва ли кому-то могла прийти в голову мысль о том, что по прошествии сотен и тысяч лет конкретные особенности исторического развития различных регионов Испании будут трактоваться как признаки существенного и даже кардинального отличия одних иберийских народов от других. Несмотря на то, что они живут бок о бок друг с другом испокон веков. Но это – одна из реальностей нашего противоречивого мира, который сегодня столкнулся с необходимостью заново понять многие истины, которые еще вчера казались прописными.

Итак, действительно ли зачатки тенденций, которые в наше время подпитывают сепаратизм некоторых испанских областей, можно отнести к доримским временам, или здесь все же больше вымысла и эмоций, чем здравого смысла и объективной науки? Попробуем в этом разобраться, начав с истоков. Кто те люди, которые заселяли просторы современной Испании в глубокой древности, откуда они пришли, как развивалась их культура, на каких языках они говорили, как шло формирование общественно-политических и экономических отношений и становление первых подобий государственных образований в те незапамятные времена? Ответы на эти вопросы, возможно, помогут – хотя бы отчасти – понять некоторые из сегодняшних проблем Испании.

Как свидетельствуют результаты последних археологических раскопок, предки современных людей появились на Пиренейском полуострове более миллиона лет назад. Порядка 60 тысяч лет назад здесь обосновались неандертальцы, прожив в этих краях более 30 тысяч лет (приблизительно до 27-го тысячелетия до н.э.), причем несколько тысячелетий они сосуществовали с современным человеком, пришедшим на полуостров 35 тысяч лет назад. Существует гипотеза, что Пиренейский полуостров был последним пристанищем неандертальцев, где они продержались дольше всего.

Другая красивая гипотеза связывает с наскальными рисунками, обнаруженными в пещере Нерха (провинция Малага), где жили неандертальцы, первое произведение искусства, выполненное руками человека и отстоящее от нас по времени на 42 тысячи лет. Заметим попутно, что раскопки на территории Испании не прекращаются ни на минуту и у тех, чей ум пока, фигурально выражаясь, окончательно не замусорен ширпотребом, есть реальные шансы стать свидетелями новых впечатляющих находок. Однако все это относится к периоду, который в Испании называют «предисторией». Что же было дальше?

Известный испанский историк Антонио Домингес Ортис пишет: «Об истории Испании можно говорить только тогда, когда различные народы, которые ее образуют, начинают восприниматься за рубежом как единое целое» [10, с. 19]. Но о каких народах идет речь? Испанский ученый поясняет: «С середины первого тысячелетия до рождения Христа греческие писатели начали сообщать о народах далекого Запада, собирая еще более древние традиции. Самое давнее упоминание касается

создания Кадиса финикийскими колонистами. В тот же период начинается проникновение [на полуостров. – А.О.] индоевропейцев (кельтов) через Пиренеи, но о них имеется только археологическая информация, в то время как о культурах Юга и Средиземноморья, помимо огромного [археологического. – А.О.] материала, мы имеем письменные свидетельства. Они раскрывают даты, имена, конкретные сведения и постепенно разгоняют облака неизвестности и придают вид и окраску событиям» [10, с. 19].

«Испания была заселена иберами и кельтами, от объединения которых возникли кельтиберы, – продолжает Домингес Ортис. – Первая волна [кельтов. – А.О.], в районе 1000 л. до н.э., затронула северную часть Испании; вторая волна была обширнее, и дошла до земель Юга, но с меньшей силой: она привела к смешению, разбавлению, заполнению пустот, но не изменила преимущественно иберийского характера Юга и Востока. Эта вторая волна совпала с апогеем железного века... Но наибольшее единство обеспечивал язык, используемые в нем топонимы были понятны от крайнего запада Европы до Малой Азии, от галлов, британцев и галисийцев и до жителей Анатолии» [10, с. 20].

Существует расхожее мнение, что иберы – это прямые потомки автохтонного населения, проживавшего на территории Испании в течение тысячелетий. В какой-то мере это, видимо, соответствует действительности. Однако такое утверждение не является исчерпывающим. Ныне уже хорошо известно, что иберы не составляли этнической общности, а были объединены, прежде всего, одной культурой. Испанский исследователь Антонио Аррибас пишет: «Древние тексты позволяют нам выделить группу народов, живших вдоль побережья между Роней и Геркулесовыми столбами и известных под общим названием “иберы”. Этот термин имеет скорее географический, чем этнический смысл» [1, с. 7].

Одновременно Аррибас сообщает, что, «по данным письменных источников», внутренние территории [современного Пиренейского полуострова – А.О.] были заселены «кельтскими варварскими племенами» [1, с. 7]. Из этого со всей очевидностью вытекает, что уровень культуры иберов был в тот период намного выше культурного уровня кельтов. Домингес Ортис объясняет «культурный всплеск» иберов следующим образом: «... на важной основе мегалитической культуры позднего бронзового века (второе тысячелетие до н.э.) торговые отношения с продвинутыми культурами Восточного Средиземноморья, греками и финикийцами создали условия для прекрасного расцвета [культуры. – А.О.], сопоставимого с культурами этрусков и других средиземноморских народов и более значимого по сравнению с остальным полуостровом» [10, с. 21].

Итак, мы подошли к важному утверждению о том, что на культуру иберов огромное влияние оказали их контакты и общение с лидерами общественно-культурного развития той исторической эпохи народами Восточного Средиземноморья.

Но когда они появились на пространстве современной Испании? В этой связи Аррибас пишет: «В эпоху ранней бронзы иностранное влияние приходит с Ближнего Востока и с эгейско-анатолийского направления – либо по морю, либо по Дунаю. Основные колонии народов Восточного Средиземноморья, которые принесли мегалитическую культуру на полуостров в начале железного века, располагались по юго-восточному берегу и в долинах Гвадалquivира и Тахо» [1, с. 30].

Финикийцы в рамках своей политики создания опорных точек для организации торговых путей по всему Средиземноморью основали Гадир (Гадес, Кадис), как принято считать, в XII в. до н.э. Даже называется более точная дата – приблизительно 1100 г. до н.э., то есть раньше основания ими Карфагена (в 814 г. до н.э.), а также Секси (ныне – Альмуньекар) и Абдеру (Адра), располагавшихся восточнее Малаги, на средиземноморском побережье современной Андалусии. Ряд ученых считает, что Карфаген был создан чуть раньше – в 824/23 гг. или даже в 825 г. до н.э.

Финикийская торговля с землями Западного Средиземноморья достигла своего пика в VIII в. до н.э. К этому времени общение колонистов с автохтонным населением велось весьма интенсивно. История не сохранила каких-либо сообщений о войнах или крупных волнениях, происходивших в этот период, что свидетельствует о том, что между финикийцами и иберами сложились вполне цивилизованные отношения.

Греки появились на полуострове несколько позднее. Первые упоминания о греческих визитах датируются, по разным данным, IX – VIII вв. до н.э. В отличие от финикийцев, облюбовавших непосредственно примыкавшие к Гибралтарскому проливу южные и юго-восточные регионы полуострова, греки первоначально обосновались на прибрежных землях современной Каталонии. Они основали здесь ряд своих поселений, прежде всего Род (Росас), – в VIII в. до н.э. и Эмпорий (Ампуриас) – приблизительно в 600 г. до н.э. Постепенно греки закрепляются и на юге, хотя и не столь масштабно, как финикийцы.

Самым ранним и, вероятно, ярким проявлением иберийской культуры и государственности является загадочное, даже мифическое, государство Тартесс, территориально располагавшееся предположительно на юго-западе современной Испании, в треугольнике, образованном провинциями Уэльва, Севилья и Кадис. В Библии упоминается название Таршиш, которое обозначало удивительно богатый район, некое раннее подобие легендарного Эльдорадо, посещаемый финикийскими торговцами. Многие современные ученые соглашались с идентификацией Тартесса и Таршиша. Греки также знали о существовании Тартесса, полагая его первой цивилизацией Запада.

Считается, что Тартесс поддерживал контакты с финикийцами с начала VIII в. до н.э. На период мирного сосуществования Тартесса и финикийцев приходится расцвет Гадеса, который был лучшей гаванью «для сбора и экспорта металлических руд

Тартесса» [7, с. 61]. Вместе с тем считается, что отношения жителей Тартесса с финикийцами отнюдь не всегда были безоблачными, и определенную часть времени сожительства в качестве соседей они находились в состоянии конфронтации и даже воевали друг с другом.

Точное время возникновения Тартесса и происхождения его населения продолжают оставаться загадками. По одной из версий, Тартесс был основан до появления Гадира/Гадеса и соответственно сама эта культура является в своей основе иберийской. По другой версии, культура Тартесса имеет привнесенный характер и является плодом «окультуривания» туземного населения, осуществленного финикийцами. Из этой версии вытекает гипотеза о том, что финикийский Гадир/Гадес являлся, выражаясь современным языком, столицей древнего Тартесса. Однако согласно Псевдо-Скимну (Древнегреческий ученый-географ, жил в I в. до н.э.), ссылавшемуся на греческого историка Эфора, жившего на пару столетий раньше, Тартесс находился в двух днях пути от Столбов Геракла (около 400 километров) [3, с. 137]. Любой путешественник, посещавший эти места, хорошо знает, что современный Кадис находится существенно ближе к Гибралтару.

Существует целый ряд гипотез о происхождении населения Тартесса, начиная от банальных, что эти люди были прямыми потомками исконного населения полуострова, и до экзотических, связывающих жителей Тартесса с приходом на полуостров «народов моря», с миграцией индоевропейских племен, с выходцами с Ближнего Востока или из степей, расположенных севернее Кавказских гор. Мощь и процветание Тартесса в действительности основывались на добыче и экспорте металлов. Об этом свидетельствуют античные ученые-хронисты. Псевдо-Скимн описывает Тартесс как город «в кельтском регионе (Относит Тартесс к «кельтскому региону» – очевидная ошибка античного ученого, говорящая о том, насколько приблизительными являются сведения о далеком прошлом, в том числе исходящие от хронистов и ученых, произведения которых рассматриваются как безусловные источники научных знаний.), богатый аллювиальным оловом, золотом и медью», а Плиний Старший (Древнеримский писатель-эрудит, автор «Естественной истории». Жил в I в. н.э.) сообщает, что олово, которое по поверьям древних людей было товаром атлантического Запада, привозилось из Лузитании и Галиции [1, с. 39]. Современный исследователь Рихард Хенниг называет Тартесс «древним рынком олова».

Тартессийцы, по мнению ряда ученых, в частности А. Шультена (A. Schulten), были едва ли не первыми, кто использовал атлантический путь торговли оловом: они доставляли его с островов Эстримниды (Британских островов). Сама «территория влияния» Тартесса была весьма обширной, включая почти всю Эстремадуру, часть Ла-Манчи и все юго-восточное средиземноморское побережье. К 750 г. до н.э. через Тартесс проходил широкий

поток восточной торговли, а сам регион был сильно подвержен восточному влиянию.

О высоком уровне развития культуры и общественных отношений в Тартессе пишет Домингес Ортис: «Проявления культуры (Тартесса. – А.О.) включают столь важные элементы как урбанистика, транспортные коммуникации, письменность, создание предметов украшения, поэзия, социальная стратификация и высшие политические формы» [10, с. 21]. При этом «социальные контрасты были огромными: существовала знать, ремесленники, крестьяне, рабы. Обнаружение лир и других музыкальных инструментов заставляет предположить существование рабов-певцов и музыкантов, а также танцоров из Гадеса. ... Степень религиозности населения, судя по всему, также была высокой» [10, с. 22].

«Рафинированный мир» Тартесса вступил в кризис вместе со всем Средиземноморьем, прежде всего Западным, погрузившимся около 500 г. до н.э. в хаос. Выражаясь современным языком, в этот период началась борьба за передел господства и влияния в этой части античной Ойкумены. Тир переходит под власть персов, его заменяет Карфаген как ядро семитской экспансии, обладавший огромной военной и торговой мощью, нарастает борьба между греками и карфагенянами, ослабляется греческое присутствие на юге Испании и усиливается пуническое присутствие в местах традиционного размещения финикийцев, прежде всего в Гадесе и в близлежащих к нему районах. В конечном итоге карфагеняне захватили все финикийские колонии, в том числе и Гадес, взяв его штурмом и разрушив стены [2, с. 42].

Тартесс внезапно исчез из истории в VI в. до н.э. Точные причины этого не известны. Скорее всего, он был завоеван Карфагеном после поражения греков от карфагенян в морской битве при Алалии (535 г. до н.э.), после которой началась экспансия Карфагена в Западном Средиземноморье, и тем самым поплатился за союз с проигравшими. Как пишет российский исследователь А. Волков, «Тартесс ... [видимо, имеется в виду столица этого государства. – А.О.] был буквально стерт с лица земли в 530 – 520 гг. до н.э., так что археологи до сих пор не могут определить, где находился этот город» [2, с. 43]. Домингес Ортис излагает более спокойную версию, предполагая, что Тартесс в результате общего кризиса античной цивилизации уменьшился в географических размерах, превратившись в Турдетанию, территория которой включала нижнее течение реки Бетис (Гвадалквивир), где сохранилось однородное население, значимое культурное наследие и где имелись существенные природные и сельскохозяйственные ресурсы [10, с. 21].

Вместе с тем нужно признать, что точное место расположение Тартесса действительно до сих пор не найдено. Много позже, когда в Испанию придут римляне, они назовут Кадисскую бухту «Tartessus Sinus», но к этому времени королевство Тартесс давно прекратит свое существование. Новые завоеватели найдут население этих земель ме-

нее воинственным по сравнению с обитателями других испанских территорий, готовым купить у нового гегемона античного мира свою безопасность в обмен на независимость.

В результате экспансии на Иберийский полуостров карфагеняне в конце VI – начале V в. полностью перекрыли Гибралтарский пролив. По словам Пиндара (Древнегреческий поэт, жил в VI – V вв. до н.э.), никто не мог пройти дальше Гадеса. Геродот подтверждает это, ссылаясь на бдительную охрану карфагенянами Геркулесовых столбов (или Столпов Мелькарта – по пунической терминологии) [1, с. 42]. Больше всех пострадали от этого греки, пользовавшиеся Гибралтарским проливом для доставки олова. Однако в тот период карфагеняне еще были не в состоянии колонизовать внутренние районы Иберии, и их присутствие ограничивалось прибрежными землями, где они основывали свои фактории, обычно располагавшиеся в устьях рек, используя которые было проще организовать торговлю с местными племенами.

На иберийские народы, проживавшие на восточном средиземноморском побережье современной Испании – от Альмерии до юга Франции, – преобладающее влияние оказывала греческая культура, центром которой была эллинская колония в Массалии (Massalia), нынешнем Марселе, а ее «проводниками» в Каталонии – Росас и Эмпорий. Тем не менее это влияние, судя по всему, не было столь сильным, как влияние финикийской, позже карфагенской культур на народы испанского юга и юго-востока. Как показывают результаты археологических раскопок, у иберийских племен, проживавших на территории современной Каталонии, не было развитого местного искусства. По словам Аррибаса, «можно говорить лишь об определенном влиянии [греческих колонистов. – А.О.] на производство керамики, для изготовления которой ... индигеты [название одного из автохтонных народов. – А.О.] стали пользоваться гончарным крутом. ... В Каталонии местные гончарные мастерские не существовали до III – II вв. до н.э.» [1, с. 46].

Во внутренних территориях до сих пор не обнаружено ни одного греческого поселения, что могло бы свидетельствовать о территориальной экспансии Эмпория. Торговля местного населения, проживавшего в непосредственной близости от фактории, с колонистами была минимальной, о чем говорит очень низкий процент греческих товаров на их рынках. То же самое можно сказать и о прибрежных городах автохтонов, находившихся далеко от сферы влияния Эмпория в районе современной Барселоны. В свою очередь процветание самого Эмпория связано прежде всего с морской торговлей с Карфагеном, который поставлял грекам металл, и этим некоторые ученые объясняют нежелание города вести экспансию во внутренние районы и стремиться к расширению общения с местным населением.

На северо-западе полуострова в тот период находился «кельтский мир», являвший собой самую отсталую часть зарождавшейся «иберийской цивилизации». Оторванные от очагов средиземно-

морской культуры непроходимыми лесами, полноводными реками и бесконечными, выжженными летом и понурыми зимой степями Месеты, испанские кельты в течение веков варились в «собственном соку» автономного развития, не познав материальной утонченности, не создав своей письменности, не дойдя до уровня, когда станет ясно видна политическая и социальная стратификация общества. Они поддерживали лишь спорадические контакты с тартесско-турдетанским миром, да и то, по сути дела, с единственной целью – купить олово.

Соседями кельтов были баски – «народ, имеющий загадочное происхождение» [10, с. 21]. О басках к настоящему времени написано немало и в самой Испании, и за рубежом, в том числе в России. Однако, несмотря на обилие научного и публицистического материала по баскской теме, до сих пор так и не дан ответ на главный вопрос, который уже не одно десятилетие не дает спокойно спать пытливым ученым, погруженным в эту тему:

– Баски, кто они?

– Сколько тысячелетий они живут на севере Испании?

– Откуда они когда-то туда пришли?

– Каково происхождение их уникального языка – эускеры, «языка вне группы»?

Много интересной и полезной информации по этому вопросу читатель может почерпнуть в весьма содержательной монографии С.М. Хенкина и Е.С. Самсонкиной «Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы», опубликованной в издательстве МГИМО-Университета в 2011 г. [8]. Этой теме посвящено несколько страниц в моей книге «Проблема терроризма в Испании: ЭТА – “ударный отряд” баскского национализма», вышедшей в свет в издательстве «Русская панорама» в 2009 г. [6]. Не буду повторяться и только дополню уже опубликованные сочинения некоторыми мыслями.

Начну с весьма популярной теории о том, что баски произошли от иберов. Ее основоположником, если не брать в расчет античных авторов, является немецкий (пруссский) ученый-энциклопедист Александр фон Гумбольдт. Он выдвинул эту гипотезу почти два века назад – в 1821 г., когда, попав в Страну Басков в 1801 г., был весьма удивлен и озадачен тем обстоятельством, что когда возникала потребность назвать одним словом баскский народ, то не оказалось термина, который бы одновременно подходил испанцам, французам и немцам. Французы использовали для этого слово «бискайцы», когда говорили о басках с полуострова, и «баски», когда речь шла о французских басках, а в отдельных случаях применяли также старинное название «кантабры». Сами испанские баски называли себя в соответствии с провинциями, где проживали: бискайцы, гипускоанцы и алавцы.

Описанный выше исторический казус в какой-то мере является одним из отражений той реальности, что баски остаются народом-загадкой, а их происхождение является предметом огромного количества всевозможных гипотез – как вполне научных, так и почти что фантастических. В принципе теория о том, что баски – это одно из иберийских

племен или что они являются продуктом смешения ряда племен, живших в незапамятные времена на севере Иберийского полуострова или по ту – ныне французскую – сторону Пиренеев, остается одной из основных рабочих гипотез. Сошлемся на мнение профессора Сагарио Моран, которая пишет, что различные племена, в том числе и васконы, обитавшие на территориях, которые сегодня относятся к Наварре и Эускади, «представляли собой недифференцированную группу народов, которые обитали на Иберийском полуострове» [11, с. 25]. Не нравится эта теория тем ученым, которые не хотят признавать какой-либо связи басков с североафриканскими племенами, а по одной из теорий эти племена имеют самое непосредственное отношение к иберам, являясь одними из их предков.

Иберы, прежде всего та их часть, которая проживала во внутренних районах полуострова, по преобладающим в научных трудах описаниям, были в доримские времена многочисленными дикими племенами, находившимися на стадии распада родового строя. Жизнь этих племен напоминала жизнь гомеровских греков. Тем не менее существовал иберийский алфавит, а значит, хотя и находившаяся в начальной стадии развития письменность, которую, правда, до сих пор не смогли понять и соответственно перевести. В одном из трудов мы читаем: «Наиболее дикими считались племена, жившие в горных районах страны» [2, с. 45]. Но о ком последняя фраза? Вероятно, все же не об иберах, а о басках или, точнее, их предках васконах, поскольку там, где обитали племена иберов, практически нет высоких и неприступных гор.

Некоторые ученые ищут в происхождении басков «кавказский след» (грузинский и армянский), другие считают их потомками викингов, третьи – финикийцев, четвертые связывают их появление на полуострове с миграцией финно-угорских племен, пятые не забывают об этрусках. Особую известность получила в последние годы теория профессора Стефена Оппенгеймера (Университет Оксфорда), исследователя Давида Голдштейна и лингвиста Тео Веннемана об единых докельтских корнях басков, ирландцев, уэльсцев и шотландцев. Согласно этой гипотезе, предки басков перебрались 16 тысяч лет назад на территории современных Британии и Ирландии по суше, поскольку уровень Мирового океана в тот период был заметно ниже, чем сейчас, и нынешние острова являлись частью материковой Европы. Главным «козырем» этой теории является установленное учеными близкое генетическое родство указанных выше народов («братья по крови»). В какой-то мере эта гипотеза созвучна «кельтской» теории происхождения басков, которая основывается на похожести многих доисторических монументов, разбросанных по территории проживания этих народов. Однако в новой теории первично баскское начало, а не кельтское.

Ну и, наконец, самая экзотическая теория, согласно которой предками басков были атланты. Примечательно, что сторонниками этой версии больше являются «атлантологи», чем «баскологи». Сошлемся на Ширли Эндрюз, автора широко

известной монографии «Атлантида: по следам исчезнувшей цивилизации», которая пишет: «Баски – народ, ... живущий в сравнительной изоляции в Пиренеях, горной области на юго-западе Европы (Страна Басков в составе Испании), – говорят на языке, в котором до сих пор сохранились вкрапления наречия атлантов. Представители этого необычного народа считают себя потомками атлантов, чья высокоразвитая цивилизация погрузилась в океан» [9, с. 82].

В этой связи, однако, следует подчеркнуть, что более признанными претендентами на роль потомков атлантов являются коренные жители Канарских островов гуанчи. Они обитали здесь в полной изоляции вплоть до начала завоевания архипелага испанцами в 1402 г. «Классик» отечественной, да, пожалуй, и мировой атлантологии Н.Ф. Жиров, основываясь на записях испанских хронистов, описывает их следующим образом: «У гуанчей-кроманьонцев было широкое лицо с треугольным подбородком, с большими и низкими глазными орбитами и резкими бровями. Среди них часто встречались голубоглазые блондины и даже рыжеватые особи. По общему мнению всех хронистов, гуанчи были очень красивым и весьма привлекательным народом. Наиболее красивы были женщины Гран-Канарии» [3, с. 276].

Среди гуанчей встречались настоящие гиганты ростом более двух метров. К сожалению, эти люди были полностью истреблены в борьбе с конкистадорами, и на островах не осталось в живых ни одного чистокровного аборигена. Согласитесь, что гуанчи больше напоминают классических атлантов в общепризнанном восприятии этого народа, которое устоялось в массовом сознании, чем баски. Хотя я с радостью признаю свою ошибку, если когда-то все же будет доказано, что Атлантида – это не красивый миф, а реальная працивилизация, а баски – потомки жителей той благодатной земли.

В контексте нашего исследования нельзя не упомянуть, что претендентом на роль Атлантиды является Тартесс, о котором речь шла выше. Знаменитый немецкий археолог Адольф Шульцен, прославившийся своими раскопками на Пиренейском полуострове, говорит: «Трудно понять, что Атлантиду искали везде, даже на Шпицбергене и в Америке, но только не в Тартессе. И это было очень нелогично, потому что тот, кто вообще приписывает мифу реальность, должен был бы искать Атлантиду не в неизвестных, а в известных местах» [3, с. 136].

Н.Ф. Жиров в свою очередь выдвигает гипотезу, что Тартесс не следует отождествлять с Атлантидой в целом, а лишь с царством второго сына Посейдона Эвмела. Это царство опустилось под воду позже основной части великой державы древности и, по-видимому, существовало еще в VI в. до н.э. в виде небольшого островка Тартесса. Тем самым Жиров объясняет, почему Тартесс до сих пор не найден [3, с. 138]. Однако вновь подчеркнем, что связь отдельных частей и народов Испании, в том числе басков, с мифологической Атлантидой – это, безусловно, очень притягательная, но пока никем не доказанная и ничем не

подтвержденная экзотическая теория, имеющая более литературный, чем в полной мере научный характер.

Действительно, почему баскам, в отличие от их соседей по полуострову иберов, кельтов и других племен, удалось сохранить свою самобытность или «баскскую сингулярность», выражаясь языком некоторых ученых-баскологов? Мне уже приходилось отвечать на этот вопрос. Я в целом разделяю точку зрения, согласно которой основных причин тому две – труднодоступность баскских земель и их сравнительная удаленность от основных центров и даже островков античной цивилизации, а также высокая степень воинственности васконов, делавшая абсолютно несоизмеримыми возможные потери их противников на поле брани с выгодами от одержанных побед.

Современные ученые-баскологи, прежде всего с националистическим уклоном, предпочитают гипотезу о том, что баски – самый древний народ на пространстве современной Испании, проживающий на своих землях со времен неолита, а то и дольше того, и появившийся здесь задолго до прихода на полуостров индоевропейских племен. Как зачастую говорят баски о себе: «Мы – народ вне времени». Самые горячие научные головы доказывают, что баски живут на своих землях не менее 20 тысяч лет. Теория о генетическом родстве басков и потомков кельтов, проживающих на Британских островах, – объективно сильный аргумент в пользу этой теории. Сторонники уникальности басков также ссылаются на черепа особого, «баскского типа», обнаруженные в археологических пластах периода неолита, и убеждены в том, что эускера является исключительно баскским языком, созданным этим народом в процессе его многотысячелетнего развития и эволюции. Данная теория происхождения басков активно используется баскскими националистами/сепаратистами для того, чтобы доказать и продемонстрировать уникальную баскскую идентичность, несравненную особенность этого народа и его историческое отличие от других народов Испании, которые с ним соседствуют.

Древняя Иберия, находившаяся на крайнем западе античного мира, вдалеке, как казалось, от эпицентра страстей, периодически его захлестывавших, оказалась в III в. до н.э., своего рода разменной монетой в глобальной конфронтации Рима и Карфагена – двух сверхдержав Средиземноморья. Достигнув апогея своего величия к 280 г. до н.э., олигархическая республика Карфаген уже почти полтора века не вела захватнических войн, став самым миролюбивым государством своего времени. Карфаген поделил сферы влияния с Римом, с которым состоял в фактических союзнических отношениях перед лицом греческой экспансии, возглавлявшейся в тот период эпирским царем Пирром, врагом и Рима, и Карфагена. Однако идилия скоро закончилась из-за соперничества за Сицилию. Недавние друзья стали непримиримыми врагами. Так началась Первая Пуническая война (264 – 241 гг. до н.э.), завершившаяся поражением Карфагена. Последствия этой войны предопределили дальнейшую судьбу богатейшего государства античного мира.

Как пишет А. Волков, «Карфаген в канун Пунических войн, очевидно, производил на многие соседние народы такое впечатление, как Константинополь в Средние века – на варваров, приезжавших из Западной Европы. Величайшая, неестественная роскошь встречала чужеземцев, смущала их, будила в них зависть и ненависть» [2, с. 19].

Однако после войны многое изменилось – могущество Карфагена было подорвано, он практически полностью потерял свой военный флот, согласился на передачу Риму Сицилии, овладеть которой стремился в течение трех веков, лишился торговой монополии в Западном Средиземноморье и был обязан по условиям мира выплачивать Риму в течение десяти лет солидную контрибуцию. Считается, что стремление превратить Иберию в источник финансирования восстановления Карфагена стало одним из оснований для пунической экспансии на полуостров. Однако, как свидетельствует последующий ход событий, не главным. Роль личности в истории – огромна. Такую роль в истории Карфагена сыграл отец Ганнибала Гамилькар Барка. Будучи великим полководцем, на которого погрязшая в роскоши и разврате карфагенская олигархия «повесила» всю ответственность за поражение страны в войне, Гамилькар, ненавидевший Рим и мечтавший о реванше, неожиданно переправил из Северной Африки свою армию в Испанию, в Гадес (с согласия официального Карфагена или без него – это достоверно не известно).

К этому времени картина расселения народов, обитавших на Пиренейском полуострове, согласно описанию Гарольда Лэмба, выглядела следующим образом: «Первую, самую малую группу населения Испании составляли тартессы и иберы, жившие на южном и восточном побережьях. Вторую группу представляли бывшие завоеватели кельты, которые осели здесь, усвоив многие обычаи иберов. ... Кельтиберы занимали в основном равнины Месеты в верховьях реки Тахо, где ныне находится город Толедо». И далее: «Последняя треть Испании, на севере, была захвачена кельтами. Часть из них переселилась через Пиренеи уже в V веке до н.э., и они все еще мигрировали, смешавшись с воинственными германскими народами. ... Разбросанный по всем трем частям Испании молчаливый народ басков, ее древнейшие обитатели, нашли убежище под защитой гор».[4, с. 52-53].

Прибыв на полуостров, Гамилькар незамедлительно приступил к захватническим действиям. Как сообщает Аппиан (Древнеримский историк греческого происхождения. Жил в I – II вв. н.э.), карфагенский полководец без всякого повода напал на племена, населявшие юг Пиренейского полуострова, «и стал грабить иберов, ничем не провинившихся перед ним» [2, с. 107]. Направив карфагенскую экспансию во внутренние области Иберии, чего прежде не было, Гамилькар довольно быстро завоевал большую часть полуострова к югу от рек Тахо и Эбро. По оценке Р.Ю. Виппера, «Испания стала как бы собственным княжеством

фамилии Барка» [2, с. 109], где власть передавалась по наследству, что было нехарактерно для Карфагена. После убийства Гамилькара иберами во время одного из его походов верховная власть в новом государстве, формально подчинявшимся Карфагену, но фактически все более самостоятельному, перешла к Гасдрубалу, другу и зятю Гамилькара. Будучи более дипломатом, чем воином, он сумел наладить отношения со многими иберийскими племенами, фактически став для них верховным вождем. По информации Аппиана, он «продвинулся от западного моря в центр страны до реки Ибера (Эбро), которая делит Иберию почти пополам, от Пиренейских гор отстоит дней на пять пути и впадает в северный океан» [2, с. 111].

Гасдрубалом была основана и новая столица иберийских владений карфагенян – Новый Карфаген (современная Картахена). А. Волков описывает Новый Карфаген следующим образом: «Этот красивый город вырос как из-под земли. Внутренняя часть его находилась в низине; вокруг поднимались холмы. На холме, расположенном в восточной части города, высился храм. В западной части, на другом холме, вознесся дворец Гасдрубала. Кипарисы, росшие здесь, напоминали карфагенянам кипарисовую рощу в Бирсе. Для туземцев же новый город казался самым несравненным на свете. Восточная роскошь дворца Гасдрубала изумляла приезжавших в город иберов. Колонну из желтого нумидийского мрамора сменяли белоснежные сицилийские колонны. Черное эбеновое дерево чередовалось с ливанским кедром. Золото украшений ослепительно сверкало на фоне мебели, вырезанной из слоновой кости. По мысли Гасдрубала, Новый Карфаген должен был затмить своим блеском старую столицу державы. В мягком приморском климате пышно цвели сады; город утопал в розах» [2, с. 113].

Посещая Новый Карфаген, иберы вольно или невольно приобщались к высокоразвитой карфагенской культуре. Одновременно шло создание государства, о котором племена автохтонного населения не имели представления. Местные воины пополняли новокарфагенское войско, целью которого станет война с Римом. Однако осторожный Гасдрубал не спешил обострять отношения со злейшим врагом Карфагена, договорившись с римлянами о разделе сфер влияния в Иберии, границей которых становилась река Эбро. При этом он гарантировал свободу и неприкосновенность дружественного Риму Сагунта, находившегося в пределах «зоны влияния» карфагенян. Договор выполнялся при жизни Гасдрубала. После его убийства в собственном дворце власть перешла к старшему сыну Гамилькара Ганнибалу.

С детства мечтавший восстановить былое могущество Карфагена и люто ненавидевший Рим, Ганнибал быстро перешел к решительным действиям. Начало Второй Пунической войны (Вторая Пуническая война – 218 – 201 гг. до н.э.) становилось делом времени. Летом 219 г. до н.э. армия Ганнибала, в которой уже преобладали выходцы с полуострова, попыталась штурмом взять Сагунт. Попытка оказалась неподготовленной и

обреченной на неудачу. Тогда Ганнибал взял Сагунт в кольцо и через восемь месяцев осады город пал. Жители Сагунта так и не дождались помощи от Рима, который в тот период был занят другими военными кампаниями.

История взятия Сагунта подробно описана Аппианом. Как он утверждал, многие жители города предпочли покончить с собой, нежели покориться врагам. Они бросались в огонь, прыгали с крыш домов, накидывали на себя петли или пронзали себя мечом. Все взрослое население города Ганнибал якобы приказал убить [2, с. 127]. Соответствует ли эта версия действительности или она сильно преувеличена, сказать сегодня сложно. Однако является фактом то, что в результате тотального уничтожения римскими легионерами Карфагена в конце Третьей и последней из Пунических войн (Третья Пуническая война – 149 – 146 гг. до н.э.) в огне пожара погибла вся писаная карфагенянами история своего государства, и все, что мы сегодня знаем об этой стране, ее руководителях и героях, основано на трудах врагов Карфагена, прежде всего римлян. Вместе с тем известно, что после захвата Сагунта прибывшая в Карфаген римская делегация потребовала выдачи Риму Ганнибала. Получив отказ, Рим объявил войну Карфагену. Дальнейшая история хорошо известна нашему просвещенному читателю. Потерпев поражение и во Второй Пунической войне, Карфаген, значительную часть армии которого составляли выходцы из континентальной Испании и Балеарских островов, полностью и окончательно утратил свои позиции на Пиренейском полуострове. С этого момента начинается период римского господства на полуострове. Власть Рима полностью изменит облик Испании и населявших ее народов, став первым крупным водоразделом в истории этого государства.

В контексте заявленной темы нашего исследования напрашиваются несколько выводов:

1. Совершенно очевидно, что юг и юго-восток Испании заметно опережали в античный период остальные регионы полуострова по уровню своего развития. Там сформировались очаги культуры, развивалась экономика, основанная прежде всего на добыче и торговле металлами, произошла стратификация общества, возникли города и – самое главное – появилось первое государство на Пиренейском полуострове – Тартесс. Тартессийцы находились в определенных отношениях с передовыми народами своего времени – финикийцами, греками и карфагенянами, создавшими свои поселения на полуострове (правда, эти отношения колебались в широком диапазоне – от мирного сотрудничества и взаимовыгодной торговли до войн). О Тартессе знали в различных уголках Средиземноморья и он, безусловно, являлся неотъемлемой частью античной средиземноморской цивилизации. Тем не менее современные жители Андалусии в целом спокойно относятся к богатой истории своего края, не пытаясь использовать ее для того, чтобы связывать далекое прошлое и настоящее какой-то нитью, видимо, понимая, что эта нить, будучи очень тонкой и непрочной, в любой момент может порваться.

ся. Регионалистские тенденции не проявляются здесь в острой форме и имеют, в лучшем/худшем случае, характер реагирования на соответствующие «инициативы» соседей по полуострову: чем мы хуже других? О проявлениях андалусийского сепаратизма вообще речи не идет;

2. Каталония – один из флагманов сепаратизма в современной Испании, ничем не прославилась в доримский период ее истории. Это были земли, заселенные иберийскими или близкими им племенами, жившими обособленно, только начавшими познавать зачатки культуры, практически не торговавшими с соседями и соответственно находившимися на стадии натурального хозяйства. С греческими колонистами, основавшими на побережье Каталонии свои поселения, каталонские иберы, видимо, поддерживали лишь спорадические контакты, не основанные на прочных торговых связях. Поэтому современные каталонские националисты, доказывая право Каталонии на самостоятельное от Испании существование, стремятся не углубляться в античную историю этого края, понимая, что здесь им вряд ли удастся получить какие-то псевдонаучные дивиденды.

3. Наконец, баски, для части интеллектуальной элиты которых рассуждения о «бездонной» истории этого народа, напротив, являются неким живительным источником, подпитывающим националистические и сепаратистские настроения в обществе. Однако постараясь подойти к этому вопросу максимально объективно, никого не обижая, в том числе и самих басков. Что баски могут предъявить научному миру как свидетельство своей уникальности? Язык – это раз. Действительно, язык басков несравним ни с каким другим и, безусловно, является достоянием современной науки. Но ведь язык (со множеством диалектов) их соседей иберов, также по-своему уникальный, просто не сохранился. У них тоже был свой алфавит, с использованием которого сделаны надписи на камнях, монетах, металлических изделиях, кстати сказать, трудно поддающиеся дешифровке и пониманию. Кроме того, можно предположить, что в течение

долгой истории человечества было немало и других уникальных языков. О них мы сегодня просто ничего не знаем, ибо их судьба сложилась не столь счастливо, как у баскского языка, о котором ведется столько споров.

Определенный набор элементов баскской культуры, традиций и обычаев, эпоса, уклада жизни – это два. Но где гарантия, что все это имеет тысячелетнюю историю, а не является продуктом более позднего периода жизнедеятельности баскского народа? А разве у других народов, населявших Пиренейский полуостров, всего этого не было? Конечно, было и просто не сохранилось или сохранилось в сильно усеченном виде в силу вполне объяснимых причин. Рафинированно чистых народов в мире практически не осталось, и за тысячелетия совместного существования, войн, завоеваний, миграций, ассимиляций и т.д. многие элементы древнего примитивного уклада жизни этих народов оказались безвозвратно утраченными. Счастье басков в том, что они в большей степени, чем другие народы, смогли сохранить свою изначальную идентичность. Но это, однако, не является свидетельством их абсолютной уникальности.

И последнее. Если баски претендуют на особую роль в истории, то где материальные доказательства их выдающегося вклада в мировую культуру в виде неповторимых строений, дворцов, произведений искусства, хоть как-то сопоставимых с выдающимися образчиками труда и творчества других народов древнего мира, создавших базис для дальнейшего прогресса нашей цивилизации? Я очень хорошо отношусь к баскам. Считаю, что у этого народа есть масса прекрасных качеств, одно перечисление которых потребует написания новой статьи. Однако игры в национализм/сепаратизм, в котором история используется определенными политическими силами в качестве разменной монеты, мне представляются совершенно неприемлемыми. История, даже самая сложная и противоречивая, должна быть мостом между народами, а не стеной, их разделяющей.

Список литературы

1. Аррибас А. Иберы. Великие оружейники железного века. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 190 с.
2. Волков В.А. «Белая» империя «черной» Африки. М.: Вече, 2004. 320 с.
3. Жиров Н.Ф. Атлантида. Основные проблемы атлантологии. М.: Вече. 2004. 512 с.
4. Лэм Г. Ганнибал. Один против Рима. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. 443 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10. М.: 1958. 712 с.
6. Орлов А.А. Проблема терроризма в Испании: ЭТА – «ударный отряд» баскского национализма. М.: «Русская панорама», 2009. 192 с.
7. Харден Д. Финикийцы. Основатели Карфагена. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 263 с.
8. Хенкин С.М., Самсонкина Е.С. Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы. М.: МГИМО (У) МИД России, 2011. 380 с.
9. Эндрюс Ш. Атлантида: по следам исчезнувшей цивилизации. М.: «КРОН-ПРЕСС», 2003. 318, [2] с.
10. Domínguez Ortiz, A. España, tres milenios de historia. Madrid, 2007. 453 p.
11. Morán S. PNV – ETA: historia de una relación imposible. Madrid, 2004. 362 p.

Об авторе

Орлов Александр Арсеньевич – к.и.н., профессор, директор Института международных исследований МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

FEATURES OF PRE-ROMAN HISTORY OF SPAIN AND MODERN TIME: WHERE ARE SOURCES OF SEPARATISM?

A.A. Orlov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Presently in collective consciousness there was a steady perception of Spain as the safe state entering into group of the countries, being a support of the European integration. The impression was made that Spain, despite difficulties of its historical development, at last found the national identity, having created from regions and national lands making it the new multicultural community fastened in a whole by a tolerant, educated and authoritative monarchy. However the world economic crisis which has begun in 2008 destroyed the Spanish idyll, having aggravated old and having generated new contradictions. Traditionally painful problem for Spain was existence of centrifugal tendencies at the heart of which two main reasons lay: manifestations of the nationalism peculiar to those areas where Catalan, Basque and Galician nationalities historically lived, and a regionalism caused by aspiration of local elite to bigger distance from Madrid. Considering features of pre-Roman history of Spain, the author seeks to understand, whether sources of modern separatism can originate in an extreme antiquity. Following the results of research the conclusion is drawn that most boldly "link of times" is traced on the example of Basques, the part of which intellectual elite seeks to use features of origin and historical development of these people for a reinforcement of current nationalist and separatist trends. The author considers that the history has to serve as the bridge between the people, instead of put up between them a new wall.*

Key words: Spain, Iberia, Iberians, Celts, Celtiberians, Phoenicians, Greeks, Indo-European tribes, Basques, Tartess, Gades, Carthago, Rome, Atlantis, nationalism, separatism, regionalism, Basque Country, Catalonia, Andalusia.

About the author

Aleksander A. Orlov – PhD in History, professor, director of Institute of the international researches MGIMO(U) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: vestnik@mgimo.ru

References

1. Arribas A. The Iberians. London, Thames & Hudson Publ., 1963. 274 p. (Russ. ed.: Arribas A. Ibery. Velikie oruzheyniki zheleznogo veka. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004. 190 p.).
 2. Volkov V.A. "Belaia" imperiia "chernoi" Afriki ["White" Empire of "Black" Africa]. Moscow, Veche Publ., 2004. 320 p.
 3. Zhirov N.F. Atlantida. Osnovnye problemy atlantologii. [Atlantis. The main problems of atlantology]. Moscow, Veche Publ., 2004. 512 p.
 4. Lamb H. Hannibal: One man against Rome. New York, Bantam Books Publ., 1958. 310 p. (Russ. ed.: Lamb G. Gannibal. Odin protiv Rima. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2002. 443 p.).
 5. Marx K., Engels F. Sochineniia [Works]. Moscow, Polit. Lit. Publ., 1958, vol. 10. 712 p.
 6. Orlov A.A. Problema terrorizma v Ispanii: ETA – "udarnyi otriad" baskskogo natsionalizma [The problem of terrorism in Spain: ETA – "strike force" of the Basque nationalism]. Moscow, "Russian panorama" Publ., 2009. 192 p.
 7. Harden D. The Phoenicians. London, Thames & Hudson Publ., 1962. 336 p. (Russ. ed.: Kharden D. Finikiitsy. Osnovatelyi Karfagena. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004. 263 p.).
 8. Henkin S.M., Samsonkina E.S. Baskskii konflikt: istoki, kharakter, metamorfozy [Basque conflict: Origins, nature, metamorphoses]. Moscow, MGIMO-Univ. Publ., 2011. 380 p.
 9. Andrews Sh. Atlantis: Insights from a lost civilization. St. Paul, MN, Llewellyn Publ., 2002. 288 p. (Russ. ed.: Endriuz Sh. Atlantida: po sledam ischeznuvshei tsivilizatsii. Moscow, "KRON-PRESS" Publ., 2003. 318 p.).
 10. Domínguez Ortiz A. España, tres milenios de historia. [Spain, three millennia of history]. Madrid, Marcial Pons Publ., 2007. 453 p.
 11. Morán S. PNV – ETA: historia de una relación imposible. [PNV – ETA: History of impossible relations]. Madrid, Tecnos Publ., 2004. 362 p.
-

МИРОВОЙ ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

О.В. Гаман-Голутвина

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена рассмотрению изменений конфигурации современного государства. Автор анализирует мировой и отечественный опыт реформирования систем государственного управления, определяя содержание, основные направления, технологии реформ. Внимание уделено изучению теоретических моделей, ставших основой реформ государственного управления. Содержательный и функциональный аспекты административных реформ рассматриваются в контексте современных подходов к интерпретации функций государства. Говоря об итогах реформ госуправления, следует принять во внимание тот факт, что осуществление этих реформ сопровождалось и рядом издержек. В этой связи ряд специалистов, включая экспертов Всемирного Банка, которые готовили материалы для Комиссии Правительства РФ по обобщению опыта реформ NPM, представляют сдержанную оценку результатов реформ в различных странах, отмечая неоднозначность большинства из достигнутых результатов и их ограниченный характер по отношению к поставленным целям. «Несомненно, существует множество примеров конкретных улучшений в тех или иных конкретных услугах или в работе министерств и других организаций в каждом конкретном случае. Однако данных об общем влиянии реформ очень мало... Точные данные о фактических результатах достигнутых большинством реализованных программ реформ, как правило, отсутствуют.... Во многих случаях... наблюдается расхождение мнений о результатах программ реформ» [6, с. 74-75, 36, 40, 47, 78, 82-83, 92].

Ключевые слова: модели государства, административные реформы, функции государства.

В период с середины 1980-х до конца 1990-х гг. в нескольких десятках стран был реализован значительный объем широкомасштабных и комплексных программ реформирования системы государственного управления на основе концептуальных оснований теории Нового государственного управления (New Public Management). О парадигме Нового государственного управления см: [3, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 21, 22, 23]. Ключевыми целями реформ госуправления были снижение государственных расходов; повышение способности государства к развитию и реализации политики; улучшение выполнения государством функций работодателя; повышение качества предоставления услуг и укрепление доверия к власти со стороны частного сектора и общества. Метасмысл реформ – в отходе от веберовской модели рациональной бюрократии как несоответствующей потребностям постиндустриального развития, информационного общества. Как известно, ключевыми характеристиками рациональной бюрократии по М. Веберу являются четкая регламентация компетенции, жесткая иерархия бюрократических структур, исключительно письменное делопроизводство с последующим хранением, обязательная квалификация бюрократического аппарата в сфере административного управления.

Ключевой целью реформ госуправления в мире стало существенное изменение технологий реализации функций государства в современном мире. Известно, что в течение последних десятилетий XX в. сосуществовали различные концепции государства. Среди них:

а) государство благосостояния, предоставляющее обществу широкий спектр услуг; при этом приоритет отдается государственному производству услуг и государственному регулированию процессов решения общественных проблем.

б) "малозатратное государство" (исходящее из примата решения общественных проблем частным сектором; при этом роль государства ограничена выполнением своих основных задач);

в) «государство - партнер по переговорам (государство выполняет роль посредника и партнера по переговорам с бизнесом и обществом).

Попыткой синтеза перечисленных подходов стала концепция "активизирующего государства", которая легла в основу философии реформ госуправления в соответствии с моделью NPM. Эта концепция по-новому определяет отношения между государством и гражданами – переход от опеки к партнерским отношениям: задачи государства определяются в ходе общественной дискуссии; ответственность разделяется между обществом и государством. Государство инициирует процессы решения общественных проблем и выступает в роли посредника; устанавливает рамки ответственности граждан в этих рамках. Таким образом, важнейшими функциями государства становятся инициирование, активизация и стимулирование [9, с. 8-9].

Сутью реформирования госслужбы в духе Нового государственного управления (NPM), в конечном счете, стало делегирование ряда функций (ранее осуществлявшихся государством) рыночным структурам; широкомасштабная маркетизация госуправления, которая предполагает полиаспектное распространение оснований коммерческой деятельности на сферу госуправления. Глубинная трансформация системы госуправления на новых принципах повлекла за собой изменение принципов работы госаппарата: в оборот вошли свойственные рынку категории (прибыль, издержки, конкуренция, расчет затрат и т.д.). Нельзя не заметить, что упомянутые подходы весьма органичны концепции минимального государства Р. Нозика [20].

Другим важнейшим аспектом NPM является привлечение самостоятельных общественных организаций к выполнению ряда функций, выполнявшихся ранее государством.

Целями реформ госуправления в соответствии с моделью NPM было обеспечение большей эффективности, гибкости, прозрачности, более тесной связи с гражданами-потребителями госуслуг. По существу NPM представляет собой революцию в воззрениях на государство, которое из всеохватного Левиафана предстает поставщиком услуг; на место интерпретации государства как средоточия мирового разума и творца истории в гегелевском духе подходу приходит сервисный подход, представляющий государство в качестве организации, ориентированной на оказание услуг гражданам основная цель которой организация процесса оказания услуг.

Ключевыми предпосылками реформ NPM стали следующие:

– Созданные в период второй половины XX в. 'welfare states' стали непомерно дорогими и громоздкими со свойственной им избыточной численностью аппарата. Им на смену должны прийти компактные и экономичные модели управления, поскольку организованное на рыночных принципах государство обеспечивает большую эффективность госуправлению;

– К концу XX в. в развитых странах сформировались эффективные структуры гражданского общества, готовые и способные взять на себя выполнение функций, ранее являвшихся государственной прерогативой. Зрелость институтов гражданского общества определяют их способность более эффективно, нежели государство, выполнять целый ряд социально значимых функций;

– Управленческий аппарат в развитых странах в целом соответствует классическим канонам веберовской бюрократии, в частности, таким принципам, как рациональность; ориентация на формализованные процедуры в противовес персоналистской ориентации на патрона; прозрачность, четкость, подотчетность обществу; устойчивость по отношению к коррупционным практикам.

"Современное государство не должно само выполнять все стоящие перед ним задачи, но оно обязано обеспечить выполнение этих задач. Речь

идет о новом разделении ответственности между государством и обществом. Вопрос состоит в том, какие задачи должно выполнять само государство и какие могут и должны выполняться негосударственными институтами», - отмечают эксперты [9, с. 9]. Стратегические функции остаются за госаппаратом, тогда как остальные функции, связанные с обслуживанием и ранее осуществлявшиеся государством, были возложены на коммерческие структуры.

Концепция "активизирующего государства" акцентирует четыре измерения государства:

- Государство есть гарант (то есть институт, обеспечивающий производство и предоставление определенных услуг);

- Государство есть институт, создающий необходимые рамки для процессов общественной активности и побуждающий граждан к самостоятельному решению проблем;

- Государство есть институт надзора (осуществляемого на основе установленных правил) общественной, и прежде всего, экономической деятельности;

- Государство есть производитель работ и услуг для общества, если это диктуют, например, вопросы безопасности и если государство может это сделать с меньшими затратами, чем другие производители.

По существу парадигма NPM исходит из презумпции приоритета негосударственного сектора: если некие функции могут выполнить негосударственные органы, государство не имеет права вмешиваться. Модель «активизирующего государства» опирается на содержащуюся в концепции NPM модель поручительства, согласно которой госучреждения разделяются на две большие группы - "заказчиков" и "исполнителей" заказов. Политические институты, административное руководство выступают в роли поручителей, являясь заказчиками или покупателями услуг для граждан. Поставщики услуг для граждан (исполнители поручений) внутри управления конкурируют с поставщиками услуг вне управления (государственными, коммерческими или общественными организациями) за получение заказов на услуги, которые передаются им "заказчиками" на базе соответствующих политических решений. Эта модель "поручительства" усиливает ориентацию на конкуренцию органов управления и в то же время открывает возможность в большей мере привлекать граждан и общественные группы к производству и предоставлению услуг.

Модель "активизирующего государства" включает три элемента: а) предоставление гарантий и разделение ответственности; б) активизация граждан и общества в целом; в) эффективность и экономичность [9, с. 9-10].

Естественно, трансформацию системы в более гибкую определяет необходимость подготовки кадров управления на новых принципах и обуславливает необходимость постоянной переподготовки кадров как условия их соответствия меняющейся среде управления. "Обновленная

модель управления меняет прежние представления о государственной службе. Отныне основным критерием работы госчиновника является не столько его образовательный ценз и опыт работы, сколько достигнутые результаты» [7, с. 20]. По существу, постоянная переподготовка кадров управления и изменение мотивации и технологии их работы предстает предпосылкой и основой модернизации управления. Условиями успешного руководства все больше становятся личная инициатива, активизация работы подчиненных, делегирование им полномочий [7, с. 23].

В ходе реформ в большинстве стран были достигнуты такие цели, как сокращение госаппарата и снижение расходов на его содержание, обеспечение прозрачности, гибкости, эффективности функционирования системы управления, расширение сферы и качества использования меритократического принципа в карьерном продвижении управленцев.

Однако, говоря об итогах реформ госуправления, нельзя не упомянуть и о том, что, как показал анализ их опыта, не обошлось без издержек. В частности, в ходе реформ системы государственного управления в Великобритании и США выявилось противоречие между нерыночной по своей природе государственной службой и ее реорганизацией на рыночной основе. В Германии отмечалось значительное сокращение объема госуслуг сокращении кадров. Профессор Немецкой школы управленческих услуг Р. Пичас отмечает: "Нельзя безоговорочно переносить на госсектор принципы рыночной экономики... Концепции, основанные на представлениях о "минимальном" государстве нуждаются в тщательной проверке на совместимость с немецкой моделью социального государства... Административный менеджмент - это не предпринимательский менеджмент, он не исчерпывается заимствованными из рыночной экономики концепциями" [7, с. 18, 20]. Не случайно распространенная в середине 1990-х гг. в Германии концепция "малозатратного государства» (близкая по смыслу "минимальному государству») сменилась в конце 1990-х гг. концепцией «активизирующего государства» [2, с. 26]. Среди других издержек - ослабление легитимности госслужбы, утечка квалифицированных кадров из госсектора, падение общего престижа госслужбы.

Кроме того, эксперты отмечают, что маркизация госуправления потенциально чревата частичной эрозией идентичности института государственной службы. Одной из причин этого является специфика организации и функционирования государственных учреждений, где "рынок" проявляет себя иначе, чем в экономической сфере. В частности, это нашло отражение в эрозии традиционной этики госслужбы [6, с. 81; 4].

Таким образом, говоря об итогах реформ госуправления, следует принять во внимание тот факт, осуществление этих реформ сопровождалось рядом издержек. В этой связи ряд специалистов, включая экспертов Всемирного

Банка, которые готовили материалы для Комиссии Правительства РФ по обобщению опыта реформ NPM, представляют сдержанную оценку результатов реформ в различных странах, отмечая неоднозначность большинства из достигнутых результатов и их ограниченный характер по отношению к поставленным целям. «Несомненно, существует множество примеров конкретных улучшений в тех или иных конкретных услугах или в работе министерств и других организаций в каждом конкретном случае. Однако данных об общем влиянии реформ очень мало... Точные данные о фактических результатах достигнутых большинством реализованных программ реформ, как правило, отсутствуют... Во многих случаях... наблюдается расхождение мнений о результатах программ реформ» [6, с. 74-75, 36, 40, 47, 78, 82-83, 92.].

На наш взгляд, одной из наиболее существенных причин неудач преобразований системы государственного управления в Российской Федерации в 2000-х гг. стала недостаточная концептуальная проработанность модели AP применительно к условиям России, и в частности, вопроса о роль и функциях современного государства. В ходе реализации AP в России была скорее, усвоена буква концепции NPM, а не ее дух. По существу была предпринята попытка реализации несомненно обоснованных и рациональных принципов в условиях отсутствия ряда ключевых предпосылок, определяющих востребованность этой модели. Это касается основных параметров системы госуправления в современной РФ.

С сожалением приходится констатировать, что современный управленческий аппарат в РФ весьма далек от веберовской модели рациональной бюрократии. В пользу подобного заключения свидетельствует широко распространенная практика клиентелизма, закрытости и непрозрачности; неудовлетворительное качество исполнительской дисциплины; запредельно высокий уровень коррупции.

Несмотря на живучесть мифа об избыточной численности российской бюрократии в исторической и современной России, численность аппарата управления в современной РФ по отношению к населению сегодня отстает в сопоставлении со стандартами развитых стран. Следует подчеркнуть, что сказанное вовсе не означает желательность увеличения госаппарата; речь идет об объективной оценке существующей ситуации. Существующая в России численность бюрократов ближе к соответствующим показателям развивающихся стран. По данным Всемирного банка, доля чиновников в населении Бразилии составляет 1,5%, Чили - 1%, Китая - 1,6%, Польши - 0,7%. В развитых странах в госаппарате занято гораздо больше: в Германии - 6,1 % населения, США - 6,8%, Швеции 11,7% [1]. Р. Брим и В. Гимпельсон отмечают: «Численность российских управленцев удивительно отличается от

традиционного представления о ее огромности. В действительности Россия, чей управленческий аппарат (составляющий 1,2 % от числа работающих) занимает 36 место среди 37 обследованных стран. Только Молдова с показателем 0,8 % имеет меньшую численность чиновников. Российская бюрократия проблематична во многих отношениях, однако численность не является одним из них», - полагают известные эксперты Р. Брим и В. Гимпельсон [13].

Не в последнюю очередь, неэффективность управленческого аппарата определена недостаточным финансированием управленческого аппарата.

– Приходится констатировать, что в постсоветские годы не только не удалось победить коррупцию, но ее объем существенно возрос.

– С не меньшим сожалением приходится констатировать низкую эффективность институтов гражданского общества в стране, не в последнюю очередь, обусловленную недостаточным ресурсным обеспечением самостоятельной инициативы, и как следствие, чреватую ограниченностью возможностей самостоятельных организации взять на себя выполнение значимых функций государства.

Действительно, в отличие от развитых стран, институты гражданского общества в России слабы и малоэффективны. Как известно, условиями эффективности гражданского общества являются институционально-нормативное (легитимность институтов и процедур гражданского общества) и ресурсное обеспечение институтов гражданского общества. И если первое условие в стране в целом обеспечено, то в отношении ресурсного обеспечения ситуация удручающая. Сказанное отнюдь не означает отказа от идеи опоры на самостоятельные организации, но, более того, предполагает всемерное поощрение подобной деятельности, ибо иного пути обретения эффективности не существует. Однако признание слабости институтов гражданского общества и их ресурсной базы определяет необходимость тщательной проработки вопроса относительно того, какие именно функции и в каком объеме российское государство может делегировать самостоятельной инициативе. Небезосновательны опасения, что возникший в результате ухода государства вакуум может быть заполнен не гражданской инициативой, а союзом коррумпированной бюрократии и коррумпированного бизнеса.

Таким образом, целому ряду ключевых параметров – численность управленческого аппарата, его эффективность и рациональность; низкий уровень его материального обеспечения и высокий уровень его коррумпированности (что взаимосвязано); качество гражданского общества, его способность и готовность взять на себя выполнение ряда функций государства – определяют существенное отличие стартовых условий реализации AP в РФ от тех, что стимулировали осуществление аналогичных в духе NPM в развитых странах. Это определяет необходимость и целесообразность содержательной интерпре-

тации существа парадигмы NPM с тем, чтобы реализация соответствующей реформы в РФ соответствовала духу идей NPM, а не ее форме.

В еще большей степени это касается таких концептуальных оснований АР, как роль государства и его функции в современных условиях.

Начнем с функций. По существу, АР началась с призывов сократить избыточное число функций государства (назывались нереальные цифры, 500, 600, 800 и даже 5 тысяч функций, якобы выполняемых современным российским государством, тогда как в теории и практике государственного управления их насчитывают от 5-6 до 10-12). Очевидно, что в основе тезиса об избыточности функций государства лежит расширительное толкование функций государства, отождествляющее функции и виды работ. Между тем в реальности полномочия и функции российского государства в ряде ключевых отраслей существенно ниже, чем в индустриально развитых странах (например, так обстоит дело в обеспечении правопорядка и борьбы с оргпреступностью).

Кроме того, некорректность постановки проблемы дополняется отсутствием разграничения между интересами, полномочиями и функциями государства и интересами, полномочиями и функциями бюрократии. Между тем подобное различие весьма существенно как концептуально, так и практически. В частности, проблемная ситуация в современной России характеризуется тем, что интересы, функции и полномочия государства ниже, чем в развитых странах и незначительны даже по сравнению с такими деэтицированными странами, как Великобритания и США, тогда как интересы, функции и полномочия административно-политической бюрократии в современной РФ гипертрофированы.

Но главное заключается в том, что АР неявно интерпретируется как самоцель, тогда как она является скорее, инструментом – полиаспектным и многокомпонентным, но не самодовлеющим – достижения содержания целей, среди которых наиболее существенной представляется обеспечение конкурентоспособности государства.

Узловой проблемой в неэффективной концептуализации АР является упрощенное понимание роли государства в современном мире. Последнее нередко интерпретируется в лучшем случае как совокупность учреждений и организаций, в худшем – как репрессивный аппарат, имманентно не поддающийся рациональному реформированию. Между тем минималистская интерпретация государства заметно упрощает современную практику государственного управления развитых стран. Редукционистское понимание роли государства сводит его функции к обеспечению внешней и внутренней безопасности и административному управлению. Между тем современные представления о государстве (и современная политико-административная практика) исходят из разнообразия полномочий и функций государства. Ключевым в нашем контексте является разделение функций государства

на традиционные и современные. К числу первых эксперты относят обеспечение внутренней и внешней безопасности; административное и общее политическое управление. К категории вторых относят политику государства в таких сферах, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение, фундаментальная наука. Особенностью эволюции государственных институтов на рубеже XX-XXI вв. стало перераспределение традиционных и новых функций в пользу последних. В свою очередь, этот поворот стал этапом сложной эволюции государства в XX в. и был обусловлен отнюдь не гуманитарными соображениями, а мотивами экономической целесообразности.

Логика аргументации в этом вопросе достаточно проста. Программные политические документы, включая Послания Президента РФ Федеральному Собранию, в качестве ключевой цели государственной политики России постулируют обеспечение конкурентоспособности страны. Понятие конкурентоспособности включает не только экономические критерии. Так, в предисловии к Всемирному докладу по конкурентоспособности (2006-2007 гг.) признано, что из девяти критериев конкурентоспособности лишь четыре – сугубо экономические; прочие в той или иной мере имеют «социальное измерение» [16]. См. также [5]. Анализ историй успеха наиболее успешно развивающихся стран (включая такие столь различные страны, как США и Сингапур) показывает, что одной из ведущих технологий обеспечения конкурентоспособности стало создание и эффективное функционирование *knowledge based economy* – «экономики знаний». Ключевое условие, предпосылка и инструмент создания экономики знаний – качество человеческого потенциала. При этом развитие человеческого потенциала является исключительной прерогативой государства. Примером успешных усилий по достижению успехов в этом направлении может служить политика США по созданию новой экономики посредством инвестирования в человеческий потенциал. В этом контексте заслуживают упоминания усилия администрации Б. Клинтона, заявившей о необходимости «изобрести государство заново» и предпринявшей усилия по пересмотру функций государства. Ключевым направлением реформ госуправления (наряду с созданием электронного правительства; сокращением и удешевлением содержания госаппарата) стали меры по стимулированию новой экономики посредством усилий по развитию человеческого потенциала. В частности, эксперты констатируют увеличение ассигнований на эти цели в течение последних пятнадцати лет. Если в 1990 г. совокупные расходы, в той или иной мере затрагивающие социальное развитие составляли 49,4 % федерального бюджета США, то к 2000 г. этот показатель достиг 62 % [8, с. 133-134]. Администрация Дж. Буша (увеличившая военные расходы до 3,8 % ВВП), вместе с тем увеличила также расходы на социальные цели в контексте политики «сострадательного

консерватизма». Нехарактерный в целом для традиционной политики республиканцев рост доли федерального бюджета в ВВП США с 18, 5 % в середине 1990-х гг. до 20, 3 % к 2004 г. отчасти обусловлен увеличением гражданских программ бюджета, которые возросли на 36 % [10, Ч.1, с. 54]. Газета 'Los Angeles Times' констатировала в феврале 2005 г.: «Республиканцы сегодня не спорят с демократами о том, какое правительство необходимо США: большое или маленькое. Они спорят о том, каким должно быть большое правительство» [19]. Иракская кампания и ряд иных неблагоприятных обстоятельств побудили администрацию Буша снизить социальные расходы, однако их доля в бюджете по-прежнему остается весомой.

Подобные установки существенным образом отличает современную государственную политику от стандартов ушедшей эпохи. До конца XIX в. доля государства в ВВП практически не превышала 10 %. Социальные расходы в течение пятидесяти лет, предшествовавших Первой мировой войне, составляли около 1, 5 % (0,6 % на образование; 0,3 % на здравоохранение; 0,4 % на пенсионное обеспечение). Картина начала меняться в межвоенный период, и существенно изменилась после Второй мировой войны, когда начался резкий рост госбюджета практически во всех странах Запада. В Великобритании, Франции, Германии, Италии к 1960 г. госрасходы превысили 30 % ВВП, в США – 27 % ВВП.

При этом рост социальных расходов в развитых странах существенно опережал соответ-

ствующую динамику в странах государственного социализма.

Характерно, что рост доли госбюджета в структуре ВВП отмечается также в странах третьего мира, и, хотя это соотношение отличается от стандарта развитых стран, тем не менее, оно выше, чем было в развитых странах в начале XX в.» [10, Ч. I, с. 56-57]. Упомянутая тенденция набрала силу к 1990 гг., когда в западноевропейских странах госрасходов в структуре ВВП достигла 58 % в Швеции, 54 % во Франции, 47 % в Италии, 47 % в Германии, 33 % в Японии, 33 % в США. При этом социальные трансферты составили 28 % ВВП во Франции, 25 – в Италии; 21 % в Германии и Швеции, 15 в Великобритании, США и Японии. В среднем за 1960-1996 гг. госрасходы в странах Запада выросли с 27 до 48 процентов ВВП. Таким образом, рост госрасходов в странах Запада был обусловлен увеличением именно социальных расходов.

Важной причиной увеличения доли государственных расходов в ВВП стала новая роль государства в сфере социального обеспечения и перераспределения доходов с помощью системы налогов и трансфертов. Общемировые государственные расходы в 2000 г. составили примерно 25 % ВВП, или 7, 8 триллиона долларов. Более 90 % этой суммы приходится на развитые государства, в которых проживает примерно 15 % населения. «Это позволяет сделать вывод: чем более развитой является страна, тем более сильным является государство» [10, Ч.1, с. 58-59].

Список литературы

1. Бюрократическая Россия. Наша проблема не в бюрократии, а в качестве управления ею // Коммерсант №85 (3416). 16.05.2006 // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/673546?isSearch=True>
2. Вурстер Г. Модернизация госуправления и повышение квалификации госслужащих. - Реформы государственного управления накануне третьего тысячелетия. М.: РАГС, 1999. С. 26.
3. Гаман-Голутвина О. В. Эрозия этики госслужбы // Полис. 2000. № 6. С.
4. Государственная политика и управление. Под ред. Сморгунова Л. В. Ч. 1-2. М.: Росспэн. 2006. 384 с.
5. Иноземцев В.Л. Призрак конкурентоспособности // Независимая газета. 11.04.2007. URL: http://www.ng.ru/ideas/2007-04-11/10_economic.html
6. Мэннинг Н., Паркинсон Н. Реформа государственного управления. Международный опыт. М.: Весь мир. 2003. 496 с.
7. Пичас Р. Законодательство о госслужбе в свете нового государственного менеджмента. - Реформы государственного управления накануне третьего тысячелетия. М.: РАГС. 1999.
8. Политическая система США: актуальные измерения / Отв. ред. С.А. Червонная, В.С. Васильев. М.:Наука. 2000. 55 с.
9. Райнхард К. Реформирование государственного управления. Концепция активизирующего государства. - Реформы государственного управления накануне третьего тысячелетия. М.: РАГС. 1999.
10. Рогов С.М. Функции современного государства: вызовы для России. Ч. 1-3. // Свободная мысль. 2005. № 7-9.
11. Соловьев А. И. Принятие политических решений. М.: МГУ. 2007..
12. Bozeman B., Straussman D. Public Management Strategies: Guidelines for Managerial Effectiveness. San Francisco: Jossey-Bass. 1991.
13. Brym R., Gimpelson V. The Size, Composition, and Dynamics of the Russian State Bureaucracy in the 1990s // Slavic Review. 2004. № 1.

14. Frederickson G., Comparing the reinventing government movement with the new public administration // Public Administration Review. 1996. Vol. 56. № 3.
15. Frederickson G. The repositioning of American public administration // PS: Political Science and Politics. 1999. Vol. 32, no. 4. pp. 701-711.
16. Global Competitiveness Report, 2006 // URL: http://www.weforum.org/pdf/Global_Competitiveness_Reports/Reports/gcr_2006/chapter_1_1.pdf;
17. Hood C., Jackson M., Administrative Argument. Aldershot: Dartmouth Publishing. 1991.
18. Hood C., Beyond the Public Bureaucracy State? Public Administration in the 1990s. London: Department of Government, London School of Economics and Political Science. 1990
19. Hook J., President Putting "Big" Back in Government // Los Angeles Times. Feb. 8, 2005. P. A1.
20. Nozick R. Anarchy, State and Utopia. N.Y.: Basic Books. 1974.
21. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government. How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. NY: A Plume Book. 1992.
22. Peters G., Savoie D. Managing Incoherence: The Coordination and Empowerment Conundrum // Public Administration Review. 1996. Vol. 56, no. 3, pp. 281–290.
23. Peters G., Models of Governance for the 1990s // D. Kettl and B. Milward (eds.) The State of Public Management. Baltimore and London: The John Hopkins University Press. 1996.

Об авторе

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России, президент Российской ассоциации политической науки. E-mail: vestnik@mgimo.ru

WORLD EXPERIENCE OF GOVERNANCE REFORM

O.V. Gaman Golutvina

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article is devoted to the changes in the configuration of the modern state. The author analyzes the world and domestic experience in the governance reform, determining the content, the main direction, reform technology. The article concerns the theoretical models that have become the basis of governance reform. An informative and functional aspects of governance reforms are considered in the context of modern approaches to the state functions. Considering the results of the governance reform, it should be taken into account that the implementation of these reforms was accompanied by a number of costs. In this regard, a number of experts, including experts from the World Bank, who prepared the materials for the Government Commission on lessons learned from reforms NPM, present restrained assessment of the reform results in various countries, noting their ambiguity and limited scope in relation to the objectives. "Undoubtedly, there are many examples of concrete improvements in certain specific services or in ministries and other organizations in each specific case. However, data on the overall impact of the reforms is very little ... Generally there is no accurate data on the actual results achieved by the majority of implemented reforms... In many cases ... there is difference of opinion about the results of the reform programs" [6, p. 74-75, 36, 40, 47, 78, 82-83, 92].*

Key words: the models of the state, administrative reforms, the functions of the state.

References

1. Bureaucratic Russia. Our problem is not bureaucracy but governance quality. Kommersant, May 16, 2006, no. 85 (3416). Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/673546?isSearch=True>. (in Russ.).
2. Vurster G. The modernization of governance and better qualification of state officials. Reformy gosupravleniia nakanune tret'ego tysiacheletii. [Governance reform on the eve of the third millennium]. Moscow, RAGS Publ., 1999, p. 26.
3. Gaman-Golutvina O.V. Erosion of state service's ethics. Polis, 2000, no. 6. (in Russ.).
4. Smorgunov V.P., ed. Gosudarstvennaia politika i upravlenie [State policy and governance]. Moscow, Rosspen Publ., 2006, Pts. 1-2. 384 p.
5. Inozemtsev V.L. The shadow of competitiveness. Nezavisimaia gazeta, April 11, 2007. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2007-04-11/10_economic.html. (in Russ.).
6. Manning N., Parison N. Governance reform. International experience. Moscow, Ves' mir Publ., 2003. 496 p.
7. Pichas R. Legislation on state service in light of the new public management. Reformy gosudarstvennogo upravleniia nakanune tret'ego tysiacheletii [Governance reform on the eve of the third millennium]. Moscow, RAGS Publ., 1999.
8. Chervonnaia S.A., Vasil'ev V.S., eds. Politicheskaiia sistema SShA: aktual'nye izmereniia [Political system of US: Contemporary dimension]. Moscow, Nauka Publ., 2000, p. 55.
9. Rainkhard K. Governance reform. Concept of activating state. Reformy gosudarstvennogo upravleniia nakanune tret'ego tysiacheletii [Governance reform on the eve of the third millennium]. Moscow, RAGS Publ., 1999.
10. Rogov S.M. State functions: challenges for Russia. Svobodnaia mysl' [Liberal Idea], 2005, no. 7-9.
11. Solov'ev A.I. Priniatie politicheskikh reshenii [Political decision-making]. Moscow, MSU Publ., 2007.
12. Bozeman B., Straussman D. Public management strategies: Guidelines for managerial effectiveness. San Francisco, Jossey-Bass Publ., 1991. 239 p.
13. Brym R., Gimpelson V. The size, composition, and dynamics of the Russian state bureaucracy in the 1990s. Slavic Review, 2004, vo. 63, no. 1, pp. 90-113.
14. Frederickson G. Comparing the reinventing government movement with the new public administration. Public Administration Review, 1996, vol. 56, no. 3, pp. 263-270.
15. Frederickson G. The repositioning of American public administration. PS: Political Science and Politics, 1999. Vol. 32, no. 4, pp. 701-711.
16. Global Competitiveness Report, 2006. Available at: http://www.weforum.org/pdf/Global_Competitiveness_Reports/Reports/gcr_2006/chapter_1_1.pdf.
17. Hood Ch., Jackson M. Administrative argument. Aldershot, Dartmouth Publ., 1991.
18. Hood Ch. Beyond the public bureaucracy state? Public administration in the 1990s. London, Department of Government, London School of Economics and Political Science. 1990.
19. Hook J. President Putting "Big" Back in Government. Los Angeles Times, Feb. 8, 2005. R. A1.
20. Nozick R. Anarchy, State and Utopia. New York, Basic Books Publ., 1974. 384 p.
21. Osborne D., Gaebler T. Reinventing government: How the entrepreneurial spirit is transforming the public sector. New York, A Plume Book Publ., 1992. 432 p.
22. Peters G., Savoie D. Managing incoherence: The coordination and empowerment conundrum. Public Administration Review, 1996, vol. 56, no. 3, pp. 281-290.
23. Peters G. Models of governance for the 1990s. Kettl D., Milward B., eds. The state of public management. Baltimore; London, John Hopkins Univ. Press Publ., 1996.

About the author

Oksana V. Gaman Golutvina – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Politics at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO – University), President of the Russian Political Science Association. Email: vestnik@mgimo.ru

АКТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС О ТИПАХ И ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Е.Г. Пономарева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Процессы глобализации определили серьезные изменения прерогатив национальных государств. В XXI в. государство уже не выступает в качестве единственного субъекта, монопольно интегрирующего интересы крупных социальных общностей и представляющего их на мировой арене. Всевозрастающую роль в мировом политическом процессе играют транснациональные и наднациональные участники. Однако, несмотря на неопределенность и неоднозначность путей развития современного мира, можно утверждать, что в обозримом будущем именно за государствами сохранится роль основных участников мировой политики, на которых лежит ответственность за глобальную безопасность и развитие. Все это закономерно актуализирует вопросы, связанные с поиском оптимальных моделей развития национального государства. В статье анализируются существующие в современной политической науке подходы к пониманию моделей, проблем и перспектив развития этого института. К таким относятся: концепции «размерности», основывающиеся на параметрах масштабности (размера территории) государств и их функций в международных системах, и «политического порядка». В последнем случае в работе проанализированы четыре модели: нация-государство, государство-нация, государство-консоциация и квазигосударство. Авторская позиция заключается в обосновании тесной зависимости успешности той или иной модели государства от его внутренней природы – государственности. На основе разработанного подхода автор понимает государственность как «результат исторической, экономической, политической и внешнеполитической деятельности конкретного социума по созданию относительно жесткой политической рамки, обеспечивающей территориальное, институциональное и функциональное единство, то есть собственного государства-состояния, национальной политической системы». Таким образом, государственность выступает качественной характеристикой государства.

Ключевые слова: национальное государство, государственность, нация-государство, государство-нация, консоциация, квазигосударство, рынок-государство, регион-государство, корпорация-государство.

Вопрос о государстве приобретает в настоящее время особую важность и в теоретическом, и в практически-политическом отношениях.

В.И. Ленин

В условиях глобализации политико-территориальный идеал национального государства «тускнет». В XXI в. оно уже не выступает в качестве единственного субъекта, монополющего интересы крупных социальных и экономических общностей и представляющего их на мировой арене. Транснациональные участники играют всевозрастающую роль в мировом политическом процессе и настаивают на том, что элементарная неэффективность государства заставляет сокращать его полномочия, ограничивать суверенитет. Все больше исследователей и политиков пытаются убедить нас в том, что национальное государство со всеми его атрибутами и социальными обязательствами неадекватно современному миру.

Действительно, отрицать серьезные изменения прерогатив государств – как внутри, так и вовне – нельзя. Однако и преувеличивать проблемы, связанные с трансформацией мировой системы и пересмотра роли государства в ней также не стоит. Несмотря на неопределенность и неоднозначность путей развития современного мира как сложной и иерархической структуры, можно утверждать, что в обозримом будущем именно за государствами сохранится роль основных участников мировой политики, на которых лежит ответственность за глобальную безопасность и развитие. Все это закономерно актуализирует вопросы, связанные с поиском оптимальных моделей развития национального государства.

Для России эти вопросы имеют сегодня не только теоретическую, но и практически-политическую важность. Сохраниться как субъект мировой политики, обеспечить безопасность и благополучие своих граждан Россия может, лишь будучи «суверенной и влиятельной страной». Но для этого «мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нацию. Быть и оставаться Россией» [1]. Именно поэтому речь применительно к настоящему и будущему нашей страны должна идти не только о государстве как политическом институте, как некоем конструкте, но и о том, что составляет его сущность, определяет его природу – о государственности.

Современная политическая наука имеет уже довольно богатый багаж знаний по этим вопросам. Тем не менее дискуссионность заявленной проблемы, а значит, и исследовательский интерес к ней не ослабевает.

Эволюция концепта «национальное государство»

Впервые разные по типу политического устройства, размерам, мощи, религиозной и культурной среды политические образования «уравнял»

Н. Макиавелли, обозначив их как *lo stato*, то есть государства-состояния, что было эквивалентно понятию «политический порядок». В научном дискурсе за семейством этих политических порядков закрепилось понятие «государство». Трансформации буржуазных революций с сопутствующими установлениями – развитием гражданского общества, капиталистической экономики, формированием новых отношений между государством и обществом, новых коллективных идентичностей – создали условия для возникновения национальных государств. Как заметил А. Смит, «со времен Французской революции национальное государство стало доминирующей, а скоро и почти единственной легитимной формой политической организации, а также основным «двигателем» коллективной идентичности» [2, с. 70].

Новое время породило новые стандарты организации каждого конкретного общества: политическая власть оказалась соединенной с конкретной территорией и его населением через принцип суверенности. В свою очередь Ч. Тилли, также относя появление национальных государств к началу XIX в., выделил два необходимых условия для их возникновения. Это «способность государства отслеживать, ограничивать и контролировать ресурсы (включая культурные) в пределах собственной территории» [3, с. 132] и готовность других государств согласиться с правом данного государства регулировать указанные сферы. Иными словами, национальное государство должно обладать состоятельностью, которая характеризует внутреннее развитие социума, и статусностью, что позволяет определить место этого государства в мировой системе.

Современные национальные государства многоголики. Однако концептуализация этого понятия выявляет некие устойчивые типы, а также варианты развития национального государства. Выделим концепции «размерности» и «политического порядка». Последняя, как правило, рассматривает четыре модели: нация-государство, государство-нация, государство-консоциация и квазигосударство.

Начнем с концепции размерности, основывающейся на параметрах масштабности (размера территории) государств и их функций в международных системах. Так, Ж. Коломер на основании этого критерия различает: большие по масштабу структуры или империи; средние – «суверенные государства» в нормативном политологическом смысле и «малые нации», то есть структуры небольшого масштаба. Современные империи (Америка, Китай, Европа, Япония и Россия), по Ж. Коломеру, определяются очень большой территорией и населением; отсутствием закрепленных или постоянных границ; соединением разнообразных групп и

территориальных единиц; набором многоуровневых и часто взаимно пересекающихся юрисдикций. Еще пять больших стран ученый относит к имперскому типу. Это Индонезия, Индия, Бразилия, Пакистан, Бангладеш. Австралия и Канада сопоставимы с империями по территориальным размерам, но недонаселены [4, с. 3,5].

«Суверенные государства» или государства-состояния, по мнению ученого, должны обладать большими или средними размерами (как территории, так и населения); постоянной территорией и формально закрепленными границами; суверенитетом, понимаемым как монополия верховной власти над территорией и проживающим на ней населением; монополией на исключительную юрисдикцию и гомогенным порядком. При этом государства-состояния могут быть двух видов: нации-государства и многонациональные государства. Однако последние, сохранившие гетерогенный этнический, культурный, религиозный состав, отличаются, по мнению ученого, неэффективностью. «Такая роскошь, как многокультурность, позволительна только империям» [4, с. 20]. В свою очередь к «малым нациям» относятся политические образования малых размеров с высокой степенью этнической гомогенности, с простыми и мягкими формами правления.

Существующие тренды мирового развития, по мнению ученого, ведут к увеличению числа демократических «независимых и автономных стран» малых размеров, появляющихся на месте средних государств-состояний, что приводит к постепенному «стиранию» последних с политической карты мира. Таким образом, Ж. Коломер интеллектуально обосновывает процессы демонтажа национального государства, убеждая нас в том, что благополучие народов зависит от «таких обширных демократических империй, как США и ЕС». Более того, ученый полагает, что «подобные Китаю традиционные империи или иные зоны сопоставимого масштаба (видимо, имеется в виду Россия. – Е.П.) также могли бы освободить «малые нации», если бы стали достаточно эффективными в обеспечении обширных общественных благ и либерализовались бы сами». Профессор даже утверждает, что проект «построения национального государства» опасен для «демократических империй», так как именно суверенные государства «парадоксальным образом способны стать угрозой свободе и демократии, поскольку они смогут возродить старые конфликты или создать новые отношения соперничества и вражды» [4, с. 40].

Ж. Коломер далеко не первый, кто попытался установить связь размерности государства с его состоятельностью и устойчивой государственностью. В 1957 г. в университете Пуэрто-Рико Л. Кор обнаружил свою теорию размера. Согласно этой концепции, решение политических/геополитических, социально-экономических, культурно-идентификационных проблем зависит от величины государства. По мнению ученого, единственным надежным методом борьбы с широкомасштабными жестокостью и преступностью является создание «систе-

мы социальных единиц настолько малого размера, что накопления и уплотнения коллективной силы до опасной точки просто не произойдет». В доказательство Л. Кор приводит такое утверждение: «если мы хотим снизить уровень преступности в Чикаго, мы не должны образовывать его жителей или населять город членами Армии спасения. Мы должны уничтожить сообщества размером с Чикаго» [5, с. 56].

На основе проведенных исследований Кор предложил новую политическую карту Европы, прогнозируя, что Россия и США останутся большими империями, которые в окончательной схватке разделят влияние над «Мировым Государством Объединенных Наций». В части своих построений, касающихся Юго-Восточной Европы, ученый отчасти оказался прав. «На месте государств средних размеров, таких, как Испания, Югославия, Чехословакия, Румыния и Польша получим, – писал ученый, – урожай малых государств, таких, как Арагон, Валенсия, Каталония, Кастилия, Галисия, Варшава, Богемия, Моравия, Словакия, Рутения, Славония, Словения, Хорватия, Сербия, Македония, Трансильвания, Молдавия, Валахия, Бессарабия и т.д.» [5, с. 77–78]. Как известно, процесс дробления постюгославского пространства привел к появлению шести новых государств, среди которых одно – Республика Косово – остается непризнанным. При этом дезинтеграционные тенденции в этом регионе все еще остаются непреодоленными. На месте Чехословакии возникло два государства. Ситуация в Испании также далека от стабильности.

Л. Кор считал, что его карта отражает «естественный и исходный ландшафт Европы», а «искусственными структурами являются именно великие державы, возникшие в ходе завоеваний и которым в силу этого приходится тратить много усилий на поддержание своего существования» [5, с. 78–79]. Таким «возвращением Европы к естественному состоянию» ученый полагал возможным решить вопрос пограничных конфликтов, а также избавиться от проблемы меньшинств в результате обретения или восстановления суверенитета «малых наций». На самом деле практика дробления доказала как раз обратное – конфликтность и нарушение прав меньшинств стали необъемлемыми спутниками современных международных отношений. Иными словами, такая модель развития не только Европы, но и других регионов мира представляется ошибочной.

Очевидная недостаточность фактора размера при анализе формирования государственности потребовала от исследователей его дополнения: и Л. Кор, и Ж. Коломер рассматривали процесс встраивания «малых наций» в орбиты империй как закономерный. Фактически, оба исследователя рисуют зонтичную картину современного мира. И если Л. Кор в значительной степени ее прогнозировал, то Ж. Коломер ее фиксирует, что «нынешний мир все больше организуется за счет взаимного наложения обширных пространств «имперского» размера при одновременном увеличении числа самоуправляющихся малых сообществ», и выделяет

три фундаментальные сети отношений: «союзы по обеспечению обороны и безопасности, торговые и экономические соглашения и зоны языка и общения» [4, с. 31].

В свою очередь М.В. Ильин, во многом отталкиваясь от концепции Ж. Коломера, предлагает различать четыре основных класса государств, основанных на пространственных параметрах: мега-, макро-, мини- и микрогосударства. Мегагосударства – это большие многосоставные страны с относительно усиленными внешними аспектами суверенности, избыточной статусностью и сильно выраженным имперским синдромом. Важнейшей функцией мегагосударств является организация международной среды. Это традиционная роль так называемых великих держав. Прочные позиции, по мнению ученого, в списке мегагосударств занимают США, Россия, Китай, Япония. С разного рода оговорками к этому классу могут быть отнесены Великобритания, Германия и Франция, а также Индия, Бразилия и, может быть, Южная Африка.

Макрогосударства – довольно крупные страны с относительно сбалансированными внешними аспектами суверенности и достаточной статусностью. Они обладают значительным населением, территорией и ресурсной базой. Важнейшей функцией макрогосударств в мировой политике является оформление силовых линий между полюсами международной системы, которые создаются мегагосударствами. К ним могут быть отнесены Аргентина, Ирак, Иран, Мексика, Польша. Мини-государства – небольшие страны, по мнению ученого, характеризуются очень умеренными внешними аспектами суверенности и ослабленной статусностью. Они обладают небольшими населением и территорией. У них достаточно сильно выражен комплекс зависимости (политической и экономической), хотя в некоторых аспектах они в состоянии обеспечивать вполне самостоятельное проведение внутренней и даже внешней политики. Важнейшей функцией минигосударств является насыщение силовых линий мировой политики разнообразным потенциалом. Заметно уклониться от силовых линий и занять самостоятельную позицию мини-государствам крайне сложно. Это может отчасти обеспечиваться статусом нейтральной страны, что до той или иной степени используется мини-государствами. Однако подобный подход имеет свои пределы (риск попасть в класс государств-изгоев).

Микрогосударства – это совсем малые как по размерам, так и по количеству населения образования с существенно ослабленными внешними аспектами суверенности и низкой статусностью. У них очень сильно выражен комплекс зависимости. Важнейшей функцией микрогосударств является чисто инструментальная роль формального самоопределения территорий, которые по разным причинам не могут находиться под прямым контролем мега- или макрогосударств. К числу главных характеристик этой группы отно-

сятся демонополизация принуждающего насилия, принятие иностранной валюты как внутренней денежной единицы, включение во внешние таможенные режимы, свертывание армий вплоть до полного отказа от них и наличия на территории иностранных воинских контингентов [6].

Несмотря на критику теории размера, следует отметить, что территория/размерность государства, а также его способность/неспособность влиять на мировую политику являются одними из важных факторов формирования устойчивой и самодостаточной государственности. Поэтому типология государств, в основе которой лежат факторы размерности, признания и включенности в мировую систему, представляет несомненный научный и практический интерес для прогнозирования будущего Российского государства.

Среди типов государств, основанных на принципах организации политического порядка – концепция политического порядка – выделим такие, как нация-государство, государство-нация, государство-консоциация и квазигосударство.

В самом общем смысле нация-государство – это сочетание особой политической формы национально-территориального суверенитета и культурной (языковой и/или религиозной) однородности какой-либо общности, возникшее как продукт эпохи Модерна и ставшее своеобразным его символом. Специфика этой формы определяется требованиями гомогенности общности. Кроме того, для нации-государства характерны: приверженность одной культурно-цивилизационной традиции; ассимиляторская культурная политика; унитарное государственное устройство либо структура мононациональной федерации, а также принципы республиканизма, как правило, с широкими полномочиями главы государства.

В процессе государственного строительства по модели нации-государства при наличии более чем одной этнической группы доминирующая нация, как правило, проводит ассимиляторскую политику чуждых ей этнорелигиозных сегментов. Это может проявляться в мягкой дискриминации. Например, в обязательной сдаче экзаменов на языке титульной нации для получения гражданства или в вертикальной социализации представителей только определенной национальности или религии, так называемый османский опыт. Не является исключением и жестокая форма: религиозные и межэтнические войны, итогом которых может стать как выдворение «чужих» за пределы нового государства, так и их полная ассимиляция. Самыми яркими примерами такого «политического порядка» могут служить процессы государственного строительства с начала 1990-х гг. в Хорватии и в Косово.

С конца прошлого века активно продвигается тезис о том, что процессы глобализации существенно трансформируют природу национального государства, лишают его части функций, перераспределяя их на уровень наднациональных структур. По этому поводу Э. Хобсбаум писал, что новейшая история «будет в значительной степе-

ни супранациональной и инфранациональной, но даже инфранациональность – независимо от того, рядится ли она в одежды какого-либо мини-национализма или нет, – станет симптомом упадка старых наций-государств в качестве эффективно действующих структур. Ведя речь о «нациях-государствах», «нациях» или этнических/языковых группах, история прежде всего показывает, как они отступают на второй план перед лицом нового, супранационального преобразования мира, сопротивляются ему, поглощаются им или адаптируются к нему» [7]. Таким образом, верификация положений о трансформации национального государства через мини- и микрогосударства к неоимперским, супранациональным образованиям, имеющая место в работах многих авторов (Л. Кор, А.Д. Смит, Ж. Коломер, Ш. Эйзенштадт), свидетельствует об определенном научном и практическом тренде, направленном на серьезную трансформацию национального государства-состояния вплоть до его полного уничтожения.

Однако движение в сторону супранациональной государственности вовсе не означает, что нации и национальные государства исчезнут из Истории. Более того, негативные последствия глобализации ведут к росту национального самосознания и к поиску оптимальных условий для сохранения и развития наций и народов. Альтернативное либеральному проекту глобализации государство неизбежно опирается на нацию и национализм в их позитивном историческом смысле.

Культурное и этнорелигиозное многообразие большинства стран мира определило интерес политиков и научного сообщества к другой модели – государство-нация. Одними из первых на весьма опасную тенденцию, согласно которой каждое государство стремится стать нацией-государством, а каждая нация – стать государством, обратили внимание Х. Линц и А. Степан. Исходя из позиции, что «нация не обязательно равнозначна народу государства», исследователи предлагают формировать государственность с использованием «немажоритарных и неплебисцитарных формул», то есть речь идет о реализации современными обществами не модели нация-государство, а модели государство-нация.

Главные отличия государства-нации как поликультурного и многонационального образования заключаются в том, что, во-первых, население страны состоит из приверженцев более чем одной культурной и цивилизационной традиции, однако это не препятствует столь же «сильной идентификации и преданности со стороны граждан» [8, с. 25–26] общему государству, как и в нации-государстве. Во-вторых, признается и поддерживается более чем одна культурная идентичность. И наконец, этой модели адекватна федеративная форма государственного устройства, часто ассиметричная.

Модель государства-нации при всех плюсах не лишена недостатков. По мнению ее критиков,

существование нескольких сегментов в пределах одной политической рамки способно повлечь самые негативные последствия либо для территориальной целостности государства, либо для его демократического характера (если таковой имеется), либо для того и другого вместе. Кроме того, «государство-нация по своей природе стремится к культурно-языковой однородности, даже не придавая этой цели радикального или метафизического смысла» [9, с. 24].

Практическое осуществление модели государства-нации осложняется не столько языковым и культурным различием (в ряде стран его либо нет, например, очень близкие языки: хорватский, сербский и боснийский языки, либо оно незначительно – общее прошлое и т.п.), сколько исторической памятью о знаковых, эпохальных событиях и идентичностью на основе противопоставления враждебному окружению. Идентичность как способ личного или группового самоопределения, как источник формирования групповых общностей непосредственно связана с политической культурой прежде всего на основе лояльных представлений: «мы–они» и агрессивных: «свой–чужой». Аппелляция к той или иной идентификационной группе извне порождает синдром внешней угрозы своей идентичности, а соответственно, и стремление найти своего покровителя и защитника. Этот синдром усиливается наличием стран-соседей, которые могут реально представлять ирредентистскую угрозу или спекулировать на этом. Например, Сербия и Хорватия относительно Боснии и Герцеговины; Косово, Албания, Болгария и Греция относительно Бывшей югославской республики Македонии. В свою очередь, Косово относительно Албании.

И. Валлерстайн справедливо отметил, что «существование наций – это миф в том смысле, что все нации являются социальными образованияами и основная роль в их создании принадлежит государствам... К концепции национального государства следует относиться как к асимптоте, к которой стремятся все государства. Не-которые государства уверяют, что они «многонациональны» и единая нация им не нужна, но даже они пытаются создать у себя некую идентичность, которая объединяла бы все государство...» [10, с. 139–140]. Иными словами, новые государства при наличии дилеммы гражданская – национальная идентичности в первую очередь формируют идентичность национальную.

В этой связи особый интерес применительно к анализу процесса государственного строительства в поликультурных, многонациональных сообществах вызывает модель государства-консоциации, предложенная А. Лейпхартом, дополненная Г. Лембрухом, Д. Горовицем, Б. Рейли и Г. Хейлом. Основная идея консоциации заключается в создании модели управления, в которой учитывались бы интересы всех сегментов общества. В политической практике это должно иметь выражение в возможности сегментов, возникших в результате религиозных, идеологических,

культурных или расовых различий и разногласий между представителями общественных групп и социальных слоев, равным образом оказывать влияние на процесс принятия решений. Проще говоря, в обществах, где процесс выработки единого культурного кода, идентификации еще далек от завершения, оптимальным видится политический порядок, основанный на консенсусе и максимально возможном включении представителей всех меньшинств в процесс управления. Модель государства-консоциации особенно актуальна в процессе постконфликтного урегулирования и институционального строительства в многоэтнических сообществах.

К основным характеристикам консоциации относятся: 1) осуществление власти большой коалицией, представляющих все значимые группы многоэтнического общества; 2) пропорциональность как основной принцип политического представительства; 3) взаимное право вето при принятии общественно важных решений как гарантия учета интересов меньшинств; 4) высокая степень автономии общественных групп в решении внутренних вопросов каждой из них. Решения, касающиеся всего общества, принимаются большой коалицией, внутрисегментные вопросы могут решаться автономно.

Успех модели консоциации зависит не только от реализации этих характеристик, но и от таких условий, как четкое разделение (идеологическое, этнорелигиозное, пространственное) сегментов, баланс сил, наличие внешних угроз и малый размер страны. Эти условия создают благоприятную среду, облегчая как реализацию принципа пропорционального представительства и создания коалиции, так и проведение автономной политики. Однако эффективность консоциации возможна лишь при наличии в обществе не более четырех сегментов.

Следует отметить, что вышеперечисленные условия консоциации имеют не только благоприятные последствия для государственного образования. Например, четкое разделение сегментов и их автономность могут легко превратиться в фактор внутренних (межнациональных) конфликтов и привести к сепаратистскому движению, а право вето меньшинств может завести в тупик политический процесс и спровоцировать политический кризис. Так, Союз Сербии и Черногории, воспроизводивший все параметры консоциации, закончился расколом. Итак, главные выводы относительно этой модели следующие – успех консоциации возможен только при условии, что существующие сегменты хотят сохранить общее государство и только в укреплении единой государственности видят возможности для реализации своих интересов.

Еще одной моделью политического порядка, которая в условиях глобализации активно реализуется при помощи внешних сил в различных частях мира, является модель квазигосударства. Понятие «квазигосударство» было впервые выделено в научный оборот Р.Х. Джексоном и

К. Росбергом в 1982 г. на основе изучения процессов деколонизации в Африке [11]. Именно новые африканские государства составили ядро группы государств, которые стали обладать формальной статусностью, т.е. были включены в мировую систему за счет их полного признания. Однако они не обладали необходимой долей состоятельности, так как сами не смогли обеспечить адекватное функционирование собственных государственных институтов. Если ослабление состоятельности квазигосударства достигает качественного предела адекватного функционирования государственных институтов, когда на соответствующей территории не может поддерживаться минимальный порядок, то его обычно характеризуют как несостоявшееся государство – *failed state*.

Модель квазигосударства отличается симуляцией обязательных характеристик и функций государства-состояния. Воспроизведение внешней формы государственных институтов без восприятия их содержания и, главное, без понимания логики обретения этих институтов ведет к негативным эффектам. Институты учреждаемого государства, с одной стороны, не способны адекватно осуществлять функции тех внешних институтов, которые заимствовались, а с другой – они также не имеют достаточной связи с автохтонной почвой, чтобы трансформироваться и прижиться в новой среде [12].

Необходимо еще раз подчеркнуть, что главенствующая роль в процессе реализации модели квазигосударства принадлежит внешним игрокам: государствам, наднациональным и транснациональным структурам. Как писал З. Бауман, «слабые государства – это именно то, в чем Новый Мировой Порядок, слишком часто обладающий чертами нового мирового беспорядка, нуждается, чтобы поддерживать и воспроизводить себя. Слабые, «квазийные» государства легко могут быть сведены к (полезной) роли местного полицейского участка» [13, с. 68]. Квазигосударственность может пониматься как «фантомная» или «призрачная», которая реализуется в моделях государства-фантома (Босния и Герцеговина) и государства-призрака (Косово) [14], [15]. Статусность и состоятельность этих государств зависят прежде всего от глобального контекста, т.е. от роли внешних наднациональных структур (ЕС, НАТО, ТНК) и/или внегосударственных (криминальных и террористических) сил. Самым важным фактором возникновения и существования квазигосударства является его нужность ведущим игрокам мировой политики. Посредством таких государств транснациональные структуры могут легко управлять политическим пространством и оказывать опосредованно влияние на целые регионы.

Итак, моделей «политического порядка» – национального государства – множество. Однако если мы видим будущее России как государства-состояния, то важно помнить о четырех главных его характеристиках, впервые обозначенных Дж.Р. Страйером:

- во-первых, это четкие границы в пространстве и продолжительность во времени;
- во-вторых, функционирование деперсонифицированных и относительно устойчивых политических институтов, независимых от конкретного носителя власти;
- в-третьих, высокая степень легитимности институтов, выражающаяся в принятии большинством населения самой идеи о необходимости верховной власти;
- наконец, в-четвертых, высокая степень лояльности большинства населения по отношению к власти [16, с. 5].

Реализация этих характеристик на практике позволяет констатировать успешность национального государства – государства-состояния.

Государственность как особое качество государства

В современной политической науке понятие государственность является не только одним из самых востребованных, но и одним из самых дискуссионных. Все больше исследователей предпочитают говорить о государственности как «особом качестве» государства, хотя чаще всего это понятие используется как синоним государства, а также для обозначения какого-либо этапа в развитии государства конкретного исторического периода (российская государственность, постсоветская государственность).

В отечественной политической науке одним из первых обратил внимание на этот «феномен» М.В. Ильин. Развивая идеи Дж.П. Неттла [17], он предложил рассматривать государственность как понятийную категорию, включающую понятия статусность, то есть «принадлежность к сообществу государств-состояний», и состоятельность, то есть «соответствие своей собственной природе государства-состояния» [18]. Если состоятельность характеризует внутреннее развитие социума, результатом которого может стать государство, то статусность позволяет определить место этого государства в зависимости от масштабности и международных функций в мировой системе. Таким образом, членение государственности на составляющие – статусность и состоятельность – позволяет выявить не только причины генезиса государственности, но и с минимальной долей погрешности определить результаты ее развития. Один из выдающихся современных исследователей государства Ч. Тилли под состоятельностью понимает «степень, в которой инструменты правления дифференцированы, централизованы, автономны и формально скоординированы друг с другом» [19, с. 32]. Иными словами, состоятельность показывает способность, потенцию социума организовать политическую рамку своего бытия, то есть создать государство.

На основании мировой практики и накопленных политической наукой знаний полагаю справедливым утверждать, что государственность есть результат исторической, экономической, политической и внешнеполитической деятельности

конкретного социума по созданию относительно жесткой политической рамки, обеспечивающей территориальное, институциональное и функциональное единство, то есть собственного государства-состояния, национальной политической системы. Однако то, как будет протекать процесс формирования государственности, каковы будут его результаты – возникнет ли государство-состояние, способное не только получить некий статус в системе международных отношений, но и играть определенную роль в мировой системе, зависит от исторически обусловленной комбинации внутренних и внешних факторов. Поэтому проблема факторов, влияющих на процессы формирования государственности, становится определяющей при анализе данной понятийной категории.

Под факторами как аналитическими единицами следует понимать материальные и нематериальные структуры, институты и процессы, обуславливающие формирование государственности. Очевидно, что учесть весь набор факторов, влияющих на формирование государственности, начиная от структур, институтов, процессов и заканчивая нормами, восприятиями или устремлениями, невозможно. Поэтому целесообразно сделать выборку самых существенных факторов, без которых понятие «государственность» раскрыть невозможно. Выборка может быть сделана на основе работ А.И. Агеева, Р.Н. Долныковой, а также «Политического атласа современности» под редакцией А.Ю. Мельвиля.

В свою очередь полагаю, что к внутренним факторам, определяющим государственность, следует отнести размерность, демографические и этнорелигиозные, социально-экономические, политические и социокультурные конструкты конкретного социума. Базовыми внешними должны стать факторы, показывающие уровень экономической, военной и политической зависимости/независимости от других стран, наднациональных структур и глобальных проблем современности. Соотношение именно этих факторов показывает способность/неспособность государства состояться и занять определенное место в мировой системе. Комбинация названных факторов позволяет выявить определенные механизмы формирования состоятельности и статусности в каждом конкретном случае. По этой схеме можно не только оценить настоящее, но и спрогнозировать будущее российской государственности [20].

Концепты отмирания национального государства

Глобализация не только меняет социоэкономическую и политическую картину мира, но и трансформирует внутреннюю сущность государства, изымая у него функции организации и управления физическим и политическим пространством. Так, согласно Ф. Боббитту, на смену нации-государству идет рынок-государство или рыночное государство. «В эпоху наций-госу-

дарств государство брало на себя ответственность за благосостояние групп. В рынке-государстве государство несет ответственность за максимальное увеличение возможностей, доступных индивиду. Это означает снижение транзакционных издержек выбора, который делает индивид...ограничение, а не усиление правительств» [21, с. 230]. По мнению ученого, главная задача рынка-государства (РГ) – обеспечение функционирования глобального рынка. Ф. Боббитт непосредственно связывает появление рынка-государства с глобализацией, говоря о «глобальном обществе рынков-государств».

Концепция Ф. Боббитта перекликается с идеями К. Омаэ о регион-государстве/регион-экономике. Регион-экономика (РЭ), который в политическом смысле конструирует регион-государство, определяется сугубо рыночными факторами и оказывается тесно связанным с глобализацией. Омаэ определяет РЭ как «естественную деловую единицу глобальной информационной экономики» [22, с. 149]. Неважно, находится ли РЭ внутри того или иного государства (Гонконг–Южный Китай, Каталония и др.) или представляет собой тесно связанную комбинацию регионов двух и более наций-государств (Северная Италия–Баден–Вюртенбург, Пинанг–Медан–Пхукет, Сингапур–Джохор–острова Риау), главное, что его размеры и масштаб позволяют выполнять функции деловых единиц глобальной экономики.

Ф. Боббитт и К. Омаэ приветствуют замену национального государства новым типом государственности, явно идеализируя его. Так, Боббитт пишет о бесклассовом характере рынка-государства, чему явно противоречит реальность неолиберальной глобализации с резко возрастающим уровнем социальной поляризации и обострением противоречий в различных формах. Омаэ подчеркивает, что регион-государства – это очаги (сеть) процветания по сравнению с окружающим их миром, но не ставит вопрос, какой ценой по отношению к окружающему миру достигается это процветание? Эмпирика современности убедительно доказывает, что «возможностями сокращения транзакционных издержек» пользуются лишь наиболее сильные игроки глобальной системы, тогда как слабые районы и социальные группы, по сути, отсекаются от «общественного пирога», исключаются из процессов и каналов перемещения ресурсов, которые ранее контролировались государствами.

В связи с этим З. Бауман и ряд других исследователей подчеркивают, что именно глобализация вынуждает большинство стран отказываться от выполнения тех функций, которые ранее считались *raison d'être* (смыслом) существования национального государства, так как они не в состоянии их выполнять. Прежде всего это касается обеспечения равновесия между производством и потреблением. В результате, государство превращается в экономического калеку, любая

попытка которого вылечиться ведет к наказанию его мировым рынком. Напротив, те государства, которые «обеспечивают возможности», как это формулирует Боббитт, которое не может быть не силовым, поощряется. Результат – формирование одного из вариантов рынка-государства, оборотной стороной которого является репрессивный характер, подавление низших и средних слоев в интересах глобальных рынков. Иными словами, «в «кабаре глобализации» государство начинает заниматься стриптизом и в конце представления на нем остается только то, что является крайней необходимостью – репрессивная мощь...» [13, с. 66]. Фактически, и Ф. Боббитт, и К. Омаэ описывают, по сути, один и тот же феномен – тип политического порядка, который идет на смену национальному государству.

В свою очередь А.И. Фурсов, будучи ярким противником неолиберальной глобализации, обращает внимание на активизировавшийся процесс формирования корпораций-государств (КГ), приходящих на смену государству национальному. Согласно мнению ученого, в условиях глобализации национальное государство по своей сути начинает превращаться, а точнее, его начинают превращать в государство иного типа – в корпорацию-государство, которое выражает интересы молодой фракции мирового капиталистического класса – корпоратократии [23]. КГ – это конкретная форма глобально-рыночной государственности, это особая система отношений между людьми, функционирование которой носит исключительно экономический характер и направлено на минимизацию издержек по содержанию национального государства.

Корпорация-государство – совершенно новый для мира модерна административно-экономический комплекс. Его структуры ставят политико-экономические национальные интересы страны в зависимость от экономических аппаратно-ведомственных (корпоративных) или рассматривают первые сквозь призму вторых; приватизируют в своих интересах характерные для государства как национального института властные функции (прежде всего – принуждения и насилия); отказываются от выполнения общей части характерных для государства обязательств и функций или резко сокращают их. Внутренняя сущность КР – клан, а не физический индивид, как в национальном государстве. Клан и корпорации-государства, а также сформированные ими структуры, по мнению ученого, главные претенденты на замещение роли национального государства в мировой политике, в глобальном управлении.

Краткие итоги

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на такую пессимистическую картину, большинство российских исследователей далеки от мысли, что национальное государство окончательно «списано». Мировой кризис продемонстрировал очевидную потребность в

государстве: именно на него были переложены все издержки наиболее важных финансово-промышленных групп. И Россия в этом случае не стала исключением. В сложившихся условиях ответ на вопрос «Есть ли будущее у национального государства?», очевиден: будущее у национального государства есть. Более того, сохранение России как целостности, как цивилизации возможно только в политической рамке национального государства, концепт которого должен

учитывать адекватные российской специфике теоретические наработки.

Сегодня нет недостатка в проектах успешного будущего России. Однако реализовать их возможно только при наличии несокрушимой политической воли. Иными словами, именно государство, опираясь на разработки отечественных ученых, должно стать главным двигателем развития российской государственности.

Список литературы

1. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию. 12 декабря 2012. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17118/work> (дата обращения: 29 апреля 2013).
2. Smith A.D. Nationalism and Modernism. L., N.Y., 1998. 270 p.
3. Tilly Ch. States and Nationalism in Europe 1492-1992 // Theory and Society. 1994. Vol. 23. № 1. P. 131–146.
4. Colomer J.M. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. L., N.Y., 2007. XII, 114 p.
5. Кор Л. Распад государств. М.: КМК, 2007. 262 с.
6. Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. 2008. № 4. С.8–41.
7. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. Режим доступа: http://aleksandr-kommari.narod.ru/hobsbaum_nacii.html (дата обращения: 30 апреля 2013).
8. Линц Х, Степан А. Государственность, национализм и демократия // Полис. 1997. № 5. С. 25–26.
9. Kende P. Quelle Alternative a l'Etat-Nation? // Esprit. 1991. № 10. P.23–30.
10. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
11. Jackson R.H., Rosberg C.G. Why Africa's Weak States Persist: The Empirical and the Juridical in Statehood // World Politics. 1982. Vol. 35. № 1. P. 1–24.
12. Jackson R.H. Quasi-States, Dual Regimes and Neoclassical Theory // International Organization. 1987. Vol. 41. № 4. P. 519–549.
13. Bauman Z. Globalization: Human Consequences. Cambridge, 2000. 786 p.
14. Пономарева Е.Г. Государство-призрак. Косово в мировой системе // Политический класс. 2009. № 1. С. 30–47.
15. Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство-фантом // Свободная мысль. 2009. № 1. С.69–84.
16. Strayer J.R. On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton, New Jersey, 1970. 114 p.
17. Nettl J.P. The State as a Conceptual Variable // World Politics. Princeton, 1968. Vol. 20. № 4. P. 559–592.
18. Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности. Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/study/faculty/politics/ksp/docs/34538/document34545.phtml> (дата обращения: 19 апреля 2013).
19. Tilly Ch. (ed.) The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975. 711 p.
20. Пономарева Е.Г. Внутренние и внешние факторы развития российской государственности // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. М.: Научный эксперт, 2013. С. 132–147.
21. Bobbitt Ph. The Shield of Achilles: War, Peace and the Course of History. L., 2002. XXXVI, 922 p.
22. Ohmae K. The End of Nation-State: the Rise of Regional Economies. L., 1995. 211 p.
23. Фурсов А.И. Государство, оно же корпорация // Эксперт-Украина. 2006. № 7. С. 52–57.

Об авторе

Пономарева Елена Георгиевна – д.полит.н., профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России. E-mail: nastya304@mail.ru

ACTUAL DISCOURSE ABOUT TYPES AND DEVELOPMENT TENDENCIES NATIONAL STATE

E.G. Ponomareva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The processes of globalization have determined significant changes in the prerogatives of nation states. In the twenty-first century the state no longer acts as a sole subject having a monopoly of integrating the interests of large social communities and representing them on the world stage. An ever increasing role in the global political process is played by transnational and supranational participants. However, despite the uncertainty and ambiguity of the ways of the development of the modern world, it can be argued that in the foreseeable future it is the states that will maintain the role of the main actors in world politics and bear the responsibility for global security and development. All this naturally makes urgent the issues related to the search for optimal models of nation state development. The article analyzes approaches to understanding patterns, problems and prospects of the development of this institution existing in modern political science. These include the concept of "dimensionality" based on the parameters of scale (the size of the territory) of the states and their functions in the international systems, as well as the "political order". In the latter case the paper analyzes four models: the nation-state, state-nation, consociation, quasi-state. The author's position consists in the substantiation of the close dependence of the success of a model of the state on its inner nature, i.e. statehood. On the basis of the elaborated approach the author understands statehood as "the result of historical, economic, political and foreign policy activity of a particular society in order to create a relatively rigid political framework that provides spatial, institutional and functional unity, that is, the condition of the society's own state, national political system." Thus statehood acts as a qualitative feature of the state.*

Key words: national state, statehood, nation-state, state-nation, consociation, quasi-state, market-state, region-state, corporation-state.

References

1. The message of the Russian Federation President V.V. Putin to the Federal Assembly. December 12, 2012 Available at: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17118/work>. Accessed April 29, 2013. (in Russ.).
2. Smith A.D. Nationalism and modernism. London, New York, Routledge Publ., 1998. 270 p.
3. Tilly Ch. States and nationalism in Europe 1492-1992. Theory and Society, 1994, vol. 23, no. 1, pp. 131-146.
4. Colomer J.M. Great empires, small nations: The uncertain future of the sovereign state. London, New York, Routledge Publ., 2007. 128 p.
5. Kohr L. The breakdown of nations. London, Routledge and Kegan Paul Publ., 1957. 244 p. (Russ. ed.: Kor L. Raspad gosudarstv. Moscow, KMK Publ., 2007. 262 p.).
6. Il'in M.V. Is a universal typology of states possible? Politicheskaya nauka, 2008, no. 4, pp. 8-41 (in Russ.).
7. Hobsbawm E. Nations and nationalism since 1780. Available at: http://aleksandr-kommari.narod.ru/hobsbaum_nacii.html. Accessed April 30, 2013. (in Russ.).
8. Linz J., Stepan A. Statehood, nationalism and democracy. Polis, 1997, no. 5, pp. 25-26. (in Russ.).
9. Kende P. Quelle alternative a l'Etat-nation? [What is the alternative to the nation-state?]. Esprit, 1991, no.10, pp. 23-30.
10. Wallerstein I. World-system analysis. Durham, NC, Duke Univ. Press Publ., 2004, 109 p. (Russ. ed.: Wallerstein I. Mirosistemnyi analiz. Moscow, Territoria budushchego Publ., 2006. 248 p.).
11. Jackson R.H., Rosberg C.G. Why Africa's weak states persist: The empirical and the juridical in statehood. World Politics, 1982, vol. 35, no 1, pp. 1-24.
12. Jackson R.H. Quasi-states, dual regimes and neoclassical theory. International Organization, 1987, vol. 41, no. 4, pp. 519-549.
13. Bauman Z. Globalization: Human consequences. Cambridge, Polity Press Publ., 2000. 786 p.
14. Ponomareva E.G. A phantom state. Kosovo in the world system. Politicheskii klass, 2009, no. 1, pp. 30-47. (in Russ.).
15. Ponomareva E.G. Bosnia and Herzegovina: A phantom state. Svobodnaia mysl', 2009, no. 1, pp. 69-84 (in Russ.).
16. Strayer J.R. On the medieval origins of the modern state. Princeton, NJ, Princeton Univ. Press Publ., 1970. 114 p.
17. Nettl J.P. The state as a conceptual variable. World Politics, 1968, vol. 20, no. 4, pp. 559-592.
18. Ilyin M.V. Alternative forms of sovereign statehood Available at: <http://www.mgimo.ru/study/faculty/politics/ksp/docs/34538/document34545.phtml>. Accessed April 19, 2013. (in Russ.).
19. Tilly Ch., ed. The formation of national states in Western Europe. Princeton, Princeton Univ. Press Publ., 1975. 711 p.
20. Ponomareva E.G. Internal and external factors of the development of Russian statehood. Rossiiskaia gosudarstvennost': istoricheskie traditsii i vyzovy XXI veka [Russian statehood: Historical traditions and challenges of the 21st century]. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2013. pp. 132-147.
21. Bobbitt Ph. The shield of Achilles: War, peace and the course of history. New York, Alfred A. Knopf Publ., 2002. 922 p.
22. Ohmae K. The end of nation-state: The rise of regional economies. New York, Free Press Publ., 1995. 211 p.
23. Fursov A.I. Corporation-state. Expert-Ukraina, 2006, no. 7, pp. 52-57. (in Russ.).

About the author

Elena G. Ponomareva – the doctor of political sciences, the professor of chair of comparative political science of MGIMO University. E-mail: nastya304@mail.ru

ЙЕМЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА – ПРЕОДОЛЕВАЯ СЕПАРАТИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

А.В. Федорченко

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена исследованию этноконфессиональных проблем современного Йемена. Автор оценивает политическую и экономическую основу сепаратистских тенденций в этой стране. В прогнозной части статьи рассматриваются возможные варианты развития национальных центробежных тенденций. Йеменская Республика выделяется остротой и многообразием внутривнутриполитических, межконфессиональных, клановых проблем, которые пока удастся смягчить, но которые способны в недалеком будущем расколоть страну и привести к созданию на ее территории новых государств. Несмотря на то что смена высшего государственного руководства в Йемене после начала «арабской весны» прошла по более мягкому по сравнению с Ливией или Сирией сценарию, переходный период здесь не увенчался стабилизацией политической и экономической ситуации и началом системных реформ. Наиболее благоприятный вариант развития событий – успешное завершение конференции по Национальному диалогу с участием ведущих политических партий и движений. Это – непростая задача, учитывая негативное отношение к данной идее глубоко вовлеченных в конфликт Мирного движения Юга и Движения аль-Хуси. Сохранение статус-кво – продолжение вооруженных конфликтов, разрастание на территории Йемена базы международного терроризма. Негативный сценарий – территориальный распад страны. В этом случае возможно воссоздание двух государств – Южного Йемена и Северного Йемена, а также выделение в самостоятельное государство приграничных северных районов, примыкающих к Саудовской Аравии. Подавляющее большинство официальных представителей Южного Йемена до последнего времени выступали за его отделение. Децентрализация на основе федеративного государственного устройства. Сепаратистские тенденции набирают силу, но в качестве компромиссного варианта следует рассматривать и создание федеративного государства. Реализация подобного варианта возможна только в результате мирного национального примирения, а также с использованием внешней поддержки.

Ключевые слова: Йемен, этноконфессиональные проблемы, сепаратизм, национальный диалог, «арабская весна», радикальные исламистские организации, политический прогноз.

При всем кажущемся сходстве событий «арабской оттепели», к которой привлечено мировое общественное внимание, для экспертного сообщества очевидна специфика событий в каждой из арабских стран. Йеменская Республика выделяется среди них остротой и многообразием внутривнутриполитических, межконфессиональных, клановых проблем. Их пока удается смягчать, но они способны в недалеком будущем расколоть страну и привести к созданию на ее территории новых государств.

Формирование государственности в южной части Аравийского полуострова началось много веков назад. Эти земли были привлекательны для имущих слоев и простого населения в силу благоприятных климатических условий – неслучайно в римских источниках территория современного Йемена называлась «Arabia Felix», то есть «Счастливая Аравия». Слово «Йемен» – однокоренное с арабским глаголом «ямуна» («быть счастливым, благословенным»). Однако архаичная социальная структура, межплеменные и межконфессиональные противоречия не только препятствовали созданию единого процветающего государства, но и до настоящего времени сохранили и даже приумножили существовавшие в йеменском обществе разломы.

Йеменский имамат (Северный Йемен) завоевал независимость в 1918 г. в результате распада Османской империи. В 1962 г. королевская власть была свергнута и провозглашена Йеменская Арабская Республика. Южный Йемен находился под властью Великобритании до 1967 г., когда была провозглашена Народная Республика Южный Йемен, с 1970 г. – Народная Демократическая Республика Йемен. 22 мая 1990 г. оба Йемена объединились в составе Йеменской Республики. Конституция не дает точного описания самого административного деления страны, а лишь излагает принципы организации административно-территориальных единиц. ЙР – унитарное государство, состоящее из 21 провинции – «мухафазы» (см. приложение).

К началу XXI в. в стране сохранились многие очаги противоречий, существовавшие на протяжении предыдущих столетий:

– во-первых, политическая ситуация определялась наличием архаичных социальных структур. В Йемене существует племенное деление, зачастую играющее большую роль в политической жизни страны, в первую очередь на севере, в Верхнем Йемене. Там действуют племенные конфедерации Хашид, Бакиль и Мадхиж. Общественно-политическая роль племен в южной части ЙР имеет меньшее значение как из-за длительного периода господства Великобритании (в районе Адена их нет вообще), так и из-за большого количества существовавших там эмиратов, султанатов и других форм традиционной государственности. Всего в стране насчитывается несколько сотен племен и племенных конфедераций. Выборные шейхи (главы племен) занимают важные позиции в местной администрации, центральных органах власти и политических партиях. Имели место конференции

племен. В стране поддерживается высокий авторитет центральной власти, хотя она не полностью контролирует районы племен. Отношения между президентом и племенными шейхами строятся на основе традиционных договоренностей. Во время вооруженного конфликта 1994 г. между армиями бывших ЙАР и НДРЙ племена соблюдали нейтралитет, не поддержав ни одну из сторон;

– во-вторых, общество расколото на два слоя – городских жителей (хадар) и членов племен («бадву»). Исторически между ними сложилась особая система отношений, основанная на остром соперничестве и институте посредничества. Более благополучные с экономической точки зрения горожане распоряжались угодьями с искусственными системами орошения. Племена, окружавшие хадар, для восполнения дефицита экономических ресурсов, имевшихся на аридных и гористых площадях, которые были их главной средой обитания, собирали своеобразную политическую ренту с экономически более благополучных горожан. Племена с древних времен соперничали между собой за те районы, в которых располагались города. Для достижения успеха в этой борьбе они объединялись в конфедерации;

– в-третьих, это конфликт между арабским большинством и афроарабами, которые населяют преимущественно западные и южные прибрежные районы. Но в стране нет ни одной политической организации, представляющей интересы этого меньшинства;

– в-четвертых, сохраняется межконфессиональный конфликт. Ислам наряду с племенными традициями определяет общественное устройство страны. 60 % йеменцев – сунниты, проживают в сельской местности на юге страны и в пустыне Тихама. 40 % – шииты, которые составляют большую часть городского населения. В Северном Йемене проживают шииты-зейдиты, а в городах Южного Йемена – шииты-исмаилиты и имамиты. Большинство политической элиты при предыдущем президенте Али Абдалле Салехе исповедовало шиизм зейдитского толка. Вотчиной йеменского зейдизма является провинция Саада. После признания ЙАР в 1970 г. Саудовская Аравия оказала значительное содействие, в том числе финансовое, в распространении ваххабизма в Северном Йемене. Привитое в 1970-х гг. прозелитское исламское течение и реакция на него традиционных исламских элит создали основу для обострения межрелигиозных конфликтов в 2011 г. Во второй половине 1990-х гг. участились случаи похищений, нападений племенных ополчений на транспортные коммуникации и нефтепроводы. Причина – неурегулированность отношений племенных групп с государством. Радикальные исламистские группировки ведут борьбу за превращение Йемена в исламское государство;

– в-пятых, в последние два десятилетия усиливается сепаратизм южной части страны и шиитов на севере. Оба эти движения финансируются Ираном. На севере Йемена в 1994 г. возникла зейдитская группировка аль-Хуси, которая эволюционировала в территориальное вооруженное

формирование, контролирующее удаленную и экономически отсталую гористую провинцию Саада, граничащую с Саудовской Аравией. Хуситы вели боевые действия против правительственных войск и северных племен. В 2004 г. лидер этих повстанцев – зейдитский шейх Хусейн Бадруддин аль-Хуси – был ликвидирован. По мнению властей, он собирался восстановить имамат (провинция Саада была центром йеменского зейдитского государства на протяжении почти 1200 лет). Война правительственных войск, получавших поддержку саудовских и американских военных, против Движения аль-Хуси продолжалась много лет, подпитывая сектантские настроения в других частях страны. Так называемая «Саадская война» унесла тысячи жизней. К началу «арабской весны» почти вся провинция Саада находилась под контролем Абдул-Малика аль-Хуси – брата убитого предводителя зейдитов.

Нарастание протестного движения на территории Южного Йемена началось еще в июле 1994 г., после поражения южан в ходе гражданской войны между армиями Севера и Юга. С образованием в 2007 г. Мирного движения Юга в этой части страны регулярно проходили массовые манифестации с требованиями восстановления независимости Юга в границах НДРЙ. Подавление этих выступлений силами безопасности происходило с большим количеством жертв среди мирного населения. Мирное восстание во время «арабской весны» в феврале–марте 2011 г. ставило главной целью смену президента и высших органов власти, при этом не связывая себя с определенными, в том числе оппозиционными, силами.

Затяжной внутривластный кризис в Йемене частично был преодолен после подписания 23 ноября 2011 г. примирительного соглашения между президентом страны Салехом и оппозицией. Власть перешла к вице-президенту А. Хади. В декабре того же года было создано новое переходное коалиционное правительство национального единства Бассандавы, в котором посты поровну поделили представители находившейся у власти партии «Всеобщий народный конгресс» и оппозиции. Бывший президент Салех покинул страну. 21 февраля 2012 г. в Йемене состоялись досрочные президентские выборы. За неимением других кандидатов свое назначение на посту временного главы государства официально закрепил бывший вице-президент Абд-Раббу Мансур Хади. Выборы ознаменовали завершение эры Али Абдаллы Салеха, который бессменно руководил Йеменом в течение последних 33 лет. Задачей А. Хади, срок полномочий которого истечет через два года, станет создание новой конституции государства и организация свободных выборов.

На йеменскую модель возлагались большие надежды в плане перевода «арабской революции» в мирное русло. Эта модель противопоставлялась ливийскому варианту смены власти через иностранное вмешательство. Однако смена президента в феврале 2012 г. не увенчалась прекращением политического противоборства. Сепаратистские

движения возглавили антиправительственные выступления в двух частях Йемена. На юге страны исламистская группировка «Ансар аш-Шариат», которая, по данным спецслужб США, связана с «Аль-Каидой Аравийского полуострова» (АКАП), по мнению же самих йеменцев, – со спецслужбами президента Салеха, сначала провозгласила исламский эмират в Абьяне, а в марте 2012 г. еще и в другой южной йеменской провинции – Шавбе. Таким образом, началась «эмиратизация» Юга.

С новой силой разгорелся конфликт на Севере. Он перекинулся на провинции Хадджа, Эль-Джауф, Амран, а провинция Саада весной 2012 г. уже год находилась под контролем зейдитского Движения аль-Хуси. В качестве противостоящей зейдитам силы вместо правительственных войск выступили салафитские племена, поддерживающие отношения с радикальным крылом «Братьев-мусульман», а также АКАП. Группировка аль-Хуси насчитывает, по разным оценкам, от 10 тыс. до 100 тыс. членов. Она использует как военные методы борьбы, так и мирные формы протеста. В сентябре 2012 г. члены движения в знак осуждения выхода оскорбительного для мусульман фильма «Невинность мусульман» обклеили столицу г. Сана плакатами, флагами и граффити, осуждающими США, удивив своей активностью суннитских исламистов и западных дипломатов. Получая постоянную поддержку от Ирана, сторонники аль-Хуси способны распространить свое влияние на другие провинции страны. Ситуация осложнялась тем, что лишенный официальных рычагов влияния бывший президент Салех в своем стремлении сохранить политическое и экономическое влияние в стране действует через прирученных исламистов и хуситов. Последним Республиканская гвардия передает оружие из армейских складов.

В ряде районов Йемена наращивает свое присутствие «Аль-Каида» и связанная с ней группировка «Ансар аш-Шариат». «Ансар аш-Шариат» в настоящее время полностью контролирует города Азан и Шаббан в южной провинции Шабва, а также большую часть столицы Абьяна – г. Занджибар. Эти две провинции все отчетливее приобретают черты опорной базы организации в Йемене. При этом «Аль-Каида» ведет боевые действия значительным количеством активистов, что расходится с привычным представлением об этой группировке, чьи боевики большей частью скрываются в труднодоступных горных районах. В контролируемых зонах радикалы взяли на себя функции государства по обеспечению безопасности граждан, предоставлению им медицинского обслуживания, налаживанию работы социальной инфраструктуры. Наряду с этим, они ведут телепередачу и радиовещание пропагандистских программ. Одновременно радикалы смогли организовать сотрудничество с сомалийскими экстремистами и получают от них оружие и боевиков. Области, контролируемые группировкой «Ансар аш-Шариат», очень важны, потому что нефть Йемена и запасы газа находятся большей частью именно в южных провинциях. Исламисты могут использовать это в качестве своего

ресурса в случае усиления давления властей на этот регион.

Таким образом, в Йемене уже сформировалась исламистская дуга, возглавляемая «Аль-Каидой», в которую вошли южные провинции Абьян и Шабва, нефтеносная провинция Мариб на востоке страны и провинция Аль-Джауф на Севере. Следующий возможный шаг – провозглашение единого исламского эмирата на юге Йемена. Сторонники «Аль-Каиды» нашли прибежище во многих районах Йемена. Их цель – установление халифата – далека от интересов местных племенных образований. К оппозиционным исламистским организациям относятся также: Йеменское объединение в защиту реформ «Ислах», относящееся к системной оппозиции, которое выступает за усиление исламизации; радикальные исламистские группировки – «Исламская армия Адена и Абьяна», «Джама'а исламийа», ратующие за превращение Йемена в теократическое государство. Подобные организации создаются прежде всего суннитами, хотя существуют и зейдитские салафитские группы (например, «Аш-Шабаб аль-Муаминин» – «Православная молодежь», созданная погибшим шейхом аль-Хуси).

Наиболее серьезный конфликт в современном Йемене связан с деятельностью радикальных исламистских организаций («Аль-Каида», «Братья-мусульмане», «Джамаа исламийа», «Исламский джихад», «Исламская армия Адена и Абьяна» и др.), часть которых прямо или косвенно содействуют дезинтеграции страны. Подобные организации создаются суннитами, в том числе ваххабитами, проживающими в Йемене и принадлежащими к наименее обеспеченным слоям населения, особенно на юге страны.

Сепаратизм в современном Йемене имеет вполне определенную экономическую составляющую. Северяне, бывший президент Салех и его окружение, во время более чем трех десятилетий нахождения у власти приобрели на территории страны реальные хозяйственные интересы, владея производственными активами и недвижимостью. После гражданской войны 1994 г. клан Салеха и функционеры поддержавшей его тогда партии «Ислах» (в первую очередь братья Ахмары) приватизировали обширную недвижимость, область добычи углеводородов (нефтедобывающая инфраструктура в Хадрамауте) и отрасль мобильной связи на юге страны. Все это не устраивает основные массы южнойеменского населения, в том числе военных (около 300 тыс. человек), которых вопреки обещаниям не включили в вооруженные силы объединенной страны.

Не стоит забывать, что на Арабском Востоке служба в армии является выгодной сферой этой своего рода экономической активности, а офицерский состав зачастую контролирует весомую часть национальной экономики.

Так, до сих пор не завершилось реформирование йеменской армии, в ходе которого идет борьба за посты в Западном и Северном военных округах. Президент Хади вступил в конфликт с

южанам – с Али Насером Мухаммедом и со своим братом Салехом Мохсеном аль-Ахмаром. Последний стремится контролировать и Западный округ с многомиллионным теневым оборотом (через него идет контрабанда оружия, незаконная иммиграция африканцев, в том числе сомалийских проституток, в Саудовскую Аравию), и Северный округ, через который проходят основные каналы поставок товаров и финансовых ресурсов из КСА практически всем шейхам местных йеменских племен.

Сепаратизм южных провинций, помимо прочего, связан с находящимися здесь основными нефтяными и газовыми месторождениями, делиться доходами от которых южане не склонны. Очевидно, что лояльность йеменских племен, по сути, становится предметом их торга с йеменскими властями, аравийскими монархиями и Ираном. Еще при Салехе имелся специальный список вождей йеменских племен, которым саудовцы ежемесячно переводили денежные средства. Здесь существует своя иерархия. На первом месте остается Садык аль-Ахмар, который является ключевой фигурой по распределению пожертвований среди племен группы Хашид. Таким образом, Эр-Рияд покупает лояльность племен на своем Юге и сохраняет некий буфер для повстанцев-хуситов. Последние находятся в непримиримых отношениях с кланом Ахмар, в силу того что считают себя родственниками последнего имама Йемена, который был свергнут в 1962 г. при прямом участии Ахмаров. По приказу имама был убит дед нынешних фактических руководителей партии «Ислах» – Хамида, Садыка и Хусейна аль-Ахмаров, так что противостояние между двумя этими племенными группами носит очень затяжной характер, несмотря на общую конфессиональную принадлежность.

Хуситы получают весьма значительную финансовую помощь из Ирана, что позволяет им делать серьезные инвестиции в недвижимость и земельные участки. Возможно, и саудовцы покупают свое спокойствие с помощью денежных переводов повстанцам. Говоря о новых людях в саудовском «списке пожертвований», необходимо отметить тот факт, что в нем появились фигуры из племенной группы Бакиль (в частности, шейх Ваеф), которые традиционно конфликтовали с Хашид и поддерживали социалистов в Южном Йемене. В финансировании йеменской оппозиции участвует и Катар. Доха начала это делать еще во время правления Салеха, до того как Эр-Рияд приступил к поддержке оппозиционных сил. В результате Хамид аль-Ахмар согласился на выплату ему содержания от катарцев, которое он получает до сих пор. То же самое в разной степени делают и остальные члены оппозиционного блока, кроме социалистов, которые категорически отказались от иностранной помощи. «Ислах» (а вернее – клан Ахмаров) разделил финансовые потоки следующим образом: Хамид – катарцы, Садык и Хусейн – саудовцы. Напомним, что южане и хуситы получают пожертвования от иранцев. Нацеленность на государственное отделение Юга противоречит

стремлению КСА проложить через эти территории трубопровод для экспорта своей нефти, минуя потенциально опасный Ормузский пролив.

Очевидно, что наиболее благоприятный вариант развития событий – созыв конференции по Национальному диалогу (которая была намечена еще на 15 ноября 2012 г., а затем перенесена на март 2013 г.) с участием ведущих политических партий и движений. Это была непростая задача, учитывая негативное отношение к данной идее глубоко вовлеченных в конфликт Мирного движения Юга и Движения аль-Хуси. В ходе подготовки к началу диалога хуситы дали согласие на участие в этом форуме, а южные сепаратисты в качестве альтернативы предложили провести конференцию по вопросу реставрации независимости Южного Йемена. В конце марта 2013 г. конференция наконец начала свою работу. На ней были представлены интересы большинства партий и движений.

Существуют два очевидных узла, которые предполагается развязать в рамках этого диалога. Это проблема автономии Юга и Севера и создание некой новой модели государственного устройства на принципах широкой автономии регионов. В повестке дня общенациональной конференции стоят также обсуждение конституционной реформы, возрождения йеменской экономики, реформирования государственной службы, судебной системы и местного самоуправления. Естественно, что решить эти проблемы можно только при условии присутствия всех заинтересованных сторон, но в работе конференции не принимают участие представители южнойеменских «харакат», которые выступают за предоставление Югу независимости. Еще одной проблемой при проведении национального диалога является стремление ряда его участников обеспечить узкие интересы своих движений. Так, партия «Ислах» и Али Мохсен аль-Ахмар, действуя фактически сообща, стараются всяческими путями сохранить свое влияние в стране, вернее, добиться по итогам конференции таких результатов, которые гарантировали бы им сохранение такого влияния. Это прежде всего контроль над основными финансовыми потоками и силовыми структурами.

Учитывая остроту имеющихся противоречий между участниками конференции, завершить ее работу предполагалось только через шесть месяцев. В перспективе будет весьма непросто обеспечить хрупкое равновесие между имеющимися договоренностями и дестабилизирующими факторами:

- к последним относится внешнее противоречивое влияние КСА и Ирана, международных экстремистских организаций исламистского толка. США и КСА, формально выступая в качестве спонсоров политического урегулирования, продолжают оказывать содействие противоборствующим сторонам. В том же направлении действует Иран, поддерживающий сепаратистские движения;

- задачи национального примирения, сохранения территориальной целостности, формирования органов государственной власти и урегулирования отношений с соседями придется решать в условиях серьезного дефицита финансо-

во-экономических ресурсов. Экономика страны находится в плачевном состоянии. Основным источником доходов Йемена является нефть. Она дает 96% поступлений от экспорта. Ее изначально небольшие запасы истощаются. Официально признанный уровень безработицы составляет 35%. В арабском мире более бедными, чем Йемен, являются лишь Судан и Мавритания. По данным ежегодного доклада ООН по развитию, национальный доход страны на душу населения составлял в 2010 г. 2387 долл. США по паритету покупательной способности; ожидаемая продолжительность жизни граждан – 63,9 г., средняя продолжительность обучения – 2,5 г. По индексу человеческого развития Йемен занимал 133-е место в списке из 169 стран мира. Хронический дефицит торгового баланса уравнивается валютными переводами йеменцев, работающих за рубежом, финансовой помощью США, стран ССАГПЗ, кредитами международных финансовых учреждений и коммерческих банков;

- борьба за ограниченные ресурсы вполне может подорвать усилия властей по нормализации политической обстановки. Следует заметить, что внешнюю помощь получают в основном исламисты, сепаратисты и представители силовых структур, в то время как демократическая часть йеменской оппозиции вынуждена опираться только на свои собственные, весьма ограниченные ресурсы.

Сохранение статус-кво в то же время означает продолжение вооруженных конфликтов, разрастание на территории Йемена базы международного терроризма. Негативный сценарий – территориальный распад страны. В этом случае возможно воссоздание двух государств – Южного Йемена и Северного Йемена, а также выделение в самостоятельное государство приграничных северных районов, примыкающих к КСА. Подавляющее большинство официальных представителей Южного Йемена выступают за его отделение. Воссоздание в той или иной форме шиитского государства придаст импульс обострению суннитско-шиитских противоречий не только в Йемене, но и в КСА, в том числе в приграничных с Йеменом районах. В отличие от шиитов Восточной провинции Саудовской Аравии – двенадцатников, или иснаашаритов – коренное население Наджрана (приграничная с Северным Йеменом саудовская провинция) в основном принадлежит к особой ветви «крайних» шиитов – так называемым «умеренным» исмаилитам – мусталитам. В настоящее время саудовские и йеменские мусталиты входят в единое исмаилитское сообщество «Сулеймани Бохра» (Sulaimani Bohra), которое имеет своих приверженцев также в Индии и Пакистане.

Децентрализация на основе федеративного государственного устройства.

Сепаратистские тенденции набирают силу, но в качестве компромиссного варианта следует рассматривать и создание федеративного государства. Реализация подобного варианта воз-

■ Политология

можно только в результате мирного или навязанного силой, а также с использованием внешней поддержки национального примирения. Аравийские монархии, очевидно, в конечном итоге согласятся с вариантом создания федерации Южного и Северного Йемена. О возможности такой развязки свидетельствует то, что часть фракций Южного движения выступает за автономию Юга, выдвигая при этом следующие условия:

- восстановление в должности всего военного и гражданского персонала, отстраненного в результате гражданской войны 1994 г.;
- возвращение конфискованного имущества и денежных средств;
- возвращение земель, утраченных фермерами после объединения Йемена;
- освобождение всех заключенных, арестованных во время последних восстаний;
- принесение официальных извинений южанам.

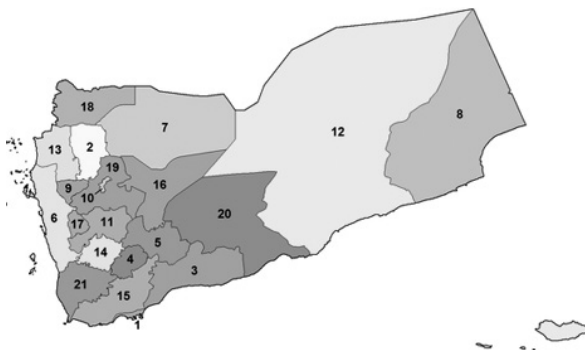
Против сепаратизма на Юге выступает исламистская партия «Ислах» и, как это ни странно, Йеменская социалистическая партия, которая в то же время поддерживает стремление южан к справедливому перераспределению экономических активов и нефтяных доходов. В прекращении дальнейшей дестабилизации Йеменской Республики и начале национального диалога помимо государственного руководства страны заинтересовано большинство стран ССАГПЗ, международные организации, в первую очередь Совет Безопасности ООН. Свой вклад в миротворческий процесс может внести Иран, прекратив поддержку северных и южных сепаратистов в Йемене, хотя в ближайшем будущем это маловероятно, учитывая ирано-саудовское противостояние. И все же шансы на национальное примирение есть. В случае успеха Национального диалога можно было бы подавить очаги терроризма на йеменской территории, завершить государственное строительство, начать возрождение находящейся в состоянии глубокого кризиса экономики. Однако ко време-

ни написания данного материала выступления сепаратистов, их столкновения с силами безопасности продолжались.

Россия поддерживает стремление йеменского руководства к сохранению территориальной целостности страны. Во время переговоров в Москве в начале апреля 2013 г. между президентом России В.В. Путиным и йеменским президентом А. аль-Хади российская сторона дала положительную оценку началу национального диалога в Йемене, заявила о своей готовности поддержать народ этого государства в трудный для него переходный период.

Приложение

Современное административное деление Йемена на мухафазы	
Бывший Северный Йемен	Бывший Южный Йемен
2. Амран 4. Эль-Дали 5. Эль-Бейда 6. Ходейда 7. Эль-Джауф 9. Махвит 10. Столичная мухафаза 11. Дамар 13. Хадджа 14. Ибб 16. Мариб 17. Райма 18. Саада 19. Сана 21. Таиз	1. Аден 3. Абьян 8. Эль-Махра 12. Хадрамаут 15. Лакхдж 20. Шабва

Список литературы

1. Игошина Ж. Йемен: время для национального диалога. <http://www.ru.journal-neo.com/node/119603>
2. Нечитайло Д.А. «Аль-Каида» и переходный период в Йемене. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/22-03-12c.htm>
3. Политические системы современных государств. Энциклопедический справочник. Том 2. Азия. Аванта Пресс. М., 2012. 587 с.
4. Рябов П.П. Йемен: напряжение между Севером и Югом нарастает. <http://www.iimes.ru/?p=16618#more-16618>
5. Рябов П.П. Йемен: первые проблемы конференции Национального диалога. <http://www.iimes.ru/?p=17168#more-17168>
6. Рябов П.П. О развитии ситуации в Йемене. <http://www.iimes.ru/?p=15815>
7. Серебров С.Н. Йемен // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Институт востоковедения РАН. М., 2012. 591 с.
8. Human Development Report 2010. Statistical Annex. Table 1. UNDP. N.Y., 2010. 227 p.

Об авторе

Федорченко Андрей Васильевич – окончил с отличием МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор, директор Центра ближневосточных исследований ИМИ МГИМО(У) МИД России. Научные интересы: социально-экономическое развитие ближневосточных стран, система международных отношений на Ближнем Востоке, российская внешняя политика в Западной Азии. Автор более 200 научных работ, в том числе 10 книг. Научные труды А.В. Федорченко опубликованы в российских журналах, в научных изданиях США, Японии, Венгрии, арабских стран и Израиля. E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru

REPUBLIC OF YEMEN: OVERCOMING SEPARATIST TRENDS

A.V. Fedorchenko

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with ethnic and religious problems of modern Yemen. Based on the analysis of the main barriers between Yemeni societies, the author assesses the political and economic basis of separatist tendencies in the country. In the prospective part of the article the author examines the possible development of disintegration tendencies in the country. The Republic of Yemen is noted for severity and variety of domestic political, sectarian, clan challenges that still manages to soften, but are capable to split the country and lead to the establishment on its territory of the new states in the near future. Despite the fact that the change in top state leadership in Yemen after the "Arab Spring" was held on the softer model compared with Libya or Syria scenario, the transition period is not crowned with the stabilization of the political and economic situation and the onset of systemic reform. The most favorable scenario - the successful completion of a conference on National dialogue involving the main political parties and movements. This is not an easy task, given the negative attitude to this idea of the South Peace Movement and the Movement of al-Husi who are deeply involved in the conflict. Maintaining the status quo - the continuation of the armed conflict in Yemen and growth of base for international terrorism. The negative scenario - the territorial disintegration of the country. In this case, the possible are establishment of two states - South Yemen and North Yemen, as well as creation of an independent state in northern border areas adjacent to Saudi Arabia. The vast majority of the southern Yemeni officials until recently argued for its separation. Decentralization on the basis of the federal state. Separatist tendencies are gaining strength, but as a compromise the creation of a federal state should be considered. The implementation of this option is only possible as a result of peaceful national reconciliation, as well as with external support.*

Keywords: Yemen, ethno-religious problems, separatism, national dialogue, the "Arab Spring", radical Islamic movements, political forecast.

References

1. Igoshina Zh. Yemen: Time for national dialogue. Available at: <http://www.ru.journal-neo.com/node/119603>. Accessed June 12, 2013. (in Russ.).
2. Nechitailo D.A. "Al-Qaeda" and transition period in Yemen. Available at: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/22-03-12c.htm>. Accessed May 05, 2012. (in Russ.).
3. Politicheskie sistemy sovremennykh gosudarstv. Entsiklopedicheskii spravochnik. Tom 2. Aziia [Political systems of modern states. Encyclopedic directory. Vol. 2. Asia]. Moscow, Avanta Press Publ., 2012. 587 p.
4. Riabov P.P. Yemen: Tension between the North and the South increases. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=16618#more-16618>. Accessed April 17, 2013. (in Russ.).
5. Riabov P.P. Yemen: First problems of the National Dialogue Conference. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=17168#more-17168>. Accessed June 03, 2013. (in Russ.).
6. Riabov P.P. On situation development in Yemen. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=15815>. Accessed March 14, 2013. (in Russ.).
7. Serebrov S.N. Yemen. Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiia: chto dal'she? [Middle East, Arab awakening and Russia: What next?]. Moscow, RAS Inst. of Oriental Studies Publ., 2012.
8. Human Development Report 2010. Statistical Annex. Table 1. New York, UNDP, 2010. 227 p.

About the author

Andrey V. Fedorchenko – graduated with honors from the Moscow State University. Doctor of economic sciences, professor. Director, Center for Middle Eastern Studies, MGIMO. Scientific interests: social and economic development of the Middle Eastern countries, system of international relations in the Middle East and foreign policy of Russia in Western Asia. Prof. Fedorchenko is an author of more than 200 scientific publications, including 10 books. His scientific works of are published in Russian journals as well as scientific editions of the USA, Japan, Hungary, Arab countries and Israel. E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru

КОРРУПЦИЯ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

В.А. Суханов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматриваются политические последствия коррупции в органах государственной власти. Автор анализирует зарубежный и отечественный опыт борьбы с коррупцией. На рубеже XX-XXI веков усиливается внимание международного сообщества к проблеме коррупции в органах власти национальных государств, в борьбе с ней все большее участие начинают принимать межгосударственные ведомства и транснациональные акторы. В статье отражен процесс становления коррупции в органах власти глобальной проблемой современности, доказываемая необходимость более тесного международного сотрудничества для достижения успеха в борьбе с ней. Гарантацией принятия и последовательного претворения в жизнь комплексных антикоррупционных программ является наличие политической воли у руководства государств для принятия непростых ответственных решений при успешном функционировании институтов гражданского общества. Также внимание уделяется методике определения уровня коррупции в государстве. Автор предлагает комплекс мер, осуществление которых позволит повысить эффективность борьбы с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, органы государственной власти, международное сотрудничество, политическая коррупция, государственное управление, глобальные проблемы современности, антикоррупционная политика.

Феномен коррупции существует с древнейших времен. Об этом свидетельствует сама этимология слова «коррупция». Это понятие столь же многогранно и неоднозначно, как и обозначенное им явление. Популярной в отечественной науке является версия, согласно которой «коррупция» произошла от латинского *corruptio*, что означало «порча, подкуп» [4, с.5]. Но существует и другая точка зрения, представляемая отечественным исследователем Мишиным Г.К.: «Вопреки утверждениям большинства пишущих по этим вопросам авторов, латинский термин *corruptio* происходит от двух корневых слов *cor* (сердце; душа, дух, рассудок) и *ruptum* (портить, разрушать, развращать). Поэтому суть коррупции не в подкупе, продажности публичных и иных служащих, а в нарушении единства (дезинтеграции, разложении, распаде) того или иного объекта, в том числе органов государственной власти» [8, с. 264].

Самым пагубным и опасным видом коррупции является коррупция в органах государственной власти (или политическая коррупция). Безусловно, «политическая коррупция» является более широким понятием, нежели «коррупция в органах государственной власти». В данной статье предлагается считать эти термины равнозначными, основываясь на смежности семантических компонентов. Она наиболее разрушительна по своему воздействию на общество, непосредственно или опосредованно влияет на каждого гражданина страны. Именно ей будет посвящено данное исследование. В настоящее время в политической науке существует несколько определений коррупции. На мой взгляд, наиболее актуальным может считаться определение, предлагаемое отечественными юристами: «Коррупция – это преступная деятельность в сфере политики или государственного управления, заключающаяся в использовании должностными лицами доверенных им прав и властных возможностей в целях личного обогащения» [14, с. 125].

В той или иной степени коррупция свойственна всем странам современного мира, независимо от их политического устройства или уровня экономического развития. Коррупция всегда рассматривалась как явление внутригосударственное, для каждой страны как «проблема своего Отечества». Но к концу XX в. вместе с глобализацией мировых политических процессов коррупция становится международным явлением; проблемой, для решения которой требуется консолидированная позиция мирового сообщества. Подтверждение этому можно найти в преамбуле Конвенции против коррупции ООН: «Коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран, что обуславливает исключительно важное значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней» [7].

Тем не менее вопрос, является ли борьба с коррупцией в органах власти компетенци-

ей исключительно национального государства или международное сообщество должно взять на себя часть ответственности и более активно противодействовать данному виду коррупции, остается открытым. Приблизиться к ответу на него помогает рассмотрение политических последствий коррупции в органах власти; анализ зарубежного опыта и мер, принимаемых международным сообществом для противодействия этому явлению, а также выявление тех действий, которые позволяют сделать борьбу с коррупцией более эффективной.

Как уже говорилось выше, не существует государства, которое никогда бы за свою историю не сталкивалось с коррупцией в органах власти. Вместе с тем для одних стран задача борьбы с коррупцией является крайне актуальной, в то время как для других сам факт укоренившейся во властных структурах коррупции (впрочем, как и ее проявления в других сферах общественной жизни) не считается чем-то вопиющим или подлежащим табуированию; в одних государствах коррупция парализует проводящиеся реформы и замедляет развитие, в других – случаи коррупции в органах власти настолько редки, что шокируют общество и правоохранительные органы. Другими словами, не только уровень коррупции, но и отношение к ней дифференцируется в зависимости от обычаев, традиций, уровня экономического развития, наличия политических свобод в государстве и множества других условий.

Но столь ли пагубна коррупция, если она так давно существует, а в некоторых странах закрепились в общественном сознании как должное и является не переменным атрибутом государственной власти? Существует несколько теорий положительного влияния коррупции на экономическое и политическое развитие общества. Большая часть из них представлена в рамках функционального подхода к изучению коррупции, основоположником которого некоторые исследователи считают М. Вебера. В работе «Политика как призвание и профессия» он сформулировал вывод о функциональности и приемлемости коррупции при условии, что она усиливает позицию элит, гарантирующих ускорение происходящих в обществе изменений [3]. Хотелось бы отметить, что на определенных этапах развития коррупция может быть функционально необходимой (так считал Р. Мертон и ряд других исследователей), тем не менее в долгосрочной перспективе влияние коррупции на жизнь общества негативное. Однако, как и любая другая научная позиция, эта точка зрения, безусловно, нуждается в обосновании.

Нельзя сказать, что на данный момент коррупцию в органах власти можно поставить в один ряд с такими глобальными проблемами человечества, как неравенство Севера и Юга, международный терроризм и др. Данная проблема носит несколько иной характер. Для ее понимания очень важна характеристика коррупции, данная бывшим Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном: «Коррупция – это коварная болезнь,

которая имеет разрушительное воздействие на разные сферы жизни общества. Она подрывает демократические принципы и верховенство закона, приводит к нарушениям прав человека, наносит ущерб экономике, снижает качество жизни, а также позволяет организованной преступности, терроризму и другим угрозам безопасности человечества процветать» [20]. Иначе говоря, коррупция – это питательная среда для многих глобальных проблем современности, своеобразный барьер, который мешает эффективно их решать.

Как отмечалось выше, коррупция в органах власти затрагивает все сферы общественной жизни. Экономические последствия коррупции в государстве (в том числе нарушение работы рыночных механизмов, неэффективное распределение средств государственного бюджета, их расхищение и др.) неразрывно связаны с последствиями социальными (усиление социального неравенства, неуважение правовой культуры и др.). Но более подробно необходимо остановиться на политических последствиях коррупции. При высоком уровне коррупции власть теряет доверие общественности, что приводит к политической нестабильности и невозможности без поддержки населения осуществления запланированных программ. В некоторых случаях тотальная коррупция приводит к восстаниям и революциям. Так, некоторые исследователи связывают события «арабской весны» 2011 г. с высокой коррумпированностью правящих режимов в странах, где она свершилась. В частности, А.К. Пушкин задается вопросом: «Что повергло в прах такие, казалось бы, прочные и стабильные режимы, как правление Мубарака в Египте и бен Али в Тунисе?.. Их повергло в прах беспредельное возмущение части народа, который устал от тотальной коррупции верхов и уже не был готов терпеть ее» [11].

Коррупция подрывает доверие у всех акторов, взаимодействующих на международной арене, – престиж страны с коррумпированной политической элитой стремительно падает, государства отказываются строить равноправные и взаимовыгодные отношения, а международные финансовые организации – инвестировать средства в экономику такой страны. Коррупция в органах власти создает плацдарм для политического давления (включающего и экономические санкции) со стороны тех, кого не устраивает данный режим, что впоследствии может приводить к военным конфликтам, «гуманитарным интервенциям», революциям, созданию предпосылок для развязывания гражданской войны.

В современном мире коррупция тесно связана с организованной преступностью и международным терроризмом. К тому же коррупция в органах власти способствует развитию теневой экономики. К примеру, международная наркоторговля представляет собой, безусловно, очень опасную для жизни мирового сообщества угрозу, борьба с которой сопряжена со многими сложностями. Однако зачастую именно коррупционные схемы, в которых участвуют чиновники и пред-

ставители власти, позволяют стабилизировать и расширять наркотрафик, оставляя его в неприкосновенности.

Следствием теневой экономики является недополучение средств государственным бюджетом. Экономическое развитие замедляется, становится невозможной реализация национальных проектов. Эти процессы наряду с укоренившейся коррупцией в органах государственной власти приводят или могут потенциально приводить:

- к регрессу в политической жизни;
- к несменяемости политической элиты;
- к организации управления государством по семейному и(или) клановому типу (непотизм), для чего приходится использовать «силовые» методы;
- к появлению вероятности свертывания демократических институтов и «скатывания» к диктатуре.

Как считал известный политолог Р. Даль, чрезмерная концентрация и централизация власти является тормозом для развития демократии. То же самое можно сказать и про борьбу с коррупцией – максимальное сосредоточение политических и экономических ресурсов в одном центре автоматически повышает вероятность возникновения коррупционных практик в органах власти. Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о взаимосвязи политического режима и уровня коррупции в государстве.

Коррупция, а также обвинения в коррупции являются инструментом политической борьбы во время предвыборных кампаний, они используются для дискредитации как представителей власти, так и оппозиционных деятелей. Другими словами, борьба с коррупцией носит не только характер средства по самосохранению общества, но и является частью политического заказа, осуществляемого в интересах борьбы за власть.

Учитывая приведенные аргументы, встает вопрос: почему же еще не все государства встали на путь активного противодействия всеразрушающей коррупции? Ответ на него пытаются дать Д. Бэйли, Н. Лефф и другие сторонники институционального подхода к изучению коррупции. Они признают, что «коррупция является естественным феноменом, проявляющимся в переходные периоды развития общества при смене норм его функционирования и отсутствия консенсуса в нем, а также своеобразным посредником, объединяющим нарождающиеся привилегированные и отверженные слои изменяющегося общества» [13, с. 23]. Таким образом, в рамках данного подхода выдвигается идея, согласно которой в большинстве стран с переходной экономикой коррупция является средством осуществления власти. Учитывая исторический опыт и современные данные международных организаций, измеряющих уровень коррупции, можно утверждать, что проблема коррупции в органах власти существовала и существует как в странах с развитой экономикой, так и в развивающихся странах. Подобный тезис позволяет нам сделать вывод о том, что корруп-

ция является действительно глобальной проблемой современности.

Громкие коррупционные скандалы, вспыхивающие с постоянно увеличивающейся регулярностью с начала 90-х гг. XX в., подкрепляют убежденность мирового сообщества в необходимости проведения согласованной антикоррупционной политики. С этого времени начинает формироваться единый мировой стандарт противодействия коррупции под воздействием как государственных, так и негосударственных акторов. На период конца XX – начала XXI в. приходится создание первых фундаментальных международных документов по борьбе с коррупцией. Если подойти к данной проблеме с юридической точки зрения, в течение двух последних десятилетий идет процесс перерастания национального антикоррупционного законодательства в глобальный международно-правовой институт, чему посвящена часть диссертационной работы М.С. Качелина «Международно-правовые аспекты борьбы с коррупцией» [6].

Каждое государство имеет свое отношение к вопросу борьбы с коррупцией в органах власти, самостоятельно принимает меры, которыми руководствуется в этой борьбе. Например, в США одно из главных условий сдерживания коррупции – отсутствие иммунитетов у должностных лиц. Любой чиновник, от конгрессмена и до президента, может быть привлечен к уголовной ответственности. Примечательным является принятие в 1946 г. Конгрессом США закона о регулировании лоббистской деятельности. Он стал инструментом, позволившим значительно снизить уровень коррупции в органах американской государственной власти.

В Великобритании процедура отмены принятого закона, который на практике оказался коррупциогенным, крайне проста и удобна. Вкупе с качественной антикоррупционной экспертизой, включающей в себя оценку регулирующего воздействия, эти меры позволяют контролировать и пресекать внедрение коррупционных практик на законодательном уровне.

Коррупция в итальянских органах власти к началу 90-х гг. XX в. настолько укоренилась, что по инициативе прокуратуры благодаря политической воле руководства Италии было принято беспрецедентное решение провести антикоррупционную операцию под названием «Чистые руки». Результатом стали арест почти 1,5 тыс. бизнесменов и крупных чиновников и укрепление веры общественности в неотвратимость наказания за коррупционные деяния.

Гонконг и Сингапур создали специальные антикоррупционные органы (Независимая комиссия по борьбе с коррупцией и Бюро по расследованию коррупционной деятельности соответственно). Они обладают политической и функциональной самостоятельностью, не позволяют вмешиваться в ход расследования способным повлиять на него политическим силам. Эффективность данной меры подчеркивает известный исследователь политической коррупции С. Роуз-Аккерман: «Поскольку работники прокуратуры не всегда стремятся

связываться в большинстве своем с политизированными коррупционными делами, требуется создание специального независимого антикоррупционного органа, подчиняющегося непосредственно главе исполнительной власти или парламенту» [12, с. 211].

На примере антикоррупционных стратегий США, стран Европы и Восточной Азии можно сделать вывод, что полностью коррупцию не искоренило ни одно государство, но серьезно снизить ее уровень возможно. Тем не менее далеко не всем странам удастся проводить успешную антикоррупционную политику. Одни государства (например, Китай) делают упор на репрессивные меры в борьбе с политической коррупцией, которые пока дают скромные результаты. Другие (в частности, Грузия) побеждают коррупцию на бытовом уровне, тогда как политическая коррупция остается практически нетронутой.

Экономики, политические системы и сами общества большинства государств страдают от коррупционных механизмов, проникших во все сферы жизни общества. Обеспокоенность мирового сообщества таким положением дел привела к выработке важнейших международных документов, среди которых Конвенция совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (1999 г.), Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.), Конвенция ООН против коррупции (2003 г.) и др.

Хотелось бы отметить, что на рубеже XX–XXI вв. в борьбе с коррупцией в органах власти национальных государств все большее участие стали принимать межгосударственные ведомства и транснациональные акторы. «В 1997 г. на ежегодном совещании Международного валютного фонда и Всемирного банка в центре внимания стоял вопрос о коррупции. После этого совещания был распространен документ под названием "Поможем странам победить коррупцию". Глобальная антикоррупционная кампания стала одним из направлений реформирования Всемирного банка. МВФ и Всемирный банк включили в условия предоставления займов принцип прозрачности. В 1997 г. МВФ заморозил кредит Кении в размере 227 млн долл. из-за сомнений в возможности проконтролировать расходование этих средств» [1, с. 59]. Наряду с Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), подписавшей в 1999 г. Конвенцию по борьбе с коррупцией, МВФ и ВБ стали мощнейшими экономическими инструментами международного сотрудничества по борьбе с коррупцией. Не придавать должного значения феномену коррупции, уровень которой по оценкам экспертов к 1997 г. составлял 1 трлн долл., больше не представлялось возможным.

В 1999 г. по инициативе Совета Европы была создана Группа государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) – международная организация, целью которой является усовершенствование качества борьбы с коррупцией на национальном уровне в странах-участницах. С коррупцией борется большинство транснациональных корпораций. Поло-

жение о борьбе с коррупцией содержится в «кодексах чести» данных компаний. В некоторых странах существуют законы, запрещающие корпорациям участвовать в коррупционной коммерческой деятельности (например, закон о внешней коррупции США).

Однако исследователи часто ставят под сомнение абсолютную прозрачность и полное отсутствие поддавшихся соблазну коррупции корпораций. По этому вопросу существуют и абсолютно противоположные мнения («за долгие годы в Америке создан достаточно эффективный механизм продвижения своих национальных интересов, в том числе используя коррупционные механизмы для отбора и подготовки национальных кадров, которые затем продвигаются во властные структуры, в том числе и на самые высокие должности» [1, с. 48]).

Нельзя не отметить роль неправительственных организаций в борьбе с коррупцией. Особое место здесь занимает Transparency International (TI). Основанная в 1993 г., эта международная организация занимается в первую очередь исследованием уровня коррупции в разных странах уже почти 20 лет. Одним из главных достижений TI является создание индекса восприятия коррупции. Несмотря на сомнения, которые имеются у ряда исследователей относительно точности подсчета при составлении рейтинга стран по уровню восприятия коррупции, в целом в большинстве случаев полученные данные отражают общую коррупционную картину той или иной страны.

С каждым годом все большее количество государств и их политических лидеров осознает необходимость борьбы с коррупцией, каким бы сложным и болезненным не казалось принятие этого политического решения. Российская Федерация начала активно участвовать в международном сотрудничестве по борьбе с коррупцией после 2000 г., когда было принято решение о присоединении к ряду международных соглашений. Так, в 2003 г. Россия подписала, а в 2006 г. ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции, кроме ее 20-й статьи (незаконное обогащение). В феврале 2007 г. Россия вступила в ГРЕКО. В ходе Большой пресс-конференции в 2008 г. Президент РФ В.В. Путин заявил, что «мы должны все это {ряд антикоррупционных европейских соглашений и документов ООН} инкорпорировать в наше внутреннее законодательство» [10]. В мае того же года был утвержден Национальный план противодействия коррупции, а в декабре – принят закон о противодействии коррупции. В декабре 2012 г. был принят закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Как ожидается, в частности в связи со вступлением в ВТО, в ближайшее время будут предприняты новые шаги по борьбе с коррупцией в органах власти, подразумевающие под собой высокий уровень международного сотрудничества для решения поставленных задач.

Международное сотрудничество по борьбе с коррупцией необходимо для повышения эффек-

тивности мероприятий, проводимых в рамках данной борьбы. Но как понять, в какой стране уровень коррупции предельно высок, а где ее проявления крайне редки? Как измерить уровень коррупции в органах власти? Зачастую при ответе на этот вопрос используется индекс восприятия коррупции, введенный TI. Он составляется при участии независимых экспертов по международным финансам и экспертов-правозащитников. Но у этого подхода есть два серьезных изъяна:

- во-первых, абсолютно независимых экспертов, как известно, не бывает, что влияет на объективность оценок;

- во-вторых, в связи с возрастающей популярностью Transparency International индекс восприятия коррупции все больше влияет на само восприятие. Создается ситуация, описанная в работе «Коррупция и государство: причины, следствия и реформы»: «Когда каждый считает, что все погрязло в коррупции, то разве что святой удержится от дачи взяток» [12, с. 250]. Общественное мнение становится толерантным к коррупции – сначала на бытовом уровне, а затем и к политической коррупции.

Кроме индекса восприятия коррупции существует множество показателей коррупции в органах власти. Так, исследователи Кауфман, Край и Зойдо-Лобатон проводили серию международных опросов (при участии Всемирного банка, International Country Risk Guide и др.). Участники опросов были разделены на две группы: бизнесмены и рядовые граждане страны и группа экспертов. Преимуществами индекса ККЗ (аббревиатура по первым буквам фамилий исследователей – Кауфман, Край, Зойдо-Лобатон) являются широкий охват стран, в которых проводились опросы, и разнообразие источников, использованных при них. Одним из недостатков данного метода – слишком широкий спектр вопросов, а также их неоднородность при разных опросах [17].

Самые разнообразные индикаторы коррупции (то, по чему можно определить уровень коррупции в государстве) рассматриваются в статье «Политические институты и коррупция: роль унитарного государственно-территориального устройства и парламентаризма» [16]: ВВП на душу населения; ограничения на движение капитала; негативное влияние на инвестиции и т.д. Молодые исследователи признают, что основная проблема измерения уровня коррупции в стране или регионе заключается в количестве показателей, по которым она измеряется.

Безусловно, для повышения эффективности международного сотрудничества по борьбе с коррупцией в органах власти необходимо установить более точные критерии определения уровня коррупции, чем те, что мы имеем сегодня. Для этого предлагается осуществить ряд следующих действий:

- проанализировать причины возникновения и распространения коррупции в конкретной стране, проследить исторический путь данного феномена в конкретных условиях;

– определить, что является максимально допустимым уровнем коррупции и везде ли он будет одинаков;

– изучить имеющийся национальный успешный опыт борьбы с коррупцией, также рассмотреть неудачи государств на этом поприще;

– исследовать международные документы, направленные на борьбу с коррупцией, оценить их эффективность на данный момент;

– сопоставить пункты «3» и «4» для того, чтобы рассмотреть возможность применения опыта стран, наиболее преуспевших в борьбе с коррупцией, и создания международных норм, которые можно будет имплементировать в страны с высоким уровнем коррупции (учитывая их специфику);

– создать антикоррупционные программы, сочетающие в себе «кнул и пряник»:

а) от демократизации всех сфер жизни, экономических и политических свобод, от создания активной гражданской позиции у населения и, как следствие, формирования гражданского общества, ведения профилактической и разъяснительной работы о вреде и недопустимости коррупции;

б) до ужесточения отбора кадров на должности государственной службы, неотвратимости наказания за совершенное преступление и т.д.;

– повысить качество антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, внедрить на федеральном и региональном уровнях государственного управления систему оценивающего воздействия законопроектов.

Конечно же, это лишь общий план мер, которые могут помочь международному сообществу повысить эффективность борьбы с коррупцией

в органах власти. Но и они могут быть претворены в жизнь только при осознании политическим руководством необходимости принятия и последовательного осуществления комплексной антикоррупционной программы, а также при наличии политической воли для принятия непростых ответственных решений. Очевидно, что проблема коррупции в органах государственной власти тесно связана с эффективностью управления. Для повышения эффективности необходим двойной контроль политических решений – «сверху» и «снизу». Для первого вида контроля необходима развитая система сдержек и противовесов в государственном управлении, для второго – развитое гражданское общество.

В разных странах борьба с коррупцией в органах власти проводится по-разному. Разнятся не только методы борьбы и средства, выделяемые на нее, отличается и степень участия в международном сотрудничестве по противодействию коррупции. Несмотря на возникающие сложности в реализации антикоррупционных программ, лидеры подавляющего большинства государств признают необходимость международного сотрудничества и готовы в нем участвовать. В послании по случаю Международного дня борьбы с коррупцией от 9 декабря 2012 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отметил: «Коррупция – это не неизбежное явление. Правительства должны принять меры, а граждане – их поддержать» [9]. Задача решения данной проблемы является приоритетной в ближайшем будущем как для ученых-теоретиков, так и для практикующих политиков.

Список литературы

1. Андрианов В. Д. Коррупция как глобальная проблема современности // Общество и экономика. 2008. № 3–4.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
3. Волженкин Б. В. Коррупция. – СПб.: изд-во СПб. юрид. ин-т (ф) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 1998.
4. Качелин М. С. Международно-правовые аспекты борьбы с коррупцией. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М., 2010.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml.
6. Мишин Г. К. О теоретической разработке проблемы коррупции // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы / Под ред. В. В. Лунеева. М., 2001.
7. Послание по случаю Международного дня борьбы с коррупцией. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sg/messages/2012/corruption.shtml>.
8. Путин о коррупции. Режим доступа: http://www.stopcorruption.ru/item_432.htm
9. Пушков А. К. Коррупция как проблема года: когда последствия непредсказуемы. Режим доступа: http://maxpark.com/user/469778048/content/1747160?utm_campaign=mostinteresting&utm_source=newsletter.
10. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство: причины, следствия, реформы. М.: Фонд ИНДЕМ, 2003.
11. Токарев Б. Б. Социально-философское осмысление феномена коррупции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М.: МГУ, 2011.
12. Юридическая энциклопедия. М., 2003.
13. Gerring J., Thacker S. C. Political institutions and corruption: The role of unitarism and parliamentarism // British Journal of Political Science. 2004. Vol. 34, no. 2. pp. 295-330.
14. Kaufmann D., Kraay A. and Zoido-Lobaton P. Aggregating Governance Indicators. The World Bank, 1999.
15. Secretary-General's statement on the adoption by the General Assembly of the United Nations Convention against Corruption. Режим доступа: <http://www.un.org/sg/statements/?nid=602>

Об авторе

Суханов Владислав Анатольевич – аспирант кафедры мировых политических процессов, МГИМО(У) МИД России. E-mail: sukhanowlad@rambler.ru

CORRUPTION IN GOVERNMENT AS A GLOBAL PROBLEM

V.A. Sukhanov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article focuses on the political consequences of corruption in government. The author analyzes the foreign and domestic experience in the fight against corruption. At the turn of the twenty-first century the problem of corruption in the government of national states is attracting continuous international attention with the increasing role of interstate agencies and transnational actors in the struggle against it. The article discusses government corruption in the making as a global contemporary problem, proves the need for closer international cooperation to succeed in fighting against it. Political will of state's leadership and successful functioning of the civil society institutions guarantee the adoption and consistent implementation of comprehensive anti-corruption programs. Special attention is paid to the method of determining the level of corruption in state. The author proposes a set of measures, which will improve the effectiveness of the fight against corruption.*

Keywords: corruption, government, international cooperation, political corruption, governance, global problems, anti-corruption policy.

References

1. Andrianov V.D. Corruption as a global challenge of contemporaneity. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy], 2008, no. 3-4, pp. 45-69. (in Russ.).
2. Veber M. Politics as a vocation. Veber M. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990.
3. Volzhenkin B.V. *Korrupsiia* [Corruption]. St. Petersburg, SPb Law Inst. Publ., 1998. 44 p.
4. Kachelin M.S. International legal aspects of the fight against corruption. Cand. legal sci. diss. Moscow, PFUR Publ., 2010. 167 p. (in Russ.).
5. The United Nations Convention against Corruption. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml.
6. Mishin G.K. On the theoretical elaboration of the problem of corruption. Luneev V.V., ed. *Korrupsiia: politicheskie, ekonomicheskie, organizatsionnye i pravovye problemy* [Corruption: Political, economic, organizational and legal problems]. Moscow, Iurist Publ., 2001, pp. 263-271.
7. Message on the occasion of the International Anti-Corruption Day. Available at: <http://www.un.org/ru/sg/messages/2012/corruption.shtml>. (in Russ.).
8. Putin about corruption. Available at: http://www.stopcorruption.ru/item_432.htm. (in Russ.).
9. Pushkov A.K. Corruption as the problem of the year: When consequences are unpredictable. Available at: http://maxpark.com/user/469778048/content/1747160?utm_campaign=mostinteresting&utm_source=newsletter. (in Russ.).
10. Rouz-Ackerman S. Corruption and Government: Causes, consequences and reform. Cambridge, CUP Publ., 1999. 282 p. (Russ. ed.: Rouz-Akkerman S. *Korrupsiia i gosudarstvo: prichiny, sledstviia, reformy*. Moscow, Logos Publ., 2003. 356 p.).
11. Tokarev B.B. Socio-philosophical understanding of the phenomenon of corruption. Cand. philos. sci. diss. Moscow, MSU Publ., 2011. 193 p.
12. *Iuridicheskaia entsiklopediia* [Legal encyclopedia]. Moscow, Iurist Publ., 2003. 1272 p.
13. Gerring J., Thacker S.C. Political institutions and corruption: The role of unitarism and parliamentarism. *British Journal of Political Science*, 2004, vol. 34, no. 2, pp. 295-330. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0007123404000067>.
14. Kaufmann D., Kraay A., Zoido-Lobaton P. Aggregating Governance Indicators. Washington, DC, The World Bank, 1999. (World Bank Policy Research Working Paper 2195).
15. Secretary-General's statement on the adoption by the General Assembly of the United Nations Convention against Corruption. Available at: <http://www.un.org/sg/statements/?nid=602>

About the author

Vladislav A. Sukhanov – Post-graduate student, Department of world political processes, Moscow State Institute of International Relations. E-mail: sukhanowlad@rambler.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

К.В.Трачук

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В основе данной статьи – попытка проанализировать теоретическую основу современных исследований энергетической безопасности в контексте изучения международных отношений и внешней политики. Ключевое влияние на научные работы по данной проблематике оказали две ведущие теоретические школы – неореализм и неолиберализм. Приверженцы неореалистических трактовок утверждают, что определяющими в энергетической сфере остаются взаимоотношения отдельных государств, интересы которых зачастую противоположны, что приводит к росту напряженности, вооруженным конфликтам и наращиванию военной мощи. В отличие от неолибералов, неореалисты не считают глобальные рыночные механизмы основным фактором стабильности. Неолибералы в свою очередь настаивают на ключевой роли международного сотрудничества и институтов и считают, что именно глобальные рынки энергоносителей должны обеспечить мирное взаимодействие всех групп игроков. Несмотря на разногласия между сторонниками неореалистических и неолиберальных трактовок, многие российские и зарубежные авторы успешно сочетают в своих работах элементы обоих подходов. Подтверждением тому служат исследования таких ведущих специалистов по энергетической безопасности, как Д.Ергин, Дж.Станислау, Э.Корин, Г.Луфт. Кроме того, авторы современных научных работ все чаще обращаются к теории конструктивизма, дополняющей и расширяющей «классические» трактовки различных аспектов энергетической безопасности.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, международная безопасность, энергетическая дипломатия, неореализм, неолиберализм, конструктивизм, ресурсный национализм.

Проблемы энергетической безопасности – одно из важнейших и чрезвычайно актуальных направлений исследований современных международных отношений и внешней политики. В целом в международном научном сообществе сложились признанные подходы к трактовке как собственно энергетической безопасности, так и сопутствующих понятий, основных факторов энергетической безопасности, ключевых проблем и угроз в этой сфере. Однако с точки зрения теории международных отношений и внешней политики исследования, посвященные энергетической безопасности, представляются далеко не однородными по своей сути. Это касается прежде всего предлагаемых подходов к решению проблем энергетической безопасности, основанных на различном понимании ключевых процессов международных отношений. По ряду вопросов дискуссия между исследователями приобретает почти полемический характер, отражая классический спор между сторонниками неореализма и неолиберализма. Особый взгляд на проблемы энергетической безопасности присущ и приверженцам конструктивистских подходов, отводящим ключевую роль дискурсу, идеям и представлениям.

Прежде чем перейти к анализу этих теоретических направлений, необходимо в качестве отправной точки дать наиболее общее определение понятия «энергетическая безопасность». Под энергетической безопасностью понимают обеспеченность государства энергетическими ресурсами, необходимыми для функционирования экономики и удовлетворения потребностей населения, и наличие условий для эффективного и выгодного торгового обмена этими ресурсами на международном рынке [1,2]. Таким образом, энергетическая безопасность рассматривается прежде всего с точки зрения отдельных государств и трактуется как ключевая составляющая национальной безопасности. Очевидно, что для разных групп стран, в зависимости от их обеспеченности энергетическими ресурсами («страны-потребители», «страны-экспортеры», «транзитные страны»), энергетическая безопасность приобретает различные измерения. В качестве основных факторов энергетической безопасности, актуальных для большинства стран мира, выделяют: диверсификацию поставок, безопасность транзита, наличие необходимых резервов, качественную и своевременную информацию, безопасность инфраструктуры, стабильно функционирующие международные рынки, повышение энергоэффективности, обеспечение стабильного потока инвестиций, научно-технологический прогресс, защиту окружающей среды.

Современные исследования энергетической безопасности – часть более общих теорий международной безопасности. Ключевую роль в трактовках международной безопасности играет неореализм, основанный на представлении о международных отношениях как о сфере хаоса, в которой нет верховной власти, что вынуждает государства – ключевых игроков на мировой арене – наращивать военную мощь [4,5]. Как отмечает Р. Дандрейтер,

во время холодной войны неореализм, ключевые постулаты которого находили подтверждение в реалиях биполярного противостояния, доминировал в трактовке вопросов международной безопасности [7, с.21]. Однако неореализм подвергался критике, и прежде всего со стороны приверженцев неолиберализма. Последние подчеркивали роль международного сотрудничества и многосторонних институтов, глобальное влияние которых стало еще более ощутимым после распада СССР и окончания холодной войны. В целом спор между неореалистами и сторонниками неолиберализма, получивший в западной практике название «нео-нео» («нео-нео»), со временем стал менее актуальным. Все большей популярностью стали пользоваться теории социального конструктивизма (social constructivism), которые отражали роль идей и представлений в проблематике безопасности. Проблемы безопасности получили освещение и в рамках теории исторической социологии (historic sociology), рассматривающей истоки формирования государства и его роль как центра взаимодействия различных социальных сил. Кроме того, развитие получили такие направления, как человеческая безопасность (human security), критическая безопасность (critical security) и другие теоретические построения.

В настоящее время все вышеперечисленные подходы не столько сосуществуют, сколько дополняют друг друга. Причем нередко исследователи прибегают к сочетанию элементов различных теоретических трактовок, что позволяет представить более полный анализ одного и того же явления.

Каким же образом эти теоретические концепции отражаются на исследовании проблем энергетической безопасности? Анализ широкого круга работ западных и российских исследователей позволяет сделать вывод о значительном влиянии теории неореализма. Исследователи, придерживающиеся неореалистических подходов, отводят ключевую роль в международных энергетических отношениях интересам государств, стремящихся обеспечить максимальный доступ к энергоресурсам, или (в случае стран-экспортеров) максимально выгодные условия реализации своих энергоресурсов на мировых рынках. В условиях жесткой конкуренции, считают сторонники неореализма, между государствами неизбежны конфликты, которые, если и не приобретают характер открытого противостояния, ведут к наращиванию военной мощи.

Неслучайно одна из важнейших тем работ неореалистического толка – военные аспекты энергетической безопасности. Так, по мнению Д. Морана и Д. Рассела, интерес для исследователя представляют прежде всего структурные изменения в области безопасности, связанные с энергетическими интересами. Авторы считают, что риск глобального военного столкновения в настоящее время минимален, несмотря на продолжающиеся вооруженные конфликты локального характера. Тем не менее именно борьба за доступ к энерго-

ресурсам остается наиболее вероятной причиной эскалации насилия [8].

Эту точку зрения разделяет другой ведущий исследователь проблем энергобезопасности – М. Клэр. Он считает, что высокая зависимость мировой экономики от нефти и газа неразрывно связана с риском роста насилия, что может выражаться как в локальных конфликтах, так и в региональном, а потенциально – даже и глобальном противостоянии. На локальном уровне военные аспекты энергетической безопасности, считает исследователь, можно проследить на примере борьбы за ренту, получаемую от экспорта энергоресурсов, внутри добывающих стран. Как отмечает М.Клэр, проблема контроля над энергоресурсами может быть предпосылкой и для террористической деятельности [10].

Потенциально наиболее опасными могут быть конфликты, связанные с интересами крупнейших импортеров энергоресурсов, прежде всего США и Китая, считает М.Клэр. Исследователь детально анализирует энергетические аспекты военной стратегии США, основой которой, по его мнению, во многом остается «доктрина Картера», заключающая во всесторонней защите стран Персидского залива (а в дальнейшем и других ключевых регионов) от угроз, способных нанести вред энергетической безопасности США. Стратегию усиления военного присутствия в богатых энергоресурсами странах и регионах в настоящее время реализует и Китай, установивший тесные военные связи с таким странами, как Судан и Нигерия. Таким образом, на Африканском континенте, считает М.Клэр, существует риск столкновения интересов США и Китая, что потенциально может привести к военному конфликту.

Подтверждение основного постулата неореализма о доминировании интересов национальных игроков исследователи находят в проявлениях так называемого «ресурсного национализма». Под «ресурсным национализмом» в большинстве случаев понимают усиление государственного контроля над природными ресурсами, прежде всего в добывающих странах, что усиливает их международные позиции и дает возможность продвигать свои интересы на мировой арене. На практике усиление государственного контроля означает увеличение доли государства в капитале добывающих компаний, а также ограничение на иностранные инвестиции в энергетической сфере, нередко сопровождающиеся пересмотром уже существующих договоров. В качестве примеров стран, руководство которых проводит политику «ресурсного национализма», чаще всего приводят Россию и Венесуэлу. Само по себе стремление государства распоряжаться национальными природными ресурсами, отмечают эксперты, абсолютно естественно. Тем не менее, с точки зрения стран-потребителей энергоресурсов, осложнения для всех участников рынка могут возникнуть из-за возможности использования энергетических рычагов давления в политических целях. Кроме того, эксперты указывают на риск снижения инвестиций в развитие бизнеса контролируемых

государством компаний, значительная часть доходов которых направляется на финансирование социальных программ [11].

С «ресурсным национализмом» связано другое явление, характерное для глобального энергетического рынка, а именно существенный рост влияния на мировой арене государственных энергетических компаний. Если в 1978 г. международные компании с преобладанием частного капитала контролировали 70% нефтегазовых запасов, то теперь их доля сократилась до 20%. Более двух третей доказанных традиционных запасов контролируют государственные компании. Это явление, которое в своей статье газета Financial Times обозначила как появление новых «Семи сестер» (в том числе Saudi Aramco (Саудовская Аравия), Газпром (Россия), CNPC (Китай), PDVSA (Венесуэла) и др.), в корне меняет взаимоотношения государств и частных игроков, обостряя борьбу за энергоресурсы [19].

Многие тезисы неореалистов встречаются критике, и прежде всего со стороны исследователей, придерживающихся неолиберальных подходов. Согласно неолибералам, отношения между игроками энергетического рынка не должны рассматриваться как «игра с «нулевой суммой», в которой достижение энергетической безопасности одной стороны означает соответствующее ослабление другой или других. Как считают А.Голдтау и Я.М.Витте [12], анализ в духе неореализма, основанный на центральной роли государств, не учитывает ключевой роли международных рынков энергоносителей. По их мнению, именно рыночные силы в последние несколько десятков лет определяли тенденции в области энергетической политики во многом под влиянием реформ, которые отвечали требованиям как стран-потребителей, так и поставщиков энергоресурсов. Примером тому может служить постепенное становление и развитие глобального рынка нефти, который начал складываться после нефтяного шока 1973 г. и обрел современные черты с развитием спотовых рынков и рынков специализированных ценных бумаг (в первую очередь нефтяных фьючерсов).

По мнению сторонников неолиберальной теории, существование глобального свободного рынка, на котором продаются и покупаются значительные объемы нефти, сводит к минимуму возможность использования «нефтяного оружия» за счет применения эмбарго на поставки нефти, а также не дает возможность каким-либо игрокам в полной мере контролировать механизм ценообразования. Таким образом, международные рынки энергоресурсов, в первую очередь глобальный рынок нефти, делают возможным мирное сотрудничество как стран-экспортеров, так и стран-импортеров. Ключевая задача в области обеспечения энергобезопасности, по мнению А.Голдтау и Я.М.Витте, заключается в дальнейшем развитии либеральных рынков энергоносителей, корректировке возможных отклонений на этих рынках и установлении глобальных стандартов.

Отметим, что тезис неолибералов о роли глобальных рынков не встречает понимания у

сторонников неореализма. По их мнению, существование мировых рынков энергоресурсов само по себе не способно гарантировать стабильность системы международных отношений и энергетическую безопасность. В частности, Д. Моран считает, что заинтересованность стран-поставщиков и стран-импортеров в торговле энергоресурсами недостаточна для обеспечения международной безопасности, так как существуют и другие факторы, определяющие политику стран в области торговли энергоресурсами. Кроме того, по его мнению, экономические санкции нельзя рассматривать как «мирное» оружие, так как использование торговли в стратегических целях означает, что рынки не могут быть источником мира и стабильности [8].

Еще одна ключевая особенность исследований неолиберального толка – особое внимание к роли институтов, под которыми понимаются формальные и неформальные структуры, устанавливающие правила взаимодействия (правила игры). При этом институты могут выполнять различные функции: дополнять и корректировать рыночные механизмы, служить платформой для обмена мнениями и информацией, устанавливать правила и стандарты и т.п. Примерами могут служить Международное энергетическое агентство, Международный энергетический форум, Договор к Энергетической хартии (ДЭХ).

Важнейший постулат неолиберальной теории – заинтересованность в сотрудничестве стран-импортеров и стран-экспортеров энергоресурсов. Так, А. Брессан, анализируя перспективы взаимодействия стран-экспортеров и стран-импортеров [13], выделяет две парадоксальными образом сочетающиеся тенденции: с одной стороны, усиление роли либеральных рынков и многосторонних институтов, а с другой – возросшую роль правительств в энергетической сфере. В этой связи исследователь рассматривает два возможных варианта развития событий: глобальное рыночное регулирование, основанное на полном включении энергетики в механизмы ВТО, а также присоединении Китая и Индии к МЭА, или же продолжение диалога поставщиков и потребителей, основанного на признании движущей роли правительств. В обоих случаях ключевыми проблемами взаимодействия являются следующие: защита от непредвиденных перебоев с поставками энергоносителей; стимулирование долгосрочных инвестиций; снижение энергопотребления и решение проблемы истощения запасов нефти и газа в долгосрочной перспективе.

Глобальный рынок энергоносителей служит своеобразной гарантией против рисков вооруженных конфликтов, считают представители неолиберальной школы. Так, К. Дж. Феттвейс утверждает, что перспектива военного противостояния в борьбе за энергоресурсы маловероятна прежде всего из-за того, что глобальная торговля энергоносителями отвечает интересам и поставщиков энергоресурсов, и стран-импортеров. Любые возможные осложнения для торговли энергоносителями, которые могут возникнуть из-за военного конфликта,

представляют угрозу для всех участников рынка. Кроме того, уже сама по себе высокая стоимость вооруженных операций не оправдывает цель захвата месторождений: купить нефть проще и дешевле, считает исследователь. По его мнению, низкая вероятность «войн за ресурсы» обусловлена еще и общей тенденцией снижения числа и интенсивности военных конфликтов в современном мире [14].

Таким образом, в современных исследованиях проблем энергетической безопасности продолжается спор между неореалистами и неолибералами. Неореалисты утверждают, что определяющими для энергетической безопасности остаются взаимоотношения государств, преследующих зачастую противоположные интересы. В отличие от неолибералов, они не считают глобальные рыночные механизмы основным фактором стабильности. В свою очередь исследователи, использующие неолиберальные подходы, настаивают на ключевой роли международного сотрудничества и институтов. Именно глобальные рынки энергоносителей, по их мнению, должны обеспечить мирное взаимодействие всех групп игроков.

«Третьей стороной» этого спора являются сторонники теории конструктивизма, которая все чаще используется для анализа проблем энергетической безопасности. Ключевым отличием конструктивизма от неореализма и неолиберализма, которые считают реальность объективной и рационально обоснованной, является представление о социальной обусловленности политических процессов. В частности, интересы акторов воспринимаются не как объективная данность, а как представления, получившие обоснование в определенный момент времени под влиянием определенных факторов. В рамках конструктивизма проблематика безопасности, в частности, получила осмысление в рамках концепции «секьюритизации» (securitization), разработанной так называемой Копенгагенской школой, ведущими представителями которой считаются Б. Бузан и О. Вевер [15]. «Секьюритизация» предполагает, что политика в области безопасности основывается на определенном дискурсе, то есть обосновании чего-либо в качестве угрозы, что дает властям (или другим уполномоченным акторам) право принимать соответствующие меры для защиты общества. В рамках данного подхода анализ проблем энергетической безопасности основывается на изучении представлений и идей, которые ведут к формированию той или иной политики, и их взаимосвязи.

К примеру, немецкая исследовательница К. Курзе анализирует процесс секьюритизации проблем энергетической безопасности в ходе европейской интеграции. Автор, в частности, утверждает, что дискурс относительно возможности применения Россией «энергетического оружия» придал новый импульс наднациональному измерению ЕС, так как, учитывая новую ситуацию на энергетических рынках, страны-члены ЕС осознали недостаточную эффективность межправительственных механизмов сотрудничества в энергетической области [16].

М. Зеленский использует концепцию секьюритизации для анализа политики стран Балтийского региона к проекту газопровода Nordstream. По мнению исследователя, в результате секьюритизации ситуации вокруг строительства газопровода со стороны Швеции, Польши, Эстонии, Литвы и других стран, резко критически относившихся к проекту, на Балтике начал складываться «новый региональный комплекс безопасности» [17].

Отдельно можно упомянуть и о трактовке проблем энергетической безопасности в рамках исследований школы международной политики. Так, ведущая представительница этой школы Сьюзен Стрэндж [18] относит энергетику к «вторичным структурам силы» (secondary power structures), которые играют ключевую роль в обеспечении четырех первичных структур: безопасности (security), финансов (finance), производства (production) и знания (knowledge). По мнению С. Стрэндж, изучение энергетической сферы требует выработки нового, комбинированного подхода, в котором в полной мере учитывается влияние политических факторов на энергетические рынки и, наоборот, влияние этих рынков на политику.

Именно сочетание различных теоретических концепций и их элементов характерно для большинства современных исследований. Многие авторы признают как роль государственных игроков и конфликтный потенциал соперничества за доступ к энергоресурсам, что в большей степени характерно для неореализма, так и роль международных институтов и глобальных рынков. Нельзя также отрицать и значение идей и представлений, оказывающих большое влияние на восприятие проблем энергетической безопасности и нередко становящихся основой для принятия политических решений. Так, Энн Корин и Гал Луфт, основатели американского Института анализа глобальной безопасности (Institute for the Analysis of Global Security), в своих работах используют многие элементы неореалистической концепции, однако не отрицают роли международного сотрудничества в энергетической сфере. По их мнению, изучение проблем энергетической безопасности требует многодисциплинарного подхода, объединяющего экономические, геополитические и технологические сферы [9].

Объединение элементов неореалистического и неолиберального подходов характерно и для одного из ведущих американских и мировых специалистов по энергетической безопасности – Дэниэла Ергина. Д.Ергин считает, что центральную роль в области глобальной энергетической безопасности в настоящее время играет вся цепочка поставок – от поставщиков до потребителей [19]. Он выделяет десять принципов энергетической безопасности, которые играют важную роль для всех игроков: диверсификация, запас прочности (security margin), качественная и своевременная информация, сотрудничество между странами-поставщиками и странами-потребителями, расширение системы МЭА путем включения Китая и Индии, стабильность инфраструктуры и всей цепи поставок, хо-

рошо функционирующие рынки, энергоэффективность (в том числе для снижения экологического вреда), обеспечение потока инвестиций, развитие новых технологий.

Отдельные элементы как неореалистического, так и неолиберального подходов можно найти и в работах одного из основателей исследовательского центра Cambridge Energy Research Associates Дж.А. Станислау. Так, он пишет о сложных взаимоотношениях между поставщиками и потребителями энергоресурсов, однако подчеркивает, что и те, и другие заинтересованы в налаживании сотрудничества, основанного на взаимозависимости. Ключевым аспектом развития энергетической сферы он считает разработку и внедрение новых технологий, в чем заинтересованы и потребители, и поставщики, а также построение системы контроля над выбросами углекислого газа для минимизации экологического вреда [11].

Испанская исследовательница А. Мане-Эстрада полагает, что анализ энергетических отношений на основе неореализма, противопоставляющего интересы поставщиков и потребителей, или же неолиберальной теории, основанной на роли институтов, не отвечает современным реалиям. Наиболее перспективным, с ее точки зрения, представляется третий путь, в некотором роде объединяющий оба подхода, но и привносящий новые черты: анализ взаимодействия государственных и частных игроков, вовлеченных в различные группы интересов и альянсы [20].

Сочетание элементов различных теоретических школ характерно и для многих российских исследователей. В частности, С.З. Жизнин, анализируя проблемы становления и развития российской энергетической дипломатии, пишет о ключевой роли международных институтов, необходимости развития двустороннего и многостороннего сотрудничества, а также роли глобальных рынков, что в полной мере отражает неолиберальный подход. Тем не менее, рассматривая задачи и проблемы энергетической дипломатии, С.З. Жизнин также уделяет внимание многим аспектам, близким сторонникам неореализма: необходимости государственной поддержки российских энергетических компаний, обеспечению стабильных каналов экспорта энергоносителей, «вовлечению в топливно-энергетический баланс России углеводородных ресурсов центральноазиатских стран СНГ» [3].

Элементы неореалистического и отчасти неолиберальных подходов использует в своих работах Н.В.Миронов. В частности, он придает ключевое значение военным аспектам международной энергетической безопасности, отмечая потенциальную опасность военного конфликта в связи с высокой зависимостью ряда стран и регионов от импорта энергоносителей. При этом Н.В.Миронов отмечает, что даже «американская концепция, рекомендуемая опору на «рыночные силы» и дерегулирование экономики, не исключает возможность использования военной силы в случае возникновения какой-либо угрозы своему энергоснабжению» [1]. Тем не менее исследова-

тель уделяет внимание и роли международных институтов, в частности Международного энергетического агентства (МЭА) и ОПЕК, а также транснациональных корпораций. Н.В.Миронов считает, что все участники данных структур заинтересованы в поддержании стабильности на рынках нефти и газа, однако, как правило, стремятся достичь энергетической безопасности в одностороннем порядке или же группами, игнорируя фактор глобальной взаимозависимости.

Ю.В.Боровский также использует в своих работах подходы различных теоретических школ. В частности, рассматривая энергетическую безопасность в первую очередь как неотъемлемую часть национальной безопасности, он также уделяет особое внимание ее глобальному измерению, объединяющему всех участников рынка. Применительно к энергетической безопасности России Ю.В.Боровский считает ключевой политику России в рамках многосторонних энергетических институтов, что отвечает неолиберальным представлениям. Од-

нако не менее важными, по его мнению, являются такие вопросы, как диверсификация экспортных маршрутов, переход к рыночным расчетам за энергоносители со странами СНГ, взаимоотношения с транзитными странами [2].

Таким образом, определяющими для современных исследований энергетической безопасности являются прежде всего неореалистические и неолиберальные теоретические подходы, конкуренцию которым составляет лишь сравнительно небольшое число исследований на основе теории конструктивизма. При этом спор между неореалистами и неолибералами, в целом носящий достаточно условный характер, не исключает возможности параллельного использования элементов обоих подходов, что характерно для широкого круга современных научных работ. Именно сочетание различных теоретических построений представляется наиболее перспективным для всестороннего анализа национальных и глобальных аспектов энергетической безопасности.

Список литературы

1. Миронов Н.В. Международная энергетическая безопасность. Учебное пособие. М., 2003. 165 с.
2. Боровский Ю.В. Мировая система энергоснабжения. М., 2008. 296 с.
3. Жизнин С. З. Энергетическая дипломатия России. Электронный журнал «Экологические системы». Апрель 2007. URL : http://esco-ecosys.narod.ru/2007_4/art40.htm. (дата обращения: 12.05.2013).
4. Waltz, K. N. Theory of International Politics, 1979. 251 p.
5. Aron R. Paix et guerre entre les nations, 1962. 794 p.
6. Kalicki J.H., Goldwyn D. Energy and Security. Toward a new foreign policy strategy. Woodrow Wilson Center Press, Washington, D.C., 2005. 585 p.
7. Dandreuther R. International Security: The Contemporary Agenda. Polity Press, 2007. 250 p.
8. Moran D., Russell J. Energy Security and Global Politics. The militarization of resource management. Routledge, 2009. 245 p.
9. Korin A., Luft G. Energy Security Challenges for the 21st Century: A Reference Handbook, Praeger Publishers, 2009. 372 p.
10. Clare M. There will be blood: Political Violence, Regional Warfare, and the Risk of Great-Power Conflict over Contested Energy Resources. // Korin A., Luft G. Opus cit, p.44-66.
11. Stanislaw J. A. Resource nationalism, the global scramble for energy, and the need for mutual interdependence, Deloitte Center for Energy Solutions, 2009. Available at: www.deloitte.com/view/en_US/us/Industries/power-utilities/d55d1ec6f6001210VgnVCM100000ba42f00aRCRD.htm (Accessed May 29, 2013).
12. Goldthau A., Witte J. M. Global Energy Governance: The New Rules of the Game. Brookings Institution, 2009. 361 p.
13. Bressand A. The future of Producer-Consumer Cooperation: A Policy Perspective.// Goldthau A., Witte J. M.
14. Fettweis C. J. No Blood for Oil: Why Resource Wars Are Obsolete// Korin A., Luft G. Opus cit.
15. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security, Cambridge University Press. 2003.
16. Kurze K. The Changing Discourse of Energy Security. A new impetus for energy policy integration in the European Union? Transatlantic Research Papers in European Studies (TraPES). No. 2. Available at: www.jmce.uni-osnabrueck.de (Accessed May 25, 2013).

17. Zelensky M. Changing the Energy Security Balance in the Baltic Sea Region: Building Regional Energy Security Complex and Community. Nord Stream Gas Pipeline Study. University of Tampere, CBU Programme, International Relations, Master's Thesis, October 2009. Available at: <http://tutkielmat.uta.fi/pdf/gradu04082.pdf> (Accessed May 23, 2013).
18. Strange S. States and Markets. 2nd Revised edition, Continuum International Publishing Group Ltd., 2004. 280 p.
19. Yergin D. The Fundamentals of Energy Security, Testimony. Hearing on "Foreign Policy and National Security Implications of Oil Dependence", Committee on Foreign Affairs US House of Representatives, March 22, 2007.
20. Mañé-Estrada A. Sécurité énergétique en Méditerranée occidentale : nouveaux facteurs, nouvelles politiques. Un regard espagnol. Note de l'Ifri. Octobre 2008. Available at : <http://www.ifri.org/files/Energie/NoteEstrada.pdf> (Accessed May 30, 2013).
21. Hoyos C. The new Seven Sisters: oil and gas giants dwarf western rivals. Financial Times, 12 March 2007. Available at : <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/471ae1b8-d001-11db-94cb-000b5df10621.html#axzz2TRC7ewU8> (Accessed May 20, 2013).

Об авторе

Ксения Витальевна Трачук – соискатель кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД РФ. E-mail: ksanatr@inbox.ru

CONTEMPORARY ENERGY SECURITY STUDIES: THEORETICAL ASPECTS

K.V. Trachuk

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article represents an attempt to analyze the contemporary theoretical framework of energy security research as part of international relations and foreign policy studies. Neorealism and neoliberalism are the key theoretical schools having the strongest impact on energy security research. Authors inspired by the neorealist approach, including J. Russell, D. Moran and M. Clare, insist on the role of individual state actors that seek to maximize their energy supply or their position as an energy exporter. The key areas of study of the neorealist school include military aspects of energy security and resource nationalism. The neoliberal framework, represented by such scholars as A. Goldthau and J.M. Witte, focuses on the role of institutions, international cooperation and liberal markets. Unlike neorealists, neoliberals believe that global energy markets provide the necessary conditions for the peaceful cooperation of all players. Constructivist approaches represent an interesting alternative to the "neo-neo" debate, but still remain marginal. Although proponents of neorealist and neoliberal frameworks disagree on several key points, a large number of scholars, both in Russia and abroad, prefer a combined approach based on elements on neorealist and neoliberal theories. The combined analytical framework is used by such leading Western researchers as D. Yergin, J. Stanislaw, A. Korin and G. Luft, as well as many Russian scholars, including N. Mironov, S. Zhiznin and Y. Borovsky.*

Key words: energy security, international security, energy policy, neorealism, neoliberalism, constructivism, resource nationalism, energy governance.

References

1. Mironov N.V. *Mezhdunarodnaia energeticheskaia bezopasnost'* [International energy security]. Moscow, MGIMO Publ., 2003. 165 p.
2. Borovskii Iu.V. *Mirovaia sistema energosnabzheniia* [International energy supply system]. Moscow, Navona Publ., 2008. 296 p.
3. Zhiznin S.Z. Russia's energy diplomacy. *Ekologicheskie sistemy* [Ecologic Systems], April 2007. Available at: http://esco-ecosys.narod.ru/2007_4/art40.htm. Accessed May 12, 2013. (in Russ.).
4. Waltz K.N. *Theory of international politics*. Reading, MA, Addison-Wesley Publ., 1979. 251 p.
5. Aron R. *Paix et guerre entre les nations* [War and peace between nations]. Paris, Calmann-Lévy éd., 1962. 794 p.
6. Kalicki J.H., Goldwyn D., eds. *Energy and security: Toward a new foreign policy strategy*. Washington, DC, Woodrow Wilson Center Press Publ., 2005. 585 p.
7. Dandreuther R. *International security: The contemporary agenda*. Cambridge, Polity Press, 2007. 250 p.
8. Moran D., Russell J. *Energy security and global politics: The militarization of resource management*. New York, Routledge Publ., 2009. 245 p.
9. Korin A., Luft G. *Energy security challenges for the 21st century: A reference handbook*. Westport, Praeger Publ., 2009. 372 p.
10. Clare M. There will be blood: Political violence, regional warfare, and the risk of great-power conflict over contested energy resources. Korin A., Luft G. *Energy security challenges for the 21st century: A reference handbook*. Westport, Praeger Publ., 2009, pp. 44-66.
11. Stanislaw J.A. Resource nationalism, the global scramble for energy, and the need for mutual interdependence. Deloitte Center for Energy Solutions, 2009. Available at: http://www.deloitte.com/view/en_US/us/Industries/power-utilities/d55d1ec6f6001210VgnVCM100000ba42f00aRCRD.htm. Accessed May 29, 2013.
12. Goldthau A., Witte J.M. *Global energy governance: The new rules of the game*. Washington, DC, Brookings Inst. Publ., 2009. 361 p.
13. Bressand A. The future of producer-consumer cooperation: A policy perspective. Goldthau A., Witte J.M. *Global energy governance: The new rules of the game*. Washington, DC, Brookings Inst. Publ., 2009, pp. 269-286.
14. Fettweis C.J. No blood for oil: Why resource wars are obsolete. Korin A., Luft G. *Energy security challenges for the 21st century: A reference handbook*. Westport, Praeger Publ., 2009, pp. 66-78.
15. Buzan B., Waever O. *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge, CUP Publ., 2003. 564 p.
16. Kurze K. The Changing Discourse of Energy Security. A new impetus for energy policy integration in the European Union? *Transatlantic Research Papers in European Studies (TraPES)*, 2010, no. 2. Available at: <http://www.jmce.uni-osnabrueck.de>. Accessed May 25, 2013.
17. Zelensky M. *Changing the Energy Security Balance in the Baltic Sea Region: Building Regional Energy Security Complex and Community. Nord Stream Gas Pipeline Case Study*. Master's Thesis. University of Tampere, CBU Programme, International Relations. October 2009. Available at: <http://tutkielmat.uta.fi/pdf/gradu04082.pdf>. Accessed May 23, 2013.
18. Strange S. *States and markets*. 2nd Rev. ed. London, Continuum International Publishing Group, 2004. 280 p.
19. Yergin D. *The Fundamentals of Energy Security*. Testimony to the Committee on Foreign Affairs, US House of Representatives. Hearing on Foreign Policy and National Security Implications of Oil Dependence, March 22, 2007.
20. Mañé-Estrada A. *Sécurité énergétique en Méditerranée occidentale : nouveaux facteurs, nouvelles politiques. Un regard espagnol* [Energy security in the Western Mediterranean: New factors, new policies. Spanish opinion]. Note de l'Ifri [Note of the French Institute of International Relations], Octobre 2008. Available at: <http://www.ifri.org/files/Energie/NoteEstrada.pdf>. Accessed May 30, 2013.
21. Hoyos C. The new seven sisters: Oil and gas giants dwarf western rivals. *Financial Times*, March 12, 2007. Available at: <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/471ae1b8-d001-11db-94cb-000b5df10621.html#axzz2TRC7ewU8>. Accessed May 20, 2013.

About the author

Ksenia V. Trachuk – PhD student at the Chair of International Relations and Foreign Policy of MGIMO-University, Moscow. Email: ksanatr@inbox.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ ТУРЦИИ В КАЧЕСТВЕ ВЕДУЩЕГО ИГРОКА НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

В.А. Аватков, Ю.О. Томилова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье дан анализ внешней политики Турции в период 2002–2012 гг. в Африке. Особое внимание уделено использованию «мягкой силы» как основного инструмента укрепления влияния Турции на африканском континенте. Рассмотрены проблемы и перспективы становления Турции в качестве ведущего игрока в Африке. Комплексный подход к сотрудничеству является эффективным способом упрочения позиций Турции в Африке. Помимо того, на усиление влияния Турции в Тропической Африке оказывает влияние тот факт, что страны этого региона никогда не находились под владычеством Турции, а значит, не имеют совместного негативного исторического опыта. Более того, большие объемы гуманитарной помощи и отсутствие какого-либо давления со стороны Турции позволяют африканским странам чувствовать себя благодарными своему партнеру, но не ущемленными им или обязанными ему. Такой подход позволяет создавать благоприятный климат в двусторонних и многосторонних отношениях и укреплять доверие.

Ключевые слова: внешняя политика Турции, Северная Африка, Тропическая Африка, Китай, «мягкая сила».

Африканские страны заинтересованы в тесном сотрудничестве с Турцией, так как они справедливо полагают, что ее протекция на международной арене поможет им решить хотя бы часть их проблем и будет способствовать привлечению внимания мирового сообщества к континенту. В 2009 г. более 50 африканских стран проголосовало за включение Турции в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН в 2009–2010 гг. в обмен на обещание Анкары отстаивать их интересы в течение двух лет в ООН. Африканские страны заинтересованы и в экономическом сотрудничестве с Турцией, которая активно осваивает строительные рынки Африки и инвестирует финансовые средства в сельское хозяйство.

И все же, несмотря на перспективы, которые открываются перед Турцией в Африке, существуют факторы, способные помешать Анкаре занять лидирующее место в регионе. Достаточно сложная ситуация складывается в отношениях Турции со странами Северной Африки, которая была частью Османской империи в течение нескольких веков и что формирует опасение этих стран, заключающееся в том, что Турция сможет обладать чрезмерным влиянием в регионе. Кроме того, Турции приходится считаться с наличием других сильных игроков в Африке, в особенности Китая и Индии. Торговый оборот Китая с африканскими странами в 2011 г. составил 160 млрд долл., что практически в 10 раз больше турецких показателей. На данный момент Китай обладает большими финансовыми и политическими ресурсами, а также опытом применения «мягкой силы» как основного внешнеполитического инструмента, чем Турция. Препятствует укреплению влияния Анкары в регионе и ее акцент на тесном сотрудничестве только с небольшим количеством африканских стран, которые представляют для нее наибольший экономический и политический интерес. При этом в других государствах Африки турецкого влияния практически не ощущается.

Глобальные геополитические и геоэкономические мегатренды, проявившиеся в последнее десятилетие и заключающиеся в кризисе мирового лидерства, крахе мировой финансовой системы, формировании новых региональных подсистем и взаимосвязей и т.д., сделали очевидными изменения, наметившиеся в структуре мировой экономики и международных отношений. Развивающиеся государства, такие как, Китай, Индия, Бразилия, ранее открыто не претендовавшие на роль ведущих мировых держав, стали восприниматься как новые центры силы и гаранты международной стабильности, в том числе финансовой, что подтверждается получением Китая статуса крупнейшего кредитора США [1] и ведущей ролью «Группы двадцати» в борьбе с финансовой нестабильностью [2]. Полным ходом идет процесс переосмысления внешнеполитических приоритетов многих стран, а также поиск новых политических партнеров. Более того, беспрецедентной стала тенденция смещения фокуса мировой экономики с

Запада на Восток, в страны Азии, Африки и Латинской Америки [3].

В течение многих столетий африканский континент считался самым отсталым, непривлекательным для ведения торговли и бесперспективным в плане развития политических и экономических отношений. Многие страны придерживаются подобного подхода и по сей день, однако постепенно Африка из наименее развитого континента превращается в один из наиболее перспективных регионов мира. Более того, по данным журнала *Economist* за последнее десятилетие, шесть из десяти наиболее быстро развивающихся стран находятся в Тропической Африке [4].

Высокие темпы экономического развития обусловлены не столько успехами самих африканских государств, сколько притоками иностранных капиталов и инвестиций на континент. В настоящее время Африка представляет собой арену борьбы между потенциальными великими державами, такими как, Китай, Индия, Бразилия и наиболее развитыми государствами в лице США и стран-членов ЕС. В последние десятилетия активизировалось африканское направление во внешней политике Турции, и всего за несколько лет она приобрела статус одного из наиболее перспективных партнеров африканских государств. В политике Турции, проводимой в Африке, отчетливо выделяются два направления – отношения с Северной Африкой, которую зачастую причисляют к региону Ближнего Востока, и Тропической Африкой, лежащей к югу от пустыни Сахара.

История взаимоотношений Турции с государствами Северной Африки насчитывает несколько веков. В XV–XVI вв. регион Северной Африки был частью Османской империи, что, с одной стороны, способствует развитию отношений между странами в настоящее время, а с другой, – создает опасения стран региона в том, что однажды Турция захочет вернуть себе утраченные территории.

Отношения Анкары со странами Тропической Африки стали развиваться сравнительно недавно, так как Турция, подобно другим странам, не считала необходимым развивать отношения с регионом, значительно отступающим от других по социально-экономическим показателям. Впервые Турция проявила серьезный интерес к Тропической Африке только в 1998 г., когда при премьер-министре Ахмеди Месуте Йылмазе был принят документ «Политика открытости Турции в Африке», который заложил основы отношений между странами. В частности, в нем было прописано намерение страны развивать тесные отношения с африканскими государствами в политической, экономической и культурной сферах, поддерживать и инициировать программы помощи Африке в ООН, которые представляют особую важность для континента [5].

С приходом к власти Партии справедливости и развития в Турции в 2002 г. африканский вектор внешней политики страны стал одним из наиболее перспективных. Африка стала для Турции не просто очередным рынком для сбыта турецкой

продукции и покупки энергоресурсов, но территорией, где у Турции есть шансы закрепиться в качестве одного из ведущего игроков, продемонстрировать свое миролюбие и экономическую мощь посредством оказания гуманитарной помощи и наконец перерасти статус «региональной державы» и выйти на глобальный уровень. Турция выработала комплексный подход к развитию отношений с государствами региона, сделав ставку на политику «мягкой силы» в отношении этих стран, подобно Китаю, Индии и ряду других игроков на этом пространстве. Именно такой подход, продвигаемый ПСР, обеспечивал Турции проведение успешного внешнеполитического курса в течение более 10 лет.

Термин «мягкая сила» был введен в конце прошлого века американским политологом Дж. Наем в противовес так называемой «жесткой силе», то есть совокупности методов экономического принуждения и применения военной силы для достижения своих целей государствами. Под «мягкой силой» Дж. Най подразумевал способность оказывать влияние на другие страны более мягкими методами, в том числе посредством экономического и культурного сотрудничества [6]. При этом сам он не выводит точного определения этого термина, что позволяет трактовать его по-разному. Поэтому в рамках данного исследования под термином «мягкая сила» будет подразумеваться внешняя политика, направленная на укрепление позиций государства в регионе или в отдельной стране при помощи различных методов, в том числе экономических, культурных, политических и др., за исключением силовых и принудительных.

Придерживаясь ориентации на использование «мягкой силы» в отношениях со странами африканского континента, Турция стремится к укреплению своих позиций на континенте и в мире путем вовлечения стран Африки в более тесные политические, экономические, культурные и социальные контакты. С 2005 г., который в Турции был объявлен годом Африки, активизировались двусторонние и многосторонние политические контакты между африканскими странами и Анкарой.

В начале 2008 г., во время проведения очередного саммита, Африканский союз провозгласил Турцию своим стратегическим партнером, что было встречено в Турции с большим удовлетворением [7]. В августе того же года в Стамбуле был проведен первый «Турецко-африканский саммит сотрудничества», в котором приняло участие порядка 50 африканских стран [8] и по итогам которого была подписана Стамбульская декларация, ставшая практическим руководством для стран-участников по дальнейшему укреплению отношений. В ней отмечалось стремление стран сотрудничать в различных сферах, а именно по линии межправительственного взаимодействия, вопросам безопасности, в области торговли и инвестиций, здравоохранения, окружающей среды и информационно-коммуникационных технологий [9]. Именно эта декларация стала первым доку-

ментом, официально закрепившим намерения сторон развивать сотрудничество и заложившим основы для дальнейшего развития договорно-правовой базы на двустороннем и многостороннем уровнях. В октябре 2013 г. планируется проведение второго саммита по турецко-африканскому сотрудничеству, который на этот раз состоится в одной из стран Африки [10].

Турция активно развивает и двусторонние политические контакты с африканскими государствами. В 2008 г. президент Турции А. Гюль в рамках подготовки к первому турецко-африканскому саммиту сотрудничества посетил Танзанию, Демократическую Республику Конго и Конго [11]. В 2010 г. А. Гюль в составе делегации из более ста политиков и предпринимателей совершил турне по нескольким африканским странам [12]. В ходе визита президент посетил турецкий колледж в Камеруне, получил государственную награду этого государства и принял участие в турецко-камерунском предпринимательском форуме. Помимо того, президенты Турции и Камеруна подписали соглашение об отмене визового режима между двумя странами и протокол о научно-техническом и экономическом сотрудничестве, что вывело отношения двух стран на новый уровень.

В марте 2011 г. президент Турции совершил поездку в Тропическую Африку, посетив с официальным визитом Гану и Габон, которые впервые принимали у себя главу Турецкой Республики [13]. А в январе 2013 г. премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган в составе большой делегации из 250 турецких предпринимателей посетил ряд западноафриканских стран [14], что придало импульс развитию двусторонних экономических отношений.

Все это говорит о том, что Турция действительно заинтересована в сотрудничестве с африканскими странами, на что непосредственно указывает частота визитов, их уровень и высокая результативность их проведения. Для сравнения: Б. Обама за весь свой первый срок пребывания на посту президента США совершил только один однодневный визит в Африку, посетив одну из больниц в Гане [15]. И это несмотря на неоднократные заявления самого президента об оказании всесторонней помощи Африке и укреплении отношений с государствами региона [16].

Помимо непосредственного развития политических контактов Турция принимает активное участие в работе африканских региональных организаций и объединений. В 2005 г. Турция получила статус наблюдателя в Африканском союзе, а в 2008 г. стала нерегиональным членом Африканского банка развития [17]. Также Турция является участником Межправительственного органа по вопросам развития (IGAD) и других региональных структур. Более того, в 2005 г. Турции была отведена почетная роль медиатора в урегулировании конфликта между правительством Судана и независимым государством Южный Судан [18]. В начале 2013 г. посол Южного Судана в Турции в интервью газете «Заман» в очередной раз под-

черкнул, что Турция может сыграть позитивную роль в разрешении конфликтов между Суданом и Южным Суданом. С одной стороны, это демонстрирует высокий уровень доверия африканских стран Турции и, с другой, – растущее влияние Анкары в Африке.

Несмотря на то что политический диалог между Турцией и странами Африки развивается быстрыми темпами, экономическая составляющая двусторонних отношений является основным инструментом укрепления турецкого влияния в данном регионе. В 2003 г. для развития экономических связей с Африкой в Турции была принята «Стратегия для увеличения торговли и развития экономических отношений со странами Африки». Она реализуется достаточно успешно, так как за последние годы в несколько раз увеличился турецкий экспорт в страны Африки. В 2012 г. объем экспорта вырос более чем на 30% по сравнению с 2011 г. и составил 12 млрд. долл., из которых 8,6 млрд. долл. пришлось на регион Северной Африки [19]. Более того, в 2012 г. турецкая доля на африканском рынке увеличилась до 8,7% по сравнению с 2011 г. (7,5%). По состоянию на 2011 г. объем турецких инвестиций в Африку составил порядка 5 млрд долл. [20].

Объем товарооборота также растет быстрыми темпами. Если в 2003 г. он составлял 5 млрд долл., в 2005 г. – уже 9 млрд долл., а в 2011 г. достиг рекордной цифры в 17 млрд долл. [21]. В ходе январского визита премьер-министра Турции было подтверждено намерение Анкары довести торговый оборот между Турцией и Африкой к 2015 г. до 50 млрд долл. [22]. Наиболее близкими экономическими партнерами Турции являются Египет, Алжир, Марокко, ЮАР, Нигерия, Эфиопия и Гана.

Для развития экономических отношений Турция инициирует различные экономические программы. Так, с 2006 г. была запущена программа «Торговый мост между Турцией и Африкой», которая проводится ежегодно Турецкой конфедерацией предпринимателей и промышленников (TUSCON) [23].

Помимо экономических рычагов, которые Турция успешно использует для развития отношений с африканскими странами и укрепления своего влияния на континенте, значительную роль в этом процессе играет социальная, культурная и гуманитарная составляющие. Турция является крупнейшим донором для африканских стран среди стран, не входящих в Комитет помощи в целях развития ОЭСР [24]. Гуманитарная помощь из Турции осуществляется непосредственно и через неправительственные организации, такие, как «Красный полумесяц». Во время своего визита в Конго президент Турции А. Гюль с удовлетворением отметил, что объем турецкой гуманитарной помощи Африке составил более 1 млрд долл. [25]. Основным объемом оказываемой помощи приходится всего на несколько африканских стран – Сомали, Судан, Мавритания и Эфиопия. Однако и другие африканские государства, такие, как Камерун, Джибути, Кения,

Нигерия и др., являются реципиентами турецких денежных средств.

На африканском континенте активно действуют турецкие правительственные и неправительственные социально-культурные и образовательные организации. Особую роль здесь играет Турецкое агентство по международному сотрудничеству (ТИКА) и Турецкий религиозный фонд (TDV). В 2005 г. ТИКА открыло в Африке три офиса, а именно в Эфиопии, Судане и Сенегале, и в настоящий момент осуществляет проекты в 37 странах континента [26].

Особое место в развитии турецко-африканских отношений занимает сотрудничество Турции с Сомали, что может объясняться несколькими причинами. Во-первых, оказание помощи одному из наиболее бедствующих государств мира неизменно повышает авторитет Анкары на международной арене и создает образ миролюбивой и неравнодушной Турции. Во-вторых, оказывая содействие Сомали, Турция проявляет религиозную солидарность, помогая своим единоверцам, что также укрепляет ее влияние среди мусульманских государств. В-третьих, Турцию привлекает геополитическое расположение Сомали, так как именно эта страна является ключом к большей части Тропической Африки для Турции. В-четвертых, турецкие предприниматели рассматривают Сомали в качестве перспективной площадки для реализации своих проектов.

В Сомали курированием программ турецкой помощи занимается Красный полумесяц и ТИКА. Среди таких программ можно выделить строительство инфраструктурных объектов, строительство больниц, борьбу с мусором и очистку воды, образовательные гранты. Только в 2012 г. Турция предоставила сомалийским студентам около 1200 стипендий и грантов на обучение в турецких учебных заведениях. Из них 500 стипендий было выделено на обучение в мусульманских образовательных учреждениях, в том числе колледжах «Имам-хатиб» [27].

Также Турция ведет культурно-просветительскую деятельность в Африке путем строительства турецких школ и лицеев, а также мечетей. Турция делает ставку и на научно-техническое сотрудничество с африканскими странами. Соответствующие договоры и соглашения Турция подписала с Ганой, Эфиопией, Камеруном и Гамбией. Турция открыто провозглашает себя защитником прав и свобод человека в Африке, о чем и было заявлено во время проведения в 2011 г. 4-й конференции ООН по наименее развитым странам в Стамбуле [28].

Подобный комплексный подход к сотрудничеству является эффективным способом упрочения позиций Турции в Африке. Помимо того, на усиление влияния Турции в Тропической Африке оказывает влияние тот факт, что страны этого региона никогда не находились под властью Турции, а значит, не имеют совместного негативного исторического опыта. Более того, большие объемы гуманитарной помощи и при

этом отсутствие какого-либо давления со стороны Турции позволяют африканским странам чувствовать себя благодарными своему партнеру, но не ущемленными или обязанными ему. Такой подход позволяет создавать благоприятный климат в двусторонних и многосторонних отношениях и укреплять доверие.

Также африканские страны сами заинтересованы в тесном сотрудничестве с Турцией. Они справедливо полагают, что протекции влиятельных государств на международной арене помогут им решить хотя бы часть проблем, в том числе путем привлечения внимания мирового сообщества к континенту. В 2009 г. более 50 африканских стран проголосовало за включение Турции в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН в 2009 – 2010 гг. в обмен на обещание Анкары отстаивать их интересы в течение двух лет в ООН [29]. Африканские страны заинтересованы и в экономическом сотрудничестве с Турцией, которая активно осваивает строительные рынки Африки и инвестирует финансовые средства в сельское хозяйство.

И все же, несмотря на перспективы, которые открываются перед Турцией в Африке, существуют факторы, способные помешать Анкаре занять лидирующее место в регионе. Достаточно сложная ситуация складывается в отношениях Турции со странами Северной Африки, которая была частью Османской империи в течение нескольких веков и что формирует опасение этих стран, заключающееся в том, что Турция сможет обладать чрезмерным влиянием в регионе.

Кроме того, Турции приходится считаться с наличием других сильных игроков в Африке, в особенности Китая и Индии. Торговый оборот Китая с африканскими странами в 2011 г. составил 160 млрд долл., что практически в 10 раз больше турецких показателей [30]. На данный момент Китай обладает большими финансовыми и политическими ресурсами, а также опытом применения «мягкой силы» как основного внешнеполитического инструмента, чем Турция. Препятствует укреплению влияния Анкары в регионе и ее акцент на тесном сотрудничестве только с небольшим количеством африканских стран, которые представляют наибольший экономический и политический интерес для Турции. При этом в других государствах Африки турецкого влияния практически не ощущается.

В заключение можно сказать, что в настоящее время Турция является одним из наиболее перспективных акторов на африканском континенте. На этом направлении Турция использует «мягкую силу» как эффективный инструмент развития отношений и стремится развивать сотрудничество во всех сферах, что способствует постепенному укреплению позиций Турции в Африке. Тем не менее в настоящее время существуют и проблемы, которые препятствуют реализации амбиций Турции в полном объеме. В связи с этим можно сказать, что в ближайшей перспективе Турция будет наращивать свой потенциал в Африке и усиливать влияние, однако не сможет занять лидирующую позицию на континенте.

Список литературы

1. China remains largest foreign US creditor // [Электронный ресурс] <http://www.chinadaily.com.cn>
2. «Группа двадцати»: ее роль и наследие // [Электронный ресурс] <http://ru.g20russia.ru/>
3. Фокус мировой экономики и финансового сектора смещается на Юг // [Электронный ресурс] <http://www.vedomosti.ru>
4. The lion kings? Africa is now one of the world's fastest-growing regions // [Электронный ресурс] <http://www.economist.com>
5. The opening of the Africa-Turkey Partnership Ministerial Review Conference, 16 December 2011, Istanbul // [Электронный ресурс] <http://www.mfa.gov.tr>
6. Soft Power: The Means to Success in World Politics – Joseph S. Nye, Jr. Chapter 4 - Wielding Soft Power // [Электронный ресурс] <http://www.belfercenter.hks.harvard.edu>
7. Turkey-Africa Relations // [Электронный ресурс] <http://www.mfa.gov.tr>
8. Turkey-Africa cooperation summit // [Электронный ресурс] <http://www.africa-union.org>
9. The Istanbul declaration on Africa – Turkey partnership. "Solidarity and Partnership for a Common Future" // [Электронный ресурс] <http://www.iss.org.za>
10. Turkey and The African Union // [Электронный ресурс] <http://www.mfa.gov.tr>
11. Gül to deepen ties with Africa on 4-day tour // [Электронный ресурс] <http://www.todayszaman.com>
12. "Best Help Would Be Making Investment in Africa" // [Электронный ресурс] <http://www.tccb.gov.tr>
13. Свиштунова И.А. Поездка президента Турции А.Гюля в Африку // [Электронный ресурс] <http://www.iimes.ru>
14. Erdoğan's Africa visit a sign of increasing economic interest in the continent, experts say // [Электронный ресурс] <http://www.todayszaman.com>

15. Obama visit to Kenya? Only 1 day in Africa so far // [Электронный ресурс] <http://www.utsandiego.com>
16. The Future of America's Partnership with Sub-Saharan Africa [Электронный ресурс] <http://www.whitehouse.gov>
17. Turkey-Africa Relations // [Электронный ресурс] <http://www.mfa.gov.tr>
18. South Sudan gives importance to Turkey's mediation in relations with Sudan // [Электронный ресурс] <http://www.todayszaman.com>
19. Turkey Sets Sights On Boosting Trade Volume With Africa // [Электронный ресурс] <http://en.haberler.com>
20. Africa regional information // [Электронный ресурс] <http://www.economy.gov.tr>
21. Turkey's African initiative // [Электронный ресурс] <http://www.safpi.org>
22. Turkish PM Erdoğan sees \$50 billion in African trade // [Электронный ресурс] <http://www.hurriyetdailynews.com>
23. Turkey Africa Trade Bridge to Yield 350 mln in One Day // [Электронный ресурс] <http://www.tuskonus.org>
24. First Turkish Presidential Visit to the Democratic Republic of Congo // [Электронный ресурс] <http://www.tccb.gov.tr>
25. How Turkey is emerging as a development partner in Africa [Электронный ресурс] <http://www.guardian.co.uk>
26. Turkey Shocks Africa // [Электронный ресурс] <http://www.worldpolicy.org>
27. Turkey sets its sights on Africa // [Электронный ресурс] <http://www.dw.de>
28. Turkey, longing for Africa // [Электронный ресурс] <http://www.balkanicaucaso.org>
29. China becomes Africa's largest trading partner // [Электронный ресурс] <http://www.english.cri.cn>

Об авторах

Аватков Владимир Алексеевич – преподаватель военной кафедры, кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО(У) МИД России. E-mail: v.avatkov@gmail.com

Томилова Юлия Олеговна – магистрант 2 курса направления Международные отношения (Мировая политика) МГИМО(У) МИД России. E-mail: artefacta@mail.ru

THE PROSPECTS OF TURKISH RISE IN AFRICA AS A KEY PLAYER

V.A. Avatkov, Y.O. Tomilova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *In article the analysis of foreign policy of Turkey during 2002-2012 in Africa is given. The special attention is paid to use of "the soft force" as main instrument of strengthening of influence of Turkey on the African continent. Problems and prospects of formation of Turkey as the leading player in Africa are considered. The integrated approach to cooperation is effective way of consolidation of positions of Turkey in Africa. In addition, that fact has impact on strengthening of influence of Turkey in Tropical Africa that the countries of this region never were under sovereignty of Turkey, so have no joint negative historical experience. Moreover, large volumes of humanitarian assistance and lack of any pressure from Turkey allow the African countries to feel grateful to the partner, but not restrained or obliged to it. Such approach allows to create favorable climate in the bilateral and multilateral relations and to strengthen trust.*

Key words: Turkish foreign policy, North Africa, Sub-Saharan Africa, China, soft power.

References

1. China remains largest foreign US creditor. Available at: <http://www.chinadaily.com.cn>.
2. "Group of twenty": Its role and heritage. Available at: <http://ru.g20russia.ru/>. (in Russ.).
3. Focus of world economy and financial sector is displaced to the south. Available at: <http://www.vedomosti.ru>. (in Russ.).
4. The lion kings? Africa is now one of the world's fastest-growing regions. Available at: <http://www.economist.com>.
5. The opening of the Africa-Turkey Partnership Ministerial Review Conference, 16 December 2011, Istanbul. Available at: <http://www.mfa.gov.tr>.
6. Nye J.S., Jr. Soft power: The means to success in world politics. Ch. 4: Wielding soft power. Available at: <http://www.belfercenter.hks.harvard.edu>.
7. Turkey-Africa relations. Available at: <http://www.mfa.gov.tr>.
8. Turkey-Africa cooperation summit. Available at: <http://www.africa-union.org>.
9. The Istanbul declaration on Africa-Turkey partnership. "Solidarity and Partnership for a Common Future". Available at: <http://www.iss.org.za>.
10. Turkey and the African Union. Available at: <http://www.mfa.gov.tr>.
11. Gül to deepen ties with Africa on 4-day tour. Available at: <http://www.todayszaman.com>.
12. "Best help would be making investment in Africa". Available at: <http://www.tccb.gov.tr>.
13. Svistunova I.A. Trip of the president of Turkey A. Gül to Africa. Available at: <http://www.iimes.ru>. (in Russ.).
14. Erdoğan's Africa visit a sign of increasing economic interest in the continent, experts say. Available at: <http://www.todayszaman.com>.
15. Obama visit to Kenya? Only 1 day in Africa so far. Available at: <http://www.utsandiego.com>.
16. The future of America's partnership with Sub-Saharan Africa. Available at: <http://www.whitehouse.gov>.
17. Turkey-Africa relations. Available at: <http://www.mfa.gov.tr>.
18. South Sudan gives importance to Turkey's mediation in relations with Sudan. Available at: <http://www.todayszaman.com>.
19. Turkey sets sights on boosting trade volume with Africa. Available at: <http://en.haberler.com>.
20. Africa regional information. Available at: <http://www.economy.gov.tr>.
21. Turkey's African initiative. Available at: <http://www.safpi.org>.
22. Turkish PM Erdoğan sees \$50 billion in African trade. Available at: <http://www.hurriyetdailynews.com>.
23. Turkey Africa trade bridge to yield 350 mln in one day. Available at: <http://www.tuskonus.org>.
24. First Turkish presidential visit to the Democratic Republic of Congo. Available at: <http://www.tccb.gov.tr>.
25. How Turkey is emerging as a development partner in Africa. Available at: <http://www.guardian.co.uk>.
26. Turkey shocks Africa. Available at: <http://www.worldpolicy.org>.
27. Turkey sets its sights on Africa. Available at: <http://www.dw.de>.
28. Turkey, longing for Africa. Available at: <http://www.balkanicaucaso.org>.
29. China becomes Africa's largest trading partner. Available at: <http://www.english.cri.cn>.

About the authors

Avatkov Vladimir Alekseevich – the teacher of military chair, chair of languages of the countries of the Middle East of MGIMO (U) the MFA of Russia. E-mail: v.avatkov@gmail.com

Tomilova Julia Olegovna – the undergraduate 2 courses of the direction the International relations (World politics) of MGIMO (U) the MFA of Russia. E-mail: artefacta@mail.ru

ИТАЛЬЯНСКОЕ МЕНЬШИНСТВО В ИСТРИИ: РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО И ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

А. Мараш

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье выявлены и раскрыты проблемы национальных меньшинств, проживающих на территории полуострова Истрия с выходом к Адриатическому морю и региона Венеция-Джулия. Особо следует подчеркнуть, что население Истрии только за прошлое столетие четыре раза «поменяло гражданство», побывав в составе Австро-Венгерской империи, Королевства Италия, Федеративной Народной (затем - Социалистической Федеративной) Республики Югославии (ФНРЮ/СФРЮ) и, наконец, Народной и Социалистической Республики Хорватии. Показывается, что все эти политические изменения в разные периоды сильно влияли на менталитет населения, особенно в вопросах, касающихся отношения к национальным меньшинствам. Композиционная структура населения Истрии и Венеции-Джулии со временем претерпела глубокие изменения: этноязыковая латинизированная группа ассимилировалась славянским населением, но отличалась от словенцев и хорватов. До начала Первой мировой войны эти территории находились в составе Австро-Венгерской империи и там жили итальянцы, хорваты и словенцы. После окончания войны и распада империи регион стал частью Итальянского королевства. Новые проблемы возникли в конце Второй мировой войны, когда большая часть территории Истрии и Венеции-Джулии оказалась под контролем новообразованной Демократической Федеративной Югославии. В результате после распада федеративной Югославии и формирования самостоятельных и независимых государств – бывших республик, в том числе Хорватии, статус национальных меньшинств получили отдельные национальные и культурные группы, среди которых статус самого привилегированного национального меньшинства в качестве автохтонных жителей получили итальянцы.

Ключевые слова: Истрия, Италия, Хорватия, Словения, Югославия, национальные меньшинства.

Из-за стратегического расположения полуострова в центре Европы с выходом к Адриатическому морю Истрия и Венеция-Джулия с центром в г. Триесте являлись привлекательными для многих народов. Сам полуостров Истрия был завоеван римлянами в 183 г. до н.э., после чего эти земли вместе с будущей Венецией-Джулией были присоединены к Римской империи. Истрийско-романский компонент, который формировался в сложном процессе романизации, интеграции, обмена и культурного развития (особенно в период византийского и венецианского правления), является частью языкового, культурного и исторического достояния и наследия полуострова и региона Венеции-Джулии.

Перед тем как начать рассмотрение проблемы отношений между национальными меньшинствами в Истрии в XX в., стоит обратить внимание на одну особенность: население Истрии только за прошлое столетие четыре раза «поменяло гражданство», побывав в составе Австро-Венгерской империи, Королевства Италия, Федеративной Народной (затем – Социалистической Федеративной) Республики Югославии (ФНРЮ/СФРЮ) и наконец Народной и Социалистической Республики Хорватии, не считая короткого периода 1943 – 1945 гг., когда оперативная зона Северо-Адриатического приморья входила в состав третьего рейха.

Все эти политические изменения в разные периоды сильно влияли на менталитет населения, особенно в вопросах, касающихся отношения к национальным меньшинствам. Сложившаяся в Истрии национальная и религиозная толерантность хорватов, словенцев, итальянцев, евреев, а позже и сербов (рожденных в Истрии), черногорцев и македонцев по отношению друг к другу во многом стала результатом того, что все они в разные периоды XX столетия являлись национальными меньшинствами.

Сосуществование различных культур, языков и вероисповеданий было достигнуто в ходе многовекового периода борьбы, ненависти, нетолерантности и конфликтов и стало важнейшим фактором, способствовавшим развитию Истрии в течение XX в. В начале прошлого века здесь говорили на всех языках Австро-Венгерской империи, поэтому у населения не возникало проблем с языковой или культурной коммуникацией, они появились только после Второй мировой войны и были связаны с появлением на территории Истрии албанцев и цыган, которые, сопротивляясь естественной аккультурации, стремились оставаться в рамках собственных замкнутых сообществ.

В начале XX в. в Истрии проживали две основные национальные группы: хорваты и итальянцы, каждая из которых по-своему переживала национальное возрождение в политике, культуре и социальном развитии. Австро-Венгрия, признавая ряд прав народов Истрии – хорватов, словенцев, итальянцев, – не относилась к ним одинаково. Правда, не следует забывать,

что истрийские хорваты проявили свое национальное самосознание и на выборах в Имперский сейм (Консультативный орган Австро-Венгерской империи, основанный 3 декабря 1851 г. Просуществовал до 1918 г.) в 1907 г. одержали победу, хотя они все-таки не получили в Истрии полную политическую власть. Итальянская часть населения, которую поддерживала Вена, продолжала иметь большинство в Саборе Истрии. Сабор Истрии – представительный орган маркграфства Истрии (Земли австрийской короны: Австрийское приморье (маркграфство Истрия). Официально действовал с 1861 по 1916 г., хотя последняя парламентская сессия была проведена 18 октября 1910 г. В соответствии с существовавшими в тот период национальными законами для провинций, имевших автономию, обладал определенными законодательными полномочиями.

Политический и культурный маргинализм хорватов был обусловлен недостаточной ролью хорватского разговорного языка, хотя, по статистическим данным 1910 г., в Истрии хорватским языком пользовались 43,52 %, словенским 14,27 %, а итальянским всего 38,14 % населения. Итальянский язык был языком зажиточного городского населения и власти, благодаря чему он сохранял свое ведущее положение [6, с. 2]. В 1900–1910 гг. в ходе развития национального движения хорватов и словенцев в Истрии окончательно сформировалось самосознание хорватской/словенской народностей. Истрийские хорваты, проживавшие в сельской местности, превратились в отдельную группу, которую можно противопоставить горожанам – итальянцам [6].

Австрийское правительство в течение всего XIX в. и позднее, до падения монархии, пренебрегало экономическими и культурными интересами истрийских хорватов. Кроме того, хорватское начальное образование, которое являлось основным в национальном просвещении, должно было финансироваться безденежными муниципалитетами или приходскими церквями. Муниципальные собрания в большинстве своем не понимали важности начального образования. Поэтому существующие школы не отвечали национальным требованиям хорватского сельского населения. В начале прошлого столетия в Истрии почти 75% населения было безграмотным. В то же время итальянцы имели в своем распоряжении достаточные финансовые средства, и в их среде сформировался слой интеллектуалов, которые постоянно и активно действовали на территории Истрии.

Следует отметить и значительную эмиграцию хорватов в США и Аргентину в первые десятилетия XX в. Рост числа истрийских хорватов, которые до и после Первой мировой войны эмигрировали в США, значительно повлиял на изменение национального состава полуострова [14, с. 43]. Поэтому во время войны 1914–1918 гг. в Истрии произошли радикальные изменения, коснувшиеся как демографической структуры, так и экономики. Политический конфликт хорва-

тов и итальянцев продолжался в межвоенный период в очень тяжелых условиях. Истрия была включена в состав Королевства Италия, не интересовавшегося проблемами национальных меньшинств, особенно на территориях с итальянским большинством, которые были присоединены к ней после Первой мировой войны. Это коснулось немецкого меньшинства в провинции Трентино-Альто-Адидже и словенского и хорватского меньшинств в провинциях Венеция-Джулия, Горица и Истрия.

У истрийских хорватов не было соответствовавшей требованиям того времени политической партии, которая бы их объединила и представляла их интересы. Поэтому на первых послевоенных политических и муниципальных выборах 1921 и 1922 гг. большинство мест получили итальянские партии [4]. Насильственные меры, предпринятые фашистами на уровне государственной политики, сломили и без того слабую политическую оппозицию. Хорваты, голосовавшие за свою национальную партию, превратились в глазах фашистского государства в граждан второго сорта.

Все это означало, что оккупационные власти не планировали рассматривать специфическую национальную структуру Истрии в качестве *status quo*. Причину этого необходимо искать в фактической неспособности итальянских властей понять менталитет жителей Истрии и отсутствии стремления миролюбиво и быстро решить многочисленные национальные проблемы и конфликты на полуострове [18, с. 23]. Поэтому сразу после оккупации началась «чистка» среди чиновников общественного управления, а затем и в других государственных структурах [1, с. 34].

Логично предположить, что итальянские власти старались исключить прежде всего те институты, которые формировали и развивали национальное сознание и способствовали сохранению национальной идентичности, такие, как школы, стремились изменить состав учителей и служащих. Инструментами «чисток» были различные общественные и культурные институты, многие из которых существовали еще до войны, значительное давление оказывало и распространение «славянофобии».

В инструкциях об официальном языке в общественных организациях, топонимах, школьных и других институтах образования были, например, пункты о возвращении итальянских форм фамилий, а с начала 1923/24 учебного года в хорватских и словенских первых классах было введено обучение на итальянском языке (Королевский декрет № 2185, Юлийская Крайна (Венеция-Джулия) 1 октября 1923 г.). Положением № 1796 того же закона 15 октября 1925 г. итальянский язык стал обязательным языком делопроизводства и в судах. В других учреждениях итальянский язык уже был введен как единственный официальный язык, употребление которого было узаконено 7 апреля 1927 г. Королевским декретом № 494 от 25 мая 1926 г.; также был возвращен первоначальный облик итальянских фамилий [15, с. 206–212].

Сам процесс ассимиляции проходил по двум основным направлениям: уничтожение хорватских и словенских культурных и общественно-политических институтов происходило одновременно с усиленной пропагандистской деятельностью итальянских националистических и профашистских организаций, чье влияние увеличивалось в зависимости от скорости уничтожения словенских институтов [9]. Действительно, до января 1923 г. в Истрии было закрыто или итальянизировано около 150 хорватских и словенских начальных и средних школ и уволено около 200 учителей и профессоров. Это было преддверием новой школьной реформы 1 октября 1923 г., проведение которой в Истрии способствовало постепенному исчезновению хорватского и словенского образования. Малочисленные уроки хорватского языка, как дополнительного, были запрещены 1 марта 1926 г. [3, с. 52]. Поэтому неудивительно, что хорваты старались посылать своих детей учиться в Королевство сербов, хорватов и словенцев. 3 декабря 1928 г. итальянское фашистское государство, пытаясь способствовать ассимиляции иноязычных, отдельным указом запретила такое обучение за границей [3, с. 65].

С 1926 до 1929/30 г. происходила жесткая борьба администрации Истрии с хорватскими и словенскими учителями и профессорами, которые, несмотря на практически полное отсутствие средств и возможностей для существования, все-таки оставались в Истрии. Как возможных «врагов» их выселяли, в основном в Северную Италию, на основании закона от 24 декабря 1925 г., по которому можно было беспрепятственно увольнять или перемещать служащих общественных организаций, если их можно было рассматривать в качестве сомнительных элементов [10]. Другими словами, истрийское правительство стремилось уравнивать число итальянских, хорватских и словенских учителей, но тем не менее ему это не удалось [2, с. 44].

Понимая, что закрытие и итальянизация школ с запретом хорватского и словенского языков не приведет к полному искоренению хорватского языка, фашистская администрация в Истрии развернула борьбу со славянской церковью [7, с. 39]. Но церковь сумела отстоять свои позиции благодаря все еще сильной и влиятельной церковной организации. К тому же, определенную роль сыграла и борьба Триест-Коперской епархии и фашистских властей региона за престиж и политическое влияние на население Истрии. С другой стороны, решительная борьба фашистских властей против хорватского и словенского духовенства, которая была особенно острой начиная с 11 февраля 1929 г. – подписания Конкордата между Святым Престолом и фашистским правительством, способствовала процессу принятия славянских парохий (Парохия (от греч. – приход, от «жить в соседстве») – название прихода, встречающееся в церковнославянских книгах.) и капелланий итальянской церковью [10].

Переломным в отношении фашистской администрации к хорватскому духовенству в Истрии 1927 г. стал Указ об изучении богословия на итальянском языке, который распространялся на всю Истрийскую Крайну. Несоблюдение правил приводило к репрессиям и террористическим акциям чернорубашечников. Государство к тому же действовало через министерство юстиции и министерство по вопросам религий. Специальным указом предписывалось выселение из Италии всех священнослужителей, не имевших итальянского гражданства. В Истрии проведение этого выселения было особенно жестким и за него лично отвечал префект Кавальери [10].

В самом начале правления фашистов, непосредственно после «революционных событий», были запрещены все издания, которые не поддерживали фашистский режим или, по мнению администрации, недостаточно его поддерживали. Ярким примером тенденций в управлении провинции может служить система террора, использовавшегося в качестве метода политической борьбы за итализацию Истрии. Он был направлен на то, чтобы уничтожить последние голоса славянского населения, оказывая давление на хорватских и словенских журналистов и периодические издания, чье существование наглядно демонстрировало полиэтничность Истрии, с которой фашисты никак не хотели примириться [8, 9].

Ликвидация хорватских и словенских изданий проходила в два этапа: на первом – неофициально уничтожались целые тиражи, преследовались члены редакционных коллегий, журналисты и подписчики, а на втором – ликвидация тиражей уже происходила «по закону», вплоть до их окончательного полного запрета [11, с. 474].

Так, «Истрийское слово» и «Друг народа» перестали издаваться с 10 января 1929 г. Только г-н Беседняк, бывший народный делегат в Итальянском парламенте, сумел на короткое время возобновить публикацию одного хорватского и словенского еженедельника и одного словенского ежемесячника, но и они были закрыты в конце 1930 г. «Друг народа» изменил свое название на «Истрийский листок», в то время как словенцам была разрешена печать еженедельника «Новый листок» и ежемесячного издания «Дружина». Также были закрыты все хорватские и словенские культурные и спортивные ассоциации, так как и они, являясь культурными и политическими обществами, были, по утверждению фашистов, центрами славянской пропаганды [16, с. 157].

Пик фашистских репрессий, принимая во внимание их национально-ассимиляционный характер, можно отнести к насильственному изменению славянских имен и фамилий на итальянские. Королевским декретом № 494 7 апреля 1927 г. было продлено действие закона от 25 мая 1926 г., в соответствии с которым проводилось «восстановление итальянских форм фамилий» в провинции Тридент и в Юлийской Крайне. Возможность подачи жалобы на изменение имени и

фамилии не предусматривалась, а штраф за отказ от такого изменения был необычайно высоким (от 500 до 5000 лир). С апреля по сентябрь 1928 г. префект своим декретом изменил свыше 2300 хорватских и словенских фамилий [10].

В то же время, 28 февраля 1928 г., был издан указ министра юстиции Роко об исправлении всех «свидетельств о рождении находящихся в живых граждан», если они были выданы до принятия указа и имени «наносили оскорбление общественному порядку, национальным и религиозным чувствам» [10].

В начале XX столетия в условиях экономической и социальной отсталости быстро менялась социальная структура населения Истрии, особенно в крупных городских центрах. Из-за голода из Истрии в континентальную (баньскую) Хорватию в течение и непосредственно после Первой мировой войны было переселено огромное число хорватских детей. Большинство из них даже после итальянской оккупации так и не вернулись в свои семьи и остались жить без родителей – в детских приютах или были взяты другими семьями [12, с. 149–158].

Отношение фашистских властей в Истрии к представителям славянских народов, вне зависимости от вероисповедания, было практически одинаковым (все они были для итальянцев «славянами»), кроме православных граждан г. Пероу в Черногории. Они имели привилегированное положение (культурную, образовательную и духовную автономию) благодаря уважению к итальянской королеве Елене, дочери черногорского короля Николы Петровича. Отношение к национальным меньшинствам евреев и цыган (немусульманам и неправославным) было в основном негативным, особенно после принятия Закона о расах 1938 г.

Процесс аккультурации евреев в областях Италии, находившихся в составе Австро-Венгерской империи, начался еще в конце XIX – начале XX в., почти одновременно с началом агрессивной сионистской политики. Именно с развитием экономики, прежде всего торговли и капиталистического рынка, евреи покидали свои места жительства и достаточно успешно и естественно социализировались внутри итальянского и немецкого общества. Этот процесс социализации носил в себе и достаточно мощные элементы аккультурации, поэтому у населения, особенно городского, с начала XX в. социализированные евреи больше не вызывали негативных ассоциаций.

Они жили, как и все граждане из их окружения, и практически ничем от них не отличались. Многие из них даже не относили себя к какой-либо религии или переходили в католицизм, вступали в смешанные браки. К тому же социализация и ассимиляция у автохтонных евреев проходила значительно быстрее, нежели у евреев – «иностранцев», которые в большом количестве прибывали на эти территории в начале XIX и в 30-х гг. XX в. Социализированные евреи

существовали во всех общественных структурах и государственных службах. Они были хорошо интегрированы в доминирующую этническую среду. В связи с этим антисемитизм существовал только в неразвитых общинах, где не забывали картины жизни евреев в гетто.

После Первой мировой войны в Истрии проживало около двухсот евреев. Два самых крупных еврейских анклава находились в Риеке и Триесте. После принятия Закона о расах 1938 г. многие из евреев в Истрии эмигрировали в Палестину или другие страны, хотя большинство из них к тому времени уже приняло христианство. Но для нацистов в 1943–1945 гг. этот факт не имел значения, и все евреи отправлялись в концентрационные лагеря. Толерантность итальянцев по отношению к евреям, в то время когда их преследовали везде в Европе, видна и в том, что до 1939 г. в фашистских организациях насчитывалось свыше 10 тыс. евреев. Большинство из них после капитуляции Италии пострадали в нацистских погромах [19].

В конце XIX столетия и позднее в Истрии проживали одна итальянская (арийская) и шесть хорватских цыганских семей. Жизнь под постоянным давлением властей и карательных органов, неуважение и нетолерантность привели цыган к самому низкому уровню и условиям жизни, но они, как и все переселенцы, принесли и сохранили свои обычаи. Так, пять крупных и одна небольшая цыганская община в течение периода между двумя войнами выросли по численности до 80 человек, связанных между собой родственными узами [13].

Автохтонной и небольшой по численности была Истрийская итальянская цыганская группа Каррис (Carri/Carris), которая не была родственно связана с другими истрийско-хорватскими цыганскими группами. В 1940-х гг. в область Лабинштине поселились и три арийские семьи (табора) (Cassol, Cavazza i Taparello), они также не смешивались с другими цыганскими семьями [13]. Проблема существования цыган–католиков и цыган–арийцев, членов фашистской организации, защищавших свой образ жизни в Истрии, была решена к 1938 г., когда приблизительно сотня цыган, проживающих в Истрии, была выселена на Сардинию.

Принятые в сентябре 1943 г. в Пазине решения окончательно оформили и утвердили желание большинства хорватского населения Истрии присоединиться к Хорватии, а следовательно, к Югославской федерации, в которой итальянцы и все граждане получали равные права и гарантию развития национально-языковых и культурных особенностей.

После освобождения в 1945 г. состав населения Истрии радикально изменился. Как и во времена австрийского и итальянского правления в Истрии продолжались трения между городами. Снова началось соперничество, которое в условиях общего послевоенного обнищания часто доводило до конфликтов между соседними городами или населенными пунктами.

В это время были сформированы многочисленные отделения Национального комитета освобождения (НКО), которые не являлись необходимыми в ряде областей. Они образовали большой бюрократический аппарат, который игнорировал основные принципы сосуществования и традиции сельского и муниципального самоуправления. Понятие о самоуправлении, как о части исторического наследия, было характерным для всего населения, особенно городского.

Типичная бюрократизация власти была особенно вредна, так как больше всего она влияла на решение национальных вопросов. Именно хорватские НКО тормозили развитие и инициативу итальянских городских комитетов [20]. Кроме того, население не могло разобраться в новом устройстве власти и органов управления. Звучали резкие замечания, «что комитеты никуда не годятся» и «члены правления хуже фашистских властей». Но процесс уже невозможно было остановить, и число тех, кто не доверял властям, увеличивалось [20].

Национальные комитеты были далеки от того, чтобы соответствовать ожиданиям местного населения, и открыто «боялись» его. Чиновники писали представителям политического руководства Истрии, «что окружены настоящими бандитами», а сами являются единственными честными людьми. Все это также способствовало потере местными властями доверия населения. Поэтому выселение населения Истрии продолжалось после Второй мировой войны до 1957 г. Оно проводилось незаконно или путем лишения гражданства [20].

Пик эмиграции пришелся на 1948 г., когда отмечено почти 92,8% всех послевоенных выселений итальянцев. В числе причин можно отметить как политические, так и экономические, поэтому вместе с итальянцами переселялись и хорваты, больше всего было эмигрантов в Италию, но часть населения переселилась в Австралию, Францию, Бельгию и Австрию. Кроме того, в период с 1945 по 1954 г. с территории Хорватии переселилось более 200 000 граждан, включая несовершеннолетних. Из-за эмиграции больше всего пострадали экономически неразвитые районы Бузештине и Порештине, а также Пульштина, в основном из-за резкого уменьшения числа итальянского населения в Пуле (за 1948–1953 гг. эмигрировало 13,39 % населения) [17, с. 181].

Кроме того, в администрации некоторых регионов количество итальянских представителей не было пропорционально количеству итальянских граждан. Они стали национальным меньшинством, а хорватский язык превратился в язык официального делопроизводства, в то время как городское население, как и прежде, в основном пользовалось итальянским. Поэтому документы, изданные местными властями в то время, написаны на своеобразном хорватском языке, плохо связанным с его конструкцией, грамматикой и орфографией [5]. Члены итальянского меньшинства испытывали трудности при изучении хорватского

языка, но с аналогичной проблемой сталкивались и местные хорваты, которые в межвоенный период обучались в итальянских школах. Вскоре в результате столкновения и взаимопроникновения двух культур появился новый хорватско-итальянский сленг и богатая языковая семиотика.

В то же время в обществе происходил важный процесс естественной ассимиляции, сопровождающийся большим числом смешанных браков. Причиной послужило провозглашенное и поддержанное большинством населения национальное равенство и убежденность в окончательном решении национального вопроса. Примером тому служит вначале медленный, а затем достаточно активный процесс возвращения традиционных форм хорватских фамилий, так же как и измененных итальянских, проходивший частично добровольно, а частично по предложению загсов национальных комитетов. Нередки были случаи, когда часть семьи использовала хорватскую форму фамилии, а другая – итальянскую. Позже это привело к затруднениям при проведении многих административных процедур, особенно при решении вопросов об имущественных правах и наследстве [5].

После Второй мировой войны Конституция ФНРЮ, а после и СФРЮ формально предложила всем народам и национальным меньшинствам основные гражданские свободы (в том числе вероисповедания, использование родного языка и письменности). Поэтому началось переселение в Истрию македонцев, албанцев, сербов и цыган, проходившее в несколько этапов. Сербь и македонцы, в отличие от других народов федерации, переезжали в Истрию не по экономическим причинам, а в качестве военных.

Социализация и аккультурация этой волны переселенцев произошла только во втором поколении рожденных в Истрии. Словенцы, особенно в северной и северо-западной части Истрии, имели статус автохтонных жителей и не сталкивались с адаптационными проблемами. После распада федерации Югославии и формирования самостоятельных и независимых государств – бывших республик, в том числе Хорватии, статус национальных меньшинств получили албанцы, боснийцы, македонцы, цыгане и сербы, которые остались в Истрии и представляли собой отдельные национальные и культурные группы. Традиционно статус самого привилегированного национального меньшинства в качестве автохтонных жителей имеют итальянцы, которые получили право открывать свои школы с преподаванием родного языка. В остальных школах итальянский язык изучают факультативно.

Обо всех произошедших изменениях (и аккультурации) лучше всего говорят статистические данные 1991 г. В Истрии из 204 346 жителей – 111 596 были хорватами, 15 306 – итальянцами и 77 444 – представителями остальных национальностей. Но эти данные были получены в результате опросов населения, а реальный национальный состав немного отличался: хорватов вместе с теми, кто назвал себя истрийцами, – 149 574, а итальянцев вместе с теми, кто назвал себя хорватами, – 18 024, остальных – 36 748. Не определили свою национальность, хотя назвали хорватский язык родным 40 225 человек, а из назвавших себя хорватами было 2277 человек, говорящих на другом родном языке. При этом группа, чьим родным языком считался сербско-хорватский, не рассматривалась. Кроме основных национальных групп на территории Истрии проживали 9754 сербов, 6224 боснийцев, 2808 словенцев, 1447 албанцев, 1041 черногорцев и 555 македонцев [21, с. 92].

Состав населения по выбору родного языка выглядит иначе. Особенно интересна ассимиляция части жителей Истрии, которые назвались хорватами или итальянцами. Хорватов с родным сербско-хорватским языком было 1502, а тех, которые родным назвали итальянский, – 1745 человек. Родной словенский язык был у 108, а венгерский у 30 человек. Родной сербский у 19, словацкий у 13, чешский у 12, албанский у 5 человек, так же как и македонский. Два человека родным назвали цыганский язык. Русинский и украинский – по одному представителю, а 336 жителей Истрии не определились с родным языком. Итальянцев с родным хорватским языком было зарегистрировано 1445, словенский язык назвали родным 29, сербско-хорватский – 28, а сербский язык назвал родным один итальянец, а 42 из них не выбрали родного языка [21].

В небольшой Истрии при проведении более детальных исследований было зарегистрировано 73 венгра, 34 чеха, 27 цыган, 17 украинцев, 13 немцев, 12 австрийцев, 1 болгарин и 1 русский, 5 евреев, 2 поляка и по одному румыну и турку, которые национально определились, но родным языком назвали хорватский [21, с. 92].

Процессы аккультурации неминуемы и чаще всего происходят незаметно на фоне ежедневных событий и процессов. Поэтому можно лишь предположить, какой будет структура населения и как изменятся отношения народов Истрии в наступившем XXI столетии. Скорее всего это будет происходить, как и до сих пор, по давно принятой модели сосуществования.

Список литературы

1. Barbalić F. Narodna borba u Istri. Od 1870 do 1915 g. Zagreb: Jugoslovenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1952.
2. Beuc I. Povijest institucija državne vlasti u Hrvatskoj (1527–1945). Zagreb: arhiv Hrvatske, 1969.
3. Bratulić V. Dokumenti o odbrani i istrebljenju hrvatskih škola u Istri pod Italijom. Zagreb: Jugoslovenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1955.
4. Državni arhiv u Pazinu, prefektura Pule (PP), 1931.
5. Državni arhiv u Pazinu u Pazinu (DAP), 1945.
6. Dukovski D. Nacionalne manjine u Istri u 20 stoljeću. Zagreb: Friedrich Naumann Stiftung, 2000.
7. Engelsfeld N., Krešić M. Povijest Hrvatske države i prava, razdoblje od 18 do 20 stoljeća. Zagreb: Pravni fakultet, 2002.
8. Gazzetta Ufficiale. - 1924. - 8 agosto.
9. Istarska riječ. - 1921. - 7 lipnja. - 1923. - 5 listopada.
10. Istarska riječ. - 1928. - 12 travnja.
11. Kacin-Wohinz M. Narodnoobrambno gibanje primorskih slovencev 1921 - 1928. Koper: Lipa, 1977.
12. Kolar M. Zbrinjavanje istarske djece krajem Prvoga svjetskog rata u sjevernoj Hrvatskoj // Pazinski memorijal, 1992, № 22.
13. Kvestura Pula, kutija 20, fascikla Q-1, 1938. Popis uhićenih Roma (Zingari pregiudicati).
14. Laušić A. Prilog iseljeničkoj problematici Istre od druge polovice 19 do šezdesetih godina 20 stoljeća // Pazinski memorijal, 1990, № 21.
15. Mussolini B. La nuova politica dell'Italia. Milano: Casa editrici „alpes“, 1928.
16. Radetić E. Istra pod Italijom 1918 - 1943. Zagreb: Tiskara Albrecht, 1944.
17. Rocchi P. Flaminio. L'esodo dei 350 mila giuliani, fi umani e dalmati. Roma: Punto Marte, 1990.
18. Spinčić V. Narodni preporod u Istri, u: Gruber, D. i Spinčić, V.. Povijest Istre i Narodni preporod u Istri. Zagreb: Družba braća hrvatskoga zmaja, 1924.
19. Statistički godišnjak Hrvatske 1953. Zagreb, 1954.
20. Zapisnik sa sjednice od 20 srpnja 1945 godine: Izlaganje Cerovca A., predsjednika Oblasnog narodnog odbora za Istru. Državni arhiv u Pazinu, Civilni komesarijat u Puli, 1918 – 1929.
21. Žuljić S. Hrvatska Istra. Suvremene narodnosne prilike. Zagreb: Nakladni zavod Globus, 1994.

Об авторе

Мараш Анита – аспирант кафедры прикладного анализа международных проблем, МГИМО(У) МИД России, Москва. E-mail: anita_marash@mail.ru

ITALIAN MINORITY IN ISTRIA: DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF MULTICULTURAL AND MULTI-ETHNIC SOCIETY

A. Marash

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article identifies and discloses the problems of national minorities living on the territory of the Istrian peninsula with access to the Adriatic Sea and the region Venezia Giulia. It must be stressed that the population of Istria just over the past century four times "changed citizenship", having been in the Austro-Hungarian Empire, the Kingdom of Italy, Federal People's Republic of Yugoslavia - FPRY (later - the Socialist Federal Republic of Yugoslavia - SFRY), and, finally, the People's and the Socialist Republic of Croatia. It is shown that all of these political changes in different periods strongly influenced mentality of the population, especially in matters relating to the treatment of national minorities. Consequently, the composite structure of the population of Istria and Venezia Giulia with time has undergone profound changes: Latinized ethnolinguistic group assimilated by Slavic population, but subsequently was different from the Slovenes and Croats. Before the First World War, these territories were part of the Austro-Hungarian Empire, and there lived the Italians, Croats and Slovenes. After the war and the collapse of the empire the region became part of the Kingdom of Italy. New problems arose at the end of the Second World War, when most of the Istria and Venezia Giulia was under the control of the newly established Democratic Federal Yugoslavia. As a result, after the break-up of the federation of Yugoslavia and the formation of autonomous and independent states - former republics including Croatia, the status of national minorities have separate national and cultural groups, where Italians as an autochthonous national minorities enjoyed the status of the privileged minority.*

Key words: Istria, Italy, Croatia, Slovenia, Yugoslavia, the twentieth century, the national minorities.

About the author

Anita Marash – post-graduate student at Department of applied analysis of international issues. Moscow State of International Relations (MGIMO-University). E-mail: anita_marash@mail.ru

References

1. Barbalich F. Narodna borba u Istri. Od 1870 do 1915 g. [People's struggle in Istria. From 1870 to 1915]. Zagreb, Yugoslav Acad. of Arts and Sciences Publ., 1952. 34 p.
2. Beuts I. Povijest institucija državne vlasti u Hrvatskoj (1527–1945) [History of the institutions of government in Croatia: 1527–1945]. Zagreb, Croatian archives, 1969. 44 p.
3. Bratulich V. Dokumenti o odbrani i istrebljenju hrvatskih škola u Istri pod Italijom [Documents on defense and extermination of Croatian schools in Istria under Italy]. Zagreb, Yugoslav Acad. of Arts and Sciences Publ., 1955. 52 p.
4. Državni arhiv u Pazinu, prefektura Pule (PP) [State Archive in Pazin, Pula prefecture]. 1931.
5. Državni arhiv u Pazinu u Pazinu (DAP) [State Archive in Pazin (SAP)]. 1945.
6. Dukovski D. Nacionalne manjine u Istri u 20 stoljeću [Ethnic minorities in Istria in the 20th century]. Zagreb, Friedrich Naumann Stiftung, 2000. 2 p.
7. Engelsfeld N., Kreshich M. Hrvatske države i prava, razdoblje od 18 do 20 stoljeća [History of Croatian state and law, the period of 18 to 20 century]. Zagreb, Faculty of Law Publ., 2002. 39 p.
8. Gazzetta Ufficiale [Official Gazette], August 8, 1924.
9. Istarska riječ [Istrian word], June 7, 1921; October 5, 1923.
10. Istarska riječ [Istrian word], April 12, 1928.
11. Katsin-Wohinz M. Narodnoobrambno gibanje primorskih slovencev 1921 – 1928 [National war of liberation in coastal Slovenia in 1921–1928]. Koper, Lipa Publ., 1977. 474 p.
12. Kolar, M. Disposal of Istrian children in the end of the World War I in the northern Croatia. Pazinski memorijal [Pazin Memorial], 1992, no. 22, pp. 149–158.
13. Kvestura Pula, List of arrested Gypsies. Pula, 1938.
14. Laushich A. Enclosure of emigrant issues of Istria from the second half of the 19th till the sixties of the century 20. Pazinski memorijal [Pazin Memorial], 1990. no. 21, p. 43.
15. Mussolini B. La nuova politica dell'Italia [The new policy of Italy]. Milan, "Alpes" Publ., 1928, pp. 206–212.
16. Radetich E. Istra pod Italijom 1918 – 1943 [Istria under Italy from 1918 to 1943]. Zagreb, Albrecht Publ., 1944. 157 p.
17. Rocky P.F. L'esodo dei 350 mila giuliani, fiumani e dalmati [The exodus of 350,000 Giulians, Fiumens and Dalmatians]. Rome, Point Mars Publ., 1990. 181 p.
18. Spinichich V. National rebirth in Istria. Gruber D., Spinichich V. Povijest Istre i Narodni preporod u Istri [History of Istria and the National rebirth in Istria]. Zagreb, Soc. of Croatian Dragon Fraternity Publ., 1924. 23 p.
19. Statistički godišnjak Hrvatske 1953 [Statistical Yearbook of the Croatia for 1953]. Zagreb, 1954.
20. Zapisnik sa sjednice od 20 srpnja 1945 godine: Izlaganje Cerovca A., predsjednika Oblasnog narodnog odbora za Istru [Shorthand report of the meeting of July 20, 1945. Cerovac A. Speech, President of the District People's Committee for Istria]. State Archive in Pazin, Civil Commissioner in Pula, 1918–1929.
21. Žuljić S. Hrvatska Istra. Suvremene narodnosne prilike [Croatian Istria. Contemporary ethnic opportunities]. Zagreb, Globus Publ. Inst., 1994. 92 p.

ПРИВАТИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ АКТИВОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ

Ю.В. Боровский

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Настоящая статья посвящена проблеме приватизации в топливно-энергетическом комплексе России с особым фокусом на недавнюю сделку по покупке государственной «Роснефтью» частной компании ТНК-ВР. Приватизационные процессы, которые уже имели или только будут иметь место в российской энергетике, рассматриваются автором в контексте накопленного международного опыта. В частности, описываются подходы, которых придерживались власти Норвегии, Бразилии, Франции и Великобритании при продаже стратегически важных энергетических активов. В статье также исследуются особенности государственного и частного управления активами в энергетических отраслях России и других стран мира. Например, проливается свет на весьма существенные достижения отечественных государственных компаний в сфере нефтедобычи вопреки бытующему мнению о том, что более чем десятилетний рост российской добычи жидких углеводородов, наблюдаемый с конца 1990-х гг., обусловлен исключительно деятельностью частных бизнес-структур. Кроме того, в статье рассказывается о работе норвежской нефтегазовой корпорации Statoil, которая добилась значительных успехов не только на норвежском континентальном шельфе, но и в других регионах мира. Отдельное внимание уделяется анализу реформы РАО «ЕЭС России», в результате которой были приватизированы многие объекты российской электроэнергетики. Автор не только детально рассматривает саму реформу, но и приводит независимые экспертные оценки, касающиеся ее эффективности и полезности для экономики РФ. Для изучения перспектив развития российской энергетики в статье представлены основные группы интересов, доминирующие в правительстве и топливно-энергетическом комплексе России.

Ключевые слова: энергетическая политика России, приватизация российских энергетических предприятий, реформа РАО «ЕЭС России», нефтяные и газовые компании РФ, ОАО «НК «Роснефть», ОАО «Газпром», ТНК-ВР, BP, Statoil.

Покупка государственной «Роснефтью» частного конкурента ТНК-ВР спровоцировала в России острейшую дискуссию о балансе государственного и частного участия в национальной энергетике и экономике в целом. Действительно, в результате этой сделки, завершившейся в марте 2013 г., государство в лице «Роснефти» получило контроль практически над 40% нефтедобычи страны, а с учетом долей «Газпрома» и «Газпром нефти» – почти над 50% [2].

Противники подобного укрупнения «Роснефти» укоряют либерально ориентированное правительство Д.А. Медведева в том, что оно согласилось на это поглощение вопреки ранее заявленной цели – приватизировать в ближайшие годы основные государственные активы в отечественной энергетике, за исключением только «Газпрома». Согласно постоянно корректирующимся планам правительства, до 2016 г. должен быть продан, как минимум, контрольный пакет акций «Роснефти», а также проведена приватизация других энергетических предприятий страны – «Транснефти», «Зарубежнефти», «РусГидро», ФСК ЕЭС. Точный размер пакетов акций и срок их продажи еще будет уточняться в рамках специальных «дорожных карт».

Бесспорно, новая масштабная волна приватизации энергетических активов, сопоставимая с тем, что россияне видели в 1990-х гг., воспринимается в российском обществе, включая его экспертную часть, крайне неоднозначно. При этом главная дилемма, как обычно, заключается в том, должно ли государство вовсе сокращать свое непосредственное участие в развитии национального ТЭКа?

Преимущества частного капитала в энергетике?

Изрядное, если не подавляющее, число российских и зарубежных экспертов склонно считать, что рекордный рост добычи нефти, который демонстрирует Россия с 1998 г., является результатом приватизационной программы, реализованной командой Ельцина в 1990-х гг. Они также уверены, что любой рост государственного участия в энергетическом секторе страны, в том числе в рамках сделки «Роснефти» и акционеров ТНК-ВР, а priori является вредным для нефтяной отрасли России. В этой связи следует обратить внимание на несколько обстоятельств.

Удивительно, но переход ТНК-ВР под контроль «Роснефти» не противоречит идеям реформаторов из правительства Егора Гайдара. Именно они определили подобную конфигурацию нефтяной отрасли около 20 лет назад. Действительно, 17 ноября 1992 г. президент Борис Ельцин подписал известный Указ №1403 о приватизации и преобразовании в акционерные общества государственных предприятий, работающих в нефтяной сфере. Реализация данного указа создавала следующую конфигурацию нефтяной отрасли страны. В центре должно было находиться государственное предприятие (ГП) «Роснефть», аккумулирующее почти 60% отечественной добычи нефти. Оно не подле-

жало акционированию и обладало всеми признаками национальной нефтяной компании. Вместе с «Роснефтью» на рынке должны были работать три вертикально-интегрированных акционерных общества: ЛУКОЙЛ, «Сургутнефтегаз» и ЮКОС [1].

Впоследствии слабое государство не смогло отстоять своих заявленных позиций. Государственное предприятие «Роснефть» было все-таки преобразовано в акционерное общество, а его ключевые активы постепенно перешли под контроль разных бизнес-структур, а также региональных и национальных элит. Таким образом, был образован еще целый ряд частных компаний, включая Тюменскую нефтяную компанию, или ТНК, на базе которой позже было создано совместное предприятие ТНК-ВР. Поэтому вполне можно считать, что ТНК, ныне работающая под брендом ТНК-ВР, просто возвращается в лоно «Роснефти», а государство лишь восстанавливает утраченные позиции и не претендует на что-то большее. Как уже было отмечено выше, после закрытия сделки «Роснефти» и акционеров ТНК-ВР государство стало контролировать только 50% отечественной нефтедобычи, под контролем ГП «Роснефть» некогда было 60%.

В настоящем контексте также целесообразно посмотреть на официальные статистические данные. Так, по данным Министерства энергетики РФ, в 2012 г. в России было добыто 518 млн т нефти и газового конденсата (далее – просто нефть), что примерно на 1%, или 6,5 млн т, больше, чем в 2011 г. Наибольший прирост добычи обеспечила государственная «Роснефть» – целых 3 млн т. Частные ТНК-ВР и «Сургутнефтегаз» вместе прирастили менее 1 млн т, а ЛУКОЙЛ вообще продемонстрировал падение добычи. Если же взять нефтедобывающие компании России, контрольный пакет акций которых сейчас принадлежит государству («Роснефть», «Газпром» и «Газпром нефть»), то на их долю пришлось почти две трети прироста российской добычи нефти в истекшем году [2].

Данные за последние 7 лет еще более показательны: в период с 2006 по 2012 г. нефтедобыча ЛУКОЙЛа и «Сургутнефтегаза» упала на 7% (примерно на 6 и 4 млн т соответственно), ТНК-ВР осталась практически на том же уровне. В те же годы государственная «Роснефть» сумела нарастить добычу жидких углеводородов на 44%, или почти на 36 млн т. Добыча нефти «Газпрома» и «Газпромнефти» осталась практически на том же уровне [5]. Столь впечатляющие успехи «Роснефти» связаны отнюдь не с механическим поглощением основных активов ЮКОСа, показатели которых были консолидированы ранее, включая «Юганскнефтегаз».

Наряду с поддержанием, а в ряде случаев органическим ростом добычи на базовых месторождениях, «Роснефти» удалось запустить «с нуля» крупнейшее из месторождений, открытых и введенных в эксплуатацию в России за последние 25 лет. Речь идет о Ванкорском нефтегазовом месторождении, расположенном на севере Восточной Сибири, практически не освоенном нефтегазовом регионе России. Промышленная добыча нефти началась на этом месторождении в 2009 г. и в 2012 г.

достигла 410 тыс. барр. в сутки (свыше 20 млн т в годовом исчислении) [3].

В октябре 2012 г. на лондонской встрече с инвесторами глава «Роснефти» И.И. Сечин сообщил, что среди ведущих российских и зарубежных компаний НК «Роснефть» имеет самые низкие расходы на поиск и разработку нефтяных залежей, а также эксплуатационные расходы на добычу нефти. По данным бывшего вице-премьера правительства РФ, в 2009–2011 гг. первый показатель у «Роснефти» составлял 3,9 долл. на баррель, в то время как у ЛУКОЙЛа – 6,7, Total – 26,1, ExxonMobil – 9,6, BP – 12,0, Royal Dutch Shell – 10,9 долл. на баррель. По второму показателю результаты «Роснефти» – 2,8 долл. на баррель, а у ЛУКОЙЛа – 4,4, Total – 5,6, ExxonMobil – 14,2, BP – 15,9, Royal Dutch Shell – 16,0 долл. на баррель [4].

Таким образом, довод о том, что государственный контроль означает неминуемую деградацию нефтяной промышленности страны, не всегда выдерживает критики. Кроме того, люди, которые восхваляют торжество частного капитала, приведшего к рекордному росту российской нефтедобычи начиная с 1998 г., почему-то забывают о мировой экономической конъюнктуре. Дело в том, что завершение масштабных приватизационных процессов в российском ТЭКе, инициированных при Б.Н. Ельцине, совпало по времени с началом периода мирового экономического роста, сопровождаемого беспрецедентным увеличением цен на нефть.

Тем не менее приведенные выше данные не призваны продемонстрировать безупречность и тем более превосходство государственных нефтяных компаний России над их отечественными конкурентами из частного сектора. Например, финансовые аналитики не перестают указывать на проблемы «Роснефти» с ростом капитальных затрат. С 2010 по 2012 г. они увеличились на 71% (на 6,4 млрд долл.) [5], в то время как у ТНК-ВР только на 1,5 млрд долл. (или 42%) [5]. Показательно также, что капитальные затраты «Роснефти» на баррель добытого нефтяного эквивалента примерно на 2 долл. превышают аналогичный показатель ТНК-ВР [5]. Поэтому не должно быть сомнений в том, что та же «Роснефть», демонстрирующая впечатляющие операционные показатели, нуждается в глубокой и всесторонней модернизации для того, чтобы успешно конкурировать на национальном и глобальном рынке в обозримой перспективе. Этой компании, как и ее конкурентам в российской энергетике, требуется повышать качество менеджмента и снижать издержки, совершенствовать корпоративное управление, внедрять новейшие технологии добычи и учиться их самостоятельно использовать (в том числе при работе на арктическом шельфе), выводить на новый уровень перерабатывающий и сбытовой комплексы, улучшать работу в природоохранной сфере и т.д. И справедливости ради следует сказать, что новое руководство «Роснефти» уже активно работает на указанных направлениях. Выступая в Лондоне после закрытия сделки по покупке ТНК-ВР в марте 2013 г., И.И. Сечин отметил: «Наша работа по интеграции направлена на повы-

шение экономической эффективности и результативности работы компании ... ответственности бизнес-блоков» [6].

Практически все компании, которые сегодня работают в российском ТЭКе (исключение – госкорпорация «Росатом»), являются акционерными обществами, развивающимися по общепринятым стандартам корпоративного управления. Контрольный пакет акций в одних компаниях принадлежит государству, в других – частным структурам и лицам. И главный вопрос здесь заключается в том, почему акционерные компании с преобладанием государственного участия а priori обречены на неэффективность. Как показывает российский опыт, мажоритарный акционер в лице государства не ограничивает развитие контролируемой им компании. Например, он позволяет ей нанимать высококвалифицированные и высокооплачиваемые кадры (включая иностранных), приобретать новые активы и внедрять новейшие технологии.

Довод о том, что государственные энергетические компании эксплуатируются государством в социальных целях, имеет право на жизнь, но в случае с Россией он связан с переходным состоянием ее экономики. Для промышленных предприятий России тарифы на электричество уже достигли рыночного уровня, тарифы на газ планомерно к нему движутся (переход России на так называемые равнодоходные цены на газ запланирован на 2017–2018 гг.). Российские домашние хозяйства также платят с каждым годом все больше и больше за электричество и газ. Есть и другие аргументы. До сих пор льготными поставками топлива российским сельхозпроизводителям занимается не только государственная «Роснефть», но и ведущие частные нефтяные компании страны, включая ЛУКОЙЛ и ТНК-ВР.

Из всего вышесказанного следует вывод: акционерная энергетическая компания с преобладающим государственным участием может эффективно развиваться и конкурировать с соперниками из частного сектора при условии, если ее менеджмент обладает высокими профессиональными качествами, а мажоритарный акционер придерживается общепринятых стандартов корпоративного управления и ориентирован исключительно на максимизацию прибыли, например, с целью наполнения национального бюджета. В этой связи очень показателен опыт Норвегии.

Нечасто кто-то вспоминает, что норвежская нефтегазовая компания Statoil контролируется государством, а так было всегда. Однако это обстоятельство отнюдь не мешает ей успешно конкурировать на национальном и мировом рынке.

Statoil демонстрирует впечатляющие операционные и финансовые показатели (например, с 2001 по 2011 г. добыча нефти и газа выросла в Statoil (в Норвегии и за ее пределами) на 84%, объем доказанных запасов нефти и газа – на 27%, выручка – почти в 3 раза, чистая прибыль – в 4,5 раза.) [7]; управляет добычей 75% нефти и газа в Норвегии; является одним из ведущих мировых экспортеров нефти, а также вторым по величине поставщиком природ-

ного газа в Европе (после «Газпрома»). На базе компании Statoil построена не только вся нефтегазовая промышленность, но и сервисная индустрия Норвегии, дающая работу тысячам норвежцев. Также немаловажно, что Statoil является обладателем уникальных технологий и услуг в области добычи углеводородов на больших морских глубинах. На сегодняшний день компания считается крупнейшим в мире оператором проектов, реализуемых на морских глубинах, превышающих 100 метров. Это бесспорное технологическое преимущество является залогом настоящего и будущего процветания компании. Наверняка оно окажется очень востребованным при предстоящем освоении глубоководных морских ресурсов Земли. Неслучайно, что Statoil уже стал ведущим оператором проектов по глубоководной добыче тяжелой нефти в Бразилии, а также заключил соглашение о сотрудничестве с «Роснефтью», в рамках которого он применит свои новейшие технологии в российской части Баренцева и Охотского морей.

Пример Statoil показателен еще и тем, что государственный контроль предприятия стал той основой, без которой частные инвесторы, прежде всего иностранные, вряд ли стали бы вкладывать значительные финансовые средства в освоение сложных, капиталоемких проектов на норвежском шельфе в Северном и Баренцевом морях. Партнерство с государственной Statoil было им расценено как необходимая гарантия сохранности их инвестиций.

Сделка «Роснефти» и ТНК-ВР: национализация или приватизация?

На сделку «Роснефти» по покупке ТНК-ВР можно посмотреть еще под одним углом зрения. Если российские акционеры ТНК-ВР в лице консорциума ААР получили за половину компании примерно 28 млрд долл. [8], то их британский партнер ВР в результате двухэтапной транзакции приобрел не только около 17 млрд долл., но и 12,84% акций новой «Роснефти». Кроме того, по условиям соглашения ВР выкупила у государственного «Роснефтегаза» (непосредственно главного акционера «Роснефти») еще 5,66% акций «Роснефти» по той же цене – 8 долл. за акцию.

Таким образом, по завершении всех финансовых операций британский гигант стал обладателем 19,75% акций «Роснефти», включая уже имевшуюся у него долю в 1,25% [8]. В 2014 г. и последующие годы государство, если следовать заявлениям главы Росимущества РФ О.К. Дергуновой и других представителей правительства [9], продолжит продавать акции «Роснефти», и, вполне возможно, ВР увеличит свой пакет. Однако уже сегодня можно говорить о зарождении стратегической синергии российского и британского нефтегазового бизнеса. Эксперты, как правило, единодушны в том, что акционерный союз с ВР позволит «Роснефти» повысить эффективность операционной деятельности; получить доступ к новейшим технологиям и сервисам, а также выйти на новые зарубежные рынки. Кроме того, присутствие ВР в акционерном капитале «Роснефти» потребует от руководства

российской компании поднять на новую ступень ее корпоративное управление.

До сделки по покупке ТНК-ВР структура акционерного капитала «Роснефти» выглядела следующим образом: государственная корпорация ОАО «Роснефтегаз» – 75,16%, ООО «РН-развитие» (дочернее предприятие НК «Роснефть») – 9,53%, ООО «РН-Строй» (дочернее предприятие НК «Роснефть») – 0,01%, прочие, в основном частные инвесторы, – 15,3%. Таким образом, в руках государства в последние годы находилось 84,7% акций «Роснефти». В результате вышеописанной сделки «Роснефти» с ВР доля государственного участия в госкомпании сократилась до 66,2% [10]. Это даже меньше доли норвежского государства в акционерном капитале компании Statoil – 67%.

Таким образом, заявления о том, что в результате поглощения ТНК-ВР «Роснефтью» в России возникла угроза национализации, не совсем адекватны. Во-первых, после завершения сделки «Роснефти» и акционеров ТНК-ВР государство имеет меньшую долю в нефтяном секторе страны, чем планировало реформаторское правительство Егора Гайдара в начале 1990-х гг. Во-вторых, государственное участие в «Роснефти», крупнейшей публичной нефтяной компании страны и мира (если брать в расчет уровень добычи и запасов нефти), снизилось до беспрецедентно низкой отметки – 66,2%.

Нужна ли приватизация России и если нужна, то какая?

Подавляющее большинство населения России по-прежнему отрицательно оценивает результаты приватизации ельцинской эпохи. И это не странно. Ключевые государственные активы тогда были проданы за бесценок узкой группе лиц, которая впоследствии стала называться олигархами. Вот один из примеров, причем довольно актуальный сегодня. В 1990-х гг. от продажи Тюменской нефтяной компании (ТНК) государство получило менее 1 млрд долл. [11]. По состоянию на конец 2011 г. совместное предприятие ТНК-ВР, созданное в 2003 г. на базе ТНК, выплатило своим акционерам 38 млрд долл. в виде дивидендов [12, с.9]. В декабре 2012 г. руководство компании «Роснефть» и консорциум ААР подписали договор купли-продажи 50-процентной доли в ТНК-ВР. Сумма сделки составила 28 млрд долл. Таким образом, если предположить, что Российское государство не продало бы в свое время этот актив и решило его приватизировать только сейчас, то его совокупная выгода составила бы не менее 94 млрд долл.: 38 млрд долл. в качестве дивидендов, а также 56 млрд долл. в виде рыночной стоимости предприятия.

Бесспорно, приведенные выше расчеты весьма условны, и к тому же история не терпит слагательного наклонения. Тем не менее нельзя не отметить, что в России время от времени поднимается вопрос о пересмотре итогов приватизации 1990-х гг. или выплате компенсаций за собственность, полученную практически за бесценок. Даже относительно недавно, 9 февраля 2012 г., премьер-министр и кандидат в президенты В.В. Путин, выступая на

съезде Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), предложил закрыть тему «нечестной» приватизации 1990-х гг. после уплаты разового взноса нынешними владельцами приватизированных предприятий. Тремя годами ранее, в 2009 г., партия «Справедливая Россия» также предлагала обложить разовыми налогами крупные состояния, созданные в эпоху приватизации. Результаты социологического опроса, который провел ВЦИОМ в 2007 г., показали, что 58% российских предпринимателей полагают необходимым «сделать шаг навстречу требованиям различных слоев общества» и пересмотреть результаты приватизации 1990-х гг. [13].

Если обратиться к более поздним приватизационным процессам в России, в том числе в сфере энергетики, то и они оказались довольно противоречивыми и неоднозначными. Самый наглядный тому пример – реформирование РАО «ЕЭС России», в результате которого принадлежащая государству вертикально интегрированная электроэнергетическая компания общенационального масштаба была разделена на ряд независимых бизнес-единиц, подлежащих приватизации.

Реформа РАО «ЕЭС России» охватила 2003–2008 гг. По замыслу она выглядела весьма прогрессивно. «Сетевые монополии», занимающиеся передачей электроэнергии и оперативно-диспетчерским управлением, отделялись от конкурентных секторов – генерации и сбыта электроэнергии, ремонта и сервиса [14]. Вместе с атомными электростанциями сетевые монополии оставались под контролем государства, в то время как генерирующие, сбытовые и ремонтные компании должны были быть приватизированы и конкурировать друг с другом ради повышения эффективности и снижения издержек.

В отличие от Украины, создавшей вместо одной общенациональной вертикально-интегрированной монополии несколько локальных, идеологи российской реформы предложили сформировать шесть оптово-генерирующих компаний (ОГК) и сделать это таким образом, чтобы в них вошли генерирующие мощности, преимущественно государственные районные электростанции (ГРЭС), из разных регионов страны. Кроме того, параллельно должны были быть созданы 14 территориальных генерирующих компаний (ТГК), в состав которых включались главным образом теплоэлектроцентрали (ТЭЦ). Подавляющее большинство гидроэлектростанций (ГЭС) было выделено в отдельную акционерную структуру (ныне – «РусГидро»).

К началу 2008 г. было завершено формирование всех ОГК и ТГК, а также сбытовых активов, которые были приватизированы. Новые собственники, в число которых вошли государственные («Газпром энергохолдинг» («Газпром»), «Интер РАО»), а также российские и иностранные частные компании (российские «Норильский никель», «Евросибэнерго», итальянская Enel, немецкая E.On), взяли на себя весьма серьезные инвестиционные обязательства. Магистральные электросети страны перешли под управление Федеральной сетевой

компания (ОАО «ФСК ЕЭС»), а межрегиональные распределительные сетевые компании вошли в холдинг МРСК. Системный оператор Единой энергетической системы (ОАО «СО ЕЭС») стал осуществлять централизованное оперативно-диспетчерское управление электроэнергетической системой страны. Контрольный пакет акций МРСК, ФСК, СО остался у государства.

С 2008 г., или уже пять лет, российский рынок электроэнергии работает по новым правилам, а его важной составляющей является частный капитал. Однако, по мнению подавляющего большинства экспертов, реформа до сих пор не привела к ожидаемым результатам. Во-первых, не повышена эффективность и надежность отрасли. Именно после начала реформы произошли и «московский блэкаут» 2005 г. и авария на Саяно-Шушенской ГЭС в 2009 г., ставшая крупнейшей в истории российской гидроэнергетики. В настоящее время специалисты и СМИ бьют новую тревогу уже по поводу Красноярской ГЭС, основным собственником которой выступает частная «Евросибэнерго».

Во-вторых, создание оптового рынка электроэнергии и отказ от регулирования цен для промышленных потребителей не создали необходимой конкуренции в отрасли, что не только не повысило качество предоставляемых услуг, но и спровоцировало резкий рост тарифов на электричество в стране. За пять лет они увеличились более чем вдвое. И если для населения стоимость электроэнергии до сих пор устанавливается государством и пока остается на относительно низком уровне, то промышленные потребители России нередко платят больше, чем их европейские конкуренты [14]. Также показательно, что подключение к электрическим сетям остается в России одним из самых длительных и затратных в сравнении с другими странами. В среднем в мире подключение к сетям занимает 3–3,5 месяца, в России – свыше 9 месяцев [15].

И наконец, в российскую электроэнергетику так и не пришли те значительные частные инвестиции, что были обещаны идеологами реформы. Возобладало стремление новых собственников максимизировать прибыли при минимальных инвестициях. В итоге на первом этапе, в 2007–2009 гг., инвестиционная программа, предложенная правительством, провалилась полностью, и только с 2010 г. новые владельцы ОГК, ТГК и прочих активов стали постепенно наращивать свои инвестиции, и это стало происходить под жестким давлением федеральных властей [16].

Ряд российских специалистов, включая бывшего заместителя министра энергетики В.В. Кудрявого, считают, что в ходе реформы РАО «ЕЭС России» контроль над энергетическими компаниями получили структуры, рассматривающие деятельность таких предприятий исключительно с точки зрения прибыли, главным образом краткосрочной. Количество всевозможных злоупотреблений резко возросло, электростанции и сбытовые компании оказались окружены сетью

из множества частных, паразитирующих посредников, что привело к росту тарифов [14].

На таком неоднозначном фоне во властных структурах и самой отрасли нет единства мнений относительно того, как в дальнейшем развивать национальную электроэнергетику. Одна группа, в которой преобладают либералы-реформаторы, считает необходимым довести начатую реформу до конца и установить в электроэнергетике всецело свободные рыночные отношения, ликвидировав де-факто локальные монополии и перекрестное субсидирование. Конкуренция, которая в России с огромным трудом приживается на оптовом рынке, должна быть доведена, по мнению представителей этой группы, до розничного уровня, чтобы все конечные потребители имели возможность выбора поставщика.

Другая группа, представленная государственными, напротив, выступает за усиление влияния государства в электроэнергетической отрасли, имеющей стратегическое, системообразующее значение для экономики и домашних хозяйств. Такой подход должен повысить управляемость национального электроэнергетического комплекса и устранить возникшие издержки. К слову, ведущие позиции в российской электроэнергетике (около 55% генерации) уже занимают российские госкомпании («РусГидро», «Газпром энергохолдинг», «Росатом» и «Интер РАО ЕЭС») [14].

Судя по последним событиям, чаша весов все же склоняется в пользу второго пути. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в ноябре 2012 г. В.В. Путин все-таки подписал указ о создании ОАО «Российские сети», которое объединит внутри себя холдинг МРСК и ФСК ЕЭС и станет контролировать около 70% распределительных и 90% магистральных сетей в России. Таким образом, произойдет реконсолидация основных сетевых активов страны в рамках одной компании, находящейся под контролем государства [17]. Кроме того, вопреки серьезному противодействию все-таки продолжается консолидация долей, которыми владеет государство в разных электроэнергетических предприятиях страны, в рамках одной управляющей компании – «Роснефтегаза». Например, в феврале 2013 г. премьер-министр Д.А. Медведев подписал распоряжение о продаже «Роснефтегазу» 40-процентного пакета акций «Иркутскэнерго», принадлежащих «Интер РАО».

Подытоживая сказанное выше, следует отметить, что вопрос о государственном или частном владении в российской электроэнергетике, как и энергетике в целом, является скорее второстепенным. Опыт реформирования РАО «ЕЭС России» показывает, что главным фактором, определяющим успех или неудачу любых преобразований и проектов, является качество управления. И передача государственной собственности в частные руки не может быть панацеей, а принадлежащая государству акционерная компания с грамотным менеджментом вполне может быть эффективной и полезной для национального рынка и нужд граждан.

Еще один ключевой вопрос, касающийся приватизации государственных энергетических активов, связан с выбором времени для подобных сделок. Очевидно, что при не самой лучшей мировой экономической конъюнктуре выручить от продажи можно значительно меньше средств, от чего пострадает не только государство, но и, по сути, все граждане страны. Ведь поступления от приватизационных сделок могут идти не просто в бюджет, а на конкретные социально значимые проекты. На сегодняшний день разница между рыночной капитализацией российских энергетических компаний, подлежащих приватизации, и реальной стоимостью их активов огромна. Виной тому не только мировой экономический и финансовый кризис, но и сильно недооцененный и неразвитый фондовый рынок России. Поэтому неудивительно, что ВР стала обладателем 12,84 % акций «Роснефти», обладающей крупнейшими запасами и добычей нефти среди публичных компаний мира, всего за 10,9 млрд долл. (8 долл. за акцию).

Действительно, указанная сделка состоялась, исходя из рыночной капитализации «Роснефти» в 85 млрд долл. Однако, если взять только доказанные запасы нефти «Роснефти» (у компании есть также существенные вероятные и возможные запасы, а также перспективные ресурсы нефти), по состоянию на 31 декабря 2012 г. и умножить их на рыночную стоимость барреля нефти сорта Urals на ту же дату за вычетом усредненных капитальных, эксплуатационных, транспортных расходов, а также экспортной пошлины и НДС на баррель нефти, которые приводит госкомпания в своих корпоративных материалах [8], получится сумма, превышающая 550 млрд долл. Как известно, у «Роснефти», помимо нефтяных, есть еще и газовые запасы наряду с другими высоколиквидными активами.

Приведенные выше цифры весьма условны и призваны лишь указать на сам факт недооценки российских энергетических компаний на данном историческом этапе их развития. Не исключено, что в среднесрочной перспективе рыночная стоимость «Роснефти» и других государственных энергетических активов увеличится в разы, и тогда опять начнут раздаваться голоса в пользу пересмотра итогов приватизации.

Зарубежный опыт, к которому стоит прислушаться

За последние 30 лет в Европе и мире были полностью или частично приватизированы десятки крупных государственных предприятий, в том числе энергетических. Нередко чековым и залоговым аукционам, прошедшим в России в 1990-х гг., противопоставляют образцово-показательную приватизацию в Великобритании, охватившую целых три десятилетия с конца 1970-х гг. Во-первых, британские правительства никогда не спешили с продажей, все скрупулезно просчитывали и терпеливо ждали подходящего момента. Во-вторых, все сделки сопровождалось долгими и открытыми обсуждениями в парламенте. В-третьих, для каждого аукциона разрабатывался отдельный закон, кото-

рый впоследствии одобрялся парламентариями. И несмотря на все это, в 1997 г. лейбористское правительство Тони Блэра ввело налог на непредвиденную сверхприбыль для ранее приватизированных предприятий (The Windfall Tax). Лейбористы почитали, что консерваторы, находящиеся у власти 18 лет, довольно дешево продавали государственную собственность. В итоге за счет этого налога государство собрало 5 млрд фунтов, которые были направлены на системную борьбу с безработицей.

В отличие от Великобритании в России, как уже было отмечено, до сих пор не состоялось пересмотра итогов «несправедливой» приватизации 1990-х гг. Более того, с 2001 г. приватизация является исключительной прерогативой правительства, а Государственная дума получает лишь отчет о результатах уже состоявшейся приватизации [18]. Первичное публичное размещение акций (ИПО) норвежской государственной нефтегазовой компании Statoil, случившееся в 2001 г., сопровождалось не только многолетними парламентскими слушаниями, но и национальными дебатами. Правительство даже пошло на проведение социологического опроса, который показал, что большинство граждан поддерживают частичную приватизацию Statoil. Также немаловажно, что окончательное решение по частичной продаже акций компании выносил парламент. Сегодня норвежское государство контролирует 67% акций Statoil. В норвежских политических кругах и обществе вопрос полного ухода государства из компании даже не ставился.

В 1953 г. в Бразилии была учреждена нефтяная компания Petrobras (Petroleo Brasileiro S.A., Petrobras). Причем государство прекрасно сознавало, что его «создание» еще долго не сможет выступать на равных с ведущими игроками мирового нефтяного рынка, и обеспечивало ему возможность для беспрепятственного роста. Вплоть до 1997 г. разведка и добыча нефти, а также вся деятельность, связанная с нефтью, природным газом, за исключением оптового распределения и розничной продажи, оставались в Бразилии монополией Petrobras. Только когда Petrobras прочно встала на ноги, а Бразилия вошла в группу из 16 стран, которые

производят более 1 млн баррелей нефти в сутки, нефтедобывающая промышленность страны была открыта для частного сектора. Но правительство продолжало и продолжает держать деятельность Petrobras под контролем.

Когда в 2010 г. Petrobras вышла на биржу, большая часть ее акций осталась тогда и остается поныне в руках правительства. В том же 2010 г. был принят закон, касающийся соглашений о разделе продукции, по которому Petrobras стала оператором всех шельфовых месторождений с правом принятия принципиальных решений. По этому закону Petrobras должна владеть, как минимум, 30% каждого месторождения.

Согласно российскому законодательству, или закону РФ «О недрах», право разрабатывать месторождения Арктического континентального шельфа России имеют только компании с преобладающей государственной долей (более 50% акций) и пятилетним опытом работы на шельфе. Этим условиям сегодня отвечают только «Газпром» и «Роснефть». Их приватизация неминуемо повлечет за собой ревизию законодательства, что может войти в противоречие с интересами большинства граждан страны, скептически относящихся к продаже стратегических государственных активов.

В завершение настоящего анализа можно привести и некоторый французский опыт. Так, в энергетике Франции по сей день превалирует государственный концерн «Электрисите де Франс» (Électricité de France, EDF), который не только владеет основными генерирующими мощностями страны (АЭС, ГЭС, ТЭС и т.д.), но и участвует в транспортировке, а также в продаже электроэнергии конечным потребителям. В 2005 г. компания была частично приватизирована и вышла на биржу, однако почти 85% ее акций остается в руках государства. Это обстоятельство не мешает «Электрисите де Франс» показывать солидную чистую прибыль (свыше 3 млрд евро в 2011 и 2012 гг.) [19] и успешно работать за пределами Франции: в Великобритании, Швейцарии, Бельгии, Нидерландах, Польше, США, Бразилии, КНР, Лаосе, Вьетнаме.

Список литературы

1. Ходоровский А. Генеалогическое древо российской нефтянки // Slon.ru – 2012. 19 ноября. URL: <http://slon.ru> (дата обращения: 03.03.2013)
2. ЦДУ ТЭК. URL: <http://www.cdu.ru/> (дата обращения: 15.01.2013)
3. «Роснефть» планирует нарастить добычу на Ванкоре в 2013 г. до 430–440 тыс. барр. в сутки // Нефть России. 2013. 1 февраля. URL: <http://www.oilcapital.ru> (дата обращения: 05.02.2013)
4. Презентация инвесторам НК «Роснефть», Лондон, 5 октября 2012 г. URL: http://www.rosneft.ru/attach/0/02/99/TNK-BP_deal_RUS.PDF (дата обращения: 15.03.2013)
5. Финансовая отчетность НК «Роснефть» и ТНК-BP за 2010 – 2012 г. URL: <http://www.rosneft.ru>, <http://www.tnk-bp.ru> (дата обращения: 15.03.2013)
6. Сечин рассказал о переменах в «Роснефти» после сделки с BP // Ntv.ru. – 2013. – 22 марта. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/527517> (дата обращения: 27.03.2013)
7. Statoil. Annual Reports 2001-2012. URL: <http://www.statoil.com> (Accessed 15.02.2013)
8. Корпоративные материалы НК «Роснефть». URL: <http://www.rosneft.ru> (дата обращения: 15.05.2013)

9. «Роснефть» будет приватизирована с учетом обязательств перед иностранными партнерами // OilCapital.ru. 2013. 27 февраля. URL: <http://www.oilcapital.ru> (дата обращения: 4.03.2013)
10. Rosneft (OAO) Equity Ownership Summary // Bloomberg Professional (as of 25 February 2013). URL: <http://www.bloomberg.com/professional> (Accessed 25.02.2013)
11. «Роснефть» покупает ТНК-ВР: История эпохальной сделки // РБК-Украина. 2012. 22 октября. URL: <http://www.rbc.ua> (дата обращения: 15.02.2013)
12. BP Annual Report and Form 20-F 2011. URL: <http://www.bp.com> (дата обращения: 07.03.2013)
13. Путин призвал закрыть тему нелегитимности приватизации 90-х. // Lenta.ru. 2012. 9 февраля. URL: <http://lenta.ru/news/2012/02/09/legitimacy/> (дата обращения: 15.02.2013)
14. Непростой выбор // UA Energy. 2012. 12 декабря. URL: <http://www.ua-energy.org/> (дата обращения: 15.01.2013)
15. Ситников А. Мутный свет «лампочки Чубайса» // Свободная мысль. 2012. 8 ноября. URL: <http://www.svom.info/> (дата обращения: 10.01.2013)
16. Лебедев В., Рубанов И., Сиваков Д. Есть у реформы начало, нет у реформы конца // Эксперт. 2012. 21 мая. URL: <http://expert.ru/> (дата обращения: 17.04.2013)
17. Струкова Е. Назад в будущее: реформа Чубайса умерла во младенчестве // РБК. – 2013. – 17 апреля. URL: <http://www.rbc.info/> (дата обращения: 10.02.2013)
18. Федеральный закон № 178 от 21.12.2001. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=133045> (дата обращения: 01.04.2013)
19. Финансовая отчетность группы EDF. URL: <http://www.edf.com> (дата обращения: 04.04.2013)

Об авторе

Боровский Юрий Викторович – к.и.н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: yuribor@mail.ru

PRIVATIZATION OF RUSSIA'S ENERGY ASSETS IN THE INTERNATIONAL CONTEXT

Y.V. Borovsky

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with privatization in Russia's energy sector with a special focus on a recent purchase of the private TNK-BP by the state-owned Rosneft. The author analyses the past, present and future privatization deals related to the Russian oil, gas and power generation industry as compared to accumulated international experience. For instance, the article displays the ways the Norwegian, Brazilian, French and British authorities privatized national strategic energy assets.*

The study presented in the article also aims to find out key advantages and disadvantages of state or private ownership in the Russian and global energy industry. For example, it sheds light on some considerable achievements of the Russian state-controlled companies in oil production amid a widespread belief that more than a decade-long growth in the Russian oil industry is due only to private firms that were created in the 1990s. Additionally, the state-controlled Norwegian oil and gas firm Statoil that shows strong operational and financial results on the Norwegian Continental Shelf and abroad is also in the spotlight of the current study.

In line with the mentioned takeover of TNK-BP the author examines outcomes of the reorganization of RAO UES of Russia (the dismantled Russian electric power monopoly) that was seen as a massive privatization of the national power industry. Moreover, the study presents two groups of interests prevailing in the Russian government and energy business to give an outlook on the Russian energy industry.

Key words: Russia's energy policy, privatization of the Russian energy assets, reorganization of RAO UES of Russia, Russian oil and gas companies, Rosneft, Gazprom, TNK-BP, BP, Statoil.

References

1. Khodorovsky A. Geneologicheskoye derevo rossiiskoi neftyanki [The genealogical tree of the Russian oil industry]. Slon.ru, 2012, 19 November. Available at: <http://slon.ru> (Accessed 3 March 2013).
2. CDU TEK. Available at: <http://www.cdu.ru/> (Accessed 15 January 2013).
3. Rosneft planiruet narastit dobychy na Vankore v 2013 g. do 430–440 tys. barr. v sytki [Rosneft plans to increase production at Vankor oil field to 430–440 thou. barr. per day in 2013]. Neft Rossii, 2013, 1 February. Available at: <http://www.oilcapital.ru/upstream/195494.html> (Accessed 5 February 2013).
4. Rosneft Investor Presentation (London, 5 October 2002). Available at: http://www.rosneft.ru/attach/0/02/99/TNK-BP_deal_RUS.PDF (Accessed 15 March 2013).
5. Rosneft and TNK-BP Financial Statements for 2010–2012. Available at: <http://www.rosneft.ru>, <http://www.tnk-bp.ru> (Accessed 15 March 2013).
6. Sechin rasskazal o peremenakh v Rosnefti posle sdelki s BP [Sechin unveiled changes in Rosneft after its deal with BP]. Ntv.ru, 2013, 22 March. Available at: <http://www.ntv.ru> (Accessed 27 March 2013).
7. Statoil. Annual Reports 2001–2012. Available at: <http://www.statoil.com> (Accessed 15 February 2013).
8. Rosneft corporate information. Available at: <http://www.rosneft.com> (Accessed 15 May 2013).
9. Rosneft bydet privatizirovana s uchetom obyazatel'st pered inostrannymi partnerami [Rosneft will be privatized with respect to its commitments to foreign partners]. OilCapital.ru., 2013, 27 February. Available at: www.oilcapital.ru (Accessed 4 March 2013).
10. Rosneft (OAO) Equity Ownership Summary. Available at: <http://www.bloomberg.com/professional> <http://www.rbc.ua/> (Accessed 25 February 2013).
11. Rosneft pokypaet TNK-BP: istoria epokhalnoi sdelki [Rosneft buys TNK-BP: history of a milestone deal]. RBC-Ukraine, 2012, 22 October. Available at: <http://www.rbc.ua/> (Accessed 15 February 2013).
12. BP Annual Report and Form 20-F 2011. Available at: www.bp.com (Accessed 7 March 2013).
13. Putin prizval zakryt temy nelegitimnosti privatizatsii 90-kh [Putin called to stop discussing illegitimacy of the privatization process of the 1990s]. Lenta.ru, 2012, 9 February. Available at: www.lenta.ru (Accessed 15 February 2013).
14. Neprostoi vybor [Difficult choice]. UA Energy, 2012, 12 December. Available at: www.ua-energy.org (Accessed 15 January 2013).
15. Sitnikov A. Mytni svet lampochki Chubaisa [Cloudy light from a Chubais's bulb]. Svobodnaya mysl, 2012, 8 November. Available at: <http://svpressa.ru> (Accessed 10 January 2013).
16. Lebedev V., Rubanov I., Sivakov D. Est u reformy nachalo, net u reform kontsa [The reform has the beginning but not the end. Expert, 2012, 21 May. Available at: <http://expert.ru/> (Accessed 10 February 2013).
17. Strukova E. Nazad v buduschee: reforma Chubaisa umerla vo mladenchestve [Back to the future, a reform worked out by Chubais died in its infancy]. RBC, 2013, 17 April. Available at: www.rbc.ru (Accessed 20 April 2013).
18. Federal law #178 as of 21.12.2001 Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=133045> (Accessed 1 April 2013).
19. EDF Financial Statements. Available at: <http://www.edf.com> (Accessed 4 April 2013).

About the author

Yury V. Borovsky – Associate professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO-University. E-mail: yuribor@mail.ru

ЛИЗИНГ КАК ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННО- ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Е.Б. Завьялова, И.В. Линева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 109454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Московская государственная академия коммунального хозяйства и строительства. 10029, Россия, Москва, Средняя Калитниковская, 30.

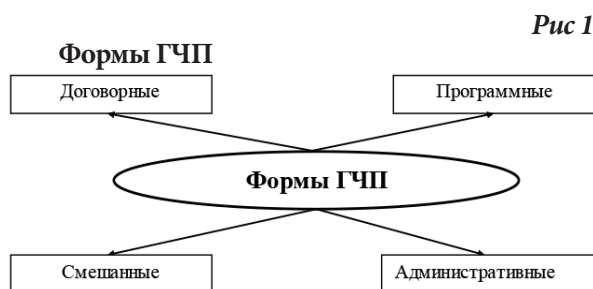
В экономиках ряда зарубежных стран в качестве альтернативы приватизации объектов широко применяется концепция государственно-частного партнерства (ГЧП). Взаимодействие государства и бизнеса является характерной чертой современной смешанной экономики. Указанное партнерство реализуется с использованием многообразных моделей и может принимать различные формы. Задача состоит в том, чтобы выбрать такую форму (правовое основание реализации конкретной модели), при которой ГЧП будет наиболее рациональным и эффективным. Лизинг, обладающий финансовыми, инвестиционными, организационно-эксплуатационными, сервисными, практическими и другими преимуществами, представляет собой одну из наиболее приемлемых форм ГЧП для реализации в современных условиях отечественной экономики. Указанные преимущества сторон договора лизинга и принципиальное отличие его от аренды, заключающееся в том, что при лизинге частный сектор, вступая в партнерские отношения с государством, не только применяет управленческие навыки, но и вкладывает капитал, являются предпосылками для его широкого внедрения. В то же время, в целом положительная динамика развития рынка лизинга в Российской Федерации не носит устойчивого характера. Ситуация может быть переломлена, если инвестору (в том числе зарубежному) будет гарантирован возврат вложенных средств и он получит возможность извлечь прибыль. Как вариант решения проблемы предлагается применять нестандартные подходы при осуществлении лизинговых операций, в частности - с использованием скоринга. Необходимо подчеркнуть, что применение скоринга наиболее эффективно, когда лизинговый рынок находится на подъеме и востребованными становятся оперативность оценки проекта и стандартность процедур, а скорость обслуживания участников лизингового договора играет одну из главных ролей. Это достоинство становится недостатком при текущей ситуации на рынке, когда требуется более взвешенная оценка рисков, и по этой причине скоринговые модели требуют постоянной доработки и обновления с периодичностью раз в полтора-два года. Применение лизинга, как формы ГЧП, не только обеспечит профессиональный опыт, эффективное управление, гибкость и оперативность в принятии решений, способность к новаторству, но и проявит серьезную инвестиционную активность. Это, в свою очередь, позволит внедрить новую технику и более эффективные технологии, создать новые предприятия, на рынке труда повысить спрос на высококвалифицированных работников.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство (ГЧП), модель ГЧП, форма ГЧП, лизинг, преимущества сторон договора лизинга, арендные отношения, скоринг.

Взаимодействие государства и бизнеса обозначаемое за рубежом обычно термином Public-Private Partnership (PPP), в российской литературе носит наименование «государственно-частное партнерство» (ГЧП). Оно представляет собой институциональный и организационный альянс государственной власти и частного бизнеса с целью реализации общественно значимых проектов в широком спектре сфер деятельности – от развития стратегически важных отраслей экономики до предоставления общественных услуг в масштабах всей страны или отдельных территорий [1].

Модели ГЧП (конкретные проекты, возникшие в результате законной и прозрачной процедуры отбора соответствующих участников со стороны частного партнера для решения конкретных задач экономической политики государства) могут быть организационными, кооперации и финансирования. К последним из перечисленных моделей, в частности, относится лизинг. Форма ГЧП является правовым основанием реализации конкретной модели ГЧП. Да и само ГЧП можно рассматривать, с одной стороны, как принцип взаимодействия государства и бизнеса, а с другой – как форму такого взаимодействия. Бурное развитие многообразных форм ГЧП во всех регионах мира, их широкое распространение в самых разных отраслях экономики позволяют трактовать эту форму взаимодействия государства и бизнеса как характерную черту современной смешанной экономики [7, с. 14].

Мировой опыт реализации проектов ГЧП предполагает следующие основные формы взаимодействия государственного и частного секторов: договорные, программные, смешанные и административные. Программные и смешанные иногда объединяют в гибридные. В России, исходя из анализа осуществляемых и предполагаемых к реализации проектов, формы также можно условно разбить на четыре группы. Принимая в рассмотрение основные параметры (степень огосударствления используемого имущества, принципы финансирования и распоряжения доходами и способы управления) отечественных и зарубежных моделей ГЧП и обобщая их основные характеристики, можно все многообразие применяемых форм укрупненно разбить на блоки и предложить вариант классификации форм ГЧП, показанный на рис. 1.

Задача состоит в том, чтобы сделать это взаимодействие рациональным и эффективным.

Для ее решения используются различные формы названного партнерства. Лизинг входит в первый из перечисленных блоков или является

договорной формой ГЧП и представляет собой вид инвестиционной деятельности, сочетающий в себе элементы аренды и кредита, предполагающий переход права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю после уплаты всех платежей.

Как свидетельствует мировой опыт ГЧП, мера конкретного участия государства и частного бизнеса и условия их сочетания могут существенно различаться. Так, частный компонент в партнерствах может выступать в качестве одной из сторон контракта. К партнерствам с разделенными правами собственности относят лизинговые (арендные) соглашения [2, с. 28].

В современных условиях лизинг, на наш взгляд, является одним из наиболее приемлемых способом финансирования проектов, реализуемых в различных отраслях отечественной экономики, в том числе с использованием механизмов ГЧП.

Преимущества сторон договора лизинга:

1. Финансовые: одновременно решаются вопросы приобретения основных фондов и финансирования этой операции. Объем лизингового финансирования при этом может в 2–3 раза превышать стоимость активов, которыми располагает предприятие или организация.

2. Инвестиционные: поскольку предмет лизинга может быть использован в качестве залога, постольку имущество получить в лизинг проще, чем суду на его покупку.

3. Организационно-эксплуатационные: использование предмета лизинга приносит немедленный доход, который идет на оплату лизинговых платежей и прибыль лизингополучателя.

4. Сервисные: лизингополучатель может воспользоваться услугами по: страхованию, транспортировке, монтажу, обучению персонала, сервисному обслуживанию.

5. Практические: лизинговые платежи относятся на издержки лизингополучателя, что снижает налогооблагаемую прибыль, коэффициент ускоренной амортизации – 3 при норме амортизации – 10%, срок – 3,3 г. После полной амортизации и выкупе по символической стоимости оборудования оно зачисляется на баланс лизингополучателя по нулевой оценке и налог на имущество не платится.

Помимо перечисленного следует учитывать и то обстоятельство, что при выборе схемы привлечения инвестиций в некоторые отрасли, например – в ЖКХ [5], лизинг по сравнению с кредитом имеет не только преимущества, но зачастую представляется единственным возможным вариантом.

В то же время в целом положительная динамика развития рынка лизинга в Российской Федерации, к сожалению, не носит устойчивого характера. Для ее оценки представляется использовать такой показатель, как объем новых сделок, заключенных в течение календарного периода. Он представляется наиболее корректным, так как позволяет оценить продуктивность деятельности лизинговых компаний и темпы роста их портфелей. Из табл. 1 следует, что до 2007 г. наблюдался активный рост объемов новых сделок в размере 60–150% ежегодно, после

падения 2008 г., вызванного финансовым кризисом, этот рынок постепенно выходит на траекторию устойчивого роста. Сохранение положительной тенденции и в идеале придание ей более динамичного характера невозможно без развития классической схемы функционирования этого механизма, представленной на рис. 2, и применения нестандартных подходов при осуществлении лизинговых операций.

Таблица 1

Объем новых сделок на рынке лизинга в 2006 – 2011 гг.

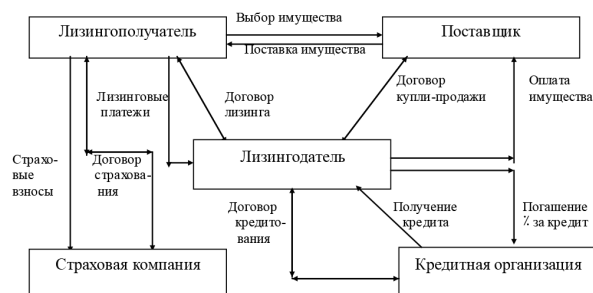
Период	2006 год	2007 год	2008 год	2011 год
Рост/падение (%)	67%	150%	-28%	79%

Источник: Intesco Research Group.

Рис. 2.

Лизингополучатель, лизингодатель, поставщик – основные участники. Страховая компания, кредитная организация – косвенные участники.

Схема лизинга

К числу последних можно отнести, например, внедрение скоринговых моделей рассмотрения заявок потенциальных претендентов на приобретение оборудования.

Кредитным скорингом называется быстрая, точная и устойчивая процедура оценки кредитного риска, имеющая научное обоснование [8]. То есть создается математическая или статистическая модель, на основании которой определяется, насколько велика вероятность, что конкретный потенциальный заемщик вернет кредит в срок. Скоринг, в общем случае – упрощенная процедура рассмотрения проекта и принятия решения, проведение в короткие сроки анализа бизнеса клиента, осуществление быстрого заключения сделки. Применение скоринга при осуществлении лизинговых операций позволяет не только прогнозировать финансовую состоятельность лизингополучателя на период лизингового договора, но и оптимизировать лизинговый портфель.

Идентичность математических методов для оценки рисков при моделировании скоринга для кредитных организаций и лизинговых компаний не снимает необходимость учета ряда существенных аспектов, свойственных только лизингодателям. Так, вероятность неисполнения клиентом своих обязательств по кредиту оценивается и теми и другими, но при лизинге такая оценка должна

проводиться с учетом особенностей имущества, передаваемого в лизинг, например, связанных с его стоимостью, кто поставщик и т.п. Это обусловлено хотя бы тем фактором, что предполагаемое снижение балансовой стоимости этого имущества и возможное изменение его цены на рынке в течение периода действия лизингового договора (особенно – длительного) может существенно разниться.

Бизнес лизинговых компаний и кредитных организаций с точки зрения возможных рисков также имеет ряд отличий [9]. Наиболее существенные из них следующие. Первое отличие обусловлено тем, что у лизингодателя имеется только право собственности на лизингуемый актив, банк же, помимо залога в виде финансируемого актива, располагает еще и дополнительным обеспечением или поручительством. Другое заключается в том, что кредитные организации обычно не взаимодействуют с поставщиками финансируемого имущества, в отличие от лизинговых компаний, которые нередко самостоятельно выбирают производителя техники, передаваемой в лизинг.

Таким образом, основные различия скоринговых моделей, применяемых для лизингового и кредитного бизнеса, обусловлены необходимостью учета специфики кредитуемого (лизингуемого) имущества и природой рисков. Модели скоринга, применяемые в лизинговых компаниях и в кредитных учреждениях, могут существенно отличаться друг от друга.

Специфика российского лизингового рынка состоит в том, что скоринг обычно применяется в небольших проектах, в которых возможен повышенный уровень риска. К таковым, как правило, относятся проекты, реализуемые малым и средним бизнесом. С другой стороны, скоринг позволяет лизингодателю внедрять новые технологии его работы и обеспечивать устойчивый портфель. Работа с небольшими проектами дает ему стабильность за счет внедрения так называемого принципа «ключ по зернышку». Финансирование банком небольших по объему и сроку и несложных сделок является наиболее распространенным и безопасным способом его работы. При этом взаимодействие кредитной организации и лизинговой компании не должно ограничиваться только разработкой стандартных финансовых продуктов для рассматриваемой сделки, но и распространяться на ее сопровождение. Компании, выработавшие эту стратегию и использующие скоринг в своей деятельности («Европлан», «Carcade Лизинг»), показывали устойчивую положительную динамику даже в период кризиса 2008 г. и сохранили ее до настоящего времени [4].

С некоторой степенью допущения могут быть выделены следующие три типа скоринговых моделей, используемых при осуществлении лизинговых операций: статистические, экспертные или гибридные. В основе представленной классификации лежит положение о том, что скоринг – это скорее анализ статистических данных, чем финансовых показателей. Отнесение к тому или иному типу из указанных зависит от количества и качества дан-

ных, которыми располагает лизинговая компания (исходных по проекту, специфических по отрасли, личностных по клиенту и т.п.).

В то же время существуют общие, применяемые вне зависимости от типа модели, факторы, к числу которых относятся: финансовые показатели клиента и его кредитная история, экспертные оценки надежности производителя (поставщика) имущества и прогнозы цен на него на вторичном рынке. Другими словами, скоринговые технологии основываются на экспресс-оценке финансового состояния потенциальных лизингополучателей, проверке клиентов службой безопасности и определении ограничения максимальной суммы операции.

Рассматривая Contra & Pro скоринга, отметим, что он наиболее эффективен, когда лизинговый рынок находится на подъеме и скорость обслуживания лизингодателя играет одну из главных ролей. В этот период востребованными становятся такие его особенности, как оперативность оценки и стандартность процедур. При текущей ситуации на рынке требуется более взвешенная оценка рисков и применение только скоринговых моделей для этой цели и для принятия решения по финансированию становится недостаточным. Стандартизация процедуры оценки заемщика также начинает играть отрицательную роль, так как она не адаптирована к изменяющимся экономическим условиям. По этой причине скоринговые модели требуют постоянной доработки и обновления, что и осуществляется за рубежом с периодичностью раз в полтора-два года [6].

Так как скоринговые программы не рассматривают финансовое положение лизингополучателя, то их финансирование в банковском сообществе считается более рискованным по сравнению с классическим лизингом. В этой связи кредитная организация вынуждена либо нести существенные интеллектуальные и финансовые расходы на проверку состоятельности лизингополучателя, либо сотрудничать с проверенным и хорошо знакомым компаньоном, чаще всего являющимся ее дочерней компанией. В то же время банк может проявить интерес к нестандартной программе и неродственной ему лизинговой компании при увеличении стоимости услуги, обусловленной повышенными рисками сделки и соответственно появляющейся возможностью получения более высокой доходности, но лизингодатель при этом может остаться «за скобками».

Выход из этой ситуации видится в расширении взаимодействия кредитных организаций и лизинговых компаний в разработке новых финансовых продуктов, что позволит для первых более полно использовать финансовые возможности, а для вторых – повысить привлекательность лизинговой услуги.

К основным преимуществам скоринговой модели относятся короткие сроки принятия решений и подписания договоров (до пяти рабочих дней), стандартные договоры лизинга и купли-продажи, минимальный пакет документов для

рассмотрения лизинговой сделки и упрощенные требования к финансовому состоянию лизингополучателя.

Преимущества скоринга заключаются и в предоставляющихся возможностях повысить точность оценки лизингополучателя, сократить время на принятие решения о целесообразности лизинговой сделки и оптимизировать бизнес-процессы лизинговой деятельности. Кроме того, у лизинговой компании уменьшается уровень невозвратов и создается банк данных по лизингополучателям. Другими словами, с помощью скоринга прогнозируется финансовая состоятельность лизингополучателя и оптимизируется портфель лизингодателя. Подход, при котором скоринг рассматривается как бизнес-процесс принятия решений по финансированию лизинговых проектов и как система управления портфелем рисков лизинговой компании, а также простота этого метода являются определяющими при выборе российскими лизингодателями вариантов риск-менеджмента. Более высокие технологии требуют повышенного уровня российских управленцев.

Еще одно достоинство скоринга для лизинговых компаний лежит в плоскости повышения их кадрового потенциала: за счет развития навыков эффективных продаж у персонала, который получает возможность обрабатывать большее количество сделок, используя несложные модели.

Для определения финансовой состоятельности лизингополучателя применяется технология, используя которую формализуются, анализируются и изменяются его рейтинговые оценки на протяжении всей «жизни» лизингового проекта. Она получила название Application-скоринг.

В период действия лизингового договора, заключаемого, как правило, на несколько лет, финансовое состояние лизингополучателя подвержено динамике, и по этой причине необходим его мониторинг, на основании которого отслеживаются изменения лизингового портфеля в целом. Система, применяя которую решаются эти задачи и принимаются решения в рамках управления лизинговым портфелем на основе финансовой отчетности отдельных лизингодателей, получила наименование Behavioral-скоринг или поведенческий скоринг.

В заключение считаем целесообразным высказать некоторые соображения о необходимости рассматривать лизинг как самостоятельную форму ГЧП, а не как форму арендных отношений. Арендные отношения (в ее традиционном виде договора аренды) между государством и частным бизнесом возникают в том случае, когда на определенных договором условиях происходит передача частному партнеру государственного или муниципального имущества во временное пользование и за определенную плату. Традиционно эксперты полагают, что договоры аренды предполагают возвратность предмета арендных отношений, причем правомочие по распоряжению имуществом сохраняется за собственником и не передается частному партнеру. В специально ого-

вариваемых случаях арендные отношения могут завершиться выкупом арендуемого имущества. В случае договора лизинга лизингополучатель всегда имеет право выкупить государственное или муниципальное имущество. То есть, по их мнению, основное отличие аренды от лизинга заключается в праве выкупа имущества.

На наш взгляд, главным является то, что при лизинге частный сектор, вступая в партнерские отношения с государством, не только применяет управленческие навыки, но и вкладывает капитал. Согласно определению, лизинг – это вид инвестиционной деятельности, и для его развития со стороны государственного партнера должны быть созданы условия, при которых инвестор должен быть уверенным в возврате вложенных средств и мог бы рассчитывать на получение прибыли.

Таким образом, регулирующая деятельность государства в сфере партнерства с частным бизнесом не должна ограничиваться только выработкой стратегии и принципов, формированием институциональной среды, организацией и управлением ГЧП, разработкой его форм, моделей и конкретных механизмов.

В этом случае будут оправданы ожидания на то, что в результате ГЧП бизнес не только обеспечит профессиональный опыт, эффективное управление, гибкость и оперативность в принятии решений, способность к новаторству, но и проявит серьезную инвестиционную активность. Это в свою очередь позволит внедрить новую технику и более эффективные технологии, создать новые предприятия, на рынке труда повысить спрос на высококвалифицированных работников.

Список литературы

1. Варнавский В.Г. Процессы институциональной адаптации частно-государственного партнерства. http://www.opec.ru/point_doc.asp?tmpl=point_doc_print&d_no=50580#33.
2. Варнавский В.Г. Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риск. М.: Наука, 2005.
3. Дерябина М. Государственно-частное партнерство: теория и практика. Вопросы экономики. 2008. № 8.
4. Корчагов Д. Скоринг как спасение. Эксперт Северо-Запад. 2010, №41(487).
5. Линев И.В. Лизинговые модели государственно-частного партнерства в жилищно-коммунальном хозяйстве. Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2012. №2.
6. Солдатова А. Скоринг на распутье. Лизинг ревю. №4 2010.
7. Частно-государственное партнерство: состояние и перспективы развития в России: аналитический доклад. М.: Институт экономики РАН, Национальный инвестиционный совет. 2006.
8. Черкашенко В.Н. Этот «загадочный» скоринг. Банковское дело. 2006. № 3.
9. Сайт Franklin & Grant Co. URL: <http://www.franklin-grant.ru>

Об авторах

Завьялова Елена Борисовна – к.э.н., заведующая кафедрой экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Линев Игорь Викторович – к.э.н., профессор Московской государственной академии коммунального хозяйства и строительства. E-mail: vestnik@mgimo.ru

LEASING AS FORM OF STATE-PRIVATE PARTNERSHIP

E.B. Zavyalova, I.V. Linev

Moscow State Institute of International Relations MFA of Russia. 109454, Russia, Moscow, Vernadsky Ave., 76.

Moscow state academy of municipal services and construction. 10029, Russia, Moscow, Average Kalitnikovskiy, 30.

Abstract: *In economy of a number of foreign countries alternatively privatizations of objects, the public-private partnership (PPP) concept is widely applied. Interaction of the state and business is characteristic feature of modern mixed economy. The specified partnership is realized with use of diverse models and can accept various forms. The task consists in choosing such form (a legal ground of realization of concrete model) at which PPP will be the most rational and effective. The leasing possessing financial, investment, organizational and operational, service, practical and other advantages, represents one of the most*

acceptable PPP forms, for realization in modern conditions of domestic economy. The specified advantages of the parties of the contract of leasing and its fundamental difference from the rent, being that when leasing the private sector, entering partnership with the state, not only applies administrative skills, but also invests the capital, are preconditions for its widespread introduction.

At the same time, as a whole positive dynamics of development of the market of leasing in the Russian Federation has no steady character. The situation can be broken if return of invested funds is guaranteed to the investor (including foreign) and it will have an opportunity to profit. As the option of a solution is offered to apply non-standard approaches at implementation of leasing operations, in particular - with scoring use. It is necessary to emphasize that application of scoring most effectively when the leasing market is on lifting and demanded there is an efficiency of an assessment of the project and a standart of procedures, and the speed of service of the participants of the leasing contract plays one of leading roles. This advantage, becomes a shortcoming at the current situation in the market when more weighed assessment of risks is required, and for this reason scoring models demand continuous completion and updating with frequency of times in one and a half-two years.

Leasing application as the PPP forms, not only the professional experience, effective management, flexibility and efficiency in decision-making will provide, ability to innovation, but also will provide serious investment activity. It in turn will allow to introduce new equipment and more effective technologies, to create the new enterprises, on a labor market to increase demand for highly skilled workers.

Key words: Public-Private Partnership (PPP), PPP model, PPP form, Leasing, Advantages of the parties of the contract of leasing, Rent relations, Scoring.

References

1. Varnavskii V.G. Processes of institutional adaptation of the private and state partnership. Available at: [http://www.opec.ru/point_doc.asp? tmpl=point_doc_print&d_no=50580#33](http://www.opec.ru/point_doc.asp?tmpl=point_doc_print&d_no=50580#33). (in Russ.).
2. Varnavskii V.G. Partnerstvo gosudarstva i chastnogo sektora: formy, proekty, risk [Partnership of the state and private sector: forms, projects, risk]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 315 p.
3. Deriabina M. State-private partnership: theory and practice. Voprosy ekonomiki, 2008, no. 8, pp. 61-77. (in Russ.).
4. Korchagov D. Scoring as rescue. Ekspert Severo-Zapad, 2010, no. 41 (487). Available at: <http://www.baltlease.ru/press/articles/read/5609/>. (in Russ.).
5. Linev I.V. Leasing models of state-private partnership in housing and communal services. Vestnik Moskovskogo finansovo-iuridicheskogo universiteta MFluA [Herald of the Moscow University of Finances and Law MFUA], 2012, no. 2, pp. 136-145. (in Russ.).
6. Soldatova A. Scoring at the crossroads. Lizing revyu [Leasing Review], 2010, no. 4. (in Russ.).
7. Chastno-gosudarstvennoe partnerstvo: sostoianie i perspektivy razvitiia v Rossii: analiticheskii doklad [Private and state partnership: Condition and development prospects in Russia. Analytical report]. Moscow, RAS Inst. of Economics Publ., 2006.
8. Cherkashenko V.N. This "mysterious" scoring. Bankovskoe delo [Banking], 2006, no. 3, pp. 42-48. (in Russ.).
9. Franklin & Grant Co. website. Available at: <http://www.franklin-grant.ru>. (in Russ.).

About the authors

Elena B. Zavyalova – managing MGIMO EPPPP chair, Candidate of Economic Sciences. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Igor V. Linev – professor МГАКХиС, Candidate of Economic Sciences. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ИННОВАЦИИ В ГОСТИНИЧНОМ БИЗНЕСЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

К.И. Щетинина

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

По оценкам экспертов компании PricewaterhouseCoopers, несмотря на кризисные предпосылки и неоднозначную экономическую обстановку в мире, гостиничный сегмент в России в 2013 г. будет развиваться и наращивать обороты. При этом тема инновационных гостиничных концепций является одной из наиболее актуальных среди девелоперов гостиничной недвижимости и гостиничных операторов. Действительно, инновационная гостиничная концепция является дополнительным способом продвижения гостиничного продукта. Ведущие инженеры мира и России нарабатывают опыт проектирования уникальных гостиничных комплексов как в сегменте премиум, так и в сегменте экономкласса. В статье дается описание таких форм инновационных гостиничных концепций, как бизнес и дизайн-отели, капсульные гостиницы, бюджетные гостиницы, отели для женщин. Автор статьи приводит описание и раскрывает аспекты использования международного подхода «the blue way» в гостиничном хозяйстве. Если здание является экологичным и выполняет все требования по экономии и функциональности, оно представляет собой пример этого целостного и сбалансированного подхода.

Ключевые слова: международный гостиничный бизнес, инновационная концепция устойчивости, управление гостиничным и ресторанным бизнесом, гостиничная сеть, отель «только для женщин», бизнес-турист, дневной отель, капсульная гостиница, гостиничная капсула, бюджетная гостиница, ресурсосбережение.

Гостиничный бизнес как сектор отрасли туризма

Международный гостиничный бизнес занимает важное место в современной мировой экономике. В последние десятилетия он относится к наиболее динамично развивающимся и весьма прибыльным видам экономической деятельности. Экономика туризма представляет 5% мирового валового внутреннего продукта (ВВП), в то время как он обеспечивает примерно 8% полной занятости. Международный туризм занимает четвертое место (после топлива, химических веществ и автомобильных продуктов) в глобальном экспорте, с промышленной стоимостью 1 трлн долл. США в год, составляя 30% мирового экспорта коммерческих услуг или 6% всего объема экспорта. Ежегодно осуществляется примерно 4 млрд поездок внутреннего туризма, и в 2010 г. были зарегистрированы около 940 млн международных туристов.

Туризм – один из пяти основных источников экспортных доходов для более 150 стран, а в 60 из них он занимает первое место. Современный туризм – это сложная социально-экономическая система, составным элементом которой выступает высокодоходный многоотраслевой производственный комплекс, называемый туристской индустрией. Международный гостиничный бизнес – особый сегмент гостиничной индустрии, который характеризуется высокой степенью интернационализации капитала, международным характером своих операций, так как гостиничная система рассматривает весь мир в качестве своей сферы деятельности. Таким образом, международный гостиничный бизнес играет важную роль в решении проблем интегрирования экономики страны в мировую экономику и привлечения инвестиций в реальный сектор. Одновременно происходит процесс адаптации отрасли к международным стандартам [8].

Благодаря современным формам управления, таким, как франчайзинг и управление по контракту, и комбинированию этих форм гостиничные компании смогли снизить издержки при выходе на рынок, более централизованно распоряжаться своими финансовыми ресурсами, минимизировать текущие издержки, проводить более эффективную ценовую политику. В результате развитие современного гостиничного сектора характеризуется ростом удельного веса и роли в нем международного бизнеса. Международные гостиничные корпорации, создающие гостиничные сети, доминируют на рынке средств размещения. Вместе с тем процессы концентрации и централизации в международном гостиничном бизнесе не привели к полному вытеснению из него относительно малых независимых гостиниц.

В настоящий момент в мире происходит глобальный экономический процесс разделения на массивные блоки, такие, как Европейский союз (ЕС), Североамериканский договор о свободной торговле, заключенный между США и Мексикой. ЕС является экономическим союзом, упразднившим национальные ограничения не только на

торговлю, но и на перемещение труда и капитала. Синергия, возникающая между всеми странами-участницами, благотворно сказывается на их развитии. По мере того как развиваются промышленные, коммерческие и туристические связи внутри ЕС, необходимость в гостиничном обслуживании неуклонно возрастает. Учитывая современные тенденции в развитии международной торговли и туризма, легко предугадать, в каком направлении будут развиваться международные гостиничные корпорации [3]. Ожидается, что туристский поток в страны Тихоокеанского региона будет увеличиваться теми же темпами, как и в последние годы. В связи с этим планируется развитие курортных отелей в Индонезии, Малайзии, Таиланде, Вьетнаме и Мексике. В Азии стремительное развитие Гонконга стимулировалось бурным ростом экономики соседних стран и спецификой системы налогообложения. В Гонконге взимается универсальный корпоративный налог 16,5%, подоходный налог 15% и не берется никакого налога на доходы с капитала или дивидендов. Некоторые гостиничные корпорации имеют штаб-квартиры в Гонконге, среди них – Mandarin Oriental, Peninsula, Shangri-La, – все это знаменитые на весь мир пятизвездочные отели. Они базируются в Гонконге из-за низкого корпоративного налогообложения и возможности использовать в качестве администраторов специалистов из других стран без особых бюрократических проволочек. В развивающихся странах, по мере достижения ими политической стабильности, развитие гостиничного дела идет параллельно с общим экономическим и социальным ростом. Примером могут служить страны бывшего Восточноевропейского блока, а также страны, прежде входившие в Советский Союз, где за последние несколько лет созданы прекрасные возможности для развития гостиничных корпораций.

При проведении государственной политики в сфере туризма национальные туристские администрации большинства стран учитывают прогноз развития туризма в мире, составленный Всемирной туристской организацией (ЮНВТО) – крупнейшей межправительственной организацией, являющейся специализированным учреждением ООН и насчитывающей в своем составе 153 страны. Согласно исследованию ЮНВТО «Туризм – панорама 2020» увеличение мировых туристских прибытий в период между 2000 и 2020 гг. прогнозируется более чем вдвое. После того как показатель в 996 млн туристов 2011 г. вырос на 39 млн туристов в 2012 г., число международных туристских прибытий впервые в истории превзошло миллиардный рубеж (1,035 млрд). ЮНВТО прогнозирует, что к 2030 г. число международных туристских прибытий в мире составит 1,7 – 1,9 млрд [6]. Основу рынка туристских средств размещения в мире составляют гостиничные и аналогичные предприятия – до 70% рынка.

Гостиницы отличаются следующими признаками: состоят из номеров, число которых превышает определенный минимум, имеют единое руководство, предоставляют разнообразные гости-

нические услуги, перечень которых не ограничивается ежедневной заправкой постелей, уборкой номера и санузла, сгруппированы в классы и категории в соответствии с предоставляемыми услугами, имеющимся оборудованием и стандартами страны, не входят в категорию специализированных заведений. Аналогичные заведения включают пансионаты и меблированные комнаты, туристские общежития и другие средства размещения, которые состоят из номеров и предоставляют ограниченные гостиничные услуги, включая ежедневную заправку постелей, уборку номера и санузла [9, с.291].

Если сравнивать мировые столицы по цене гостиничного номера, то, согласно исследованиям, проведенным компанией Hogg Robinson Group (HRG), Москва в 2012 г., как и в 2011 г., занимала в списке самых дорогих отелей первое место [10]. Средняя стоимость проживания в российской столице составила в 2012 г. 12 831 руб., что на 5% выше аналогичного показателя за 2011 г. На второй строчке расположился крупнейший город Нигерии Лагос, за ним следуют Нью-Йорк, Гонконг и швейцарский Цюрих. Что касается городов, в которых цены на проживание туристов в гостиницах растут самыми высокими темпами, то здесь лидируют бразильские Рио-де-Жанейро и Сан-Паоло с показателями 19 и 16% соответственно. Токио, туризм которого постепенно возрождается после цунами 2011 г., показал в прошедшем году рост на 11%. Рядом с первой тройкой расположился Сан-Франциско (10%). Напротив, значительное снижение цен было зафиксировано в Вашингтоне – в среднем на 14%. Средняя стоимость номера в индийском Бангалоре и Абу-Даби снизились на 12 и 11% соответственно.

На федеральном и муниципальном уровнях государства РФ совершенствование современной инфраструктуры гостиничного бизнеса признано одним из приоритетных направлений развития национальной экономики. Мировые гостиничные корпорации активно осваивают российский рынок: во многих городах, особенно в столице, появляются отели крупнейших гостиничных цепей, что говорит о значительной перспективе развития данного направления. Согласно прогнозам Ростуризма, в 2013 г. въездной и выездной туристические потоки в России ожидает рост в размере около 10%. В 2012 г. нашу страну посетили свыше 28 млн зарубежных путешественников. Таким образом, количество международных прибытий в Россию в 2012 г. выросло на 13% по сравнению с 2011 г. (Федеральное агентство по туризму Министерства культуры РФ: <http://reestr.russiatourism.ru>). Однако с туристическими целями в Россию в 2012 г. приехали лишь 2,5 млн иностранных туристов. Эксперты туристического рынка отмечают, что еще совсем недавно туристическая инфраструктура России была развита недостаточно хорошо. Начиная с 1992 г. на рынке туристских средств размещения наметилась тенденция сокращения количества больших гостиниц и их единовременной вместимости, в среднем ежегодно на 2,6 и 1,8% соответственно. А также происходит

постепенное замещение крупных комплексов более мобильными, гибкими формами ведения бизнеса – в основном в виде малых предприятий гостиничного бизнеса различных типов и категорий.

В течение 2010–2013 гг. во многих российских городах открылись современные отели. В настоящее время в ряде городов России возводятся гостиницы, которые будут работать в соответствии с международными стандартами гостиничного сервиса. Так, новые гостиницы возводятся в Саранске, Великом Новгороде, Краснодаре, Казани и других российских городах и регионах. Количество сделок в гостиничном сегменте Москвы в первом полугодии 2012 г. сократилось почти в 8 раз в сравнении с первым полугодием 2011 г., но все же эта цифра в 3 раза больше, чем количество сделок в гостиничном сегменте в 2010 г. Главные сделки в гостиничном сегменте Москвы в первом полугодии 2012 г. связаны с продажей активов Бидзины Иванишвили группе БИН: проект гостиничного комплекса «Люксь Отель», расположенного по адресу: Тверская, 22, (82 млн долл.), предполагающий реконструкцию гостиницы «Минск», а также – гостиница Intercontinental Moscow (111,5 млн долл.) [2].

Анализ современного состояния туризма в Российской Федерации показывает, что в последние годы эта сфера в целом развивается стабильно и динамично. Отмечается ежегодный рост внутреннего туристского потока. Быстро растущий спрос на туристские услуги внутри страны вызвал бум строительства малых гостиниц, в основном в курортных регионах, а также увеличение числа гостиниц международных гостиничных цепей в Москве, Санкт-Петербурге и других крупнейших городах страны, создание отечественных гостиничных цепей. Резко увеличился объем инвестиционных предложений по гостиничному строительству как со стороны иностранных, так и со стороны отечественных инвесторов. При этом основные предложения направлены на развитие гостиничного бизнеса в регионах России.

Особо следует отметить успехи последних лет в развитии курортно-туристического комплекса Краснодарского края, которые закономерно привели к выбору нашей страны при определении Сочи местом проведения зимней Олимпиады-2014. Благодаря этому получили всемирную известность не только Красная Поляна и Сочи, но и весь Краснодарский край в целом, что обуславливает долгосрочный бизнес-интерес к развитию туристской инфраструктуры данного региона и гарантию того, что через несколько лет Черноморское побережье станет развитым курортным центром мирового уровня [11].

Инновационные концепции мирового гостиничного хозяйства

На современном этапе основными инструментами при формировании эффективной системы управления гостиничным комплексом являются использование передовых технологий (в том чис-

ле Интернет), энергоэффективность, адаптация к спросу пользователей, многофункциональность, гибкость, социальная и экологическая ответственность, регулирование операционных затрат. Развитие сети Интернет приносит гостиничному и туристскому бизнесу такие преимущества, как снижение затрат, рост эффективности, облегчение доступа к потребителям даже для небольших компаний. Электронный маркетинг развивается особенно быстро.

Последним новшеством сети Интернет явилось развитие социальных сетей, таких, как Facebook и MySpace. Теперь и гостиничные, и туристские компании участвуют в них [7, с. 22]. Другими словами, эффективный гостиничный менеджмент включает в себя одинаковый учет экономических, экологических и функциональных аспектов, а также капиталовложений, издержек производства и качества процессов наряду с комфортом, здоровьем и удовлетворением потребностей. Данный подход международных застройщиков и инвесторов получил название «the blue way». Термин «Голубая устойчивость» появился в России относительно недавно и уже широко используется специали-

стами гостиничного бизнеса. Понятие включает в себя комплекс мероприятий по экономии затрат, эффективному планированию, повышению уровня сервиса, переориентацию в пользу экологических технологий. «The blue way» характеризует пакет услуг, оказываемых в соответствии с принципами возобновляемого, энергоэффективного и экологичного использования, в том числе и в гостиничном хозяйстве. При этом экологичность, характеризующаяся понятием green, входит в понятие the blue way: если здание является экологичным и выполняет все требования по экономии и функциональности, оно представляет собой видимый пример этого целостного и сбалансированного подхода. Подробнее о «зеленой» экономике в гостиничном бизнесе см: [5].

Одной из распространенных мировых тенденций гостиничного бизнеса для отелей класса бизнес и люкс является привлечение бизнес-туристов предметами искусства. Гостиничные операторы сотрудничают с ведущими галереями и музеями, декорируя холлы, рестораны и номера предметами искусства и антиквариата, предлагая своими клиентам билеты на модные выставки. Например,

Таблица 1

Показатели въезда/выезда между РФ и странами ЕС за 2012 г.

Страны	Въезд 2011	Въезд 2012	2012/2011(%)	Выезд 2011	Выезд 2012	2012/2011(%)
Гражданство	кол-во поездок	кол-во поездок		кол-во поездок	кол-во поездок	
Австрия	70 388	71 367	1	289 236	320 537	11
Бельгия	36 430	37 025	2	51 234	72 500	42
Болгария	42 031	45 312	8	405 689	469 122	16
Великобритания	221 418	231 670	5	289 675	295 708	2
Венгрия	23 241	23 047	-1	62 309	51 686	-17
Германия	629 391	671 676	7	1 325 452	1 385 363	5
Греция	33 569	36 474	9	710 304	834 355	17
Дания	35 814	34 908	-3	49 785	57 018	15
Ирландия	14 214	13 270	-7	2 778	1 974	-29
Испания	129 730	101 536	-22	785 866	990 637	26
Италия	207 476	212 411	2	734 210	794 323	8
Кипр	14 950	6 288	-58	380 231	477 106	25
Латвия	571 374	461 162	-19	325 839	371 351	14
Литва	622 740	553 896	-11	755 926	910 511	20
Люксембург	2 263	2 503	11	255	486	91
Мальта	10 251	2 079	-80	22 618	24 617	9
Нидерланды	87 549	81 212	-7	161 712	162 484	0
Польша	704 610	1 190 003	69	684 428	1 014 622	48
Португалия	15 814	15 398	-3	27 239	34 611	27
Румыния	21 993	24 792	13	6 165	7 486	21
Словакия	20 445	24 161	18	5 971	12 547	110
Словения	12 285	12 622	3	21 061	24 549	17
Финляндия	1 211 519	1 375 614	14	4 416 283	5 118 780	16
Франция	213 473	225 343	6	410 574	457 083	11
Чехия	46 776	62 980	35	462 092	505 163	9
Швеция	60 840	58 900	-3	83 673	64 055	-23
Эстония	519 402	494 282	-5	1 678 374	1 825 923	9
Всего	5 579 986	6 069 931	9	14 148 979	16 284 597	15
Итого по всем странам	24 932 061	28 176 502	13	43 725 777	47 812 920	9

гостиничная цепь Radisson Blu Edwardian (Англия, Лондон) сотрудничают с Музеем Виктории и Альберта, предлагая клиентам пакет, включающий размещение, завтрак и билеты на выставку, посвященную легендарному музыканту Дэвиду Боуи. Популярный бизнес-отель Crowne Plaza Canberra в Вене предлагает билеты на выставки, которые проходят в Национальной галерее Австралии. В отеле Siam Kempinski Hotel Bangkok в Таиланде каждые три месяца меняется экспозиция картин местных художников, которые выставляются параллельно с предметами искусства из коллекции музея тайского современного искусства, насчитывающей более 4000 работ.

Отель класса люкс Alexander, который открылся в январе 2013 г. в штате Индианаполис (США), выделяется впечатляющими картинами и инсталляциями, предоставленными Музеем искусств Индианаполиса. Около 40 работ современных художников выставлены в публичных помещениях отеля, 14 из них были предоставлены специально к церемонии открытия. Гостиничные комплексы выставляют в своих помещениях уникальные работы Энди Уорхола, Сальвадора Дали и Пабло Пикассо, а также произведения местных художников. Подобная практика направлена на повышение лояльности со стороны клиентов.

Наряду с привлечением бизнес-туристов предметами искусства, рас-пространенной мировой практикой по продвижению гостиничных услуг премиум-класса является концентрация на узком сегменте клиентов для создания оригинального гостиничного продукта. Например, по всему миру возрастает количество отелей Women only. Первый подобный отель (Barbizon Hotel for Women) появился в начале XX в. в Нью-Йорке. Этот отель «только для женщин» должен был восприниматься как символ феминизма. С 80-х гг. XX в. радикальные правила были смягчены, в отеле смогли оставаться все желающие. В настоящий момент отель внесен в Национальный реестр исторических мест США [4].

Следует отметить, что первопричина создания исключительно женских отелей – идея феминизма – со временем уступила место религиозному аспекту, который связан с правилами поведения женщин в исламском мире. В связи с этим в 2007 г. саудовской принцессой Мадави бинт Мухаммад была поддержана инициатива местных бизнес-леди об открытии особой гостиницы Luhtan, или «Бегство в поисках приюта», в Эр-Рияде. Весь обслуживающий персонал гостиницы тоже женщины. Как отмечено на сайте booking.com, «Мужчинам, парам и детям не разрешается находиться в отеле». В середине XX в. в ряде гостиниц появились особые гостиничные этажи, в номера которых селили только женщин. Такие этажи существуют и в настоящее время, к примеру, в Grange City Hotel (Лондон), где 68 номеров исключительно для женщин, оборудованы всеми необходимыми предметами комфорта. В отеле Hampton Inn в Олбани (США) дамам предлагают, помимо кофе с печеньем, мягкие носки, увлажняющий крем, а также получасовой

сеанс массажа на массажном кресле. Правда, по выходным мужчины также могут заказать номера на «женском» этаже.

Однако одно из самых значимых женских требований – гарантия абсолютной чистоты и гигиеничности. Исследования, проводимые в Копенгагене, показали, что многим путешественницам важно знать: до них в номере жили исключительно женщины, сантехникой пользовались только женщины и убрали номер (в частности, застилали постель) тоже только женщины. Учитывая эти пожелания, в отеле Bella Sky Comwell (Копенгаген) в мае 2011 г. открылся этаж с апартаментами исключительно для дам: большие душевые комнаты, мини-бары с шампанским, шоколадом и коктейлями, а также множество дополнительных элементов обихода. Несколько иным путем в решении вопросов гигиены пошли в швейцарском Lady'sFirstHotel (Цюрих). Расположенная в здании XIX в. гостиница принимает всех, однако SPA-салон – особая территория, посещение которой разрешено только женщинам.

Идея дамских номеров не могла не заинтересовать и ведущие гостиничные сети. Так, в 60-х гг. прошлого века Hilton объявил о запуске номеров «Леди Хилтон», где путешественницам предоставлялись специальные зеркала для макияжа и дополнительные вешалки. Несколько позже – уже в начале XXI в. – компания Marriott, проведя исследование, пришла к выводу, что многие клиенты считают практику открытия специальных номеров неприемлемой, и отказалась создавать в своих отелях этажи для дам. В свою очередь, представители Crowne Plaza Hotels & Resorts считают, что современные женщины нуждаются в уединении (но не изоляции), поэтому в американском отеле сети – Crowne Plaza Milwau-kee-Wauwatosa, хоть и существует «женский» этаж, но мужчины также имеют возможность забронировать «особый» номер. Компания Hyatt Hotels Corporation, стремясь больше прислушиваться к своим клиентам, провела самое масштабное исследование за всю историю компании среди различных категорий путешественников.

Изучение мнений и идей гостей положило начало изменениям в гостиницах, благодаря которым клиенты смогут получать услуги с учетом индивидуальных потребностей. Исследование, которое длилось 18 месяцев, охватило более 40 фокус-групп по всему миру. Так как женщины становятся все более частыми путешественниками, Hyatt сфокусировала внимание на создании условий, учитывая именно их интересы. Ориентируясь на результаты исследования потребностей путешественников, корпорация Hyatt Hotels & Resorts запустила программу «У Hyatt это есть», благодаря которой в гостинице можно взять напрокат или приобрести все необходимые предметы туалета и обихода. Несмотря на то что новые услуги обусловлены потребностями женщин, все гости смогут воспользоваться преимуществами от нововведений. Новые услуги, введенные в отелях, прошли проверку в нескольких гостиницах Hyatt, выбранных в качестве « лабора-

торий» специально для внедрения программы на глобальном уровне.

В России мировая практика открытия специальных номеров «только для дам» с разной успешностью применяется в гостиницах как столицы, так и некоторых регионов: «Золотое кольцо» (Москва), «Вознесенский» (Екатеринбург), «Онегин» (Екатеринбург). Однако в большинстве случаев данная услуга в России оказалась невостребованной по причинам непродуманности предложения и неграмотной маркетинговой политики.

Современный рынок гостиничных услуг находится в постоянной динамике, отвечая на возникающие запросы клиентов. Бизнес-туристы, которым необходимо снять номер на несколько часов днем, послужили причиной появления на рынке новой услуги – дневных отелей. Деловые люди, приехавшие в другой город, испытывают потребность привести себя в порядок перед важной встречей или просто отдохнуть после длительного перелета, а затем покинуть отель. Уже более десяти лет эту услугу предлагают гостиницы при аэропортах, начиная с 2010 г. идея распространилась среди городских отелей. Дневных постояльцев обычно просят выехать до 18.00 или 19.00, чтобы успеть подготовить номера к вечернему въезду следующих гостей. При этом с гостя берется не почасовая оплата, а фиксированная стоимость номера за день. Примечательно: несмотря на то что такую услугу предлагают многие, от аэропортовых отелей до таких крупных гостиничных сетей, как Holiday Inn, Ibis, Novotel, Hilton, Sheraton, на интернет-сайтах гостиниц возможность дневного размещения афишируется редко.

Для удобства туристов, которым необходимо дневное размещение в отеле, существуют специализированные сайты, такие, как бельгийский Between9and5, в числе партнеров которого – гостиничные сети Radisson, Hyatt, Best Western, Marriott. Несмотря на название, здесь можно забронировать «проживание» с восьми утра до семи часов вечера, а цены зависят от загрузки отеля в конкретные даты. Аналогичен, по сути, французский портал Dayuse-hotels, который сотрудничает с 400 отелями в девяти странах, от Италии до США, и постоянно расширяет базу предложений. Средняя стоимость дневного проживания при бронировании через портал: 79 британских фунтов за номер в центре Лондона или 100 долл. США в Манхэттене. На этом портале предлагают также использовать гостиничные номера в качестве временных офисов или для хранения багажа.

Альтернативный вариант бюджетного и кратковременного размещения в мегаполисах предлагают туристам капсульные гостиницы, которые впервые появились в Японии (Осака) в 1979 г. Капсульные отели состоят из небольших по площади номеров. Пространство в гостиницах делится на два типа: общее и индивидуальное, что неизбежно вытекает из самой их организации. Обязательной принадлежностью капсульных гостиниц такого типа является большое общественное пространство. Холл, комната отдыха, бар, сауна, иногда и

бассейн, существуют специально для общения. Интерьер капсул во всех гостиницах выдержан в карамельном цвете, который успокаивающе действует на нервную систему человека, находящегося в маленьком замкнутом пространстве.

Еще одна японская особенность – по негласному правилу капсульные отели в Японии изначально предназначены для мужчин. И хотя в некоторых из них предусмотрен один этаж для женщин, это скорее исключение. Отели-капсулы есть и в маленьких городах, и в крупных мегаполисах Японии – Токио, Йокогаме, Осаке, Нагое, Саппоро. Самый большой капсульный отель Японии Green Plaza Shinjuku расположен в Токио. На шести этажах здесь оборудовано 630 жилых капсул, установленных в два яруса. Длина каждой кабины, оснащенной централизованным кондиционированием, – 190 см, ширина – 90 см, высота – 100 см. Для удобства обитателей второго яруса на стенах сделаны маленькие приступки, выполняющие функцию лестницы.

Стоимость проживания в столичном отеле Японии Green Plaza Shinjuku около 35 долл., а в провинциальных – значительно ниже. Первоначальная японская концепция капсульных отелей претерпела серьезные изменения в сторону улучшения, и в настоящее время в капсульных гостиницах останавливаются респектабельные туристы. При этом основной целью визита для японцев в капсульный отель является не проживание в капсулах, а посещения онсена. Онсен – оздоровительный центр, оснащенный большими ваннами с горячей минеральной водой. Японцы верят, что в доисторическую эпоху доступ к минеральным источникам имели только боги и обезьяны. Поэтому размещение в отелях типа Green Plaza Shinjuku рассматривается как радостная церемония, которая не имеет ничего общего с вынужденной повинностью.

В Европе идея «капсул для жизни» трансформировалась из минималистичной в дизайнерскую. Европейские капсульные отели, в отличие от японских отелей данного типа, похожи не на капсулы, а на каюты современных круизных лайнеров. Следует отметить, что капсульная гостиница – это прямой конкурент хостелов, которые состоят из многоместных номеров. По мнению маркетологов, принимая во внимание стоимость размещения, в Европе у капсульных отелей есть перспективы.

Осенью 2009 г. руководство московского международного аэропорта Шереметьево объявило об открытии в помещении одного из терминалов первого российского отеля капсульного типа «Воздушный экспресс». По данным официального сайта, отель создан по «европейскому типу» и напоминает традиционную гостиницу эконом-класса. Номера 1–3-местные, площадью 7,5–22 м², оборудованные санузлами с душем. В отеле имеется несколько VIP-номеров.

В январе 2013 г. в Москве открылся первый капсульный отель Sleepbox Hotel. Он находится на 1-й Тверской-Ямской улице, рядом с Белорусским вокзалом, который связан с аэропортом Шереметьево аэроэкспрессом. Новаторский проект разработан архитектурной мастерской Arch Group.

Новая московская гостиница Sleepbox Hotel состоит из одноименных «слипбоксов» – модульных комнат, рассчитанных на одного, двух или трех гостей. Интерьер лаконичен и прост, при этом выделяется остроумными дизайнерскими находками на космическую тематику. Стоимость проживания в отеле в 2–2,5 раза выше, чем в японском аналоге. В 2012 г. первые капсульные гостиницы появились в Китае и Сингапуре.

Таким образом, в каждой стране на устройство капсульных отелей оказывает влияние менталитет и предпочтения, поэтому российские и евро-пейские номера капсульных гостиниц отличаются от японских аналогов более сложным и интересным дизайном. И, как следствие, стоимость размещения в Европе и России становится выше, чем в Японии. Определение правильных оценочных критериев при разработке стратегии ценообразования имеет большое значение в гостиничном бизнесе. Следует отметить, что появление большого количества бюджетных гостиниц в мире напрямую связано с развитием дешевых авиаперевозок (Low Cost): небогатые пассажиры превратились в потенциальных туристов. При этом удовлетворить запросы клиентов с небольшим достатком можно только двумя способами: либо свести к минимуму набор услуг, либо максимально уменьшить площадь номера. Так владельцы компании Yotel решили создать в европейских аэропортах небольшие огороженные пространства с номерами-кабинами.

В настоящее время открыты 4 гостиницы Yotel в Гатвике (Лондон), Хитроу (Лондон), Схипхолье (Амстердам) и Нью-Йорке с номерами площадью 7–10 кв. м. Они оборудованы кроватью, письменным столом, WiFi, ТВ и небольшой ванной комнатой. Еда и напитки предоставляются по запросу. Стоимость проживания начинается от 50 евро за 4 часа. Значительно дальше на пути создания недорогих отелей продвинулась азиатская корпорация Tune Hotels. Ее основал владелец бюджетной авиакомпании AirAsia Тони Фернандес. В современных условиях сеть включает 27 гостиниц, расположенных в пяти странах мира. Девиз компании – «пятизвездные кровати по однозвездным ценам». Номера Tune (их площадь около 10 кв. м) действительно укомплектованы отличной широкой кроватью, столом, стулом и вентилятором. Есть в них и маленькая ванная комната. Но полотенце и мыла нет. Базовая стоимость проживания во флагманском отеле Downtown Penang (Джорджтаун) около \$30. Если у гостей возникнет резонное желание включить кондиционер, получить доступ к Интернету, обзавестись полотенцем, мылом и т.п., придется вносить дополнительную плату.

Бесспорным лидером на рынке бюджетных отелей является французская корпорация Ассор. Развитие эконо-сегмента по всему миру в группе Ассор придают особое значение: именно он генерирует существенный доход оператора и является важным фактором глобального роста. По мнению аналитиков группы, бренд ibis, относящийся к эконо-классу, наиболее подходит для развития в регионах России. Занимая первую строчку в европейских

рейтингах, она задает тон и на многих площадках за пределами Старого Света. На ее счету в общей сложности более 3,5 тыс. отелей, расположенных в 92 странах мира. Гостиницы Ассор работают под разными брендами. Sofitel или Pullman, например, представляют роскошные гостиницы 5* или даже 5*+. Бренд Novotel объединяет 3–4-звездные отели.

На бюджетном полюсе выделяется цепочка Ibis Budget. В ее активе – 492 отеля, квартирующих в Берлине, Мадриде, Париже, Праге. Мощный финансовый потенциал позволяет Ассор поддерживать жесткие стандарты, которые принимаются в центральном офисе компании. Именно поэтому в любой точке мира вывеска Ibis Budget обещает похожие условия проживания при низких ценах. Гостиницы празднично оформлены: постельные тона с акцентированным вкраплением сочных красок характерны как для цветовой гаммы фасадов (часто встречаются разные оттенки белого), так и интерьеров. Неоспоримое преимущество отелей Ibis Budget – действительно бюджетные цены. Стоимость проживания в Варшаве составляет 22 евро, Берлине – 29 евро, Бордо – 33 евро, Брюсселе – 39 евро. Сайт ibishotel.com посещают более 24 млн пользователей в год, и он является основным каналом бронирования для отелей бренда ibis по всему миру. Новая версия сайта ibishotel.com поможет расширить охват интернет-аудитории. Целью ibis является увеличение доли прямых бронирований с сайта до 40% к 2013 г. Количество посетителей сайта только за 2010 г. возросло на 30%.

Наряду с капсульными отелями к гостиницам с уникальной концепцией и дизайном следует отнести и Bubble-отели. В городе Руб (Франция) появился ряд прозрачных палаток, предназначенных для проживания и отдыха туристов. Концепция нового формата гостиницы принадлежит французскому дизайнеру Пьеру Стафану Дюма, который доказал своим проектом, что пузырь на гостиничном рынке – это красиво и удобно. Новый шарообразный отель, напоминающий мыльный пузырь, открыт в живописном лесу на окраине Парижа. Это место привлекает путешественников спокойным и уютным расположением, которое позволяет почувствовать себя ближе к природе, вдали от шумного города и суеты. В качестве основной идеи для открытия подобного отеля стало стремление дизайнера создать место для временного отдыха. Проект нового отеля-пузыря основывается на следующих принципах: минимум энергии, минимум материала, максимальный комфорт и максимальное воздействие с окружающей средой.

Все эти характеристики позволяют гостинице претендовать на звание экологичного отеля, основанного на принципах бережного отношения к природе и оптимального использования ее ресурсов. Конструкция гостиницы-пузыря не имеет никаких углов и ребер жесткости. Форма пузыря поддерживается благодаря воздуху, который позволяет создать внутри пузыря приятную комфортную влажность. При этом отель полностью соответствует всем принятым стандартам традиционных гостиниц, обеспечивая постояльцев не-

обходимыми удобствами и комфортным проживанием. Наиболее просторные модели коллекции номеров – это CristalBubble и BubbleRoom, которые идеально подойдут для проживания большой семьи. Первые отели подобного формата, которые получили название Bubble благодаря своей форме, появились в 2010 г.

С тех пор каждый путешественник имеет возможность насладиться отдыхом в лоне природы в гостинице необычной формы. Оболочка отеля изготовлена из переработанных пластиковых материалов, имеющих UV-защиту и обладающих антивоспламеняющимися свойствами. Молодежный комплекс Bubble, который состоит из восьми Bubble-домов, предназначенных для проживания, расположен на территории Республики Казантип. Пол сделан из натурального дерева. Размер одного номера-пузыря составляет около 4 м в диаметре, что позволяет вместить двухспальную кровать, стол, стулья и другие предметы быта для комфортного отдыха в окружении живописной природы. Для удобства гостей разработана специальная акустическая система и система циркуляции воздуха, благодаря которым постояльцы имеют возможность по-настоящему насладиться отдыхом на природе. Другими словами, Bubble-отели отражают поступательное движение мирового гостиничного бизнеса к экологической ответственности, энерго- и ресурсосбережению на основе применения эко-технологий.

Таким образом, в России наблюдается стремительное развитие гостиничного бизнеса, о чем свидетельствует открытие новых гостиничных объектов, и интерес иностранных инвесторов. Лидерами гостиничного бизнеса России являются Москва, Санкт-Петербург и Сочи. Кроме того, активно развивается индустрия гостеприимства в Калининграде, Томской, Волгоградской областях, Челябинске, Екатеринбурге, а также в Красноярске. В 2013 г. в России ожидается увеличение гостиничного номерного фонда за счет развития сетевых операторов в городах страны. При этом наиболее активными операторами, которые планируют развивать свои сети в городах России, являются Accor, Rezidor Hotels Group, Kempinski Hotels, Hilton Hotel Corporations.

Сетевые гостиничные операторы интересуются в России рынком крупных городов. В ближайшие несколько лет зарубежные операторы планируют активно развиваться на российском рынке, что связано как с предстоящими международными событиями, такими, как чемпионат мира по футболу 2018 г., так и с объективным ростом делового и туристического потока в Москву. В 2013 г. можно прогнозировать лидерство Hilton Worldwide по приросту номерного фонда, если все заявленные проекты будут реализованы, то портфель Hilton увеличится на 916 номеров. Наиболее амбициозные планы экспансии в перспективе до 2015 г. заявили французская сеть Accor, которая собирается вывести на рынок более 2500 номеров, и американская InterContinental Hotel Group, которая планирует увеличить свой номерной фонд на 1000 номеров. Такие масштабные перспективы ведут к значительному изменению в структуре международных операторов на московском рынке. Лидером к 2015 г. станет французская сеть Accor, которая, по прогнозам, займет 22% рынка против 10% в 2012 г., сместив с первого места InterContinental Hotel Group.

Наилучшая ситуация ожидает гостиничный рынок Сочи в связи с зимней Олимпиадой-2014, благодаря которой идет активное развитие туристической и гостиничной инфраструктуры. Динамика развития российского рынка гостиничных услуг отражает основные мировые тенденции и современную практику: повышение стандартов обслуживания; применение новаторских дизайнерских решений; создание уникального гостиничного продукта, ориентированного на потребности узкого сегмента клиентов; развитие новых гостиничных услуг и форм бизнеса (дневные отели, капсульные отели); принципы экологичности применяемых технологий, сбережения ресурсов, снижения издержек.

Однако в ряде случаев в современных условиях российским гостиницам не хватает ресурсов и продуманности маркетинговой политики для достижения эффективного управления гостиничным и ресторанным бизнесом. Тема инновационных гостиничных концепций очень актуальна для всего мира и играет всевозрастающую роль в России – отчасти благодаря действующим в Москве программам развития гостиничного фонда.

Список литературы

1. Balmer J.M.T.; Thomson I. The shared management and ownership of corporate brands: the case of Hilton//J. of general management. Oxford, 2009. Vol. 34, N 4.
2. Colliers International. Обзор рынка недвижимости г. Москвы за первое полугодие 2012 г. М., 2012.
3. Developments and challenges in the hospitality and tourism sector: Issues paper for discussion at the global dialogue forum for the hotels, catering, tourism sector /Intern, labour organization. Sectoral activities programme. Geneva: ILO, Nov. 2010.
4. Fyfe, D.A.; Holdsworth, D.W. Signatures of commerce in small-town hotel guest registers // Social science history. Durham (N.C.), 2009. Vol. 33, N 1.
5. UNEP (United Nations Environment Programme). Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication, 2011.

6. UNWTO. International tourism to continue robust growth in 2013. Press release № 13006. Madrid, Jan. 2013.
7. Бурнацева Э.Р. Экономические и технологические факторы развития международного туризма и гостиничного бизнеса//Российский внешнеэкономический вестник. М., 2009.
8. Котлер Ф., Боуэн Дж., Мейкенз Дж. Маркетинг. Гостеприимство. Туризм. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
9. Левченко Т.П., Янюшкин В.А. Гостиничный бизнес как составляющая современной индустрии туризма// Современные аспекты экономики. СПб., 2009. № 4.
10. Пресс-релиз Hogg Robinson Group, январь 2013.
11. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 года (утверждена приказом Федерального агентства по туризму от 06.05.2009 № 51 «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 года»).

Об авторе

Щетинина Ксения Игоревна – степень бакалавра факультета Международных экономических отношений МГИМО(У) МИД России в 2005 г., степень магистра российско-французской магистратуры МГИМО(У) МИД России в 2007 г., в аспирантуре МГИМО(У) МИД России – с 2010 г. E-mail: vestnik@mgimo.ru

INNOVATIVE CONCEPTS IN HOTEL BUSINESS: INTERNATIONAL AND RUSSIAN EXPERIENCE

K.I. Shchetinina

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *According to the experts of PricewaterhouseCoopers Company, hotel segment in Russia in 2013 year is about to develop and increase sales, despite crisis preconditions and an ambiguous economic situation in the world. The innovative hotel concept is one of the most popular subjects among hotel real estate developers and hotel operators. Indeed the innovative hotel concept is an additional way of promoting hotel services. Leading international and Russian engineers acquire experience in creating a unique hotel concept: both in premium and economy class. The article describes such forms of innovative hotel concepts as business and design hotels, capsule hotels, budget hotels, «Women only» hotels. The author of the article studies key aspects of the international approach «the blue way» to the hotel industry. If the building is environment-oriented and fulfills all the requirements for economy and functionality, it represents an example of this complete and balanced approach.*

Key words: International hotel and accommodation business; «the blue way»; hospitality management; hotel chain; «Women only» hotel; business tourist; day-use hotel; capsule hotel; sleepbox; budget hotel; cost-effective use of resources.

References

1. Balmer J.M.T., Thomson I. The shared management and ownership of corporate brands: The case of Hilton. *Journal of General Management*, 2009, vol. 34, no.4, pp. 15-37.
2. Overview of the real estate market of Moscow in the first half of 2012. Colliers International. Available at: <http://www.colliers.com/~media/files/emea/russia/research/2012/rus/2012-h1-midyear-office-report-russia-moscow-rus.pdf> (in Russ.).
3. Developments and challenges in the hospitality and tourism sector. Issues paper for discussion at the Global Dialogue Forum for the Hotels, Catering, Tourism Sector. International Labour Organization. Sectoral Activities Programme. Geneva, ILO Publ., Nov. 2010. 102 p. Available at: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—ed_dialogue/—sector/documents/meetingdocument/wcms_162202.pdf.
4. Fyfe D.A., Holdsworth D.W. Signatures of commerce in small-town hotel guest registers. *Social Science History*, 2009, vol. 33, no. 1, pp. 17-45.
5. Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication. Nairobi, UNEP (United Nations Environment Programme) Publ., 2011. 630 p. Available at: <http://www.unep.org/greeneconomy/greeneconomyreport/tabid/29846/default.aspx>
6. International tourism to continue robust growth in 2013. World Tourism Organization UNWTO Press Release, January 28, 2013, no. PR13006. Available at: <http://media.unwto.org/en/press-release/2013-01-28/international-tourism-continue-robust-growth-2013>.
7. Burnatseva E.R. Economic and technological factors of international tourism and hospitality business development. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Trade Bulletin], 2009, no. 7, pp. 21-24. (in Russ.).
8. Kotler Ph.R., Bowen J.T., Makens J. *Marketing for Hospitality and Tourism*. London, Pearson Publ., 2009. 720 p. (Russ. ed.: Kotler F., Bouen Dzh., Meikenz Dzh. *Marketing. Gostepriimstvo. Turizm*. Moscow, IuNITI-DANA Publ., 2012. 1046 p.).
9. Levchenko T.P., Ianiushkin V.A. Hospitality as a component of the modern tourism industry. *Sovremennye aspekty ekonomiki* [Modern Aspects of Economy], 2009, no. 4. (in Russ.).
10. Hogg Robinson Group Press Release, January 31, 2013. Available at: <http://www.hrgworldside.com/>
11. Tourism development strategy in the Russian Federation for the period up to 2015 (approved by Order of the Federal Tourism Agency dated May 06, 2009 No. 51 "On approval of the tourism development strategy in the Russian Federation for the period up to 2015). Available at: <http://www.alppp.ru/law/zdravoohranenie--fizicheskaja-kultura-i-sport--turizm/turizm--ekskursii/1/prikaz-rosturizma-ot-06-05-2008--51.html> (in Russ.).

About the author

Ksenia I. Shchetinina – bachelor's degree at Faculty of International Economic Relations MGIMO-University in 2005, Russian-French Master Degree MGIMO-University in 2007, Ph.D. candidate since 2010.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

Р.А. Касьянов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В европейских финансовых регуляторах ожидаются крупномасштабные изменения. Реформы проводятся на наднациональном уровне в рамках Европейского союза, в то время как национальное законодательство государств – членов ЕС совершенствуется. Российской Федерации также предстоит реформа финансового регулирования, предполагающая создание мегарегулятора финансового рынка на основе Центрального банка России. Новый российский регулятор должен начать свою работу уже в августе 2013 г. Полномочия регулирования и надзора будут распределены между Министерством финансов и Центральным банком. В результате реформы действующий регулятор, Федеральная служба по финансовым рынкам, будет упразднен, а его сотрудники перейдут на работу в Центральный банк. В связи с этим важно изучить основные передовые модели финансового регулирования, действующие в Европе. С этой целью подробно изучен опыт деятельности европейских регуляторов, действующих на уровне всего Европейского союза, а также национальный опыт финансовых регуляторов Люксембурга и Бельгии. Успех этой инициативы будет зависеть от ряда факторов, включая надлежащее применение существующих моделей регулирования, с учетом следующих аспектов: участие или неучастие рынка и профессионального сообщества в регулировании; предмет и сфера регулирования. Подробное изучение опыта деятельности европейских регуляторов, действующих на уровне всего Европейского союза, а также национального опыта финансовых регуляторов Люксембурга и Бельгии дает лучшее понимание перспектив реформы регулирования, целью которой предполагается создание ясной, прозрачной и самодостаточной системы, которую необходимо будет отразить в формирующих ее нормативно-правовых актах.

Ключевые слова: Европейский союз, процесс Ламфалусси, процесс Ларозье-ра, финансовый сектор ЕС, Комитет европейских регуляторов ценных бумаг, Европейский банковский орган, Европейский орган в области страхования и трудовых пенсий, Европейский орган в области рынка ценных бумаг, Национальный банк Бельгии, Орган в области финансовых услуг и рынков Бельгии, Комиссия по надзору за финансовым сектором Люксембурга, Центральный банк Российской Федерации, Федеральная служба по финансовым рынкам России.

В последние годы в системе правового регулирования финансовых рынков в Европе происходят серьезные изменения. Реформы реализуются как в рамках наднациональных образований – Европейского союза (ЕС), так и на национальном уровне отдельных государств – членов ЕС. В 2013 г. должна измениться и система финансового регулирования в Российской Федерации. Речь идет о подготовке ряда законопроектов по созданию в России мегарегулятора финансового рынка на базе Центрального банка РФ (ЦБ РФ). Одновременно предстоит перераспределить большое количество функций между Правительством РФ и Банком России, так как регулирование предполагается оставить за Министерством финансов РФ, а надзор сосредоточить в ЦБ РФ. По плану законодательные предложения должны быть внесены на рассмотрение Государственной Думы уже в марте 2013 г., с тем чтобы новый российский мегарегулятор смог работать с 1 августа 2013 г. До 1 января 2015 г. это будет, как предполагается, самостоятельная служба внутри ЦБ РФ. Затем будет создана единая структура, которая обеспечит сквозной контроль и надзор за всем банковским и финансовым сектором в России.

В результате предложенной реформы ныне действующий регулятор финансовой сферы – Федеральная служба по финансовым рынкам РФ (ФСФР РФ) – будет упразднен, а его сотрудники перейдут на работу в ЦБ РФ. Руководитель ФСФР РФ в должности первого заместителя председателя ЦБ РФ будет обладать рядом автономных прав, но окончательную ответственность за контроль и надзор за всем финансовым сектором будет нести глава Банка России. Для того чтобы предметнее представить prerogatives и механизмы работы предполагаемой российской службы, в статье сначала будут кратко охарактеризованы основные существующие в Европе модели финансового регулирования, затем проанализированы конкретные примеры из опыта европейских моделей правового регулирования финансовых рынков и на основе такой проделанной работы сформулировано заключение о возможности и целесообразности применения данного опыта в России.

Модели регулирования

Существующие модели финансового регулирования можно разделить на группы по различным признакам.

По признаку участия (или неучастия) и степени этого участия со стороны рынка и профессионального сообщества в регулировании финансовой системы и рынка ценных бумаг — как одной из центральных ее составляющих — выделяют следующие модели:

- активный регулятор+СРО(США);
- активный регулятор во взаимодействии с рынком (Великобритания);
- регулятор, ориентированный на надзор (ФРГ);
- регулятор+биржа (Гонконг).

Считается, что именно активное взаимодействие с участниками рынка и представителями

профессионального сообщества делает те или иные модели более эффективными. В подтверждение данного вывода можно привести показатели американских и английских бирж, которые уже многие годы по праву считаются крупнейшими мировыми финансовыми центрами. В Великобритании, например, общее понимание принципов регулирования вырабатывается с участием всех заинтересованных сторон – и участников рынка, и самого регулятора.

Национальные финансовые рынки могут быть разбиты на группы в зависимости от субъекта регулирования и сферы, на которую это регулирование распространяется. По данному признаку можно выделить следующие модели:

- вертикальная (отраслевая) модель;
- гибридная модель;
- модель «twin peaks» (или «две вершины»);
- единый мегарегулятор (ненациональный банк);
- национальный банк в роли мегарегулятора (скорее всего, эта модель – Россия).

По мнению экспертного сообщества, в настоящее время преобладает вертикальная (отраслевая) модель регулирования, при которой для каждого сегмента финансового рынка действует свой регулятор. Это суждение подкрепляется статистически: из 115 полных членов Международной ассоциации регуляторов рынка ценных бумаг (IOSCO) в 49 (42,6%) функционирует именно вертикальная модель регулирования. Для гибридной модели характерно наличие регулятора, полномочия которого распространяются сразу на несколько секторов финансового рынка. В настоящее время гибридная модель действует в 16 странах (13,9%).

Остальные 50 регуляторов (43,5%) представляют различные модели мегарегулирования. Широко распространена (в 33 странах) модель, предполагающая наличие единого независимого мегарегулятора (с объединением регулирования и надзора), не являющегося центральным банком. В 13 странах функции мегарегулятора возложены на национальные центральные банки. В четырех странах действует модель «twin peaks» («две вершины»), предполагающая наличие двух тесно взаимодействующих регуляторов.

Рассмотрим конкретные примеры применения моделей в практике правового регулирования финансовых рынков в ЕС и его государств-членов. Для детального анализа выберем три из них: модель вертикальную (отраслевую); модель, предполагающую наличие единого независимого мегарегулятора (с объединением регулирования и надзора), не являющегося центральным банком; модель «twin peaks». Гибридную модель не будем анализировать по двум причинам:

- во-первых, в настоящее время она уже используется в России, и реформа продиктована необходимостью перейти к иному, более совершенному варианту;
- во-вторых, маховик реформы запущен столь решительно, что отказ от данной системы практически неизбежен.

Не будем анализировать и модель, где в роли мегарегулятора выступает национальный банк, то есть вариант, который будет вынесен на обсуждение в Государственной Думе. Отказ от анализа данной, казалось бы, самой актуальной темы объясняется наличием достаточного количества уже сделанных экспертных суждений по данному поводу. Приведем некоторые критические замечания в адрес избранной модели, сопроводив их собственными комментариями:

– *первый контраргумент*: модель с единым мегарегулятором в лице центробанков применяются в относительно небольшом числе государств, а переход на нее в условиях мирового финансового и экономического кризиса 2008 г. осуществили только две страны (Казахстан и Бруней), финансовые рынки которых относительно невелики. Данный контраргумент не нуждается в особых комментариях, так как очевидно, что в условиях, когда у России пока недостаточно собственного опыта регулирования финансовой сферы, не использовать передовой мировой опыт, по крайней мере, неразумно;

– *второй контраргумент*: критика сводится к тому, что сосредоточение регулятивных функций в Минфине, а надзорных — в ЦБ приведет к тому, что в небанковском сегменте будет невозможно добиться оперативного регулятивного вмешательства в случае необходимости. Действительно, небанковский сегмент, в отличие от собственно банковской сферы, требует более гибкого механизма, и этого не учитывает предложенная модель с ЦБ РФ в роли мегарегулятора. Отсутствие гибких и эффективных механизмов реагирования, способных быстро решить ту или иную проблему, которые в небанковском сегменте возникают, как правило, часто и внепланово, негативно сказывается на развитии финансового сектора и всей национальной экономики. В ЕС к данному выводу пришли уже давно и в связи с этим в 2001 г. была проведена реформа Ламфалусси, которая привела к созданию более совершенной архитектуры регулирования всего финансового сектора в ЕС;

– *третий контраргумент*: в случае реализации избранной модели сократится роль саморегулирования в целом и степень активности саморегулируемых организаций, которым будет труднее сотрудничать с ЦБ. Данный контраргумент очень важен. Действительно, можно с уверенностью предположить, что ЦБ РФ будет активнее работать именно с банковским сектором, нежели с небанковским. Ему свойственна своя философия функционирования, иногда мало приспособленная для типового централизованного регулирования, к которому привык Центробанк России;

– *четвертый контраргумент*: переход к новой модели негативно оценивают иностранные инвесторы, что выразилось в оттоке капиталов сразу после заявлений о переходе к новой системе регулирования. Возможно, именно данный контраргумент не столь обоснован, так как настроения инвесторов зависят от большого количества факторов. Например, от пришедшегося практически на тот

же самый период времени роста цены европейской валюты, что также могло вызвать отток капиталов на рынки ЕС. Возможно, также, что отрицательные настроения инвесторов вызваны не фактом принятия новой концепции, а ее неподготовленностью, так как подобные реформы, как правило, требуют более тщательной подготовительной работы.

Примеры применения

I. Вертикальную модель, при которой для каждого сегмента финансового рынка действует свой регулятор, целесообразно рассматривать на примере наднационального регулирования в ЕС:

– во-первых, это, пожалуй, самый последний пример использования данной модели. В 2011 г. в ЕС была проведена последняя крупномасштабная реформа финансового регулирования, которая во многом стала ответом на мировой финансовый и экономический кризис 2008 г.;

– во-вторых, это система уже несколько лет применяется именно в интеграционном ключе, и ее действие распространяется на 27 государств – членов ЕС. В этом смысле для России данный опыт может оказаться очень ценным с точки зрения строительства мирового финансового центра в Москве или просто в рамках укрепления и совершенствования национального финансового сектора.

Система финансового регулирования ЕС начала меняться еще в 2001 г., после реформы Ламфалусси. Именно тогда было решено использовать вертикальную модель регулирования и создать полноценные регуляторы для каждой области европейского рынка финансовых услуг – рынка ценных бумаг, банковского и страхового секторов. На примере Комитета европейских регуляторов ценных бумаг (далее — КРЦБ) рассмотрим более подробно основные полномочия общеевропейских регуляторов. Этот комитет начал свою деятельность 7 июня 2001 г. в качестве независимого органа, в полномочия которого входили анализ, обсуждение и подготовка заключений для Европейской комиссии по вопросам рынка ценных бумаг. Вместе с тем КРЦБ, публикуя руководства, рекомендации и иные юридически не обязательные нормы, содействовал общему и единообразному исполнению и последовательному применению норм европейского финансового законодательства.

К центральным задачам КРЦБ можно отнести:

– посредничество в отношениях между национальными регуляторами;

– обеспечение эффективности и согласованности функционирования коллегий регулирующих органов, в частности определение ориентиров для их оперативной работы, мониторинг согласованности действий различных коллегий, распространение передовых практик;

– создание в надзорной сфере высококачественных общих стандартов представления информации;

– применение на практике опубликованных руководств, рекомендаций и иных юридически не обязательных норм.

Два раза в год КРЦБ представлял Европейской комиссии свою оценку микропруденциальных тенденций, возможных и неизбежных рисков в области ценных бумаг. Эти оценки должны были содержать классификацию основных рисков и уязвимых областей, указывать, в какой степени эти риски и уязвимые области представляют угрозу для финансовой стабильности и при необходимости предлагать превентивные или корректирующие меры.

Вот ответ на мировой и финансовый кризис 2008 г. ЕС начал новую реформу, которую мы назовем по имени одного из разработчиков «реформой Ларозьера» или «процессом Ларозьера». В основу данной реформы также положена вертикальная модель, а ее результатом стало создание трех новых надзорных европейских органов и Европейского комитета по системным рискам. С 1 января 2011 г. в ЕС действуют Европейский банковский орган, Европейский орган в области страхования и трудовых пенсий, Европейский орган в области рынка ценных бумаг. Данные надзорные органы сотрудничают с национальными регуляторами. Причем это сотрудничество должно носить тесный характер, чтобы обеспечить реальную гармонизацию национального законодательства и гарантировать строгое соблюдение норм европейского финансового права. Данные органы вправе:

- создавать специальные правила, обязательные для национальных властей и финансовых учреждений;
- срочно реагировать при изменении ситуации на финансовых рынках, например запрещать некоторые финансовые инструменты;
- выполнять посредническую роль между национальными регуляторами и содействовать выработке общих позиций по сложным финансовым вопросам;
- обеспечивать надлежащее применение норм европейского финансового права.

Создание органов, ответственных за регулирование рынка финансовых услуг на уровне ЕС, положительно оценили не только представители институтов, подготовивших и реализовавших реформу, но и профессионалы, которые считают, что произошла «настоящая революция в процессе интеграции европейских финансовых рынков». Главным достижением реформы стало наделение новых органов правом принимать самостоятельные решения. Действительно, в ЕС был сделан важный шаг вперед в направлении создания более совершенной архитектуры финансового регулирования и надзора. Но, по нашему мнению, значение этого шага не стоит преувеличивать, так как само по себе право принимать самостоятельные решения реализуется при соблюдении ряда условий, то есть оно неабсолютное.

II. По модели с наличием единого независимого мегарегулятора (с объединением регулирования и надзора), не являющегося центральным банком, работает Комиссия по надзору за финансовым сектором Люксембурга (далее – КНФС Люксембурга). При выборе этой страны

для нашего анализа важную роль сыграли два обстоятельства. Во-первых, в отличие от других регуляторов, КНФС Люксембурга мало изучена в российской специальной литературе. Это странно, так как – и с этим связан второй важный аргумент в пользу данного выбора – Люксембург, несмотря на относительно небольшие размеры, отсутствие богатых залежей полезных ископаемых и серьезной промышленной индустрии, является одним из богатейших государств мира, а по доле ВВП на душу населения входит в число европейских лидеров. Немалую роль в достижении этих успехов сыграл развитый рынок финансовых услуг.

Комиссия по надзору за финансовым сектором Люксембурга приступила к деятельности 1 января 1999 г. и сосредоточила функции, которые ранее принадлежали Центральному банку и Управлению по фондовому рынку этой страны. По данным КНФС, на 15 января 2013 г. ее штат состоял из 451 сотрудника. Учитывая, что КНФС Люксембурга отвечает за весь финансовый сектор, а также принимая в расчет явные успехи национального финансового сектора, это число сотрудников не выглядит чрезмерным. По крайней мере, такого числа высококвалифицированных сотрудников вполне достаточно для успешного решения задач, возникающих в одном из европейских финансовых центров.

Комиссия по надзору за финансовым сектором Люксембурга – государственное учреждение со статусом юридического лица. Она находится под оперативным контролем министра, отвечающего за функционирование фондового рынка. КНФС Люксембурга независима от органов законодательной и исполнительной власти, что, в частности, выражается в полной независимости от централизованного государственного финансирования. Работа КНФС Люксембурга финансируется за счет поступлений от подконтрольных данному учреждению компаний и профессиональных участников финансового рынка.

Совет и правление являются руководящими органами КНФС Люксембурга. Совет в составе семи членов руководит общими вопросами, например утверждает бюджет КНФС Люксембурга. Министр, отвечающий за функционирование фондового рынка, предлагает четырех членов совета, а компании и профессиональные участники выдвигают три остальные кандидатуры. Членов совета назначает Великий герцог люксембургский на пять лет. Правление, состоящее из генерального директора и его заместителей, отвечает за организацию работы по основным направлениям деятельности.

В структуре КНФС Люксембурга создано два консультативных комитета: один отвечает за пруденциальный надзор, второй – за регулирование аудиторской деятельности. Существует также большое количество профильных комитетов: комитет, отвечающий за деятельность банков и инвестиционных компаний; комитет депозитариев; комитет, регулирующий деятельность пенсионных фондов; комитет по регулированию деятельности предпри-

ятий совместного инвестирования в оборотные ценные бумаги; комитет по борьбе с отмыванием денежных средств; комитет по защите прав потребителей финансовых услуг и др.

Комиссия по надзору за финансовым сектором Люксембурга может контролировать деятельность широкого круга участников финансового рынка:

- кредитные учреждения, инвестиционные компании;
- биржу Люксембурга;
- предприятия по совместному инвестированию в оборотные ценные бумаги;
- специализированные инвестиционные фонды, пенсионные фонды и др.

КНФС Люксембурга следит за соблюдением законодательства участниками финансового рынка и качественным исполнением ими своих профессиональных обязанностей. Люксембургский регулятор выносит собственные заключения по любым запросам компаний или лиц, желающих вести в Люксембурге финансовую деятельность (банки или другие участники финансового сектора). Именно на основании этих заключений министр финансов выдает соответствующие разрешения. На КНФС Люксембурга возложен и ряд дополнительных функций. Она координирует выполнение правительственных программ, направленных на развитие финансового сектора Люксембурга. Регулятор вправе выступить перед правительством с инициативами, направленными на улучшение законодательного регулирования финансового сектора. КНФС Люксембурга обязана рассматривать любые предложения министра финансов, относящиеся к финансовой деятельности.

КНФС Люксембурга принимает участие в деятельности международных организаций и соответствующих структур ЕС с целью обсуждения вопросов финансового регулирования. Через сотрудничество с компетентными европейскими органами осуществляется и опосредованное регулятивное воздействие КНФС на люксембургский финансовый сектор. Дело в том, что в рамках профильных органов общеевропейского регулирования, созданных в рамках процесса Ларозьера (а до этого процесса Ламфалусси), необходимо обязательно учитывать мнения и позиции национальных регуляторов. Именно национальные позиции по тем или иным вопросам, которые выражаются соответствующими регуляторами, становятся затем основой для европейских директив и регламентов, обязательные для применения на национальном уровне и обуславливающие изменение национального права.

Формы контроля люксембургского регулятора можно разделить на три основных вида:

- рассмотрение периодических сообщений участников финансового рынка;
- контроль на местах;
- анализ докладов, представленных внешними и внутренними аудиторами компаний.

Для обеспечения соблюдения финансового законодательства регулятор вправе направить на-

рушительно предписание с требованием исправить выявленные нарушения. КНФС Люксембурга может отстранить от выполнения профессиональных обязанностей, приостановить голосующие права некоторых акционеров или деятельность участника финансового рынка. Кроме того, могут быть применены штрафные санкции (максимальный размер составляет 250 тыс. евро).

Рассмотрим полномочия люксембургского регулятора в области регулирования рынка ценных бумаг. На него возлагаются обязанности по рассмотрению и анализу:

- случаев продажи финансовых активов;
- фактов совершения биржевых правонарушений, в том числе связанных с использованием инсайдерской информации;
- заявлений о приобретении крупных долей в обществах, акции которых котируются на бирже;
- фактов совершения сделок, предметом которых выступают ценные бумаги;
- информации, относящейся к внешнему аудиту люксембургских компаний, акции которых торгуются на бирже.

Для выполнения этих обязанностей регулятор вправе:

- 1) изучать финансовую документацию, относящуюся к биржевым сделкам;
- 2) сотрудничать и обмениваться информацией с регуляторами других государств;
- 3) выносить в адрес бирж и специалистов финансового сектора предписания с требованием исправить нарушения;
- 4) требовать от участников финансового рынка всю необходимую информацию;
- 5) приступать к расследованиям на месте;
- 6) затребовать у внешнего аудитора сведения о состоянии ежегодных балансов компаний, которые были образованы в соответствии с люксембургским законодательством и акции которых котируются на бирже Люксембурга.

Особо следует отметить обязанности КНФС Люксембурга по надзору за деятельностью бирж. В частности, при контроле деятельности биржи Люксембурга регулятор может присутствовать с правом вето на заседаниях ее органов, приостанавливать или прекращать права одного из членов биржи, следить за применением правил публичного предложения и котирувания ценных бумаг.

III. В Бельгии 2 июля 2010 г. принят закон, а с 1 апреля 2011 г. осуществлен переход от прежней системы, во главе которой стоял единый мегарегулятор в лице Комиссии в сфере банковской, финансовой и страховой деятельности, к новой модели «twin peaks», предполагающей наличие двух регуляторов – Национального банка Бельгии и Органа в области финансовых услуг и рынков. Реформа проведена после мирового и финансового кризиса, поэтому важно изучить основные черты именно бельгийской системы регулирования. К тому же она мало изучена в российской специальной литературе, что также говорит в пользу именно этого выбора. Для перехода на новую систему была проведена большая подготовительная работа, проанализирован

международный опыт. Большую роль сыграли рекомендации высококлассных специалистов, которые по поручению бельгийского правительства и под руководством А. Ламфалусси подготовили ряд предложений.

В системе финансового регулирования в Бельгии можно выделить две опоры, точнее, «вершины»:

– первая – Национальный банк Бельгии (НБ Бельгии), государственное учреждение в форме акционерного общества, которое не ставит задачу извлечения прибыли с целью дальнейшего распределения среди своих акционеров. НБ Бельгии имеет традиционную для центральных банков структуру органов, во главе которой стоит президент (председатель). В дополнение к своей основной задаче – поддержанию макроэкономической стабильности – он также осуществляет микропруденциальный надзор за большинством бельгийских финансовых институтов. Тем самым была достигнута одна из ключевых целей реформы – усиление этого надзора на национальном уровне в отношении большого количества субъектов. В их число входят:

- а) кредитные организации, в том числе финансовые группы;
- б) инвестиционные компании;
- в) биржи;
- г) компании, осуществляющие услуги страхования и перестрахования;
- д) клиринговые организации;
- ж) компании, осуществляющие электронные платежи и др.

Эти финансовые учреждения НБ Бельгии может проверять на предмет их участия в операциях по отмыванию денежных средств и финансированию терроризма;

– вторая «вершина» – Орган в области финансовых услуг и рынков (ОФУР Бельгии). Он выполняет часть функций ранее существовавшей Комиссии в сфере банковской, финансовой и страховой деятельности, но и осуществляет контроль за деятельностью финансовых посредников. ОФУР – независимый государственный орган, созданный на основании специального закона. Его руководящие члены назначаются специальным королевским указом сроком на шесть лет. За ОФУР Бельгии закреплено шесть основных функций:

- контроль за финансовыми рынками;
- контроль за соблюдением финансово-правовых норм и правил;
- контроль финансовых продуктов;
- содействие в выработке и углублении финансовых знаний и навыков населения;
- управление пенсионными фондами;
- контроль различных субъектов финансовых отношений – посредников в банковских операциях, страховых брокеров, управляющих компаний предприятий совместного вложения в оборотные ценные бумаги, пунктов обмена валюты.

Рассмотрим более подробно некоторые виды деятельности ОФУР Бельгии²³. В сфере финансовых рынков контроль касается качества информации,

предоставляемой инвесторам. Любое публичное предложение финансового инструмента к торгам возлагает на эмитента обязательство по предварительной публикации проспекта. Данный проспект должен содержать всю необходимую информацию, полноту и достоверность которой проверяет ОФУР Бельгии. Утверждение проспекта означает, что он содержит всю информацию, необходимую инвесторам. Если ОФУР Бельгии посчитает предоставленную информацию недостаточной или способной ввести инвесторов в заблуждение, то на эмитента возлагается обязанность внести соответствующие изменения в проспект.

ОФУР имеет право самостоятельного внести изменения в проспект и может приостановить процедуру допуска к торгам. Бельгийский регулятор отвечает за утверждение проспекта только в том случае, если публичное предложение финансового инструмента сделано в самой Бельгии. При публичном предложении в других государствах – членах ЕС эта обязанность возлагается на соответствующие национальные компетентные органы, после чего данный проспект подлежит признанию на территории Бельгии. Компании, акции которых котируются на фондовых площадках, должны на постоянной основе предоставлять инвесторам информацию о всех фактах, которые могут повлиять на стоимость их финансовых инструментов. Кроме того, они должны периодически информировать акционеров о результатах своей деятельности. Акционеры также обязаны сообщать о приобретении или продаже крупных долей в компании.

Именно на ОФУР Бельгии возложена обязанность контролировать соблюдение этих обязательств. При выявлении нарушений бельгийский регулятор вправе вынести предупреждение и обязать компанию представить в ОФУР все предварительные отчеты. ОФУР Бельгии следит также за целостностью и прозрачностью подконтрольных ему финансовых рынков (например, Euronex Brussels). Если зафиксированы нарушения, ОФУР Бельгии вправе приостановить торговлю финансовыми инструментами и запросить дополнительные сведения. При выявлении фактов рыночных злоупотреблений бельгийский регулирующий орган может начать собственное расследование и наложить административные санкции.

Более детальное разграничение полномочий между НБ и ОФУР Бельгии осуществляется на основе специального законодательства, которое предписывает обязательства по взаимному сотрудничеству двух регуляторов.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что каждая из представленных выше моделей имеет свои преимущества. Главное преимущество вертикальной (отраслевой) модели в том, что для каждого крупного сегмента рынка финансовых услуг действует собственный компетентный орган. Как уже отмечалось, в мире данная модель наиболее распространена. Данную модель выбрал для себя и ЕС, в рамках

которого система финансового регулирования с годами становится более совершенной: регуляторы приобретают большую самостоятельность и больше властных полномочий.

Возможно, что это идеальная модель для таких крупных образований, как ЕС, со сложной системой отношений между национальными рынками, которые нуждаются в гармонизации, несмотря на успехи, уже достигнутые при строительстве Единого европейского финансового пространства. Возможно, эта модель может быть применена в России в силу большой территории и серьезных планов строительства мирового финансового центра в Москве. Однако данная модель выглядит чрезмерно громоздкой, так как дополнительный контроль со стороны регулирующих структур будет ограничивать развитие финансового сектора в России. (Цели бюджетной экономии не позволят создавать сложную структуру регулирования на современном этапе.) Но перспективы реализации данной модели остаются высокими, учитывая интерес России к интеграционному строительству на постсоветском пространстве.

Модель с единым независимым мегарегулятором, не являющимся центральным банком, позволяет всему финансовому сектору развиваться равномерно. Так, по объему люксембургский не-

банковский сектор не уступает банковскому. Более того, по числу зарегистрированных предприятий совместного инвестирования в оборотные ценные бумаги Люксембург занимает лидирующую позицию в Европе. Но данная модель мало приспособлена для современной России, поскольку в нашей стране главную роль играет именно банковский сектор.

Наиболее приспособленной для современного состояния российской финансовой системы выглядит модель «twin peaks», при которой наравне с Центробанком важную роль будет играть регулятор, отвечающий за небанковский сектор. Это позволит учесть специфику российского рынка на современном этапе. Очевидно одно: будущая система должна быть максимально приближенной ко всем участникам рынка финансовых услуг, быть максимально прозрачной и понятной, обладать высокой степенью автономности, в том числе финансовой, совмещать регулятивные, контрольные и надзорные полномочия. Эти характеристики в той или иной мере свойственны каждой из проанализированных выше европейских моделей регулирования. Хочется надеяться, что эти положения будут учтены в законодательной работе по подготовке реформы системы финансового регулирования в России.

Список литературы

1. Законопроекты о создании мегарегулятора финансового рынка могут внести 15 марта // РБК 05.02.2013, <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20130205152845.shtml>.
2. Государственное регулирование рынка ценных бумаг в России и зарубежных финансовых центрах: лекции спецкурса для магистров, обучающихся по направлению «Юриспруденция» (программа «Правовое регулирование рыночной экономики»): Учебное пособие / Отв. ред. проф. Ю.К. Краснов и А.А. Александров; МГИМО (У) МИД России. М.: Статут, 2010. С. 27.
3. Данилов Ю. Остановить монстра! // Эксперт 19.11.12, №46 (828).
4. Касьянов Р.А. Финансовое право Европейского Союза // Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: учебник / рук. авт. кол., отв. ред. Л.М. Энтин. - 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 668–690.
5. Касьянов Р.А. Организация деятельности финансовых регуляторов в Европейском союзе // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6.
6. Pierre-Henri Conac. Du CESR à l'ESMA : le Rubicon est franchi // Bulletin Joly Bourse, 1 novembre. 2010, № 6. P. 500.
7. Зенькович Е.В. Рынок ценных бумаг: административно-правовое регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2007
8. Newsletter CSSF, №144, janvier 2013.
9. Moniteur Belge, 28 septembre 2010, 59140.
10. High level committee on a new financial architecture, Final report, 16 juin 2009.

Об авторе

Касьянов Рустам Альбертович – к.ю.н., PhD in EU Law (FRANCE), доцент кафедры европейского права МГИМО(У) МИД России. E-mail: rprof@mail.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме "Международно-политические и правовые аспекты интеграционных проектов с участием Российской Федерации", проводимой в рамках реализации ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009 – 2013 гг. (Соглашение No. 8015).

EUROPEAN EXPERIENCE OF FINANCIAL MARKETS REGULATION AND OPPORTUNITIES FOR ITS APPLICATION IN RUSSIA

R.A. Kasyanov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Large-scale improvement is in store for the European financial regulators. Reforms are being carried out at the supranational level of the European Union whereas the national legislation of the EU member-states is being refined. Similarly, the system of financial regulation in the Russian Federation is about to change prompting creation of a mega-regulator for the financial market on the basis of the RF Central Bank to be launched in August of 2013 with the regulation and supervision shared by the RF Ministry of Finance and Central Bank respectively. As a result, the current regulator, Federal Financial Markets Service, will be abolished with its staff to be employed by the Central Bank. Whether the initiative will be successful depends on a number of factors, among them appropriate application of existing regulation models taking into account the following aspects: participation/non-participation of the market and professional community in the regulation; the subject and the field of regulation. Scrutiny of the European regulators active at the level of the European Union, as well as the national experience of the financial regulators of Luxemburg and Belgium gives a better insight into the prospects of the regulatory reform that is supposed to make the future system intelligible, lucid and self-sufficient, which should be reflected in the underlying legislation.*

Key words: The European Union, the Lamfalussy process, the Larosière process, the EU financial sector, the Committee of European Securities Regulators, the European Banking Authority, the European Insurance and Occupational Pensions Authority, the European Securities and Markets Authority, the National Bank of Belgium, the Financial Services and Markets Authority of Belgium, the Commission de Surveillance du Secteur Financier of Luxembourg, the Central Bank of the Russian Federation, the Federal Service for Financial Markets of Russia.

References

1. Draft laws on establishment of a mega-regulator for the financial market might be introduced on 15 March. RBC, February 05, 2013, Available at: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20130205152845.shtml>. Accessed March 05, 2013. (in Russ.).
2. Krasnov Iu.K., Aleksandrov A.A., eds. Gosudarstvennoe regulirovanie rynka tsennykh bumag v Rossii i zarubezhnykh finansovykh tsentrakh [Securities market state regulation in Russia and foreign financial centers]. Moscow, Statut Publ., 2010. 27 p.
3. Danilov Iu. Stop the monster! Ekspert, Nov. 19, 2012, no. 46 (828).
4. Kas'ianov R.A. Financial law of the European Union. Evropeiskoe pravo. Pravo Evropeiskogo Soiuz a i pravovoe obespechenie zashchity prav cheloveka [European Union, law of the European Union and legal framework for protection of human rights]. Moscow, INFRA-M Publ., 2011, pp. 668-690.
5. Kas'ianov R.A. The main aspects of financial regulators organization. EU experience. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2012, no. 6.
6. Conac P.-H. Du CESR à l'ESMA: le Rubicon est franchi. Bulletin Joly Bourse, 2010, no. 6, 1 novembre, p. 500.
7. Zen'kovich E.V. Rynok tsennykh bumag: administrativno-pravovoe regulirovanie [Securities market: Administrative and legal regulation]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2007. 312 p.
8. Newsletter CSSF, janvier 2013, no. 144.
9. Moniteur Belge, 28 septembre 2010, 59140.
10. High level committee on a new financial architecture. Final report, 16 juin 2009.

About the author

Rustam A. Kasyanov – (Ph.D. in Law (Russia)), Ph.D. in EU Law (France), senior lecturer of the European Law Department of MGIMO (Moscow State Institute of International Relations) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: rprof@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ ФИЛИППИНЫ

А.Н. Панков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируются этапы конституционного развития Филиппин, показаны принципы и особенности различных конституционных актов, принятых как в период американского колониального господства, так и после получения страной юридической независимости. Особое внимание уделено принципам и специфическим особенностям ныне действующей Конституции 1987 г., а также Конституции 1935 г., которая являлась первым актом, заложившим основы западной конституционной модели и основные принципы, характерные для конституций демократических стран. Особенно нужно отметить прогрессивный для того времени правовой статус личности, основанный на Билле о правах и прямо позаимствованный из американской конституционной системы. Проанализирован вопрос развития национальной государственности одной из стран Юго-Восточной Азии, что представляет значительный научный интерес с точки зрения восприятия моделей западной демократии и попыткам их насаждения на чужую для этих моделей социально-экономическую и политическую основу. Отмечается, каким образом после предоставления юридической независимости от США в 1946 г. Филиппины пошли по пути серьезного искажения принципов «западной демократии». Появился глубокий разрыв между формально демократическими конституционными институтами западной модели и их реальным преломлением на почве восточного государства с несформировавшейся социальной структурой, отсталыми производительными силами. Автор показывает, как потерпели сокрушительное фиаско попытки США навязать своей бывшей колонии модель американских государственно-правовых институтов, которые способствовали бы созданию в Юго-Восточной Азии «витрины западной демократии», способной стать образцом для подражания государствам не только Юго-Восточной Азии, но и Африки и Латинской Америки.

Ключевые слова: Конституция 1987 г., Законодательная ассамблея, Национальная ассамблея, Революционный конгресс, автономия, президент, Билль о правах, Независимая избирательная комиссия.

Вопросы развития национальной государственности стран Юго-Восточной Азии, к которым принадлежат Филиппины, представляют значительный научный интерес с точки зрения восприятия моделей западной демократии и попыток их насаждения на чужую социально-экономическую и политическую основы. С этой точки зрения Филиппины прошли длительный период конституционного развития. Они в этом отношении представляют собой наиболее разительный пример: государственно-правовые институты Филиппин были в свое время искусственно навязаны этой стране американской администрацией, чтобы создать в Юго-Восточной Азии своеобразную «Америку в миниатюре». Именно Филиппины должны были показать странам так называемого третьего мира преимущества американской демократии и американской политической системы. Получив формально юридическую независимость в 1946 г., раньше других государств третьего мира, Филиппины обязаны были эффективной реализацией на практике институтов «малой Америки» доказать правильность американской модели демократизации всего мира.

Прежде чем давать характеристику результатам внедрения американских государственно-правовых институтов, следует рассмотреть этапы развития Филиппин в условиях колониального владения сначала Испанией, затем США, потом провозглашенной США модели «автономии» и наконец самостоятельного государственного развития. Колонизация Филиппин началась с появлением у берегов архипелага экспедиции Магеллана, который под испанским флагом пытался установить господство Испании над богатствами, принадлежавшими туземным племенам крупнейших островов архипелага. Магеллан дал им название «острова Святого Лазаря», а в 1543 г. они были названы Филиппинами в честь Филиппа – наследника испанского престола.

Конституционная история Филиппинской Республики берет свое начало со времени национально-освободительного движения филиппинского народа против колониального господства Испании и США в 1896–1902 гг. [6]. 1 ноября 1897 г. в городке Биак-на-Бато Ассамблея народных представителей, в состав которой вошли активные участники антииспанской борьбы, приняла первую в истории Филиппин «временную Конституцию», или Основной закон, Филиппинской Республики. Биакнабатская Конституция 1897 г. состояла из 34 статей и носила временный характер. Главной целью конституция провозглашала «отделение Филиппин от испанской монархии и превращения их в независимое государство со своим собственным правительством».

Конституция впервые в государственно-правовом развитии провозгласила основные буржуазно-демократические права и свободы (свобода личности, организаций, прессы, религиозных верований, образования, получение профессии и т.д.). Конституция впервые декларировала всеобщее избирательное право для всех филиппинцев и объявила их основным источником формиро-

вания государственных органов Филиппинской Республики. Конституция установила довольно стройную систему государственной власти образованной республики.

Ассамблея народных представителей избирала Верховный правительственный совет в составе президента и вице-президента республики и четырех министров. Этот Совет обладал довольно значительными полномочиями. Большинство статей Конституции (22 из 34) было посвящено установлению полномочий и функций Верховного правительственного совета [1].

Следующим важным этапом Конституционного развития Филиппин явилось принятие Малолюсской Конституции. Она была принята Революционным конгрессом Филиппин в городе Малолюс в ноябре 1898 г. и вступила в действие 28 января 1899 г. Конституция явилась очередным этапом национально-освободительной борьбы [2]. В отличие от временной Биакнабатской Малолюсской Конституция Филиппинской Республики была официально провозглашена «политической Конституцией государства» и предназначалась в качестве постоянно действующего Основного закона независимых Филиппин.

Конституция состояла из 102 статей, сгруппированных в 15 разделов, и содержала детально разработанные положения об основных государственных институтах Филиппинской Республики. В первой же статье она провозглашала суверенитет, принадлежащий исключительно народу. Конституция включала специальный раздел «Билль о правах», который провозглашал свободу и равенство религиозных учреждений, отделение церкви от государства, свободу от произвольного ареста и тюремного заключения, действие Habeas Corpus, неприкосновенность жилища, свободу места жительства, свободу и неприкосновенность корреспонденции, свободу слова и печати, свободу совести, свободу ассоциаций, право на подачу петиций, свободное и обязательное народное образование, обязанность защищать страну и вносить свой вклад в государственные расходы, запрещение получения почетных званий от иностранных государств без разрешения национального правительства.

Филиппинские исследователи Конституционного права, подчеркивая значение норм Малолюсской Конституции, отмечали, что это была первая республиканская Конституция в Азии, которая установила также первую республику в Азии. Она вводила принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Две из этих властей никогда не должны быть передаваться одному лицу или организации, так же как законодательная власть не могла быть передана одному лицу. Конституция определяла общие принципы деятельности муниципальных и провинциальных органов власти.

Малолюсская Конституция явилась ярким образцом демократической Конституции, и для своего времени она была одной из самых демократических конституций по сравнению с Конституциями других зарубежных государств. Важное зна-

чение Малолосской Конституции заключалось в том, что она явилась фактически одним из первых юридических документов национально-освободительного движения филиппинского народа против колониализма [3].

Три с половиной века продолжалось испанское колониальное господство, и в этот период все государственно-правовое развитие Филиппин диктовалось и определялось Испанией. Испанское колониальное господство на Филиппинах закончилось после поражения Испании в американо-испанской войне и подписания в 1898 г. Парижского договора между США и Испанией, в соответствии с которым Филиппины перешли под суверенитет США. При становлении новой системы управления Филиппинами США взяли курс на привлечение местных имущих слоев к сотрудничеству с американской администрацией. Представители этих слоев были допущены в управленческий аппарат. Серьезной уступкой этим кругам явилось создание формально избираемого органа с предоставлением ему законодательных полномочий.

Ограниченный характер полномочий этой выборной Ассамблеи заключался в том, что любой принятый ею законопроект подлежал обязательному утверждению американским генерал-губернатором, которому принадлежало право абсолютного вето в отношении всех этих законопроектов. Кроме того, любой закон, принятый на Филиппинах и утвержденный генерал-губернатором, мог быть изменен, дополнен и даже отменен Конгрессом США. Фактически основной целью проведения Соединенными Штатами верхушечных административных реформ в области государственного управления было стремление укрепить основы вновь установленной системы колониального господства.

Следующим этапом государственного развития Филиппин явилось принятие Конгрессом США в 1916 г. «Закона о предоставлении автономного управления Филиппинскими островами» (Закон Джонса). Закон включал в себя Билль о правах, определял условия получения филиппинского гражданства и регламентировал вопрос об образовании законодательных и исполнительных органов власти Филиппин. Был учрежден двухпалатный законодательный орган. Верхняя палата (сенат) состояла из 24 членов, 22 из которых избирались населением, а 2 назначались генерал-губернатором; нижняя (Палата представителей) состояла почти полностью из выборных депутатов, за исключением девяти депутатов, назначаемых генерал-губернатором, которые представляли нехристианские (мусульманские) провинции Филиппин. И хотя не было никаких ограничений на право генерал-губернатора назначать в состав филиппинской легислатуры любых членов, в том числе из состава американских граждан, тем не менее за все время действия Закона Джонса об автономии Филиппин в состав двухпалатного законодательного органа назначались только филиппинцы.

Этот законодательный орган обладал всей полнотой законодательной власти на территории автономных Филиппин, за исключением ограниче-

ний, установленных прямо или косвенно Законом Джонса. При этом продолжал функционировать американский генерал-губернатор, назначенный президентом США, разделявший полномочия по управлению страной с законодательным органом, в том числе в области законодательства. При осуществлении законодательной функции генерал-губернатор одобрял законы, принимаемые законодательным органом или накладывал на законы вето, тем самым ограничивая полномочия этого органа.

Закон декларировал всеобщее избирательное право, ограниченное цензом в 21 год для активного избирательного права и в 30 лет для пассивного [4]. Закон Джонса официально обещал независимость Филиппинам при условии создания «стабильного правительства». Американский генерал-губернатор имел право издания распоряжений, имевших силу законов. Американцы занимали и другие важнейшие командные посты филиппинской администрации: вице-губернатора, генерал-аудитора, большинство постов в Верховном суде (6 судей из 10) и т.п. Американцы занимали командные посты в филиппинской полиции, а свыше 10 тыс. американских солдат помогали поддерживать внутренний порядок.

Включенное в Закон Джонса еще в 1916 г. обещание предоставить Филиппинам независимость не выполнялось, несмотря на многочисленные обращения филиппинского парламента к Конгрессу США с напоминанием об этом. И только бурный рост национально-освободительного движения в стране вынудил правительство США вернуться к обсуждению вопроса о независимости Филиппин. Обещание предоставления Филиппинам независимости было вновь декларировано в 1934 г., когда американский Конгресс принял Закон Тайдингса–Макдаффи, получивший наименование «Акта о независимости». В соответствии с нормами этого закона США обещали ликвидировать свой суверенитет над Филиппинами через 10 лет и гарантировали полную независимость страны в будущем. Одновременно предусматривалась разработка постоянной Конституции страны. Закон закреплял переходный период, в течение которого страна сохраняла статус автономии, в соответствии с которым Госдепартамент США сохранял полный контроль над внешней политикой автономии Филиппин, а внутренняя политика контролировалась Верховным комиссаром США при правительстве Филиппин, то есть бывшим американским генерал-губернатором.

«Акт о независимости» закреплял прямой экономический контроль со стороны США, особенно в сфере денежного обращения, импорта, экспорта и иммиграции, законы, регулирующие эти сферы и принятые филиппинским парламентом, не могли вступить в силу без утверждения их со стороны президента США. Филиппинский государственный долг устанавливался Конгрессом США, а соглашения о займах с иностранными государствами могли быть заключены только с разрешения президента США. Имущество США на территории Филиппин освобождалось от любых налогообложений, и при

■ Право

этом закреплялись паритетные права американских граждан и компаний на Филиппинах с филиппинскими гражданами и компаниями на неопределенное время.

В соответствии с законом устанавливалось семь этапов на пути к полной независимости. Эти этапы включали в себя:

- созыв Учредительного собрания для работы Конституции;
- представление Конституции Филиппин на одобрение президента США;
- вынесение Конституции после одобрения президентом США на референдум населения;
- обнародование результатов референдума;
- провозглашение создания филиппинского содружества;
- выборы властей филиппинского содружества;
- провозглашение независимости Филиппин 4 июля того года, который последует через 10 лет после провозглашения содружества.

Таким образом, процесс предоставления Филиппинам независимости был разработан довольно детально. В 1934 г. было избрано Учредительное собрание в составе 202 делегатов, которое в 1935 г. приняло Конституцию содружества, в качестве составной части в которую был включен Закон Тайдингса–Макдаффи («Акт о независимости»). В том же году президент США Франклин Д. Рузвельт утвердил ее, а 14 мая 1935 г. текст Конституции был одобрен филиппинскими избирателями на референдуме.

В соответствии с одобренной на референдуме Конституцией состоялись президентские выборы, и 15 ноября 1935 г. вступили в должность президент Мануэль Кесон и вице-президент Зирит Серхио Осменья. Конституция Филиппин 15 ноября 1935 г. состояла из 18 статей. Каждая статья по аналогии с американской Конституцией регулировала какой-либо один государственно-правовой институт. Конституция была построена с учетом фундаментальных основ американского Конституционного права и явилась прообразом всех последующих филиппинских Конституций, она же послужила базой для развития и укрепления нового законодательства. Ее базисными принципами были:

- суверенитет народа;
- сильная исполнительная власть;
- разделение власти с введением системы сдержек и противовесов;
- независимая судебная система;
- национализация природных ресурсов и их общественное использование;
- государственная служба, построенная на высоких моральных принципах;
- национальная солидарность, обеспечение личного и общественного благосостояния;
- принцип социальной справедливости.

Филиппинские исследователи считают основным конституционным принципом суверенитет народа. Конституция декларирует, что суверенитет принадлежит народу и вся власть исходит от него. Принятая на референдуме Конституция выражает волю филиппинского народа, и все законы и другие

нормативные акты, в том числе и решения правительства, должны ей соответствовать. Правительство, учреждаемое в соответствии с Конституцией, по форме является республиканским.

Вторым важнейшим принципом Конституции Филиппин является установление сильного правительства, но с определенными ограничениями при осуществлении правительственных полномочий. Эти ограничения касаются защиты фундаментальных прав и свобод граждан, касающихся личной жизни граждан, свободы и собственности. Но даже эти основные права в соответствии с положениями Конституции могли быть ограничены в определенных случаях ради высшего права государства защищать себя, а следовательно, и всех граждан.

Третий важнейший принцип филиппинской Конституции является принцип разделения властей, позаимствованный непосредственно из американского конституционного права. Этот принцип на Филиппинах еще до принятия Конституции 1935 г. базировался на постулате, что имеются три конституционных ведомства, предусмотренные в Основном законе, а именно – законодательное, исполнительное и судебное.

Принцип разделения властей соответственно проявлялся в различных решениях судов и означал, что три ведомства равны между собой и должны координировать свою деятельность; законодательная власть должна осуществляться исключительно законодательным органом, исполнительная – только органами исполнительной власти, судебная – только судами. Полномочия по осуществлению государственной власти распределялись следующим образом: законодательная власть принадлежала конгрессу Филиппин, исполнительная власть – президенту, судебная власть – Верховному суду и другим нижестоящим судам, которые учреждались в соответствии с законом.

Принцип разделения властей необязательно означает, что каждый из конституционных органов осуществляет только полномочия, логически принадлежащие этому органу. Могут появиться случаи и обстоятельства, когда законодательный орган может осуществлять функции, строго говоря, незаконного характера, а органы исполнительной власти осуществлять функции не чисто исполнительного характера. Например, законодательный орган власти осуществляет функции, строго говоря, не носящие законодательного характера, к ним относятся такие полномочия, как ратификация сенатом международных договоров, полномочия по осуществлению процедуры импичмента в отношении высших должностных лиц государства; исполнительная ветвь власти осуществляет полномочия, не являющиеся по характеру чисто исполнительными, такие, как бюджетные полномочия, право вето президента на принятые конгрессом законы, осуществление права помилования, предоставление амнистии по уполномочию конгресса, а судебные органы осуществляют полномочия, которые не являются судебными по своему характеру, такие, как полномочия по разработке различных правил.

Конституция предусматривает введение принципа «сдержек и противовесов», цель введения которых заключается в том, чтобы создать баланс властей, то есть чтобы ветви власти не могли развиваться столь мощно, чтобы поглотить одна другую и в результате такого поглощения властей была бы ликвидирована конституционная система и ограничены права и свободы граждан. При осуществлении своих полномочий различные ветви власти должны взаимно уравнивать друг друга и контролировать, чтобы не выходить за рамки установленных для них Конституцией полномочий.

Конгресс контролируется:

- исполнительной властью путем осуществления права вето в отношении актов, принятых конгрессом и судами, через их полномочия аннулировать неконституционные акты и через аудиторское ведомство проверять расходы конгресса.

Исполнительная власть контролируется:

- конгрессом посредством полномочий его комиссии осуществлять назначения, представленные на его рассмотрение, через полномочия сената осуществлять ратификацию международных договоров, а также через полномочия осуществлять назначения;

- судами через их полномочия решать вопрос о конституционности исполнительных приказов, изданных правительством и наказывать должностных лиц за их действия, превышающие полномочия исполнительных органов.

Судебная власть контролируется:

- законодательным органом через его полномочия предписывать правила для судов или изменять правила, принятые самими судами, и через осуществление контроля над ассигнованиями;

- исполнительной властью через ее полномочия отказывать в помощи в усилении приговора, при условии, что суд выходит за пределы своей юрисдикции, и через осуществление права помилования.

Четвертый принцип Конституции – это принцип независимости судебной власти. Как гарантировать этот принцип – был один из наиболее серьезных вопросов Конституционного конвента, члены которого были убеждены, что защита самой Конституции, включая все права, которые она провозглашает, а также честь, справедливость и достойное руководство юстицией, должны быть основаны на существовании независимого суда. Конвент включил в Конституцию положения, способствующие обеспечению независимости судебной системы, провозгласив:

- «члены Верховного суда и все судьи нижестоящих судов занимают свои должности при условии хорошего поведения до достижения семидесятилетнего возраста или до неспособности осуществлять свои должностные полномочия»;

- судьи «получают вознаграждение, которое устанавливается законом и не может быть уменьшено в период из нахождения в должности».

В отношении судей нижестоящих судов Конституция предусматривает, что «любой судья, назначенный в определенный округ, не может быть отстранен или переведен в другой округ без согласия

Верховного суда». Судьи должны быть независимы при осуществлении своих функций от любых политических учреждений государства [5].

В первые годы действия Конституции главной задачей первого президента Филиппин – Мануэля Кэсона был отбор лиц на судебские должности, с тем чтобы обеспечить независимость суда не только в теории, но и на практике. Ему принадлежит знаменитое изречение, которое он произносил при назначении на судебские должности: «От людей, которых я назначаю на судебские должности, в значительной степени зависит жизнь, личные права граждан, а также счастье и благополучие всего нашего народа».

Пятый, основной принцип Конституции заключался в создании сильной исполнительной власти. Власть правительства определена в Конституции таким образом, чтобы сделать исполнительную власть сильной, представляя ее как оружие в руках правительства для поддержания и сохранения законов, защиты мира и порядка, исполнения законов, защиты страны от иностранной агрессии и для представления ее в международных отношениях. С этой целью Конституция провозглашает, что исполнительная власть возлагается на единственное лицо, именуемое «Президент Филиппин».

Президент является верховным главнокомандующим вооруженными силами страны и в этом качестве обладает полномочиями, когда это необходимо, направить вооруженные силы на предотвращение или подавление незаконного насилия, бунта или восстания. Он может приостанавливать действие Habeas Corpus и объявить на всей территории Филиппин или в ее отдельных частях чрезвычайное положение в случае вторжения или любой другой серьезной угрозы.

Седьмой, важный принцип Конституции заключается в политике национализации природных ресурсов и государственной собственности страны. По Конституции все природные ресурсы страны принадлежат государству, и их распоряжение, эксплуатация, развитие или использование должно быть ограничено только гражданами Филиппин или корпорациями, в которых не менее шестидесяти процентов капитала принадлежит этим гражданам, и никакие частные сельскохозяйственные земли не могут быть переданы никому, кроме этих граждан или указанных ассоциаций.

Следующий принцип филиппинской Конституции предусматривает, что правительство Филиппин – это правительство законов, а не правительство людей. Этот принцип означает господство закона. Все должностные лица правительства – с самого низкого до самых высших инстанций – обязаны следовать закону при определении направлений своей деятельности. Они обязаны уважать и подчиняться закону, и, до тех пор пока закон действует, ему обязаны подчиняться. Это относится и к гражданам, и к организациям.

Следует отметить, что филиппинская Конституция, подобно Конституции США, предусматривает весьма сложный порядок ее изменения.

Поправки к ней могут быть приняты либо на совместном заседании конгресса не менее чем тремя четвертями голосов членов каждой из двух его палат, либо специальным конвентом, созванным конгрессом для этой цели. Принятые таким путем поправки подлежат обязательной ратификации на ближайших всеобщих выборах, где они должны быть одобрены большинством проголосовавших. Такая процедура пересмотра Конституции 1935 г. сделала ее одной из самых жестких Конституций того времени, которая не подвергалась каким-либо изменениям. За четверть века своего действия Конституция изменялась лишь три раза.

Первая поправка была внесена в 1939 г. по требованию Конгресса США, в силу чего в порядке пересмотра в Конституцию Филиппин были внесены некоторые изменения, одобренные затем на референдуме. Следующая поправка была принята в 1940 г., и после одобрения на референдуме в текст Конституции были внесены три изменения: установлена двухпалатная структура парламента, изменен срок полномочий президента и вице-президента с 6 лет без права переизбрания до 4 лет с правом вторичного переизбрания, создана Комиссия по выборам (Избирательная комиссия). Третья поправка была принята в 1947 г. уже после предоставления Филиппинам юридической независимости. Это была «поправка равенства», в соответствии с которой граждане и корпорации США получили до 1974 г. равные с филиппинцами права на эксплуатацию филиппинских земель, природных богатств и на другую предпринимательскую деятельность, что способствовало усилению зависимости Филиппин от американского капитала и соответственно от всей американской политики.

Значимость Конституции 1935 г. для Филиппин заключалась в том, что это был первый Основной закон, заложивший основы западной Конституционной модели и основные принципы, характерные для Конституций демократических стран. Иными словами, Конституция 1935 г. заложила основы не только демократической системы управления, но и позволила на практике проверить эффективность их осуществления на Филиппинах. В период Второй мировой войны Филиппины были оккупированы Японией. Провозглашенная Японией независимость Филиппин носила чисто декоративный характер. Военная администрация Японии осуществляла всю полноту политической власти. Японская оккупация страны имела своим последствием серьезное изменение всей системы государственно-правовых институтов, установленных США на Филиппинах.

После разгрома Японии и возвращения на Филиппины американских войск был восстановлен в полном объеме довоенный полуколониальный статус страны. Определенный правовой парадокс заключался в том, что Филиппины, получившие юридическую независимость после Второй мировой войны (4 июля 1946 г.), продолжали придерживаться Основного закона, принятого еще в период колониальной зависимости. Следует отметить, что после предоставления юридической независимо-

сти Филиппины пошли по пути серьезного искажения принципов «западной демократии». Появился глубокий разрыв между формально демократическими Конституционными институтами западной модели и их реальным преломлением на почве традиционно восточного государства с несформировавшейся социальной структурой, отсталыми производительными силами.

Государственно-правовые институты Филиппин строились по аналогии с американскими до сентября 1972 г., когда декретом тогдашнего президента Филиппин Фердинанда Маркоса в стране было введено чрезвычайное положение, отменена действовавшая Конституция 1935 г., распущен конгресс и местные органы власти, запрещена деятельность легально существовавших политических партий и общественных организаций, запрещены забастовки и демонстрации. Вся полнота власти перешла в руки президента Маркоса и командующих военными округами. Период чрезвычайного положения явился новым и особым этапом в развитии филиппинской государственности. Режим был официально объявлен Маркосом как Конституционно-авторитарный.

17 января 1973 г. в условия чрезвычайного положения на всеобщем референдуме путем открытого голосования была утверждена новая Конституция Республики Филиппины. Она предусматривала переход Филиппин от президентской к парламентской форме правления путем формирования однопалатной Национальной ассамблеи и образования правительства во главе с премьер-министром, ответственным перед Национальной ассамблеей. Однако на период чрезвычайного положения президент Маркос обладал всей полнотой исполнительной и законодательной власти. В ходе последующих реформ 1976–1977 гг. избиратели высказались за предоставление Маркосу полномочий и президента, и премьер-министра и за создание временной Национальной ассамблеи из избираемых и частично назначаемых президентом депутатов.

В 1978 г. состоялись первые со времени введения чрезвычайного положения выборы во временную Национальную ассамблею. Было избрано 165 депутатов, абсолютное большинство которых принадлежало к проправительственной партии «Движение за развитие нового общества». Несколько депутатов было избрано путем косвенных выборов от профсоюзов и молодежных организаций, а 20 депутатов были назначены президентом из числа представителей исполнительной власти.

Конституция 1973 г. была ликвидирована после крушения авторитарного режима президента Маркоса и после принятия на всеобщем референдуме ныне действующей Конституции 1987 г. С принятием демократической Конституции 1987 г. начался новый этап государственно-правового развития Филиппин. Он характеризовался восстановлением старых и развитием новых демократических Конституционных принципов, новым содержанием прерогатив органов государственной власти и правового положения личности.

Список литературы

1. Губер А.А. Филиппинская Республика 1898 г. и американский империализм. Госполитиздат. 1948.
2. Акт провозглашения независимости Филиппин 12 июня 1898 г. Конституция, принятая в Малолосе / Губер А.А. Филиппинская Республика 1898 г. И американский империализм. С. 469-483.
3. Batas Pambansa Blg. 881. Omnibus election code of the Philippines. December 3. 1985.
4. Pobre C.P. Philippine Legislature 100 years. 2000.
5. Eufonio M. Alip. Political and Cultural history of the Philippines. 1955.

Об авторе

Панков Артур Нодарович – соискатель кафедры конституционного права МГИМО(У) МИД России, сотрудник МИД России. E-mail: artur.pankov88@yandex.ru

CONSTITUTIONAL AND LEGAL DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF THE PHILIPPINES AND PECULIARITIES OF THE 1987 CONSTITUTION

A.N. Pankov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article analyzes the stages of constitutional development of the Philippines, the principles and characteristics of the various constitutional acts adopted in the American colonial period and after the country's legal independence. Particular attention is paid to the principles and the specific characteristics of the current constitution of 1987, as well as the constitution of 1935, which was the first basic law, which laid the foundations of western constitutional model and the basic principles characteristic of the constitutions of democratic countries, including progressive for that time legal status of the individual, based on the "Bill of Rights" and directly borrowed from the American constitutional system. The question of the national state of one of the countries in South-East Asia is also analyzed which is of considerable scientific interest in terms of the perception of the Western model of democracy and attempts at planting on alien for these models of socio-economic and political framework. The author mentions how, after the provision of legal independence from the U.S. in 1946, the Philippines went the way of the serious distortion of the principles of "Western democracy". There was a wide gap between the formal democratic constitutional institutions of the Western model and the actual breaking of on the basis of eastern states with traditionally immature social structure, backward productive forces. The author shows that the U.S. attempts to impose its former colony model of American state and legal institutions that would facilitate the establishment of the South-East Asia "window of Western democracy", and could serve as a role model for the layout of other countries, not only in South-East Asia but also in Africa and Latin America, suffered a fiasco.*

Key words: the 1987 Constitution, Legislative Assembly, National Congress, autonomy, President, bills, independent election commission.

References

1. Guber A.A. Filippinskaia Respublika 1898 g. i amerikanskii imperialism [The Republic of the Philippines of 1898 and American imperialism]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1948. 508 p.
2. Philippine Declaration of Independence, June 12, 1898. Guber A.A. Filippinskaia Respublika 1898 g. i amerikanskii imperialism [The Republic of the Philippines of 1898 and American imperialism]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1948, pp. 469-483. / The Malolos Constitution. Guber A.A. Filippinskaia Respublika 1898 g. i amerikanskii imperialism [The Republic of the Philippines of 1898 and American imperialism]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1948.
3. Batas Pambansa Blg. 881. Omnibus election code of the Philippines. December 3, 1985.
4. Pobre C.P. Philippine legislature: 100 years. Quezon City, New Day Publ., 2000. 428 p.
5. Alip E.M. Political and cultural history of the Philippines. Manila, Alip & Sons, Inc. Publ., 1954.

About the author

Artur N. Pankov – Applicant of the Department of Constitutional Law of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Official of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: artur.pankov88@yandex.ru

ПРОБЛЕМА НОВЫХ УЯЗВИМОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

С.А. Кравченко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье автор анализирует новые уязвимости, возникшие как результат становления сложного социума в современном российском обществе. Показывается, что эти уязвимости несут с собой новые риски для функционирования общества и его членов. Обосновывается, что самодостаточность российского общества находится в реальной опасности. Конкретно рассматриваются следующие уязвимости: дисфункции самодостаточности общества; неуправляемая открытость, порождающая специфические риски; сложный социум, содержащий в себе имманентный потенциал катастроф; процесс усложнения самих рисков; социальная и культурная динамика цивилизаций, характер их взаимодействия; уязвимости для человеческого капитала. Решение возникших проблем видится на путях формирования нелинейно-гуманистического мышления как интеллектуальной основы российского космополитического человеческого капитала. Это мышление исходит из ускорения и усложнения социокультурной динамики, взаимозависимой целостности человечества, а также принципиальной неделимости человеческого капитала народов мира по локальному принципу. Возрастающие требования к качественным характеристикам человеческого капитала побуждают к тому, чтобы при его формировании ставились и решались не только и не столько прагматические задачи, сколько цели наращивания гуманистического потенциала в человеческом капитале. Соответственно формирование генеральной стратегии нового этапа развития России должно предполагать активное взаимодействие политической элиты с научным сообществом, от которого, в свою очередь, востребован новый теоретико-методологический инструментарий, способный справиться с возникшими вызовами.

Ключевые слова: сложный социум, уязвимости, самодостаточность общества, неуправляемая открытость, катастрофа в виде «нормальной аварии», усложнение рисков, гуманистически ориентированная модернизация.

Согласно постулату «стрелы времени», обоснованного лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным, имеет место саморазвитие материи, ускоряющаяся, а главное – ее усложняющаяся динамика, что относится не только к неорганическому и органическому мирам, но и к человеческим сообществам [11]. Ныне Россия перешла определенный порог динамической сложности в развитии своего социума, который стал качественно иным – сложным. За этим стоит не только появление новых привлекательных форм жизнедеятельности, но и зарождение невиданных ранее уязвимостей и рисков. Отметим пять, на наш взгляд, наиболее существенных уязвимостей, под которыми понимаются нарастающие дисфункциональные характеристики социума, проявляющиеся в угрозе катастрофы, социальных страхах относительно возникающих неопределенностей адаптации к новым реалиям, ибо прежние адаптивные стратегии перестают работать.

Во-первых, возникли уязвимости для самодостаточности общества. Как известно, Т. Парсонс под самодостаточностью понимал свойство сложной социальной системы (общества), проявляющееся не только в способности контролировать внутренние процессы, но и свои взаимоотношения с другими системами [9]. В общественном да и в научном сознании утвердилась мысль, что при всех возможных катаклизмах – революциях, радикальных социальных экспериментах, модернизациях и т.д. – подвергнутся влиянию прежде всего «старые, отживающие» социальные формы. Возможно, уйдут в историю конкретные группы и даже классы, связанные с ними институциональные структуры, но жизнеспособность самого общества не ставилась под вопрос. Получила признание и мысль о том, что рациональная человеческая деятельность по улучшению материальной жизни людей может иметь ненамеренные иррациональные последствия. Но при этом исходили из презумпции, что данные проявления касались разрушения конкретной части социальной общности, но никак не о социальной уязвимости всего общества. Сегодня необходимо признать, что самодостаточность российского общества находится в реальной опасности: с одной стороны, есть угроза того, что процессы хаотизации, разрывы в преемственности ценностей и норм, социокультурные травмы, в частности связанные с постоянным переосмыслением референтов, могут привести к столь необратимым последствиям, что общество просто утратит свою способность контролировать внутренние процессы. С другой стороны, уже очевидно, что взаимоотношения социальной и природной систем нарушено. Турбулентность климата стала фактом, который привлекает к себе все большее внимание ученых [22, 28]. В контексте возникших реалий академик Н.Н. Моисеев вообще поставил вопрос «Быть или не быть... человечеству?» [5].

Эта и другие уязвимости связаны с рискованной деятельностью человека. Под риском мы понимаем возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной

действительности и возможности: как вероятности наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных или коллективных), так и вероятности обретения выгод и благ, на основании чего осуществляется выбор из возможных альтернатив действия. Формирование генеральной стратегии нового этапа развития России – это совокупность неизбежных рисков. Проблема не в том, чтобы их избежать вообще, а в адекватных выборах возможных альтернатив действия в контексте сложного социума. На наш взгляд, перво-наперво необходимо определиться с разработкой адекватных теоретико-методологических подходов к анализу возникших уязвимостей, предполагающих принципиально новую модель мышления, – общество стало нуждаться в активном поддержании своей самодостаточности со стороны его членов. Из этого следуют, как минимум, три вывода относительно самого характера рискованной деятельности: 1) необходимо отказаться от какого-либо радикализма в отношении базовых институциональных структур общества, что затрагивает его экзистенциальное функционирование; 2) традиционную модернизацию, нацеленную на переход к качественно новому уровню развития производительных сил и технологий, заменить альтернативным типом модернизации – гуманистически ориентированной модернизацией [4]; 3) нужна новая экологическая политика, исходящая из того, что природа перестает быть просто средой жизни россиян, превращаясь в органическую часть социума. По существу, сегодня мы имеем дело не с «чистой» природой, как внешней средой общества, а с природосоциальными реалиями.

Во-вторых, возникли уязвимости неуправляемой открытости российского общества, порождающие специфические риски. Как известно, развернутую концепцию открытого общества создал К. Поппер, показавший, что историческое развитие человеческой цивилизации идет по пути перехода от закрытого общества, жестко регламентировавшего все стороны жизни людей, к обществу открытому, создающему условия для развития индивидуальных свобод человека [10]. Данный идеал как «общечеловеческая» ценность пришел и в нашу страну – был востребован руководством М. Горбачева при разработке политики «нового мышления», которая непосредственно способствовала ликвидации «железного занавеса», падению Берлинской стены [8]. С тех пор Россия превратилась в действительно открытое общество. Однако этот процесс уже вызывает не только восторг по поводу реально появившихся свобод, но и социальные страхи и тревоги, связанные с приходом в нашу жизнь нестабильности и неопределенности, а также опасений внешнего характера [14]. Возникли ненамеренные последствия открытости, побуждающие россиян делать выборы не только между разнообразными благами, но и поставившие их перед весьма ограниченными возможностями выбора между тем или иным злом в виде реальных проблем

безопасности для россиян. Так, границы страны перестают быть охранительными рубежами в отношении иных культурных ценностей. Дело не в простом увеличении культурных артефактов, приходящих в страну по каналам глобализации, а в значительном компоненте неупорядоченного хаоса в виде экспансии самых разных субкультур и контркультур, резкого увеличения неуправляемой эмиграции и иммиграции, появления новых форм девиантного и криминального поведения. Все это таит в себе латентные отложенные опасности социально-экономических и политических кризисов. Открытое общество вбирает в себя «чужие» опасности из других социумов. Локальные войны, межэтнические конфликты, терроризм, где бы они ни имели место, оборачиваются опасностями практически для каждого россиянина. Кроме того, увеличивается производство новых маргинальных групп – людей не временно безработных, а тех, которые вообще не могут адаптироваться к культурным новациям открытого общества. При этом неизбежно возникают все новые социальные группы риска, деятельность которых не может не учитываться при формировании национальной безопасности.

Всего лишь два десятилетия назад мы знали, что это зло где-то есть. Но оно в ином пространстве и времени – очень-очень далеко и уж настало никогда не коснется. Не просто коснулось, а пришло практически в дом каждого россиянина, что буквально принуждает делать те или иные в принципе нежелательные выборы. Были востребованы тысячи новых законов, которые прежде были просто не нужны в силу отсутствия самого «врага». Но, пожалуй, самый главный «фантомный враг» – новые социальные страхи и тревоги, пришедшие с этим злом, которые в прямом смысле дегуманизируют социум. Многие россияне для себя сделали выбор жить в прямом смысле слова за железными засовами и высокими заборами.

Открытость общества манит к себе своим разнообразием, соблазнами, но и пугает увеличивающимся символическим насилием, исходящим от современных массмедиа: шоумейкеры вытеснили с экранов образовательные программы; практически не осталось молодежных передач, предоставляющих эфир собственно подрастающему поколению, где бы была живая дискуссия о ценностях семьи, учебы, труда; демонстрация сцен насилия не оставляет место для показа хотя бы самой возможности гуманных отношений между людьми (что, заметим, было характерно для советских звезд кино и телеэкрана).

Благодаря открытости возникла невиданная ранее конкуренция систем институционально организованных идеалов. Известный американский социолог Дж. Ритцер ведет речь о «соборах потребления» в виде гипермаркетов [26]. Мы полагаем, что ныне также формируются виртуальные соборы симулякров в виде продукции онлайн соцсетей, которая по своему идейному содержанию в целом деструктивна для российской культуры, гуманистической в своей основе.

Столкнулись разные представления о лучшей/нормальной жизнедеятельности, трактовки значимости прав и обязанностей и соответственно понимания безопасности (акцентирование личной или коллективной безопасности). Все чаще обсуждается предложение: возможно ли из нынешнего неопределенного мира вернуться в мир определенной «несвободы», т.е. закрытости (по этому пути уже пошли некоторые западные страны), но компенсацией за это явилось бы усиление «интересов безопасности» как личности, так и общества. Примечательно, что весьма многие россияне хотели бы сделать этот выбор. Социологические опросы свидетельствуют, что 63% граждан согласны мириться с некоторыми ограничениями своих прав и свобод. Категорически не хотят поступиться свободой ради «интересов безопасности» только 6%, а остальные в раздумьях [15]. Однако, по нашему мнению, без свобод и прав человека опасностей не станет меньше, скорее, наоборот. А вот с учетом этих данных и в целом усложняющихся реалий не пришло ли время при формировании генеральной стратегии нового этапа развития России проработать проблематику управляемой открытости?

В-третьих, сам сложный социум содержит в себе имманентную уязвимость в виде потенциальных катастроф. Сравнительно недавно катастрофа мыслилась как событие, влекущее за собой непоправимые последствия. П. Сорокин показал интегральную сущность этого явления, определив катастрофу как бедствие с трагическими последствиями, которые вместе с тем имеют «обучающее значение» [16, 17]. Однако вплоть до недавнего времени причиной катастроф мыслились внешние факторы – как результат природных процессов или человеческой деятельности. Американский социолог Ч. Перроу, предложивший термин «нормальные аварии», показал, что катастрофы ныне обретают еще более сложную природу. Их причинами могут быть и внутренние факторы, обусловленные естественным (нормальным) взаимодействием человека со сложными системами. Если система обретает определенные характеристики сложности, то «неожиданные и взаимновлияющие друг на друга неудачи, – отмечает он, – становятся системно неизбежными» [24, р. 5]. В новой книге «Следующая катастрофа: наши уязвимости в контексте природных, промышленных и террористических бедствий» Ч. Перроу показывает, что природа уязвимости продолжает усложняться: «концентрации опасных материалов, населения и экономической мощи в нашей критической инфраструктуре делает нас более уязвимыми для природных, промышленных/технологических бедствий и террористических атак» [25, р. 7]. Минимизацию риска «нормальной аварии» социолог видит в отказе от сложных систем вообще. «Теория нормальной аварии исходит из того, – утверждает Перроу, – что, если бы мы имели системы с катастрофическим потенциалом, которые могли бы дать сбой в силу их сложности и плотной связности друг с другом, при том, что каждый индивид выполнял свои роли настолько безопасно, насколько это вообще до-

ступно человеку, то от таких систем следовало бы отказаться. Катастрофы стали бы реже, если не неизбежны; нам не следует рисковать» [25, р. 22]. На наш взгляд, это пожелание из разряда утопии. Скорее, минимизации риска «нормальных аварий» сложных систем лежит не в отказе от них вообще, а в их комплексной гуманизации.

В-четвертых, новые уязвимости создаются процессом усложнения самих рисков. Этот процесс весьма глубоко исследовал У. Бек. В работе «Общество риска», опубликованная четверть века назад, он показал, что риски современного общества не уходят корнями в прошлое, а, скорее, связаны с опасностями настоящего и будущего; они вошли в противоречие с ориентациями людей на индустриальные социокультурные ценности, на логику формальной рациональности, согласно которой стремление к росту благосостояния само по себе рационально; «риски не упраздняют, а усиливают классовое общество»; им «присущ эффект бумеранга, взрывающий схему классового построения общества»; прежние взаимосвязи рисков и опасностей разрушаются, ибо значительная часть рисков обретает самостоятельную форму существования вне связи с конкретными опасностями. И самое главное – для анализа усложняющейся природы рисков необходим более валидный инструментарий, сочетающий научную и социальную рациональности. «В дискуссиях о рисках, – отмечает он, – обнажаются трещины и разрывы между научной и социальной рациональностью... Несколько изменив известное высказывание, можно утверждать: научный рационализм без социального пуст, социальный без научного – слеп» [1, с. 34, 35].

Развивая свои взгляды на усложняющуюся природу рисков, ученый предложил новаторскую теорию «мирового общества риска», подчеркивая, что «категория мирового общества риска контрастирует с той, которая обозначает общество риска». По Беку, то, что выводит мировое общество риска за пределы общества риска, «сводится к следующей формуле: глобальный риск есть инсценирование реальности [англ. staging of reality; нем. Realitätsinszenierung] глобального риска... только через воображение и инсценирование мирового риска будущая катастрофа становится настоящим – зачастую с целью избежания ее принимаются значимые решения в настоящее время. В таком случае диагноз риска превращался бы в “самоисполняющееся пророчество”» [20, р. 10].

Новые сложные риски обладают тремя характерными чертами. Они: 1) «делокализованы» (их причины и последствия не ограничены одним географическим пространством); 2) «неисчислимы» (ибо включают “гипотетические” риски, основанные на научно обобщенных гипотезах и нормативном инакомыслии); 3) «не поддаются компенсациям» (никакими деньгами нельзя восполнить «необратимое климатическое изменение» или «необратимые интервенции в существование человека») [20, р. 52]. В итоге У. Бек выступает за «космополитическую соци-

ологию», которая предметом своего изучения делает реалии мирового общества риска.

В-пятых, новые уязвимости создаются социальной и культурной динамикой цивилизаций, характером их взаимодействий, от чего зависит и судьба России. Это одна из сложных уязвимостей современности. Этой проблематике было посвящено выступление известного американского социолога Э. Тирикьяна на XVII Всемирном социологическом конгрессе, которое было озаглавлено «Цивилизация в глобальную эру: одна, много... или ни одной?». Ученый анализирует сценарий цивилизационного будущего человечества. Рассматриваются три сценария, каждый из которых предполагает качественно новое мышление и представление о цивилизационном будущем человечества. «Первый –увеличивающаяся взаимозависимость мира может привести к утверждению единой цивилизации модерна, в основе которой будут ценности Просвещения (включая некоторые темные стороны). Мы могли бы обозначить его как “либеральная” перспектива. Второй сценарий “множества цивилизаций” представляет плюралистическую перспективу, рассматривающую все ранее существовавшие цивилизации как распространяющие свое влияние на мир за пределы своей изначальной исторической среды (исходя из таких процессов, как потоки людей, капиталов, технологий). Третий сценарий представляется в виде глобальной катастрофы, частично имеющей природный, частично – рукотворный характер, которая могла бы до конца столетия свести глобальную эру к существованию малоразмерных обществ, лишенных качества цивилизации» [27, р. 485–486].

В России также разрабатывается цивилизационный подход к будущему человечества, который, подчеркнем, отличает характерный оптимизм [7]. Политическое руководство страны вынуждено учитывать риски, порожденные уязвимостями, вызванными нынешней социальной и культурной динамикой цивилизаций.

В-шестых, возникли новые уязвимости для человеческого капитала россиян. С нашей точки зрения, содержание и характер человеческого капитала не имеют универсального характера: они изменяются во времени и пространстве, варьируются от страны к стране, специфичны в конкретных культурах, зависят от ментальности народа, его национального характера. В силу особенностей ментальности российские граждане не воспринимают современные усложняющиеся реалии иначе, чем жители западных стран, что, в частности, можно видеть на примере отношения к демократии. Вот лишь некоторые данные социологического исследования, проведенного под руководством М.К. Горшкова. У 59,1% россиян демократия ассоциируется с равенством всех граждан перед законом. А свободное членство в какой-то политической партии поддерживают только 4,4%. Непопулярными остаются такие лозунги, как построение «открытого общества», превращение России в «обычную цивилизован-

ную страну», ее интеграция в Европейское сообщество [2, с. 79,117].

Сказанное, однако, не следует абсолютизировать: при всех различиях в ментальности россиян и европейцев, американцев, китайцев, конечно, необходимы методики для компаративистского сравнения человеческого капитала в разных странах. Они создаются и практически реализуются. Так, недавно в рамках двустороннего сотрудничества Института социологии РАН и Института социологии Китайской академии общественных наук было проведено исследование по проблеме: «Изменения в социальной структуре обществ в условиях трансформации» [13]. Подобные исследования тем более важны, что идут глобализационные процессы, способствующие не только увеличению взаимодействия народов, но и распространению общих уязвимостей.

Формированием человеческого капитала, его защитой от возникших уязвимостей можно и нужно управлять, исходя из следующих основополагающих требований. Это управление должно выступать как цивилизованный, рациональный и гуманистический способ взаимодействия людей с их участием. «Управление, – отмечает известный специалист в этой сфере А.В. Тихонов, – которое не выполняет в обществе гуманистическую функцию, превращается в манипулирование людьми, в технологию достижения любой, в том числе аморальной и асоциальной, цели (терроризм, например). Такое «управление» становится опасным источником социальных деформаций» [18, с. 128]. Управление должно учитывать нелинейность формирования человеческого капитала и динамично сложные причинно-следственные связи. Необходимо, в частности, отказаться от презумпции явных внешних причин как единственного источника, определяющего содержание человеческого капитала. Отсюда востребован учет латентности при формировании человеческого капитала, изучение человеческой деятельности в контексте возникновения непредвиденных и ненамеренных последствий, сопровождающих рациональную активность людей, которая при отсутствии гуманистического целеполагания зачастую производит новые социальные уязвимости. Как известно, данный подход был всесторонне обоснован в работах выдающихся социологов Р. Мертона [23] и Р. Будона [21].

Особенно важно учесть латентные и отложенные опасности для человеческого капитала как производные от научной и инновационной деятельности людей, процессов медиализации, градостроительства, новых информационных технологий, туризма, моды, диеты. При этом необходимо осуществлять планомерный мониторинг усложняющихся институциональных систем на предмет выявления прежде всего их дегуманизирующего влияния на человека с целью нейтрализации или по крайней мере минимизации негативных последствий для человеческого капитала.

Ряд отложенных опасностей связан со скоростью изменений социума, с эффектом временно-

го дисхроноза: в одном обществе сосуществуют люди, фактически живущие в разных темпомирах [3]. Под влиянием этих реалий возникли новые уязвимости для человеческого капитала, одна из которых следующая. С одной стороны, скорость преобразований, особенно скорость социальной мобильности, начинает играть роль нового социального капитала, который определяет не только более высокий социальный статус людей, иное качество человеческого капитала, но и выступает индикатором модернизации, культурных и научных достижений. Ныне число позиций, в которых скорость имеет смысл инновационного фактора человеческого капитала, многократно возросло, затрагивая повседневную жизнь людей. По мнению Дж. Урри, мобильность вещей, информации, идей и даже мобильность виртуальная являются решающим фактором для развития социальных потенциалов современного человека [28]. Однако, с другой стороны, следует иметь в виду, что эти тенденции тем не менее не универсальны, автоматически не влекут за собой увеличение гуманистической функциональности человеческого капитала. Если определенная часть общества не справляется с увеличивающейся скоростью перемен, не успевает рефлексировать относительно ненамеренных последствий изменений, то могут возникать принципиально новые социальные уязвимости для человеческого капитала, причина которых – временной дисхроноз. В связи с этим современной России важны не только нанотехнологии, но технологии, ориентированные на цели духовного и нравственного возрождения человеческих отношений. Нужны, в частности, технологии, которые бы сделали российских инвалидов, каждую социальную группу, независимо от того, в каком темпомире они живут, полноправными членами общества, то есть технологии, нацеленные на «очеловечивание» скорости изменений.

В контексте решения возникших проблем уязвимости следует иначе взглянуть на латентные составляющие человеческой рациональности и иррациональности. Одним из первых поставил под вопрос рационализм и сциентизм, отметив их ограниченные возможности, Ф. Ницше. Ученый призывал видеть реальность человека такой, какая она есть, во всей ее полноте, включая иррациональность [6]. Его идеи были востребованы многими учеными. Суть социальных практик, основанных на культе рациональности, З. Бауман выразил посредством «метафоры садовника»: «Садовник лучше знает, какие сорта растений должны, а какие растения не должны расти на участке, о котором он заботится». Соответственно во имя рациональности и гармонии «сорняки» (социальные группы риска, маргиналы, меньшинства, оппоненты, конкуренты, инакомыслящие и т.д.) просто «пропалываются». При этом «садовник способствует выращиванию правильных типов растений (главным образом растений, которые он сам посадил)». Он является, таким образом, «экспертом» разумности и целесообразности [19, р. 99]. Однако в итоге стремление людей к постоянной рационализа-

ции и совершенству в отсутствии гуманистической составляющей, как правило, оборачивается дисфункциональностями в виде невосполнимых потерь «неправильного» человеческого капитала. Сказанное означает, что рациональность амбивалентна для человеческого капитала: без нее невозможно функционирование современного сложного социума, но она не панацея для функциональности человеческих отношений и в ряде случаев создает новые уязвимости. Из этого логично вытекает требование сохранения иррациональной составляющей в человеческом капитале.

Еще одной уязвимостью, характерной именно для сложного социума, является выход национального человеческого капитала за государственные границы. Вхождение социума в сетевое, нелинейно развивающееся общество повлекло за собой принципиальные изменения в содержании человеческого капитала. В сетевом обществе, пишет И. Пригожин, «информационные технологии создают связи, порождающие многие нелинейности и вызывающие множество новых возможностей в форме бифуркаций» [28, с. 25–26]. Очевидно, что факторы сетевого взаимодействия становятся все более значимыми в формировании человеческого капитала в его современных интерпретациях.

В итоге мы приходим к выводу: современное содержание человеческого капитала все более и более обретает сетевой характер и в силу утверждающегося сетевого общества просто не может быть иным. Тому способствует увеличивающаяся открытость социума. Открытое общество дает его членам новые, невиданные ранее преимущества для жизнедеятельности, формирования человеческого капитала [10]. Многие народы, включая россиян, стремятся жить в открытом обществе. Однако не все так просто. Наряду с очевидными благами открытое общество несет в себе имманентные опасности, явные и латентные, так или иначе затрагивающие количественные и качественные параметры человеческого капитала.

Под влиянием увеличивающейся открытости границы страны перестают быть охранительными рубежами в отношении иных культурных ценностей и иных образов жизни. Дело не только в простом увеличении культурных артефактов, приходящих в страну по каналам глобализации, и не в возникшем разнообразии конкурирующих идей. Важнейшей проблемой для формирования человеческого капитала становится усложняющееся изменение само по себе, в котором содержится значительный компонент неупорядоченного хаоса, что приводит к сокращению долгоживущих качеств социума, что относится и к параметрам человеческого капитала. Это не какое-то временное, отдельное изменение, но утверждение рискогенного образа жизни в условиях всеобщих перемен, когда нормой или, по крайней мере, обыденностью становится экспансия самых разных субкультур и контркультур. Открытость привела к резкому увеличению эмиграции и иммиграции, появлению реальных и отложенных опасностей новых форм девиантного и криминального поведения.

Общество, основанное на функционировании глобальных сетей, неизбежно соприкасается с «чужими» опасностями из других социумов, что также влияет на характер человеческого капитала. Глоболокальные войны, межэтнические конфликты, терроризм оборачиваются опасностями практически для каждого россиянина. Это и экологические опасности, которые из локальных легко трансформируются в глоболокальные [29].

Вместе с тем нельзя во имя сохранения нашего «лучшего» человеческого капитала открытое общество попытаться «закрыть», выйти из усложняющегося сетевого взаимодействия. Необходимо научиться жить с новыми реалиями, минимизируя уязвимости, обусловленные открытостью социума. Также важно признать, что последствия открытости и сетевых изменений в функциональном плане не являются однозначно добром или злом, «прогрессом» или «регрессом», они амбивалентны по характеру. Это обнадеживает, позволяет россиянам с оптимизмом смотреть в будущее, вычленив из новых общественных реалий нечто функциональное, цивилизованное, гуманистическое и на этой основе решать актуальные проблемы человеческого капитала. Вместе с тем, как никогда в прошлом, жизнедеятельность людей неизбежно отягощается постоянным производством разного рода дисфункциональностей в виде качественно новых, зачастую отложенных опасностей для человеческого общества. Соответственно необходимо выявлять причинную сложность опасностей, учитывать как нынешнее их содержание, так и прогнозировать их усложняющуюся динамику, включая потенциальную возможность бифуркаций и перехода в иное состояние.

Также важно иначе взглянуть на образовательную составляющую в человеческом капитале, отказавшись от устаревшей количественной догмы – чем больше/меньше образования, тем лучше. Думается, дело не в том, сколько лет учиться, какие конкретно этапы проходить, копируя чей-либо опыт, даже позитивный, но иной культуры. Главное – это качество и эффективность образования: для общества оно должно создавать интеллектуальные условия для преодоления вызовов постоянно возникающих уязвимостей; для людей – делать их потенциально способными быть «виртуозами» открытости, сетевых взаимодействий, предрасположенными к инновациям гуманистического толка. Из этого следует, что образовательной составляющей человеческого капитала является прежде всего поиск и возвращение талантов буквально с первого класса школы, обеспечение на деле единства знания, его гуманизма, требований конкурентоспособности нашего общества в сетевом взаимодействии с другими странами и народами.

Наконец, многие нынешние уязвимости человеческого капитала могли бы быть минимизированы, если на него посмотреть через призму движения к цели формирования российского космополитического человеческого капитала. На первый взгляд данная цель парадоксальна – пред-

полагает своего рода кентавризм национального и интернационального. Его практически невозможно представить себе в условиях относительно простого социума. Но в сложном социуме глоболокальное является становящейся реальностью, которая подтвердила на практике свою функциональность.

Человечество вступило в эру «космополитических дуальностей»: глобальное – локальное, интернациональное – национальное, западное – незападное. Радикально изменилось пространство социума – его границы выходят за рамки нации-государства, что относится и к человеческому капиталу. В глобализирующемся мире многонациональные корпорации, негосударственные наднациональные социальные акторы играют доминирующую роль, утверждаются социальные сети – все это должно быть учтено в разработке нового сетевого гуманистического подхода к развитию человеческого капитала.

Его главная идея в легитимация человеческого капитала независимо от социального локала и времени, в котором он функционирует. Этот подход позволяет переоткрыть значимость человеческого капитала россиян, выехавших на постоянное или временное место жительства, учебу или работу за рубеж. Этих людей, их человеческий капитал необходимо включать в российский космополитический человеческий капитал, соответственно продолжая с ними социальные сетевые взаимодействия на благо нашей страны. В современном мире многообразных мобильностей высока вероятность их возвращения в Россию. Кроме того, данный подход предполагает возможность и необходимость задействования всего человеческого капитала, находящегося в конкретное время на территории страны. Ведь тенденция мобильности трудовых

ресурсов из стран СНГ и самых разных регионов мира в условиях сетевого взаимодействия народов и культур будет только возрастать.

Наконец, с учетом усложняющейся динамики социума мы считаем необходимым формирование нелинейно-гуманистического мышления как интеллектуальной основы российского космополитического человеческого капитала. Это мышление исходит из ускорения и усложнения социокультурной динамики, взаимозависимой целостности человечества, а также принципиальной неделимости человеческого капитала народов мира по локальному принципу. Возрастающие требования к качественным характеристикам человеческого капитала побуждают к тому, чтобы при его формировании ставились и решались не только и не столько прагматические задачи (они, конечно, тоже необходимы), сколько цели наращивания гуманистического потенциала в человеческом капитале.

Мы обозначили лишь некоторые уязвимости, появление которых обусловлено становлением сложного общества. Фактически их на порядок больше, и все время появляются новые. Чтобы адаптироваться к ним, минимизировать их явные и латентные последствия, необходима соответствующая генеральная стратегия нового этапа развития России. На наш взгляд, ее стержнем должно стать содружество политической элиты и ученых. В самой же научной среде востребован новый синтез естественных, социальных и гуманитарных наук. Только интегральный теоретико-методологический инструментарий, основанный на полипарадигмальности современного знания, может способствовать решению проблем сложного социума и дать позитивный ответ на вопрос: «Быть или не быть... человечеству?»

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000.
2. Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998-2004). Аналитический доклад. М.: АИРО-XX, 2005.
3. Князева Е.Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002.
4. Кравченко С.А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности. Монография. М.: МГИМО-Университет, 2012.
5. Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999.
6. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Соч. в 2-х т. М., 1990.
7. Осипов Г.В., Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Перспективы социокультурной динамики и партнерства цивилизаций. М.: Институт экономических стратегий, 2007.
8. Падение Берлинской стены: до и после. Россияне о внешнеполитических процессах прошлого и настоящего / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2010.
9. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
10. Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2-х т. М.: Феникс, 1992.
11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2001.
12. Пригожин И.Р. Сетевое общество. Социс. 2008. № 1.
13. Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества. М.: Новый хронограф, 2012.

14. Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009.
15. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007.
16. Сорокин П. Катастрофы и общество. М., 2000.
17. Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги). Вопросы социологии. 1993. № 3.
18. Тихонов А.В. Социология управления. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.
19. Bauman, Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2009.
20. Beck, U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010.
21. Boudon, R. The Unanticipated Consequences of Social Action. London: Macmillan, 1982.
22. Giddens, A. The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009.
23. Merton, R. The Unanticipated Consequences of Purposive Action // American Sociological Review, 1936. Vol.1.
24. Perrow, Ch. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. Princeton: Princeton University Press, 1999.
25. Perrow, Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011.
26. Ritzer, G. Enchanting a Disenchanted World: Continuity and Change in the Cathedrals of Consumption. Los Angeles, London: Sage, 2010.
27. Tiryakian, E.A. Civilization in the Global Era: One, Many... or None? // Book of Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology. Gotheberg, Sweden: ProQuest, 2010.
28. Urry, J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008.
29. Yanitsky, O.N. Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader. Moscow: Taus, 2010.

Об авторе

Кравченко Сергей Александрович – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России. E-mail: sociol7@yandex.ru

THE PROBLEM OF THE NEW VULNERABILITIES OF THE RUSSIAN SOCIETY

S.A. Kravchenko

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *In article the author analyzes the new vulnerabilities which have arisen as a result of the formation of the complex socium in modern Russian society. It is shown that these vulnerabilities bear with themselves new risks for the functioning of the society and its members. The author argues that self-sufficiency of the Russian society is in real danger. The following vulnerabilities are specifically considered: the dysfunctions of the self-sufficiency of the society; the uncontrollable openness generating specific risks; the complex socium comprising the immanent potential of accidents; the process of complication of the risks; social and cultural dynamics of civilizations, the nature of their interactions; the vulnerabilities for the human capital.*

The solution of the arisen problems the author seems on the ways of the formation of non-linear and humanistic thinking as an intellectual basis of the Russian cosmopolitan human capital. This thinking proceeds from the acceleration and the complication of the sociocultural dynamics, the interdependent integrity of the mankind. The increasing requirements to the qualitative characteristics of the human capital induce to that at its formation were put and decided not only pragmatic tasks, the aims of the accumulation of the humanistic potential in the human capital. Respectively, the formation of the general strategy of the new stage in development of Russia has to assume the active interaction of political elite with scientific community from which, in turn, the new theoretical and methodological tools, capable to cope with the arisen problems are demanded.

Key words: complex socium, vulnerabilities, self-sufficiency of society, uncontrollable openness, accident in the form of "normal accident", complication of risks, humanistically oriented modernization.

References

1. Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt a. M., Suhrkamp Verlag, 1986. 396 p. (Russ. ed.: Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2000. 384 p.).
2. Grazhdane novoi Rossii: kem sebia oshchushchali i v kakom obshchestve khoteli by zhit? (1998-2004). Analiticheskii doklad [Citizens of new Russia: How they feel and in what society they would like to Live (1998-2004). An analytical report]. Moscow, AIRO-XX Publ., 2005. 119 p.
3. Kniazeva E.N. Osnovaniia sinergetiki. Rezhimy s obostreniem, samoorganizatsiia, tempomiry [The bases of synergetics. Blow-up regimes, self-organization, tempoworlds]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2002. 414 p.
4. Kravchenko S.A. Stanovlenie slozhnogo sotsiuma: k obosnovaniu gumanisticheskoi teorii slozhnosti [[Becoming of a complex society: Humanistic theory of complexity]. Moscow, MGIMO-Univ. Publ., 2012. 306 p.
5. Moiseev N.N. Byt' ili ne byt'... chelovechestvu? [The future of mankind... To be or not to be?]. Moscow, 1999. 288 p.
6. Nitsshe F. Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe. Soch. v 2-kh t. [Human. All too Human. Works in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ. 1990.
7. Osipov G.V., Kuzyk B.N., Iakovets Iu.V. Perspektivy sotsiokul'turnoi dinamiki i partnerstva tsivilizatsii [Perspectives of social and cultural dynamics and civilization partnership]. Moscow, Inst. for Econ. Strategies Publ., 2007. 416 p.
8. Padenie Berlinskoi steny: do i posle. Rossiiane o vneshnepoliticheskikh protsessakh proshlogo i nastoiashchego [Berlin Wall fall: Before and after. The Russian opinion about foreign policy processes]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2010. 181 p.
9. Parsons T. The social system. Glencoe, IL, Free Press Publ., 1951. 575 p. (Russ. ed.: Parsons T. O sotsial'nykh sistemakh. Moscow, Academic Project Publ., 2002. 832 p.).
10. Popper K.R. The open society and its enemies. 2 vols. London, Routledge Publ., 1945. (Russ. ed.: Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vrugi. V 2-kh t. Moscow, Feniks Publ., 1992.).
11. Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos. Man's new dialogue with nature. London, Heinemann Publ., 1984. 349 p. (Russ. ed.: Prigozhin I., Stengers I. Poriadok iz khaosa. Novyi dialog cheloveka s prirodoi. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 432 p.).
12. Prigozhin I.R. Network society. Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies], 2008, no. 1, pp. 24-27. (in Russ.).
13. Rossiia i Kitai: izmeneniia v sotsial'noi strukture obshchestva [Russia and China: Changes in social structure]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2012. 512 p.
14. Rossiia na novom perelome: strakhi i trevogi [Russia in the new crisis: Fears and worries]. Moscow, Al'fa-M Publ., 2009. 160 p.
15. Svoboda. Neravenstvo. Bratstvo: Sotsiologicheskii portret sovremennoi Rossii [Freedom. Inequality. Brotherhood. Sociological image of modern Russia]. Moscow, Rossiiskaia gazeta Publ., 2007. 448 p.
16. Sorokin P. Katastrofy i obshchestvo [Catastrophes and society]. Moscow, 2000.
17. Sorokin P. A man and society in disaster (fragments from the book). Voprosy sotsiologii [Problems of Sociology], 1993, no. 3, pp. 53-59.
18. Tikhonov A.V. Sotsiologiiia upravleniia [Sociology of management]. Moscow, "Kanon+ Reabilitatsiia" Publ., 2007. 324 p.
19. Bauman Z. Liquid times. Living in an age of uncertainty. Cambridge, Polity Press Publ., 2009. 128 p.
20. Beck U. World at risk. Cambridge, Polity Press Publ., 2010. 240 p.
21. Boudon R. The unanticipated consequences of social action. London, Palgrave Macmillan Publ., 1982. 232 p.
22. Giddens A. The politics of climate change. Cambridge, Polity Press Publ., 2009. 256 p.
23. Merton R. The unanticipated consequences of purposive action. American Sociological Review, 1936, vol. 1, no. 6, pp. 894-904.
24. Perrow Ch. Normal accidents: Living with high-risk technologies. Princeton, Princeton Univ. Press Publ., 1999. 386 p.
25. Perrow Ch. The next catastrophe: Reducing our vulnerabilities to natural, industrial, and terrorist disasters. Princeton, Princeton Univ. Press Publ., 2011. 432 p.
26. Ritzer G. Enchanting a disenchanted world: Continuity and change in the cathedrals of consumption. Los Angeles; London, Sage Publ., 2010. 272 p.
27. Tiryakian E.A. Civilization in the Global Era: One, Many... or None? 17th ISA World Congress of Sociology. Gotheberg, Sweden, July 11-17, 2010. Book of Abstracts. ProQuest, 2010, pp. 485-486.
28. Urry J. Mobilities. Cambridge, Polity Press Publ., 2008. 335 p.
29. Yanitsky O.N. Russian environmentalism: The Yanitsky reader. Moscow, Taus Publ., 2010. 367 p.

About the author

Sergey A. Kravchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Head of Sociological Department in Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), E-mail: sociol7@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРОПЕ: МЕНЯЮЩИЕСЯ ПРОБЛЕМЫ, ПРИОРИТЕТЫ И ПРАКТИКИ

А.В. Носкова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье раскрываются особенности эволюции европейской семейной политики в процессе изменения политико-правовых дискурсов и практических мер поддержки семей с середины XIX в. до наших дней. Семейная политика интерпретируется автором достаточно широко как институциональная деятельность государства в отношении семьи с целью активизации семейных функций, связанных с рождением и воспитанием детей, с содержанием недееспособных, с заботой об уязвимых членах общества. Приоритетными направлениями семейной политики являются демографическое, социальное, гендерное и экзистенциальное. Хронологически эволюция европейской семейной политики представлена четырьмя различными периодами, смена которых происходит вследствие меняющихся экономических, социальных, демографических и семейных реалий. Для каждого этапа выявлены свои специфические проблемы, приоритеты и меры практической помощи семьям. Первый этап (вторая половина XIX в. – конец 1940-х гг.) связан с институционализацией семейной политики, потребность в которой появилась из-за ослабления семейных функций, демографических проблем и социально-экономических изменений рубежа XIX–XX вв. Показана демографическая направленность семейной политики этого периода. Второй этап (1950-е гг.) характеризуется развитием социально-ориентированных мер семейной поддержки, направленных на преодоление семейной бедности. Меры социальной помощи семьям становятся важной компонентой формирующихся в этот период европейских государств благосостояния (welfare state). Для третьего этапа (1960-е – конец 1980-х гг.) свойственна плюрализация направлений, стратегий, мер семейных политик под влиянием дифференциации семейных структур и стилей семейной жизни. На четвертом этапе (начало 1990-х гг. – по настоящее время) происходит переформатирование конвенциональных отношений государства и семьи в условиях нового семейно-демографического и социально-экономического европейского контекста. В статье раскрыто многообразие моделей европейской семейной политики. Показана инструментальная роль междисциплинарных научных исследований для правильного решения семейных проблем. Отмечается, что европейские научные центры по изучению и исследованию семьи выполняют своеобразную миссию научного сопровождения семейной политики.

Ключевые слова: европейская семейная политика, меры семейной политики, семейно-демографические изменения, гендерные роли.

В настоящее время правительства всех европейских стран в той или иной мере помогают семьям справляться с их повседневными заботами и проблемами [1, с. 137], проводя целенаправленную семейную политику. В самой широкой интерпретации семейная политика – это разнонаправленная деятельность государства в отношении семьи (правовая, экономическая, социальная) с целью активизации семейных функций, связанных с рождением и воспитанием детей, с содержанием недееспособных членов семьи и уходом за ними, с заботой об уязвимых членах общества и т.п.

Семейная политика: к определению понятия

Как отмечают европейские исследователи, современная семейная политика – сложноконцептуализированное и размытое поле деятельности государства [2; 3].

Во-первых, семейная политика выступает в двух ипостасях: а) как пространство политической риторики и правового дискурса (politics), а также б) как реальные практики поддержки семьи и ее членов, меры государственной и общественной материальной, социальной помощи семьям (policies) [4, с. 421].

Во-вторых, в настоящее время почти невозможно четко разграничить семейную сферу деятельности государства и некоторые другие, функционально примыкающие и смежные с ней сферы – в первую очередь социальную, гендерную и демографическую. В «семейную повестку дня» попадают, например, такие вопросы, как: демографический рост населения, поиск путей сочетания ухода за детьми и внесемейной профессиональной активности членов семьи, гендерное равенство, борьба с семейной и детской бедностью и т.п. По мнению Франца Кауфмана, среди всех европейских стран только во Франции семейная политика заняла центральное место в структуре социальной политики [4, с. 430].

В зависимости от спектра решаемых социальных проблем, а также от того, какая помощь в реализации каких семейных функций оказывается государством, выделяются следующие измерения (направления) семейной политики:

- демографическое – ориентировано на стимулирование рождаемости;
- социальное – направлено на борьбу с бедностью в семье (в настоящее время акцент делается на детскую бедность);
- гендерное – на достижение гендерного равенства в семейной сфере и профессиональной занятости;
- экзистенциальное – на помощь семье в осуществлении ухода за уязвимыми и недееспособными категориями (детьми, стариками, инвалидами).

В-третьих, многообразие актуальных задач и направлений порождает большое разнообразие институциональных структур, отвечающих за реализацию различных направлений семейной политики.

Концептуальная сложность и многовекторный характер европейской семейной политики делают

ее полем для активной научной полемики. В числе diskutируемых тем: взаимосвязь между семьей и государством, воздействие мер семейной политики на семейное поведение, намеренные и ненамеренные социальные эффекты семейной политики [5; 6], важнейшие институциональные характеристики семейной политики, модели семейной политики [3], вариативность агентов управления и институциональных структур семейной политики, согласование управленческих решений в отношении семьи и т.д.

Чтобы лучше понять, зачем и как государство институционально поддерживает семью, обратим внимание на социально-исторический контекст формирования различных моделей европейской семейной политики и рассмотрим, как менялось отношение государства к семье в XX столетии.

Эволюция европейской семейной политики в XX в.

Различные подходы к периодизации европейской семейной политики широко представлены в научной литературе, например в работе Ж.В. Черновой «Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ» [7, с. 47]. В основу хронологизации семейной политики, предложенной в нашей статье, положены реакции европейских государств на социальные и семейно-демографические изменения. Исходя из этого, в некоторой степени условно, выделим четыре этапа в эволюции европейской семейной политики с конца XIX в. до настоящего времени.

Первый этап

Исторически формирование семейной политики в странах Европы было сопряжено с социальными и семейными изменениями, сопровождавшими переход от общества традиционного типа к современному социальному устройству. К их числу относятся: сокращение числа детей в семье, мобилизация женщин в сферу профессиональной занятости, деформация института родства и обособление нуклеарной семьи как самостоятельного института частной жизни [3, с. 430], обострение проблемы бедности семей с детьми, ослабление семейных функций и др.

Судя по всему, новые социальные и семейно-демографические реалии стали легитимным основанием для государственной интервенции в семейную жизнь и установления контроля над сферой детско-родительских отношений [5].

Европейская семейная политика как «политико-правовой дискурс» исторически предшествовала практическим мерам помощи семье. В начале XIX в. власти Франции и некоторых других европейских стран, вероятно предчувствуя новые вызовы грядущих семейных трансформаций, пытались «предупредить» их с помощью политической риторики и правовой регламентации семейных отношений. В Гражданском кодексе французов, принятом в 1804 г. («Кодекс Наполеона» в ред. 1807 г.), закреплялась традиционная модель семьи, в которой жены подчинялись власти своих мужей [8, с. 141].

За символическую точку отсчета развития мер общественной помощи семьям в Европе можно принять вторую половину XIX в., когда семья «стала рассматриваться не как частный, а как общественный вопрос, решение которого требует государственного вмешательства» [9, с. 72].

В это время стали вводиться первые детские пособия отдельным категориям семей, а также появляться первые детские дошкольные образовательные учреждения, в которых дети могли проводить весь день, пока их матери работали. Государственное финансирование детских садов в Европе начинается с 1870-х гг. [10, с. 106]. Государственные дошкольные учреждения впервые появились в Австрии и во Франции, где на рубеже XIX–XX вв. наблюдался самый высокий уровень женской занятости. В Австрии в 1900 г. доля женщин в численности всего трудового населения составляла 43,2% [10, с. 107]. Во Франции доля женщин, занятых в общественном производстве, в 1866 г. составляла 25% рабочей силы, в 1901 г. она достигла уже 35% [8, с. 144].

В 1930-х гг. в ряде европейских стран (Франции, Германии и Швеции) меры поддержки семьи носили уже системный, концептуальный характер, выкристаллизовывались основные направления и модели семейной политики.

Мощным катализатором становления и развития семейной политики в период между двумя мировыми войнами стала ситуация с рождаемостью в Европе начала XX в. В 1925–1929 гг. рождаемость упала ниже уровня, обеспечивающего простое замещение поколений, в четырех странах Европы: Германии, Франции, Чешской Республике и Швеции (значение нетто коэффициента воспроизводства населения стало меньше единицы) [11]. В 1936 г. к группе этих стран присоединились: Австрия, Англия, Бельгия, Дания, Латвия, Люксембург, Испания, Норвегия, Швейцария.

Следует отметить, что, по расчетам современных демографов, спад рождаемости в 1930-х гг., сделавший «семейный вопрос» актуальным, «в значительной мере был результатом откладывания рождения детей на будущее, а не отказом от рождения детей вообще» [12, с. 250].

Тем не менее именно проблема воспроизводства населения европейских стран обусловила демографическую (пронаталистическую) направленность семейной политики Франции, Германии, Испании, Италии в 1930–1940-х гг. [7, с. 47].

В эти же годы встал вопрос, какую модель семьи нужно поддерживать.

Острые научно-общественные дебаты вокруг семейной темы вынуждали правительства Франции и Швеции балансировать между сторонниками консервативной точки зрения на семью, отстаивающими приоритеты традиционного семейного образа жизни, и либералами, провозглашавшими идеалы индивидуальной свободы, женского репродуктивного выбора (право женщин на аборт) и гендерного равенства в семье [9; 12; 13].

Противостояние семейных идеологий выразилось в различных моделях семейной политики.

Консервативная модель (ее обозначают как просемейную политику или фамилиализм (*familialism*) [8, с. 144] ориентирована на поддержку традиционной семьи с детьми, с традиционным гендерным разделением семейных ролей. Следует отметить, что государственный фамилиализм как форма поддержки семьи, имеющая научные основания, не тождественен церковному фамилиализму, основанному на религиозных ценностях.

Альтернативная, «либеральная», политика ориентирована на признание и поддержку новых семейных форм и гендерных отношений.

Примером страны с просемейной политикой является, в частности, Франция периода 1930–1940-х гг., а хорошей иллюстрацией меры этой направленности является «пособие для домохозяек» (*Allocation de mere au foyer*), которое было введено во Франции в 1939 г. В 1941 г. оно было переименовано в «пособие семье, живущей на одну зарплату» и просуществовало до 1978 г. [8, с. 144]. Солидная денежная выплата позволяла матерям не работать, а оставаться дома с детьми, обеспечивая им уход и заботу. Вместе с другими семейными пособиями в 1947 г. (это год, когда семейные выплаты были самыми высокими) семья с двумя детьми получала 90% от средней женской зарплаты, а семья с тремя детьми – 150% [8, с. 144].

Символическим завершением первого этапа (институционализации) европейской семейной политики можно считать образование различных государственных семейных ведомств и организаций. В частности, в Германии в 1953 г. было образовано министерство по делам семьи.

Второй этап

Стабилизация семейно-демографической ситуации в Европе (послевоенный бэби-бум, «золотой век брака») отодвинула демографический вопрос на периферию семейной политики. Напротив, борьба с бедностью и неравенством, стремление сгладить противоречия капиталистического общества и создать более справедливую социальную среду вышли на передний план усилий государства. Что касается семейной политики, то она начиная с 1950-х гг. стала формироваться как важная компонента различных декларируемых моделей европейского государства благосостояния.

Основная особенность такого государства, по мнению итальянского исследователя Луиджи Кампиглио (*Luigi Campiglio*), состоит в том, что государство добавило к частному потреблению семьи так называемое «социальное потребление» в виде «социальных товаров и услуг» [14]. Рынок обеспечивает частное потребление, тогда как государство «велфер» (*welfare state*) – социальное. Таким образом, общее потребление семьи стало складываться из потребления, основанного на собственных доходах, и потребления, основанного на социальных выплатах и услугах.

Любое государство «велфер» включает четыре основные статьи (или группы) расходов: расходы на пенсии; расходы на медицину и здоровье; рас-

ходы на семьи с детьми; расходы, связанные с социальной инклюзией и реабилитацией преступников.

Согласно исследованиям Луиджи Кампиглио, семья и здоровье – самые эффективные сферы вложения для борьбы с бедностью и неравенством. Он показал, что чем меньше доля расходов на семью с двумя детьми, тем выше уровень бедности и наоборот [14]. Отметим также, что в конечном счете сокращение разрыва между богатыми и бедными способствует решению и демографической задачи повышения рождаемости. В качестве обоснования данного суждения уместно сослаться на расчеты А.Ю. Шевякова, которые показали, что «изменения тенденций рождаемости и смертности в России в 1990-х гг. на 85–90% обусловлены избыточным неравенством и относительной бедностью населения» [15, с. 305].

Вернемся к особенностям второго этапа развития европейской семейной политики. Как уже отмечалось, в 1950-х гг. фокус в семейной политике сместился на проблемы семейной бедности и неравенства между семьями, источниками которых являются многодетность или низкий уровень дохода семьи. Что касается модели семьи, то в 1950–1960-х гг. традиционная семья в большинстве европейских стран была, по сути, единственным легитимным форматом: абсолютное большинство браков заключалось в церквях, семьи были весьма прочными (уровень разводов был низким), мужчина выполнял свою «инструментальную» роль кормильца, тогда как женщина – «экспрессивную» роль домохозяйки (Т. Парсонс), целью семьи было рождение детей. Семейная политика соответствовала семейному контексту и была ориентирована на идеалы нуклеарной семьи в ее классическом варианте. Как пишет Дж. Эриксен о семейной политике в Норвегии в 1950–1960-х гг., налоговые правила и детские пособия действовали в интересах такой семьи [2, 63].

Формирующиеся европейские государства благосостояния постепенно освобождали семью от некоторых обязанностей по поддержке людей, исключенных из сферы рынка труда (стариков, инвалидов, безработных и т.д.) [2, 63]. Тем не менее классическая модель нуклеарной семьи социально и финансово не отягощала государство «велфер». Функция ухода за маленькими детьми пока оставалась внутри семьи и выполнялась главным образом женщиной.

Третий этап

Европейская семейная политика в этот период стала формироваться как единое пространство многовариантных национальных моделей государственной поддержки семей (в данном случае хорошо подходит классическая фраза «единство в многообразии»). «Многообразие» отражает специфику национальных подходов в понимании целей, задач, приоритетов семейной политики. Тогда как единое пространство складывалось из необходимости решать общие для европейских стран социальные проблемы семей и институционально закреплялось

в принятии в 1961 г. Европейской социальной хартии. В ней обозначались стратегические приоритеты европейской семейной политики – право семьи (статья 16) и право детей (статья 17) на социальную, правовую и экономическую защиту.

Особенности третьего этапа мы связываем с серьезными структурными и поведенческими изменениями семьи (в демографии они связаны с понятием второго демографического перехода), которые привели к новым дискурсам и мерам семейной политики. Кратко поясним, о чем идет речь:

– во-первых, поведенческие и структурные семейные трансформации проявлялись в росте разводов (практически во всех европейских странах уровень разводов стал расти после 1970 г. [2, 59]), в откладывании браков, в рождении детей вне брака. Классическая нуклеарная семья окончательно потеряла свою монополию. Появилось разнообразие образцов жизни, дифференцированных по отношению к семье. Традиционный «семейный образ жизни» ориентирован на совместное проживание супругов, воспитание ребенка в семье с двумя родителями и т.д. Альтернативные стили жизни могут соотноситься с отказом индивида от семьи, с отказом супружеской пары от рождения детей, с рождением детей вне брака и т.д. Распространение альтернативных семейных форм (сожительства, неполных семей) поставило государство перед вопросом, какую семью нужно поддерживать;

– во-вторых, в семейную повестку дня вошли проблемы социальной защиты и социального обеспечения одиноких матерей, а семьи с одним родителем (главным образом матерью) стали рассматриваться как еще один источник семейной бедности и неравенства между семьями;

– в-третьих, новый импульс развития получил гендерный дискурс. В конце 1960-х гг. и в 1970-х гг. во многих западных странах были приняты законы, легализующие аборт и закрепляющие право женщины на репродуктивный выбор: в 1967 г. в Великобритании, в 1973 г. в США, в 1975 г. во Франции и т.д. [16]. Включение гендерного равенства в качестве приоритетной стратегии социальной повестки в Европе придало общественное звучание вопросу гендерного равенства внутри семьи. Знаковым для развития гендерной проблемы в качестве «мейн-стрима» европейской социальной политики стал 1975 г., объявленный Организацией Объединенных Наций Международным годом женщин [17, 13];

– в-четвертых, активное вовлечение замужних женщин в сферу общественной трудовой занятости в 1960-х гг. и последующие десятилетия обострило проблему «работающей мамы» и «ухода за недееспособными и уязвимыми членами семьи». Важной предпосылкой интеграции большей части женщин в «современный» сектор экономики стал рост сектора услуг [6, 31]. Актуализировалась проблема социальной помощи женщине в совмещении семейных и профессиональных ролей, в уходе за детьми, их воспитании и содержании;

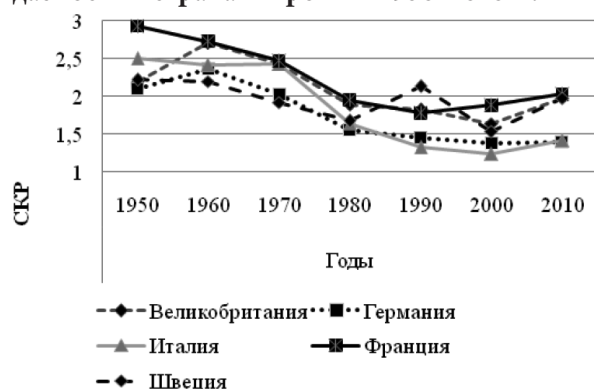
– в-пятых, наконец в Европе стала опять актуальной демографическая проблема низкой рождаемости и, следовательно, с учетом этого «возвра-

тилось» демографическое направление в семейной политике. В 1950 – начале 1960-х гг. показатели рождаемости в Европе выглядели достаточно оптимистично, при том, что уровни рождаемости в европейских странах заметно различались. Самая высокая (после Ирландии) рождаемость всегда наблюдалась в Нидерландах, где суммарный коэффициент рождаемости (СКР) был выше 3. Самый низкий СКР со значением, немного превышающим два ребенка в среднем на одну женщину, наблюдался в ФРГ в 1950–1956 гг., а также в Швеции в 1959–1963 гг. То есть разность между самым высоким значением суммарного коэффициента рождаемости и самым низким составляла около 0,8 [18, 32].

В 1963 г. разрыв между максимальным (без учета Ирландии) и минимальным значением СКР в Европе сократился до 0,5. Однако, по словам Антона Куйстена (Kuijsten), этот год не был поворотным в отношении рождаемости. С его точки зрения, самым значимым, даже драматичным, был период падения рождаемости со второй половины 1960-х до конца 1970-х гг. (рис. 1). С начала 1970-х гг. до настоящего времени в большинстве стран Европы рождаемость не обеспечивает простого замещения поколений [18, 32].

Рис. 1.

Динамика суммарного коэффициента рождаемости в странах Европы в 1950–2010 гг.

Источник: www.demoscope.ru

Обозначенные проблемы затронули все европейские страны, но выход из сложившихся социальных противоречий виделся европейцам по-разному. Отношение государства к семье, направленность семейной политики определялись остротой стоящих семейно-демографических проблем, различием в культурных традициях и в политических приоритетах [1, 137], особенностями сложившихся моделей европейских государств благосостояния (социал-демократической, либеральной и корпоративистской (консервативной)). Классическим примером социал-демократической модели являются Скандинавские страны (например, Швеция). Социальными целями этих государств является обеспечение равенства как между семьями, так и гендерного равенства внутри семьи. Консервативная модель (Германия) нацелена на поддержание стабильности семьи. Либеральная модель (Великобритания) ориентирована на оказание помощи «целевым», социально уязвимым

группам (например, одиноким матерям) в целях повышения эффективности рыночной экономики [1, 138].

Дифференциация типов семейной политики отчетливо проявляется в выборе государством «велфер» различных вариантов решения социальных и финансовых дилемм в вопросах помощи семье:

- в каком объеме поддерживать семью: государственное участие должно быть максимальным или минимальным, следует ли «обеспечивать» семью или ограничиться семейной «поддержкой»;
- как помогать семье: услугами, денежными выплатами или налоговыми вычетами;
- как решать гендерный вопрос ухода за детьми: возвращать женщину в семью или, напротив, помогать женщине осуществлять профессиональную деятельность, создавая институты общественной заботы о детях;
- каким семьям нужно помогать и какую модель семьи нужно поддерживать: семью с традиционным гендерным разделением ролей (мужчина-кормилец, а женщина-домохозяйка) или семью с двумя работающими родителями (с двумя кормильцами).

В зависимости от степени интервенции государства в жизнь семьи Кауфман различает три варианта государственной семейной политики:

- позицию активного государственного участия, когда функция государства ограничивается исключительно возможностями финансовых средств и их эффективного использования (социал-демократическая);
- позицию минимального государственного участия, в соответствии со взглядом на семью как на сферу приватной жизни, куда не должно вторгаться государство (консервативная);
- позицию избирательного участия, когда государство помогает только социально слабым, уязвимым семьям (либеральная).

В зависимости от того, какую модель семьи государство поддерживает, Корпи (Corpi) выделил три идеал-типические стратегии семейной политики, сложившиеся в европейских государствах «велфер» к 1990-м гг. [19, 12]:

- государства «велфер» с хорошо развитой системой поддержки семьи с традиционным гендерным распределением семейных ролей (Австрия, Бельгия, Германия, Ирландия, Италия, Нидерланды);
- государства «велфер» с хорошо развитой системой поддержки эгалитарной семьи с двумя работающими родителями (Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция);
- рыночно-ориентированная модель (Великобритания, Швейцария).

К этим трем основным стратегиям Феррарини добавляет четвертую – противоречивую [19, 12]. К ней, вероятно, можно отнести семейную политику Франции 1970 – 1980-х гг.

Комбинация данных типов семейных политик отражает плюрализм семейных идеологий, а также альтернативные способы урегулирования углубля-

ющегося противоречия между женской, материнской, ролью и профессиональной деятельностью женщины: «рефамилизацию» и «дефамилизацию» [20]. В первом случае государство создает условия для женщин, при которых мать получает возможность не работать, а посвящать себя семье и детям. Во втором, напротив, женщина-мать получает возможность работать.

«Рефамилизация» отражает стремление государства сориентировать женщину на социальную роль матери. Государство в данном случае поддерживает семью с традиционным гендерным разделением семейных ролей, а семейная политика исходит из принципа, что семейный уход и семейное воспитание детей в раннем возрасте благоприятнее сказываются на детской социализации и развитии личности [1, 140]. Для этого вводятся специальные отпуска и пособия, позволяющие женщине прервать на какое-то время (как правило, до трех лет) свою профессиональную деятельность, оставаться дома и воспитывать детей. Такая стратегия характерна для консервативной модели государств «велфер».

По пути создания условий для женщин, при которых мать получает возможность обеспечивать домашний уход за ребенком до достижения им трехлетнего возраста, пошла ФРГ. Уязвимость такого подхода исследователям видится в том, что женщина должна делать выбор между семьей и работой (карьерой) [21]. А в современных условиях девальвации семейных ценностей часто перевешивает второе – работа.

Иллюстрацией «рефамилизации» является и принятый совсем недавно в Германии закон о дотации матерям-домохозяйкам. Пособие, которое будет выплачиваться мамам за то, что они не будут отдавать своих детей в детский сад до трех лет, в народе окрестили «кухонной премией». До 100 евро в месяц будут получать родители за каждого ребенка, которому не исполнилось двух лет. За ребенка, которому уже больше двух лет, но еще не исполнилось трех лет, будут доплачивать по 150 евро в месяц [22].

«Дефамилизация» предполагает создание условий для полноценной женской занятости. В целях гармонизации семейной и профессиональной женских ролей активно развивается система учреждений общественного воспитания детей младшего дошкольного возраста (аналоги нашим яслям, детским садам).

Классический вариант данной стратегии – Скандинавские страны (социал-демократическая модель «велфер»). В 1970–1980-х гг. государство стало активно поддерживать семейный формат с двумя работающими родителями [1, 138], «перетягивая» на себя часть семейных функций, влияя большие средства в создание государственных институтов высококачественного ухода за детьми младшего дошкольного возраста и стариками. Особенно продвинулась в этом плане Швеция. Развитая сеть некоммерческих дошкольных учреждений (ясли, детские сады и т.д.) на универсальной основе освободила шведских матерей от многих семейных

забот и предоставила им возможность заниматься профессиональной деятельностью, зарабатывать деньги наравне с мужчиной.

У данного подхода тоже есть свое «слабое место». Мощная государственная опека формирует устойчивую зависимость родителей от общественной помощи в воспитании детей и приводит к постепенной атрофии семейной функции ухода за детьми. А это может иметь для общества, семьи и ее членов резонансные социальные последствия, особенно в условиях социально-экономической нестабильности, когда возможности государственного финансирования социальной сферы резко сокращаются.

Общественная забота о детях в странах Европы имеет свою специфику. В противоположность развитому государственному некоммерческому сектору Швеции и других европейских стран для Великобритании (и Ирландии) было характерно наличие большого коммерческого сектора службы заботы о детях [20].

Европейская семейная политика развивалась в формате обозначенных моделей и стратегий вплоть до конца 1980– начала 1990-х гг. На рубеже XX–XXI вв. новые демографические, семейные и социально-экономические условия побуждают европейские государства «велфер» переосмысливать свои конвенциональные отношения с семьей.

Четвертый этап

Импульсом для пересмотра семейной политики послужили экономические проблемы начала 1990-х гг. [1, 138]. В настоящее время экономический фундамент европейских государств «велфер», разделивших с семьей ее функции и финансовую нагрузку по уходу за недееспособными и уязвимыми членами семьи, сотрясает увеличение расходов на социальное обеспечение. Конечно, государственные расходы на поддержку семей в разных странах Европы заметно различаются. Так, в Исландии, Люксембурге, Великобритании, Франции, Ирландии доля расходов на семью из государственного бюджета – самая большая среди всех европейских стран и составляет около 4% ВВП. Наоборот, самые маленькие расходы (около 1,5% ВВП) – в Швейцарии, Польше, Италии, Португалии [23]. Распределение государственных расходов на денежные выплаты и услуги семьям также неравномерно среди европейских стран. В большинстве стран доля расходов на денежные пособия превышает долю расходов на оказание государственных услуг семьям. Исключение составляют Франция, Исландия, Дания, Норвегия, Нидерланды, Испания, Швеция. В этих странах совокупная доля налоговых вычетов и оказание услуг семьям превышает 50% [23].

Серьезные демографические изменения (прогрессирующее старение населения, низкая рождаемость, высокий уровень разводов, внебрачная рождаемость и т.д.), происходящие на фоне общемировой финансово-экономической нестабильности, вынуждают государства переходить к менее затратным, но в то же время не ущемляющим соци-

альные интересы семьи (человека) мерам семейной политики [24].

Еще одна детерминанта изменения дискурса семейной политики – усложняющийся семейный контекст. В 1990-х гг. трансформирующиеся семейные формы становятся характерными для всех стран-членов Европейского союза: один из трех браков в Европе заканчивался разводом, количество сожительства продолжало увеличиваться, и все большее число детей рождалось в сожительствах, а не в зарегистрированных браках [25, 4].

Обозначим некоторые последние тенденции и направления, которые позволяют говорить о переходе к новому формату деятельности государства в отношении семьи.

1. Меняется дискурс семейной политики от риторики социальной защиты семьи в сторону социального партнерства государства и семьи.

2. Наблюдается децентрализация семейной политики: важными акторами взаимодействия с семьей становятся добровольные и некоммерческие организации [25, 4]. Так как «границы между общественным и частным оказываются все менее жесткими», а семейные изменения сопровождаются меняющейся природой гражданского общества, европейские негосударственные организации берут на себя функцию посредника между семьями и государством. С начала 1990-х гг. наметился рост количества негосударственных организаций и степени их влияния на формирование семейной политики. В конце 1995 г. были созданы четыре европейских наблюдательных совета по анализу национальной семейной политики, включающих в себя 75 организаций, занимающихся вопросами семейной жизни [25, 4].

3. Происходит движение к семейной политике смешанного типа, к сочетанию элементов различных стратегий – симбиозу «дефамилизации» и «рефамилизации».

4. Новую актуальность и остроту приобретает проблема организации ухода за недееспособными и уязвимыми членами семьи (детьми младшего возраста, инвалидами, стариками). В условиях финансовой нестабильности поднимаются вопросы привлечения различных социальных агентов и разделения соответствующих забот между государством, коммерческими организациями, третьим сектором и семьей для сохранения способности семьи воспроизводить социальный капитал. Хороший пример в этом плане – Франция, где одновременно развиваются различные формы раннего образования и системы ухода за детьми младшего возраста (насчитывается не менее десяти различных вариантов внесемейного ухода за детьми от 0 до 5 лет) [26].

5. Становится характерным усиление интервенции государства в сферу детско-родительских отношений, перенесение значимой доли ответственности за детское благополучие с семьи на государство. В настоящее время борьба с детской бедностью и защита прав ребенка входят в «топ» главных тем европейской социальной повестки дня. В странах Европы расширяется институци-

ональная сеть специализированных социальных служб, на которые возложена функция контроля над детско-родительскими отношениями, а инвестирование в детей стало рассматриваться как часть социальных инвестиций государства [27, 3]. Таким образом, проблема «детства» все больше отрывается от семейного контекста и становится самостоятельным социальным дискурсом.

6. Новый поворот наметился в семейно-гендерной проблеме. Достижение гендерного равенства в семье все чаще рассматривается как равное участие мужчины и женщины в семейных делах, в воспитании детей. Другими словами, активность государства теперь направлена не на то, чтобы «вытащить» женщину из семьи и социально уравнивать с мужчиной, а на то, чтобы привлечь мужчину к «женским» семейным делам. Так, с этой целью в 1990-х гг. впервые в практике европейской семейной политики в Швеции и Норвегии были введены специальные отпуска для отцов при рождении ребенка [28, 92].

Проблема отцовства получила и другое звучание. В ситуации большого числа разводов и внебрачных рождений важными социальными проблемами оказались статус разведенного (неженатого) отца, права отцов на эмоциональную и практическую вовлеченность в жизнь своих детей в случае раздельного проживания с ребенком (в противовес исключительно финансовым обязательствам) [25, 4].

7. И наконец, в последнее время критике подвергается «широкий» подход к определению семейной политики. В качестве примера приведем выдержку из текста, опубликованного на сайте Королевского общества поддержки искусств в Великобритании: «Последняя семейная политика лейбористского правительства была слишком широкой и, казалось бы, ориентированной на все социальные проблемы разом, поставленные планки – слишком высокими для достижения, а задачи зачастую не соответствовали действительным нуждам семьи. Необходимо переход к принципиально иной семейной политике, которая ориентировалась бы не на общие проблемы общества, экономические и политические вызовы, а на внутренний мир семьи. Семейная политика должна «иметь свой собственный смысл», свое собственное поле. Ее целью должно стать не решение всех социальных проблем, а непосредственная ориентация на проблемы семейные – семейное поведение и взаимоотношения, любовь, поддержка, взаимоотношения между членами семьи, агрессия, корысть и индивидуализм...» [29].

Научные исследования в формировании эффективной семейной политики

Говоря о будущем развитии семейной политики в Европе, можно предположить дальнейшую плюрализацию ее направлений, дискурсов, моделей. Дело в том, что одной из характерных особенностей современного социума является быстро развивающееся усложнение социальных реалий [30], в том числе семейных. В сфере брач-

ных отношений, семьи, взаимоотношений полов зарождаются качественно иные проблемы. Усложнение семьи проявляется в индивидуализации семейных отношений, в назревающем конфликте интересов между человеком как членом семьи и как индивидуализированной личностью, в переформатировании традиционного распределения семейных обязанностей между мужчиной/женщиной, между поколениями, в дальнейшей плюрализации брачных союзов, в распространении новых форм родительства и т.д.

«Другие» семейные реалии делают конвенциональные соглашения между семьей и государством еще более сложными, многовариантными и противоречивыми. В этих условиях эффективность семейной политики будет во многом определяться способностью государства справляться с семейными вызовами, поспевать за стремительно меняющейся семейной реальностью и адаптироваться к новым потребностям современных семей.

В данном контексте все более важным инструментом для правильного решения семейных проблем становятся междисциплинарные научные исследования. Своеобразную «миссию» научного сопровождения семейной политики в настоящее время реализуют европейские научные центры по изучению проблем семьи. К их числу относятся: Австрийский институт исследований семьи университета Вены, Государственный институт по исследованию проблем семьи университета Бамберга (Германия), Центр исследования семей Кембриджского университета (Великобритания), Центр по исследованию проблем семьи, жизненного пути и поколений университета г. Лидса (Великобритания), Институт по изучению детей, семей и социальных вопросов колледжа Биркбек, Лондонский университет (Великобритания) и др.

В мае 1997 г. на базе Международной федерации католических университетов образована Европейская сеть институтов по изучению семьи – Réseau Européen des Instituts de la Famille [31]. Участниками REDIF в настоящее время являются: Школа по изучению семьи при Университете Саламанки (Испания), Институт по изучению семьи и населения при Лёвенском католическом университете (Бельгия), Центр по исследованию семьи при Миланском католическом университете Святого Сердца (Италия), Институт «Брак и семья» при Мадридском университете Камияс (Испания), Институт по проблемам семьи при Католическом университете Лиона (Франция).

В 2002 г. учреждена Европейская междисциплинарная научная ассоциация европейских исследований семей и семейных отношений – European Society on Family Relations (ESFR).

По своей сути REDIF и ESFR – сетевые объединения ученых и научно-исследовательских институтов, занимающихся проблемами семьи. Их главными целями являются организация и проведение совместных научных исследований, обмен результатами исследований и научным знанием в семейной сфере. Важным направлением деятельности этих организаций является издание научных

журналов, проведение научных конференций и семинаров, важнейшим компонентом которых становится обсуждение практических вопросов обновления и реализации семейной политики. Так, в сентябре 2012 г. под эгидой REDIF и Исследовательского комитета № 13 «Социология семей и интимной жизни» Европейской социологической ассоциации в Милане прошла конференция «Семья, забота и работа перед вызовами глобализирующегося мира: политики, практики и службы» [32].

В сентябре того же года в норвежском городе Лиллехаммере прошел VI Конгресс ESFR «Семьи в меняющейся Европе: вызовы, конфликты и интервенция» [33]. В повестку дня конгресса были вынесены следующие основные темы:

- старение населения и низкий уровень рождаемости в Европе: выход из демографического кризиса;
- европейские системы социального обеспечения и семейной политики: проблемы и их решения;
- транснациональные браки как следствие международной трудовой миграции;
- новые типы семьи и формы семейных отношений в современном мире, а также вызванные ими потенциальные кризисы и проблемы;
- гендерное равенство в воспитании детей (вовлечение в равной степени обоих родителей в процесс воспитания и заботы о детях);
- проблемы дошкольного образования, семейная политика в отношении детей и пожилых людей.

Для европейских ученых, интересующихся вопросами семейной политики, знаменательным событием является IV Европейский конгресс науки о семье «Будущее семьи – требования к семейной политике и к науке о семье», 6-8 июня 2013 г., Бамберг, Германия [34].

Характеризуя европейские научные исследования проблем семьи, сделаем два замечания. Во-первых, отметим практическую направленность этих европейских научных исследований проблем семьи, когда ученые стремятся найти пути решения актуальных проблем. Во-вторых, по-видимому, результаты этих исследований влияют на выработку мер семейной политики, хотя нам механизм этого воздействия не ясен.

Конечно, перечисленные тенденции отражают далеко не все грани современной европейской семейной политики. Тем не менее очевидно, что значимость институциональной деятельности государства в отношении семьи все усиливается и усиливается. Современная семья является источником социальных и демографических изменений, а семейная политика явно и латентно воздействует на семейное поведение. Семьи уже не могут полностью самостоятельно, без помощи государства, справляться со многими своими проблемами: требуется помощь в социализации и образовании детей, уходе за недееспособными членами семьи (стариками, инвалидами). В свою очередь, государство заинтересовано в поддержке семьи как института воспроизводства человеческого капитала [8, 137].

Анализируя эволюцию европейской семейной политики, можно сделать вывод, что страны Европы стремятся мобильно адаптировать свою семейную политику к быстро меняющимся экономическим, социальным, демографическим и семейным реалиям в целях предупреждения возможных рисков и напряженностей. И создается впечатление, что в определенной степени им это удастся сделать.

Список литературы

1. Cheal D. J. Families in Today's World: Comparative Approach. New York, 2008.
2. Eriksen J. Unmarried Cohabitation and Family Policy in Norway // International Review of Sociology, Vol.11, 2001, №1, 2.
3. Wendt C., Mischke M., Pfeifer M. Welfare states and public opinion: Perceptions of healthcare systems, family policy and benefits for the unemployed and poor in Europe. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA, Edward Elgar Publ., 2011.
4. Kaufmann F.-X. Politics and policies towards the family in Europe: A framework and an inquiry into their differences and convergences // Family life and family policies in Europe: Problems and issues in comparative perspective. Oxford, OUP Publ., 2002, vol. 2.
5. Hantrais L. Family Policy Matters: Responding to Family Change in Europe. UK, 2004.
6. Пфау-Эффингер. Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада // Социологические исследования. 2000. № 11.
7. Чернова Ж.В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Норма, 2008.
8. Revillard, A. Work/Family Policy in France: From State Familialism to State Feminism? // Gender Mainstreaming and Family Policy in Europe: Perspectives, Researches and Debates. Ed. by Isabella Crespi. Universita di Macerata, 2007.
9. Зубченко Л.А. Семейная политика во Франции // Актуальные проблемы Европы. Сборник научных трудов / ИНИОН РАН. Ред. кол.: Т.Г. Пархалина (гл. ред.) и др. М.: ИНИОН, 2009.
10. Сеница А.Л. Труд по уходу за детьми дошкольного возраста: сочетание домашней и общественной форм. М.: Типу, 2012.
11. Bave Jan Van. Subreplacement Fertility in the West before the Baby Boom: Current and Contemporary Perspectives <http://www.vub.ac.be/SOCO/demo/papersonline/IDWP2008-1.pdf> (дата обращения: 21.04.2013).
12. Карлсон А. «Шведский эксперимент в демографической политике: Гуннар и Альва Мюрдали и межвоенный кризис народонаселения». М.: ИРИСЭН, Мысль, 2009.
13. Toulemon L., Pailhé A., Rossier C. France: High and Stable Fertility // Demographic Research, Volume 19, 2008. 13. Toulemon, et al: 2008.
14. Campiglio L. Market's Sins and the European Welfare State: Theory and Empirical Evidences // Internal Meeting of the European Sociological Association research network «Sociology of Families and Intimate Lives». Milan, September 14, 2012.
15. Шевяков А.Ю. Неравенство и формирование новой социальной политики государства // Вестник Российской академии наук. Т. 78, 2008. № 4.
16. История аборта. Отношение к абортам в разные времена в разных странах // Женское мнение URL: <http://zhenskoe-mnenie.ru/> (дата обращения: 01.05.2013).
17. Crespi I. Gender Mainstreaming and Reconciliation Policies in Europe: Perspectives and Dilemmas // Gender Mainstreaming and Family Policy in Europe: Perspectives, Researches and Debates. Macerata: Universita di Macerata, 2007.
18. Kuijsten A. Variation and Change in the Forms of Private Life // Family Life and Family Policies in Europe: Problems and Issues in Comparative Perspective. Volume 2. Oxford University Press, 2002.
19. Ferrarini T. Families, States And Labour Markets: Institutions, Causes and Consequences of Family Policy in Post-War Welfare. States University, Sweden, 2006.
20. Family Policy in the UK//<http://www.york.ac.uk/inst/spru/research/nordic/ukpolicy.pdf>(дата обращения: 21.04.2013).
21. Погорельская С.В. Некоторые особенности семейной политики в Германии // Актуальные проблемы Европы. Сб. научных трудов. Вып.: Государственная семейная политика европейских стран. М.: ИНИОН РАН, 2009. № 2.
22. Панкратов С. «Кухонная премия» расстроила немецких политиков // http://radiovesti.ru/article/show/article_id/72816 (дата обращения: 01.05.2013).
23. Public spending on family benefits // <http://www.oecd.org/> (дата обращения: 08.05.2013).
24. RN13 - Sociology of Families and Intimate Lives // <http://www.europeansociology.org/> (дата обращения: 21.04.2013).

■ Социология

25. Developments in National Family Policies in 1995 // The European Observatory on National Family Policies. Commission of the European Communities. Published by Social policy research unit university of York, 1996. 22.
26. Funabashi K. Welfare Mix for Child Care in France and Japan // Internal Meeting of the European Sociological Association Research Network «Sociology of Families and Intimate Lives». September 14, 2012. Milan.
27. Lewis J. Children, Changing Families and Welfare States. UK, 2006.
28. Степанова М.Н. Государственная семейная политика в странах Западной Европы (1990-2000-е годы) // Политические исследования, 2010. № 5.
29. A revolution in family policy // <http://comment.rsablogs.org.uk/2012/08/28/revolution-family-policy/> (дата обращения: 21.04.2013).
30. Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012.
31. REDIF // <http://www.upcomillas.es/redif/default.aspx> (дата обращения: 08.05.2013).
32. Носкова А.В. Семья перед лицом вызовов глобализованного мира // Социологические исследования. 2013. № 5.
33. ESFR 6 th Congress // <http://www.congrex.no/esfr2012/> (дата обращения: 08.05.2013).
34. European Congress on Family Science // <http://www.familyscience.eu/> (дата обращения: 08.05.2013).

Об авторе

Носкова Антонина Вячеславовна – д.социол.н., профессор кафедры социологии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: avnoskova@mail.ru

THE EVOLUTION OF THE STATE FAMILY POLICY IN EUROPEAN COUNTRIES: CHANGING PROBLEMS, PRIORITIES AND PRACTICES

A.V. Noskova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The paper describes some common peculiarities in evolution of the State family politics and policies in Europe since the middle of the XIX century to our days. Here we define the family policy widely enough as the state activity (ideological, legislative, economic, social) concerning a family. The State family policy has four main dimensions such as demographical, social, gender and existential ones.*

The analysis of the long-term trends in European family policies made it possible to draw four main periods in its evolution. A set of the main problems, priorities and practices is defined for each period. The article also presents the links between the origin of every new period and the changing families, demographical and social realities.

The first period (from the second half of the XIX century till the end of the 1940th) is described as the institutionalization of the European family policy. The main problem of this period is the demographic one. The links between the institutionalization of the European family policy and the changes in family life, demographic and social changes in the boundary of the XIX-XX centuries are shown. The second period (the 1950th) is characterized by the development of the social dimension as a part of the becoming European welfare state. In 1950-s, the main focus in family policies was made on the overcoming of the family poverty. The third period (the 1960th – the end of the 1980th) is characterized by a pluralization of the problems, strategies, measures of family policy under the influence of the differentiation of family structures and styles of family life. The fourth period (from the beginning of the 1990th to the present time) deals with reformatting of the conventional relations of the state and a family in the conditions of a new family, demographic, social and economic European context.

The article presents the diversity of the family policy models in the European countries in their connection with the political and ideological factors.

Special attention is paid to interdisciplinary scientific family studies which are directed to the practical solution of the modern family problems. It is noted that the European scientific centers for family studies and researches play a significant role in the scientific maintenance of European family policy.

Key words: European family policy; family policies, family politics; family transformations, family structure, family life styles, demographic changes; gender roles.

References

1. Cheal D.J. Families in today's world: A comparative approach. New York, Routledge Publ., 2008. 192 p.
2. Eriksen J. Unmarried cohabitation and family policy in Norway. *International Review of Sociology*, 2001, vol. 11, no. 1, pp. 63-74.
3. Wendt C., Mischke M., Pfeifer M. Welfare states and public opinion: Perceptions of healthcare systems, family policy and benefits for the unemployed and poor in Europe. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA, Edward Elgar Publ., 2011.
4. Kaufmann F.-X. Politics and policies towards the family in Europe: A framework and an inquiry into their differences and convergences. *Family life and family policies in Europe: Problems and issues in comparative perspective*. Oxford, OUP Publ., 2002, vol. 2.
5. Hantrais L. Family policy matters: Responding to family change in Europe. Bristol, The Policy Press Publ., 2004.
6. Pfau-Effinger B. Practice of the cross-national analysis of gender mode. *Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]*, 2000, vol. 26, no. 11, p.24.
7. Chernova Zh.V. Semeinaia politika v Evrope i Rossii: gendernyi analiz [Family policy in Europe and Russia: Gender analysis]. St. Petersburg, Norma Publ., 2008. 328 p.
8. Revillard A. Work/family policy in France: From state familialism to state feminism? *Gender mainstreaming and family policy in Europe: Perspectives, researches and debates*. Macerata, Universita di Macerata Publ., 2007.
9. Zubchenko L.A. Family policy in France. Aktual'nye problemy Evropy. Sb. nauch. tr. [Actual problems of Europe. Coll. sci. works]. Moscow, INION RAN Publ., 2009.
10. Sinitsa A.L. Trud po ukhodu za det'mi doshkol'nogo vozrasta: sochetanie domashnei i obshchestvennoi form [Works on care of children of preschool age: combination of house and public forms]. Moscow, TiRu Publ., 2012. 176 p.
11. Bave J.V. Subreplacement fertility in the West before the baby boom: Current and contemporary perspectives. Available at: <http://www.vub.ac.be/SOCO/demo/papersonline/IDWP2008-1.pdf>. Accessed April 21, 2013.
12. Carlson A.C. The Swedish experiment in family politics, the Myrdals and the interwar population crisis. New Brunswick, NJ, Transaction Publ., 1990. 235 p. (Russ. ed.: Karlson A. Shvedskii eksperiment v demograficheskoi politike: Gunnar i Al'va Miurdali i mezhoennyyi krizis narodonaseleniia. Moscow, Mysl' Publ., 2009. 312 p.).
13. Toulemon L., Pailhé A., Rossier C. France: High and stable fertility. *Demographic Research*, 2008, vol. 19, no. 16, pp. 503-556.
14. Campiglio L. Market's sins and the European welfare state: Theory and empirical evidences. Internal Meeting of the European Sociological Association research network "Sociology of Families and Intimate Lives". Milan, September 14, 2012.
15. Sheviakov A.Iu. Inequality and forming of the new social policy of the state. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*, 2008, vol. 78, no. 4, pp. 304-313.
16. Abortion history. The attitude to abortions at different times in various countries. *Zhenskoe mnenie [Female opinion]*. Available at: <http://zhenskoe-mnenie.ru/>. Accessed May 01, 2013. (in Russ.).
17. Crespi I. Gender mainstreaming and reconciliation policies in Europe: Perspectives and dilemmas. *Gender mainstreaming and family policy in Europe: Perspectives, researches and debates*. Macerata, Universita di Macerata Publ., 2007.
18. Kuijsten A. Variation and change in the forms of private life. *Family life and family policies in Europe: Problems and issues in comparative perspective*. Oxford, OUP Publ., 2002, vol. 2.
19. Ferrarini T. Families, states and labour markets: Institutions, causes and consequences of family policy in post-war welfare states. Cheltenham, Edward Elgar Publ., 2006.

20. Family Policy in the UK. Available at: <http://www.york.ac.uk/inst/spru/research/nordic/ukpolicy.pdf>. Accessed April 21, 2013.
21. Pogorel'skaia C.V. Some features of the family policy in Germany. Aktual'nye problemy Evropy. Sb. nauch. tr. Vyp.: Gosudarstvennaia semeinaia politika evropeiskikh stran [Actual problems of Europe. Coll. sci. works. Pt.: State family policy of the European countries]. Moscow, INION RAN Publ., 2009, iss. 2, pp. 112-128.
22. Pankratov S. "The kitchen award" upset the German politicians. Available at: http://radiovesti.ru/article/show/article_id/72816. Accessed May 01, 2013. (in Russ.).
23. Public spending on family benefits. Available at: <http://www.oecd.org/>. Accessed May 08, 2013.
24. RN13 – Sociology of families and intimate lives. Available at: <http://www.europeansociology.org/>. Accessed April 21, 2013.
25. Developments in National Family Policies in 1995. The European Observatory on National Family Policies. Commission of the European Communities, Social Policy Research Unit, University of York, 1996.
26. Funabashi K. Welfare Mix for Child Care in France and Japan. Internal Meeting of the European Sociological Association research network "Sociology of Families and Intimate Lives". Milan, September 14, 2012.
27. Lewis J., ed. Children, changing families and welfare states. Cheltenham, Edward Elgar Publ., 2006. 308 p.
28. Stepanova M.N. State family policy in countries of Western Europe (1990s – 2000s). Politicheskie Issledovaniia [Political Studies], 2010, no. 5, pp. 88-95.
29. A revolution in family policy. Available at: <http://comment.rsablogs.org.uk/2012/08/28/revolution-family-policy/>. Accessed April 21, 2013.
30. Kravchenko S.A. Stanovlenie slozhnogo obshchestva: k obosnovaniiu gumanisticheskoi teorii slozhnosti [The becoming of a complex society: On justification of the humanistic theory of complexity]. Moscow, MGIMO-Univ. Publ., 2012. 306 p.
31. REDIF. Red Europea de Institutos de Familia. Available at: <http://www.upcomillas.es/redif/default.aspx>. Accessed May 08, 2013.
32. Noskova A.V. Family facing the challenges of the globalized world. Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies], 2013, no. 5.
33. ESFR 6th Congress (European Society on Family Relations). Available at: <http://www.congrex.no/esfr2012/>. Accessed May 08, 2013.
34. European Congress on Family Science. Available at: <http://www.familyscience.eu/>. Accessed May 08, 2013.

About the author

Antonina V. Noskova – Doctor of Sociology, Professor in the Department of Sociology of Moscow State Institute of International Relations. E-mail: avnoskova@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНОЕ МИРОВИДЕНИЕ В ДВУЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.А. Иовенко

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируется понятие «национально-культурное мировидение» в преломлении к двуязычной коммуникации, выявляются особенности национально-культурной картины мира носителей испанского языка, устанавливаются релевантные для перевода типы расхождений между мировидениями испаноязычного и русскоязычного лингвоэтнических сообществ. Например, испанские тексты средств массовой информации насыщены особыми «экзотическими» лексическими единицами, яркими стилистическими оборотами, образными выражениями, синтаксическими конструкциями и текстовыми структурами, которые при их употреблении в звучащей или в письменной речи оказываются непривычными и неожиданными для носителей русского языка. Часто используется лексика, «чуждая» описываемой в тексте предметной сфере. Отмечена высокая частотность использования моделей неологизации и сочетаемости лексем событийной семантики. Определяются пути преодоления национально-культурных различий для адекватного перевода политических, юридических, экономических текстов с испанского языка на русский. Сделан вывод о том, что дифференциал проявлений национально-культурных мировидений лингвоэтнических общностей является четвертой онтологической причиной различий между языками.

Ключевые слова: национально-культурное мировидение, испанский язык, медийные тексты, перевод.

Мировидение, национально-культурное мировидение, концептуальная картина мира, языковая картина мира – понятия, которые на протяжении последних 200 лет занимают умы философов и лингвистов. Термин *мировидение* (нем. *Weltansicht*) в его лингвофило-софском осмыслении ввели в научный обиход в начале XIX в. выдающиеся немецкие ученые Фридрих Шеллинг и Вильгельм фон Гумбольдт. Для них, как и для их последователей неогумбольдтианцев, особое духовное и психологическое мировидение народа существует исключительно в неразрывной связи с идиоэтничностью родного языка, в котором заложено своеобразное восприятие окружающего мира. «Каждый язык в его содержаниях, – утверждал В. фон Гумбольдт, – обладает собственной картиной мира, присущим ему космосом понятий и мыслительных форм. Язык не является просто средством общения, он выражение духа и мировидения говорящего».

Развивая эту мысль, В. Гумбольдт настаивал на том, что «всякий язык описывает вокруг нации, к которой он относится, круг, выйти за пределы коего он может лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Изучение чужого языка является приобретением новой точки зрения в имевшемся до того мировидении, ибо всякий язык содержит всю ткань понятий и способов представления одной части человечества».

Картина мира, согласно немецкой лингвофило-софской традиции научного знания, представлена в родном языке и воспринимается его носителями как нечто естественное. Пребывая во власти родного языка, человек оказывается в плену языкового реализма понятийного мира родного языка. Картина мира включает в себя определенную, «естественную» философию, систему ценностей, когнитивные модели, специфические закономерности поведения. Тип видения мира предполагает некоторую совокупность мыслительных схем, элементов ценностной ориентации, систему моделей действия и поведения.

Картина мира имеет познавательную природу и моделируется в человеческом сознании посредством языка. Картину мира невозможно понять, не обращаясь к языку: картина мира порождается сознанием, которое реализует ее, используя язык в качестве посредника. Именно через язык мы воспринимаем картину мира языкового коллектива. Язык, будучи концентрированным выражением картины мира лингвоэтнического сообщества, фиксирует миропонимание, связанное с культурой. Таким образом, миропонимание представляет собой интегрирующее звено между языком и культурой.

С одной стороны, видение мира закреплено в языке, а с другой – язык в известной степени сам «навязывает» языковому сообществу то или иное мировидение, активно участвуя в формировании нашего восприятия объективного мира. Однако мировидение образуется не языком, а познанием. Разным языкам не соответствуют разные типы познавательных процессов. Формирование

различных языковых картин мира обусловлено прежде всего сознанием в его познавательной деятельности и самой объективной действительностью. Языковая картина мира реализует концептуальную картину мира, которая есть вторичное существование объективного мира. Языки не отражают объективный мир, а фиксируют и преломляют его, закрепляя в языковых картинах особенности мировидения своего народа и его концептуальной картины мира.

Каждая национальная целостность – народ, страна, культура – имеет особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей. Именно поэтому, осуществляя перевод, следует делать поправку на национально-культурную систему понятий и ценностей, то есть учитывать тот факт, что представители другого народа видят мир несколько иначе, чем мы, носители родного языка и участники своего родного культурного пространства. Владимир Набоков на вопрос: «Как он себя чувствует при переходе с русского языка на английский и наоборот?» – ответил: «Я открываю новый мир и испытываю интеллектуальное счастье».

Языковые картины мира и особые речевые языковые ментальности различных народов, формируемые особенностями мышления, познания и спецификой отражения и «членения» мира в культуре и языке, проявляются в текстах на иностранных языках, которые имеют национальную окраску и выходят за пределы речевой нормы родного языка (но лишь с точки зрения носителей родного языка). В основе национально обусловленного видения мира – глубинные когнитивные структуры, которые связаны с общностью логического строя мысли. Язык выступает инструментом для структурирования действительности при ее отображении человеком и в известной степени «принуждает» индивидуумов использовать определенные речемыслительные способы восприятия действительности. И хотя логические закономерности мышления формируют универсальный аспект языков, они не всегда реализуются в аналогичных языковых структурах.

Образно говоря, каждый язык по-разному членит окружающий мир при наложении конкретной языковой схемы на внематематический опыт и способы его восприятия, преломляемые сквозь мышление. Поэтому членам каждой лингвоэтнической общности свойственны собственное национальное мировосприятие и особые типы номинации, которые находят отражение не только в языковой семантике, но и в моделях образного представления мира.

В контексте исследования национально-культурного мировидения не утратила своей актуальности мысль В. фон Гумбольдта и его последователей: не существует более надежного средства осознать внутреннюю форму своего собственного языка, кроме как перенестись полностью в мир другого языка и обнаружить индивидуальную картину мира этого другого языка в сравнении с иными языками. Изучая иностранный язык, можно

объяснить особенности культуры носителей этого языка и, наоборот, изучая культуру того или иного языкового сообщества, можно понять и объяснить особенности языка, на котором говорят члены данного языкового сообщества.

Перевод, будучи межъязыковым и межкультурным посредничеством, является инструментом двуязычной межнациональной коммуникации, то есть такого общения, при котором взаимодействуют субъекты, принадлежащие к разным национальным культурам. Именно в процессе перевода ярче всего проявляются этнокультурные особенности контактирующих мировидений. Перевод успешен и адекватен, когда носители разных языков и культур не только осознают, что они «другие», но понимают и толерантно воспринимают «чужеродность» партнеров по двуязычной коммуникации, национальное своеобразие их языковой картины мира.

Язык в известной степени формирует духовное своеобразие народа и его психологию. Поэтому народный характер можно отчасти раскрыть и через проникновение в структуры и единицы языка. Каким образом наиболее яркие черты столь трудноуловимых понятий, каковыми являются национальный характер и национальная культура, отражаются в языке? И наоборот, отражением каких национальных особенностей, типичных черт народа являются уникальные номинации языка? Когда речь заходит об испанцах, то многие зарубежные и отечественные специалисты говорят об «особой испанской манере бытия», «общей испанской неповторимости», «уникальном испанском мире». Некая закономерность, свойственная только жителям Испании, заставляет испанцев в совершенно определенном ключе воспринимать любые события и действовать не так, как поступили бы на их месте представители других народов.

Среди важных особенностей испанского коллективного сознания отмечается их пиетет перед прошлым: значимые события настоящего практически всегда интерпретируются и оцениваются с оглядкой на события и установления прошлого. В основе испанского характера лежат индивидуализм, эмоциональность и общительность. К другим традиционным чертам национального характера жителей Испании, к их психологическим и культурным особенностям относят праздность, жизнерадостность, экспрессию чувств, экстравертность, темпераментность, мир дуэнде, который является одним из главных и самых таинственных концептов испанского национально-культурного мировидения. Хосе Ортега-и-Гассет указывал на то, что испанцы не мыслят своей жизни без постоянного общения, они всегда готовы прийти на помощь. Испанцев интересует не действие, а порыв, подвиг, не труд, а праздник. Жизнь воспринимается ими страстно, напряженно, восторженно. Не этими ли качествами испанского национального характера объясняются некоторые особенности самого испанского языка?

Испанская модель мировидения, равно как русская модель мировидения, а также испанская языковая картина мира и русская языковая картина

мира находят выражение не столько в отдельных языковых единицах, сколько в речевых произведениях на этих языках. Например, носители русского языка и русской культуры могут увидеть испанский образ мира глазами испанцев, но для этого русским необходимо «обрести» добавочное зрение и переступить порог их речевого и языкового сознания, поскольку с каждой национальной картиной мира связан свой собственный способ мировидения, одним из генезисов которого выступает специфика национального характера.

Противником такого подхода являлся М.М. Бахтин, который полагал неверной мысль о том, что для лучшего понимания чужой культуры надо как бы переселиться в нее и, забыв свою (невольно задаешься вопросом: зачем при этом забывать свою культуру? – В.И.), глядеть на мир глазами этой чужой культуры. Впрочем, далее отечественный мыслитель признавал, что известное вживание в чужую культуру, возможность взглянуть на мир ее глазами есть необходимый момент в процессе ее понимания, но если бы понимание исчерпывалось одним этим моментом (почему понимание должно исчерпываться одним этим моментом? – В.И.), то оно было бы простым дублированием и не несло бы ничего нового и обогащающего. В то же время высказывание М.М. Бахтина о том, что «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже», говорит о том, что он являлся скорее сторонником, нежели противником идеи о взгляде «извне». Как не вспомнить в этой связи высказывание испанского философа Мигеля Унамуно: «Пока народ будет говорить по-испански, он также будет думать и чувствовать по-испански» (*«Mientras un pueblo hable español, sentirá y pensará en español también»*).

Идиоматичное владение иностранным языком и оптимальный перевод предполагают не только преодоление «навязываемых» родным языком и речью способов восприятия действительности, но и овладение приемами иноязычной интерпретации окружающего мира. Переводчик должен уметь преодолевать понятийные стереотипы исходного языка, чтобы «оказаться» в языковой картине мира переводящего языка. Существующие в каждом языке на стыке когнитивных, языковых, речевых и социокультурных структур речемыслительной деятельности особенности национального восприятия и номинации формируют национально-психологический или этноречевой компонент коммуникации. Этноречевая линия детерминации переводческих решений срабатывает чаще всего при переводе художественных и публицистических текстов и порой оказывается весьма релевантной.

Таким образом, в качестве неперемного условия достижения адекватного перевода выступает профессиональное умение опытных переводчиков преодолевать понятийные стереотипы и национально-культурные традиции коммуникации на исходном языке для того, чтобы «оказаться» в языковой картине мира носителей переводящего языка. Переводные тексты, в которых

не учтены национально-культурные особенности речевой коммуникации на переводящем языке, воспринимаются его получателями не вполне естественными и не могут рассматриваться как полностью адекватные.

Профессиональные переводчики часто встречаются в текстах на иностранных языках особые лексические единицы, стилистические обороты, образные выражения, синтаксические конструкции и текстовые структуры, которые в звучащей или в письменной речи оказываются непривычными и неожиданными для нас, носителей русского языка: *el inquilino del Palacio Corondolet*; *el Ministerio de Exteriores israelí, alérgico a toda injerencia en sus asuntos internos*; *protagonizar la cumbre*.

Странно выглядели бы эти испанские номинации в переводах на русский язык, если бы переводчики сохранили их буквальное наполнение: *el inquilino del Palacio Corondolet* – *квартирант дворца Корондолет* вместо *хозяин дворца Корондолет* или *эквадорский президент*; *el Ministerio de Exteriores israelí, alérgico a toda injerencia en sus asuntos internos* – *министерство иностранных дел Израиля, у которого вызывает аллергию любое вмешательство в свои внутренние дела*, вместо *министерство иностранных дел Израиля, которое не приемлет* любое вмешательство в свои внутренние дела; *protagonizar la cumbre* – *протонизировать* встречу на высшем уровне вместо *стать главным действующим лицом* встречи на высшем уровне.

Между тем подобные феномены, сам факт их появления в речи и обоснование с различных точек зрения – носителей родного языка, носителей иностранного языка, специалистов в области контрастивной лингвистики и, наконец, теоретиков перевода и практикующих профессиональных переводчиков – не подпадают ни под одну из традиционно признаваемых современной лингвистикой и теорией перевода причин расхождений между различными языками. А именно расхождений на уровнях языковых систем, языковых норм и речевых норм (узусов). Иными словами, подобные речевые номинации оказываются тем, что остается «за вычетом» общепризнанных «классических» причин межъязыковых различий. Обусловленность таких номинаций мы усматриваем в неповторимом национально-культурном мировидении, свойственном каждому языковому сообществу. «Экзотические» для иноязычного получателя языковые номинации на исходном языке представляют собой еще одну, ту самую «ускользающую» до сих пор от исследователей, *четвертую причину расхождений* между языками.

Дифференциал национально-культурных мировидений различных языковых сообществ, вступающих в переводческое посредничество, с которым столь часто и в разных проявлениях сталкиваются профессиональные переводчики, заставляет нас повысить статус этноречевого детерминанта коммуникативной деятельности переводчика. Этот детерминант претендует на роль полноценного и

самостоятельного фактора адекватного перевода. Важнейшим его отличительным признаком является интегративный характер, поскольку его действие распространяется, помимо собственно национально-психологического компонента, также на культурологический, текстовый и реченормативный детерминанты.

Манифестации национально-культурных мировидений членов различных лингвоэтнических общностей формируют национально-культурный дифференциал, который подлежит нейтрализации в процессе перевода. Остановимся на некоторых проявлениях испанского мировидения, релевантных для перевода. Испанские медиатексты насыщены лексикой, употребление которой во многих ситуациях связано с особыми лингвокультурными традициями испаноговорящего сообщества и непривычно для русских читателей и слушателей. Речь идет о разножанровой и неожиданной лексике (если говорить о речевых традициях и ожиданиях членов иной лингвокультурной общности), которая используется журналистами, пишущими на испанском языке, в коннотативно-нейтральных ситуациях либо в текстах, где описываются события повышенной общественной значимости. Подобная «обычная» или не совсем «обычная» (для обладателей иного национально-культурного мировидения) лексика заимствуется авторами испаноязычных медийных текстов из предметно-тематических и жанровых сфер, не относящихся к описываемым событиям. Такими гетерогенными сферами для нейтрального политического или экономического дискурса могут стать медицина, спорт, явления природы, физика, архитектура, военное дело и другие области человеческой деятельности.

Семантический диссонанс, возникающий на контрасте «нейтрального» смысла и коннотативно окрашенной разножанровой лексики, фиксирует в испанских текстах одну из наиболее ярких особенностей испанского национально-культурного мировидения. Следствием невозможности использования в переводном тексте аналогичных по своему предметно-тематическому и жанрово-стилистическому статусу русских эквивалентов для «неприемлемых» (с точки зрения носителей русского языка) испанских слов и выражений становятся вокабулярные адаптации, а именно: лексические добавления и/или лексические замены в тексте перевода, которые обеспечивают более «сдержанный» лексический стандарт русского медийного пространства.

При лексических заменах вместо необычных испанских слов или выражений используются русские лексические обороты, которые более уместны в публицистических текстах на русском языке и отвечают речевым предпочтениям пользователей русского политического дискурса. Прием лексического добавления заключается в том, что в переводной текст вводится дополнительное слово или словосочетание, что придает русскому тексту необходимую прагматическую и стилистическую корректность. Ситуация услож-

няется в тех случаях, когда в испанском тексте появляется лексика, тематически «чужеродная» описываемой предметной ситуации, иными словами, лексика, место которой – в иных тематических и жанровых сферах: *Varios intentos de **contener la hemorragia*** (букв.: «сдерживать кровотечение») *de crudo resultaron para BP un fracaso y hubo que emprezar de cero.* – Несколько попыток **перекрыть утечку нефти** не увенчались успехом, и BP должна была начать все сначала.

Медицинский термин *hemorragia* придает испанскому информативному тексту особую метафоричность и создает яркий образ. Вряд ли можно представить себе, что при описании аналогичной ситуации на русском языке в тексте появится слово «кровотечение». Медицинские термины, обозначающие тяжелые, порой опасные для жизни человека заболевания, находят все более широкое распространение на страницах испанских средств массовой информации в рамках политического, экономического, юридического дискурсов. Обращает на себя внимание частое использование на страницах испанской периодической печати существительного *colapso*: *El FMI alerta de otro **colapso financiero*** (букв.: «финансовый коллапс») *por la fragilidad de la banca europea.* – МФВ предупреждает о грядущей новой **финансовой катастрофе**, вызванной хрупкостью европейской банковской системы.

Терминологическая «чужеродность», приводящая к семантическому диссонансу, выполняет важную стилистическую функцию, направленную на усиление экспрессии и привлечение внимания читателей к экстраординарным явлениям и событиям, как правило, со знаком «минус». Всплеск интереса со стороны испанского медийного сообщества к тематически гетерогенной лексике совпал по времени с мировым финансовым кризисом. Терминология из предметно-тематических областей, не свойственных описываемым ситуациям, все чаще стала заменять традиционные экономические термины или пополнять их список: *En medio de **la tarde de infarto*** (букв.: «инфарктный вечер») *de ayer en Atenas, el recién investido vicepresidente de la Comisión Europea y el Comisario del euro, salió a reclamar “un gobierno de unidad nacional” a los griegos.* – Вчера в Афинах в условиях **острого кризиса** только что назначенный заместитель председателя Европейской комиссии и комиссар по вопросам евро призвал греков «сформировать правительство национального единства». *Grecia tiene un 16% de paro, menos que España, pero su economía no sale del **coma*** (букв.: «кома») *visto el **termómetro*** (букв.: «термометр») *de la crisis.* – Покажите безработицы в Греции, составляющий 16%, ниже, чем в Испании, однако греческая экономика не выходит из **крайне тяжелого состояния**, о чем свидетельствуют **показатели кризиса**.

Не является ли это обстоятельство свидетельством особых, неповторимых черт испанского и латиноамериканского характера, таких, как стремление к эпатажу, преувеличенное эмоциональное отношение к непростым жизненным ситуациям, образность мышления и проведение мыслительных

и вербальных параллелей с явлениями иной предметной области, нестандартное видение происходящего в окружающем мире? Впрочем, и в отечественной журналистике, и не в последнюю очередь под влиянием современных западных средств массовой информации, встречается слово «кома» в указанном значении. Приведем пример: «Не исключался едва ли не **апокалиптический** (sic!) вариант – распад партии на несколько группировок или ее многолетняя политическая **кома**».

Для медийной сферы, где функция воздействия во многих случаях преобладает, языковые и речевые нормы, как это ни парадоксально звучит, востребованы также и для того, чтобы их можно было нарушать, обыгрывать, создавать неожиданные коннотации, яркие стилистические приемы, новые оттенки значений. Похоже, драматичность ситуации в финансовой и экономической сферах вынуждает испаноязычных авторов, которым уже не хватает языковых средств, прежде всего лексических, имеющих в распоряжении той или иной предметной области, выходить за очерченные границы установленных жанрово-тематических предписаний. Подключение неожиданных языковых ресурсов для описания новых вызовов времени – один из ответов носителей испанского языка на постоянно меняющийся калейдоскоп мировой жизни.

Другая предметная область, терминология которой становится привычной для испанской прессы при описании политических событий, – природные и физические явления. Использование слов, обозначающих эти явления, обусловлено, в частности, «нестандартными» в интеллектуальном отношении действиями (*el duelo catódico*): *Rubalcaba y Rajoy han vuelto a revisar ahora **el duelo catódico*** (букв.: «катодная дуэль») *de 2008.* – Рубалькаба и Рахой повторили **сейчас острую словесную дуэль 2008 г.**

Обозначения стихийных бедствий вкупе с прилагательными экономической семантики создают стилистический эффект и вписываются в национально-культурное мировидение испанцев: *A su vez, la mayor distancia que ambas economías han puesto respecto del mercado financiero mundial ha rendido sus frutos. Los remezones en el centro del sistema llegan a nuestra periferia no como tsunamis sino como olas fuertes y encrespadas, **turbulencias*** (букв.: «турбулентность») *pero que se pueden **surfear*** (букв.: «заниматься серфингом»). – В свою очередь, **большая дистанция, которую установили обе экономики в отношении мирового финансового рынка, принесла свои плоды. Отголоски от подземных толчков в центре системы приходят к нам не в виде цунами, а в виде сильных, внахлест, волн, водоворотов**, которые, однако, можно **преодолеть, поймав волну**.

Глагол *surfear*, как и прилагательное *maratónica*, демонстрирует потенциал спортивной терминологии в испанских политических и экономических текстах: *El presidente Álvaro Uribe Vélez cerró ayer tres días de **una maratónica gira*** por Washington. – Президент (Колумбии) Альваро Урибе Велес завершил **вчера насыщенный мероприятиями трехдневный визит** в Вашингтон. Испанские журналисты не забывают и о военной терминологии, помещая ее в

контексты, в которых не всегда описываются боевые действия. Неожданное, с точки зрения русскоязычных получателей, появление военной лексики в «миролюбивом» дискурсе отвечает ожиданиям испаноязычной аудитории и придает повествованию особую эмоциональность: *Su audacia y el éxito del rescate le permitieron ascender en los sondeos hasta un 63% de aprobación y catapultaron* (букв.: «катапультировали») *al ministro Golborne como un posible candidato de la derecha a las elecciones presidenciales de 2013.* – Его смелость и успех спасательной операции повысили его рейтинг в опросах общественного мнения до 63% и **привели к выдвижению** министра Голборна в качестве возможного кандидата правых на президентских выборах 2013 года. Использование не самого «политкорректного» глагола *catapultar* в контексте упоминания о высокопоставленных политических деятелях (*catapultaron al ministro Golborne*) иллюстрирует языковую толерантность испанского мировидения.

Особое место в испанской национально-культурной картине мира занимает тематика, связанная с избирательной кампанией и выборами. Речь идет, прежде всего, о существительном *urnas*, которое весьма часто встречается на страницах испанских газет и журналов в событийном оттенке значения, не свойственном русскому существительному урна: *En apenas 15 días, italianos y griegos han visto como la crisis de la deuda soberana tumbaba como ramitas en medio de un vendaval los Gobiernos que habían surgido de las urnas* (букв.: «возникли из урн»). – Всего лишь за 15 дней итальянцы и греки свидетелями того, как в результате долгового кризиса рухнули, словно ветки дерева под напором ураганного ветра, правительства, которые **пришли к власти по итогам выборов**. *Kosor, líder conservadora recientemente aplastada en las urnas* (букв.: «раздавленная в урнах») *por el socialdemócrata Milanovic, aseguró no tener dudas de que su país asumirá plenamente el acervo comunitario.* – Лидер консерваторов Косор, которая недавно **проиграла на выборах** социал-демократу Милановичу, заверила, что у нее нет сомнений в том, что ее страна (Хорватия) воспримет в полном объеме достояние ЕС.

Из вышесказанного вытекает важный практический вывод: в переводах с русского языка на испанский политических, экономических, юридических текстов, в которых описываются события повышенной социальной значимости, желательно использовать слова «чужеродной» предметно-тематической принадлежности. Однако ими не следует злоупотреблять, поскольку формируемый при этом семантический диссонанс, который погружает получателей переводных текстов в востребованное испаноязычной аудиторией национально-культурное мировидение, эффективен своим точечным воздействием, а не размытой по всему тексту перевода имплементацией слов и выражений, заимствованных из иных понятийных сфер.

Испанские публицистические тексты насыщены яркими, неожиданными для нас стилистическими оборотами. Их буквальный перевод вызывает у русскоязычных читателей недоумение, поскольку

аналогичным текстам на русском языке свойственна, как правило, стилистическая сдержанность и языковая умеренность. При переводе уместными оказываются переосмысления ярких стилистических образов. Однако национально-культурная адаптация коммуникативного замысла автора переводимого текста к мировидению лингвокультурной общности, в интересах которой создается текст перевода, приводит, как правило, к утрате национально-культурной составляющей авторского задания: *No hay duda de que Estados Unidos ha visto drenado su liderazgo mundial* (букв.: «/США/ увидели дренированным свое мировое господство») *luego de la intervención bélica en Irak.* – Нет сомнения в том, что **заметно ослабили позиции Соединенных Штатов как мирового лидера** после военного вторжения в Ирак.

Стилистическим канонам испанского языка свойственны известная категоричность суждения, «громкие» слова, излишний пафос и высокий «штиль». Использование испаноязычными авторами «броских» образов обусловлено их ориентацией на привычные ожидания испаноязычной аудитории, которые связаны с преодолением этнокультурных стереотипов. Яркие черты национального характера испаноговорящих народов – экспрессия чувств, живость темперамента, образное мышление – преломляются в выражениях с яркими, запоминающимися стилистическими образами. С другой стороны, коннотативно окрашенные обороты представляют языковое и речевое отражение уникальных национальных черт народов, говорящих на испанском языке.

Все это вынуждает переводчиков переформулировать нестандартные способы выражения идей авторов испанских медийных текстов с целью обеспечить русским читателям жанрово-стилистическую приемлемость восприятия. Переводческое переформулирование затрагивает, разумеется, приемы языковой номинации и не должно искажать компоненты авторского замысла. Нередко в переводах на русский язык приходится снижать в разумных пределах стилистический регистр даже всей испанской фразы. Речь идет о высокопарных, излишне образных выражениях, усложненных синтаксических конструкциях, столь характерных для речи испанцев и непривычных для русских читателей и слушателей. Приведем пример перевода на русский язык фрагмента выступления председателя избирательной комиссии небольшой латиноамериканской страны: *Aún queda una hora y como en nuestro país las sorpresas son la regla y no la excepción, es mejor no dar a ningún rival por vencido hasta que termine el último asalto* (букв.: «до тех пор пока не закончится последний штурм»). – **Еще остается один час, и, поскольку в нашей стране сюрпризы – правило, нежели исключение, лучше не объявлять о поражении любого кандидата до тех пор, пока не будут закрыты избирательные участки и подсчитаны все бюллетени.**

Национально-культурную обусловленность мы усматриваем также в распространенной в современном испанском языке синтаксической модели

«существительное + прилагательное», первый компонент которой (существительное) имеет событийную семантику, а второй (прилагательное) – может передавать значение событийности, обозначать имя собственное (как правило, фамилию известного политического деятеля) или топоним.

Своеобразие этой модели придают именно прилагательные, которые в испанских текстах используются в событийном значении, не свойственном по определению этим прилагательным, и прежде всего тем из них, которые образованы от имен существительных событийной семантики: *formación de los procesos decisinales* (букв.: «решенческие» процессы) – формирование **процессов принятия решений**, *análisis economicista* (букв.: «экономистический» анализ) – **анализ состояния экономики**, *referéndum soberanista* (букв.: «суверенитетский» референдум) – **референдум по вопросу о предоставлении суверенитета**, *represión mediática* (букв.: «медиатический» отклик) – **отклики в средствах массовой информации**, *candidato electoral* (букв.: «электоральный» кандидат) *del PSOE* – **кандидат на (парламентских) выборах от ИСПИ**; *los apoyos electorales* (букв.: «электоральные» поддержки) – **поддержка на выборах**; *alcanzar un triunfo reivindicativo* (букв.: «требуемый» триумф) – **добиться успеха в борьбе за удовлетворение справедливых требований**.

Благодаря одновременному использованию двусобытийных имен в рамках одной конструкции достигается семантическая емкость фразы. Компрессия средств языкового выражения при содержательной насыщенности и стилистической выразительности делает фразу динамичной и стилистически экспрессивной. На страницах испанских газет и журналов нередко можно встретить новые слова, которые не зафиксированы испанскими толковыми словарями. Этот факт говорит о том, что испанские журналисты в целом чаще и легче создают неологизмы, используя основы уже существующих лексем и разветвленную систему суффиксальной деривации в испанском языке. Разумеется, неологизация не является следствием абсолютного субъективного «произвола» их испанских авторов, а опирается на очевидный повышенный словообразовательный потенциал испанского языка.

Подтверждением значительности словообразовательных ресурсов современного испанского языка в области медийных текстов служит следующий фрагмент связного текста. Существительное *marianismo* и прилагательное *marianista* – неологизмы. Они образованы от имени собственного известного испанского политического деятеля (причем именно от его имени, а не фамилии) посредством продуктивных моделей словообразования: суффикса *-ismo* (для формирования имени существительного) и суффикса *-ista* (для формирования имени прилагательного). Эти две лексемы фиксируют новую политическую ситуацию в Испании, когда в результате состоявшихся в ноябре 2011 г. досрочных парламентских выборов победила Народная партия и ее лидер Мариано Рахой стал новым Председателем испанского правительства:

Los nombramientos de ayer fueron un auténtico ejercicio de marianismo puro. Los cuatro son hombres, demostrando lo poco que a Rajoy le preocupa la paridad. La primera foto del nuevo poder marianista así lo atestigua: todo trajes y corbatas. – Вчерашние назначения явились в чистом виде настоящим воплощением практических действий Мариано Рахой. – Все четверо – мужчины. И это свидетельствует о том, как мало беспокоит Рахой гендерный паритет. Это подтверждает первая фотография нового правительства Мариано Рахой: сплошь костюмы и галстуки.

Нельзя не упомянуть еще одну особенность, связанную с речевой манифестацией испанского национально-культурного мировидения. Она заключается в тенденции к повышенной семантической емкости при речевой номинативной сжатости (компрессии) испанских выражений. При этом ограничивается число фильтров и запретов сочетаемостного характера. Иными словами, испанцы во многих случаях более лаконичны. Переводческим следствием указанного явления становится необходимость обеспечения корректного языкового оформления текста на русском языке за счет лексических добавлений разного объема: *El «cableado»* (букв.: «сеть проводов») *de España puede suponer un enorme impulso renovador en un futuro no muy lejano. – Развитие в Испании информационных технологий может стать важным инновационным импульсом в не столь отдаленном будущем.*

Функцию лексического конденсирования берут на себя также испанские предлоги, которые «забирают» часть семантической информации при сохранении смыслового тождества, например: *países en dificultades* (*países que afrontan dificultades*) – **страны, сталкивающиеся с трудностями**; *elecciones a celebrarse en mayo* (*elecciones que van a celebrarse en mayo*) – **выборы, которые состоятся в мае**; *de celebrarse elecciones generales, los tories podrían obtener una mayoría absoluta (si se celebraran elecciones generales, los tories podrían obtener una mayoría absoluta)* – **если бы состоялись всеобщие выборы**, консерваторы получили бы абсолютное большинство.

Семантическая емкость на фоне номинативной сжатости достигается порой на грани нарушения лексико-семантических норм испанского языка: *Valencia cierra 262 camas hospitalarias* (букв.: «закрывает госпитальные кровати») *para ahorrar. – В Валенсии в целях экономии прекращается финансирование и прием пациентов на 262 больничные койки.*

В этой связи нельзя не согласиться с парадоксальным на первый взгляд высказыванием С.Г. Тер-Минасовой о том, что «нормы нужны для того, чтобы можно было их нарушать и таким образом обыгрывать новые неожиданные коннотации». Впрочем, гораздо ранее по этому поводу высказывался академик Л.В. Щерба, который полагал, что когда у человека чувство нормы воспитано, то тогда он и начинает чувствовать всю прелесть обособленных отступлений от нее у разных хороших писателей.

Подведем итоги. Даже те немногие проявления испанского национально-культурного мировидения, о которых мы упомянули, свидетельствуют о том, что адекватный перевод немислим без выхода за пределы своей культуры и своего языка и без устранения инерции, которую нашей мыслительной деятельности сообщает своеобразная классификация опыта родного языка и родной культуры. С другой стороны, адекватный перевод невозможен без овладения способами и приемами иноязычного и инокультурного восприятия действительности и перехода с точки зрения исходного языка и «исходной» культуры на точку зрения переводящего языка и «переводящей» культуры.

Некоторые яркие черты испанского и латиноамериканского национального характера находят отражение в лексических единицах, фразеологических оборотах, грамматических конструкциях и текстовых структурах испанского языка. И наоборот, отдельные уникальные испанские языковые и речевые номинации фиксируют проявления национального

характера испанцев и жителей Латинской Америки. Поэтому, изучая испанский язык и сопоставляя исходные испанские тексты и тексты их переводов на русском языке, можно объяснить особенности культуры носителей испанского и русского языков. И соответственно, изучая культуры испаноязычного и русскоязычного сообществ, мы постигаем и объясняем специфику языков, на которых говорят члены этих языковых коллективов.

Использование в переводах форм выражения национально-языковой картины мира того языка, на который осуществляется перевод, придает тексту перевода необходимый колорит, приводит (разумеется, при соблюдении всех остальных непереносимых условий) к созданию текста перевода, который обладает национально-культурной аутентичностью и отвечает ожиданиям его получателей с точки зрения национально-культурных стереотипов восприятия. Это позволяет избежать «русифицированного» перевода (при переводе на испанский язык) или «испанизированного» перевода (при переводе на русский язык).

Список литературы

1. Unamuno M. 1976, *Por tierras de Portugal y de España*. Madrid: Gredos. 188 p.
2. Астахова Е.В. Испания как метафора // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6. С. 60-65.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Academia, 1998. 430 с.
5. Дуран Луке Х., Монхон Посас Ф. Испанский язык и национальный характер испанцев (пример видения мира) // Язык и речевая деятельность. СПб: изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. Том 1. С. 88-99.
6. Звегинцев В.А. Прагматика, семантика и естественный язык // Сопоставительное языкознание. София, 1985. Том 10. № 5. С. 39-52.
7. Иовенко В.А. Теоретический курс перевода. Испанский язык. М.: ЧеРо, 2005. 132 с.
8. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988. 309 с.
9. Ковалишин П.Ю. Принцип междисциплинарности в исследовании языковой картины мира // Филологические науки. 2011. № 3. С. 84-92.
10. Кожановский А.Н. Быть испанцем: традиция, самосознание, историческая память. М.: Аст, Восток-Запад, 2006. 318 с.
11. Лобанова Л.П. Языковая картина мира и ее описание в философии языка В. фон Гумбольдта // Филологические науки, 2010. № 1. С. 64-74.
12. Орлов А.А. Трудные времена европейской социал-демократии: испанский пример // Международная жизнь. 2012. № 1. С. 68-75.
13. Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев: Новый Круг-Пор-Рояль, 1994. 318 с.
14. Радченко О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: КомКнига, 2006. 312 с.
15. Радченко О.А. Лингвофилософские опыты В. фон Гумбольдта и постгумбольдтианство // Радченко О.А. *Speculum vitae*: от функциональной грамматики к идиоэтнической философии языка. М.: Тезаурус, 2012. С. 9-62.
16. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. 344 с.
17. Швейцер А.Д. Контрастивная лингвистика и теория перевода // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М.: Наука, 1987. С. 157-167.

Об авторе

Иовенко Валерий Алексеевич – д. филол. н., профессор, заведующий кафедрой испанского языка, МГИМО(У) МИД России. E-mail: viovenco@rambler.ru

NATIONAL WORLDVIEW IN BILINGUAL COMMUNICATION

V. A. Iovenko

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *This article analyses the concept "national and cultural worldview" in the size of bilingual communication, examines peculiarities in mass media texts translation. The article establishes important types of divergences between Spanish and Russian worldviews which are relevant for translation, for example: abundance in Spanish mass media texts of specific and exotic national idiomatic units, bright stylistic locutions, figurative expressions, syntactic constructions, text structures which, when used in oral and written speech sound weird and unexpected for Russian native speakers. Spaniards often use words from different spheres of life (sports, medicine, warfare, etc) in political communicative situations. The research finds that the Spanish language tends to actively coin new words and combination patterns of "event" semantics. The article gives examples from Spanish-Russian translations and proposes ways to overcome divergences in the context of the Spanish worldview. The author makes conclusion that the national and cultural distinctions are the fourth reason, besides systems, norms and uses, of differences between languages.*

Key words: national and cultural worldview, Spanish, mass media texts, translation/interpretation.

References

1. Unamuno M. Por tierras de Portugal y de España [By land of Portugal and Spain]. Madrid, Ed. Gredos, 1976. 108 p.
2. Astakhova E.V. Spain as metaphor. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2011, no. 6, pp. 60-65. (in Russ.).
3. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorчества [Aesthetics of verbal creation]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p.
4. Gachev G. Natsional'nye obrazy mira [National images of the world]. Moscow, Academia Publ., 1998. 430 p.
5. Duran L.J., Monjon P.F. Spanish language and national character of Spaniards (example of worldvision). Iazyk i rechevaia deiatel'nost' [Language and Speech]. St. Petersburg, SPb Univ. Publ., 1998, vol. 1, pp. 88-99.
6. Zvegintsev V.A. Pragmatics, semantics and natural language. S' postavitelno ezikoznanie [Comparative Linguistics], 1985, vol. 10, no. 5, pp. 39-52.
7. Iovenko V.A. Teoreticheskii kurs perevoda. Ispanskii iazyk [Theory of translation. Spanish]. Moscow, ChEro Publ., 2005. 132 p.
8. Kasevich V.B. Semantika. Sintaksis. Morfologiya [Semantics. Syntax. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 309 p.
9. Kovalishin P.Iu. Principle of interdisciplinary in research of idiomatic world picture. Filologicheskie nauki [Philological Sciences], 2011, no. 3, pp. 84-92. (in Russ.).
10. Kozhanovskii A.N. Byt' ispantsem: traditsiya, samosoznanie, istoricheskaya pamiat' [To be a Spaniard: Tradition, selfconsciousness, historical memory]. Moscow, Ast; Vostok-Zapad Publ., 2006. 318 p.
11. Lobanova L.P. Idiomatic world picture and its description in language philosophy of W. von Humboldt. Filologicheskie nauki [Philological Sciences], 2010, no. 1, pp. 64-74. (in Russ.).
12. Orlov A.A. Difficult times of European social-democracy: Spanish example. Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life], 2012, no. 1, pp. 68-75. (in Russ.).
13. Ortega y Gasset J. Etiudy ob Ispanii [Essays about Spain], Kiev, Novyi Krug-Por-Roial' Publ., 1994. 318 p.
14. Radchenko O.A. Iazyk kak mirosozidanie. Lingvofilosofskaya kontseptsiya neogumbol'dtstva [Language as a world creation. Linguistic and philosophic conception of neohumboldtianism]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 312 p.
15. Radchenko O.A. Linguistic and philosophic experiences of W. von Humboldt and postgumboldtianism. Radchenko O.A. Speculum vitae: ot funktsional'noi grammatiki k idioetnicheskoi filosofii iazyka [Speculum vitae: From functional grammar to idioetnic philosophy of language]. Moscow, Tezaurus Publ., 2012, pp. 9-62.
16. Ter-Minasova S.G. Voyna i mir iazykov i kul'tur [War and peace of languages and cultures]. Moscow, Slovo Publ., 2008. 344 p.
17. Shveitser A.D. Contrastive linguistic and the theory of translation. Sopostavitel'naya lingvistika i obuchenie nerodnomu iazyku [Comparative linguistics and non-native language teaching]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 157-167.

About the author

Valery A. Iovenko – Professor, Head of Spanish Department, MGIMO-University. E-mail: viovenko@rambler.ru

Стилистический потенциал немецкого синтаксиса

Л.В. Фадеева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Рассматриваются стилистические возможности средств немецкого синтаксиса, их способность выступать не только в качестве экспрессивно-стилистических, но и функционально-стилистических средств. Цель исследования – выявление средств синтаксической выразительности, создаваемой за счет нарушения нормативной структуры предложения. Из двух противоположных структурных тенденций немецкого синтаксиса: тенденции к собранности и компактности («синтаксическое напряжение») и тенденции к «синтаксическому разрыхлению» тяжеловесного грамматического строя предложения, скованного жесткими рамками синтаксиса, наиболее активным процессом является упрощение структуры предложения, ее уподобление структуре разговорной речи. Синтаксическое «разрыхление» нормативной структуры предложения создается простым гипотаксисом, нарушением рамочной конструкции, отсутствием четкого согласования некоторых членов предложения. Анализ проводится в рамках исторического подхода и прослеживает динамику изменений грамматического строя предложения. Отказ от сложного многоступенчатого подчинения и обращение к простому предложению, представленному в виде блочных конструкций, приводит к экономии выражения, легкости восприятия и полной реализации стилистических потенций. Каждый из блоков содержит большой объем информации, члены простого предложения, расположенные на одной линии, соединяются способом номинального соположения. Однонаправленные или нанизывающие простые предложения лишены ответвляющихся компонентов. Их развитие связано с тенденцией к номинализации. Растущее воздействие обиходно-разговорной речи на немецкий литературный язык, его письменную форму, сближение с живой, естественной речью приводит к отказу от полной рамочной конструкции. При неполной рамочной конструкции ряд отрезков, составляющих предложение, образует несколько центров меньшей напряженности, тем самым «разрыхляя» структуру предложения. Нарушение рамочной конструкции всегда стилистически обосновано. Доказывается, что вынос грамматических конструкций за рамку не является новым для современного немецкого литературного языка, а представляет четкую тенденцию.

Ключевые слова: синтаксис, стилистика, рамочная конструкция, языковая экономия, приложение.

Синтаксические средства играют большую роль в порождении стилистически маркированных высказываний. Именно выразительные возможности структуры предложения, его объем, способы его распространения и членения, а также характер связей и способы сочетания предложений, абзацев, смысловых блоков между собой через своеобразие переходов от одного к другому составляют основу стилистического значения. Вопрос о соотношении между синтаксическим обликом речевого высказывания и характером его стиля находится в центре внимания синтаксической стилистики. Синтаксис и его речевые манифестации неразрывно связаны со стилем, стиль как форма является синтаксисом в широком смысле. Если языковая грамматика занимается изучением основного значения грамматического факта, нормативных синтаксических структур, в основе которых лежит инвариантность, то грамматическая стилистика исследует грамматические и стилистические различия между вариативными формами (возможные оттенки грамматического значения, различия семантико-экспрессивной стилистической окраски) и функциональное применение грамматических средств. В вариативности исходных синтаксических структур и возможных способах их варьирования проявляется гетерогенность стилистического потенциала немецкого синтаксиса как источника выразительности речи.

Стилистическая значимость синтаксических средств определяется способностью выступать в качестве экспрессивно-стилистических средств достижения выразительного эффекта высказывания и функционально-стилистических, характерных для определенного функционального стиля, создавая своеобразие, подчеркивая специфические характерологические черты того или иного стиля речи.

Ресурсы синтаксической стилистики обширны: особые случаи использования главных, второстепенных и однородных членов предложения; порядок слов; средства связи; управление; стилистически значимые структурно-семантические разновидности предложений (неполные, обобщенно-личные, номинативные, инфинитивные конструкции); употребление причастных и деепричастных оборотов; дистантное расположение обособленного определения или приложения относительно определяемого слова; средства экспрессивного синтаксиса и т.д. [5, с. 474–482].

На необходимость и целесообразность исторического подхода в изучении явлений языка справедливо указывала В.Н. Ярцева [7, с. 43]. Рассмотрение исторических изменений помогает не только разграничить языковые явления, но и показать их взаимосвязь на всех этапах развития.

К активным процессам в современном немецком синтаксисе относится так называемое «синтаксическое разрыхление» (*syntaktische Auflockerung*) нормативной структуры предложения, в результате которого отдельные члены предложения менее прочно связаны друг с другом [3, с. 154–164]. Такое упрощение структуры предложения служит источ-

ником синтаксической выразительности, сближает литературный язык с разговорным, становясь эмоциональнее, проще для восприятия. Активизации этого процесса, начавшегося во второй половине XIX в., способствовали изменения в информационной коммуникативной системе, развитие средств массовой информации: радио, кино, телевидения, появление новых каналов общения в среде интернет.

Синтаксическое разрыхление структуры предложения как процесс обратный «синтаксическому напряжению» (*syntaktische Straffung*) создается следующими средствами:

- 1) отказ от сложного многоступенчатого подчинения;
- 2) вынесение части предложения за пределы рамочной конструкции;
- 3) отсутствие четкого согласования некоторых членов предложения.

Отказ от сложного многоступенчатого подчинения (*Schachtelsätze*), обращение к простому гипотаксису, а именно простому предложению (*Einfachsatz*), представленному в виде блочных конструкций и заменившему подчинение [4, с. 78]. Преимуществом простого предложения перед вариативной подчинительной конструкцией является языковая экономия выражения и легкость восприятия. Поскольку характерной чертой данных конструкций является большой объем информации в каждом из блоков, то охват всего предложения идет от синтагмы к синтагме способом номинального соположения, под которым понимается последовательное соединение членов предложения, расположенных на одной линии. Такие предложения называют однонаправленными или нанизывающими; они лишены или почти лишены ответвляющихся компонентов предложения. Их развитие связано с тенденцией к номинализации, а они сами являются стилистическими инновациями.

Развернутое многочленное сложноподчиненное предложение отстает со времен эпохи «Бури и натиска», но особенно быстро с конца XIX в. Весьма распространены элементарные предложения небольшого размера в художественной литературе, однако причастные конструкции прочно держат в ней свои позиции, несмотря на тенденцию вытеснения данных структур из других функционально-речевых стилей.

Некоторые грамматические конструкции становятся со временем архаизмами, как например, в XVIII–XIX вв. афинитная конструкция подчиненного предложения, то есть опускание спрягаемой формы глагола в подчиненном предложении и многократно обрамленные сложноподчиненные предложения (*Schachtelsätze*), отмирание которых объясняется тем, что они усложняли целостное восприятие предложения. Но, по утверждению норвежского германиста Л. Сальвейта, строевые архаизмы с большой легкостью могут активизироваться и иногда снова начинают сравнительно широко применяться в современном языке [1, с. 98]. Такие изменения приводят, в конечном счете, к обогащению и максимальному развитию и ис-

пользованию строевых средств для передачи все усложняющегося и более многообразного как в тематическом, так и в функционально-стилевом отношении содержания, нуждающегося в языковом выражении, в частности к более полной реализации стилистических потенций, заложенных в синтаксисе разных функциональных стилей.

Вынесение части предложения за пределы рамочной конструкции, т.е. отказ от полной рамки, в которой смысл высказывания до конца предложения остается неопределенным, что создает синтаксическое напряжение. При неполной рамочной конструкции ряд отрезков, составляющих предложение, образует несколько центров меньшей напряженности, тем самым «разрыхляя» структуру предложения. Одной из причин отступления от рамочной конструкции является растущее воздействие обиходно-разговорной речи на немецкий литературный язык, его письменную форму, сближение с живой, естественной речью.

Материал, накопленный за последние десятилетия в работах по немецкому порядку слов, позволяет утверждать, что вынос определенных грамматических конструкций за рамку не является чем-то новым для современного немецкого литературного языка, а представляет собой четкую тенденцию, зафиксированную целым рядом грамматистов и стилистов. Выносы за рамку характерны не только по отношению к современному языку, но и по отношению к языку прошлого. Отдельные указания на «рамочность» как на существенную черту немецкого языкового строя делались уже с конца XIX в. Следует учесть, что широкая постановка в германистике самой проблемы рамочной конструкции как важнейшего принципа организации немецкого предложения была сделана лишь в середине 30-х гг. прошлого столетия. Существуют диаметрально противоположные взгляды на данное явление. Одни исследователи подчеркивают «антирамочные» тенденции, выдвигают тезис о том, что благодаря рамочной конструкции язык переходит от связанности к несобранности, от закрытых структур к открытым, другие ученые убеждены, что полная рамка как старая, отживающая, структура характерна для недемократических форм речи и почти отмирает.

В 50-х гг. XX в. были опубликованы наблюдения, выявившие целый ряд определенных грамматических компонентов предложения, которые обладали на прежних этапах развития немецкого языка и обладают сейчас особой склонностью к выносу за рамку предложения. А именно, подчиненные предложения, в частности определительные, которые могут при этом отделяться от тех слов, к которым они относятся, предикативные сравнения, обычно употребляемые с союзами *als* и *wie*, инфинитивные обороты, однородные члены, обособленные компоненты предложения, предложные обстоятельства и дополнения. Исследуя развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка, В.Г. Адмони подчеркивает, что «даже в XVII в. и начале XVIII в., когда формальное соблюдение рамочной конструкции

было особенно развито, инфинитивные обороты и сравнения продолжают выноситься за рамку» [2, с. 154]. Поэтому во всем обследованном материале ученому не встретилось ни одного текста, в котором выносы за рамку полностью бы отсутствовали.

Для порядка слов в немецкой обиходно-разговорной речи рамка является основной и исходной формой построения предложения, она организует типические предложения небольшого объема и употребляется там, где предложение находится в состоянии «синтаксического покоя». Лишь при увеличении количества пропозиций и усложнении состава предложения, при возникновении в нем большего числа вариационных возможностей построение предложения часто начинает отходить от рамочности. Нарушение рамочной конструкции всегда стилистически обосновано, а для наличия рамки никакой мотивировки не требуется. Она имеет место, когда нет ни особого эмфатического подчеркивания, ни дополнительного присоединения компонентов, не учтенных в момент первичного оформления высказывания, ни противопоставления друг другу двух частей высказывания, ни специфических форм, тяготеющих к выносу за рамку и т.д.

Многообразные изменения в немецком языке не колеблют его важнейшие структурные основы, а базируются на «классической» структуре немецкого элементарного предложения. А рамочная и «разрыхленная» (т.е. отказывающаяся от рамки) конструкции предложения соотносятся таким образом, что рамочная конструкция является исходной, базисной структурой, на основе которой под воздействием ряда многообразных факторов образуется система конструкций предложения с выносом тех или иных компонентов за рамку или с полным отказом от рамки.

Отсутствие четкого согласования некоторых членов предложения, например в аппозиции (приложении), субстантивном определении, которое согласуется в падеже и числе со словом, к которому относится. Структурная гибкость приложения, позволяющая ему кратко, выразительно и точно реализовать любые оттенки мысли, заложенные не только в аппозиционном сочетании, но иногда и во всем предложении, обеспечила приложению жизнеспособность на протяжении веков исторического развития языка и способствует дальнейшему возрастанию его роли в системе современного языка.

В XIX в. отсутствие согласования, т.е. употребление номинатива в приложении, было недопустимо и воспринималось как нарушение языковой нормы. В настоящее время в некоторых случаях, как, например, при указании профессии, должности, звания и т.п., номинатив в приложении стал грамматической нормой. Разрыхляя структуру предложения, свободный номинатив представляет собой парентетическую структуру, создает непринужденность речи и усиливает экспрессию, облегчает понимание говорящего и слушающего.

Аппозиция может быть выражена различными конструкциями, в которых общим является следующее:

– данные конструкции являются определением, которое зависит от существительного или даже целой именной группы Nominalphrase;

– аппозиция и определяемое слово (существительное, именная группа) согласованы между собой, у аппозиции та же форма, что и у определяемого слова. Особый характер связи между определяемым и определяющим указывает на их согласование по принципу параллелизма [6, с. 398];

– между аппозицией и определяемым словом нет соединительных элементов, таких, как предлог или союз;

– аппозиция согласуется с определяемым словом в падеже, либо употребляется в форме номинатива.

Свободная и связанная аппозиция являются стилистическими средствами, которые обогащают выразительные ресурсы языка, делая его особенно гибким для передачи тончайших оттенков мысли и чувств. С помощью свободной аппозиции достигается лучшая обозримость конструкции предложения и осуществляется эмфатическое выделение обособляемого члена предложения. В основе выразительного потенциала таких обособлений лежит компрессия информации. Обладая богатыми стилистическими возможностями и являясь средством выразительности и образности, свободные аппозиционные синтаксемы реализуют различные

виды метафоры. В художественной литературе они могут выступать лейтмотивом персонажа и всего произведения в целом.

Синтаксическая организация аппозитивных синтагм испытывает на себе влияние двух противоположных структурных тенденций немецкого синтаксиса. С одной стороны, тенденции к собранности и компактности, а с другой – к синтаксическому «разрыхлению» тяжеловесного грамматического строя предложения, скованного жесткими рамками синтаксиса. Вследствие синтаксического «разрыхления» возникают новые типы глагольной и именной рамки, тем самым упрощается структура предложения, которая уподобляется структуре разговорной речи. Таким образом, письменная норма немецкого литературного языка сближается с его живой и непосредственной разговорной нормой.

Изменения, происходящие в немецком языковом строе, не являются результатом какого-то резкого сдвига, перелома, а выступают органическим продолжением процессов, которые уже в течение столетий происходили в языке. Развиваясь и изменяясь, определенные грамматические структуры могут сохранять связь с определенными речевыми стилями, но при этом не являются прочно закрепленными только за ними, и поэтому могут употребляться в других функционально-речевых стилях.

Список литературы

1. Saltveit L. Zum Wesen des sprachlichen Archaismus / Spark og Sprakundervisning. Oslo, 1966, H.2. S. 98.
2. Адмони В.Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке. М.: Высшая школа, 1973. 175 с.
3. Ризель Э.Г. Структурные тенденции в синтаксисе современного немецкого языка // Лингвистика и методика в высшей школе. М., 1967. Вып. 4. С. 154–164.
4. Степаненко Л.Г. Стилистика немецкого языка. М.: Типография Военного института, 1979. 163 с.
5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. 695 с.
6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.
7. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. М.: Академия наук СССР, 1961. 308 с.

Об авторе

Фадеева Людмила Владимировна – к.филол.н., доцент кафедры немецкого языка, МГИМО(У) МИД России, член Российского союза германистов. E-mail: avnoskova@mail.ru

STYLISTIC POTENTIAL OF GERMAN SYNTAX

L.V. Fadeeva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with the stylistic potential of German syntactic means, their expressive–stylistic and functional–stylistic features. The study sets out to reveal the expressive syntactic means. Disorder of a proper sentence structure makes its expressiveness. In contrast to a «syntactic tension», the article analyses a «syntactic loosening» of a normative sentence structure as a current trend in German syntax, as a source of syntactic expressiveness and the most productive instrument of simplification of a sentence structure. Thus, it assimilates to the structure of the everyday language. Syntactic «loosening» of a normative sentence structure is formed by a simple hypotaxis, a failure of closed–in constructions and a lack of grammatical agreement among sentence parts. The study is carried out in the context of historical dynamics. The renunciation of a difficult multi-stage hypotaxis but using of a simple sentence as block structures leads to expression saving and easily understanding. Each of the blocks has a large amount of information. Parts of the sentence are in the same line and are united with nominal juxtaposition. Their development is closely related to the nominalization trend. The influence of colloquial speech on the literary German and its written form, closing to natural speech lead to the renunciation of closed–in constructions. The author proves that the removal of grammatical structures isn't new for the modern literary German, but it presents the perfectly sound tendency. As a result of this study, there is a conclusion that the modification of the grammatical structure isn't the result of an abrupt shift or radical turn but it is a natural continuation of a dynamic process.*

Key words: syntax, stylistics, closed–in construction, linguistic economy, apposition.

References

1. Saltveit L. Zum Wesen des sprachlichen Archaismus [The essence of linguistic archaism]. Oslo, Spark og Sprakundervisning, 1966, vol. 2, p. 98.
2. Admoni V.G. Puti razvitiia grammaticheskogo stroia v nemetskom iazyke [Ways of development of the grammatical system in German]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1973. 175 p.
3. Rizel' E.G. Structural tendencies in syntax of modern German. Lingvistika i metodika v vysshei shkole [Linguistics and Methodology in Higher School], 1967, no. 4, pp. 154–164. (in Russ.).
4. Stepanenko L.G. Stilistika nemetskogo iazyka [Stylistics of the German language]. Moscow, Military Inst. Publ., 1979. 163 p.
5. Kozhina M.N., ed. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 695 p.
6. Iartseva V.N., ed. Iazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' [Linguistics. Comprehensive encyclopedic dictionary]. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2000. 688 p.
7. Iartseva V.N. Istoricheskii sintaksis angliiskogo iazyka [Historical syntax of the English language]. Moscow, Nauka Publ., 1961. 308 p.

About the author

Liudmila V. Fadeeva – Associate Professor, Department of German Language, MGIMO-University; member of the Russian Association of Germanists. E-mail: lw_fadejewa@mail.ru

ЭКСПЛИЦИТНОЕ ПРИСУТВИЕ АВТОРА В ТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: МНЕНИЕ АВТОРА ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОГО ЕМУ МИРА

О.С. Федотова

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 390000, Россия, Рязань, ул. Свободы, 46.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с многомерностью англоязычного нарративного дискурса, в частности взаимодействие планов автора и читателя. Исследование показывает, что автор в англоязычном нарративном дискурсе открыто обращается к читателю, высказывая свое мнение по различным, не связанным с основным повествованием, вопросам, не только в XVIII и XIX вв., но и на современном этапе. Одной из тем диалога между автором и читателем является особенность современного писателя мира. При этом проблемы, волнующие авторов разных временных периодов, остаются одинаковыми. Анализ англоязычных художественных произведений показал, что это в основном общая оценка окружающей действительности, которая далека от идеала и полна трудностей, препятствий и разочарований. В целом, вступая в прямой диалог с читателем, писатель в большей степени обращает внимание на негативные стороны жизни, ее несовершенство, трагизм и опасность. Различие существует лишь в форме обращения автора к читателю. В романах конца XVIII – начала XIX в. автор в основном является независимым персонажем, который ведет диалог с читателем. Поэтому в них часто встречаются прямые обращения к читателю и личные местоимения 1-го лица единственного и множественного числа. В художественных произведениях конца XX – начала XXI в. авторские отступления более краткие и выражены в основном в виде сентенций. Временной сдвиг из прошлого в настоящее выступает маркером присутствия автора во всех рассматриваемых временных периодах.

Ключевые слова: нарративный дискурс, мнение автора, фикциональная реальность, обращение автора к читателю, сентенция, временной сдвиг.

Вопросы, связанные с изучением композиционно-языковой структуры художественного текста, привлекают внимание как иностранных исследователей [4; 6; 8; 9; 11], так и российских ученых [13 – 24]. В частности, такая особенность нарративного дискурса, как его неоднородность, которая является следствием взаимодействия планов автора, персонажей и читателя. Описывая события фикциональной реальности, автор художественного произведения не всегда остается в роли невидимого читателю рассказчика. Помимо изложения происходящих событий, он может напрямую обращаться к читателю, выражая свое мнение по поводу, непосредственно не связанному с описываемыми событиями.

Хорошо известно, что в романах конца XVIII – начала XIX в. автор зачастую проявлялся как независимый персонаж, который вел диалог с читателем. Например:

(1) The world is a looking-glass, and gives back to every man the reflection of his own face. Frown at it, and it will in turn look sourly upon you; laugh at it and with it, and it is a jolly, kind companion; and so let all young persons take their choice [10, с. 10].

Этот контекст в определенной степени «выпадает» из ткани повествования. Прежде всего меняется временной компонент: контекст относится к «настоящему» времени, то есть ко времени написания текста или же к моменту чтения текста. Формы Present Indefinite превращают авторское замечание в сентенцию или афоризм, непосредственно обращенный к читателю.

Подобные высказывания о современном автору мире довольно часто встречаются в романах Г.Филдинга и У. Теккерея. Для современных писателей такой прямой диалог автора с читателем не характерен. По крайней мере, в современном литературоведении часто отмечается, что автор отказывается от роли самостоятельного персонажа или человека, ведущего непосредственный диалог с читателем. Однако проведенное нами исследование позволило установить, что эта роль характерна не только для писателей конца XVIII – начала и середины XIX в. Так, в частности, мы встречаем мнение автора об окружающем его мире и в произведениях конца XIX в.. Рассмотрим в качестве примера контекст из романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»:

(2) There was a rather heavy bill for a chased silver Louis-Quinze toilet-set that had not yet had the courage to send on to his guardians, who were extremely old-fashioned people and did not realize that we live in an age when unnecessary things are our only necessities; and there were several very courteously worded communications from Jermyn Street money-lenders offering to advance any sum of money at a moment's notice and at the most reasonable rates of interest [12, с. 79].

Выделенное в данном примере высказывание содержит отношение автора к современному ему миру, который полон бессмысленных и ненужных вещей, в котором люди гонятся за ложными ценностями и идеалами. Здесь присутствуют

формы Present Indefinite, выводящие высказывание из поля фикционального времени. Использование местоимения *we* объединяет автора и его читателя, делая замечание писателя похожим на признание неприятных истин, которые должны заставить читателя задуматься о том, как следует жить и что следует считать подлинными ценностями.

В XX в. голос автора не исчезает из повествования, но продолжает регулярно проявляться в тексте художественных произведений. Наблюдается изменение формы авторских ремарок. Автор больше не выступает в качестве самостоятельного персонажа, ведущего диалог с читателем. Вместе с тем нельзя считать, что он полностью отходит на второй план и не присутствует в произведении. Высказывания писателя, как и раньше, носят в основном поучительный или сентенциальный характер. Рассмотрим авторские «ремарки» в диалоге с читателем на примере контекста из романа Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей», который относится к началу XX в.:

(3) Ours is essentially a tragic age, so we refuse to take it tragically. The cataclysm has happened, we are among the ruins, we start to build up new little habitats, to have new hopes. It is rather hard work: there is now no smooth road into the future: but we go round, or scramble over the obstacles. We've got to live, no matter how many skies have fallen.

This was more or less Constance Chatterley's position. The war had brought the roof down over her head. And she had realized that one must live and learn [5, с. 5].

В рассматриваемом отрезке дискурса высказанное автором мнение отражает трагизм современного ему мира, который находится в руинах после войны. Совершенно очевидно, что писатель пытается найти путь к светлому будущему, внушить людям необходимость бороться за свою судьбу, решимость подняться из руин и начать новую жизнь. Конечно, это нелегко. Не существует прямой дороги к счастью, придется идти кругом, преодолевая препятствия. Несмотря на все трудности, надо жить дальше. Контекст (3) «привязан» к событиям окружающего автора мира, поскольку он содержит явную аллюзию на Первую мировую войну. Здесь автор также переходит к формам Present Indefinite и местоимениям *we*, *our*, объединяющим автора и его читателей. Интересно отметить, что выбор слов свидетельствует о том, что автор старается сделать свое высказывание более общим, более сентенциальным. Вместо прямого указания на войну присутствует слово *cataclysm*, которое можно интерпретировать как указание на любое потрясение, а слово *ruins* может восприниматься как в прямом его смысле, так и метафорически. А поскольку потрясения случаются в жизни людей чаще, чем войны, высказывание автора становится более обобщенным, то есть применимым к более широкому кругу ситуаций.

Присутствие автора остается актуальным и в произведениях англоязычной художественной

прозы, относящихся к середине XX в. Для иллюстрации рассмотрим контекст из романа Дж. Оруэлла «1984».

(4) And what was terrifying was not that they would kill you for thinking otherwise, but that they might be right. For, after all, how do we know that two and two make four? Or that the force of gravity works? Or that the past is unchangeable? If both the past and the external world exist only in the mind, and if the mind itself is controllable what then? [7, с. 101 – 102]

В приведенном отрывке автор вмешивается во внутренний диалог своего персонажа и задается вопросами о непреложности всем известных истин. Вопросы звучат риторически. Благодаря временному сдвигу (из прошлого в настоящее) автор оказывается максимально приближенным к читателю, которого призывает к соразмышлению и поиску правильных ответов. Отметим также, что в контексте (4) диалог с читателем и явно отвлеченный характер авторских высказываний усиливается прямым обращением писателя к своему читателю – вопросами, которые задает автор.

В конце XX в. диалог автор – читатель по-прежнему занимает важное место в англоязычных художественных произведениях. Например, выделенное нами в романе Дж. Гришам «Фирма» авторское высказывание раскрывает отношение писателя к современной ему системе судопроизводства:

(5) Nothing is ever brief in court. An hour later, Tarrance moved his face closer to the window and studied the scattered bodies walking quickly in the distance [3, с. 250].

Данное замечание автора свидетельствует о том, что большинство судебных дел сильно затягиваются, намеренно запутываются. Тем, кто попадает в этот процесс, приходится нелегко, так как необходимо преодолеть всякого рода трудности. Вневременной характер высказывания проводится формами настоящего времени, что делает авторское замечание скорее репликой в диалоге с читателем.

В следующем контексте автор рассуждает о трудностях жизни в большом городе, охваченном зноем, обращаясь при этом, как можно заключить, к читателю:

(6) New York is a completely different city in August. Like living in some South American country with a corrupt and drunk dictator, skyrocketing inflation, drug cartels, dust-covered roads, clogged plumbing – where nothing will ever get better, the rains will never come.

The psyche of most New Yorkers cracks under the heat. Bad thoughts and bad feelings bubble to the surface. They lead to bad behavior, the kind New Yorkers specialize in. It's secretive. It's nasty. Relationships break up. People who shouldn't be together get together.

The city's in heat. Days of ninety-five-plus-degree weather are strung together one after the other. Everyone is cranky.

In the heat, you can't trust anyone, especially yourself [2, с. 136].

Примечательно, что автор сравнивает жизнь в знойном Нью-Йорке с жизнью в какой-нибудь южноамериканской стране. Выразительные эпитеты призваны наиболее точно передать идею автора (corrupt and drunk dictator, skyrocketing inflation, drug cartels, dust-covered roads, clogged plumbing). Можно было бы подумать, что это часть той истории, которую автор рассказывает читателю, и мы находимся в фикциональной реальности. Однако завершающее первый абзац придаточное предложение с обобщающими наречиями (ever, never) подразумевает вневременной характер сообщаемого. Во втором и третьем абзацах рассматриваемого контекста также обращает на себя внимание обобщенный характер передаваемой автором информации: most New Yorkers, Everyone is cranky, то есть речь идет о большинстве жителей города, что подтверждается также наличием безличных предложений (It's secretive. It's nasty.). В последнем предложении контекста автор, используя местоимение 2-го лица, вовлекает читателя в повествование, призывая его быть особенно осторожным и никому не доверять. Даже себе, так как окружающий мир опасен и коварен.

Вопреки общепринятому в литературоведении мнению, наше исследование показало, что автор может эксплицитно присутствовать в повествовании и в начале XXI в. Рассмотрим это на примере романа Д. Брауна «Утерянный символ».

(7) Since the beginning of time, the secret had always been how to die [1, с. 4].

Автор поднимает вопрос о существующем во все времена и у всех народов интересе к смерти, ко всему потустороннему, таинственному и непознанному. Несомненно, высказывание автора носит характер сентенции, выражающей общепризнанную истину (Since the beginning of time). Наречие always и временная форма Past Perfect (had always been) подчеркивают, что данное замечание не ограничено временными рамками. Оно в равной степени актуально для прошлого, настоящего и будущего.

Представляет интерес контекст (8), в котором автор делится с читателем своими мыслями по поводу грозящей человечеству опасности:

(8) "It's okay", the man said. "You can't be too careful these days".

"Ain't that the truth". Nuñez liked this guy. Strangely, that counted for a lot around here. Human instinct was America's first line of defense against terrorism. It was a proven fact that human intuition was a more accurate detector of danger than all the electronic gear in the world – the gift of fear, as one of their security reference books termed it [1, с. 19].

Данный пример содержит аллюзию на терроризм – проклятие конца XX в. Жизнь в современном обществе полна рисков и угроз, подвергается постоянным атакам. Люди в панике, что не могут себя защитить. Неслучайно автор прибегает к аллюзии на принимаемые меры безопасности (electronic gear). Как это обычно принято в худо-

жественной прозе XIX – XX вв., высказывание автора обращено непосредственно к читателю и представляет собой сентенцию. На афористичность высказывания указывает фраза *a proven fact*, подразумевающая доказанность, известность факта. Кроме электронных средств защиты, поднимается вопрос об известном любому человеку «шестом чувстве», помогающем распознать опасность (*human intuition, a gift of fear*).

Подводя итог, можно заключить, что для англоязычного художественного дискурса высказывание мнения автора об окружающей его действительности характерно на всем протяжении развития

англоязычной художественной литературы. При этом можно говорить о том, что основными темами является общая оценка окружающей действительности, которая далека от идеала и полна трудностей, препятствий и разочарований. В целом, вступая в прямой диалог с читателем, писатель в большей степени обращает внимание на негативные стороны жизни, ее несовершенство, трагизм и опасность. Для такого рода микроконтекстов характерна сентенциональность и – в конце XX в. (начале XXI) – терминологичность, отражающая технический прогресс и реалии жизни на рубеже тысячелетий.

Список литературы

1. Brown D. *The Lost Symbol*. London: Bantam Press.
2. Bushnell C. *Sex and the City*. London: Abacus, 2009. 245 p.
3. Grisham J. *The Firm*. New York: Island Books, 1992. 501 p.
4. Jahn M. 'Awake! Open your eyes!' The cognitive Logic of External and Internal Stories // *Narrative Theory and Cognitive Sciences*. Edited by David Herman. CSLI Stanford, California, 2003.
5. Lawrence D.H. *Lady Chatterley's Lover*. London: Penguin Books, 1997. 314 p.
6. Margolin U. *Cognitive Science, the Thinking Mind, and Literary Narrative* // *Narrative Theory and Cognitive Sciences*. Edited by David Herman. CSLI Stanford, California, 2003. P.
7. Orwell G. 1984. СПб.: КАРО, 2010. 384 с.
8. Palmer A. *Fictional Minds*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2004. 235 p.
9. Ryan M.-L. *Cognitive Maps and the Construction of Narrative Space* // *Narrative Theory and Cognitive Sciences*. Edited by David Herman. CSLI Stanford, California, 2003.
10. Thackeray W.M. *Vanity Fair*. London: Wordsworth Classics, 2001. 694 P.
11. Turner M. *Double-scope stories* // *Narrative Theory and Cognitive Sciences*. Edited by David Herman. CSLI Stanford, California, 2003.
12. Wilde O. *Picture of Dorian Gray*. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2010. 191 с.
13. Беляевская Е.Г. Текст как пространственная структура (к проблеме уровней категоризации) // *Когнитивные исследования языка*. 2010. № 7.
14. Беляевская Е.Г. Когнитивные параметры стиля // *Вопросы когнитивной лингвистики*. № 1. 2010..
15. Евтушенко О.В. *Художественная речь как инструмент познания*. М.: Языки славянской культуры, 2010. 552 с.
16. Комаров А.С. Межличностное взаимодействие читателя, автора и персонажа художественного текста. Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 5.
17. Сергеева Ю.М. Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2009. 35 с.
18. Тихонова Ю.В. Конвергенция различных форм чужой и авторской речи в англоязычной художественной прозе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.
19. Федотова О.С. Внутренняя реальность персонажа в англоязычной художественной прозе: к определению объекта исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. № 521.
20. Федотова О.С. Лексико-стилистические маркеры интроспекции персонажа в англоязычной художественной прозе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. № 532.
21. Федотова О.С. Интроспекция персонажа англоязычной художественной прозы как часть виртуальной реальности // *Иностранные языки в высшей школе*. 2008. № 7.
22. Федотова О.С. Истоки представления об интроспекции персонажа // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34.
23. Федотова О.С. Эксплицитное проявление мнения автора об особенностях общества в англоязычном нарративном дискурсе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 5–2.

Об авторе

Федотова Оксана Сергеевна – к.филол.н., доцент, старший научный сотрудник кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. E-mail: o.fedotova@rsu.edu.ru

THE AUTHOR'S EXPLICIT PRESENCE IN A NARRATIVE TEXT: THE AUTHOR'S OPINION ABOUT THE CONTEMPORARY WORLD

O.S. Fedotova

Yesenin Ryazan State University 46, Svobody Street, Ryazan, 390000, Russia.

Abstract: *The paper shows that the author of a narrative text might interrupt the course of fictional action to express his view of the situation. The diachronic analysis of English emotive prose proves that the author is always present in the text, be it the 19C, 20C, or the beginning of the 21C. One of the topics of the author's dialogue with the reader may cover peculiarities of the contemporary world. The problems discussed are very much the same in different time periods. The analysis of English novels shows that authors usually give evaluation of the surrounding world which is far from ideal and which is full of difficulties, obstacles and disappointments. The difference lies in the forms of address of the author to the reader. In the novels of the end of the 18C and the beginning of the 19C the author usually acts as a personage who speaks directly to the reader. That's why forms of direct address and personal pronouns mark this period. At the end of the 20C – at the beginning of the 21C the author's comments are more laconic and are usually presented in the form of a maxim. Time shift is characteristic of all time periods discussed.*

Keywords: narrative discourse, the opinion of the author, fictional reality, the author's address to the reader, maxim, time shift.

References

1. Brown D. The Lost Symbol. London, Bantam Press Publ., 2009. 509 p.
2. Bushnell C. Sex and the City. London, Abacus Publ., 2009. 245 p.
3. Grisham J. The Firm. New York, Island Books Publ., 1992. 501p.
4. Jahn M. "Awake! Open your eyes!" The cognitive Logic of External and Internal Stories. Herman D., ed. Narrative Theory and Cognitive Sciences. Stanford, CA, CSLI Publ., 2003, pp. 195-214. (Center for the Study of Language and Information – Lecture Notes).
5. Lawrence D.H. Lady Chatterley's Lover. London, Penguin Books Publ., 1997. 314 p.
6. Margolin U. Cognitive Science, the Thinking Mind, and Literary Narrative. Herman D., ed. Narrative Theory and Cognitive Sciences. Stanford, CA, CSLI Publ., 2003, pp. 271-295. (Center for the Study of Language and Information – Lecture Notes).
7. Orwell G. 1984. St. Petersburg, KARO Publ., 2010. 384 p.
8. Palmer A. Fictional Minds. Lincoln, Univ. of Nebraska Press Publ., 2004. 235p.
9. Ryan M.-L. Cognitive Maps and the Construction of Narrative Space. Herman D., ed. Narrative Theory and Cognitive Sciences. Stanford, CA, CSLI Publ., 2003, pp. 214-243. (Center for the Study of Language and Information – Lecture Notes).
10. Thackeray W.M. Vanity Fair. London, Wordsworth Classics Publ., 2001. 694 p.
11. Turner M. Double-scope stories. Herman D., ed. Narrative Theory and Cognitive Sciences. Stanford, CA, CSLI Publ., 2003, pp. 117-143. (Center for the Study of Language and Information – Lecture Notes).
12. Wilde O. Picture of Dorian Gray. Novosibirsk, Sib. Univ. Publ., 2010. 191 p.

13. Beliaevskaia E.G. Text as space structure (on the problem of categorization levels). *Kognitivnye issledovaniia iazyka* [Cognitive Language Study], 2010, no. 7, pp. 101-109. (in Russ.).
14. Beliaevskaia E.G. Cognitive structures underlying style. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2010, no. 1, pp. 22-30. (in Russ.).
15. Evtushenko O.V. *Khudozhestvennaia rech' kak instrument poznaniia* [Artistic speech as an instrument for cognition]. Moscow, "Languages of Slavic Culture" Publ., 2010. 552 p.
16. Komarov A.S. Interpersonality communication of writer, character and reader in belles-lettres. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2012, no. 5, pp. 215-220. (in Russ.).
17. Sergeeva Iu.M. *Vnutrenniaia rech' kak osobaia forma iazykovogo obshcheniia (na materiale angloiazychnoi khudozhestvennoi literatury)*. Dokt. filol. nauk diss. Avtoref. [Inner speech as a special type of communication (on the material of English belles-lettres). Dr. philol. sci. diss. Synopsis]. Moscow, 2009. 35 p.
18. Tikhonova Iu.V. *Konvergensiiia razlichnykh form chuzhoi i avtorskoi rechi v angloiazychnoi khudozhestvennoi proze*. Kand. filol. nauk diss. Avtoref. [Convergence of different forms of someone else's and the author's speech in English language belles-lettres. Cand. philol. sci. diss. Synopsis]. Moscow, 2011. 24 p.
19. Fedotova O.S. Inner reality of a personage in English language belles-lettres: On the specification of the object of research. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University], 2007, no. 521, pp. 77-85. (in Russ.).
20. Fedotova O.S. Lexico-stylistic markers of introspection in English language belles-lettres. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University], 2007, no. 532, pp. 228-238. (in Russ.).
21. Fedotova O.S. Introspection of a fictional personage as part of virtual reality. *Inostrannye iazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages at the University], 2008, no. 7, pp. 71-76. (in Russ.).
22. Fedotova O.S. Origins of introspection of a fiction character. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cheliabinsk State University], 2009, no. 34, pp. 131-135. (in Russ.).
23. Fedotova O.S. Explicit manifestation of author's opinion about society features in English language narrative discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2013, no. 5-2, pp. 198-202. (in Russ.).

About the author

Oksana S. Fedotova – PhD in Linguistics and Narratology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Yessenin Ryazan State University. E-mail: o.fedotova@rsu.edu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТА- МЕЖДУНАРОДНИКА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Л.П. Костикова

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, 390000, Россия, Рязань, ул. Свободы, 46.

В статье рассматриваются вопросы формирования профессионализма будущего специалиста в области международных отношений средствами иностранного языка. Автор раскрывает сущность формирования целостной концептуальной картины профессиональной деятельности специалистов-международников и подчеркивает, что этот процесс происходит в соответствии с новой парадигмой профессионализма. Подготовка к межкультурной коммуникации в профессиональном дискурсе в процессе изучения иностранного языка обеспечивает ознакомление обучающихся:

- с концепто-терминосистемами в области политических, экономических, научно-технических, военно-политических, гуманитарных и идеологических отношений;*
- с международными связями в областях науки, культуры, образования, иных сферах освоения общемирового пространства.*

Формирование целостной картины профессиональной деятельности будущего специалиста в области международных отношений является комплексным, ценностно-обусловленным социальным практикоориентированным и культуросообразным процессом. Автор разработал систему педагогического сопровождения процесса формирования целостной картины профессиональной деятельности студентов-международников, основанную на интеграции учебной, воспитательной и научной деятельности студентов, которое осуществляется на индивидуальном, групповом, факультетском, вузовском, межузовском и международном уровнях. Предполагается также органичное использование ресурсов дополнительного образования студентов вуза. В статье показывается важность субъект-субъектных отношений преподавателя и студентов в учебном процессе, что ведет к развитию способности студентов к сотрудничеству, инициативности, позволяет реализовать творческий потенциал, способствует социализации и развитию личности. Среди наиболее эффективных путей сотрудничества вузовских преподавателей в процессе совершенствования профессионально ориентированной языковой подготовки студентов-международников автор называет взаимодействие с МГИМО(У) и участие преподавателей иностранного языка в научно-практических семинарах и конференциях, в частности в ежегодном межузовском семинаре по лингвострановедению.

Ключевые слова: специалист в области международных отношений, иноязычное профессиональное образование, межкультурная коммуникация.

Важным характерным моментом современного развития человечества является глобализация мировой экономики, которая вызвала значительное усиление взаимосвязей и взаимозависимости различных стран мира, что нашло отражение в развитии международных форм экономического сотрудничества, деловых и научных контактов, в появлении совместных компаний и предприятий. «Создание новой парадигмы образования, – справедливо отмечают А.П. Лиферов и Н.В. Коненков, – становится дополнительным мощным фактором его интернационализации» [7, с. 40]. Иностранный язык стал одним из важнейших средств формирования профессиональной компетентности современного специалиста-международника.

Заслуживает внимания тот факт, что в последние 20 лет в России значительно расширилась география вузов, осуществляющих подготовку специалистов в области международных отношений. Учебно-методическое объединение насчитывает более 150 вузов, специализирующихся по международным отношениям, рекламе, связи с общественностью. К таким вузам относится, в частности, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, где обучение студентов по специальности «международные отношения» ведется с 2002 г.

Сущность профессионального языкового образования заключается в формировании готовности студентов к предстоящей профессиональной деятельности в условиях межкультурного взаимодействия. Отмечая, что вопросы теории и практики профессиональной языковой подготовки сотрудников внешне политического ведомства изучены недостаточно, ректор МГИМО (У) МИД России А.В. Торкунов подчеркнул, что «овладение как общей теорией, так и конкретными прикладными отраслями педагогической науки является необходимым условием эффективной образовательной деятельности учреждения» [10, с.7].

Показывая специфику профессиональной подготовки специалистов-международников, Е.В. Воевода справедливо утверждает, что она заключается в необходимости обучать не только профессиональным умениям и навыкам, но и готовности принимать решения и нести ответственность за эти решения. В связи с этим становится понятным, что профессиональная языковая подготовка специалистов-международников «представляет собой фундаментальную научную и практическую проблему, и ее необходимо рассматривать как отдельное направление в теории и практике профессионального образования, отличное от подготовки специалистов иного профиля» [3, с.31].

Целью данной статьи является рассмотрение возможных путей совершенствования профессиональной подготовки будущих специалистов в области международных отношений, а именно посредством формирования целостной концептуальной картины профессиональной деятельности средствами иностранного языка.

В условиях мировой и европейской интеграции обучение иностранным языкам в России осуществляется на основе документа Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» (Common European Framework of Reference: Learning, Teaching, Assessment [1]), в котором определены две важнейшие системы: система уровней владения языком и система описания этих уровней с использованием стандартных категорий. Создана единая сеть понятий, которая может быть использована для описания стандартным языком любой системы сертификации, а следовательно, и любой программы обучения, начиная с постановки целей обучения и заканчивая достигаемыми в результате обучения компетенциями.

С учетом требований Совета Европы к результатам образования составлены Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования третьего поколения. Обучение иностранному языку будущих специалистов в области международных отношений является обязательным компонентом их профессиональной подготовки. Формирование целостной картины профессиональной деятельности у студентов-международников согласуется с государственными требованиями по данному направлению подготовки [11].

Рассмотрим, что представляет собой профессия и что может включать концептуальная картина профессиональной деятельности. Большой Российский энциклопедический словарь трактует понятие «профессия» (лат. *profession*, от *profiteer* – объявляю своим делом) как род трудовой деятельности, требующий определенной подготовки и являющийся обычно источником существования [2, с.1261]. Концепция (от лат. *conceptus* – понимание, система) – это определенный способ понимания, трактовки каких-либо явлений, ведущий замысел, конструктивный принцип различных видов деятельности [2, с. 732].

В контексте нашего исследования концептуальная картина профессиональной деятельности представляет собой отражение в сознании обучающегося важнейших профессиональных понятий, ведущих ценностей, конструктивных принципов, характеризующих профессиональную деятельность в сфере международных отношений. Причем формирование концептуальных основ профессионализма должно пронизывать весь образовательный процесс на всех его этапах [5, с.111].

Формирование целостной концептуальной картины профессиональной деятельности Н.П. Хомякова соотносит с процессом овладения специальной культурой, который сопряжен не только с формированием у обучающегося новой концепто-терминисистемы, но и с развитием предметно специализированных способов умственной деятельности, составляющих базисные психологические компоненты в структуре

осваиваемой профессии [12, с.180]. Несомненно, что эти психологические новообразования способствуют формированию качеств профессионального мышления будущего специалиста, таких, как политкультура и политкорректность, толерантность к «чужой культуре», понимание системы ценностей, присущих иноязычной бизнес-культуре.

Обучение иностранному языку обеспечивает ознакомление обучающихся с концепто-терминсистемами в вопросах политических, экономических, научно-технических, военно-политических, гуманитарных и идеологических отношений, международных связей в области науки, культуры, образования, в иных сферах освоения общемирового пространства. Иными словами, в наши дни формирование целостной концептуальной картины профессиональной деятельности специалистов-международников происходит в соответствии с новой парадигмой профессионализма, которая включает подготовку к межкультурной коммуникации в профессиональном дискурсе.

Профессиональную подготовку международных работников необходимо осуществлять не только через обучение профессиональным умениям и навыкам, справедливо утверждает Е.В. Воевода, но и через формирование «готовности осуществлять профессиональную деятельность с учетом контекстуальной значимости ситуации, особенностей языковой картины мира страны пребывания, лингвистических и экстралингвистических факторов, обуславливающих коммуникацию в профессиональном дискурсе» [4, с.10]. Это будет способствовать более эффективному формированию концептуальной картины профессиональной деятельности специалиста-международника.

Сегодня, когда дискурс в широком смысле трактуется как коммуникативное явление выработка стратегий овладения языком как средством коммуникации, по верному мнению Е.В. Яковлевой, происходит в результате усвоения широкой парадигмы лингвистических фактов на основе интегрального обучения, при котором происходит объективизированное социальной практикой усвоение языковых и речевых структур [13, с.18]. Безусловно, через языковой материал происходит процесс подготовки будущего специалиста-международника, способного к межкультурной коммуникации в профессиональной сфере.

Формирование целостной картины профессиональной деятельности будущего специалиста в области международных отношений является:

- комплексным, целостным и интегративным процессом; при совмещении внутренних усилий студентов-международников и внешних целенаправленных действий педагогов по формированию концептуальной картины профессиональной деятельности в результате внутриличностной интеграции происходит интеграция ее концепто-терминсистемы, ценностно-смыс-

ловых ориентаций, эмоционально-волевой регуляции, деятельностных характеристик и мотивации;

- ценностно-обусловленным процессом, обеспечивающим включение личности в процесс профессионально-личностного межкультурного взаимодействия, формирование у личности социальных ценностей, уважения, достоинства, сотрудничества; интериоризацию ценностей как своей, так и иных культур;

- социальным процессом, предполагающим многоаспектную толерантность, самостоятельность, коммуникабельность, эмпатию; способность к сотрудничеству, достижению компромиссов во имя достижения взаимопонимания в профессиональной деятельности; позитивное взаимодействие с людьми иной культурной, национальной или социальной среды;

- практико-ориентированным процессом, нацеленным на получение конкретного результата образования в соответствии с ФГОС ВПО третьего поколения и направленным на проявление студентами-международниками своей профессиональной компетентности с использованием иностранного языка в процессе межкультурной коммуникации;

- культуросообразным процессом, неразрывно связанным с родной культурой человека и с пониманием через нее многообразия иных культур, их взаимной ценности в сходстве и различии, с формированием культурно-языковой идентичности, ментальности, когнитивного сознания, культурной картины мира.

В процессе формирования целостной концептуальной картины профессиональной деятельности студентов-международников функционируют в равной степени заинтересованные субъекты – педагоги и студенты. Свойство субъектности присуще всем людям. Способность устанавливать обратную связь соотносится с механизмом саморегуляции и является индикатором свойства субъектности.

Отмечая положительные стороны субъект-субъектных отношений в образовательном процессе вуза, Л.К. Раицкая рассматривает их как с позиции студентов, так и с позиции преподавателя. У студентов субъект-субъектные отношения партнерства способствуют развитию способности к сотрудничеству, инициативности, позволяют реализовать творческий потенциал, раскрыться способностям, ведут к социализации и развитию личности. Для преподавателя субъект-субъектное взаимодействие определяет прежде всего стиль педагогической деятельности как демократический, то есть равноправные отношения преподавателя и студента как партнеров в общении и познавательной деятельности. Все это способствует привлечению студентов к принятию решений с учетом их мнений, поощряет самостоятельность [9, с.46].

В ходе организации работы по формированию концептуальной картины профессиональной деятельности студентов-международников

■ Педагогика

средствами иностранного языка в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина разработана и апробирована на практике система педагогического сопровождения данного процесса. Она может быть реализована при сопровождении преподавателей-предметников, кураторов, сотрудников международного отдела, преподавателей российских ведущих вузов, зарубежных вузов-партнеров, обеспечивающих максимально полную подготовку студентов к реализации своего профессионализма в процессе межкультурной коммуникации.

Педагогическое сопровождение процесса формирования целостной концептуальной картины профессиональной деятельности студентов-международников основано на интеграции учебной, воспитательной и научной деятельности студентов, которое осуществляется на индивидуальном, групповом, факультетском, вузовском, межвузовском и международном уровнях. Однако очень важно при этом, по верному мнению С.В. Пупкова, обеспечить становление новых отношений между людьми, основанных на ценностях, единодушно принятых во всех высших формах культуры, в гуманистических философских и религиозных системах Запада и Востока [8, с. 63].

Большое значение для совершенствования профессионально-ориентированной языковой подготовки будущих международников имеет сотрудничество РГУ имени С.А. Есенина с МГИМО(У)

МИД РФ. Так, например, одной из форм повышения квалификации преподавателей является участие в ежегодном межвузовском семинаре по лингвострановедению под руководством профессора Л.Г. Ведениной. В работе семинара в разные годы принимали участие ведущие российские ученые И.А. Зимняя, Ю.Н. Караулов, Г.А. Китайгородская, В.Г. Костомаров, М.А. Кронгауз, В.В. Макаров, З.Н. Никитенко, Е.И. Пассов, И.А. Стернин, Т.Г. Стефаненко, В.И. Хайруллин и др. В своем докладе на пленарном заседании в 2003 г. Л.Г. Веденина назвала «лингвострановедение сложившейся лингвистической дисциплиной» и отметила, что, «синтезируя данные социологии, психологии, культурологии и лингвистики, эта дисциплина изучает национально-культурную специфику иноязычного социума, отраженную в речевом поведении его членов» [6, с.13].

Обобщая все выше сказанное, можно заключить, что обучение иностранному языку студентов-международников служит мощным инструментом формирования целостной концептуальной картины их будущей профессиональной деятельности, а именно, пополнения профессиональных знаний, формирования комплексных профессиональных компетенций, специализированных способов умственной деятельности, на основе которых формируется профессиональное мировоззрение, профессиональное мышление, профессионально-ориентированная лингвосоциокультурная компетентность.

Список литературы

1. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 278 p.
2. Большой Российский энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 1888 с.
3. Воевода Е.В. Подготовка специалистов-международников к межкультурной коммуникации в профессиональном дискурсе // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2012. № 1 (1).
4. Воевода Е.В. Профессиональная языковая подготовка студентов-международников: вопросы дидактики // Вестник МГИМО-Университета. № 1 (28). 2013.
5. Костикова Л.П. Профессионально-ориентированная языковая подготовка специалиста-историка // Психолого-педагогический поиск. 2012. № 4. С. 106-111.
6. Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения / Автор-составитель Л.Г. Веденина. М.: МГИМО (У). 2012.
7. Лиферов А.П., Коненков Н.В. Университеты и бизнес // Психолого-педагогический поиск. 2012. № 22.
8. Пупков С.В. Методологический и мировоззренческий уровни ценностного отношения социолога // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2009. № 2 (23).
9. Раицкая Л.К. Сущность информационно-коммуникационного взаимодействия в интернет-среде // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2012. № 1 (1).
10. Торкунов А.В. Педагогика и подготовка специалистов-международников // Вестник МГИМО-Университета. № 1 (28). 2013.
11. ФГОС ВПО по направлению подготовки 031900 «Международные отношения» (квалификация «бакалавр»). Режим доступа: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm815-1.pdf (Дата обращения: 12.04.13)
12. Хомякова Н.П. Формирование специальной иноязычной коммуникативной компетентности юристов-международников в условиях контекстного обучения: Монография. М.: ТЕЗАУРУС. 2008. 274 с.
13. Яковлева Е.В. Коммуникативная лингводидактика: от лингвистической инженерии к лингвистической компетенции // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2012. № 1 (1). С 18-21.

Об авторе

Костикова Лидия Петровна – д.пед.н., профессор кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. E-mail: kost@post.rzn.ru

DEVELOPING CONCEPTUAL AWARENESS OF THE FUTURE PROFESSION IN THE STUDENTS OF INTERNATIONAL RELATIONS THROUGH FLT

L.P. Kostikova

Yessenin Ryazan State University 46, Svobody Street, Ryazan, 390000, Russia.

Abstract: *The article is devoted to the issues of professional language training of the students majoring in International Relations. Conceptual awareness of the future professional activity of a specialist in international relations is presented as a part of the new modern professional training paradigm. It is shown that there are various effective ways of preparing students for intercultural communication in professional discourse in the process of teaching and learning a foreign language. A matter of great importance is to develop for students the concept-termino-systems in questions of international politics, economics, science and war technologies, humanitarian, ideological and international issues of culture and education. This multisided process is complex, value-determined, social, practically-oriented, culturally focused. The author proposes a system of pedagogical support for this process which is based on the integration of different kinds of educational activity: study, research and social activities. All this should work at different levels, that of an individual, group, department, university, cooperation between universities either within the country or in different countries of the world. The ideas of life-learning education should also be carefully developed in this respect. The importance of the student-centered teaching is shown. The leading role of MGIMO(U) educationalists in the professional language training development is accepted.*

Key words: a specialist in international relations, foreign languages in professional education, intercultural communication.

References

1. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Cambridge, CUP Publ., 2001. 278 p.
2. Bol'shoi Rossiiskii entsiklopedicheskii slovar' [Large Russian encyclopedic dictionary]. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2003. 1888 p.
3. Voevoda E.V. Professional language training of international relations students: Didactics. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2013, no. 1 (28), pp. 9-12. (in Russ.).
4. Voevoda E.V. Preparing students of international relations for cross-cultural communication in professional discourse. Sovremennaiia kommunikativistika [Modern Communication Studies], 2012, no. 1 (1), pp. 26-31. (in Russ.).
5. Kostikova L.P. Teaching English for specific purposes to students of history. Psikhologo-pedagogicheskii poisk [Research in Psychology and Pedagogy], 2012, no. 4, pp. 106-111. (in Russ.).
6. Vedenina L.G. Lingvostranovedenie: metody analiza, tekhnologiiia obucheniia [Linguistics and cultural studies: Methods of research, technology of teaching]. Moscow, MGIMO Publ., 2012. 120 p.
7. Liferov A.P., Kononov N.V. Universities and business. Psikhologo-pedagogicheskii poisk [Research in Psychology and Pedagogy], 2012, no. 22, pp. 35-46. (in Russ.).
8. Pupkov S.V. Methodological and philosophical levels of the evaluative attitude of the sociologist. Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina [Bulletin of Riazan' State University named after S.A. Esenin], 2009, no. 2 (23), pp. 63-72. (in Russ.).
9. Raitskaia L.K. Essence of information and communicative pedagogic interaction in the Internet environment. Sovremennaiia kommunikativistika [Modern Communication Studies], 2012, no. 1 (1), pp. 44-47. (in Russ.).
10. Torkunov A.V. Pedagogics and getting foreign affairs specialists prepared. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2013, no. 1 (28), pp. 7-8. (in Russ.).
11. FSES HPE for 031900 "International Relations" (qualification – bachelor). Available at: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm815-1.pdf. Accessed April 12, 2013. (in Russ.).
12. Khomiakova N.P. Formirovanie spetsial'noi inoiazychnoi kommunikativnoi kompetentnosti iuristov-mezhdunarodnikov v usloviakh kontekstnogo obucheniia [Developing specific communicative competence among international law students through TFL in the context of their profession]. Moscow, Tezaurus Publ., 2008. 274 p.
13. Iakovleva E.V. Teaching language through communication: from language engineering to language competence. Sovremennaiia kommunikativistika [Modern Communication Studies], 2012, no. 1 (1), pp. 18-21. (in Russ.).

About the author

Lidia P. Kostikova – Professor, Faculty of Foreign Languages, Department of History and International Relations – Yessenin Ryazan State University. E-mail: kost@post.rzn.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Т.К. Цветкова

Московский государственный лингвистический университет. Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, 38.

Автор предлагает собственную трактовку целей и задач обучения иностранному языку на основе авторской концепции овладения иностранным языком как процесса формирования билингвизма. В настоящее время практическая цель обучения иностранному языку формулируется лингводидактикой в терминах компетенций. Коммуникативная компетенция рассматривается как общее понятие, интегрирующее целый ряд частных компетенций, и предполагает способность субъекта к межкультурному взаимодействию и к использованию изучаемого языка как инструмента этого взаимодействия. Однако в такой трактовке обучение иностранному языку не отличается от обучения другим предметам. Изучая эти учебные дисциплины, обучающийся осмысливает их в пределах собственной, монологичной картины мира, ему не нужно формировать у себя понятия, отсутствующие в родной культуре. Иностранный язык имеет принципиальное отличие: чтобы его усвоить, субъект должен выйти за пределы собственной картины мира и усвоить целый ряд новых понятий и концептов, то есть стать билингвальным и бикультурным. В противном случае его понимание иностранного языка будет ограничено концептуальной картиной родной культуры, и проникновения к смыслам иной культуры не произойдет. Поэтому цели и задачи обучения иностранному языку должны определяться, исходя из закономерностей формирования билингвизма. В этом случае конечная цель обучения иностранному языку заключается в достижении обучающимся стадии уравновешенного смешанного билингвизма, которая является оптимальной для осуществления профессиональной деятельности с иностранным языком. Достижение этой стадии предполагает формирование у обучающегося дополнительного целостного механизма владения языком, отвечающего за производство и восприятие высказываний на иностранном языке. Промежуточные цели и задачи обучения должны определяться задачами формирования каждого блока механизма владения иностранным языком.

Ключевые слова: билингвизм, механизм владения языком, цели и задачи обучения иностранному языку.

Определение целей – важный компонент системы обучения, так как цели определяют содержание обучения, то есть предмет системы как деятельности (чему обучать, чтобы достигнуть цели), методы и средства обучения (как и с помощью чего обучать, чтобы достигнуть цели). Цель определяется как потребность, которая удовлетворяется деятельностью, как предмет, на который направлена деятельность в качестве непосредственного результата [1]. Ведущей в обучении иностранному языку является практическая цель. Г.В. Рогова, в частности, понимает ее как результат решения большой, всеобъемлющей задачи, которая заключается в том, чтобы привести учащегося от незнания иностранного языка к определенному владению им [8].

Но овладение иностранным языком также оказывает влияние на мировоззрение учащегося, обогащая его новыми сведениями о языке и, через посредство языка, об окружающем мире и самом себе. Поэтому, помимо практической, в обучении иностранному языку планируется также достижение воспитательной, общеобразовательной и развивающей целей (А.Л.Бердичевский, Г.В.Рогова, А.А.Леонтьев и др.).

В современной трактовке цель обучения иностранному языку понимается как развитие у обучающегося способности к межкультурному взаимодействию и к использованию изучаемого языка как инструмента этого взаимодействия. В такой формулировке цели обучения иностранному языку взаимосвязанно проявляются все ее аспекты: прагматический, когнитивный и педагогический. Прагматический аспект связан с формированием у обучающегося коммуникативной компетенции, когнитивный – с использованием иностранного языка в качестве инструмента познания иной лингвокультуры и соответственно как средства развития межкультурной компетенции и личности в целом. Педагогический аспект предусматривает развитие таких качеств бикультурной личности, как самостоятельность, активность, эмпатия [3]. Цели обучения представляют собой многоуровневую систему, которая складывается из конечных целей по видам речевой деятельности или компетенциям, подцелей каждого года обучения и задач каждого конкретного занятия. Конечные цели управляют иерархией промежуточных целей и задач, которые управляют всеми элементами системы обучения.

Цель достигается путем решения множества задач. Если цель определяет стратегию обучения, то задачи – это его тактика. Каждая задача ставится с учетом достижения общей поставленной цели и является этапом на пути достижения общей цели обучения (Г.В.Рогова, А.Л.Бердичевский, И.Л.Бим, Р.П.Мильруд и др.).

Практическая цель обучения иностранному языку может быть сформулирована в разных терминах. Ранее в качестве практической цели выдвигалось формирование у обучающихся умения пользоваться иностранным языком в разных видах речевой деятельности в пределах

требований программы по этапам обучения (Г.В.Рогова, А.А.Леонтьев, М.А.Давыдова и др.). Как подчеркивает А.А.Леонтьев, любое обучение – это обучение той или иной деятельности. Применительно к иностранному языку обучать деятельности означает учить правильно строить акт этой деятельности, то есть формировать входящие в него действия и операции и соединять их в единую систему. Основная задача обучения здесь – построить нужные речевые операции и «сложить» из них нужные речевые действия. Практическая цель обучения, таким образом, заключается в формировании у обучающихся коммуникативно-речевых умений и лежащих в их основе навыков во всех видах речевой деятельности, которые обеспечивали бы удовлетворение их коммуникативных потребностей [4]. Отметим, что овладение деятельностью перевода, не менее значимой в контексте осуществления профессиональной деятельности с иностранным языком в отрыве от естественной для этого языка среды общения, как правило, не включается в практическую цель обучения.

В настоящее время практическая цель обучения иностранному языку формулируется в терминах компетенций: лингвистической, лингвострановедческой, коммуникативной и других (А.Л.Бердичевский, Н.Д.Гальскова, И.Л.Бим, Ж.Л.Витлин и др.). Коммуникативная компетенция рассматривается как общее понятие, интегрирующее целый ряд частных компетенций, и предполагает способность субъекта «к межкультурному взаимодействию и к использованию изучаемого языка как инструмента этого взаимодействия» [4, с. 6]. Коммуникативная компетенция понимается как сформированная способность человека выступать в качестве субъекта коммуникативной деятельности общения [5].

В идеале коммуникативная компетенция предусматривает присвоение иностранного языка до степени его ощущения субъектом как «моя способность». Однако эта идеальная цель трудно достижима, поэтому чаще выдвигается конкретная цель обучения – обучение общению в определенных регламентируемых и расширяющихся по программе ситуациях на предусмотренные и не предусмотренные программой темы, обеспеченные иноязычными средствами (И.Л.Бим, Н.Д.Гальскова, И.А.Зимняя, Р.П.Мильруд, Ж.Л.Витлин и др.). Для этого определяются уровни развития коммуникативной компетенции [2].

В задачи данной статьи не входит анализ всех точек зрения на проблему определения целей обучения иностранному языку. Приведенные выше мнения свидетельствуют, что обучение иностранному языку трактуется так же, как и обучение другим предметам. Однако, изучая другие учебные дисциплины, обучающийся осмысливает их в пределах собственной, монологичной картины мира, ему не нужно формировать у себя понятия, отсутствующие в родной культуре. Иностранный язык имеет принципиальное отличие: чтобы его усвоить, субъект должен выйти за пределы

собственной картины мира и усвоить целый ряд новых понятий и концептов, то есть стать бикультурным. В противном случае его понимание иностранного языка будет ограничено концептуальной картиной родной культуры, и проникновения к смыслам иной культуры не произойдет.

Тем не менее в лингводидактике цели и задачи обучения иностранному языку обычно рассматриваются безотносительно к формированию билингвизма. Исключение составляют исследования, проводимые в рамках теории языкового сознания (П.Я.Гальперин, О.Я.Кабанова, Т.А.Абрамкина, Э.В.Маруга и др.) и вторичной языковой личности (И.И.Халеева, К.Н.Хитрик, Л.М.Орбодоева, В.П.Федорова и др.). Эти подходы непосредственно соотносятся с проблематикой формирования билингвизма, хотя и не пользуются соответствующей терминологией.

Можно по-разному определять цели изучения иностранного языка в зависимости от того, что ставится во главу угла. С точки зрения изучающего язык субъекта, конечная цель состоит в том, чтобы уметь сказать, написать, понять и перевести то, что нужно. В продуктивных видах речевой деятельности иностранный язык должен обслуживать потребности самовыражения человека как субъекта коммуникации. Обучающийся должен уметь выражать свои мысли на иностранном языке, строя нормособразные иноязычные высказывания на основе имеющихся у него критериев правильности (чувства языка).

В рецептивных видах речевой деятельности субъект должен уметь извлекать необходимую ему информацию из письменного или звучащего текста на иностранном языке. Кроме того, обучающийся должен уметь правильно осмысливать иноязычные высказывания (включать их в контекст иноязычной, а не русскоязычной картины мира), замечать отличия иноязычных способов выражения от принятых в родном языке и осознавать свое непонимание. В последнем случае всегда есть соблазн осмыслить иноязычное высказывание в контексте родной культуры.

Наконец, в реальных условиях профессиональной деятельности постоянно возникает необходимость перевода на родной язык и обратно. В данном случае мы не говорим о деятельности профессионального переводчика. Перевод, который осуществляется спонтанно в условиях профессиональной деятельности, служит обычно средством понимания информации и донесения ее до других. Поскольку имеется реальная потребность в умениях такого рода у людей, владеющих иностранным языком и не являющихся профессиональными переводчиками, формирование переводческих умений, на наш взгляд, также должно быть включено в список целей изучения иностранного языка.

Исходя из этого, можно определить цели обучения иностранному языку в терминах умений, которые должны быть сформированы у изучающего иностранный язык субъекта.

Но любой человек, изучающий иностранный язык, уже является языковой личностью, владею-

щей родным языком. Родной язык, будучи носителем определенной картины мира, задает формат не только общения, но и восприятия окружающей действительности. Изучаемый субъектом иностранный язык отображает иную картину мира. Владение иностранным языком становится возможным при соответствующем изменении личности обучающегося, которая, постигая особенности иноязычной картины мира, становится билингвальной и бикультурной. Поэтому владение иностранным языком не может быть сведено к некоторой сумме знаний, навыков и умений (компетенций). Овладение вторым языком представляет собой процесс постепенной трансформации субъекта учебной и речевой деятельности из монолингва в билингва. Отсюда следует, что цели обучения иностранному языку целесообразно формулировать в соответствии с закономерностями становления искусственного билингвизма, то есть такой формы билингвизма, формирование которой является результатом специально организованного обучения.

Поскольку второй язык изучается личностью, уверенно владеющей родным языком, такой билингвизм неизбежно является смешанным. Это значит, что два языка в сознании субъекта имеют общую семантическую основу, то есть имеющаяся у субъекта система значений и смыслов может быть выражена средствами любого из двух языков. В процессе изучения иностранного языка первым формируется субординативный билингвизм, в котором родной язык занимает доминирующую позицию. Это значит, что осмысление всей информации об изучаемом языке осуществляется в концептуальном поле родного языка, а порождение и восприятие иноязычных высказываний осуществляется как перевод с или на родной язык.

По мере совершенствования в изучаемом языке субъект переходит на стадию скоординированного билингвизма. Это значит, что действие внутреннего перевода, необходимое для производства и восприятия иноязычных высказываний, принимает свернутую автоматизированную форму, и появляется ощущение непосредственного производства высказываний на иностранном языке. Однако родной язык сохраняет доминирующую позицию как инструмент познания, то есть осмысление новой информации по-прежнему происходит в концептуальном поле родного языка. Наконец, высшим этапом развития билингвизма, необходимым для осуществления профессиональной деятельности с иностранным языком, является уравновешенный билингвизм, когда оба языка занимают более или менее равноправные позиции в сознании субъекта и он приобретает способность осмысливать явления иностранных языка и культуры в их родном поле смыслов, не прибегая к объяснениям на родном языке [9].

Таким образом, конечная цель обучения иностранному языку с точки зрения формирования билингвизма заключается в достижении обучающимся стадии уравновешенного смешанного билингвизма, которая является оптимальной для

осуществления профессиональной деятельности с иностранным языком. Достижение этой стадии предполагает формирование у обучающегося дополнительного целостного механизма владения языком, отвечающего за производство и восприятие высказываний на иностранном языке.

Формулировка частных целей и задач обучения будет определяться спецификой содержания и функций каждого из блоков механизма владения языком. Согласно нашей гипотезе, механизм владения языком включает три блока: образ языка, блок внутренних перекодировок, блок реализации [9]. Формирование Блока реализации для иностранного языка будет определяться достижением двух целей: формирования артикуляционно-интонационных навыков и накопления слов, а также некоего фонда синтаксиса [6], обеспечивающих возможность дальнейших образований по аналогии в соответствии с законами изучаемого языка. Для Блока внутренних перекодировок основной целью обучения будет формирование программ построения высказывания на иностранном языке и механизма переключения с языка на язык. Для блока «Образ языка» такой целью является формирование адекватного образа изучаемого языка, базирующегося на понимании различий между картинами мира и системами родного и изучаемого языков.

Из этого следует, что основной задачей обучающего является представление изучаемого языка обучающимся, с одной стороны, как системы смыслов, отражающей образ мира говорящего на нем народа, в противопоставлении образу мира, представленному родным языком, а с другой – как рабочей модели, усвоение которой обеспечит порождение и восприятие высказываний на этом языке. Вторая основная задача обучения – обеспечить усвоение этой модели, то есть сформировать систему действий для порождения и восприятия речи на иностранном языке.

Определяя промежуточные цели обучения иностранному языку, также необходимо учитывать закономерности формирования и развития билингвизма. На стадии субординативного би-

лингвизма овладение иностранным языком происходит путем установления соответствий между способами выражения мыслей на родном и изучаемом языках. Порождение иноязычных высказываний осуществляется через перевод с родного языка, это объективный факт, который признается всеми исследователями. Значит, основной целью обучения иностранному языку на стадии субординативного билингвизма должно стать формирование действия перекодирования содержания с родного языка на иностранный, которое даст обучающемуся возможность правильно выражать свои мысли средствами иностранного языка. На первом этапе становления билингвизма перекодирование не только составляет основу продуктивной речи на изучаемом языке. С его помощью оптимизируются процессы понимания иноязычных текстов, которые на этой стадии осмысливаются также с помощью родного языка. Автоматизация и свертывание действия перекодирования закладывает основы механизма переключения с языка на язык в билингвальной языковой системе. Кроме того, в начале своего становления действие перекодирования – это фактически перевод с родного языка на иностранный. Поэтому обучение этому действию представляет собой, по сути, формирование начальных переводческих умений.

В отличие от принятой практики, необходимо специально отметить, что на этой стадии бесполезно использовать иностранный язык для объяснения учащимся правил этого языка. Как уже говорилось, они пока неспособны понимать их в поле смыслов изучаемого языка. Они неизбежно будут переводить объяснения на родной язык, и качество усвоения будет в значительной степени определяться качеством перевода. Поэтому настоящим требованием является представление и объяснение явлений иностранного языка на родном языке обучающихся.

Таким образом, введение теории билингвизма как основы для рассмотрения закономерностей усвоения иностранного языка обуславливает необходимость полного пересмотра целей и задач обучения.

Список литературы

1. Бердичевский А.Л. Оптимизация системы обучения иностранному языку. М.: Высшая школа, 1989. 104 с.
2. Бим И.Л. Цели обучения иностранному языку в рамках базового курса. Иностранные языки в школе. 1996. №1.
3. Гальскова Н.Д.. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам. Иностранные языки в школе. 2004. № 1
4. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: Аркти, 2004. 192 с.
5. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М.: Русский язык, 1989. 220 с.
6. Караулов Ю.Н.. Ассоциативная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
7. Методика. М.: Русский язык, 1988. 180 с.
8. Рогова Г.В.. Цели и задачи обучения иностранным языкам// Общая методика обучения иностранным языкам. М.: Русский язык, 1991. С.75-82.
9. Цветкова Т.К. Механизм владения языком как основа для моделирования процессов формирования билингвизма. Филологические науки в МГИМО: сборник научных трудов. №39. М.: МГИМО (У) МИД России, 2010.

Об авторе

Цветкова Татьяна Константиновна – к.психол.н., профессор кафедры методики преподавания перевода и иностранных языков МГЛУ. E-mail: vestnik@mgimo.ru

CONTEMPORARY LINGUODIDACTICS: DEFINING GOALS AND OBJECTIVES OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

T.K. Tsvetkova

Moscow state linguistic university, Russian Federation, Moscow, st. Ostozhenka, 38.

Abstract: *The author suggests her own interpretation of goals and objectives of foreign language teaching based on the author's original conception of mastering a foreign language as a process of bilingual development. At present the practical goal of foreign language teaching is formulated by linguodidactics in terms of competences. The communicative competence is treated as a key concept integrating all other competences. It denotes a subject's ability to carry out cross-cultural interaction and to use a foreign language as an instrument of such interaction. However, this interpretation of the goals of foreign language teaching does not demonstrate specificity of foreign language learning in comparison with other disciplines studied at school or university. While studying those subjects a student interprets them in terms of her own, monolingual, picture of the world. She does not have to develop notions, which are absent in the native culture. The foreign language is totally different: in order to master it, a student has to step outside the boundaries of her own picture of the world and master a number of new notions and concepts. In other words, a student must become bilingual and bicultural. Otherwise her understanding of the foreign language will remain limited by the conceptual system of the mother tongue, she will not be able to see the proper meanings of the other culture.*

Therefore the goals and objectives of foreign language teaching should be defined according to regularities of bilingual development. The final goal should not be described as a set of competencies, but as a form of bilingualism. In that case the final goal consists in the student's achieving the stage of balanced mixed bilingualism which is optimal for professional activity with a foreign language. This involves development in a student of an additional complete mechanism of language command responsible for producing and perceiving speech in the foreign language. Intermediate goals and objectives should be defined by the task of forming each block of the mechanism of foreign language command.

Key words: bilingualism, language command mechanism, goals and objectives of foreign language teaching.

References

1. Berdichevskii A.L. Optimizatsiia sistemy obucheniia inostrannomu iazyku [Optimisation of the system of foreign language teaching]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1989. 104 p.
2. Bim I.L. Goals of foreign language teaching within the limits of the basic course. Inostrannye iazyki v shkole [Foreign Languages at School], 1996, no. 1, pp. 48-52. (in Russ.).
3. Gal'skova N.D. Cross-cultural teaching: The problem of goals and content of foreign language teaching. Inostrannye iazyki v shkole [Foreign Languages at School], 2004, no. 1, pp. 3-8. (in Russ.).
4. Gal'skova N.D. Sovremennaiia metodika obucheniia inostrannym iazykam. [Contemporary methodology of foreign language teaching]. Moscow, Arkti Publ., 2004. 192 p.
5. Zimniaia I.A. Psikhologiya obucheniia nerodnomu iazyku [Psychology of foreign language teaching]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1989. 220 p.
6. Karaulov Iu.N. Assotsiativnaia grammatika i assotsiativno-verbal'naia set' [Associative grammar and the associative verbal net]. Moscow, RAS Russian Language Inst. Publ., 1999. 180 p.
7. Metodika [Methodology]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1988. 180 p.
8. Rogova G.V. Goals and objectives of foreign language teaching. Obshchaia metodika obucheniia inostrannym iazykam [General methodology of foreign language teaching]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1991, pp. 75-82.
9. Tsvetkova T.K. The mechanism of foreign language command as the basis for modeling the process of development of bilingualism. Filologicheskie nauki v MGIMO [Philological Sciences at MGIMO], 2010, no. 39 (54), pp. 80-88. (in Russ.).

About the author

Tatyana K. Tsvetkova – Doctor of Psychology, Professor of the Moscow state linguistic university.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

«БАЛЬЗАМОМ ПРОЛЬЮТСЯ ДЛЯ МНОГИХ СЛОВА...»

Л.Ю. Михеева

Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: LIBER AMICORUM в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева / Сост. и науч. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова, А.И. Муранов, Е.В. Вершинина. М.: Статут, 2013. 382 с.

Сборник статей посвящен трем сотрудникам кафедры международного частного и гражданского права МГИМО(У) МИД России: А.А. Костину, О.Н. Зименковой и Н.Г. Елисееву. Он представляет собой не просто «книгу друзей», подарок юбилярам и кафедре, но и весьма интересный и серьезный результат научного труда целого авторского коллектива, в связи с чем способен занять достойное место на книжных полках ценителей науки.

Впечатляет объем этого коллективного труда и охват авторами различных сторон цивилистической в целом проблематики. Читатель найдет в сборнике не только свежие взгляды на проблемы российского гражданского права, но и сравнительно-правовые исследования, обзоры новелл в сфере международного частного права, а также описание проблем трудового права, арбитражного процессуального права России и многое другое. Пожалуй, не найдется цивилиста или процессуалиста, у которого сборник статей не вызвал бы живого интереса. Особую актуальность придает изданию то обстоятельство, что он во многом посвящен проходящей в настоящее время реформе Гражданского кодекса России.

Так, например, не останется незамеченной статья А.Г. Архиповой, посвященная существу и основанию требования к страховщику деликтной ответственности. Автор, детально анализируя сложившуюся судебную практику, приходит к

справедливому выводу о договорной природе такого требования, который со всей необходимостью должен повлечь за собой изменение подходов к содержанию обязательства из договора страхования, а также существенную правку законодательства о страховании.

Привлекает к себе внимание также статья Е.В. Вершининой и Ю.А. Стахеевой. Ее авторы возвращаются к, казалось бы, решенному некогда вопросу о делении недействительных сделок на абсолютно недействительные и относительно недействительные и проводят сравнение основных подходов к такой классификации в российской и французской цивилистической доктрине. С этой целью в работе используются новейшие источники по французскому праву. Справедливый вывод о возможном выделении иных видов недействительных сделок или, по меньшей мере, о возможной иной их классификации подтверждает, на наш взгляд, и то решение, которое содержится во введенной недавно в ГК России статье 1741.

Содержательная статья Т.Ю. Григорьева заинтересует тех, кто глубоко занимается проблемами посреднических сделок. В этой работе представлен весьма любопытный материал по праву стран Европы и праву ЕС, из которого следуют значимые выводы о природе отдельных разновидностей посредничества (дистрибьюторских, дилерских и прочих отношений), а также, что немаловажно, о допустимости установления

Михеева Лидия Юрьевна – д.ю.н., профессор, заместитель председателя Совета Исследовательского центра частного права при Президенте РФ. E-mail: vestnik@mgimo.ru

таких условий посреднических соглашений, которые, возможно, вступают в конфликт с задачами антимонопольного регулирования.

Чрезвычайно актуальным представляется исследование, проведенное Е.В. Кабатовой, которая анализирует проектную редакцию раздела VI «Международное частное право» части третьей ГК, подготовленную к принятию в рамках реформы гражданского законодательства. Последовательное рассмотрение предлагаемых законодательных новелл привело автора к положительному в целом выводу о значении предстоящих перемен. В то же время в статье присутствуют и критические замечания в адрес разработчиков проекта, в частности упрек в отсутствии специального коллизионного регулирования ценных бумаг.

Ряд высказанных в статье идей, вне всякого сомнения, дадут новый толчок для научных дискуссий. Так, например, утверждение Е.В. Кабатовой о необходимости предоставить возможность выбора применимого права в отношениях с российскими организациями с иностранными инвестициями наверняка будет активно обсуждаться сейчас, когда столь неоднозначно оценивается уход российского бизнеса в иностранные юрисдикции посредством регистрации компаний в офшорных зонах (то есть путем искусственного создания иностранного элемента). Во всяком случае, например, в проекте реформы ГК не предлагается изменить правило, в соответствии с которым способность юридического лица отвечать по своим обязательствам и вопросы ответственности участников юридического лица по его обязательствам определяются личным законом юридического лица.

Столь же важна с точки зрения оценки идей, содержащихся в проекте реформы ГК России, статья Е.И. Каминской – практически единственная за последнее время работа на русском языке, посвященная институту заранее исчисленных убытков. Бальзамом прольются для многих слова о смутном понимании оснований заранее исчисленных убытков, о праве суда их уменьшить, о соотношении их размера с действительными убытками. А уж утверждение автора о том, что в праве Англии и США «намечен некоторый поворот в сторону континентальной концепции договора»,

как представляется, будет цитироваться очень и очень часто.

Некоторые новеллы российского договорного права, содержащиеся в проекте реформы ГК, как известно, появились в тексте проекта под весьма настойчивым воздействием структур, исповедующих английские правовые конструкции. Таковы нормы о возмещении потерь, возникших в связи с исполнением, изменением или прекращением обязательства (ст. 4061 ГК в редакции проекта), об убытках, возмещаемых в связи с недостоверными заверениями стороны (ст. 4312 ГК в редакции проекта) и др.

Вместе с тем сочетание в проекте этих положений с новыми нормами о доказывании размера убытков, вызванных нарушением обязательства (ст. 393), о выплате компенсации при одностороннем отказе от исполнения обязательства (ст. 310) и другими нормами, которые фактически представляют собой инструментарий, традиционно имеющийся в распоряжении континентальной цивилистики, вызывает закономерный вопрос о соотношении всех этих средств защиты сторон обязательства. Без сомнений, статья Е.И. Каминской прольет свет на это соотношение и позволит многим читателям более трезво оценить предлагаемые российскому праву новые модели.

В сборнике присутствуют и иные, столь же актуальные и интересные работы, в том числе, например, статьи, отражающие проблемы российского права и правосудия в свете вступления России во Всемирную торговую организацию. Это обстоятельство существенно повышает значимость издания, ведь нужно признать, что о правовом значении участия нашего государства в ВТО практически ничего не написано.

В завершение короткой рецензии следует отметить, что все представленные в сборнике статьи и интервью найдут своего благодарного читателя. Кафедра международного частного и гражданского права МГИМО(У) МИД России издала поистине бесценный подарок для всех, кто интересуется гражданским правом, международным частным правом и процессуальным правом.

Mikheyeva L.Y. "Spilling words of balm... soothing many".

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ВОСТОКЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Н.С. Протопопова

Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы: науч.-метод. комплекс / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011.

В современной прикладной политологии и практике международных отношений регион Большого Ближнего Востока и Восточной Азии вызывает повышенный интерес, а происходящие там политические процессы занимают первые места в международной повестке дня. Именно из этого региона все больше и больше на международный уровень наряду со всевозрастающей ролью Китая в мировой экономике и политике выходят проблемы, связанные с ядерной угрозой, революциями, борьбой с незаконным оборотом наркотиков, спорными территориями и непризнанными государствами. В этой связи актуальность приобретают исследования, посвященные политическим системам и культурам стран региона, поскольку именно особенности их политических систем являются первопричиной происходящих процессов и перемен.

Научно-методический комплекс «Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы» под редакцией А.Д. Воскресенского представляет собой крупномасштабное исследование особенностей политических систем указанного региона. В нем

представлены не только исследования отдельных стран, но также проведен сравнительный анализ восточных политических систем, на основе которого выявляются их общие характеристики.

В книге «Восток и политика...» анализу подвергаются политические системы большого числа стран, вызывающих не только научный интерес, но и политические процессы в которых являются предметом многочисленных дискуссий в международном сообществе. Так, важное место занимают проблемы, связанные с Афганистаном:

- вывод международных сил содействия безопасности (ISAF) из этой страны;
- завершение передачи ответственности за обеспечение безопасности афганским структурам в 2014 г.;
- дальнейшее развития страны;
- борьба с наркотиками и проблема наркотрафика в Россию и страны Центральной Азии.

Немалые опасения и многочисленные дискуссии в международном сообществе вызывают ядерные программы КНДР и Ирана. Вместе с тем особый интерес читателя может вызвать раздел,

Протопопова Наталия Сергеевна – аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России.
E-mail nsprotopova@yandex.ru

посвященный государствам Ближнего Востока, которые с конца 2010 г. переживают сильные потрясения в связи с революциями «арабской весны», начавшихся с Туниса 24 декабря 2010 г. С наступлением XXI в. арабский мир накрыли две волны политических изменений и потрясений. Во-первых, здесь в конце XX – начале XXI в. происходит трансформация экономических и социальных структур, вызванная как внешними факторами (глобальными международными вызовами, тесно затронувшими арабский мир и ставшие первоосновой новых политических процессов в них), так и внутренними, когда к власти во многих странах пришли представители новой молодой элиты, стремившиеся адаптировать старую политическую систему к новым условиям в развитии современной человеческой цивилизации. Все это привело к коренным изменениям в функционировании законодательных органов власти, изменению правового и политического положения самих граждан в государстве.

Вызванная революциями «арабской весны» вторая волна потрясений, перекинувшаяся с Туниса на Египет, Ливию, Сирию и своими отголосками проявившаяся в Марокко, Бахрейне, Йемене и ряде других стран, привела к коренным изменениям в политических системах этих стран и во многих из них сломала устои, которые не менялись на протяжении десятилетий.

Все это вызвало острую необходимость в изучении тех процессов, которые привели к реформам как результатам революций, гражданских войн, народных восстаний. В этой связи книга «Восток и политика...» вызывает особый научный интерес, поскольку в ней проведено глубокое исследование политических систем и их особенностей в странах Арабского Востока, в которых и были скрыты причины начавшихся и происходящих и ныне здесь трансформаций. В целом авторы книги, исследуя реальные процессы, события и тенденции, сумели:

- сформулировать теоретические характеристики разных типов политических систем стран Восточной Азии и Большого Ближнего Востока;
- раскрыть особенности политических культур в этих регионах, выявив их довольно сложную типологию;
- провели сравнительный анализ обществ западного и восточного типа по комплексу целого ряда политических параметров;
- исследовали специфику обществ на Востоке и факторы, ее обуславливающие.

Все это, вместе взятое, составило мощную познавательную теоретическую базу для проведения политических исследований в регионе, в котором представлено многообразие политических культур, а специфика политических систем обусловлена традициями, обычаями и сильным влиянием религиозных норм на политический процесс.

Современные политические системы арабских стран имеют отличную от традиционных европейских политических систем структуру, в которой немаловажную роль играют традиции

и институты, непосредственно не относящиеся к политической сфере, такие, как религиозные общины, кланы. Немаловажное влияние на развитие политических систем и политических процессов оказывает так называемая «мозаичность» самого арабского общества, обусловленная разнообразием социальных групп. К таким слоям и группам можно отнести:

- коптские общины в Египте;
- берберов, которые проживают на территории Марокко, Алжира, Ливии, Туниса, Нигера, Египта, Мали;
- черкесов в Израиле и Египте;
- курдов (в Ираке, Иране, Сирии, Афганистане, Ливане), которые оказывают не только заметное влияние на ход политического процесса в странах Ближнего Востока, но и зачастую ставят под угрозу целостность государств их пребывания. Наиболее ярким примером этого служит Иракский Курдистан, политическая элита которого неоднократно заявляла о своих намерениях отделиться от Ирака и провозгласить курдское государство.

Восстание туарегов, берберских племен в Мали, и неспособность власти подавить его стали причиной военного переворота в марте 2012 г., смены политической элиты, что увеличило влияние туарегских группировок, которые фактически взяли под свой контроль все крупные города на севере Мали и ведут борьбу с целью создания собственного государства.

Однако, несмотря на сильное влияние многочисленных групп на политические процессы в странах Ближнего Востока, их главными акторами и центральными фигурами остаются главы государств. Они наделяются широкими полномочиями – не только конституциями, но и мусульманской доктриной, а в некоторых странах совмещают посты главы государства и правительства, полностью контролируя тем самым процесс управления государством и определяя основные направления внутренней и внешней политики. Так, функции главы государства и правительства в одном лице совмещает Хассанал Болкиах в Бахрейне, Кабус бен Саид в Омане, Абдалла в Саудовской Аравии, Сальва Кири в Республике Южный Судан.

Авторы книги «Восток и политика...» для формирования комплексного представления об основных движущих компонентах политических систем Ближнего Востока указывают на важную роль религии во всех сферах жизни общества. Нормы ислама и законы шариата зачастую являются составной частью конституций, учитываются светским законодательством. Государственный характер ислама обусловил создание органов, уполномоченных по управлению делами религий, при этом в некоторых государствах такие органы формируются при главе государства и выполняют функции консультативно-согласительных органов.

Ислам как религия имеет различные течения, существуют разные толкования его норм,

что обусловило появление многообразия школ, идеи которых поддерживаются и находят свое отражение в различных сферах того или иного арабского общества. В этой связи чрезвычайный интерес и актуальность представляет глава монографии «Мусульманское право как отражение специфики политико-правовой культуры мусульманского мира». В ней дается развернутый этимологический анализ понятий шариата и фикха, их определение в коранических толкованиях и исследованиях зарубежных и отечественных специалистов в области мусульманского права, а также рассматриваются различные правовые школы по изучению мусульманского права.

Еще одним отличительным элементом современных политических систем арабских стран являются национально-этнические и религиозно-общинные отношения. Наиболее ярким примером их проявления может считаться основанная на учете конфессионального фактора политическая система Ливана. Она гарантирует баланс между представителями разных религиозных общин, занимающими высшие государственные посты. Согласно принципу, заложенному еще в «Национальном пакте» 1943 г., государство всегда возглавляет христианин-маронит (Ливан – единственная арабская страна, где во главе государства находится представитель христианской общины), премьер-министр назначается из мусульман суннитского толка, председатель Национальной ассамблеи избирается из мусульман-шиитов, а соотношение христиан и мусульман в парламенте должно быть 6:5.

В книге «Восток и политика...» отмечен также такой важный аспект политических систем арабских государств, как сильная роль армии и военной элиты в политическом управлении, что не теряет свою актуальность, но, напротив, усиливает важность данного факта на фоне революций «арабской весны», когда к власти приходят представители военной элиты. Так, например, было в Египте, когда президент Хусни Мубарак под влиянием происходящих в стране беспорядков передал власть в руки Высшего совета Вооруженных сил под председательством Мохамеда Хусейна Тантави.

В разделе, посвященном институтам власти арабских государств, представлены компаративный анализ теоретических оснований функционирования того или иного института, его роль в политической жизни государства и политическими реалиями в странах Арабского Востока. Так, на основе анализа процесса формирования и конституционных полномочий законодательных, исполнительных и законосовещательных органов показана второстепенная роль парламентов. Это обусловлено сильным влиянием многочисленных консультативных органов (в том числе и религиозных) в процессе принятия решений, а также традициями «сильной единоличной власти президента, практически

полным отсутствием навыков и принципов парламентаризма, отсутствием развитой партийной системы».

Формально арабские парламенты в большинстве своем выполняют те же функции, что и их европейские аналоги, однако политическая практика в этом регионе показывает доминирующую роль главы государства, что не дает законодательным собраниям предполагаемые полномочия в области принятия решений. В то же время наблюдается усиленная роль законосовещательных органов, наиболее яркие примеры функционирования которых отражаются в политических системах Саудовской Аравии, Катар и Омана. Так, например, в Катаре в соответствии с Конституцией 2003 г. Консультативный совет полностью заменяет парламент в осуществлении законодательной власти: он «обязан следовать государственной политике, утверждать государственный бюджет, а также осуществлять контроль над исполнительной властью». При этом 1/7 его членов назначается эмиром, главой государства, а остальная часть – 30 человек – избираются путем прямого, тайного, всеобщего голосования. В Омане Консультативный совет играет достаточно важную роль в процессе принятия законов, фактически по своим функциям также является парламентом и выступает неким проводником интересов общества во властных структурах, поскольку состав его нижней палаты – Консультативного совета – полностью избирается на всеобщих выборах. Все это указывает на то, что такого рода консультативные советы по своей сути представляют собой некий промежуточный механизм, унаследованный из прошлого, с одной стороны, и являющийся прообразом современных законодательных органов власти – с другой.

Важную роль в политическом процессе стран Арабского Востока играет исполнительная власть, которую осуществляет правительство совместно с главой государства. В книге «Восток и политика...» функционирование исполнительной ветви власти в регионе рассматривается сквозь призму полномочий, которыми наделен глава государства в соответствии с той или иной формой правления. Особому анализу подвергается система правления в дореволюционной Ливии – Джамахирии, роли и функций главы государства в ней. Однако необходимо указать на общие характерные черты арабских правительств, которые отличают их от правительств западных государств. Так, например, правительства в арабских республиках подчиняются и, по сути, являются подчиненными главе государства. Зачастую статьи, регламентирующие деятельность правительства как органа исполнительной власти, в конституциях арабских государств следуют непосредственно за статьями, регулирующими полномочия президента как носителя исполнительной власти. Исключение здесь составляет Йемен, в конституции которого Совету министров отведена отдельная глава.

Правительства арабских республик осуществляют контроль за работой административного аппарата, исполнением законов и других нормативных актов. Однако общую государственную политику как в политической, так и в экономической, оборонной, социальной и культурной сферах правительство осуществляет в соответствии с распоряжениями главы государства, совместно с ним определяя основные направления развития внутренней и внешней политики.

Что касается арабских монархий, то в них глава государства оказывает решающее влияние на функционирование правительства, которое находится в прямом подчинении ему, а «функции кабинета министров сводятся к консультациям и рекомендациям правителю по тем или иным вопросам внутренней и внешней политики и к ее реализации». И если в современных государствах наблюдается тенденция повышения роли органов исполнительной власти, то в арабских монархиях правительство представляет собой некий инструмент, позволяющий главе государства наиболее эффективно осуществлять свои полномочия. В некоторых странах правительство даже находится в личной зависимости от монарха, поскольку его члены являются родственниками монарха, членами его семьи. Так, например, в Саудовской Аравии заместителем председателя Совета министров и

министром внутренних дел является наследник престола принц Наиф бен Абдель Азиз ас-Сауд – сводный брат нынешнего короля Абдаллы бен Абдель Азиз ас-Сауда; министром обороны является Сальман бен Абдель Азиз – один из сыновей первого короля Саудовской Аравии Абдель Азиза и т.д.

Авторы книги не обошли вниманием также особенности политических систем стран Юго-Восточной Азии (Тайланда, Вьетнама, Лаоса, Филиппин и др.), в которых, наряду с тесной связью политики и религии, преобладанием харизматического и наследственно-харизматического типа лидерства, остро стоит вопрос соотношения демократических и авторитарных черт в управлении государством.

Научно-методический комплекс «Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы», безусловно, является фундаментальным исследованием современных трансформаций, происходящих в регионах Большого Ближнего Востока и Восточной Азии, и представляет несомненный интерес для профессионалов и всех тех, кто интересуется происходящими здесь политическими процессами и трансформациями.

Protopopova N.S. Political Transformations viewed from a perspective of Political Systems and Political Cultures.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ НАУКИ В XX в.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

А.А. Ахтамзян

В XX в. в России сложилась как самостоятельная отрасль исторической науки литература, исследующая современные международные отношения. Можно сказать, что началось это с публикации дипломатических документов некоторых стран Европы и Америки, которые для оправдания своей политики перед Первой мировой войной предали гласности архивные документы. Сделано это было в форме так называемых цветных книг: белых, синих, красных. Свою лепту в это дело внесло Советское правительство России сразу после свержения Октябрьской революции, опубликовав осенью 1917 г. секретные документы из архива царского правительства. Исполнителями этой акции были петербургские студенты под руководством матроса Маркина.

Публикация дипломатических документов европейских стран дала пищу не только публицистам, но и исследователям реалистически показать колониальную политику держав Великобритании, Франции, а также Германии и России. Не остались в стороне и США. Президент В. Вильсон в своих 14 пунктах вслед за Декретом о мире В. Ленина призвал к отказу от тайной дипломатии.

Так или иначе, в ряде стран Европы и Америки историки и публицисты занялись изучением ранее неизвестных им документов и стали публиковать результаты своих исследований. Советские историки активно включились в разработку актуальных тем международных отношений. Известны усилия так называемой школы Покровского, который выявил тенденцию буржуазных ученых исходить из того, что история – это политика, опрокинутая в прошлое. Однако постепенно сложились и научные школы, которые в рамках изучения всеобщей истории изучали специально дипломатическую историю, историю международных отношений. Одним из первых среди историков в XX в. был Е.В. Тарле, опубликовавший в 1906 г. монографию «Континентальная блокада». Исследованием состояния

военно-морских сил держав и их роли в международных отношениях основательно занимался Л.Н. Иванов. Критический анализ политики Германии накануне мировой войны на основе архивных изысканий провел Ф.И. Нотович. Их работы отмечены в очерках об их творческом пути.

Одной из первых обобщающих работ стала вторая часть учебника «Новая история», подготовленная Институтом истории АН СССР и выпущенная в Москве в 1939 г. Том вышел под редакцией академика Е.В. Тарле, члена-корреспондента АН А.В. Ефимова, профессора Ф.И. Нотовича и профессора В.М. Хвостова. Том имел подзаголовок: «От франко-прусской войны и Парижской коммуны до победы Октябрьской революции в России и окончания империалистической войны». Названные авторы довоенного издания стали не только авторами трехтомной «Истории дипломатии», изданной в 1943–1947 гг., но и первыми профессорами созданного в 1944 г. Московского государственного института международных отношений МИД СССР. Создание учебного заведения международного профиля позволило готовить профессиональных специалистов-международников на основе серьезной научной исследовательской деятельности профессоров и доцентов вуза. Если первые учебные курсы охватывали период «от Адама до Потсдама», то последующие учебные программы складывались из результатов исследования проблем международных отношений второй половины XX в. и начала XXI в.

По существу, вся отечественная наука, изучающая современные международные отношения, формировалась при участии профессоров, доцентов и выпускников МГИМО. Достаточно сказать, что вскоре после окончания вуза выпускники МГИМО стали ведущими исследователями в академических институтах АН СССР, а многие – руководителями академических институтов: ИМЭМО – Н.Н. Иноземцев, США и Канады – Г. Арбатов, С.М. Рогов, Института Латинской Аме-

Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович – д.и.н., почетный профессор МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

рики – В.В. Вольский, Института Африки – Анат. Громыко, Института информации по общественным наукам – В. Виноградов, Института социологии АН.

С самого начала своей деятельности педагогический коллектив МГИМО работал в прямом контакте с кафедрами Московского государственного университета, особенно с кафедрами международного факультета, где в начале 1944 г. заведующим кафедрой международных отношений и дипломатии стал академик Е.В. Тарле. При преобразовании факультета в Московский государственный институт международных отношений кафедра академика Е.В. Тарле стала первой кафедрой нового вуза. Связь института с Академией наук была постоянной не только благодаря участию академика Е.В. Тарле, члена корреспондента А.В. Ефимова и академика В.М. Хвостова в педагогическом процессе, но и других ученых из Института истории и Института востоковедения. Некоторые из них стали позже действительными членами Академии наук, например В.Г. Трухановский, С.Л. Тихвинский, Г.П. Францев, а также М.С. Капица. Позже многие выпускники МГИМО стали академиками: Г.А. Арбатов, Н.Н. Болховитинов, В.А. Виноградов, Н.Н. Иноземцев, Е.М. Примаков, С.М. Рогов, Н.А. Симония, А.В. Торкунов. Словом, целая плеяда ученых-международников, включавшая членов-корреспондентов АН В.В. Вольского, Анат. Громыко, Э.Е. Обминского и др. Все они выходцы из научных школ МГИМО, Института востоковедения, Института внешней торговли.

Если первые ученые-международники начинали свою исследовательскую деятельность с исторических сюжетов, то следующее поколение международных взялось за изучение современных международных отношений, выйдя за пределы Европы и Азии. После окончания Первой мировой войны предметом изучения была версальско-вашингтонская система договоров, кризис колониальной системы и обострение национально-освободительной борьбы. В межвоенный период внимание исследователей привлекали конфликтные ситуации, борьба держав за передел мира, борьба за овладение сырьевыми источниками и морскими коммуникациями, формирование военно-политических блоков. В мировую политику и международные отношения внесла новую проблематику наша страна, начиная с Генуэзской экономической конференции 1922 г., на которой получил признание принцип равноправия систем собственности как основа мирного сосуществования. В условиях мирового экономического кризиса обострения межгосударственных отношений после прихода к власти фашистских и милитаристских сил в Германии, Италии, Испании, Японии исследователи изучали социально-экономические условия в странах мира, чтобы понять причины обострения отношений между государствами. Их исследования и публикации были откликом на злободневные проблемы международных отношений.

По инициативе нашей страны в повестку дня Лиги Наций и международных конференций были

поставлены вопросы разоружения и проблемы международной безопасности. Нет оснований говорить, что ученые уклонялись от рассмотрения политически острых вопросов. Однако их исследования основывались на реальных фактах, данных статистики, на документах. В этом была их научная и актуально-политическая ценность. Усилий не только ученых, но и государственных деятелей оказалось недостаточно для того, чтобы предотвратить мировую войну. Вторая мировая война выдвинула перед исследователями новые задачи: изучить вновь опыт войн в прошлом. Неслучайно именно в годы Великой Отечественной войны академик Е.В. Тарле завершил фундаментальный труд «Крымская война», в которой Россия потерпела тяжелое поражение. После коренного перелома в ходе Второй мировой войны исследователи были привлечены к разработке проблем послевоенного устройства в Европе и в Азии. Вклад ученых, таких, как С.Б. Крылов, В.Н. Дурденевский, Е.В. Тарле, в послевоенное мирное урегулирование и создание международной системы безопасности – Организации Объединенных Наций – был признан и высоко оценен нашим государством.

Проблематика исследования международных отношений после Второй мировой войны получила большие масштабы в соответствии с реальными потребностями государства в знании реального положения в мире и реальных интересов и устремлений в странах мира. В разработке проблем современных международных отношений активное участие приняли профессора и доценты, а затем и выпускники МГИМО. Число монографий, вышедших во второй половине XX в., измеряется не единицами или десятками, как это было в межвоенное время, а сотнями и тысячами единиц. Список трудов только профессоров и доцентов МГИМО, а также выпускников МГИМО насчитывает несколько тысяч единиц.

Коллективные монографии по истории международных отношений со временем стали все больше включать современную проблематику и приобрели политологический характер. Именно в стенах МГИМО были подготовлены и успешно защищены первые в стране диссертации на соискание ученой степени доктора политологии. Легенда, имеющая реальную основу, гласит, что диплом доктора политических наук одним из первых получил проректор МГИМО Иван Георгиевич Тюлин. Чуть позже – Анатолий Васильевич Торкунов и целая плеяда молодых профессоров нашей альма-матер.

Что касается традиционных направлений развития науки международных отношений – международно-правового, международно-экономического, культурологического и лингвистического, то следует отметить общие и специальные работы не только по истории международных отношений, но и политических наук, мировой политике, мировой экономике и экономике, международных экономических отношений, экономике зарубежных стран. На рубеже веков вышел в свет коллективный труд под редакцией ректора МГИМО А.В. Торкунова «Современные международные отношения», за

которым последовали коллективные работы различных кафедр.

Профессора и доценты МГИМО дополнили своими исследованиями, десятками общих работ, а также сотнями монографий не только свои библиотеки, но и библиотеки других стран. Известно, что в каталогах не только Конгресса США, но и британских, германских, французских, латиноамериканских публичных библиотек, не говоря уж об университетских библиотеках восточноевропейских стран, зафиксированы сотни названий книг наших профессоров, доцентов и аспирантов. Однако при составлении рейтингов по критериям западных историографов почему-то количество ссылок на них оказывается минимальным. Может быть, дело не в том, что нет у нас трудов мирового уровня, а в определенной тенденции западных авторов не утруждать себя чтением на русском языке?

Ординарный профессор за время своей творческой деятельности, по примерной оценке, держит в руках не 100, а тысячу книг и более того, а в личной библиотеке имеет несколько тысяч книг. Одно перечисление тем и названий научных трудов заняло бы много времени. Достаточно сказать, что второе издание «МГИМО-Университет» содержит сведения примерно относительно 20 научных школ и направлений по истории, экономике, правовым наукам, политологии, лингвистике и филологии. Создание цикла очерков о творческой деятельности не только академиков, но и профессоров и доцентов прошлого и настоящего представляется делом чести и долга нашего коллектива. Намечено подготовить том под названием «Научные школы МГИМО». В 2011 и 2012 гг. «Вестник МГИМО-Университета» опубликовал в рубрике «Золотой фонд» ряд очерков о тех представителях нашего университета, кто действительно был первым и в прямом, и в переносном смысле. Ведется большая работа по пополнению этого цикла об известных ученых и преподавателях, трудившихся в МГИМО или вылетевших из его гнезда. Каждая кафедра может принять в этом участие, сказать свое слово о создателях научных школ и людях, продолжающих их дело.

Отдельная полка для книг по международным отношениям и дипломатии должна быть отведена для исследований и мемуаров дипломатов-практиков, которые по сорок лет своей жизни отдали служению на поприще внешней политики страны. В советский период истории страны дипломаты редко публиковали свои записки или дневники, хотя, как известно, вели такие дневники. В первые послевоенные годы увидели свет «Материалы к истории создания Организации Объединенных Наций», собранные С.Б. Крыловым, а затем вышла книга под названием «История создания ООН», изданная издательством ИМО. Советские дипломаты принимали участие в создании «Истории дипломатии» в пяти томах и «Истории внешней политики СССР» в двух томах, которые выходили под редакцией Б.Н. Пономарева, А.А. Громыко и В.М. Хвостова.

Исключение составлял рано вышедший в отставку и ставший действительным членом Академии наук СССР Иван Михайлович Майский. В 1960-х гг. прошлого века вышла его книга под названием «Кто помогал Гитлеру». Представленная в издательство Института международных отношений рукопись этой книги имела первоначально иное название: «СССР был прав». У издателя возник вопрос: почему автор, бывший Посол СССР в Великобритании, употребил слово «был»? Автор согласился с предложенным издательством названием книги. Позже в издательстве Академии наук И.М. Майский выпустил существенно расширенный том мемуаров.

Спрос на мемуары дипломатов был всегда весьма значительным, однако дипломаты воспринимали предложение издательства как намек на скорую отставку. Дело ограничилось до 1980-х гг. двумя-тремя небольшими по объему книгами воспоминаний бывших послов. Правда, среди видных дипломатов того времени склонностью к литературному творчеству выделялся многолетний Посол СССР в ГДР Петр Андреевич Абраимов. Свою литературную деятельность он начал под весьма прозрачным псевдонимом Петр Андреев, опубликовав в 1978 г. книгу «Дом на Унтер ден Линден. Из истории русского и советского посольства в Берлине». Уже в следующем году в Москве в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга Петра Андреева «Повесть о моем друге». Предисловие к книге написал С. Михалков. Она была предназначена молодым читателям и рассказывала о тревожной партизанской молодости автора. В 1980 г. была напечатана монография П.А. Абраимова «Западный Берлин вчера и сегодня». Вскоре в Москве состоялась защита его диссертации по германской проблематике. Результатом научных изысканий стал ряд книг мемуарного, исторического и политологического содержания.

Провозглашенная в середине 1980-х гг. политика гласности и свободы слова, а самое главное – отставка от активной деятельности целой плеяды дипломатов, как бы открыла шлюзы, и хлынул поток не только антисоветских изданий таких авторов, как В. Суворов (на деле перебежчик Резуна), но и советских дипломатов, до конца исполнивших свой гражданский долг. Одним из первых выпустил свои воспоминания видный дипломат и политический деятель В.М. Фалин. Его политические воспоминания увидели свет в Германии на немецком языке, а потом на русском языке в России.

Почти одновременно вышли в свет воспоминания другого советского дипломата-германиста Ю.А. Квицинского. Тоже в Германии и на немецком языке. Позже воспоминания дипломата изданы и на русском языке. Сопоставление времени выхода в свет воспоминаний двух профессиональных дипломатов одной страны и одной школы дает основание предполагать, что шло явное соревнование в отстаивании своей концепции решения германской проблемы. На германском направлении с момента объединения двух германских государств ФРГ и ГДР в российской историографии идет под-

спудная дискуссия между различными подходами к решению германской проблемы. Профессиональные дипломаты высказывают свою точку зрения на личную (не государственную и не партийную дипломатию) М.С.Горбачева и Э.Шеварднадзе.

Бывший посланник в Берлине И.Ф. Максимычев, выйдя в отставку, опубликовал серию статей по проблемам окончательного урегулирования в отношении Германии, также несколько исследовательских эссе по программе научных работ Института Европы РАН и успешно защитил в МГИМО диссертацию на соискание ученой степени доктора политологии. Свое видение проблемы германского урегулирования он изложил в двух книгах: «Народ нам не простит» и «Падение Берлинской стены». Первая имеет подзаголовок «Последние месяцы ГДР» и пояснение жанра: «Дневник советника-посланника посольства СССР в Берлине». Вторая также определяет жанр: «Из записок советника-посланника посольства СССР в Берлине».

Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ФРГ сначала в Бонне, а в конце срока пребывания в Берлине, В.П. Терехов в книге «Холодный блеск Фортуны» также полно представил свое видение проблем германского урегулирования. Практически все названные дипломаты высшего ранга, работавшие на германском направлении, дали не просто свое субъективное видение результатов «личной дипломатии» М.С.Горбачева и Э.Шеварднадзе, а и объективную оценку итогов их деятельности с учетом жизненных государственных интересов страны. Книга В.П. Терехова вышла в новой серии издательства «МГИМО-Университет», в серии «Воспоминания дипломата», в которой первой книгой стала книга воспоминаний посла Г.В. Уранова «Дорога в Ватикан».

В первом десятилетии нового века библиотеки многих стран пополнились воспоминаниями и специальными книгами, в которых обобщен опыт работы дипломатов в XX в. В ряду таких книг на первое место можно поставить исследовательский том многолетнего ректора Дипломатической академии МИД СССР, посла в Великобритании В.И. Попова «Современная дипломатия». Автор этого труда известен как исследователь англо-советских отношений в новейшее время, а также серии работ по истории Великобритании. Люди, близко знавшие В.И. Попова и сотрудничавшие с ним в Дипломатической академии, выпустили книгу, посвященную памяти замечательного дипломата, ученого и человека.

Определенное отражение получил опыт РФ как нового государства в книгах бывшего министра иностранных дел России И.С. Иванова. Нам представляется, что более полное и яркое отражение проблемы внешней политики и дипломатии страны получили в книгах бывшего министра иностранных дел, академика РАН Е.М. Примакова, особенно в том, что касалось проблемы международных отношений в Ближневосточном регионе мира.

Большой опыт работы на поприще дипломатии обобщили бывшие заместители министра иностранных дел, поработавшие послами в ряде стран Европы и Ближнего Востока, а также

представлявшие страну в ООН – Ю.В. Дубинин и А.М.Белоногов, оба выпускники МГИМО 1954 г. Посол Ю.В. Дубинин обобщил опыт ведения дипломатических переговоров на многостороннем уровне, на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, а затем в книге «Время перемен. Записки посла в США». Ранее выходили его воспоминания под названием «Амбасадор» о работе послом в Испании. А.М. Белоногов опубликовал после выхода в отставку несколько книг о своей работе в Египте, а также в качестве Постоянного представителя в ООН. В 2010 г. напечатан солидный том воспоминаний бывшего заместителя министра иностранных дел России Юрия Дерябина, тоже, между прочим, выпускника МГИМО 1954 г. Как выразился один из названных дипломатов, выпуск 1954 г. оказался звездным по числу послов и заместителей министра иностранных дел. К плеяде выпускников МГИМО 1954 г. относится и Анатолий Андреевич Громыко, проявивший себя и на научном, и на дипломатическом поприще. Он был избран в члены-корреспонденты Академии наук и много лет работал директором Института Африки Академии наук и опубликовал ряд научных работ, в последнее время и книги мемуарного содержания. Дипломаты, много лет работавшие в МИД СССР под руководством А.А.Громыко, опубликовали к 100-летию со дня его рождения книгу воспоминаний под названием «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны» (М., 2009).

В ряду видных дипломатов достойное место занимает Борис Поклад – автор воспоминаний о своей работе в МИД СССР, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1-го класса. Этот ряд публикаций может и должен быть продолжен в томах по истории МГИМО. Автор данного обзора имеет в виду книги послов Р.А. Сергеева, И.Д. Бубнова, А.Б. Подцероба, О.А. Гриневского. В скобках заметим, что не остались в стороне от проспекта гласности и сотрудники спецслужб. В 1994 г. в Москве увидела свет небольшая книжечка Л.В. Шебаршина «Из жизни начальника разведки». А в 1997 г. в Москве издана книга воспоминаний В. Кеворкова «Тайный канал», а также книга В.Ф. Грушко «Судьба разведчика», которая вышла сначала в 1995 г. в Осло на норвежском языке, а потом в Москве на русском. Названные в этом обзоре книги подарены мне как историку авторами воспоминаний – и чрезвычайными и полномочными послами, и не менее чрезвычайными разведчиками. Поэтому я счел своим долгом рассказать о них молодому поколению международных, которому полезно знать опыт международных XX в.

Краткий обзор литературы по международным отношениям и дипломатии не претендует на полноту. Обзор имеет и объективный характер и субъективную окраску. Это всего лишь обзор книг, стоящих на полке одного из сотен историков-международников. Он отражает достижения научной школы МГИМО и может быть пополнен трудами академических институтов.

Akhtamzyan A.A. *International Relations as an Object of Science in the XX Century.*

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Г.М. Лесная

В МГИМО-Университете 25 июня 2013 года прошла Международная конференция «Российско-украинские отношения: реалии и перспективы», целью которой стал диалог о важнейших проблемах двустороннего сотрудничества между представителями парламентов двух стран, общественными деятелями, учеными, руководителями промышленных предприятий. Выбор нашего университета в качестве площадки для дискуссии неслучаен. Ведь МГИМО не только обладает опытом проведения таких мероприятий, в последние годы наш вуз, наряду с некоторыми другими российскими университетами, активно развивает украинистику. Украинский язык преподается на двух факультетах МГИМО, в этом учебном году открылась и успешно работает российско-украинская магистратура по международным отношениям (совместно с ИМО Киевского национального университета им. Т. Шевченко). На базе МГИМО и РГГУ работает Российская ассоциация украинистов (РАУ), объединяющая ведущих российских специалистов в области украинистики. 1–3 декабря 2011 г. в МГИМО-Университете прошла Вторая научная конференция РАУ «Цивилизационные и культурные связи России и Украины», в работе которой приняли участие не только российские исследователи, но и их украинские коллеги.

Сложно найти другую страну, которая исторически была бы так близка России, как Украина, и отношения с которой на современном этапе были бы так драматически накалены. Поэтому, открывая заседание, Председатель Государственной Думы РФ С.Е. Нарышкин отметил, что об-

щественный диалог лучше, чем его отсутствие, и что эта конференция – важный шаг в направлении развития такого диалога.

О необходимости и своевременности такого разговора свидетельствует и тот факт, что зал МГИМО с трудом вместил желающих участвовать в работе конференции. На заседании также присутствовали более 50 представителей СМИ двух стран. И хотя конференция проводилась не в ее классическом виде (научная публикация текстов докладов не планировалась), отклики о ней, анализ конференции в целом и отдельных выступлений в частности начались сразу после ее проведения и продолжают до сих пор. Вот лишь некоторые из них: А. Баталин «Газпром» оторвал Украину от Таможенного союза» («Независимая газета» от 27 июня 2013 г.); М. Тюрников «Плохие ассоциации Украины» (газета «Культура» от 26 июня 2013 г.); И. Капсамун «Зустріч – прощання» (газета «День» от 4 июля 2013 г.); «Киев – Москва. Острый диалог» (еженедельник «2000» №28 за 12 – 18 июля 2013 г.).

Оживленное обсуждение проблем, затронутых на конференции, ведется не только на страницах печатных изданий, в репортажах и интервью по радио и телевидению, но и в социальных сетях.

В ходе одного рабочего дня конференции состоялись пленарное заседание и два секционных, посвященных обсуждению социально-экономических и гуманитарных проблем.

На пленарном заседании ректор МГИМО-Университета академик А.В. Торкунов, приветствуя парламентариев и ведущих российских и

украинских экспертов, отметил: «Современные Россия и Украина стали важнейшими элементами европейского и евразийского политико-экономического ландшафта. Отношения Киева и Москвы не просто являются самоценностью, но оказывают серьезнейшее воздействие на международную систему. Сам масштаб наших стран, сложность внутривнутриполитических и социальных процессов в России и в Украине объективно ведут к комплексному, многослойному характеру наших отношений». Обладая общей стратегией устремлений, обе страны стоят перед необходимостью ответа на ряд непростых вопросов, помочь в решении которых могут «парламентские механизмы, обеспечивающие трансляцию воли народов в правила поведения для государства, бизнеса, зарубежных партнеров». По мысли Анатолия Васильевича, параметры такого диалога, который предусмотрен конференцией, могут стать «одним из этапов совместного поиска ответов на общие вопросы».

Сопредседателями конференции были Председатель Государственной Думы РФ С.Е. Нарышкин и руководитель Комитета Верховной Рады по вопросам верховенства права и правосудия, руководитель депутатской группы межпарламентского сотрудничества Украина – Россия С.В. Кивалов.

В своем выступлении С.Е. Нарышкин подчеркнул, что инициатива проведения конференции принадлежит большой группе государственных и общественных деятелей Украины, которые обратились к нему и к лидерам четырех фракций Государственной Думы с предложением провести дискуссию о путях решения накопившихся проблем в сотрудничестве между двумя странами в экономической, политической, гуманитарной и иных сферах. «Со своей стороны мы тоже считаем необходимым придать новый импульс всестороннему развитию и углублению нашего двустороннего взаимодействия», – подчеркнул спикер ГД. – Мы не скрываем, что хотели бы видеть Украину в числе деятельных и ответственных участников происходящих на пространстве Содружества Независимых Государств процессов интеграции. Однако решение, конечно, должны принимать сами украинские партнеры».

В свою очередь С.В. Кивалов сравнил деятельность депутатской группы по межпарламентским связям Украины и России с работой Штольца по отношению к некоторым «Обломовым» в наших странах: на его взгляд, именно эта группа напоминает им о национальных интересах, подталкивая к принятию нужных решений. «Я был и остаюсь сторонником Соглашения о Едином экономическом пространстве с Россией, Казахстаном и Белоруссией. Соединенным Штатам Америки и Канаде, которые состоят в Североамериканской ассоциации свободной торговли, ничто не мешает интегрироваться с Европейским Союзом. И украинцам, и россиянам стоит у них поучиться», – сказал он.

На пленарном заседании выступили руководители трех думских фракций партий: В.А. Васильев («Единая Россия»), В.В. Жириновский («Либерально-демократическая партия России»), С.М. Миронов («Справедливая Россия»). В.А. Васильев, говоря о постоянных связях и сотрудничестве парламентариев двух стран, отметил уникальность проходящей в МГИМО встречи. В.В. Жириновский посмотрел на современные проблемы российско-украинских отношений сквозь призму истории и напомнил о ее уроках.

С.М. Миронов также коснулся темы исторически сформировавшихся связей между двумя народами и ряда серьезнейших проблем, возникших после распада Советского Союза. Говоря о двустороннем сотрудничестве, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы отношения замыкались только на меркантильных интересах. «Я не призываю к затушевыванию спорных вопросов, уходу от обсуждения трудностей и отказу от принципиальной дискуссии, – сказал он. – Мы должны четко понимать и различать общие проблемы нашего прошлого, задачи настоящего и перспективные направления будущего... Нам есть чему учиться друг у друга».

Яркими и содержательными были выступления на конференции В.М. Литвина и С.Ю. Глазьева.

В.М. Литвин – председатель Комитета Верховной Рады Украины по вопросам национальной безопасности и обороны – говорил о значимости встречи, соотносимой с «моментом истины». На его взгляд, этот момент истины состоит в том, что сейчас «украинско-российские отношения должны или улучшиться, или ухудшиться. Другого просто не дано». Что же нужно сделать для их улучшения? «Я думаю, – сказал докладчик, – нам нужно понимать историческое измерение в наших отношениях и смотреть на те вызовы, которые встают перед нашими странами и в целом перед всем миром. Ибо я убежден, само отношение к России в Украине является ключевым критерием позиционирования и идеологического размежевания политического класса. И соответственно навязывание этим политическим классом избирателям своей точки зрения, особенно в периоды политических кампаний».

По мысли В.М. Литвина, характер украинско-российских отношений является определяющим в плане сохранения политического, экономического и военного суверенитета Украинского государства. В то же время «особенность момента заключается в том, что такое понимание перекрывается (или «затеняется») идеей политической ассоциации и зоны свободной торговли с Европейским Союзом». В этой ситуации украинские политики заняли двойственную позицию: при принятии решений переключились на соревнование, «кто больше европеец», а потом после голосования «будут класться в верности исторической дружбе с Российской Федерацией». Поэтому сейчас нужно не пережи-

дать, а «расширить рамки диалога и этот диалог вести между народами, и, конечно, необходимо отказаться от шаблонного мышления».

Анализируя крупные вызовы современности, мы непременно придем к пониманию снижения роли национальных государств в системе мирообразования, считает В.М. Литвин, к необходимости освобождения от ограничений, которые накладываются этими государствами. Для ответа на важнейшие проблемы эпохи глобализации требуется «образование наднационального характера при сохранении суверенитета национальных государств, в рамках которых будут решаться проблемы, которые надлежит решать. Другое дело, что нужно дать современное определение того, что такое суверенитет».

Критически оценив предыдущие контакты, В.М. Литвин одобрил новый формат этой встречи и сказал, что такой диалог должен стать постоянным «для принятия практических решений институтами и органами власти на основе тех рекомендаций, которые мы обязаны набирать».

С.Ю. Глазьев – советник президента Российской Федерации, академик РАН РФ и член Национальной академии наук Украины – проанализировал, какими будут условия функционирования Украинского государства после подписания страной Соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Их сущность, на взгляд ученого, состоит в том, что «Украина фактически перестанет быть самостоятельным суверенным субъектом торгово-экономических отношений. Соглашение предполагает одностороннюю зависимость Украины от директив Европейского союза. Хотя Украина действительно не становится полноправным членом ЕС, но она обязуется четко выполнять все директивы, связанные с торговлей, она берет на себя обязательство беспощадно пропускать европейскую продукцию. Она соглашается на сохранение квот и ограничений против нее». После подписания соглашения все спорные вопросы будет рассматривать Европейский суд, и если Украина не будет выполнять эти обязательства, то Европа оставляет за собой право ограничивать доступ украинских товаров на свой рынок. Никогда в своей истории, сказал С.Ю. Глазьев, Россия не делегировала в одностороннем порядке свои полномочия третьей стороне, Украина же такие полномочия делегирует ЕС.

Не менее серьезными, по расчетам российских экономистов, будут последствия подписания этого соглашения для развития экономики Украины: «Если мы столкнемся с тем, что украинские товары, вытесняемые европейскими конкурентами, будут чрезмерно идти на наш рынок и нарушать сбалансированность торговли, а еще хуже – если пойдет реимпорт европейских и турецких товаров через территорию Украины, – то у нас остается возможность выхода из отношений свободной торговли с Украиной, точнее, исклю-

чения Украины из зоны свободной торговли в СНГ».

Противоположную точку зрения высказал А.Г. Пышный – народный депутат Украины, заместитель руководителя партии «Батькивщина». На его взгляд, внешнеполитический выбор Украины определен в Законе Украины «Об основах внешней и внутренней политики», принятом три года назад. Именно в этом законе вектор европейской интеграции страны определен как безальтернативный: Украина интегрируется в политическое, экономическое, правовое пространство Европейского союза с целью членства в ЕС. «Спустя три года именно такой подход получил поддержку абсолютного большинства украинских граждан, – сказал А.Г. Пышный. – Этот выбор – суверенное, неотъемлемое право страны, и этот выбор необходимо уважать».

С ним не согласился П.П. Симоненко – руководитель фракции Коммунистической партии в Верховной Раде, которая, по его словам, настойчиво и последовательно отстаивает идею вступления Украины и в Таможенный союз, и Евразийское экономическое сообщество. Это даст Украине бесспорные преимущества: обеспечит гарантированные рынки сбыта для своих производителей, а рабочие места – это уровень социальной поддержки и социальные программы, которые реализуются в Украине; это даст возможность нарастить объемы производства, существенно расширить структуру экспорта. П.П. Симоненко подчеркнул: в проблеме «евровыбора» лежат интересы украинской сырьевой олигархии, а Украину Запад встраивает в систему международных отношений как государство с периферийной экономикой.

О конкретных проблемах сотрудничества между двумя странами на пленарном заседании говорили и другие участники заседания: депутаты Верховной Рады П.А. Порошенко и В.А. Богуслав, министр образования и науки Украины Д.В. Табачник, руководитель Россотрудничества К.И. Косачев и руководитель Федеральной миграционной службы России К.О. Ромодановский, президент Объединенной авиастроительной корпорации М.А. Погосян и правительственный уполномоченный Кабинета министров Украины по вопросам сотрудничества с РФ В.И. Мунтиян.

П.А. Порошенко, говоря о высокой вероятности того, что через четыре месяца, после подписания Соглашения об ассоциации с ЕС, Украина и Россия окажутся в новых реалиях, считает, что тем не менее они не перестанут быть братскими народами и уровень взаимодействия экономик не станет ниже. Однако уже в этом году товарооборот между двумя странами упал на 20%, поэтому проблемы не удастся решить быстро.

Д.В. Табачник счел проблему противопоставления европейского выбора Украины и ее отношений с Россией дилеммой, придуманной политиками, поскольку история доказывает, что

и Россия, и Украина – это часть Европы. И без них будущая Европа невозможна, но им самим нужна другая, новая Европа, объединяющая все государства континента.

Дальнейшая дискуссия была перенесена на секционные заседания. Секцией, посвященной обсуждению социально-экономических проблем двустороннего сотрудничества, руководили: Л.Э. Слуцкий – председатель Комитета ГД по делам СНГ и связям с соотечественниками, С.Р. Гриновецкий – председатель подкомитета по вопросам социальной и правовой защиты военнослужащих и членов их семей Комитета Верховной Рады по вопросам национальной безопасности и обороны, А.А. Дынкин – директор Института мировой экономики и международных отношений РАН и М.И. Кротов – советник Председателя ГД РФ. Обсуждение проблем велось в двух направлениях: стратегические основы будущего экономического сотрудничества и авиационно-космический блок двусторонних отношений.

Академик А.А. Дынкин, сравнивая современный уровень российско-украинских отношений и некоторые факты из истории международных отношений XVIII – XX вв., пришел к выводу, что сегодня для России нет более актуальной задачи, чем отношения с Украиной. В ближайшее время, год-два, будут заложены тренды будущих отношений на весь XXI в. Поэтому, на его взгляд, сейчас важно подняться над стереотипами, банальными обвинениями, историческими фобиями: «Сумеет ли мы это сделать, не только в этом зале, а в широком смысле, от этого будет зависеть будущее наших двух стран».

С.Р. Гриновецкий проанализировал общие риски, характерные для России и Украины в эпоху глобализации, а также высказал идею необходимости сильной государственной региональной политики, поскольку отношения между регионами могут не только дополнять межгосударственные отношения, но и стимулировать их. И если говорить о социально-экономическом развитии, то с этой целью, на его взгляд, нужно воссоздать Межрегиональную ассамблею СНГ.

Н.К. Арбатова, зав.отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН, в своем выступлении подчеркнула, что сегодня на всем Евро-Атлантическом пространстве нет отношений, которые были бы важнее, чем отношения между Россией и Украиной. От этих отношений зависит стабильность и безопасность во всем евроатлантическом регионе: «И то, что происходит сейчас в наших отношениях, это раздирание Украины между Европейским Союзом и Россией, это очень опасная ситуация, которая может привести к весьма серьезному конфликту в большой Европе, учитывая тот факт, что население Украины очень поляризовано». В такой ситуации всегда есть большой соблазн искать виновных где-то на стороне, но, на взгляд Н.К. Арбатовой, «в 90-е годы Россия совершила страшную ошибку на постсоветском

пространстве: вся политика России в отношении государств СНГ была контрпродуктивна». Сейчас же, чтобы избежать раздирания, важно создавать очень конкретные проекты в различных областях между Евросоюзом, Россией и Украиной. Это очень хороший путь, чтобы создать какую-то модернизационную базу. Ведь недостаток Восточного партнерства как раз в том и состоит, что не создается горизонтальное сотрудничество, а в основном вертикальное. Но и Россия, и Украина могли бы выступить с инициативными проектами, вовлекая европейских партнеров. Именно это помогло бы преодолеть крайне опасную ситуацию.

Секцией гуманитарных проблем руководили В.С. Бакиров – ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, сопредседатель Ассоциации вузов-партнеров РФ и Украины и П.П. Толочко – директор Института археологии НАНУ.

В своем выступлении академик П.П. Толочко высказал мысль о том, что не бывает единственного цивилизационного выбора, как сейчас пытаются представить евроинтеграцию некоторые украинские политики. Ведь «выбор был сделан нашими предками. И хороши родители или плохи, но нормальные (нравственно не ущербные) дети от них не отрекаются».

Известный украинский политолог М.Б. Погребинский обратил внимание на следующий парадокс современной украинской политики: политические силы, которые выступают за европейскую интеграцию Украины, на самом деле не являются проевропейскими. Все их действия имеют исключительно антироссийскую направленность, об этом свидетельствует полная поддержка ими ультраправой «Свободы». Объективно на Россию ориентируются более половины украинских граждан, а антироссийскую позицию поддерживают в Украине не более 20% населения. Поэтому парадокс состоит в том, что так называемая «оппозиционная коалиция», которая получила в парламенте почти половину голосов, выражает взгляды всего лишь пятой части населения, а вовсе не половины. «К сожалению, Украина пока рассматривается как приз в войне Европы и России, - сказал эксперт. – Это абсолютно бесперспективный подход. Поэтому я обращаюсь к российским коллегам с призывом совместными усилиями выработать правильную модель трехстороннего взаимодействия».

Народный депутат Верховной Рады Г.Л. Труханов говорил о необходимости изменения общего климата двусторонних отношений. Насаждаемые с помощью СМИ негативные стереотипы о народе-соседе, которые не имеют ничего общего с действительностью, расходятся с заявлениями о братстве народов и единстве культуры. Поэтому необходимо менять формы межгосударственного взаимодействия и сотрудничества, выходить за рамки официального протокола и активно использовать так называемую народную дипломатию.

В работе секции гуманитарных проблем приняли участие члены Российской ассоциации украинистов: В.В. Ищенко (заместитель директора Института всеобщей истории РАН), В.И. Мироненко (руководитель Центра украинских исследований Института Европы РАН, вице-президент РАУ), Г.М. Лесная (профессор МГИМО и РГГУ, президент РАУ), Е.Е. Левкиевская (ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН), К.С. Дроздов (научный сотрудник Института российской истории РАН), А.С. Левченков (доцент РГГУ), А.Н. Окара (директор Центра восточноевропейских исследований).

Каждый из них рассмотрел отдельные проблемы современной российской украинистики. Г.М.Лесная проанализировала деятельность Российской ассоциации украинистов в контексте развития мировой украинистики, а также те проблемы, которые сейчас стоят перед преподавателями и учеными. А.С. Левченков остановился на вопросах подготовки кадров для работы в государственных и коммерческих организациях, связанных с налаживанием двусторонних отношений, а также на проблеме формирования общего образовательного пространства.

В.И. Мироненко говорил о необходимости огранить площадку научных дискуссий от политических спекуляций, а также о потребности новых масштабных исследований и их финансирования. Эту идею поддержала и Е.Е. Левкиевская, которая рассказала о научном проекте РАУ по этнолингвистическому исследованию украинских анклавных говоров России и необходимости финансирования этого и других научных проектов. В.В. Ищенко рассказал о совместном российско-украинском пособии по истории для учителей средней школы России и Украины, подготовленном и изданном в 2012 году.

Подводя итоги конференции, ее участники пришли к общему выводу о том, что такой формат обсуждения проблем двустороннего сотрудничества был реализован впервые и что только такая доверительная, заинтересованная дискуссия может способствовать качественным изменениям в российско-украинских отношениях, а поэтому такие встречи нужно сделать ежегодными.

Lesnaya G.M. International conference "Russian-Ukrainian relations: realities and prospects".

ГЕНДЕР И ПОЛИТИКА: ПАРАДОКСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Е.Э. Шишлова

В рамках дней науки МГИМО(У) 24 – 26 апреля 2013 г. кафедра философии совместно с учебно-исследовательской социологической лабораторией факультета международной журналистики провела круглый стол, посвященный обсуждению гендерной проблематики и анализу ее состояния в разных странах мирового сообщества. В мероприятии приняли участие российские и иностранные студенты факультетов МЖ, МЭО, МП, МО. Тема гендера была заявлена как инновационная, соответствующая процессам модернизации и постмодернизации в меняющемся современном мире. В выступлениях участников прослеживалось стремление перейти от критики патриархатной традиции к конструктивному поиску и утверждению новых подходов во взаимоотношениях мужчин и женщин, во взаимодействии маскулинного и феминного.

Участники круглого стола продемонстрировали интерес к обсуждаемой проблеме, свои выступления сопровождали яркими презентациями, принимали активное участие в возникающих дискуссиях. Раскрытию творческого потенциала студентов способствовала такая форма, как работа в командах, а также заранее заявленные требования к подготовке презентаций, включающих три части: теоретическую, иллюстративную и практическую (интерактивную). В прозвучавших докладах тема гендера была представлена как междисциплинарная. Выступавшие единодушно обратили внимание на важность взаимосвязи социокультурных, политических и психологических факторов в процессе преодоления гендерных стереотипов.

Студенты факультета МЖ (М. Андрюхина, Е. Куди, Д. Стрелков, Е. Некрасова, П. Подольская, А. Ямшанова) в своих выступлениях, посвященных социокультурным аспектам ген-

дерной политики в России и Швеции, подняли проблему социального неравенства, занимающую центральное место в гендерных исследованиях. К тем немногим обществам, которые сумели встать на ступень гендерного равноправия, была отнесена Швеция. Ее опыт рассматривался как полезный для России, стоящей на пути демократических преобразований.

Сообщение на тему «Репрезентация гендерных отношений в современных глянцевах гендерно-ориентированных журналах» (Д. Кардакова, Д. Чижкова) отвечало на следующие вопросы: какие гендерные образы репрезентируют современные СМИ (на примере гендерно-ориентированных, иллюстрированных журналов) и какое воздействие они оказывают на гендерную идентичность мужчин и женщин? Были сделаны выводы, что образы «гегемонной, brutальной маскулинности» и «покорной, желанной женственности» по-прежнему преобладают на страницах глянцевах журналов. Навязывая патриархатные традиции, СМИ оказываются не только проводником гендерной дискриминации, но и источником возможных психологических конфликтов в процессе нормальной идентификации современных мужчин и женщин.

Внимание всех участников круглого стола привлек доклад о таком социокультурном феномене, как андрогинность (П. Тимофеева, Е. Шишлова). Приведенные фактические данные о востребованности андрогинности в искусстве (классическом и постклассическом), о роли ее в межличностных и политических коммуникациях убедили в актуальности специального научного исследования этого феномена и более активного использования его потенциала в практике. Авторы связали потенциал андрогинности с двойственностью природы человека, с биполярностью и одновременно целостностью

Шишлова Екатерина Эдуардовна – к.пед.н., доцент кафедры философии, заведующая учебно-исследовательской социологической лабораторией факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

двух его ипостасей: мужской и женской. Были рассмотрены преимущества андрогинности как социально-психологической характеристики, способствующей психологическому комфорту и успешности деятельности индивида, а также гармонизации отношений в социуме.

Студенты факультета МЭО выступили с докладом «Гендерная политика в экономике» (Ю.Баранова, А. Кузовков). Особое внимание уделили анализу гендерных аспектов менеджмента, что обусловлено динамичным проникновением женщин в управление экономикой, появлением новой социальной прослойки «деловых женщин». Приведенные статистические данные подтвердили выраженность этих процессов в развитых странах, а также существование их в России. С учетом особенностей мужской и женской психологии были проанализированы гендерные отличия и преимущества в управленческой деятельности. Докладчики указали на неправомерность сведения функций женщины-руководителя к одной из двух существующих моделей – «железная леди» или «старшая сестра». Примеры различных вариантов сочетания этих моделей, имеющих место в реальной практике, позволяют говорить о необходимости более гибкой и демократичной гендерной политики в экономической сфере.

Студенты факультета МП представили результаты сравнительного анализа вопросов правового регулирования гендерных и ЛГБТ-движений в ряде стран: в России, Белоруссии, Украине (И. Костецкий, А.Учаева); в Тайване, Китае, Японии (А.Сало, К. Таран); в Великобритании, Германии и США (Г. Перекрест, М. Селиванова). Докладчики затронули актуальную для сегодняшнего дня проблему интеграции групп сексуальных меньшинств в общество на паритетных началах. Обсуждался правовой опыт различных стран в решении этого вопроса, обусловленный как социокультурными традициями так и международными документами о гендерном равенстве и механизмах его реализации. Для России может быть полезно изучение достижений достаточно развитой в данной сфере правовой системы западных государств, а также либеральных традиций в отношении лиц с нетрадиционной ориентацией, существующих в некоторых восточных странах.

Иностранные студенты факультета МО с большим энтузиазмом и желанием рассказали о гендерной ситуации в своих странах. Информация из «первых уст» вызвала особый инте-

рес у слушателей. Участниками мероприятия были представители государств: КНДР (Ким Тен Сем, Пак Чин Сен); Южной Кореи (До Мин Джи, Ким Ши Хен); Кыргызстана (Жылдыз Акматова); Польши (Павел Хамот); Сербии (Филип Лазаревич, Стефан Юлович); Словении (Стргар Тилен), Китая (Ань Ань); Казахстана (Валентин Томасевич); Афганистана (Хан Мохд Самим); Узбекистана (Джамал Рузимов, Искандер Курбанов); Монголии (Оюунт Эрдэнэбат). Все выступающие отметили, что в последние десятилетия роль женщины в различных сферах социальной жизни укрепилась и стала более значительной. Этому способствует и новый приоритет в международной политике ряда стран – членство в ЕС, условием которого является урегулирование гендерной проблематики на национальном уровне. Вместе с тем приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что в большинстве развивающихся стран сохраняется определенный уровень дискриминации женщин, прежде всего в политической и экономической сферах. Наблюдается несоответствие между декларируемым и реальным равенством. Обсуждались и проблемы мужчин в связи с изменением их ролей и позиций в социуме и семье.

Участники круглого стола единодушно пришли к выводу, что тенденция трансформации традиционных гендерных ценностей носит глобальный характер и распространяется на общества и государства с различными национальными, культурными и географическими особенностями. Глобальный вектор гендерной трансформации означает не стирание различий между мужчинами и женщинами, а отказ от гендерной иерархии и неравенства возможностей. В основе – убежденность в том, что чем более равномерно распределены власть и влияние в обществе между мужчинами и женщинами, тем это общество демократичнее и прогрессивнее. Представляется, что проведенное в МГИМО(У) мероприятие с участием российских и иностранных студентов послужило эффективной площадкой для обсуждения глобальных инновационных проблем и поиска их решения применительно к России. С текстами выступлений и презентациями можно ознакомиться в учебно-исследовательской социологической лаборатории Центра инновационных форм обучения Факультета международной журналистики (каб. 3180 В).

Shishlova E.Э. Gender and Politics: Paradoxes of Modernization.